Сов. археология
XI
№ 1, 1949

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
чл.-корр. АН СССР В. И. Равдоникас
Редакционная коллегия: М. И. Артамонов, С. Н. Замятин, С. В. Киселев, Т. Н. Книпович, В. А. Миханкова (ответственный секретарь), А. Ю. Якубовский

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

В. И. Равдоникас. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.) 5

М. К. Каргер. Киев и монгольское завоевание. 55

П. И. Борисковский. Древнепалеолитические местонахождения Среднего Поднестровья. 103

П. П. Ефименко. Из материалов палеолитического поселения Костенки I. Землянка А. 113

С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР 127

С. А. Семенов. Жатвенные кремневые ножи из поздненеолитического поселения Лука-Врублевецкая на Днестре. 151

А. П. Окладников. Древнейшие наскальные изображения Северной Азии. 155

Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. 171

Г. К. Ниорадзе (Тбилиси). Археологические находки в селе Квишари. 185

И. В. Синицын (Саратов). Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. 195

С. И. Макалатия (Тбилиси). Раскопки Дванского могильника. 225

Н. В. Анфимов (Краснодар). К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. 241

С. И. Руденко. Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г. 261

Г. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний северного Причерноморья в эпоху эллинизма. 271

К. В. Тревер. К вопросу об античном храме в Гарни 285

М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. 305

А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тяньшаня. 337

И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. (По материалам полевых исследований 1938, 1940, 1945 и 1946 гг. в бассейне р. Ворсклы) 385

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЮЗР	— Акты юго-западной России.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры им. Н. Я Марра.
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва).
ЖС	— Живая старина.
ЗОО	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИАН	— Известия Академии Наук СССР.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР.
ИЯЛИ	— Институт языка, литературы и истории.
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа.
МАР	— Материалы по археологии России.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии.
ОИФ	— Отделение истории и философии.
ОЛЯ	— Отделение литературы и языка.
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ.
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РАНИОН	— Российская ассоциация научных институтово бщественных наук.
СА	— Советская археология.
СГАИМК	— Сообщения ГАИМК.
СЭ	— Советская этнография.
ТОВЭ	— Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа.
Тр. . . . АС	— Труды I—XV Всероссийских археологических съездов.
ТСАРАНИОН	— Труды Секции археологии РАНИОН.
ФАН	— Филиал Академии Наук.
AM	— Mitteilungen des K. Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.
IosPE	— Inscriptiones orae septentrionales Ponti Euxini.

В. И. РАВДОНИКАС

СТАРАЯ ЛАДОГА

(Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.)[1]

Озеро Ладога! У кого из ленинградцев не дрогнет сердце при упоминании этого географического наименования? У кого из них не связаны с Ладогой совсем недавние глубочайшие переживания, ныне, благодаря героическим победам нашей могучей Советской Армии, ставшие уже историческими воспоминаниями!

Ладога — великое древнее озеро — была «дорогой жизни» для ленинградцев в период варварски жестокой немецко-фашистской блокады Ленинграда и навсегда вошла в историю как один из многих символов непреклонного мужества, моральной стойкости, железной, несокрушимой воли к победе всего советского народа и нашего родного города — Ленинграда.

Но мы не можем, не должны забывать также о том, что и в далеком историческом прошлом седая Ладога видела немало славных, героических подвигов великого русского народа.

Здесь, на заре русской истории, восточное славянство утверждало и защищало право на свою землю, на свою культуру, на свое историческое существование на севере Восточной Европы в борьбе против свеев (шведов), против суми и еми, предков нынешних финнов.

Здесь, на р. Неве, Александр Невский отстоял русскую землю, разгромив в 1240 г. шведскую коалицию, включавшую — кроме шведов — немцев, датчан и других врагов русского народа того времени.

Здесь же, много позднее, Петр Великий снова сокрушил западную угрозу нашей стране и, после взятия Шлиссельбурга, заложил в устье Невы, на берегу Балтики, наш великий город.

Прошлое Ладоги, т. е. Ладожского озера и его побережья, имеет, таким образом, право на самое внимательное и самое тщательное историческое изучение, особенно с нашей стороны, со стороны ленинградцев.

Историко-археологические исследования Ленинградского университета и Института истории материальной культуры АН СССР в Старой Ладоге — одном из важнейших исторических центров побережья Ладожского озера — нам хотелось бы рассматривать как скромный вклад в это большое дело.

---

[1] Часть текста настоящей работы была опубликована на болгарском языке в сборнике докладов советских ученых в Болгарии: В. И. Равдоникас. Археологическита изследования на Ленинградские Университет в Стара Ладога. Трудове на Секцията за славянска археология. Археол. Инст. Българск. Акад. на науките, кн. I. София, 1947.

1. ВВЕДЕНИЕ

Старая Ладога, до 1703 г. просто Ладога, расположена на левом берегу Волхова в 12 км от впадения его в Ладожское озеро. Ныне это небольшой поселок, в далеком прошлом — один из самых древних и значительных русских городов. Ладога фигурирует в числе 10 древнерусских городов уже в первых известиях русской летописи, относящихся к IX в.; она известна ранним скандинавским источникам как весьма важный и самый близкий к Скандинавии город в обширной русской «стране городов» — «Gardariki». Легенды о далеком прошлом Ладоги, хранящие отзвуки каких-то реальных событий, живут в народной памяти и в настоящее время. Так, например каменная крепость Ладоги именуется «Рюриковой крепостью», один из больших курганов — «Олеговой могилой» и т. д.

Имеются серьезные основания утверждать, что город Ладога древнее Новгорода и что даже, скорее всего, как раз именно Ладога и была по отношению к нему тем «старым городом», существование которого заставляет полагать само название «нового города» — Новгорода.

Указания на это мы имеем в известии под 862 г. Ипатьевского списка летописи, где говорится, что три пресловутые брата-князя «. . . придоша к словеном пьрвое и срубиша город Ладогу, и седе старейший в Ладозе Рюрик». Лишь позднее, после смерти Синеуса и Трувора, «прия власть Рюрик всю един. И пришед к Илмерю, сруби город над Влховом и прозваша и Новгород и седе ту».[1]

Приведенные древнейшие летописные известия о Ладоге А. А. Шахматов относил к установленной им гипотетически, но с большой долей вероятности, третьей редакции «Повести временных лет», редакции 1118 г. Это известие, несомненно, происходит из самой Ладоги. Составитель третьей редакции, киево-печерский монах, как думал А. А. Шахматов,[2] или его инспиратор князь Мстислав Владимирович, как полагал М. Д. Приселков,[3] сам был в Ладоге (вероятно в 1114 г.), слышал там и записал различные сообщения ладожан и настолько признал историческую достоверность версии о приоритете, о старшинстве Ладоги над Новгородом, что внес эту версию в летопись, изменив более древний летописный текст. Очевидно мнение о былом первенстве Ладоги над Новгородом, высказанное ладожанами в форме не выдерживающей никакой критики традиционной легенды о Рюрике (это мнение, как увидим, можно было высказать в совсем другой форме), еще в начале XII в. можно было подкрепить вполне убедительной аргументацией.

Археологические данные гораздо более убедительно утверждают значительно бо́льшую древность Ладоги по сравнению с Новгородом. Раскопки, систематически производившиеся в наиболее важных и, скорее всего, в наиболее древних участках территории Новгорода и его окрестностей (на Славне, на Ярославовом Дворище, в двух пунктах в кремле, на Рюриковом городище),[4] до настоящего момента не обнаружили культурных отложений древнее X—XI вв. Между тем, в Ладоге культурный слой своими нижними горизонтами нисходит к VII—VIII вв. Этим древним временем датируются и ранние могильные памятники Ладоги (сопки, грунтовый могильник с сожжениями, открытый в 1938 г.).

Любопытно продолжить наше сравнение далее. В раскрытых до сего времени участках культурного слоя Новгорода основная толща куль-

---

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет. 1916, стр. 20.

[2] Там же, стр. XXXIX.

[3] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Изд. ЛГУ, 1940, стр. 44.

[4] Общий обзор: М. К. Каргер. Основные итоги археологических исследований древнего Новгорода в 1935—1940 гг. СА, IX.

турных отложений приходится на относительно поздние эпохи. Так, в пятиметровом культурном слое кремля $^4/_5$ толщи относятся ко времени XIV в. и позднее, на Ярославовом Дворище в слое общей мощностью 2.90 м на верхние отложения от начала XII в. приходятся 2.25 м, т. е. опять-таки $^4/_5$ всей толщи. Между тем, в Ладоге вся нижняя половина почти трехметровой толщи культурного слоя на земляном городище относится ко времени до начала XI в., от VII—VIII вв. и до X в. включительно.

Получается впечатление, что культурный слой Новгорода только начинает с того, чем заканчивает эта нижняя половина толщи культурного слоя Ладоги. В этом смысле оба города как бы дополняют друг друга, дают два отрезка общей линии исторического развития, более ранний — Ладога, более поздний — Новгород.

Столь ранним для северных русских городов возникновением Ладога была обязана активности восточного славянства и преимуществам своего географического положения. Здесь скрещивались два из важнейших военно-торговых путей Восточной Европы VIII—XI вв.: ось Киевской Руси — великий путь «из варяг в греки» и путь из Ладожского озера через Сясь или Свирь на Волгу, в Великую Болгарию и далее на восток; здесь также проходил третий путь — на север, к Онежскому озеру и Белому морю. Здесь была одна из главных баз раннего продвижения славянства на север в его борьбе с врагами и в освоении северных территорий Восточной Европы — в восточное Приладожье, Прионежье, Заволочье. Не случайно чудесные рассказы «старых мужей» о их хождении из Ладоги в Югру и даже за Самоядь передавались ладожанами еще в самом начале XII в. Здесь находился весьма важный пункт системы путей в глубь Восточной Европы со скандинавского северо-запада, пункт, где происходила перегрузка с морских судов-шнеков на более мелкие ладьи-моноксилы, приспособленные к плаванию по рекам и к сухопутному передвижению через волоки в обход порогов. Устье р. Ладожки, впадающей в Волхов, служило удобной гаванью для судов IX—XII вв., а в городе, в его укрепленной части, находились транзитные склады товаров, поступавших сюда с севера и юга, с востока и запада.

Свое значение важной гавани, важного этапа в торговых сношениях Руси с Западом Ладога сохранила, но уже в меньшей мере, и позднее, — особенно в XIII—XIV вв., в период оживленной торговли Новгорода с Ганзой.

Экономическая роль древнейшей Ладоги, конечно, не ограничивалась ее транзитно-торговым значением. Торг привозными импортными товарами происходил и на месте. Его весьма очевидные следы сохранились в виде частых в Приладожье кладов арабских (VIII—X вв.) и западноевропейских (XI—XII вв.) монет и в виде еще более частых, чрезвычайно многочисленных находок среди инвентаря приладожских курганов X—XI вв. западноевропейских вещей и вещей восточного происхождения.

Местный рынок предполагал и, в свою очередь, вызывал развитие местного ремесла, а экономическое тяготение прилегающих к Ладоге районов, удобная связь с ними сетью впадающих в Ладожское озеро рек — все это способствовало превращению этого пункта в город, в политический и административный центр, объединивший юго-восточное Приладожье и в дальнейшем вошедший в систему пригородов Великого Новгорода как крупнейший центр Вотской и Обонежской пятин, а еще позднее, с конца XV в., ставший местопребыванием московских наместников и воевод.

Вместе с тем Ладога представляла весьма важный укрепленный стратегический пункт и на протяжении почти всей своей истории, до самого

конца XVII в., верно служила своей стране как надежный оплот против иностранной агрессии, как мощное звено обороны северо-западного рубежа земли русской.

Таким образом, Ладога имеет большое и славное историческое прошлое, тесно связанное с историей всего русского народа. Это прошлое Ладоги запечатлелось не в одних письменных документах, но также — и, несомненно, в бóльшей степени — в архитектурных, особенно же в археологических памятниках этого города. Таковы — каменная крепость, заложенная в 1114 г. Павлом, посадником ладожским (один из самых древних памятников русского военного зодчества), Георгиевский и Успенский храмы XII в., храмы XVI—XVII вв., земляное городище, сопки и курганы окрестностей Ладоги.

Но самый главный, поистине выдающийся, научный интерес представляет здесь культурный слой, достигающий в его центральной части 2.5—3 м мощности и простирающийся полосой вдоль берега Волхова на расстояние до 1.5 км. В этом слое отложились — и чем ниже, тем с большей, часто совершенно удивительной сохранностью — многочисленные и разнообразные культурные остатки хозяйственной деятельности, обильный вещевой материал. Раскрывая культурный слой Ладоги, мы в деталях можем изучить процесс возникновения древнерусского северного города и картину его культурного состояния на разных стадиях развития, начиная от VII—VIII вв. Материалов, подобных ладожским, ни по времени, ни по сохранности, пока что не дал нам ни один из древнерусских городов.

Археологические богатства Ладоги и ее района (юго-восточное Приладожье) давно привлекали внимание археологов. Еще в начале XVIII в. раскопки курганов в Ладоге произвел петербургский пастор Толле. В 20-х годах XIX в. большую сопку раскопал здесь известный пропагандист славянских древностей З. Я. Доленго-Ходоковский; в 40-х — 70-х годах эпизодические раскопки курганов Ладоги и Приладожья производили Н. А. Ушаков, В. Прохоров, А. С. Уваров, Д. Европеус. Весьма важны исследования 80-х—90-х годов Н. Е. Бранденбурга, результатом которых явились две известные его монографии «Курганы южного Приладожья» (1895) и «Старая Ладога и ее каменное городище» (1896). В 1906—1912 гг. много приладожских курганов раскопал А. И. Холмогоров, в 1915—1916 гг. и в 1924—1931 гг. — В. И. Равдоникас.

Заслуга начала изучения культурного слоя Ладоги принадлежит Н. И. Репникову, который после разведок 1909—1910 гг. произвел на земляном городище в 1911—1913 гг. систематические раскопки, вскрыв здесь до материка площадь около 400 кв. м. Эти раскопки показали огромную важность культурных отложений Ладоги, но результаты их не были оценены и не были опубликованы, а документация полевых работ в значительной ее части утрачена. Только теперь вышла посмертная публикация общих итогов работ Н. И. Репникова в издании Государственного Музея этнографии.

Археологические исследования в Ладоге в 1938 г. возобновил Ленинградский университет, при этом с очень широкими задачами планомерного, многолетнего изучения памятников Ладоги при сочетании глубокой исследовательской работы с полевой практикой студентов и аспирантов Археологического отделения университета. Эти исследования продолжались с 1938 по 1940 г.; в 1941 г. они были прерваны войной и возобновлены при участии Ленинградского отделения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР в 1945 г. с про-

должением их в 1947 г. В работах принимал участие многочисленный коллектив научных сотрудников (от 5 до 10 ежегодно) и студентов (от 15 до 30 ежегодно). Среди этого коллектива особой активностью выделились: сотрудники — Г. П. Гроздилов (участник руководящей работы в 1938, 1940 и 1947 гг.), Н. Б. Эмлер (1940), А. Н. Юзефович (1939—1940 гг.), Н. Н. Гурина (1945), Г. Ф. Корзухина (1947) и студенты Ю. А. Игнатьев, Е. Г. Григорьев, Ю. Л. Клименко (все трое пали смертью храбрых в Великую Отечественную войну), К. Д. Лаушкин, С. Н. Орлов и многие другие.

Важнейшие итоги этих исследований в Ладоге и являются содержанием настоящей работы.

2. СТРАТИГРАФИЯ ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА

Главным объектом наших исследований был и, конечно, очень долго будет культурный слой Ладоги, скрывающий огромные возможности

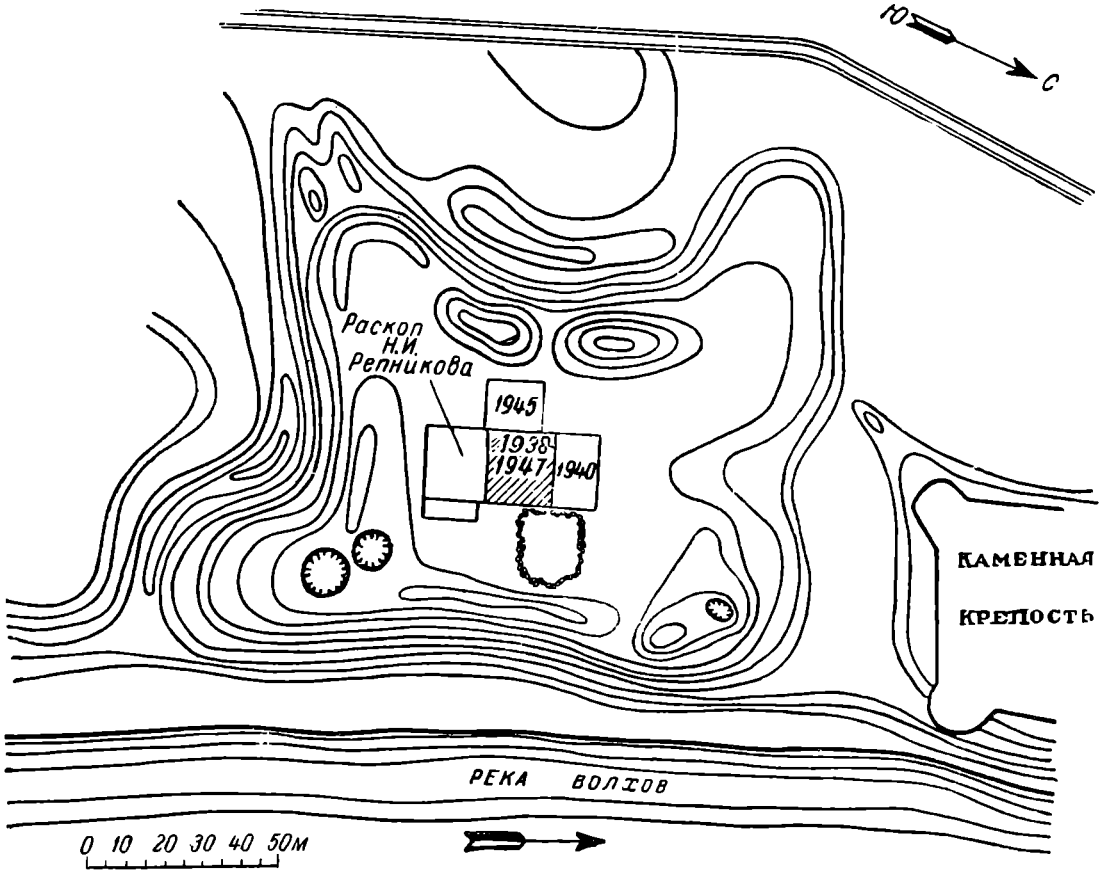


Рис. 1 Схематический глазомерный план городища Старой Ладоги с показанием места раскопок.

для решения задач изучения генезиса Ладоги, ее экономической и культурной истории в древнейшие эпохи. Раскрытие культурных напластований мы начали с земляного городища, пока наиболее разведанного участка Ладоги, где толща культурного слоя достигает, повидимому, максимальной мощности.

Земляное городище (рис. 1) расположено на левом берегу Волхова, через балку, к югу от каменной крепости. Оно окружено относительно поздними (XV—XVI вв.) валами с бастионами и рвом и занимает вместе с валами площадь около 140 × 150 м. В прибрежной части городища

наблюдаются ямы и провалы, образовавшиеся в результате добычи здесь кварцевого песка подкопами со стороны берега. Это наименее сохранившаяся часть городища, где, как показал наш побочный раскоп 1938 г., наблюдается смещенная стратиграфия слоев. В северо-восточной части городища находятся развалины храма Климента (XII в., заложен

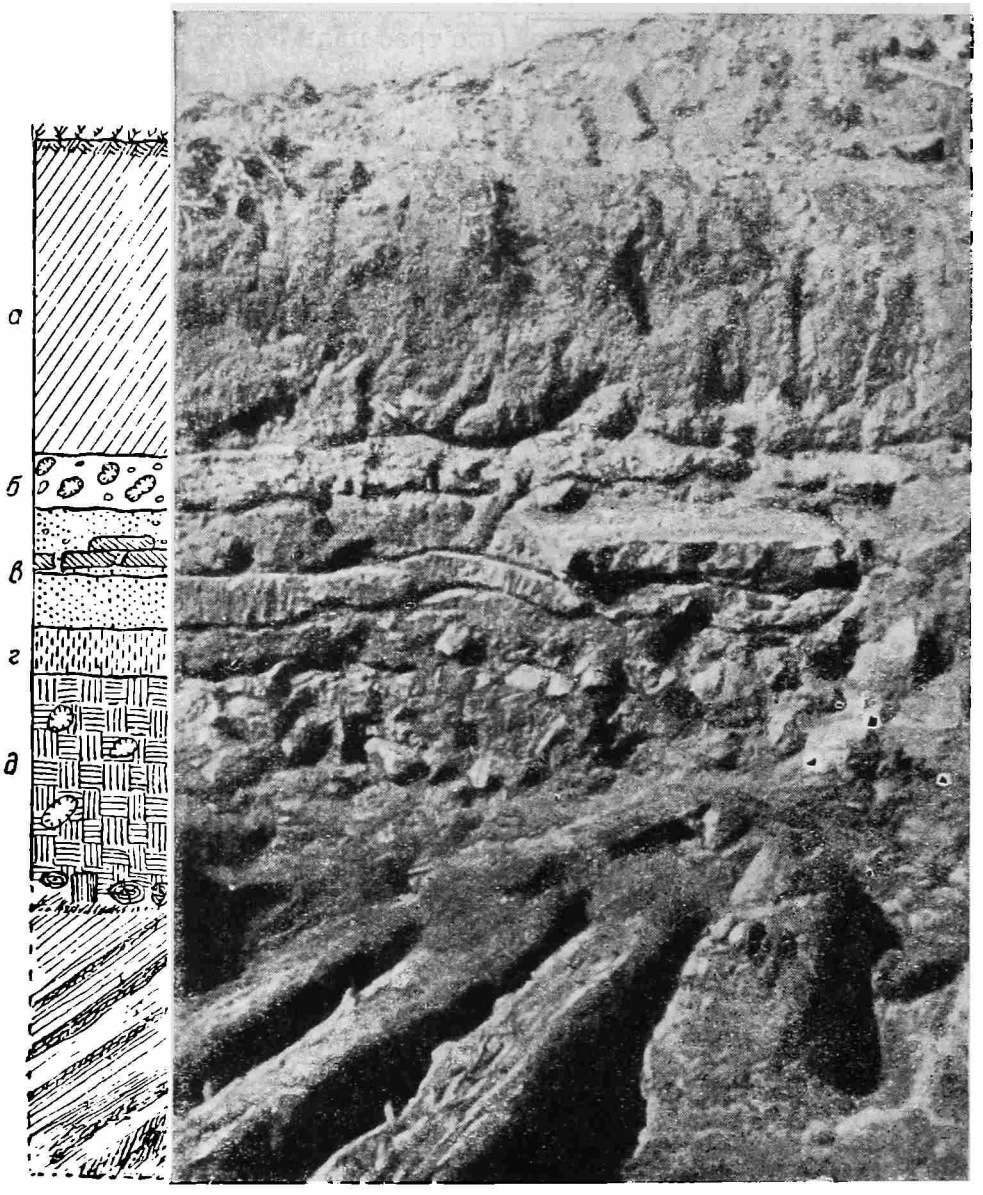


Рис. 2. Разрез культурных напластований до горизонта *д*.

в 1153 г. новгородским архиепископом Нифонтом).[1] К началу наших работ бóльшая часть площади городища, за исключением места развалин «Климента» и залитого водой раскопа Н. И. Репникова, была занята огородами.

После разведочных поисков мы остановили свой выбор места для раскопок на участке, прилегающем с севера к раскопу Н. И. Репникова, а с запада — к развалинам «Климента». В 1938 г. здесь было вскрыто 240 кв. м, в 1939—1940 гг. — еще 400 кв. м и в 1945 г. — 240 кв. м, всего

[1] В дальнейшем изложении этот памятник будет именоваться «Климент».

880 кв. м с доведением раскопок до глубины около 1.53 м—1.80 м от поверхности, а хронологически—до горизонта X в. включительно. Предполагалось в ближайшие годы расширить площадь раскопок, пока не углубляясь ниже указанного горизонта, но исключительная важность в настоящий момент дискуссионной проблемы культурной истории восточного славянства до IX—X вв. заставила нас отступить от этого плана, и в 1947 г. мы вскрыли на южном участке раскопа 1938—1939 гг. площадью в 360 кв. м всю нижнюю толщу культурного слоя до материка.

Сопоставление и обобщение разрезов на вскрытой площади дают следующую (рис. 2 и 3) картину стратиграфии (для простоты высотные отметки показаны от поверхности).

Горизонт *а*: от 0 до 0.10—0.20 м на В и от 0 до 0.30—0.40 м на З—слой перекопанной огородной земли (в восточных квадратах над массивами строительного мусора и развалом стены «Климента» тонкий дерновый слой) с некоторой примесью строительного мусора.

Горизонт *б*: от 0.10—0.20 до 1.00 м на В и от 0.30—0.40 до 0.50—0.60 м на З—слой строительного мусора и обломков кирпича. Ко времени образования данного слоя относится и весь развал западной стены «Климента». В слое об-

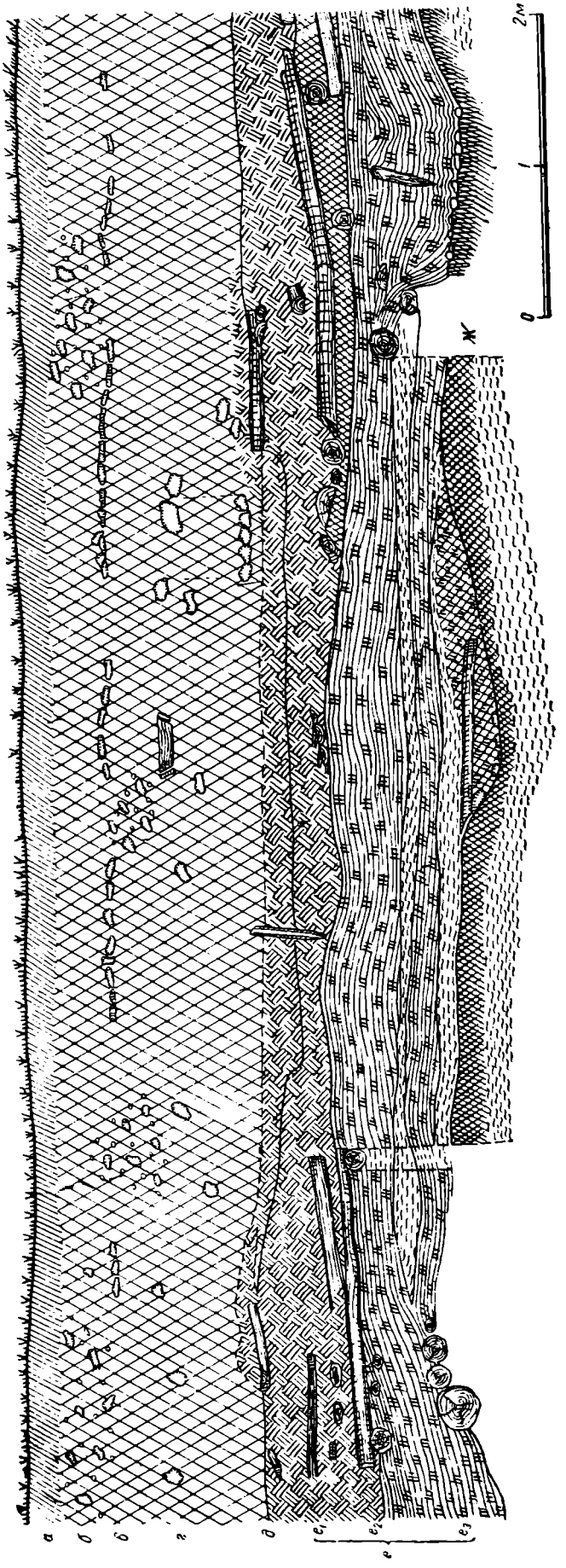


Рис. 3. Разрез по западному краю раскопа до материка.

наружены многочисленные погребения, датируемые, по вещевым находкам и стратиграфически, XVII—XVIII вв. Эти погребения во многих случаях прорезали нижележащую вымостку (горизонт *в*), но ни в одном случае не перекрывались ею.

Горизонт *в*: на уровне 0.50—1.00 м шел горизонт вымостки и подстилающего ее привозного песка, местами прорезанный погребениями XVII—XVIII вв.

Горизонт *г*: ниже 0.50—1.00 м, т. е. под вымосткой, залегал гумусный культурный слой аморфной структуры с плохо сохранившимися остатками сооружений, перекрывающими костяки ранних погребений XI—XII вв., с массовыми находками XIII—XV вв.

Горизонт *д*: на глубине 1.00—1.30 м гумусный слой принимает слоистый характер и в нем выступают хорошо сохранившиеся остатки деревянных построек, датируемых, по находкам, X в. Эти остатки или перекрываются, или прорезаются ранними погребениями XI—XII вв.

Горизонт *е*: от глубины 1.20—1.50 м до материка продолжается тот же гумусный слой и с теми же включениями. Но в этой нижней толще залегают остатки построек, по своему типу резко отличающиеся от горизонта *д*.

Горизонт *ж*: на глубине 2.30—2.50 м — слой древней болотно-луговой почвы со включениями вивианита, а под ним подпочва — светлый суглинок (материк).

Подробная характеристика горизонтов нижней толщи культурного слоя (*е*) будет дана в следующем томе «Советской археологии».

В настоящем изложении мы не будем останавливаться на характеристике остатков в верхних горизонтах, несмотря на их большой исторический интерес. Некоторое представление о них можно составить по информации в «Кратких сообщениях ИИМК» (вып. XI, стр. 30 и сл.). В дополнение надо указать, что в 1945 г. в горизонте XVII в. были обнаружены относительно хорошо сохранившиеся остатки сгоревшей деревянной избы с настилом пола и печью-каменкой (рис. 4).

Перейдем прямо к нижним горизонтам слоя.

3. ГОРИЗОНТ *д*. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Ниже горизонта *г* гумусный культурный слой в ненарушенных местах носит характер слоистости, явившейся результатом отложения различных отбросов и остатков при жилье: угольно-зольных выкидов, перегнившей щепы, песчаных или глинистых прослоек, скоплений органических остатков, т. е. костей животных, чешуи и костей рыб, экскрементов, навоза от скота, соломы, половы и т. д. Местами пласты навоза в этом горизонте достигают значительной толщины, до 0.30—0.40 м и даже больше.

В этом слоистом (что указывает на его ненарушенность) горизонте на всей площади раскопа залегают остатки деревянных построек, которые начинаются примерно на одном и том же уровне (1.00—1.20 м от поверхности) и уходят вглубь. Дерево в момент его раскрытия имеет здесь, хотя и не везде, хорошую сохранность, но, полежав некоторое время под открытым небом на сухом воздухе, быстро пересыхает и расщепляется на отслаивающиеся, коробящиеся и свертывающиеся волокна, что заставляло нас работать по фиксации деревянных построек возможно более быстрыми темпами и прибегать к покрытию расчищенных комплексов брезентом, свежей травой, ветвями кустарника или соломой. В основной своей массе остатки построек не подверглись позднейшим смещениям и разрушениям. Лишь местами они пострадали от новейших хозяйственных работ (отмечаем две особо неприятных траншеи в северной

части раскопа на границе квадратов B_8B_9—E_8E_9, рис. 5) и, особенно, от могильных ям, которые причинили больше всего разрушений в северо-восточной части раскопа, т. е. у северо-западного угла «Климента», где захоронения производились чаще и в течение более продолжительного времени, чем в других местах раскопанной площади. Как правило, основания построек залегали in situ, что дает возможность с достоверностью восстановить планы для огромного большинства раскрытых комплексов,

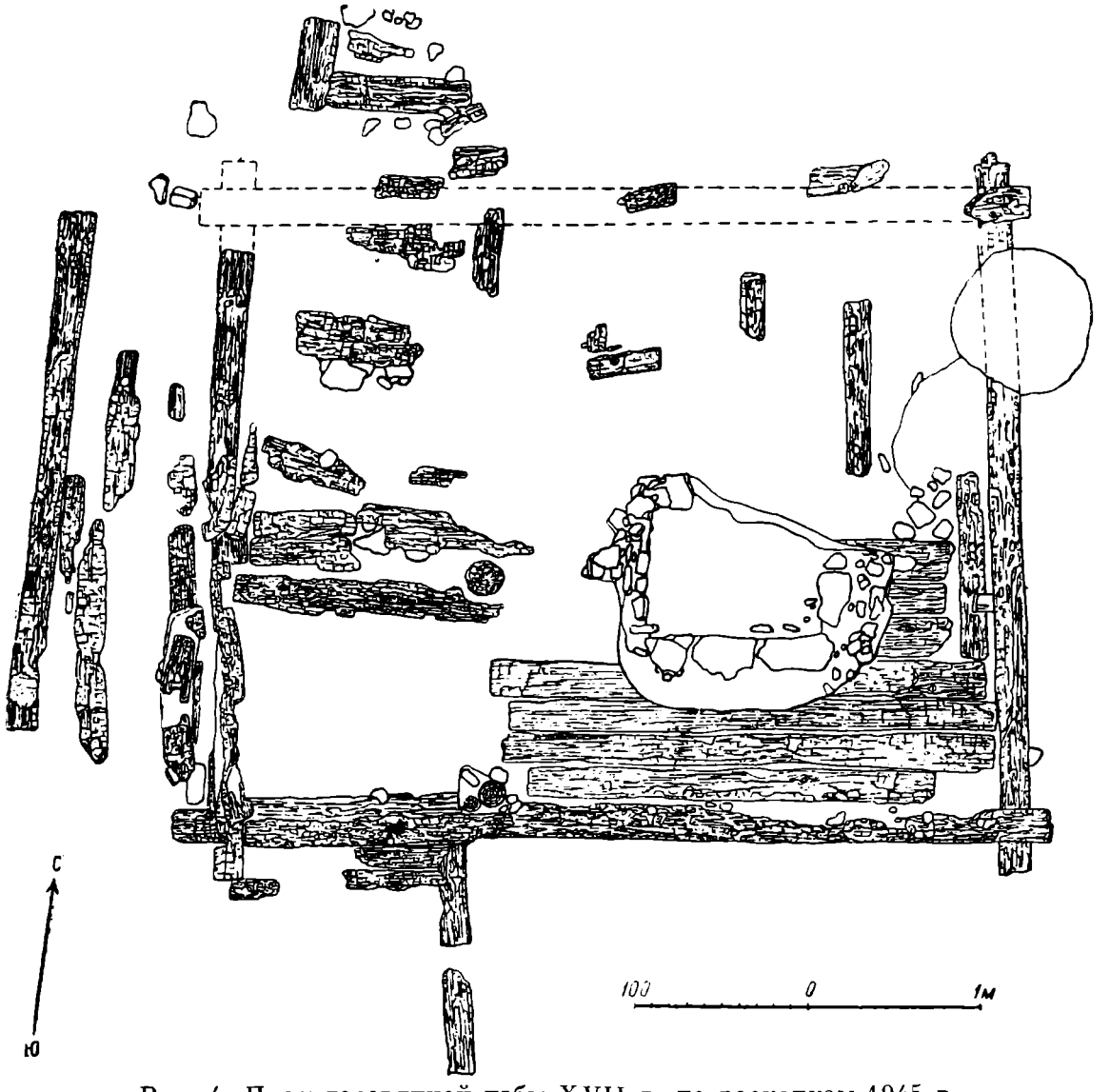


Рис. 4 План деревянной избы XVII в. по раскопкам 1945 г.

а тщательное изучение сохранившихся деталей и элементов деструкции допускает и гораздо более полную реконструкцию.

При первом взгляде на генеральный план раскрытых нами комплексов горизонта *д*, а тем более на самые комплексы в натуре непосредственно после их раскрытия, создается впечатление сложности и запутанности общей картины. Куда ни оглянись — везде дерево, везде бревна, плахи, жерди и доски, чередующиеся с кучами камней, иногда находящиеся в несогласном залегании, а иногда образующие как бы беспорядочные, хаотические груды.

Эта запутанность общего плана объясняется, во-первых, тем, что занесенные на него нагромождения продуктов разрушения действительно нередко маскируют основные линии планов отдельных комплексов и кар-

тину общей планировки участка города; во-вторых, и это главное, запутанность объясняется тем, что на общем плане представлены остатки построек, хотя и относящихся к одному историческому периоду, но все же хронологически разновременных. Деревянные постройки разрушались; в особенности легко и быстро они гибли от пожаров. На месте развалившихся или, что было еще чаще, сгоревших построек производилась новая стройка, это за 100—150 лет могло повторяться неоднократно. В земле, даже в пределах одного горизонта, сохранились остатки разных стадий строительства, и фиксация их на одном плане не может не вносить сложности и пестроты в общую картину.

Так, в южной части раскопа, к ЮЮВ от линии $А_0Л_0$ (три ряда квадратов), где мы углубились несколько ниже, чем на остальной раскрытой нами площади, под жилыми комплексами открылись остатки вовсе несогласных с ними различных построек, в том числе какого-то резко выделяющегося из других большого сооружения, лежавшие на глубине от Р[1] на 0.80—1.20 м. Ясно, что нижние постройки хронологически предшествуют верхним; изучить их можно только после снятия остатков верхних построек. Ввиду этого мы в 1938—1945 гг. старались нигде не углублять раскопа ниже, чем это достаточно для полного изучения планов и разрезов самых верхних построек данного горизонта X в.

Но остатки даже и этих, самых верхних построек горизонта не везде относятся к одному и тому же времени. Например, жилой комплекс в квадратах $Б_1Д_1$ — $Б_2Д_2$ сначала предстал перед нами в виде досчатого настила пола, без признаков обгорания настила, лежавшего на продольных балках (подмостках) и окруженного срубом. По снятии этого настила, непосредственно под ним в процессе дальнейшей расчистки обнаружилась любопытная картина пожарища стоявшей здесь несколько более ранней постройки и, одновременно, явных следов подготовки для строительства нового дома. Здесь лежала часть упавшей во время пожара северной стены постройки, причем бревна сильно обгорели снизу, т. е. изнутри (стена обрушилась внутрь горящего дома); мы находили части обгоревшего пола (доски и балки), горелые доски от потолка или крыши и т. д. Под этими остатками оказались раздавленные горшки и другие вещи; в одном месте лежало ожерелье из 580 бус.

Вероятно сразу же после пожара пожарище было частично разобрано, засыпано землей, перемешанной с углем и золой, а сверху и щепой, очевидно, от новой постройки, так что щепа легла под настил нового пола, и на этом месте был выстроен новый дом. Подобные случаи строительства непосредственно на остатках погибшей более ранней постройки наблюдались и в других местах раскопа (например комплекс в квадратах $Г_3Г_5$—$Е_3Е_5$ и к С от линии $Б_{II}$ $Г_{II}$). Такие единые на первый взгляд комплексы на самом деле заключали в себе остатки хотя и весьма близких по времени, но все же разных стадий строительства.

Исследуя остатки построек разного времени, мы стремились возможно точнее расчленить их, составляя аналитические планы и разрезы, а затем установить одновременные комплексы, без чего невозможно выяснить реальную конкретно-историческую картину планировки поселения. Включение в реконструкцию остатков построек разного времени, вполне понятно, приводит к фикции вместо познания подлинной исторической действительности.

Расчленение или анализ и синхронизация комплексов требует большого внимания и весьма точных наблюдений. Особенно необходима при раскрытии деревянных построек скрупулезная нивеллировка с отмет-

[1] Р — репер, на глубине 0.60 м от поверхности восточной границы раскопа.

Рис. 5. Общий генеральный план деревянных построек, открытых в горизонте *д* на участке раскопа 1933—1940 гг.

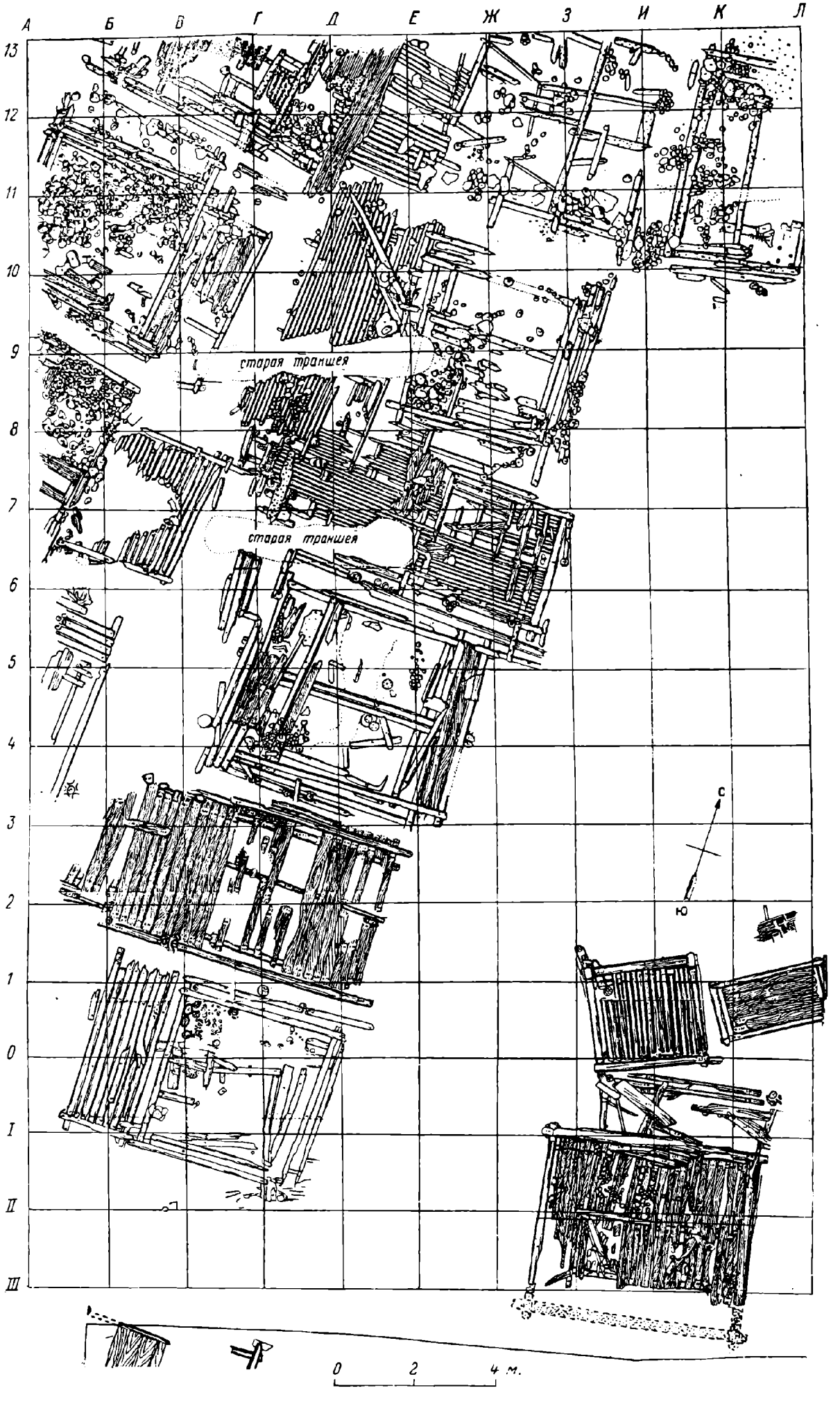


Рис. 6. Планировка синхроничных построек из горизонта *д* на участке раскопа 1933—1940 гг. после удаления позднейших построек и случайных развалов.

ками от репера для каждого бревна и для каждой доски, при этом в их различных точках.

Проделав такую аналитическую работу и устранив из чертежей нагромождения продуктов разрушения, мы в итоге получили довольно ясные общие планы, с отчетливыми контурами комплексов, допускающими ориентировку в планировке поселения (рис. 6). При этом выяснилось, что для самых верхних построек и генеральный план в общем передает действительную планировку, так как новые постройки в это относительно короткое время сооружались обычно почти в точности на месте старых, сгоревших или развалившихся, воспроизводя их размеры и конструктивные особенности. Всего на раскопе в данном горизонте нами было раскрыто полностью 8 комплексов ясно выраженных жилых домов и частично 4 таких же комплекса, уходивших в стенки раскопа, всего 12 жилых комплексов, а кроме того 4 комплекса обособленных хозяйственных построек (хлева и клети, или житницы) и ряд настилов от прилегающих к избам сеней или крытых дворов.

Подробное описание каждого из раскрытых комплексов с их окружением и всего содержания культурного слоя в горизонте уместно в обширной монографии. Здесь же мы перейдем к некоторым наиболее важным выводам, привлекая описательные данные по мере надобности.

4. ТИПЫ ДЕРЕВЯННЫХ ПОСТРОЕК X в. И ИХ АНАЛОГИИ

Жилые постройки

Установление господствующего типа древнерусской северной деревянной избы X в. мы считаем одним из самых главных результатов исследования горизонта *д*. До сих пор археология располагала лишь весьма отрывочным, можно сказать более чем скудным материалом, исключающим возможность сколько-нибудь надежных суждений по этому важному для истории русской культуры вопросу. Между тем, мы имеем теперь до 12 хорошо сохранившихся и детально нами изученных жилых комплексов этого времени. К ним можно, кроме того, присоединить не менее двух комплексов из раскопок Н. И. Репникова, которые, однако, ввиду отсутствия частных планов и разрезов, а также описаний, трудно было бы использовать, но после наших работ, в свете наших данных, и эти комплексы могут быть с пользой учтены для общих заключений (см. рис. 28).

При изучении всего собранного по жилым комплексам материала сразу же выступили их общие, повторяющиеся закономерные признаки, позволяющие восстановить не случайные, а действительно типовые особенности жилых деревянных построек X в. Данные учета таких основных признаков по 10 наиболее полно и отчетливо выраженным комплексам мы и перечислим.

В 9 случаях жилые постройки в плане имели квадратную форму, лишь одна из них, находившаяся в квадратах $Б_1Д_1$—$Б_2Д_2$, имела вытянутопрямоугольные, хотя и не вполне четкие очертания плана (рис. 14 и 15). Следовательно, основной, господствующей типовой формой обычного жилого дома был квадратный в плане сруб.

Длина стен измерялась по наружному краю подруба, т. е. нижнего венца срубов, между внешними углами. Для квадратных построек она колеблется в небольших пределах: от 3.7—3.9 м (постройка в квадратах $Е_8Е_9$—$Ж_8Ж_9$) до 5.5—6 м (южный комплекс Н. И. Репникова). Средняя длина стены квадратной постройки равна 4.5—5 м (2—2.5 сажени).

Стены возводились из обычных венцов, бревна рубились в обло, концы бревен выдавались по наружным углам до 30 см. В трех случаях

под стены были подложены известняковые плиты (надо заметить, что раскрытые нами постройки, за исключением раскопа 1947 г., еще не сняты с места, — возможно обнаружение каменных подкладок и в других случаях). Северный жилой комплекс из раскопа Н. И. Репникова лежал на сплошной подкладке из плит и камней, носившей характер легкого

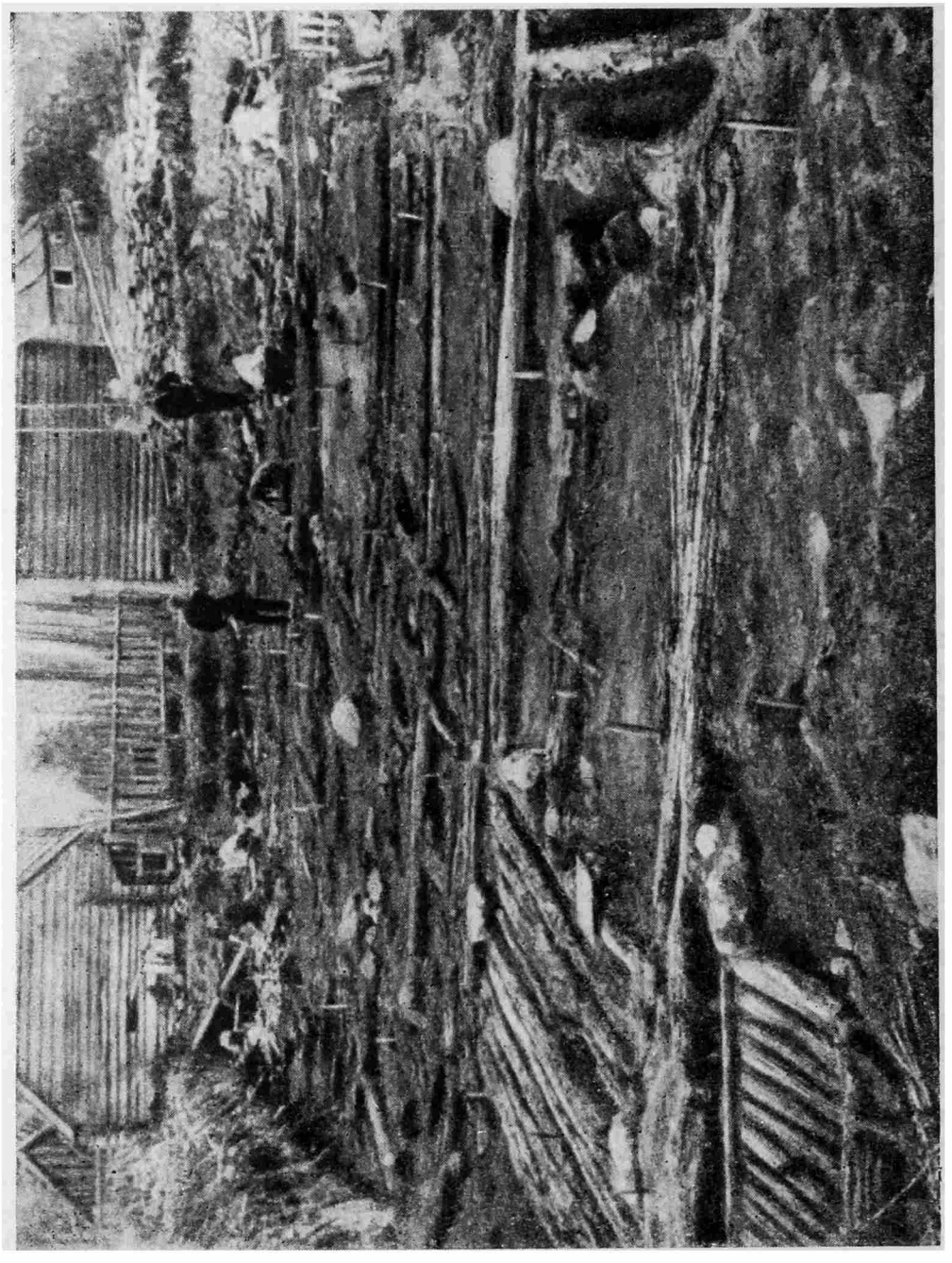


Рис. 7. Общий вид деревянных построек X в. из горизонта *д*.

фундамента (см. рис. 28). Куски глиняной обмазки, сохранившие форму пазов стен, а иногда и закопченность, были обычным явлением в большинстве раскрытых нами комплексов. Следовательно, стены конопатились изнутри или снаружи, кроме того по пазам обмазывались глиной.

При изучении планов in situ и развалов комплексов выяснилось любопытное обстоятельство. Основные срубы построек часто (по крайней мере в 5 случаях) были с трех сторон как бы окружены дополнительными и, что в данном случае особенно важно, более длинными бревнами, иногда

лежавшими на месте, иногда отвалившимися; иногда рядом с ними находились остатки вкопанных столбов. Расстояние от внешнего края срубов домов до внешнего края таких дополнительных бревен, где они прослеживались, достигало 0.40—0.50 м. По задним фасадам такие внешние бревна в данном горизонте обычно не наблюдались. Полагаем, что это

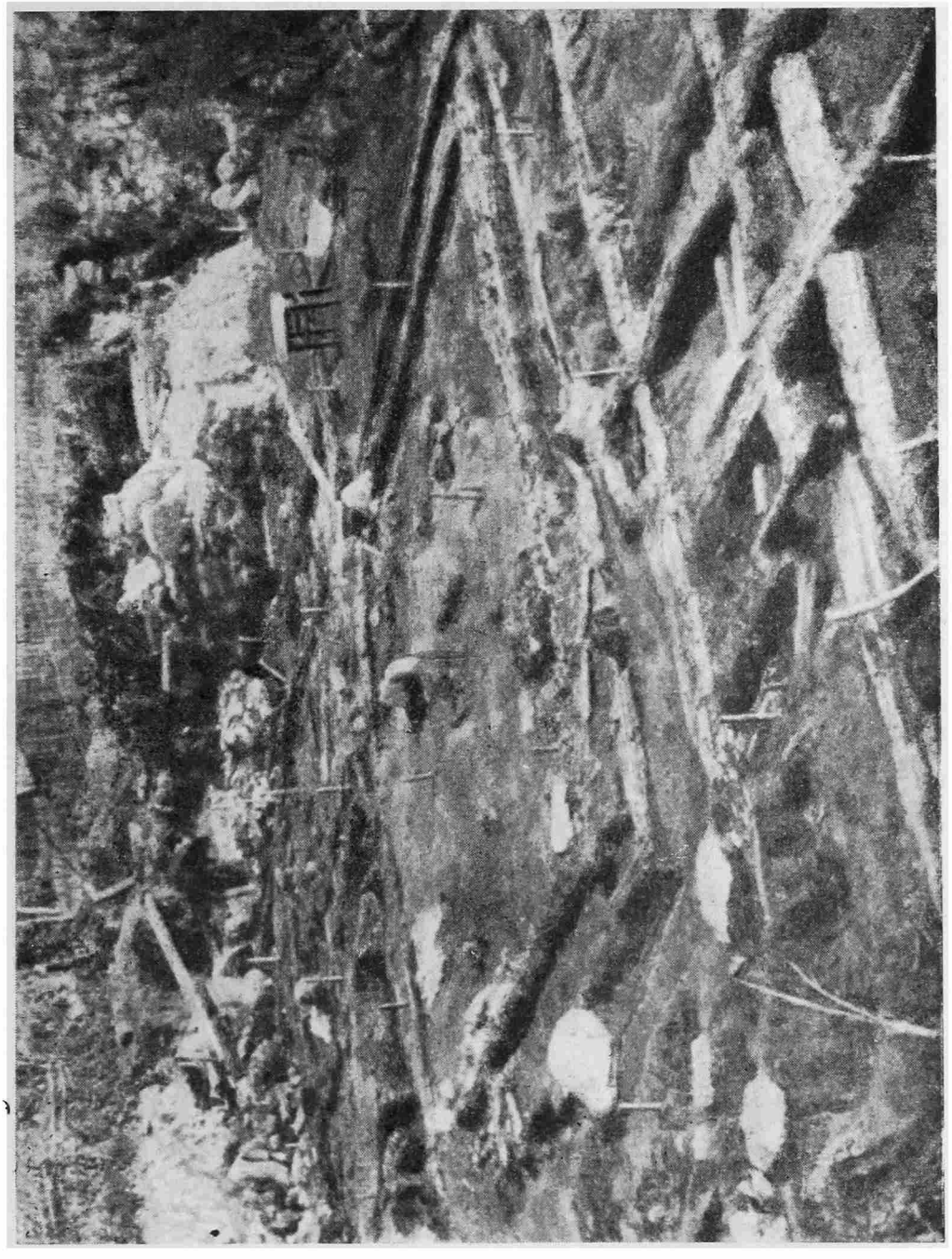


Рис. 8. Жилая постройка из горизонта *д*, открытая на квадратах $Г_4Д_4Е_4$.

остатки завалин, сооружавшихся из бревен (тес, т. е. доски, в это время был дорогим материалом, и выгоднее было для подобных целей использовать целые бревна, чем раскалывать их топором и затем обтесывать) и засыпавшихся внутри землей. Как известно, завалина, или призьба, — традиционная особенность русской избы, совершенно необходимая в северной полосе для ограждения жилья от сырости и холода и в то же время служившая для сидения на улице во время бесед. Если теперь материалами для завалин служат обычно жерди, доски, плетенка и т. п.

легкий материал, то сооружение завалин и из бревен во всяком случае известно этнографии.

Об устройстве покрытия домов у нас пока немного данных, все же они имеются. В пожарищах и среди развалов мы неоднократно находили лежащие над полом в беспорядке доски и бревна. Такие доски могли быть только от потолка и крыши. Что касается бревен, то в отдельных

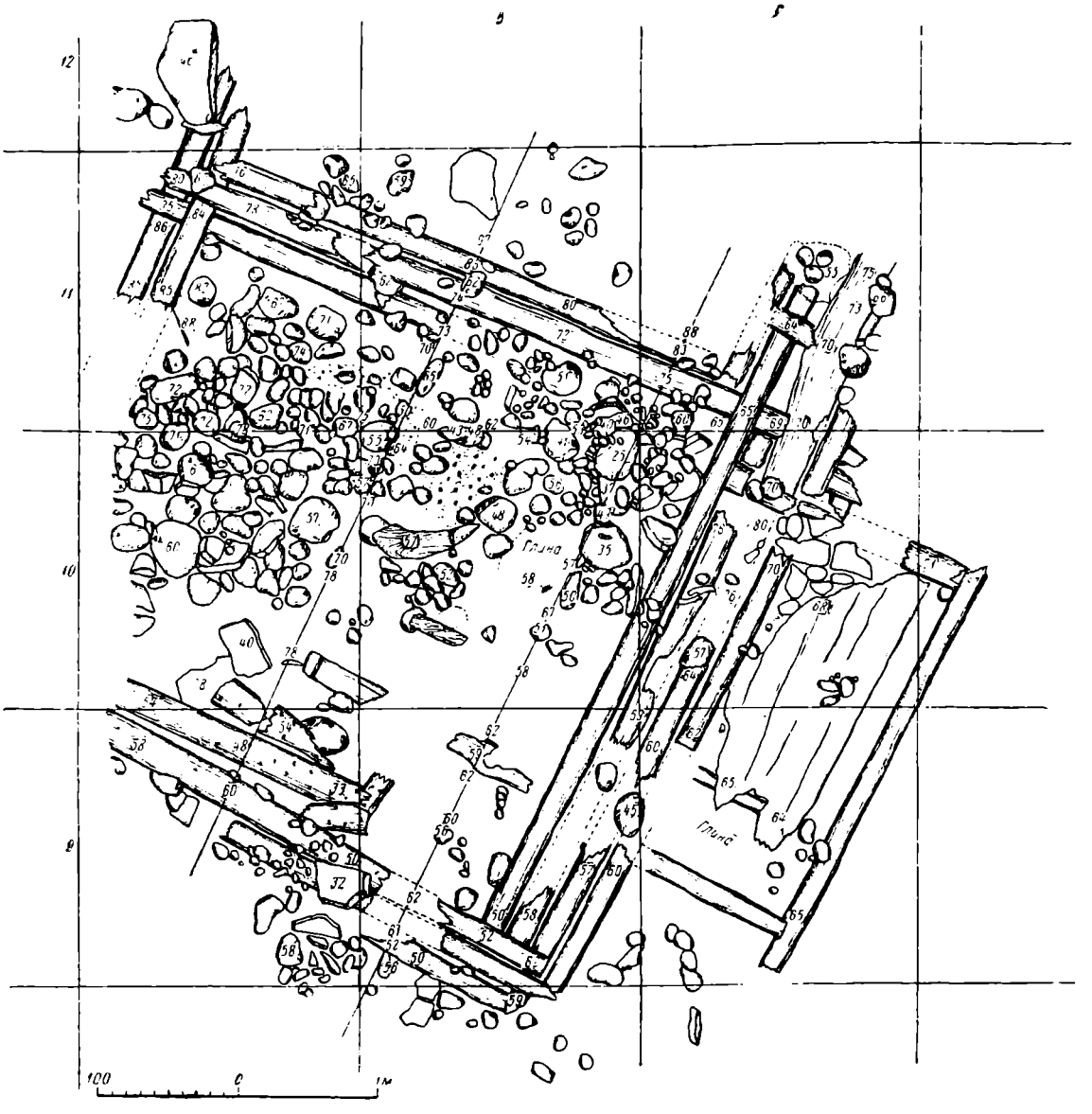


Рис. 9. План постройки из горизонта *д*, открытой в северо-западном секторе раскопа (первый этап расчистки).

случаях, особенно в комплексе пожарища, находившегося к С от линии $Б_1Д_1$, с большой долей вероятности можно видеть в этих бревнах остатки стропил, слег и потолочных балок — матиц. В развале комплекса, находившемся в квадратах $Г_3Г_5$—$Е_3Е_5$, был найден сделанный из корневища дерева брус с концом в виде крюка. Это явная «курица», хорошо известная по русским избам. Подобные «курицы» прикрепляются к слегам или стропилам и служат для укрепления гнетов, причелин и водосточных желобов на крыше. В двух случаях нами были встречены остатки тесаных досок с круглыми сверлинами, возможно служивших причелинами.

Таким образом, можно полагать, что крыши на ладожских постройках X в. были двускатные и поддерживались стропильной конструкцией. Покрытие было тесовым, но также, возможно, и соломенным. В частности, «курицы» могли служить и для поддержки гнетов именно соломенных крыш.

Неполнота имеющихся данных по перекрытию заставит нас при дальнейших раскопках обратить сугубое внимание на эту сторону дела, т. е. на тщательное собирание и изучение на месте даже самых мелких соответствующих остатков.

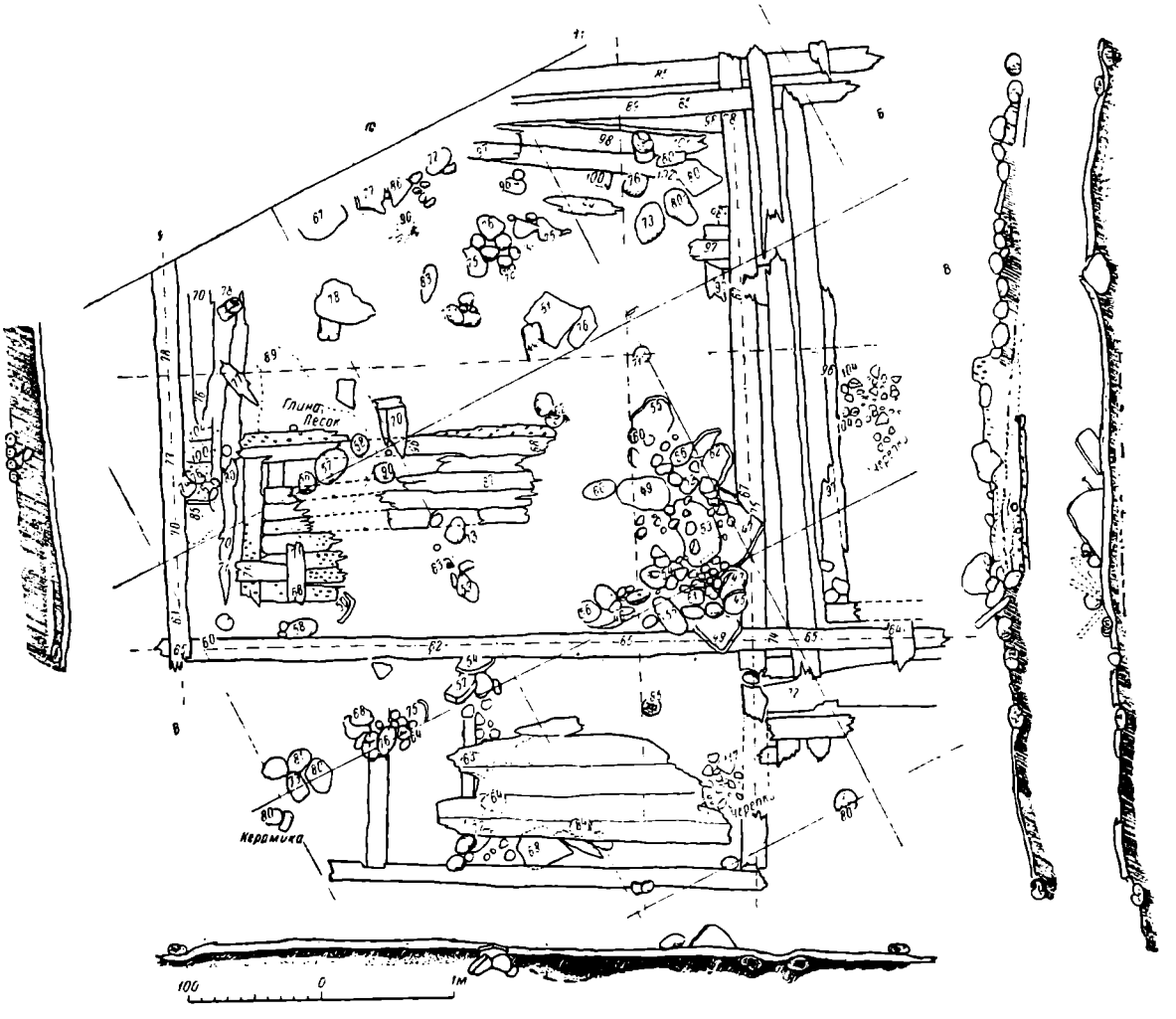


Рис. 10. План и разрезы постройки из горизонта *д*, открытой в северо-западном секторе раскопа (второй этап расчистки).

Устройство пола выясняется гораздо лучше. Установлены два типа полов: 1) земляной или глиняный («ток») и 2) досчатый («помост», рис. 14). Земляной пол с присыпками песку и наличием глины обнаружен в трех случаях. В комплексе в квадратах $Г_3Г_5$—$Е_3Е_5$ он имел характер уплотненного затвердевшего глиняного слоя. Более типичен досчатый пол (5 случаев). Он настилался из тесовых досок-половиц перпендикулярно или параллельно переднему фасаду на балках или подмостах-лагах (обычно три балки в постройке). Балки в середине поддерживались столбиками-стояками. Концы половиц вгонялись в пазы сруба.

В комплексах с деревянным полом установлено наличие невысокого подполья (3 случая), хотя это требует проверки. В комплексе в квадратах

$Е_8Е_9$—$Ж_8Ж_9$ оказалось углубление в землю ниже сруба на 0.20 с дном, выстланным берестой; поверх бересты лежали камни, обломки дерева, керамика и другие вещи. В комплексе в квадратах $З_{II}З_{III}$ — $И_{II}И_{III}$ под полом открылись остатки какого-то секционированного сооружения из бревен, причем в секциях были обнаружены зерна. Наконец, в удлиненном комплексе в квадратах $Б_1Б_3$—$Д_1Д_2$ под полом находились спланированные остатки пожарища, о которых уже говорилось выше.

Исследованиями 1940 г., вообще много давшими для понимания устройства жилищ, было выяснено устройство печей, лучше всего сохра-

Рис. 11. Основание сеней-хлева X в. с деревянным настилом пола.

нившихся в двух северных комплексах в квадратах $А_9А_{12}$—$В_9В_{12}$ (рис. 9 и 10) и в квадратах $Е_8Е_9$—$Ж_8Ж_9$, но представленных развалами камней и в ряде других построек (всего 7 случаев). Это были печи-каменки, сложенные из крупных и мелких валунов и известняковых плит на субструкции из песка. В комплексе в квадратах $Е_8Е_9$—$Ж_8Ж_9$ (рис. 17) печь помещалась в юго-западном углу постройки; с двух сторон (южной и западной) она ограничивалась стенами сруба, но прилегала к ним не вплотную, с третьей — восточной — короткими бревнами, укрепленными с внешней стороны вкопанными в землю (в пол) столбами. Форма печи в плане — прямоугольник 1.2 × 1.6 м. Длинной стороной печь была ориентирована вдоль западной стены. Сверху, главным образом в пределах этого прямоугольника, на глубине от Р 0.40 — 0.70 м находился развал крупных и мелких валунов с наличием известняковых плит; камни хотя и осели, но сохранили свое положение, близкое к первоначальному, т. е. по стенкам и ниже пода печи, что ясно видно на наших аналитических планах. Под развалом свода печи шел угольно-зольный слой толщиной около 0.15 м. Ниже находилась субструкция из песка, насыпанная начиная от дна предполагаемого подполья. В самом верхнем горизонте субструк-

ции лежали камни, а у северного края печи — ряд известняковых плит. Отверстием, или устьем, печь была обращена к С. Это наиболее полные данные по конструкции печи в постройках X в. В комплексе на квадратах A_9A_{12}—B_9B_{12} печь сохранилась хуже, но все же устройство ее прослеживается. Сверху здесь большой развал камней покрывал всю северную половину постройки (рис. 9). При разборке развала оказалось, что печь занимала положение в северо-восточном углу, прилегая к его стенкам (рис. 10). Между печью и стенами, а также с западной стороны печи стояли в наклонном положении (а первоначально, без сомнения, вертикально) известняковые плиты, ограничивавшие и подпиравшие печь. От

Рис. 12. Остатки жилой постройки X в. в юго-восточном секторе раскопа.

стен сруба печь отделялась небольшим пространством для тепловой изоляции. Форма печи в плане прямоугольная, размерами около 1.20 × 1.60 м. Длинная сторона идет вдоль восточной стены сруба. Устье находилось в южной стороне печи. Под представлял прослойку обожженной глины. Ниже шла субструкция из песка с угольно-зольными прослойками.

По этим данным можно реконструировать устройство печи следующим образом. Судя по расположению сеней (см. далее), она занимала правый задний угол дома, имела в плане прямоугольную форму при ширине около 1.20 м и при длине несколько больше 1.50 м. Основанием, или опорой печи, служила субструкция из песка. Печь ограничивалась деревянными столбами и бревнами или же плитами. Она выводилась сводом из некрупных валунов с заполнением промежутков между ними и с покрытием сверху мелкими камнями. Кладка не цементировалась. Под печи устраивался из плит и глины на субструкции. Впереди отверстия находилась площадка, или уступ, являвшаяся открытым сверху продолже-

нием пода. Трубы, конечно, не было. Отверстие, или устье печи, находилось рядом с входной дверью, куда, очевидно, и выходил дым; возможно, что было и специальное дымовое отверстие в потолке и крыше.

В свете описанных данных становятся понятными нагромождения камней, встреченные на большинстве наших жилых комплексов. Это несомненные остатки до конца развалившихся печей, нередко спланированные.

Очень близкие аналогии к нашим печам мы имеем в современных печах-каменках, сохранившихся в русских деревенских банях и овинах

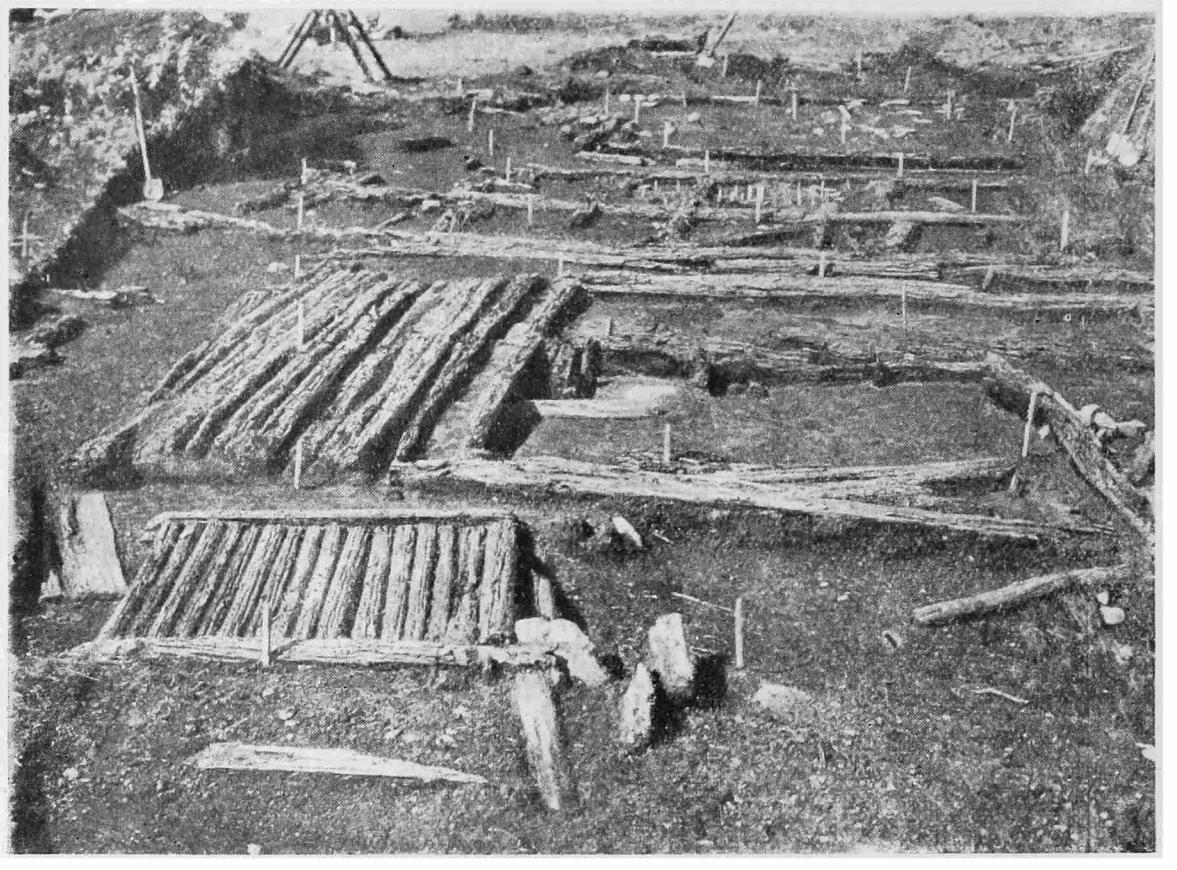


Рис. 13. Остатки жилой постройки из горизонта *д*.

(архаические конструкции нередко перекочевывают из жилья в пристройки) и широко известных этнографии.

Относительно устройства окон и дверей мы пока не имеем прямых данных. Здесь можно высказать лишь ретроспективные, однако весьма вероятные соображения, отправляясь от более поздних памятников. На планах и рисунках XVII в. окна в рядовых русских избах везде имеют характер так наз. «просветцев», т. е. удлиненных прорезов в одном-двух венцах сруба, обычно от одного до трех окон в переднем фасаде и от одного до двух в боковом. Очень часто на переднем фасаде подобные окна располагаются треугольником: два нижних по бокам и одно — в середине сверху. Из описаний известно, что такие окна затягивались бычьими пузырями (для слюды нужны были рамы) и изнутри задвигались движущейся по пазам дощечкой. Нельзя придумать более простой тип окна, чем эти так наз. «волоковые окна», и если они повсеместно бытовали в деревнях XVI—XVIII вв. и дожили даже до XX в., то не будет натяжкой принять этот тип и для наших ладожских построек X в.

Дверь висела на простейших железных петлях и могла запираться висячими замками. Она, конечно, находилась в задней стене сруба со стороны сеней рядом с отверстием печи.

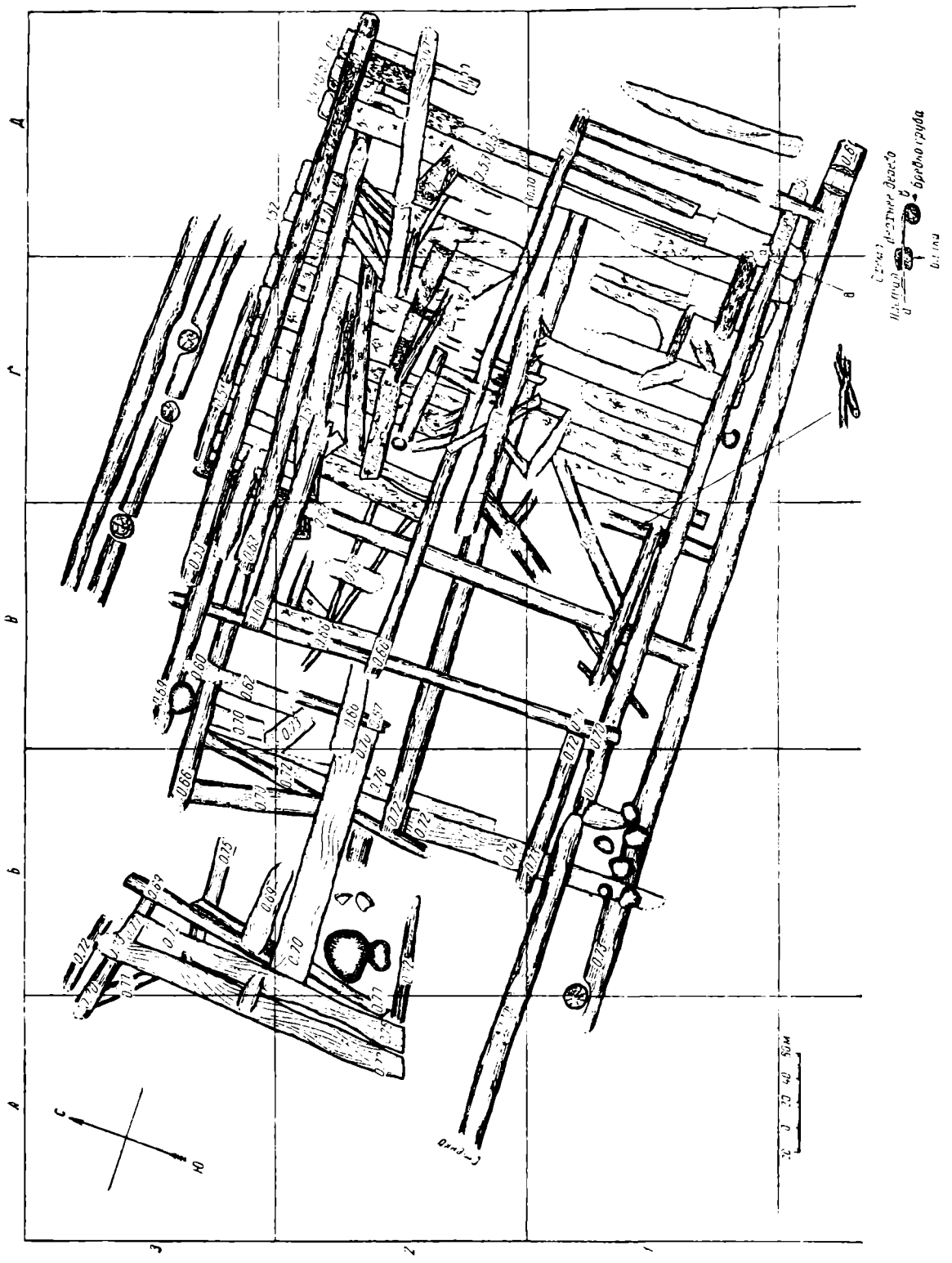


Рис. 14. План постройки из горизонта *д*.

К избам пристраивались сени (8 случаев) двух типов: 1) просто сени и 2) сени-дворы или сени-хлевы. Устройство простых сеней прослежено, например, на комплексе к З от линии $Г_9Г_{12}$. Здесь они окружали избу

с двух сторон — с С и В; бревна их внешней стены врубались, по крайней мере в нижних венцах, в выпущенные на длину, соответствующую ширине сеней, концы бревен основного сруба избы. Получалась, в сущности, не пристройка, а единая постройка, в которой с С и В между стенами собственно избы и двумя наружными стенами находился располагавшийся углом род коридора шириной около 1.6—1.8 м. Пол сеней был настлан из досок. Входная дверь в сени при этих условиях могла быть устроена со стороны любого из фасадов. К срубу избы, расположенной в квадратах $З_{II}З_{III}$—$И_{II}И_{III}$ (рис.12), примыкала вдоль северной стены сруба пристройка шириной около 1.8 м с перекрытием на столбах. Это несомненные сени простейшего типа. К постройке, расположенной в квадра-

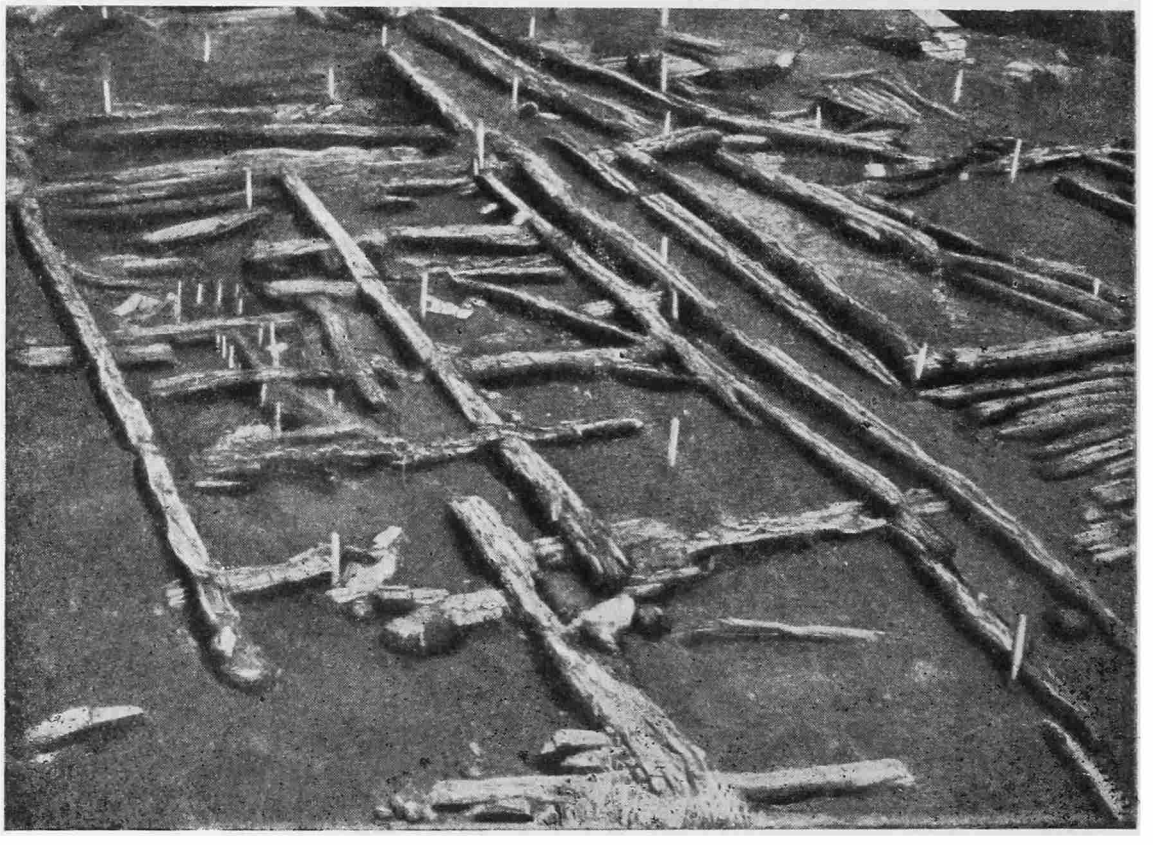


Рис. 15. Постройка из горизонта *д*.

тах $Б_{I}Б_{1}$—$Г_{I}Г_{0}$, непосредственно прилегал с З настил из бревен в длину западной стены постройки, а в ширину около 2 м (рис. 7 и 13). Вряд ли это был открытый настил; скорее это пол пристройки типа сеней. Подобный же настил обнаружен рядом с задним (восточным) фасадом нераскрытой еще избы в квадратах $Б_{6}Б_{8}$; здесь он шел не во всю длину фасада, занимая площадь около 3.5×3.5 м и являясь остатками сеней-хлева. Остатки, повидимому, такого же настила сохранились рядом с комплексом в квадратах $Г_{3}Г_{5}$ — $Е_{3}Е_{5}$.

Довольно сложная и большая пристройка окружала жилой комплекс в квадратах $Е_{8}Е_{9}$—$Ж_{8}Ж_{9}$ (рис. 5). Рядом с комплексом с Ю по направлению к З шел настил из жердей толщиной около 0.18 м, настланный по лагам вдоль южной стены избы, т. е. с В на З, на площади шириной около 3 м и длиной до 8 м. Далее, вдоль западного фасада жилого комплекса, шел другой настил из очень длинных неголстых бревен (0.10—0.12 м

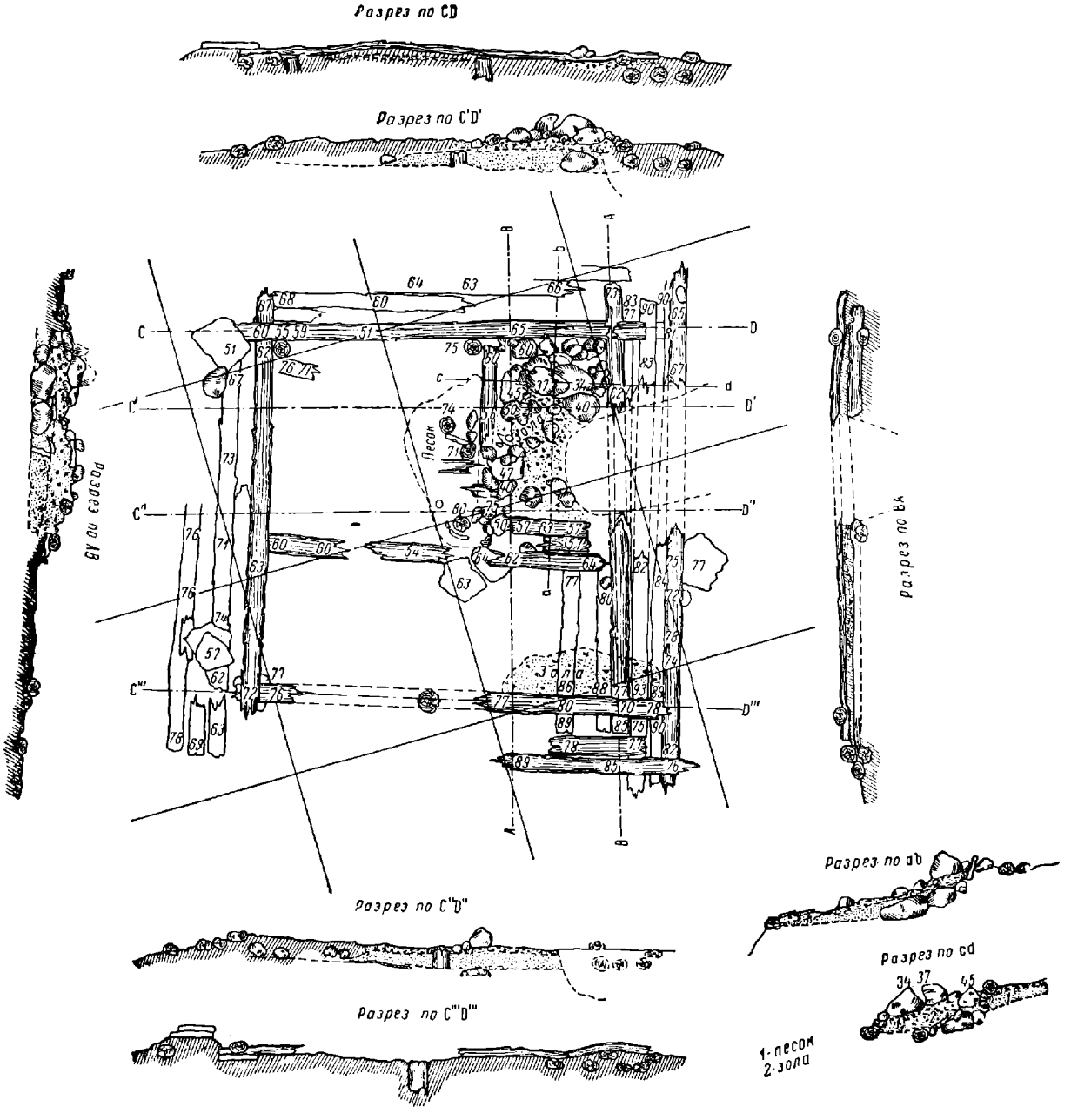


Рис.17. План и разрезы постройки из горизонта *д*.

толщиной) и таких же жердей, ориентированных параллельно фасаду, т. е. с С на Ю. Ширина этого настила около 3 м, его длина около 8 м. Северные концы настила выступали за фасад постройки; южные его концы перпендикулярно смыкались и перекрещивались с первым настилом. Вокруг обоих настилов наблюдались довольно частые остатки вкопанных столбов. К сожалению, оба настила пострадали от двух перерезавших их старых траншей, а с С — от ям. Кроме того, их еще не разбирали и детально не изучали. Поэтому лишь в качестве предварительного заключения можно высказать наиболее вероятное положение, что это — остатки большого крытого двора, окружавшего жилую избу и служившего сенями, хлевом, а также и сеновалом. Стены этого сооружения не имели характера сруба. Перекрытие покоилось на столбах.

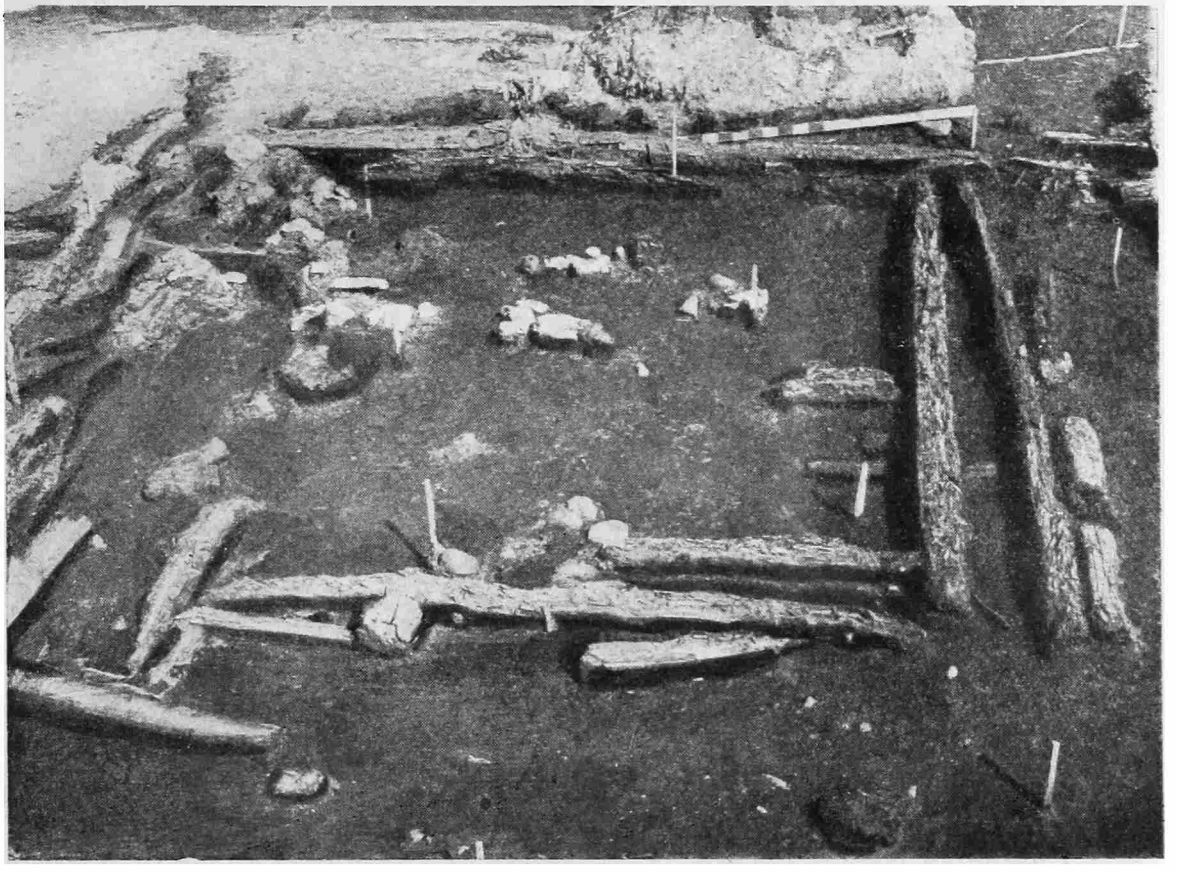


Рис. 16. Постройка из горизонта *д*

Принять описанные настилы за остатки уличных или открытых дворовых мостовых невозможно по ряду оснований. Длинный настил ориентирован вдоль фасадов соседних домов, что для мостовой явным образом нецелесообразно. Против такого допущения говорят и столбы, непонятные для открытых мостовых. Хотя по краям мостовых в Новгороде и были открыты столбы для боковых ограждений, но расположение столбов в нашем комплексе исключает такое их назначение.

Ворота или въезд были устроены скорее всего с С. Кстати, здесь к двору примыкает, повидимому уличный, настил из бревен и досок, настланных по лагам перпендикулярно к настилу двора.

Таким образом, существование пристроек к ладожским жилым избам X в. типа сеней, сеней-хлевов и даже крытых дворов в свете наших материалов можно считать доказанным, хотя конструктивные особенности таких пристроек еще предстоит выяснить.

Локализация этих пристроек и локализация печей важны и в том отношении, что позволяют отличать передний и задний фасад в планах жилых комплексов, определять положение дверей, а в значительной степени и окон.

Таковы черты типовой конструкции ладожской жилой избы-истопки X в. Резюмируем: это, следовательно, была квадратная в плане постройка, срубленная в обло из бревен и размерами от 3.7 × 3.9 м до 5.5 × 6 м, в среднем 4 × 4—5 × 5 м, с проконопаченными и промазанными в пазах глиной стенами, с завалинами, ограниченными бревнами, с тесовой или соломенной крышей на стропилах, с полами двух типов: 1) земляным

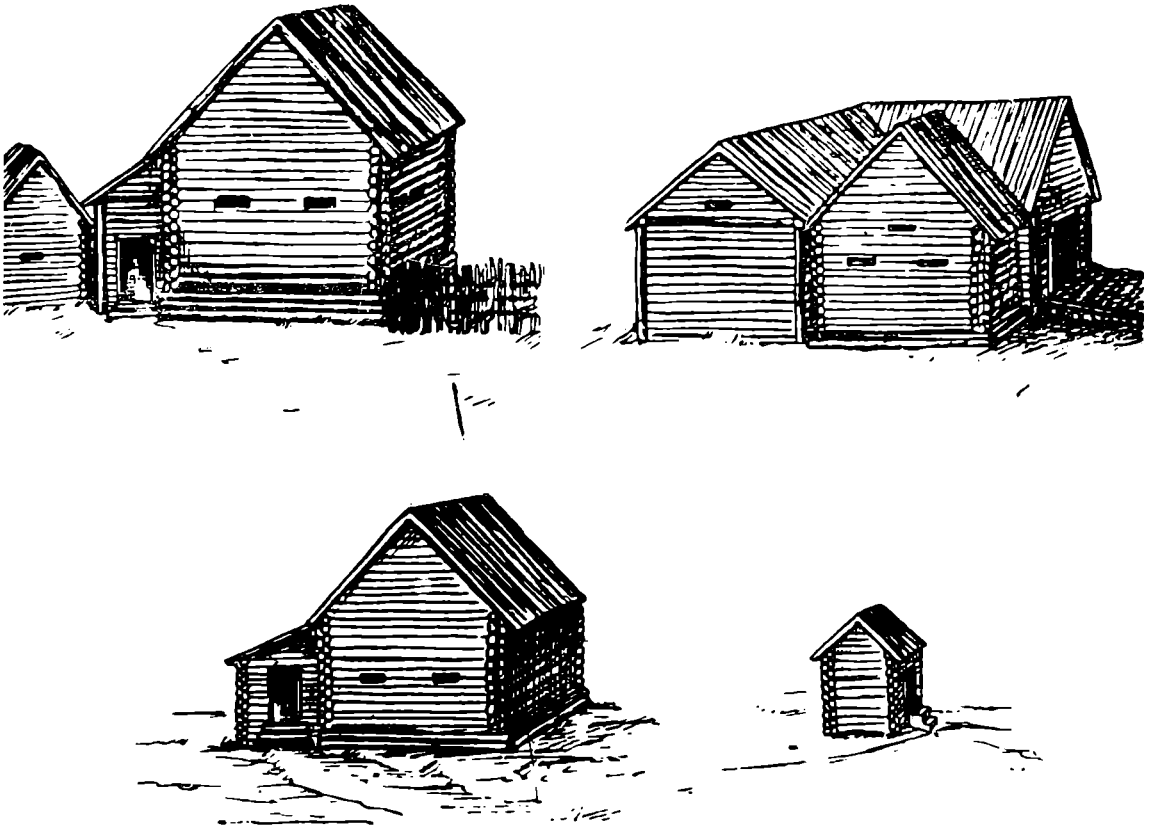


Рис. 18. Реконструкция русских деревянных построек X в. по данным раскопок в Старой Ладоге.

или глиняным и 2) досчатым, настланным из тесанных топором половиц на балках-лагах или подмостках. В последнем случае под полом иногда находилось неглубокое подполье. В одном из углов избы помещалась печь-каменка, размером 1.2 × 1.6—1.7 м. Она клалась на субструкции из песка, на специальном помосте, сводом из крупных валунов с заполнением промежутков между ними мелкими камнями. Под выстилался плитами или промазывался глиной. Входная дверь помещалась рядом с отверстием печи. Окна были волоковые. К боковому или заднему фасаду избы пристраивались сени шириной около 2 м, с бревенчатым или досчатым полом. Часто они выполняли функции хлева, и тогда площадь их увеличивалась, достигая значительных размеров в крытых дворах, прилегающих к избам и служивших одновременно сенями, хлевом и сеновалом. Перекрытия пристроек нередко устраивались на столбах (см. реконструкции, рис. 18).

Все эти особенности конструкции русского деревянного жилища X в. находят поразительно близкие аналогии в этнографических описаниях русских изб (рис. 19—26) [1] и в ряде исторических документов. Из послед-

них в данном случае особенно важны писцовые и переписные книги XVI—XVII вв., планы и чертежи XVII в. (особенно план Тихвинского монастыря 1676 г., дающий перспективные изображения многочисленных деревянных построек Тихвинского посада),[2] а также планы, изданные в 1861 г. Русским археологическим обществом в сборнике чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII в., затем рисунки иностранных путешественников XVII в., особенно Олеария и Мейерберга, и изображения на некоторых иконах.[3] Многие рисунки на плане Тихвинского монастыря 1676 г. (рис. 26) вполне могут служить, так сказать, готовыми реконструкциями ладожских построек X в. Любопытно, что и размеры позднейших русских изб совпадают с древними ладожскими. Так, Н. Д. Чечулин, охватив данные писцовых книг XVI в. по 150 избам, в итоге пишет, что «в них так и пестреют указания на величину в 2, 2 $^1/_2$ и, пожалуй, 3 сажени»,[4] т. е. в переводе на метры соответственно около 4, 5 и 6 м — в точности размеры наших ладожских изб. Среднюю величину (длину) отдельной избы, горницы, повалуши и т. д. Н. Д. Чечулин исчисляет в 2.5—3 сажени, т. е. в 5—6 м, а средние размеры наших ладожских изб — 4—5 м. Совпадения удивительные.

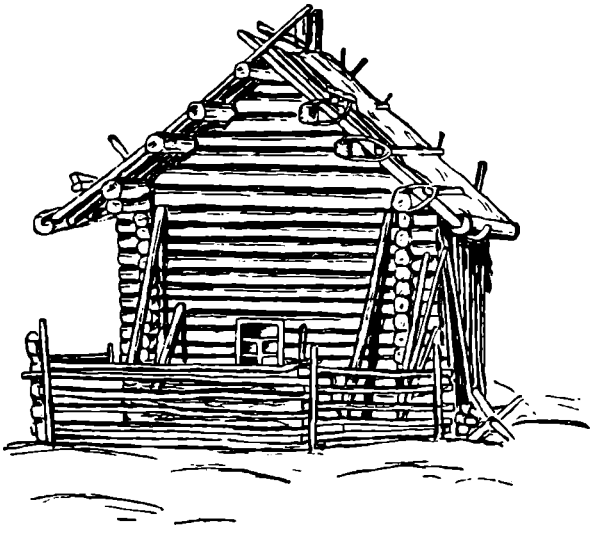


Рис. 19. Черная изба в дер. Радогощa Новгородской губ., Тихвинского уезда. (1914 г.).

Археология также дает сравнительный материал для деревянных построек X в. в Ладоге. Если ладожские избы X в. принять за начальное звено, а только что указанные избы XVI—XVII вв. и близкие к ним пережиточные современные аналогии, известные этнографии, за конечное звено цепи истории крестьянского и посадского деревянного жилища в Северной Руси за указанный период, то мы имеем ряд археологических данных и по промежуточным звеньям этой цепи. Ближе всего к ладожским постройкам по времени стоит изба, раскопанная в 1935 г. мною вместе с Г. П. Гроздиловым на Рюриковом городище в Новгороде (материал не опубликован). По находкам ее можно отнести еще к X—XI вв., и она весьма близка к избам X в. в Ладоге. Это такой же квадратный в плане сруб при длине стен в 5 м. Судя по наличию кусков глиняной обмазки, стены

---

[1] Напр.: Русское деревянное зодчество. М., 1942; особенно рисунки 13, 36, 64 (крытый двор), 90 и др.

[2] Хранится в Ленинградском отделении Института истории АН СССР; отдельные элементы этого весьма важного источника издавались неоднократно. См., напр.: П. П. Мордвинов. Тихвинская Старина. Сб. Новгородского общ. любит. древн., вып. 4, 1911, стр. 94 и 124. — М. Красовский. Курс истории русской архитектуры, ч. I., СПб., 1916, стр. 43—48. — А. П. Некрасов. Русское народное искусство. М., 1924, рис. 13—16. — С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942, рис. 129—131.

Необходимо издать этот драгоценный памятник полностью и с комментариями.

[3] В частности, икона Александра Свирского, хранящаяся в Русском музее. Воспроизводилась неоднократно, см., напр., «Русское деревянное зодчество», рис. 134, где воспроизведена интересующая нас часть иконы.

[4] Н. Д. Чечулин. Русские деревянные постройки XVI века. ЗРАО, нов. сер., т. VI (1893), стр. 304.

в пазах промазывались глиной. В северо-западном углу избы помещалась печь-каменка, сложенная на деревянном помосте.

Весьма любопытный сравнительный материал для нашей темы, и притом, видимо, начиная от довольно ранних комплексов X—XI вв., могла бы дать Старая Рязань, в которой в 1926 г. произвел раскопки В. А. Городцов. К сожалению, материалы из этих раскопок должным образом не опубликованы. При этом, судя по напечатанным весьма суммарным сообщениям,[1] вряд ли эти материалы вполне достаточны для возможности обоснования суждений о раскрытых жилищах. По словам самого исследователя, «раскопки продолжались в течение месяца при участии 60 человек рабочих. Отрыто 48 домов, из них очищено и изучено 19. Все они оказались деревянными, просторными, с досчатыми

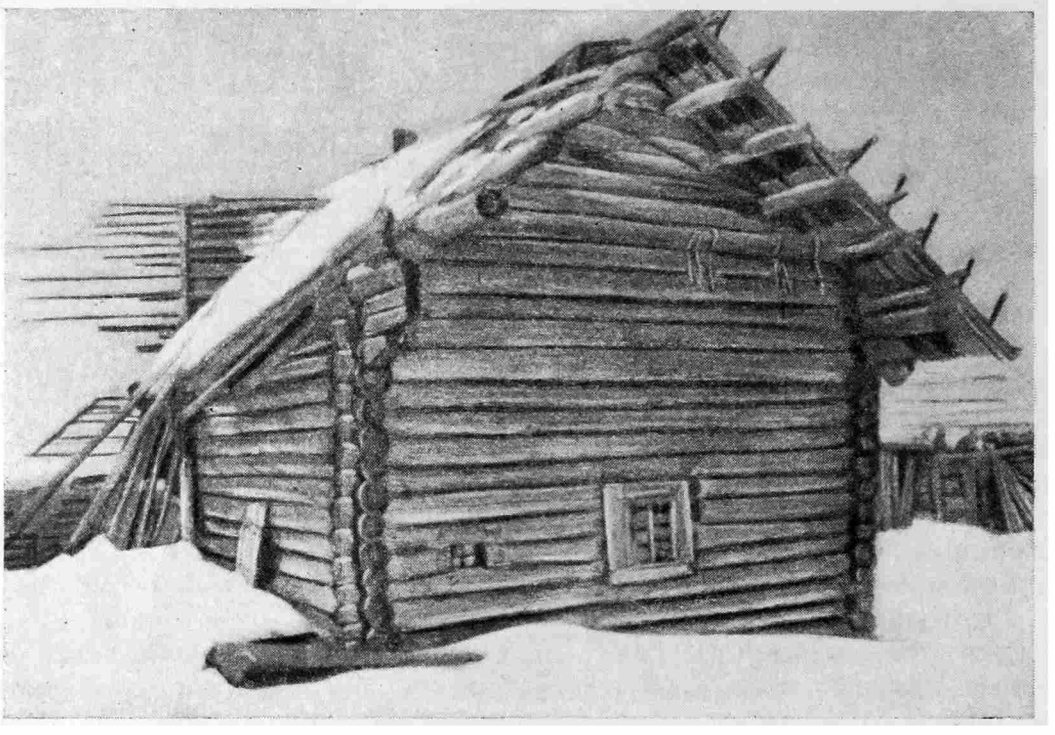


Рис. 20. Черная изба с волоковым окном (Новгородская губ., Тихвинский уезд). Фотография автора (1914 г.).

полами, двускатными тесовыми и соломенными крышами. В 17 исследованных домах находились глинобитные печи, поставленные не в углу, как это делается в современных деревянных избах, а посредине пола; в двух домах, из которых один представляется самым богатым, стояли кирпичные печи, занимавшие места в углу. В домах особенно хорошо сохранились подпольные ямы. Обыкновенно их было по две».[2] Далее следует описание ям и затем вещевых находок. Дается реконструкция «типичного дома» в Старой Рязани, однако никаких точных данных о форме конструкции и размерах самих комплексов, как и об их горизонтальном и стратиграфическом соотношении, не приводится. Следовательно, проверить обоснованность реконструкции нельзя.

---

[1] В. А. Городцов. Раскопки городища в Старой Рязани. Журн. «Хочу все знать», 1927, № 1, стр. 5—7.— А. Мансуров. Старая Рязань. Путеводитель. Рязань, 1927; он же. Древнерусские жилища (по материалам археологических раскопок в Старой Рязани). Историч. зап., вып. 12, 1941, стр. 61—95.

[2] В. А. Городцов, ук. соч., стр. 6.

В более полной работе А. А. Мансурова,[1] не содержащей никакой графической документации, воспроизводится та же реконструкция старорязанского дома, но обоснования ее и здесь висят в воздухе. Нигде не дано размеров жилищ. Предложенные А. А. Мансуровым размеры (квадратный план сруба со сторонами в 7 м, т. е. площадью в 49 кв. м) кажутся нам мало вероятными, да и сам автор считает, что эти размеры лишь «можно все же допустить» по «расположению и размерам печей, подпольных ям, распространению находок и наличию остатков пола и стен».[2] Среди вещевого материала есть предметы не только X—XI вв., но много вещей и XII—XIII вв. Наличие кирпичных печей заставляет полагать, что среди раскры-

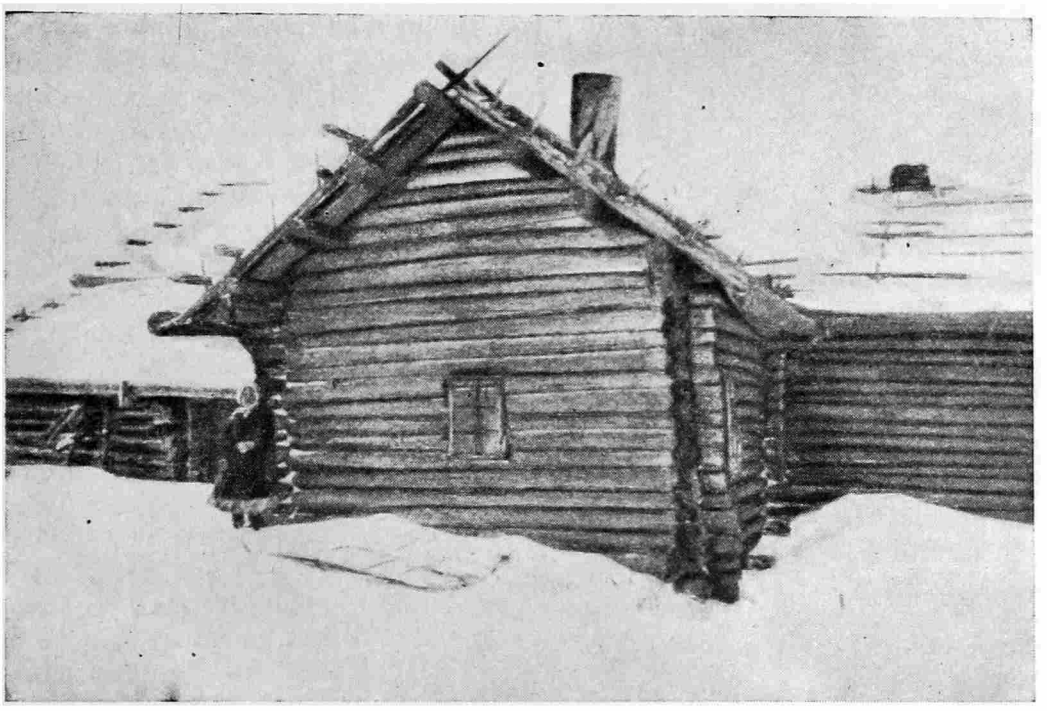


Рис. 21. Черная изба и двор у вепсов (Новгородская губ., Тихвинский уезд). Фотография автора (1914 г.).

тых построек были и относительно поздние — не ранее XII в. Общая датировка А. А. Мансурова — XII—XIII вв. Быстрые темпы, размах работ по выемке земли (60 рабочих) и метод раскопки (траншеи), вероятно, затрудняли возможность точных наблюдений, но, судя по собранному материалу, можно предполагать, что будущие более спокойные раскопки в Старой Рязани раскроют весьма интересную картину древних жилищ города и их планировки.

Для XI—XII вв. мы имеем избу на Славне в Новгороде (раскопки А. В. Арциховского, М. К. Каргера и Б. А. Рыбакова — 1932 и 1934 гг.),[3] представлявшую в своей основе опять-таки квадратный сруб со сторонами 5.30 × 5.60 м, к которому, повидимому, примыкали сени. Венцы были срублены в обло. Об устройстве печи нет данных. Несколько ниже залегала другая квадратная постройка — сруб меньших размеров (3.40 × 3.40 м), датируемая исследователем XI в. и определяемая им как хозяйственная пристройка (сарай).

---

[1] А. А. Мансуров. Древнерусские жилища, стр. 61—95.

[2] Там же, стр. 71.

[3] А. В. Арциховский и М. К. Каргер. Раскопки в 1932 г. в Новгороде Великом. ПИМК, 1933, № 1—2. — А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. СА, III (1937), стр. 180 и сл.

Для построек XII—XIII вв. имеется ценный материал из раскопок Н. П. Милонова в Пронске (1927—1930 гг.)[1] и в Дмитрове (1933—1934 гг.).[2] На Пронском городище исследовано до 7 жилищ. Все они представляют в основе квадратные срубы со сторонами длиной около 5.5 м. Углы срубов соединялись в обло. Пол был глиняный. Глинобитная печь устраивалась в углу избы (как правило, в северо-западном) на цоколе из глины, выложенном сверху камнями (под). Размеры печи около 2 кв. м. Были встречены также аналогичные печи, сложенные из кирпича и камня. К избам примыкали сени длиной 3.5 м, шириной около 1.5 м. Двери в избу находились со стороны сеней рядом с устьем печи.

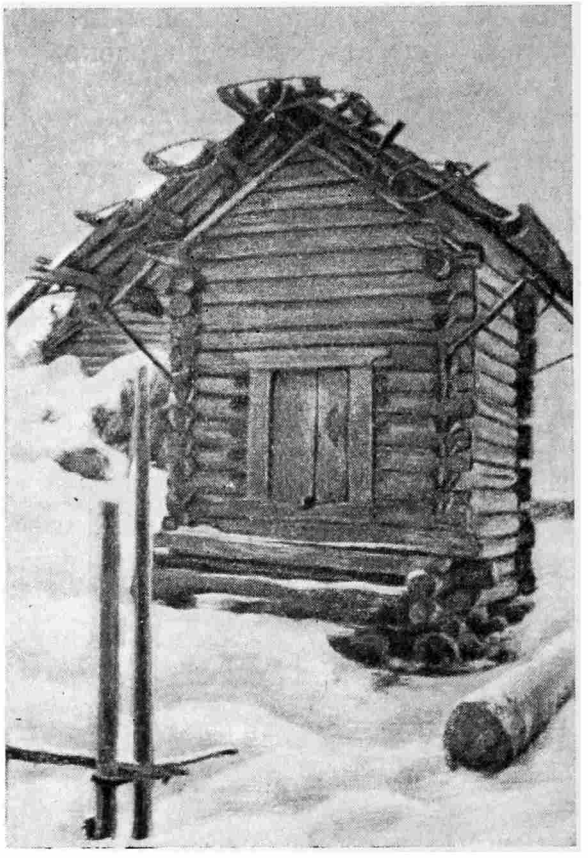


Рис. 22. Деревянный амбар (Новгородская губ., Тихвинский уезд). Фотография автора (1915 г.).

В Дмитрове жилища-срубы также имели квадратную форму с длиной стен 6 м и меньше. К ним пристраивались сени шириной около 2 м. Печи, занимавшие площадь 2 × 2 м в одном из углов построек, или были глинобитные, или складывались из кирпича квадратной формы. Основания печей покоились на помосте, укрепленном на столбиках. Пол настилался из тесаных досок на балках. Констатировано наличие небольшого подполья.

Для XV—XVI вв. богатый материал обещает дать Новгород. Изба XVI в., открытая в 1937 г. на Ярославовом Дворище, представляла квадратный сруб со сторонами длиной 3 м, с довольно высокой подизбицей;[3] она носила, однако, характер не типового жилища, а сооружения специального, вероятно производственного назначения. Обнаруженные в кремле постройки XIV—XV вв. пока не изданы с точными данными.[4] Загадочным образом, в новгородских постройках печи не обнаружены.

Интересный образец северной избы XVII в. был открыт А. Я. Брюсовым и М. Е. Фосс в 1926—1927 гг. на берегу Белого моря в селище Верхняя Лопшенга.[5] Сруб здесь был представлен только остатками бревен, но план избы прослеживался четко по сохранившейся подкладке-фундаменту из камней. Это была почти квадратная постройка размерами

---

[1] Н. П. Милонов. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931.

[2] Н. П. Милонов. Дмитровское городище. (Кремль города Дмитрова). СА, IV (1937), стр. 147 и сл.

[3] А. А. Строков, В. А. Богусевич и Б. К. Мантейфель. Раскопки на Ярославовом Дворище. Новгородск. историч. сб., вып. III—IV. Новгород, 1938, стр. 383 и сл.

[4] А. А. Строков и В. А. Богусевич. Путеводитель по Новгороду. Л., 1939, стр. 247 и сл.

[5] А. Я. Брюсов. Селище XVII века Верхняя Лопшенга на летнем берегу Белого моря. Тр. Секц. археолог. ИАИ РАНИОН, IV, М., 1928, стр. 107 и сл.

4.6 × 5.2 м с печью-каменкой, обмазанной глиной. Печь располагалась почти посредине избы, но ближе к южной стене. К избе с С и З примыкали пристройки, о характере которых по опубликованным данным судить трудно.

Наша ладожская изба XVII в. (рис. 4) имеет почти квадратный план (4 × 4.60 м), срублена в обло, пол настлан из плах, печь сложена в юго-восточном углу (справа от входа) из известняковых плит и камней с глиняной промазкой. Под — глиняный, сильно обожженный. Печь покоилась на деревянном основании, приподнятом над полом (столбики).

Если мы сведем данные по описанным русским деревянным жилым постройкам от X и до XVII—XVIII вв., то увидим, что основные при-

Рис. 23. Черная изба и двор (дер. Корбеничи Новгородской губ., Тихвинского уезда). Фотография автора (1914 г.).

знаки и размеры построек удерживаются в течение всего этого периода, изменяясь лишь в частностях.

Очевидно тип северной русской крестьянской и посадской избы, возникнув в период сложения феодализма, оказался чрезвычайно устойчивым, консервативным. Объясняется это не просто природой строительного материала — дерева, определяющего форму и ограничивающего размеры простых срубов, но экономическим и культурным застоем крестьянства, угнетенного класса феодального общества, и населения городских посадов — «посадских людей».

Хозяйственные пристройки

Наряду с жилыми комплексами в данном горизонте находились и комплексы хозяйственных пристроек — хлевов, клетей или кладовых, житниц и т. д.

Образцом хлева может служить прекрасно сохранившийся комплекс в квадратах $З_0И_0$ (рис. 27), в плане представлявший сруб квадратной

формы, размерами (между внешними краями бревен) 2.80 × 2.80 м, с бревенчатым полом, настланным по двум лагам. Под северо-западный угол

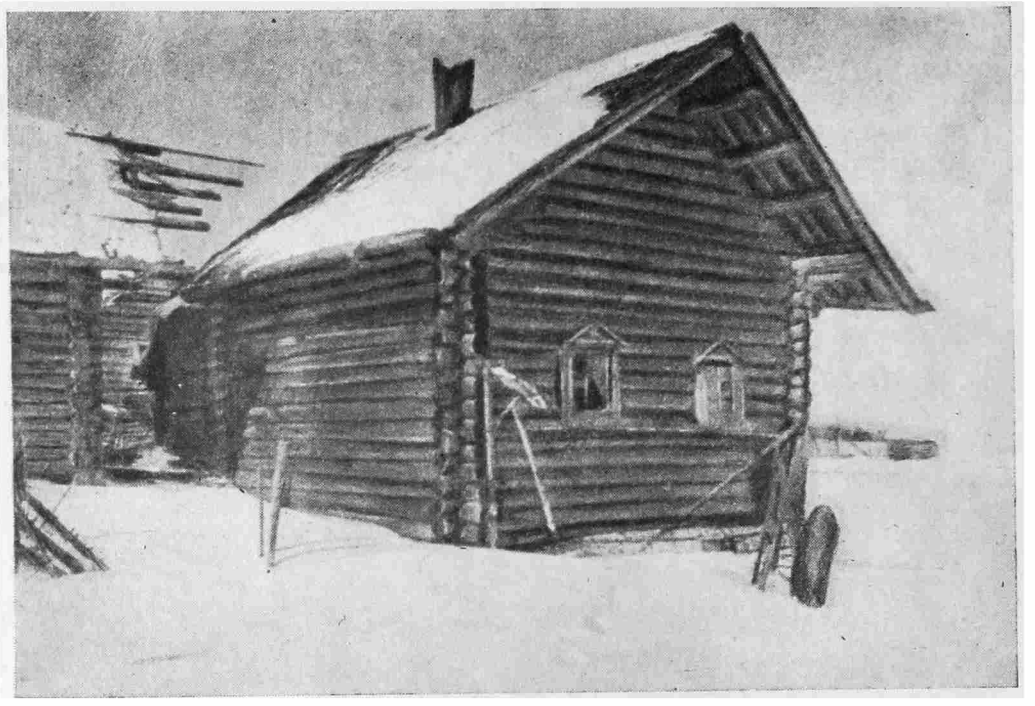


Рис. 24 Черная изба у вепсов (Новгородская губ., Тихвинский уезд). Фотография автора (1914 г.).

Рис. 25. Внутренний вид черной избы в дер. Шидрозеро Новгородской губ., Тихвинского уезда. Фотография автора (1914 г.).

сруба были подложены два чурбана («стулья»), специально обрубленные топором. Нет никакого сомнения, что это хлев, так как по всей

площади постройки непосредственно сверху шел слой уплотнившегося навоза, точно локализованный очертаниями ее плана. Хорошая сохранность основания постройки объясняется тем, что дерево здесь долго пропитывалось азотистыми соединениями из мочи животных. В таком небольшом хлеву мог содержаться мелкий скот и коровы.

Совершенно такие же, судя по планам, по конструкции и размерам, хлевы видны на чертеже Н. И. Репникова (рис. 28) в его «первом ярусе»,

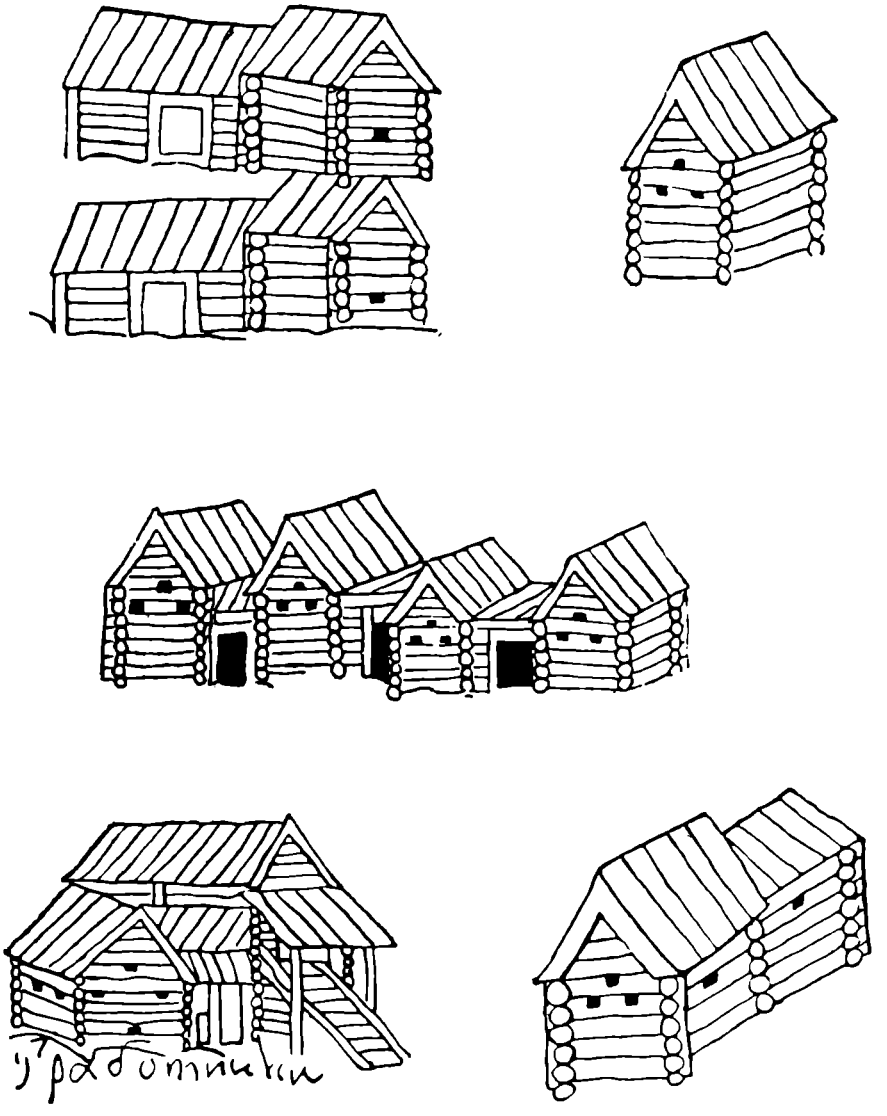


Рис. 26. Изображения деревянных построек на плане Тихвинского монастыря 1676 г.

представляющем прямое продолжение нашего горизонта *д* (размеры одного хлева — 3.20 × 3.20 м, другого — 2.80 × 2.90 м).

В квадратах $Ж_1З_1$ нашего раскопа под значительными скоплениями навоза были открыты не полностью сохранившиеся остатки основания подобного же хлева размером около 2.40 × 2.40 м, с той разницей, что здесь перекрытие, видимо, стояло на столбах.

Такой квадратный в плане хлевик, со сторонами размерами от 2.80 до 3.20 м, следует считать типичным для отдельно стоящих хлевов Ладоги X в.

О хлевах, непосредственно примыкающих к избам, и крытых дворах говорилось выше.

В древнерусских письменных источниках часто встречается термин *клеть* (уже с XI в., как показывает Остромирово Евангелие) в смысле особой от жилья кладовой и в то же время в смысле жилья. Из этнографических данных известно, что клетью называется особое помещение для хранения имущества и запасов, которое в то же время могло быть летним неотапливаемым жильем. Кладовая для хранения зерна и продуктов в древнерусских источниках часто называется «житейкой» или «житницей».

В наших ладожских постройках есть комплексы, вполне подходящие под указанные термины. В квадратах $Е_6Е_7$—$Ж_6Ж_7$ в восточной части крытого двора находилась, например, как уже указывалось, пристройка к более северному жилому комплексу, представлявшая сруб квадратной формы, со сторонами размером 3.20 м, с досчатым настилом, без печи. Внутри навоза не было, зато стоял целый горшок и находились другие вещи. Скорее всего это именно небольшая холодная изба или клеть.

В квадратах $К_0К_1$ находилась хорошо (до четырех венцов) сохранившаяся небольшая постройка — сруб (рис. 29) прямоугольной формы в плане, размерами 1.60 × 2.80 м, с досчатым полом, настланным на лаги. Пол был засыпан белым кварцевым песком на толщину около 0.20 м, а поверх песка лежала береста. Такое устройство пола явным образом предусматривало защиту от сырости и от вредителей, что указывает на функциональное назначение постройки — служить именно житницей для хранения зерна и продуктов. Близкие по размерам и плану комплексы есть и в материалах Н. И. Репникова. В наших квадратах $З_8И_8$ находилась не вполне раскрытая постройка, уходящая под не разобранное нами сооружение перед входом в «Климент»; это сруб, видимо, прямоугольной формы 3×4 м, с бревенчатым настилом пола. Поверх пола находился слой белого кварцевого песка, что по всей вероятности свидетельствует о назначении постройки, аналогичном с комплексом в квадратах $К_0К_1$.

Следы ремесленного производства и домашней промышленности встречались в большинстве комплексов жилых построек или в их окружении в виде железных шлаков, обломков литейных форм, льячек и тиглей и т. п. Особенно часты остатки производства изделий из кости и рога: запасы сырья в виде крупных частей рога лося, заготовки из рога, недоделанные вещи и т. д. Значительного скопления подобных остатков производства в каком-нибудь одном комплексе, что указывало бы на его особое производственное значение, мы, в сущности, не наблюдали. Некоторым исключением, может быть, является нижний комплекс в квадратах $Г_4Г_5$—$Е_4Е_5$ (выше него лежали остатки несколько более поздней постройки с досчатым полом, рис. 8 и 16). По размерам и конструкции он не отличался от других жилых комплексов, а судя по наличию завалины, служил и для жилья. Пол в этой постройке был глиняный; в северо-восточном углу находились очень плохо сохранившиеся остатки печи, размеров, видимо, бо́льших, чем обычные. Стоявшие вертикально известняковые плиты, которые ограничивали печь с З, отстояли от стены на 1.60 м, в то время как обычная ширина печей не превышала 1.20 м. Против предполагаемого отверстия или устья печи находился вкопанный в пол сосуд из бересты, содержание которого состояло из железной окалины и кусков дерева. Возможно, в нем находилась вода для охлаждения железа после ковки. Кроме того, в данном комплексе было собрано особенно большое количество железных шлаков, найдены обломки литейных форм и льячек. Мы во время полевых работ назвали этот комплекс «кузницей», понимая этот термин в древнерусском смысле, т. е. в широком смысле — мастерской для обработки металлов.

К замечаниям о технике сооружения построек, данным в предшествующем изложении, надо прибавить следующее.

Материалом служили бревна, жерди, плахи и доски. По данным дендрологического изучения остатков древесины, господствовавшими породами деревьев, употреблявшихся для стройки, были сосна, ель и затем береза. Изредка встречается дуб.

Если не принимать во внимание большую постройку нижнего ряда в южных квадратах раскопа, то во всех остальных постройках толщина бревен колеблется от 0.10 до 0.35 м, их длина в отдельных случаях дости-

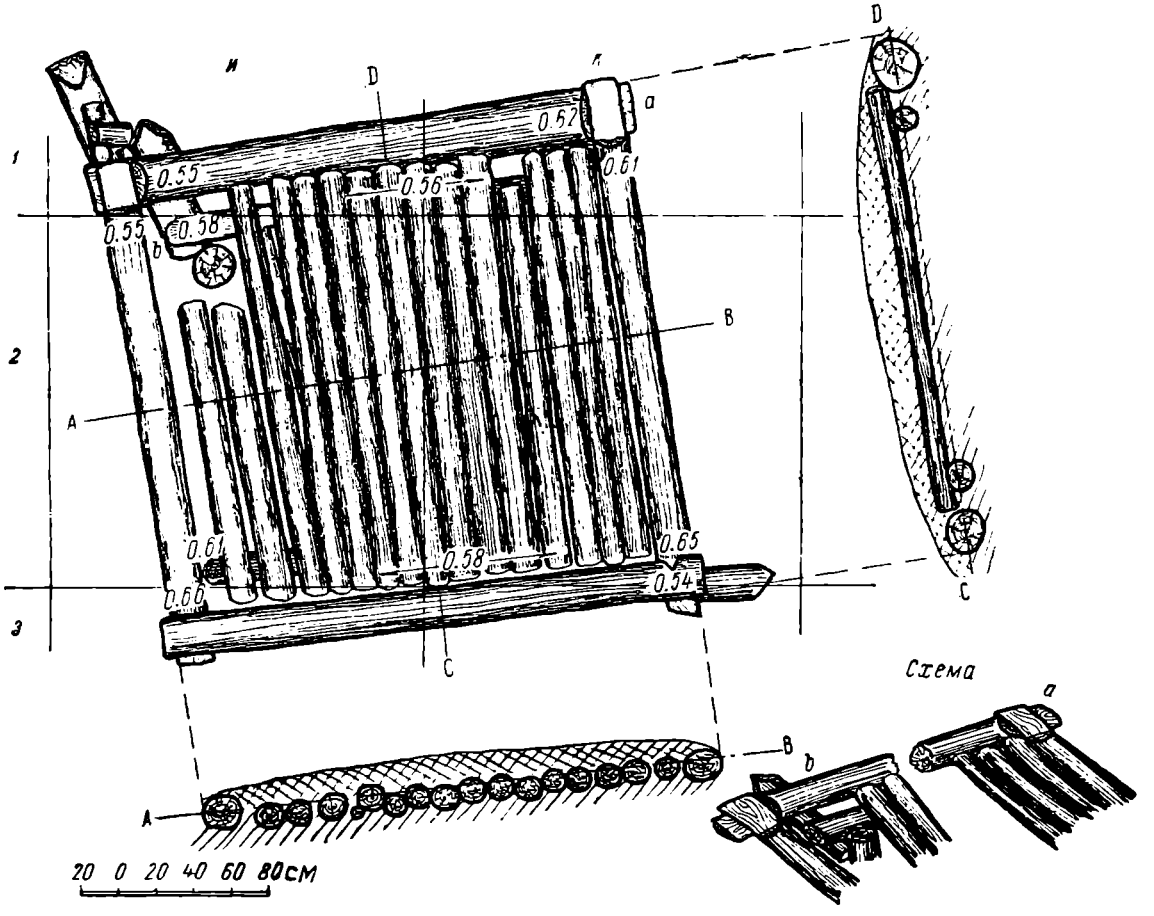


Рис. 27. План и разрезы основания хлева X в. из горизонта *д*.

гает 7—8 м, толщина жердей — около 0.08 м, длина в настиле двора у комплекса в квадратах $Е_8Е_9$—$Ж_8Ж_9$ — до 8 м.

Рубка производилась в обло, бревна клались вырубленными пазами обычно вниз, хотя бывали и обратные случаи; срубы возводились венцами с выпуском концов бревен наружу на 0.15—0.30 м.

Орудиями служили: топор, долото, стамеска. Пила не применялась. Концы бревен везде не отпилены, а обрублены острым топором. Точно так же и доски не пилились, а вытесывались из расколотых плах.

5. ПЛАНИРОВКА РАСКРЫТОГО УЧАСТКА ГОРОДА

Несмотря на то, что на земляном городище сплошным раскопом вскрыта уже значительная площадь — свыше 1300 кв. м (около 900 кв. м наш раскоп и около 400 кв. м раскоп Н. П. Репникова), все же для пол-

a
2 0 2 M

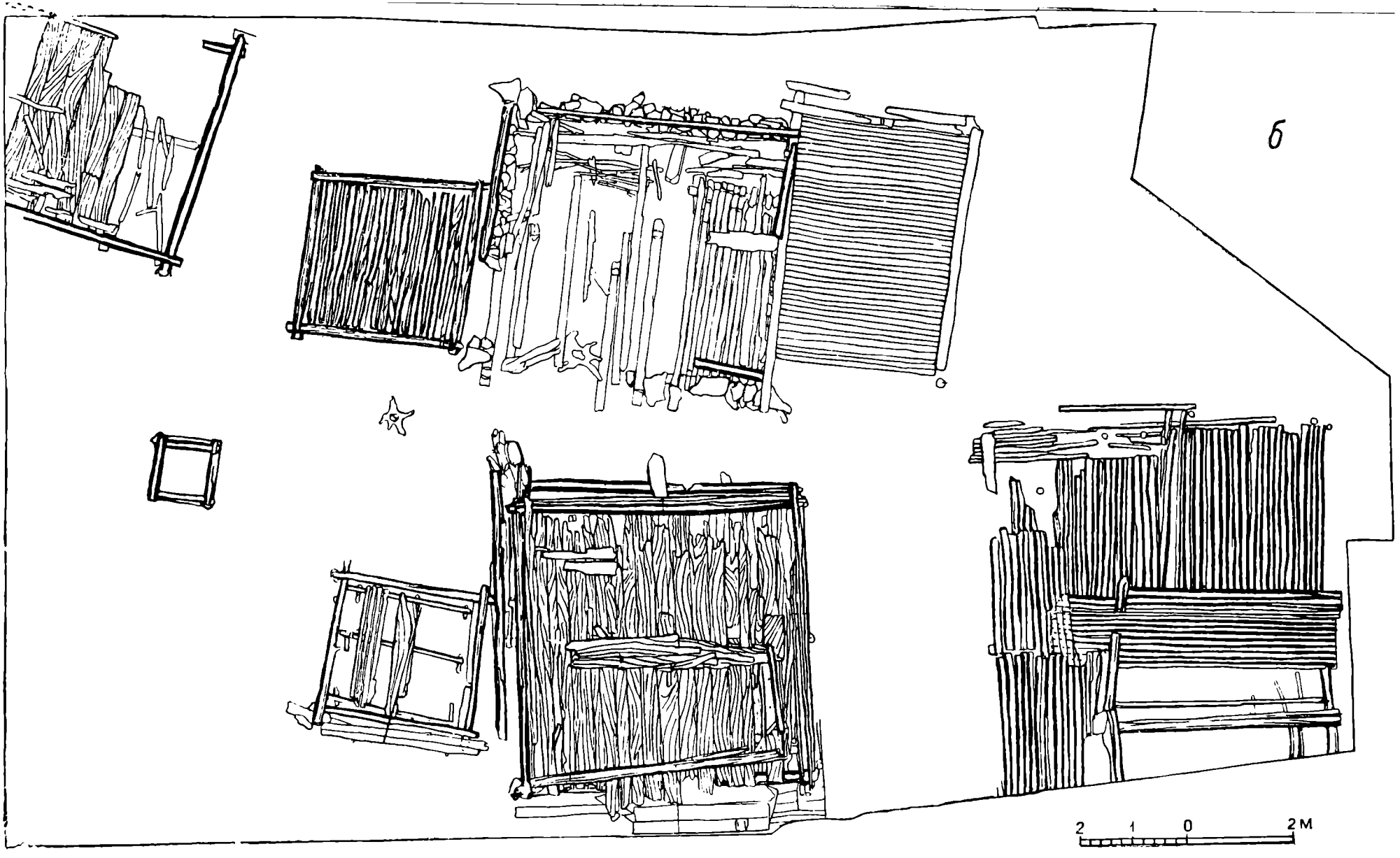


Рис. 28. Деревянные постройки из горизонта *д* по раскопкам Н. И. Репникова.

а — общий план; *б* — планировка тех построек после удаления более поздних сооружений.

ного выяснения картины планировки данного участка поселения и такая площадь оказалась далеко не достаточной. Это лишний раз показывает, что лишь многолетние систематические раскопки с постепенным раскрытием весьма широких площадей, порядка, по крайней мере, в несколько тысяч квадратных метров, могут дать полноценные результаты и гарантировать от поспешных обобщений при исследовании городов вообще, древнерусских городов в частности.

Однако все же некоторые данные для суждения о планировке у нас имеются.

Сняв на генеральном плане все постройки нижнего ряда, развалы и нагромождения продуктов разрушения, детали, лежащие не на месте и маскирующие общую картину, а также удалив неполные, неясные комплексы и комплексы явно позднейшей постройки, чем соседние с ними, мы получаем следующий план, значительно нагляднее выявляющий пространственное соотношение в общем вполне синхроничных построек (рис. 6).

На этой таблице видно, что по ориентировке жилые постройки группируются следующим образом. Две постройки (в квадратах $И_{10}И_{12}$—$К_{10}К_{12}$ и $А_9А_{11}$—$В_9В_{11}$; сюда же надо присоединить комплекс в квадратах $А_{12}Д_{12}$) передним фасадом к З, задним к В; четыре постройки (в квадратах $Е_8Е_9$—$Ж_8Ж_9$ и $Г_3Г_5$—$Б_3Б_5$ к С от линии $Б_1Д_1$ и северо-западный комплекс из раскопа Н. И. Репникова) передними фасадами к В, задними к З. Три постройки отклоняются от точной ориентировки по странам света. Одна (в квадратах $З_{II}З_{III}$—$И_{II}И_{III}$), судя по расположению сеней, повидимому, была обращена передним фасадом к З с отклонениями к Ю; другая (северный комплекс Н. И. Репникова), судя по расположению хлева, к В с отклонениями к С, третья (южный комплекс Н. И. Репникова), судя по тому же признаку, тоже к В с еще бо́льшим отклонением на С.

Итак, господствующая ориентировка большинства комплексов (8 построек) почти совершенно точная по странам света: В—З и З—В, не параллельно Волхову. Далее мы видим, что эта группа точно ориентированных жилых комплексов представляет остатки двух вытянутых в направлении строго с С на Ю совершенно параллельных и совершенно прямых рядов почти вплотную примыкающих друг к другу построек. Восточный ряд состоит из 5 комплексов. Западный уходит в западную и северную стенки раскопа; в нем раскрыто только 3 комплекса — два частично и один почти полностью. Совершенно ясно, что перед нами уличная планировка данной части поселения; ряды абсолютно согласно расположенных по отношению друг к другу и к странам света построек, очевидно, являются уличными рядами. Однако собственно улицы в нашем раскопе мы еще не видим, потому что постройки каждого ряда обращены к постройкам другого ряда не передними, а задними фасадами и пристройками к ним — сенями, хлевами, крытыми дворами, образуя картину, в сущности, почти сплошь застроенной площади с узкими проходами или проездами и небольшими закоулками или задворками в промежутках между постройками. Настоящую улицу, вероятно с традиционным деревянным настилом — мостовой, следует ожидать не с В, где ближе к берегу Волхова планировка, как сейчас увидим, несколько меняется и где, кроме того, развалины «Климента» не позволяют нам производить раскопки, а с З, куда мы и направим наши дальнейшие исследования.

Скученность построек данной части раскрытой площади, особенно в северной половине раскопа, такова, что создается впечатление какого-то тесного единства между ними, может быть даже свидетельствующего

о хозяйственной общности ряда семей, обитавших в соединенных хозяйственными пристройками соседних жилых домах. В частности, большой крытый двор между стоящими друг против друга постройками (комплекс в квадратах $А_9А_{12}$—$В_9В_{12}$ и комплекс в квадратах $Е_8Е_9$—$Ж_8Ж_9$) мог обслуживать хозяйственные нужды обитателей обоих домов, а возможно и третьего (комплекс в квадратах $Г_3Г_5$—$Е_3Е_5$), расположенного к Ю от того же двора. Однако такие выводы вовсе не надежны, так как древнерусские города всегда отличались скученностью. Поэтому-то они часто и жестоко страдали от пожаров.

Из частностей планировки здесь можно указать еще на дворик позади (западнее) комплексов в квадратах $Б_1Б_3$—$Д_1Д_3$ и в квадратах $Г_3Г_5$—

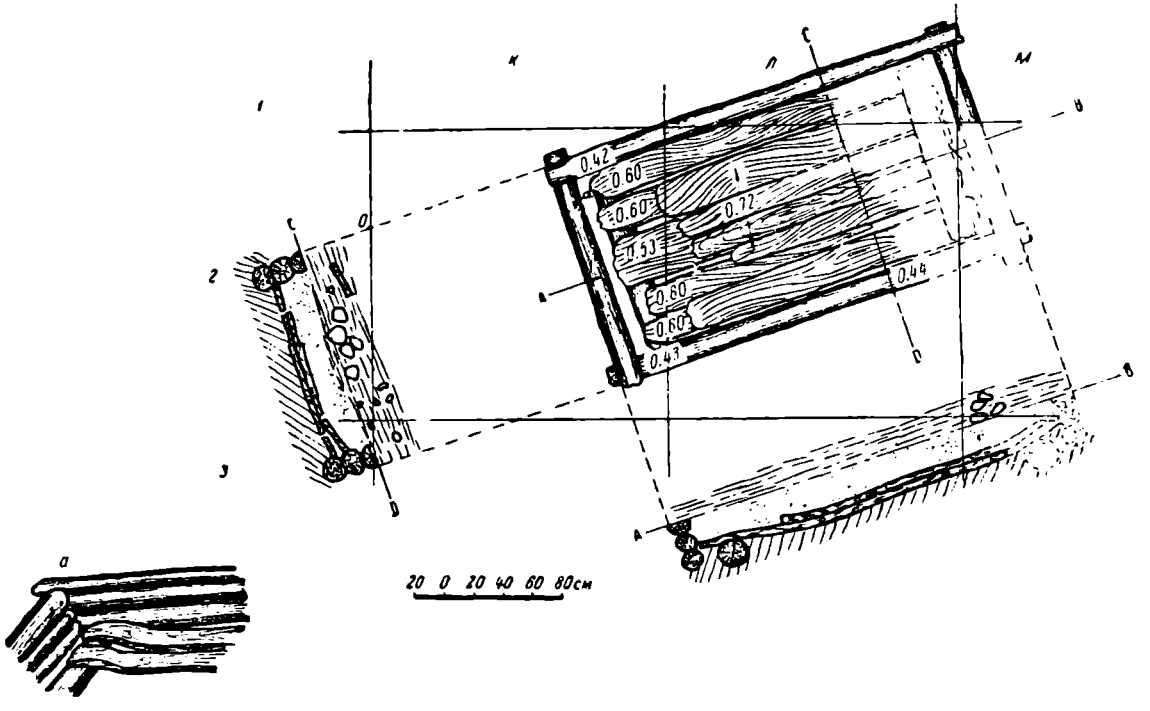


Рис. 29. План и разрезы житницы из горизонта *д*.

$Е_3Е_5$, занимавший маленькую площадь около 20 кв. м, на которой были разбросаны поленья, чурбаны, концы досок и т. п. Здесь же стоял пень, явно для колки дров, с обтесанными корневищами, сохраненными для устойчивости пня. Подобные пни видны и на чертежах Н. И. Репникова.

Иная планировка наблюдается в комплексах, стоящих особняком, не вполне согласно ни друг к другу, ни к только что описанным комплексам, ни к странам света. Это наш комплекс в квадратах $З_{II}$ $З_{III}$—$И_{II}$ $И_{III}$ с хозяйственными к нему пристройками и два более южных комплекса из раскопа Н. И. Репникова. Хотя все эти три комплекса располагаются приблизительно в одной полосе, вытянутой с С на Ю с отклонением южного конца к В (по этому признаку их можно было бы признать тоже частью другого уличного ряда), но, помимо их несогласной ориентировки, они, во-первых, отделены друг от друга бо́льшими промежутками, чем между постройками описанных выше уличных рядов, а во-вторых, рядом с ними расположены хотя и близко, но все же отдельно стоящие хозяйственные пристройки.

Получается значительное сходство с тем, что в писцовых книгах носит наименование «двор», представлявшее крестьянское хозяйственное гнездо,

т. е. сочетание избы с клетью, хлевом, житницей и другими пристройками вместе с прилегавшим огородом. Под понятие такого двора вполне подходит группа построек в квадратах $Ж_{III}Ж_2$—$К_{III}К_2$, состоящая: 1) из жилого дома с сенями, 2) примыкающего к сеням под углом с С хлева и 3) расположенной рядом с последним клети-житницы (см. рис. 29). Любопытно, что рядом с житницей (на 1 м к С) на уровне ее основания лежала часть плетня, по всей вероятности ограждавшего весь дворовый участок. По вычислениям Н. Д. Чечулина,[1] дворы и в XVI в. чаще всего состояли из двух (избы и клети) и из трех построек (избы, сенника, или сарая, и еще какой-нибудь постройки — хлева, житницы и т. п.). Как видим, близкая к этому планировка крестьянского, в данном случае посадского, двора сложилась уже к X в. в период оформления феодальных отношений в Древней Руси. Очевидно и «дым» древнерусской летописи представлял такой же двор, такую же крестьянскую ячейку, как двор Ладоги X в.

Итак, с одной стороны уличные прямые ряды домов с прилегающими к ним вплотную хозяйственными пристройками, с другой стороны — ближе к Волхову — повидимому, несколько обособленные дворы, вот общая картина планировки участка Ладоги X в. в пределах раскопанной нами и Н. И. Репниковым площади.

Вещевой материал

В процессе наших раскопок в Ладоге был собран (во всех слоях) огромный вещевой материал — свыше 22 000 инвентарных номеров. Надлежащее его описание, классификация и анализ потребуют ряда специальных исследований и будут включены в монографию о Ладоге. Здесь мы ограничиваемся некоторыми краткими и совершенно необходимыми замечаниями.

Основания для датировки. За нашу датировку слоистого, большей частью ненарушенного горизонта *д* X в. говорит общая совокупность сделанных в нем находок, но мы особо выделяем такие находки, которые вполне достоверно связаны с постройками и абсолютно синхроничны с ними. Таких находок немало. К ним относятся также и арабские серебряные монеты-диргемы VIII—X вв., встречавшиеся в горизонте отдельными экземплярами и небольшими кладами. Один такой клад найден в 1938 г. непосредственно рядом с комплексом к С от линии $А_I Г_I$, другой был извлечен непосредственно из-под северного бревна нижнего венца комплекса к С от линии $Б_I Д_I$. Ни одной монеты моложе X в. в них не было. Далее, в постройках в изобилии встречались бусы курганных типов IX—X вв. — сердоликовые шестигранные и круглые и пронизки из синего стекла, пастовые с глазками, мелкие желтые пастовые и др. В пожарище к С от линии $Б_1Д_1$ найдено целое ожерелье из мелких круглых пастовых бус X в. Далее, в подполье комплекса в квадратах $Е_8Е_9$—$Ж_8Ж_9$ был обнаружен бронзовый литой браслет типа X в. (рис. 30, *1*). Наконец, гончарная керамика типа X—XI вв. часто встречалась прямо в комплексах построек.

Из многих находок X в. в горизонте вне построек отметим бронзовый фрагмент овальной фибулы и наконечник меча с изображением птицы с распростертыми крыльями (рис. 30, *3* и *4*). Оба предмета скандинавского происхождения и, бесспорно, относятся к X в. Аналогии фибулы весьма многочисленны, аналогия наконечника — в Гнездове и в Бирке.

---

[1] Н. Д. Чечулин, ук. соч., стр. 300.

Датируя горизонт X в., мы имеем в виду основное время его образования и, следовательно, бытования его комплексов. Какие-то десятилетия IX и XI веков можно было бы включить в общую датировку (как это для IX в. мы и делали). П. Н. Третьяков датировал продолжение этого горизонта в раскопе Н. И. Репникова по находкам последнего — X—XI вв. Но для предлагаемой нами сейчас уточненной датировки имеются основания. Уже на верхней границе горизонта встречена гончарная керамика X в. Стеклянные браслеты, распространяющиеся на север только в XI—XII вв. и весьма типичные для культурных отложений древнерусских городов этого времени,[1] в нашем горизонте *д* представлены двумя-тремя фрагментами. Отсутствуют также западноевро-

Рис 30. Находки, датирующие горизонт *д*.

1 — бронзовый литой браслет, *2* — бронзовый наконечник пояса, *3* — обломок бронзовой овальной фибулы, *4* — бронзовый наконечник ножен меча с изображением птицы.

пейские монеты (денары), появляющиеся в Восточной Европе с XI в. Единичны здесь и находки овручских пряслиц XI—XII вв.

Итак, X в. — вот основное время «живого» существования описанных выше деревянных построек Ладоги. Именно к началу этого века они возникают и затем в последующие века повторяются в основных типических особенностях.

К е р а м и к а. В общей массе наших находок, естественно, преобладает керамика, состоящая в горизонте *д* (при грубой классификации) из двух основных групп.

[1] Во множестве они представлены, например, в культурном слое близкого к Ладоге Новгорода, исследователь которого пишет следующее: «Стеклянных браслетов свыше тысячи: синих, зеленых, желтых, фиолетовых и т. д. Все они залегают в слоях XI—XIII вв.»; см.: А. В. А р ц и х о в с к и й. Введение в археологию. Изд. 3-е, М., 1947, стр. 205.

Первая группа — черепки лепных от руки сосудов (встречались и почти целые экземпляры) из глины с грубыми примесями (крупный песок, толченый гранит, зерна кварца, шамот). Обжиг часто плохой (такие черепки легко ломаются и даже рассыпаются). Стенки сосудов толстые, цвет — серый, темносерый до черного. Преобладающая форма — горшки цилиндрической или баночной формы с весьма слабо отогнутым венчиком; встречаются горшки с округлым туловом и плоские блюда. По величине сосуды варьируют от небольших печных горшков, черепки которых носят следы нагара, до крупных, весьма толстостенных сосудов крайне неравномерного обжига. Большинство сосудов — гладкостенные, но много и орнаментированных (в верхней части). Элементы орнаментации — отпечатки гребенчатого штампа, вдавления или ямки, черточки. В целом — это еще ранняя восточнославянская керамика, хорошо известная на весьма широкой территории (городища роменско-боршевского типа, городища и курганы верхнего Днепра и Белоруссии, например Гнездово, Старое Сяло и Бычиха Витебского округа, нижний слой Полоцкого городища и т. д.). Происхождение этой керамики относится, конечно, ко времени гораздо более древнему, чем X в.

Вторая группа (рис. 31) — это хорошо известная и чрезвычайно широко распространенная славянская гончарная керамика в виде сосудов с округлым туловом, с сильно отогнутым венчиком и с орнаментацией из волнистых и параллельных линий. Представлена в несравненно меньшем количестве, чем керамика 1-й группы.

Значительное преобладание лепной керамики в горизонте *д* представляет контраст с преобладанием, напротив, гончарной керамики в одновременных этому горизонту приладожских курганах, что вполне понятно, так как в погребения попадали вещи по особому выбору.

Из особых типов керамики надо отметить сосуды с веревочной орнаментацией (аналогии на Шелони) и черепки прекрасного обжига красных глиняных амфор южного происхождения (аналогии в Маяцком Городище, в Саркеле, среднем Приднепровье).

Среди керамических изделий нередко попадались глиняные грузила и пряслицы.

Металлические предметы. Весьма часты изделия из железа (рис. 32) — кованые гвозди с широкими шляпками (устойчивый тип, державшийся до появления гвоздей фабричного производства), заклепки, топоры, ножи, наконечники стрел, пилки для обработки кости, скобы, древолазные шипы и др. Большинство типов встречено в приладожских курганах X в. Вряд ли можно сомневаться в том, что огромное большинство железных вещей изготовлялось на месте (наличие шлаков, описанная выше кузница).

Более редки предметы из меди и бронзы (рис. 33, *1, 2*), что вообще типично для культурного слоя поселений. Они представлены у нас как привозными изделиями (пряжки, браслеты, указанный выше обломок скандинавской фибулы и наконечник ножен меча того же времени, медные весовые гирьки, часть гривны восточного происхождения, фрагменты шумящих подвесок), так и местными (браслеты, гривны, кольца, пряжки и пр.). Довольно многочисленными свидетельствами местного ремесленного производства из меди и бронзы являются литейные формы, тигли и льячки (рис. 33, *3—5*), встречавшиеся в раскопе как в целом виде, так и во фрагментах. Сюда же относятся небольшие медные бруски и слитки — остатки запасов сырья.

Бусы. Весьма обильными по численности, да и по разнообразию типов, в горизонте были бусы стеклянные, хрустальные, пастовые, сердоликовые, металлические. Собраны тысячи экземпляров бус, причем они

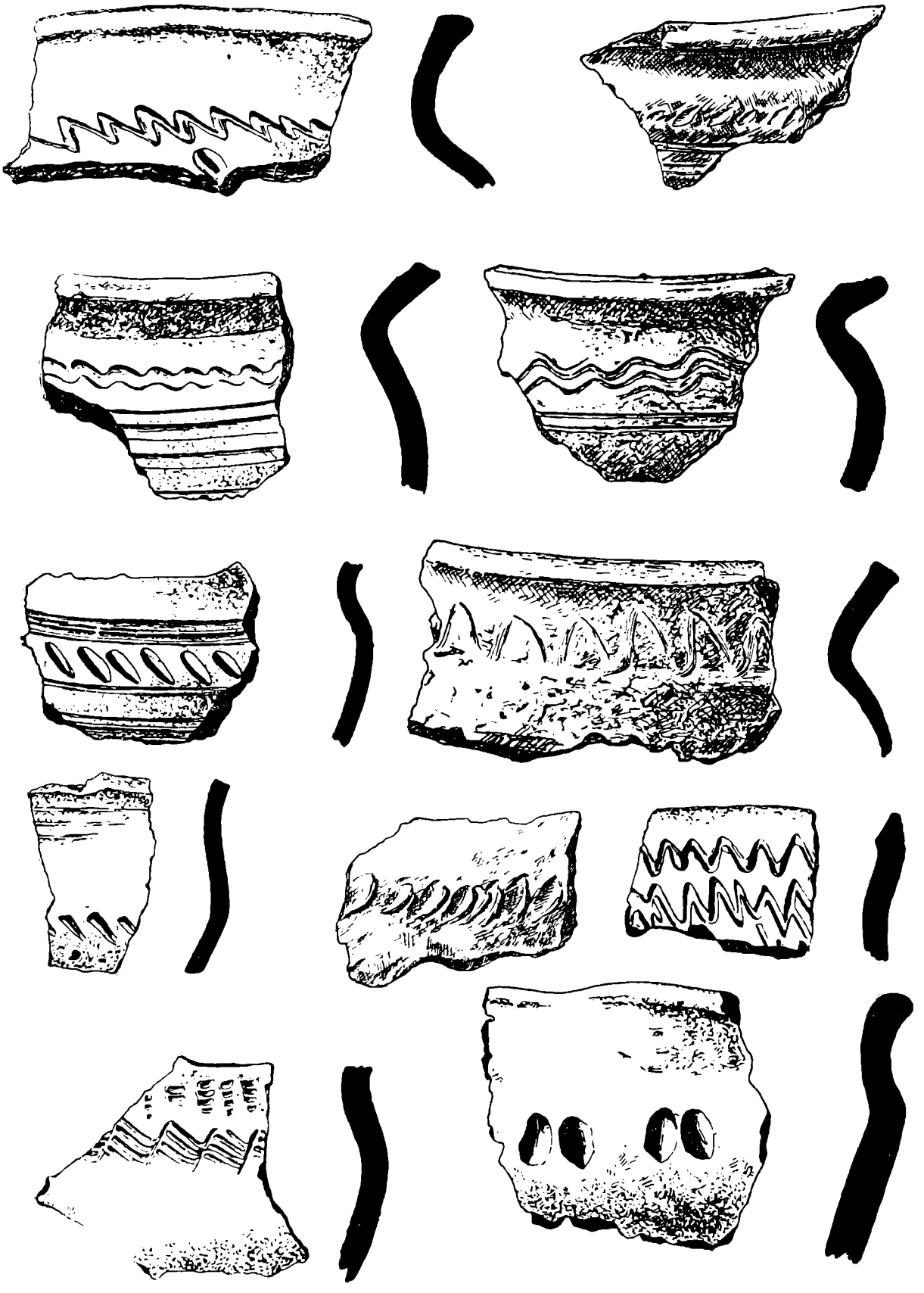


Рис. 31. Фрагменты керамики горизонта *д*.

встречались иногда целыми ожерельями. Классификация и анализ этого материала потребуют большой специальной работы, которая могла бы быть весьма актуальной. Обилие бус характерно для культурного слоя Ладоги; еще составитель III редакции «Повести временных лет» отметил

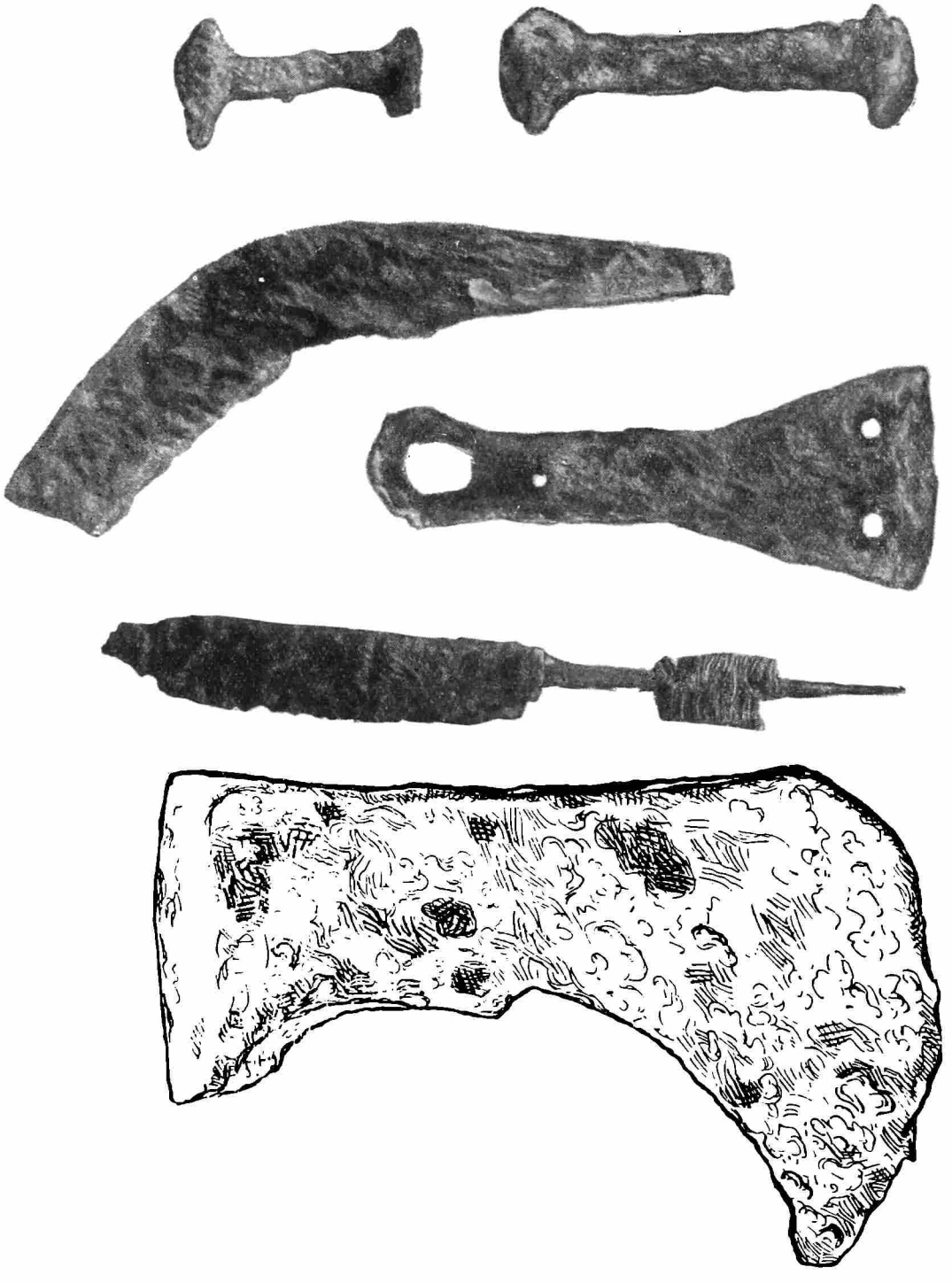


Рис. 32. Железные изделия из горизонта *д*.

это под 1114 г. в летописи (Ипатьевский список) как факт, поразивший его воображение, в следующих словах: «Пришьдшю ми в Ладогу, поведаша ми ладожане, яко се сьде, егда будет туча велика, беруть дети наши глазки стеклянные и малы и велики провьртаны, а другыя подле Волхов беруть, яже выполаскывает вода, от них же взях более ста; суть же различь».

Изделия из кости и рога (рис. 34). Очень часты находки готовых изделий, заготовок и остатков производства из кости и рога (гребни, проколки, иглы, рукоятки, наконечники, пряслицы, коньки, различные пластинки с орнаментом и пр.). Очевидно кость и рог как материал находили очень широкое применение в хозяйстве и быту обитателей Ладоги в X в., да и позднее. Для изделий употреблялись главным образом длинные кости и (для проколок) ребра различных животных: коров, лошадей, лосей. Для роговых изделий служили преимущественно

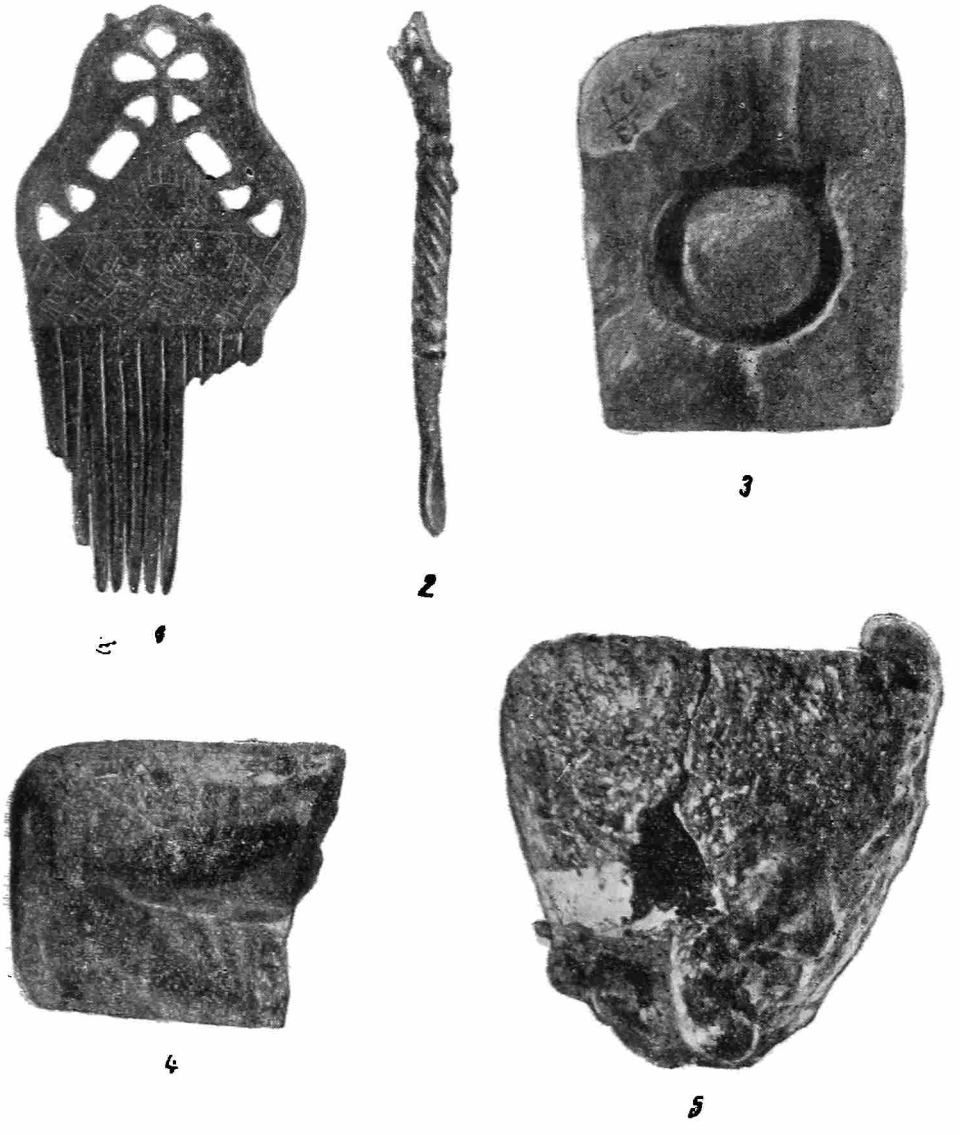


Рис. 33. Предметы, найденные возле построек из горизонта *д*.
1 — гребень, *2* — копоушка, *3*—*4* — литейные формочки, *5* — тигелек.

рога лося. Мы собрали, как уже указывалось, огромный материал этого рода, в котором представлены все стадии обработки кости и рога — от запасов сырья (крупные части рогов лося) до готовой продукции, что позволит в деталях изучить технику этого производства.

Из других находок отмечаем редкие шиферные пряслица овручского происхождения, многочисленные точильные бруски и большие точильные камни, находки частей круглых каменных жерновов (в комплексе в квадратах $Г_3Г_5$—$Е_3Е_5$ найдена половина такого жернова), находки сланцевых и кремневых орудий, принесенных сюда из соседних неолитических стоянок.

Рис. 34. Предметы, найденные в культурных отложениях горизонта *д*.
1—9— изделия из кости; 10, 11— заготовки из рога.

Деревянные изделия, весьма обильные в более глубоких горизонтах, здесь редки. Найдены обтесанные колышки, рукоятки, зуб деревянной бороны (рис. 35) и несколько фрагментов каких-то приспособлений из дерева (рис. 36, *б*). Нередки находки изделий из бересты (рис. 36, *а*) — плетеные лукошки, ведерки, круги-крышки. Любопытны похожие на паркет сложенные из бересты квадраты, служившие для настила на пол, своего рода паркет X в.

Рис 35. Зуб деревянной бороны (суковатки), найденный в горизонте *д*.

Хозяйство

Материалы из горизонта *д*, взятые в их совокупности, дают основания для важных исторических выводов, из которых мы коснемся здесь лишь вопроса о хозяйственной жизни группы ладожан, обитавшей в X в. на раскрытом ныне участке городища.

Как известно, письменные источники содержат ряд указаний на экономическую жизнь Киевской Руси, но эти указания настолько недостаточны, что допускали самые различные, часто противоположные суждения по этому вопросу, например мнение, что Русь была городовой, торговой, а на периферии, главным образом, охотничьей (Ключевский, Рожков, Довнар-Запольский), и мнение, наоборот, об исконности земледелия в древней Руси (Грушевский, Вахрушин и др.). Собственно только археология внесла (и уже очень давно) ясность в этот вопрос; в частности, после работ Б. Д. Грекова, широко использовавшего археологический материал, теперь уже стало бесспорным и вошло в учебники, что к IX—X вв. в основе экономики древней Руси лежало сельское хозяйство, что основным занятием русского населения в это время было земледелие.

Но ценность археологических источников заключается, конечно, не только в том и даже главным образом не в том, что они по отношению к древним эпохам нередко решают (точнее сказать, могут решать, если к ним обратятся) споры историков относительно тех или иных более или менее общих положений. Главная ценность археологических источников в их точности, объективности и сугубой конкретности. При надлежащем использовании они дают живое, наглядное, действительно вполне конкретное решение исторических проблем, восстанавливают целостные картины различных явлений общественной, особенно культурной жизни далекого прошлого, допускают возможность таких реконструкций, которые совершенно немыслимы по одним письменным известиям.

Примером такой реконструкции, такой конкретной картины и может служить восстановление хозяйственного быта населения одного из участков Ладоги X в. по нашим материалам.

В свете этих материалов ладожане выступают перед нами бесспорно прежде всего как земледельцы, как сельские хозяева, обитавшие в жилых гнездах-дворах, приспособленных к задачам сельского — уже крестьянского, индивидуального — хозяйства. Небольшой дом для малой семьи, хлев или крытый двор для скота, пристройка для хранения запасов — вот основные элементы этого крестьянского двора или «дыма» начальной летописи. Как мы видели, эти элементы в соответствующем сочетании очевидным образом представлены в остатках деревянных построек Ладоги X в.

Значительные скопления вокруг ладожских построек навоза с остатками в нем соломы и половы указывают на сочетание земледелия со стойловым скотоводством, предполагающим заготовку кормов (сена, соломы) на зиму.

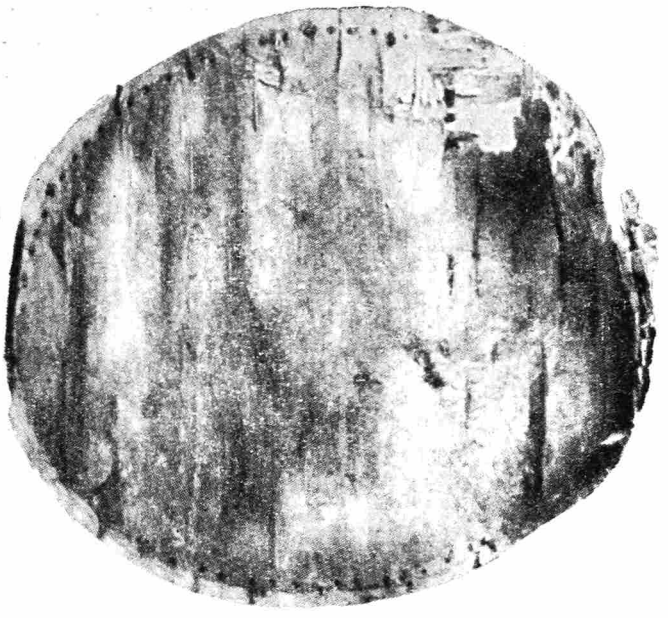
Имеются данные и о сельскохозяйственных орудиях. Неоднократно в горизонте встречались жернова. Из раскопок Н. И. Репникова происходит деревянная соха, хранящаяся в Государственном Музее этнографии. Правда, точных сведений о глубине этой важной находки не сохранилось, но, во-первых, в слоях выше нашего горизонта *д* дерево так хорошо не могло сохраниться (это мы знаем по собственному опыту), а во-вторых, этим более высоким горизонтам Н. И. Репников не придавал значения и не занимался их разборкой. Именуя их обобщенно «слоем чернозема», он собирал отсюда лишь ценные, с его точки зрения, вещевые находки. Без сомнения, указанная соха относится или к нашему горизонту *д*, или к более глубоким горизонтам. Нами был найден и зуб деревянной бороны (рис. 35). Значит, соха и борона — главные орудия крестьянской пашни к X в. — представлены в Ладоге, следовательно земледелие здесь было пашенным, что не вызывает сомнения и в свете других косвенных данных.

Из культурных злаков с полной достоверностью констатировано наличие метельчатого проса (Panicum miliaceum L.), в изобилии встреченного в виде зерен, мякины и соломы. Пшеница и рожь (последняя представлена значительными скоплениями зерен в более высоких горизонтах, особенно в раскопе 1945 г., где она обнаружена уже в горизонте XIII и XIV вв.) в горизонте *д* не обнаружены. Следовательно, просо, повидимому, было главным полевым культурным растением в Ладоге X в., хотя этот вывод требует еще дальнейшей проверки.[1]

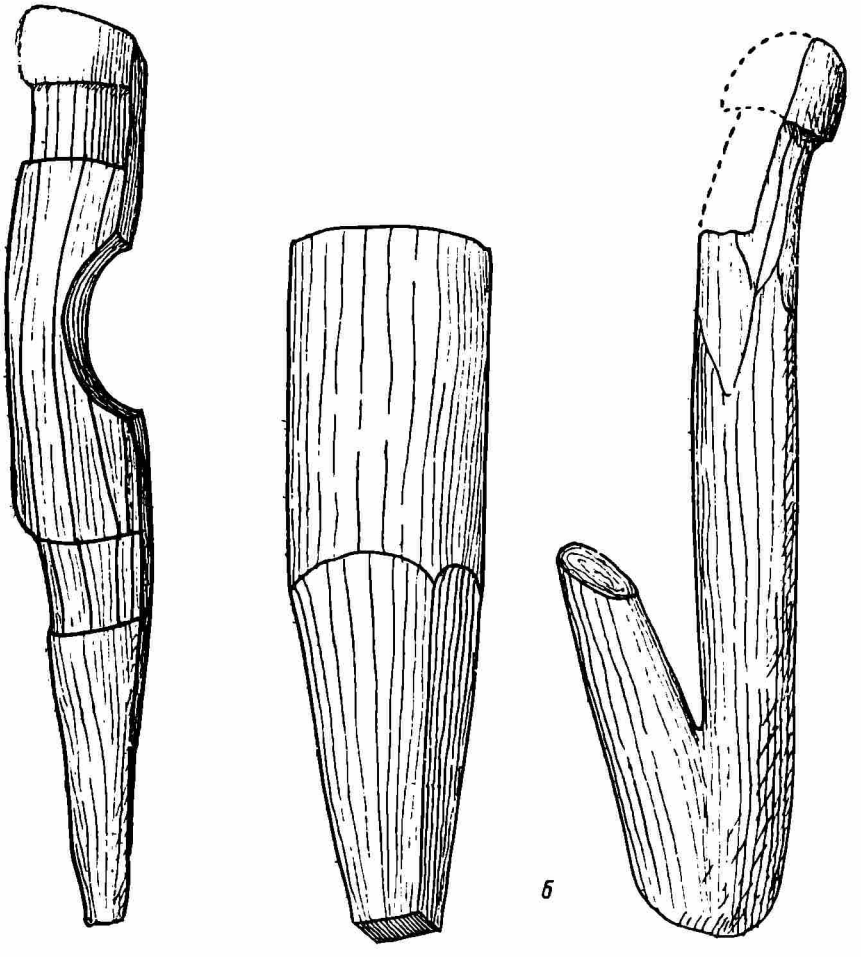
О развитии скотоводства к X в. в Приладожье мы хорошо знаем по массовым находкам в курганах (многочисленные удила и принадлежности конской сбруи, коровьи колокольчики, кости лошади, коровы, овцы, свиньи). Собрав в 1938 и 1939 гг. полностью все костные остатки (свыше 7000 костей) в горизонтах *г* и *д*, мы имеем теперь массовый материал для приблизительных суждений о количественном соотношении различных видов животных, находившихся в хозяйственном использовании у человека. Определения производились в Зоологическом институте Академии Наук СССР научным сотрудником Сусловой под наблюдением В. И. Громовой. При определении выяснилось, что никакой существенной разницы между данными 1938 и 1939 гг. не обнаружено. Ввиду этого, по совету В. И. Громовой, кости из раскопок 1940 и 1945 гг. не определялись.

Среди домашних животных по числу особей первое место занимала свинья (42% в сборах 1938 г. и 46% в сборах 1939 г.), затем крупный рогатый скот (26% — 1938 г. и 28.1% — 1939 г.) и мелкий рогатый скот — преимущественно овцы (12% — 1938 г. и 14% — 1939 г.). Все

[1] В. А. Петров. Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладоги. КСИИМК, XI, стр. 42 и сл.



а



б

Рис. 36.

а — берестяной поддон, *б* — изделия из дерева.

эти животные употреблялись в пищу, и потому процентное соотношение собранных костных остатков приблизительно соответствует количественному соотношению видов в составе стада. Далее мы имеем в наших сборах кости лошади (4% — 1938 г. и 5.6% — 1939 г.), домашней кошки (10% — 1938 г. и 2% — 1939 г.), собаки (6% — 1938 г. и 4% — 1939 г.) и, наконец, домашней курицы (11% — 1938 г. и 15% — 1939 г. по отношению к определенным отдельным особям всего состава птиц).

Такова картина скотоводства в Ладоге в X в.

Находки охотничьих орудий (наконечники стрел и копий, деревянные луки в материалах Н. И. Репникова и пр.) отмечают значение охоты в хозяйстве ладожан, что еще конкретнее выступает при изучении собранных нами остатков дикой фауны. Прежде всего не лишены интереса цифры, показывающие соотношение домашних и диких животных в общем количестве определенных отдельных особей. По млекопитающим мы имеем: для сборов 1938 г. — 59 определенных особей, из них 84.8% домашних животных, 15.2% диких; для сборов 1939 г. — 308 особей, из них 87.7% домашних, 12.3% диких. Конечно, не все убитые охотниками дикие животные попадали в поселение, кроме того в состав определенных костей не вошли изделия из кости и рога (среди них особенно часты изделия из рога лося, встречаются и клыки медведя, не представленного в костных остатках), но в известной мере приведенные цифры (в среднем 88% домашних животных и 12% диких) все же, несомненно, характеризуют удельный вес скотоводства и охоты в хозяйстве ладожан.

По видам дикие животные в общем составе определенных отдельных особей распределяются следующим образом: на первом месте идет бобр (44% в сборах 1938 г. и 42.1% в сборах 1939 г., что невольно заставляет вспомнить «бобровые гоны» древнерусских источников), затем лисица (22.2% — 1938 г. и 16% — 1939 г.), заяц (11% — 1938 г. и 13.1% — 1939 г.), лось (11.1% — 1938 г. и 10.5% — 1939 г., для лося эти цифры, как указывалось, следует увеличить) и волк (1% — 1938 г. и 1% — 1939 г.). Кроме того в сборах 1939 г. оказались: тюлень — 4 особи (10.5%), благородный олень и рысь — по одной особи.

В дикой фауне по числу особей значительно обильнее и разнообразнее, чем млекопитающие, представлены птицы, в первую очередь лесные куриные, т. е. глухари, тетерева, рябчики, и водоплавающие — утиные и гусиные. Очевидно «перевесища» находили широкое применение в охотничьем промысле ладожан.

Рыбная ловля в богатых рыбой Волхове и Ладожском озере несомненно всегда занимала весьма видное место в хозяйстве ладожан. По документам XVI—XVII вв. в Ладоге насчитывается до 11 тоней. В договорах XIII—XV вв. Новгорода с князьями право князей на рыбную ловлю в Ладоге оговаривается особо (например, в договоре 1270 г. значится: «а в Ладогу княже слати осетреника и медовара по грамоте отца твоего Ярослава»). В культурных отложениях нижних горизонтов в нашем раскопе часто встречались весьма значительные скопления рыбных костей и чешуи. Пока этот материал нами не изучался, так как ихтиологов мы еще не смогли привлечь к нашей работе. Нередки в наших находках каменные и глиняные грузила, встречались металлические рыболовные крючки и гарпуны из кости.

Переходя к промышленной деятельности ладожан IX—X вв., мы должны констатировать несомненное наличие у них ярко выраженной домашней промышленности — производства для собственных нужд каждой семьи. Лучшим свидетельством этого является исключительное преобладание лепной глиняной посуды в керамике. Такая весьма несложная по форме и технике посуда могла лепиться и подвергаться обжигу

Результаты определения костей животных из раскопок в Старой Ладоге 1938 г. (горизонты *г* и *д*; последний непосредственно связан с деревянными погребениями X в.)

№ п/п	Наименование видов	Общее количество костей	Число особей	% соотношения видов
	I. Домашние животные (млекопитающие)			
1	*Sus scrofa domestica* (домашняя свинья)	480	21	42
2	*Bos taurus* (крупный рогатый скот)	513	13	26
3	Мелкий рогатый скот (присутствия козла не замечено) . . .	71	6	12
4	*Felis domestica* (домашняя кошка)	6	5	10
5	*Canis familiaris* (собака)	13	3	6
6	*Equus caballus* (домашняя лошадь) . . .	16	2	4
	Общее количество	1099	50	100
	II. Дикие животные (млекопитающие)			
1	*Castor fiber* (бобр)	23	4	44.4
2	*Vulpes* sp. (лисица)	14	2	22.2
3	*Lepus* sp. (заяц)	3	1	11.1
4	*Alces machlis* (лось)	1	1	11.1
5	*Canis lupus* (волк)	1	1	11.1
	Общее количество	42	9	100
	III. Птицы			
	Отряд *Falconiformes* (дневные хищные птицы)			
1	*Buteo* sp. (канюк)	1	1	2.8
2	*Aquila chrysaëtos* (беркут) .	1	1	2.8
	Отряд *Lamellirostris* (пластинчатоклювые)			
	Семейство *Anatidae*			
	Подсемейство *Anserinae* (гусиные)			
3	*Anser* sp. (гусь) . . .	1	1	2.8
	Подсемейство *Anatin e* (утиные)	42	9	25.0
	Из них определены:			
4	*Querquedula crecca* (чирок)	1	1	2.8
5	*Spatula clypeata* (широконоска)	2	1	2.8
6	*Anas platyrrhincha* (кряква) . .	14	4	11.0
	Подсемейство *Clangulinae* (нырковые)			
7	*Nyroca* sp. (нырок) .	2	2	5.5
	Отряд *Galliformes* (куриные)	159	21	58 3
	Из них определены:			
8	*Tetrao urogallus* (глухарь)	105	11	30.7
9	*Lyrrurus tetrix* (тетерев) .	28	6	16.6
10	*Gallus domesticus* (домашняя курица)	26	4	11.0
	Отряд *Passeriformes* (воробьиные)			
11	*Corvus cornix* (ворона)	1	1	2.8
	Неопределенных видов	11		
	Всего	218	36	100

Результаты определения костей животных из раскопок в Старой Ладоге 1939 г. (горизонт *д*)

№ п/п	Наименование видов	Общее количество костей	Число особей	% соотношения видов
	I. Домашние животные (млекопитающие)			
1	*Sus scrofa domestica* (свинья)	1965	125	46.3
2	*Bos taurus* (крупный рогатый скот)	2749	75	28.1
3	Мелкий рогатый скот (преимущественно *ovis aries* овца; козел — в небольшом количестве)	367	38	14.0
4	*Equus caballus* (лошадь)	109	15	5.6
5	*Canis familiaris* (собака)	43	11	4.0
6	*Felis domestica* (кошка)	8	5	2.0
	Общее количество	5241	270	100
	II. Дикие животные (млекопитающие)			
1	*Castor fiber* (бобр)	74	16	42.1
2	*Vulpes vulpes* (лисица)	10	6	16.0
3	*Lepus* sp. (заяц)	7	5	13.1
4	*Alces machlis* (лось)	8	4	10.5
5	*Phoca hispida* (тюлень)	6	4	10.5
6	*Cervus elaphus* (благородный олень)	5	1	2.6
7	*Canis lupus* (волк)	1	1	2.6
8	*Lynx lynx* (рысь)	1	1	2.6
	Общее количество	112	38	100

Результаты определения костей птиц из раскопок в Старой Ладоге в 1939 г. (горизонт *д*)

№ п/п	Название животных (птиц)	Количество костей	Число особей	% соотношения особей
	Отряд *Galliformes* (куриные)	314	92	55.4
	Из них определены:			
	Семейство *Fasianidae* (фазановых)			
1	1 *Gallus domesticus* (домашняя курица)	65	25	15.0
	Семейство *Tetraonidae* (тетеровидные)			
2	2 *Tetrao urogallus* (глухарь)	150	31	18.6
3	3 *Lyrrurus tetrix* (тетерев)	66	17	10.2
4	4 *Tetrastes bonasia* (рябчик)	2	1	0.6
	Всего определенных	283	74	44.4
	Отряд *Lamellirostris* (пластинчатоклювые)			
	Семейство *Anatidae* (утиные)			
	Подсемейство *Clangulinae* (нырковые утки)	56	31	18.7
5	1 *Somateria* sp.	34	14	8.5
6	2 *Bucephala clangula* (гоголь)	16	11	6.6
	Всего определенных	50	25	15.1
	Подсемейство *Anatinae* (речные утки)	56	25	15.1
	Из них определены:			
7	1 *Anas platyrrhincha* (кряква)	46	15	9.0
8	2 *Mareca penelope* (свиязь)	4	4	2.4
9	3 *Spatula clypeata* (широконоска)	2	2	1.2
10	4 *Querquedula crecca* (чирок полевой)	1	1	0.6
11	5 *Anas strepera* (серая утка)	1	1	0.6
	Всего определенных	54	23	13.8

Продолжение

№ п/п	Название животных (птиц)	Количество костей	Число особей	% соотношения особей
	Подсемейство *Cygninae* (лебеди)	6	4	2.4
	Из них определены:			
12	1 *Cygnus cygnus* (лебедь-кликун) .	6	4	2.4
	Подсемейство Merginae (крохали)			
13	1 *Mergus merganser* (большой крохаль) .	3	2	1.2
	Подсемейство *Anserinae* (гуси)	1	1	0.6
14	1 *Anser anser*	1	1	0.6
	Отряд *Falconiformes* (дневные хищные птицы)	8	8	4.8
	Семейство *Accipitridae* (ястребиные)			
	Из них определены:			
15	1 *Astur gentilis* (тетеревятник) .	3	3	1.8
16	2 *Archibuteo lagopus* (канюк мохноногий)	2	2	1.2
17	3 *Aquila chrysaëtos* (беркут)	1	1	0.6
	Всего определенных:	6	6	3.6
	Отряд *Limicolae* (кулики)	2	2	1.2
	Из них определены:			
18	1 *Philomachus pugnax* (турухтан)	1	1	0.6
19	2 *Scolopax rusticola* (вальдшнеп)	1	1	0.6
	Отряд Passeres (воробьиные)			
	Семейство Corvidae (вороновые)			
20	1 *Corvus corax* (ворон)	1	1	0.6
	Всего .	447	166	100

самыми простыми способами в каждой семье. Гончарное производство и в X в. еще в значительной степени продолжало оставаться уделом домашней промышленности, хотя гончарный круг к X в. здесь уже был хорошо известен. Сосуды выделывались на круге, очевидно, уже ремесленниками для продажи. Интересно, что в более высоких горизонтах мы видим обратную картину: ремесленная керамика, сделанная на гончарном круге, преобладает над лепной; последняя, хотя и долго держится, но становится уже пережитком. Так в области гончарного производства ремесло постепенно вытесняло домашнюю промышленность.

Выделка изделий из кости и рога представлена у нас также чрезвычайно обильными находками, демонстрирующими в деталях весь процесс производства от запасов сырья (в виде, например, массивных лопаток рогов лося), различных заготовок, до недоделанных и, наконец, разнообразных готовых изделий — рукояток, проколок, игл, пряслиц, наконечников стрел, гребенок и т. д. (рис. 32). Были находки и орудий производства, например небольших пилок, уже употреблявшихся в применении к кости и рогу. Судя по локализации остатков этого вида производства, распространенных во всех комплексах, оно, так же как и лепка глиняных сосудов, относилось в основном к домашней промышленности, но и здесь можно констатировать выделение ремесла из домашней промышленности. В наших сборах нередки заготовки для гребней и есть даже образцы наполовину вырезанных изделий этого рода. Подобные гребни обычны для инвентаря приладожских курганов. Искусные резчики могли изготовлять их уже для продажи.

Обработка дерева и изготовление изделий из бересты, а также прядение и тканье, представленные у нас многочисленными находками пряслиц, а в материалах Н. И. Репникова, повидимому, и частями деревянного ткацкого станка, также скорее всего входили в область домашней промышленности.

Иное следует сказать о металлургии и обработке металла. Льячки, тигли, формы для литья и шлаки встречались у нас в разных точках раскопа, но вряд ли в это время, например, литье медно-бронзовых изделий (колец, браслетов, пряжек, украшений) производилось для собственных нужд в каждой семье. Можно думать, что здесь мы имеем дело уже с ремеслом, работавшим на местный рынок. В дальнейшем интересно будет изучить все найденные нами и Н. И. Репниковым литейные формы (их немало), сравнивая их с медно-бронзовыми изделиями из приладожских курганов. Вероятно это даст любопытные выводы о местном ремесле в Ладоге.

В итоге изучения остатков различных видов производств, типов построек и их планировки, характер хозяйства ладожан, живших на раскрытом нами участке в отдельных дворах, можно по общему впечатлению определить как индивидуализированное крестьянское сельское хозяйство с домашней промышленностью и с наличием выделившегося ремесла. Отдельный посадский двор в Ладоге X в. и по типам построек и по хозяйству вероятно мало отличался от подобных дворов соседних чисто сельских поселений на Волхове. Да и на всем исследованном участке, повидимому еще не центральном в Ладоге, процесс отделения города от деревни выражен не резко, что, разумеется, не дает еще права судить о городе в целом и лишь обязывает нас все более расширять исследуемую площадь. «Лицо города» в целом даже и после наших работ, почти втрое расширивших площадь раскопа Н. И. Репникова, все еще остается далеко не ясным.

Отличия от деревни, однако, здесь уже несомненно наблюдаются. Главнейшие из них заключаются, во-первых, в остатках ремесла, во-вторых, в скученности рядом стоящих построек и, в-третьих, в наличии следов торговой деятельности.

Ремесло могло возникать и в отдельных пунктах сельских районов, но оно не характерно для деревни. Между тем в Ладоге X в., мы видели, оно уже существовало. Скученность уличных построек показывает, что ладожане дорожили площадью для застройки, очевидно, уже в довольно густо заселенном городе, и сельское хозяйство здесь существенно дополнялось другими видами деятельности.

Что касается торговли, то, кроме продажи собственных ремесленных изделий, здесь происходил и торг привозными товарами. Многочисленные находки западноевропейских вещей и вещей восточного происхождения в приладожских курганах X—XI вв., а также частые здесь клады восточных и (с XI в.) западноевропейских монет — достаточно наглядные свидетельства такого торга, в котором Ладога как центральный в Приладожье пункт не могла не играть видной роли. Трудно, конечно, сказать, какое отношение к такой внешней торговле имели те ладожане, которые жили на раскрытом нами и Н. И. Репниковым участке, но для города в целом она была характерной. Отмечу, что привозные вещи встречались и в нашем раскопе, например черепки прекрасно обожженных глиняных амфор южного происхождения, множество бус, скандинавские вещи, а также указанные выше клады арабских монет.

Таковы черты хозяйственной жизни ладожан в X в., ярко характеризующие важный, собственно решающий, этап образования феодального способа производства в Древней Руси на севере.

Совершенно иную картину исторической жизни дают нам материалы из самой нижней толщи культурного слоя Ладоги, залегающей под описанным горизонтом *д*. Характеристике этих любопытнейших материалов и выводам из них посвящена вторая часть настоящей работы, публикующаяся в следующем (XII) томе «Советской археологии».

М. К. КАРГЕР

КИЕВ И МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

«В летописи не занесено ничего подобного, либо похожего на это нашествие. К числу самых ужасных бед, о которых они повествуют, относится расправа Навуходоносора с израильтянами: избиение их и опустошение священного Иерусалима. Но что такое Иерусалим сравнительно с опустошенными этими проклятыми людьми областями, главные города которых были вдвое больше Иерусалима, что такое израильтяне, в сравнении с вырезанными теперь, когда население какого-нибудь одного города, жителей которого избивали татары, превосходило своею численностью весь израильский народ. Я полагаю, что народы не испытают более подобного разгрома до самого того времени, когда человечество предстанет на суд божий и пока мир не обратится в ничто. . Ибо даже антихрист пощадит тех, кто последует за ним, хотя погубит тех, кто окажет ему сопротивление, те же не пощадили никого, но убивали и женщин и мужчин, вспарывали животы беременных и резали еще не родившихся. .».

Ибн аль-Асир (арабский историк XIII в.).

«Величество наше смирися, красота наша погыбе, богатство наше онем [врагам] в корысть бысть, труд наш погании наследоваша, земля наша иноплеменным в достояние бысть. .».

Серапион Владимирский (середина XIII в.).

I

Вопрос о роли монгольского завоевания для последующих исторических судеб Среднего Поднепровья и стольного города разоренной Киевской земли, в частности, — был поднят в нашей исторической науке давно и с тех пор неоднократно вновь и вновь дебатировался в русской, украинской и польской историографии. Необходимо подчеркнуть, что проблема эта обсуждалась почти всякий раз в обстановке чрезвычайного политического накала. Вопрос, касающийся, казалось бы, очень отдаленного периода в жизни нашей Родины, нередко становился плацдармом острых политических дискуссий и не раз использовался для «обоснования» различных, порой весьма далеко идущих политических концепций.

Более девяноста лет тому назад, в 1856 г., в очередном томе Известий Второго отделения Академии Наук М. П. Погодин выступил со знамени-

той впоследствии «Запиской о древнем языке русском»,[1] в связи с появлением работ И. И. Срезневского и П. А. Лавровского, посвященных некоторым вопросам истории древнерусского языка. Погодин обратил внимание на то, что язык древнейших памятников киевской письменности не обнаруживал, как ему казалось, никаких признаков украинского языка. Язык памятников древнейшей киевской письменности ни в чем не обнаруживал ни малейшего родства с языком украинских документов XVI—XVII вв., решительно отличался он и от того языка, на котором говорили украинцы — современники Погодина. Рассуждения Погодина шли по следующему пути: «Если б Нестор, — писал он, — и продолжатели его, киевские летописатели, были малороссияне, то каким бы образом могло случиться, чтоб они не дали нигде приметить своего малороссийского происхождения? Каким бы образом могло случиться, чтоб они не обронили там-сям какого-нибудь малороссийского слова, не употребили малороссийского оборота, не вставили иной поговорки или удержались от междометия?».[2]

Вывод Погодина был сформулирован им весьма решительно: «. . . летописи принадлежат не малороссиянам, а какому-нибудь другому племени. Следовательно, и племя другое жило в Киеве, а не малороссияне».[3]

Считая, что «в летописях господствует великороссийское наречие, а малороссийского нет», Погодин подходил к дальнейшему, основному выводу: «. . в Киеве жили до татар не малороссияне, а великороссияне».[4]

Если к этим выводам Погодин приходил на основе филологических размышлений, то как историк он подкреплял их соответственной интерпретацией известных ему исторических фактов. Сравнение характера русских князей, характера военного сословия Киевской Руси, облика людей великокняжеского Киева, их нравов, обычаев, жилищ, одежды, пищи, одним словом — сравнение культуры древнерусской с украинской культурой позднейшего времени окончательно убеждало Погодина в правильности его филологических рассуждений. «Великороссияне, — заключал он, — древнейшие поселенцы по крайней мере в Киеве и окрестностях. Малороссияне пришли в эту страну после татар».[5] Передвижение «великороссиян» на север Погодин связывал с результатами монгольского завоевания. Старое население покинуло после монгольского завоевания разоренную Киевскую землю, переселилось на север. Поэтому-то, как казалось Погодину, песни о Владимире и его витязях поются в Архангельске, Владимире, Костроме и Сибири, в то время как на Украине они давно забыты. Поэтому все то, что связано с периодом Киевской Руси, так близко сердцу «великороссиян» и так непохоже на последующую украинскую историю.

Освободившиеся земли в Среднем Поднепровье были заселены, по мнению Погодина, новыми пришельцами. «Они пришли после Татар от Карпатских гор и заняли Киевскую губернию так, как потомки их в XVI ст. заняли Харьковскую, подвинулись к Воронежу и Курску».[6] Язык этих выходцев из западных украинских земель и выступает, по мнению Погодина, в поздних памятниках украинской письменности.

[1] М. П. Погодин. Записка о древнем языке русском. (Письмо к И. И. Срезневскому). ИАН по Отд. русск. языка и словесности, ч. V, вып. 2, СПб., 1856, стр. 70—92.

[2] Там же, стр. 73.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 83.

[6] Там же, стр. 81.

В нашу задачу отнюдь не входит разбор этой концепции по существу. Примитивность и ошибочность основных, исходных представлений в вопросах этно- и глоттогенеза в концепции Погодина сейчас слишком очевидны и едва ли требуют разъяснений. К тому же выступление Погодина интересует нас в данном случае лишь как начало длительной дискуссии по вопросу, который для самого Погодина отнюдь не был основным, — о роли монгольского завоевания для последующих судеб древней столицы Киевской Руси — города Киева.

Вскоре после появления «Записки» М. П. Погодина с резкой критикой его основных положений выступили представители тогдашней украинской науки, в первую очередь М. А. Максимович[1] и А. А. Котляревский.[2] Преодолевая, хотя и не без ошибок, филологическую часть доказательств Погодина, оба эти исследователя пытались со своих позиций объяснить поднятые Погодиным вопросы о сохранении былин киевского цикла на севере, о «национальном характере» исторических деятелей Киевской Руси, выдвигая в то же время и некоторые новые вопросы для защиты своих основных положений. Не входя в подробности этой длительной дискуссии,[3] нередко обострявшейся постановкой больших национально-политических проблем, мы должны здесь все же подчеркнуть, что борясь с бесспорно ошибочной концепцией Погодина украинские историки и филологи 50—60-х годов прошлого века в полемическом задоре допускали и сами немало явных ошибок, в частности они безусловно ошибались в решении интересующего нас вопроса. Если Погодин для объяснения своего основного положения явно преувеличенно трактовал роль монгольского завоевания, то его оппоненты, особенно М. Максимович, впадали в обратную крайность — они доказывали, что роль монгольского завоевания для Украины была незначительна, что Киев не был разорен и разрушен, что на некоторое время лишь пало его значение, перешедшее к другим центрам, и т. п.

С новой силой и политической заостренностью вопрос о роли монгольского завоевания был поднят в трудах представителей украинской буржуазно-националистической историографии в последние десятилетия прошлого века. В начале 80-х годов в журнале «Киевская Старина» была опубликована статья В. Б. Антоновича «Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие».[4] «Одно из общих мест, установившихся с конца XVI столетия, — утверждал Антонович, — и вследствие частого повторения сделавшихся общепринятым историческим убеждением,

---

[1] М. А. Максимович. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом. Русская беседа, 1857, кн. IV, стр. 22—35; Собр. соч., т. I, Киев, 1876, стр. 131—145. О филологической стороне спора с Погодиным см. также: Филологические, Ответные и Новые письма к Погодину Собр. соч., т. III, стр. 183 и сл.

[2] А. А. Котляревский. Были ли малороссы исконными обитателями Полянской земли или пришли из-за Карпат в XIV веке? «Основа», 1862, кн. IX; Собр. соч., т. I, СПб., 1893, стр. 624—637.

[3] Вопрос о роли монгольского завоевания для последующей истории Украины породил, как известно, значительную литературу, в основной части посвященную проблемам языка. История вопроса и библиография изложены в статье Пыпина «Спор южан и северян о малорусском языке» (Вестн. Европы, 1886, VI).

[4] В. Б. Антонович. Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие. Киевская Старина, т. I. Киев, 1882, январь, стр. 223—264. Позже эта же статья была переиздана автором в сборнике его статей — Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. I, Киев, 1885, стр. 223—264. Все дальнейшие ссылки делаются на последнее издание. Вскоре после выхода в свет названного сборника критический разбор основных положений В. Антоновича был сделан А. И. Соболевским в статье: К вопросу об исторических судьбах Киева. Унив. изв., Киев, 1885, № 8 (август), стр. 281—292.

составляет то мнение, будто после Батыева нашествия Киев был превращен в развалины, Киевская область совершенно опустела и перестала принимать какое бы то ни было участие в политической и культурной жизни Руси».[1]

По мнению Антоновича, мысль о запустении южной Руси с XIII по XVI в. «не более, как исторический мираж».[2] «Батыево разорение, — утверждал он, — есть последнее постигшее Киев бедствие, записанное древними русскими летописями; затем после долгого перерыва, в XVI ст., путешественники, посещавшие Киев или писавшие о нем — Герберштейн, Гваньини, Лясотта, Гейденштейн и пр., — описывают развалины, загромоздившие нагорную часть Киева, и сожалеют об упадке величия этого некогда знаменитого города».[3] Антонович полагал, что еще в конце XVI в. появилось стремление связать записанное древними русскими летописцами известие о Батыевом нашествии с картиной разоренного города, открывавшейся перед глазами путешественников, как причину и следствие. С той поры и утвердилось ложное, по мнению Антоновича, убеждение о разорении Киева полчищами Батыя, тогда как в древних источниках о разрушении города нет никаких упоминаний, кроме известия о падении сводов Десятинной церкви.[4]

Собрав все немногочисленные летописные известия конца XIII—XIV вв., упоминающие о Киево-Печерском монастыре и Киево-Софийском соборе в связи с различными событиями церковной истории, Антонович полагал, что этих фактов достаточно для того, чтобы устранить убеждение о запустении Киева в конце XIII—XIV вв.

С неменьшей решительностью отстаивал эту же точку зрения признанный лидер украинской буржуазно-националистической историографии М. С. Грушевский.[5] Справедливо возражая против погодинской теории о передвижении старого населения Киевской Руси под натиском татар на северо-восток, справедливо протестуя против теорий, распространяемых в польской историографии (Грабовский, Шайноха), о полном запустении Украины после татарского разгрома и о последующей сплошной колонизации ее поляками, Грушевский в то же время не только всячески старался умалить значение татарского нашествия, но и рассматривал татарское завоевание как благоприятный для дальнейшего развития украинского народа фактор, способствовавший созданию на Украине нового, своеобразного, в некотором смысле бесклассового общественного строя, который Грушевский называл «общинным».

«Я не могу признать за монгольским нашествием, — заявлял Грушевский, — решительного, фатального значения для состояния страны — я зато придаю ему большое значение в другом отношении — в отношении перестройки политико-общественных отношений».[6] В результате татарского погрома, по мнению Грушевского, «население *нивеллировалось* вследствие обеднения и эмиграции богатого класса. Такая *нивеллировка содействовала большей демократизации общественных отношений и обратно — находила себе опору в строе демократической общины*»[7] (курсив наш, — *М. К.*).

---

[1] В. Б. Антонович, ук. соч., стр. 223.
[2] Там же, стр. 224.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] М. Грушевский. История Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891, стр. 427—465.
[6] Там же, стр. 443.
[7] Там же, стр. 458—459. Анализ этой концепции Грушевского см. акад. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда. Л., 1937, стр. 177—179 и 199.

В вопросе о роли монгольского завоевания для последующих судеб Киева Грушевский полностью разделял и поддерживал точку зрения Антоновича: «. . . Мы не имеем твердых положительных оснований, — писал он, — для того, чтобы предполагать поголовное избиение и совершенное разорение, запустение Киева. *В ряду других разорений*, более или менее опустошительных, постигавших Киев, как разорения 1169, 1202, 1416, 1482 гг., *и погром 1240 г.* повредил благосостоянию, торговле города, уменьшил его население, может быть и в большей степени, чем другие, *но фатального значения приписывать ему мы не в праве*».[1]

Грушевский усматривал в древних известиях о разгроме Киева не более чем литературный прием летописца, который, по его мнению, «одевал свои известия в готовые, шаблонные формы, мало заботясь о том, насколько соответствовали они действительности».[2]

Сохранившиеся, по словам Грушевского, «в целости» некоторые древние сооружения также приводили его к выводу о том, что «Киев не подвергся совершенному разорению».[3] В числе этих «сохранившихся в целости» киевских памятников Грушевский называл Софийский собор, Выдубицкий, Михайловский Златоверхий и Печерский монастыри. Разорение Печерского монастыря, относимое летописцем XVII в. ко времени Батыя, Грушевский связывал с разгромом Киева Эдигеем.[4]

II

Исследователи XIX в., обращавшиеся к вопросу о значении монгольского завоевания в истории Киева, вынуждены были решать его, основываясь исключительно на той или иной интерпретации довольно скудных летописных текстов. Если некоторые исследователи и пытались порою привлечь к решению проблемы отдельные архитектурные памятники Киева, то пользовались ими лишь в качестве дополнительной иллюстрации к своим сложившимся на анализе летописных известий представлениям.

Неисчислимые богатства археологических источников по истории города оставались для историков XIX в. почти недоступными, несмотря на то, что археологическое изучение Киева широко развернулось уже во второй четверти XIX в. Первый этап археологических работ в Киеве (20-е—40-е гг. XIX в.), большой размах которых был в значительной степени вызван огромными работами по реконструкции города, дал значительное количество разнообразных материалов, наполнивших собрания музеев Киева и отчасти попавших в столичные музеи. Но материалы эти были плохо систематизированы, исторически мало и слабо комментированы. Методика археологических работ, осуществлявшихся в основном любителями-дилетантами, стояла на крайне низком уровне. Нередко «раскопки» превращались в откровенное хищническое кладоискательство (Анненков, Турчанинова и др.). Все это в значительной мере обесценивало добытые в эту пору многочисленные и разнообразные по характеру памятники домонгольской истории Киева. Археологические работы второй половины XIX в., немногим отличавшиеся по методике, проводились к тому же в значительно меньших масштабах, представляя обычно лишь наблюдения за различными земляными работами в городе (Хойновский).

Археологическое исследование Киева, развивавшееся до начала нашего века как замкнутое вещеведение, было оторвано от исторической

---

[1] Там же, стр. 432.
[2] Там же, стр. 430.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 431.

науки; археологические источники расценивались историками Киева не больше, чем любопытные иллюстрации к тем или иным сложившимся концепциям.

Впервые в 1907—1908 гг. в раскопках В. В. Хвойки облик великокняжеского Киева был раскрыт в больших и ярких комплексах. Несмотря на несовершенство методики работ В. В. Хвойки, особенно по части фиксации самого процесса археологических исследований, несмотря на затруднительные условия, в которых протекали раскопки, проводившиеся на частновладельческих усадьбах, разрезавших территорию древнего Киева на маленькие участки, хозяева которых ставили ряд ограничительных условий, несмотря на то, наконец, что работы производились на частные скудные средства, — результаты были поистине блестящи и неожиданны. Вскрытые в 1907—1908 гг. в центре великокняжеского Киева остатки разрушенных княжеских дворцов, жилищ, ремесленных мастерских, древних погребений и пр. и пр. вызвали живой интерес в широких кругах общественности и привлекли, наконец, и внимание историков древней Руси к добытым раскопками новым материалам.[1]

Среди комплексов, раскрытых раскопками В. В. Хвойки на усадьбе Петровского, т. е. в непосредственной близости к развалинам Десятинной церкви, исключительный интерес представляет для нас большая коллективная могила, которую исследователь рассматривал как погребение погибших защитников Десятинной церкви.[2]

Разрушение княжеского дворца и многочисленных жилищ и мастерских, находившихся возле Десятинной церкви, В. В. Хвойка относил к различному времени и с монгольским разгромом не связывал.

В 1908 г. в Киеве начались крупнейшие по размаху работы Археологической комиссии под руководством архитектора Д. В. Милеева, а после его смерти в 1914 г. — под руководством С. Вельмина. Раскопки эти велись систематически по широко задуманному плану, рассчитанному на десять лет. С 1908 по 1915 г. были осуществлены раскопки на различных участках древнего Киева, давшие огромный материал для характеристики великокняжеского периода в истории Киева и, в частности, ряд новых фактов и наблюдений по интересующему нас вопросу.

Еще более широкие масштабы археологические исследования Киева приобрели после Великой Октябрьской социалистической революции. Огромный размах работ, не стесненных границами частновладельческих усадеб, сочетался не только с новыми задачами исследований, но и с новой методикой. Вместо узких траншей, прорезывавших и разрушавших памятник, чем далее, тем больше внедрялась методика раскопок широкой площадью с задачей охватить по возможности полностью изучаемый комплекс. Но главной особенностью советских археологических исследований в Киеве была подчиненность раскопок задачам исторической науки, постановка и решение на археологических источниках больших исторических проблем. Новые исследования позволили во многом переоценить, осмыслить, по-новому комментировать и результаты предшествующих исследований.

---

[1] В. В. Хвойка. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в допсторические времена (по раскопкам). Киев, 1913, стр. 63—75. Многочисленные информации столичной и киевской прессы давались неоднократно в сводках «Археологической хроники», печатавшейся в качестве прибавлений к «Известиям» Археологической комиссии. См.: Приб. к вып 20, 26, 27, 31 и др. На раскопки в Киеве откликнулись и неспециальные журналы (см.: А. Савенко. Древнейший Киевский «город» и остатки дворцов великокняжеской эпохи. Исторический вестник, 1909, март, стр. 1176—1185).

[2] В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 75.

Основные этапы исторического развития города, облик его яркой, своеобразной культуры раскрылись в результате исследований последних лет с исключительной убедительностью и полнотой, недостижимой ранее при изучении одних письменных источников.

С изумительной и неожиданной яркостью раскрылись в результате раскопок последних лет трагические страницы истории Киева, отобразившие ожесточенную битву за город в декабре 1240 г.

Еще в первые годы наших больших систематических раскопок в Киеве, начатых в 1938 г., нельзя было не обратить внимания на специфические черты, присущие своеобразной культурно-исторической стратиграфии древнего Киева. Несмотря на многочисленные раскопки предшествующих лет в Киеве, это своеобразие стратиграфии не было отмечено исследователями.

Раскопка широкой площадью на территории б. Михайловского Златоверхого монастыря в 1938 г. обратила наше внимание на отличие стратиграфии Киева от стратиграфии, столь привычной для исследователя северных русских городов. Исследователь, воспитанный на раскопках Новгорода, Старой Ладоги, Пскова и других севернорусских городов, привык к тому, что под современным уровнем дневной поверхности города, медленно углубляясь вниз, он постепенно шаг за шагом раскрывает последовательные этапы истории поселения. Эту картину рисуют многолетние раскопки в Старой Ладоге и с еще большей полнотой раскопки в Великом Новгороде. Для стратиграфии Новгорода, как это известно из раскопок, проведенных в последние годы в различных районах города, характерны обычно довольно четко прослеживаемые слои, ведущие исследователя из века в век, иногда из десятилетия в десятилетие. Вскрытые раскопками на древней Холопьей ул. девятнадцать уровней деревянных мостовых наглядно отображали историю городской улицы и примыкающих к ней усадеб на протяжении почти восьми столетий. С исключительной убедительностью аналогичная картина была вскрыта раскопками внутри Детинца, где постепенно нараставшие культурные напластования повторяли в течение нескольких столетий одну и ту же планировку района.[1]

В противовес этому, в Киеве, где раскопки производятся в центре большого современного города, под верхним мощным слоем, отражающим, в основном, очень позднюю историю города XIX—XX вв., слоем, который отложился в результате бурной строительной и планировочной деятельности, развернувшейся в середине XIX в., под этим слоем, достигающим 1.5—2 м, исследователь нередко попадает непосредственно в слои, насыщенные находками великокняжеской эпохи.

Весьма нередки случаи, когда поздние слои XIX в. перекрывают (или перерезают) отлично сохранившиеся остатки жилых и производственных сооружений, развалины каменных дворцов, храмов и пр. Лишь иногда, далеко не во всех районах древнего Киева, между слоем XIX в., отражающим жизнь или строительные работы современного города, и древними великокняжескими слоями лежит прослойка, которая по составу находок может быть связана с Киевом XVII—XVIII вв.

На отдельных участках нам удавалось установить довольно мощные слои, относящиеся к XVII—XVIII вв., но необходимо подчеркнуть, что слои эти также лежали непосредственно на древних слоях великокняжеского Киева, иногда отделенные от них лишь незначительной, почти стерильной прослойкой. Нередки случаи, когда находки XVII в. попадаются в ниже лежащих древних слоях и обратно, благодаря «диф-

---

[1] М. К. Каргер. Основные итоги археологических исследований древнего Новгорода. СА, IX, 1947, стр. 148—149, 156—165.

фузии» этих смежных культурных пластов. Длительный период, отделяющий древний великокняжеский Киев XI—XIII вв. от Киева XVII—XVIII вв., в раскопках верхнего города, где только и проводились исследования, в культурно-исторической стратиграфии почти не представлен. Даже единичные находки XIV—XVI вв. представляют сравнительно редкое явление, что же касается остатков жилищ, мастерских, развалин каменных построек, то таковые до сих пор в раскопках не попадались.

Отметим, наконец, что хорошо сохранившиеся слои великокняжеского Киева лежат иногда на весьма небольшой глубине. Отдельные жилища начала XIII в. на территории Михайловского монастыря были открыты на глубине, не превышавшей 1 м.

Под охарактеризованными выше поздними напластованиями XVII—XVIII и XIX вв. перед исследователем Киева открывается (разумеется, по условиям сохранности это бывает не везде) поразительная по своей яркости, по своей полноте и документальной убедительности картина. Руины каменных построек дворцового характера, развалины храмов, сгоревшие или разрушенные жилища и мастерские, хозяйственные помещения и потайные хранилища, коллективные могилы с сотнями похороненных — все это несет на себе отпечаток страшного стихийного разрушения и гибели. Картина эта повторяется в различных районах верхнего города, что исключает возможность видеть в этом узко локальные явления.

Как известно всем занимающимся археологическим изучением поселений, степень сохранности городища или селища определяется в значительной мере обстоятельствами прекращения жизни на данном поселении, или, если таковая не прекращалась, условиями смены эпох в его историческом развитии.

Известно немалое количество поселений, жители которых покинули их, уйдя куда-то в другое место, нередко при этом забрав с собою все свое основное имущество. Ярким примером подобного рода поселений является известное Боршевское городище на Дону,[1] жители которого покинули его, оставив в своих жилищах только битую посуду. При бедности инвентаря в городищах этого типа нередко отлично сохраняются заброшенные жилища. Неслучайно в таких городищах (Боршевское, Опошнянское[2] и др.) земляночные сооружения бывают видны, как заплывшие ямы, на современной поверхности, несмотря на то, что тысячелетие отделяет нас от конца жизни городища.

Гораздо более распространенным типом поселений являются городища (города), жизнь которых непрерывно длится многие столетия. Культурные слои на этих поселениях нарастают постепенно, частично разрушая остатки предшествующих периодов, частично погребая их под собою. Минуя большие катастрофы или крупные капитального характера перепланировки и реконструкции, город этого типа в стратиграфическом отношении представляет нередко сложнейшую картину перекрывающихся одно другим, нередко переплетающихся между собой напластований. Классическим образцом подобного рода поселений являются Новгород, Старая Ладога и другие.

Известен и третий тип поселений, представляющий для археолога наиболее заманчивый и увлекательный объект исследования. Жизнь этого типа поселений оборвалась катастрофически, единовременно или в очень короткий срок, после чего наступил период длительного запустения, превративший былой город в «городище», село — в «селище».

---

[1] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА СССР, VIII, 1948.

[2] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, XII, 1946, стр. 117—127.

Всемирно известным образцом такого поселения является засыпанная извержением вулкана Помпея. Она потому и стала нарицательным именем городищ этого типа. Катастрофа такого города как бы запечатлевает последние дни или часы его существования.

Такого рода поселения есть и на Руси. К их числу относится в первую очередь раскопанное в 1929—1934 гг. городище Райки на Украине.[1] Страшная катастрофа прервала жизнь этого небольшого городка в начале XIII в. Город был сожжен и разрушен. Жилища, крепостные стены, вся площадь городища покрыты сотнями человеческих скелетов.

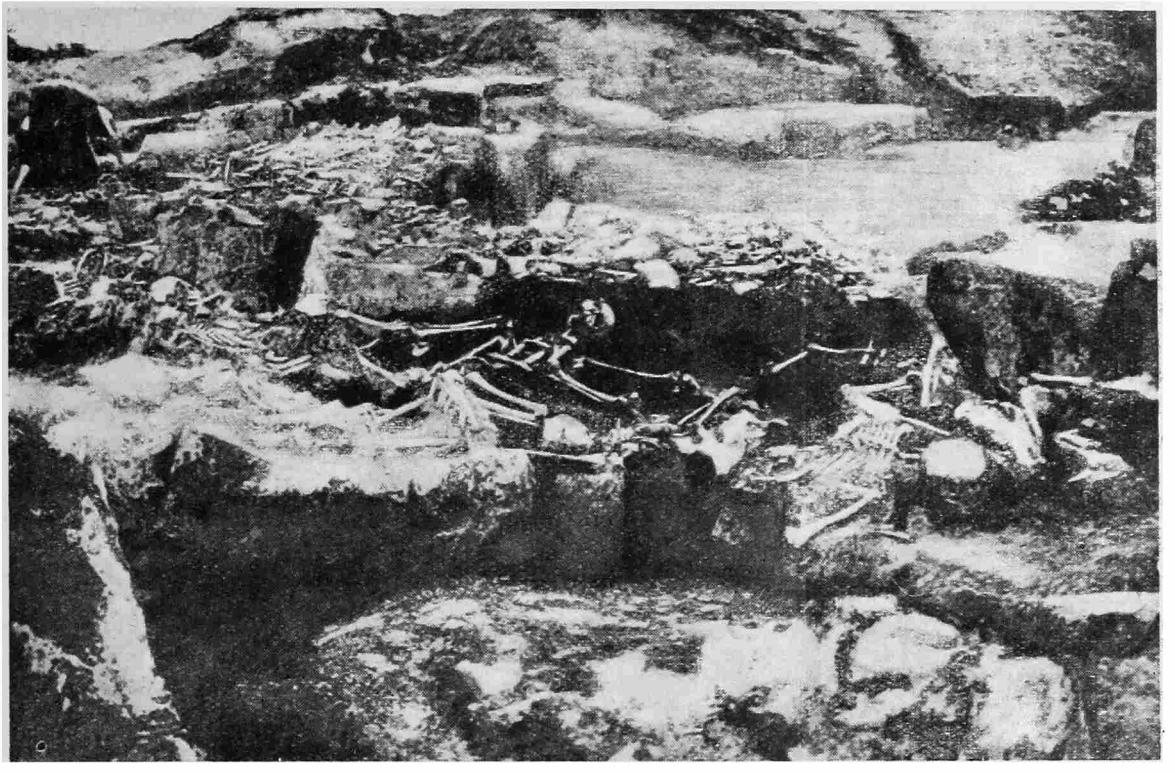


Рис. 1. Городище Райки. Общий вид после раскопок.

Раскопанная площадь городища представляла как бы сплошное поле битвы, повсюду распростерты скелеты непогребенных людей с перерубленными руками и ногами, с железными наконечниками стрел, воткнувшимися в кости (рис. 1 и 2). Другую часть населения гибель настигла под завалом горящих домов, в мастерских и подвалах (рис. 3).

В развалинах городища найдено огромное количество разнообразных вещей, характеризующих быт и культуру населения. Заброшенный городок вскоре превратился в «городище».

Итоги археологических исследований последних лет в Киеве привели нас к убеждению, что археологический облик древнего Киевского «городища», раскрывающийся с каждым годом все полнее и полнее, во многих отношениях напоминает городища третьего типа, в том числе обнаруживает много общего с судьбой городища Райки. Все это позволяет, на наш взгляд, заново пересмотреть вопрос о значении монгольского разгрома 1240 г. для последующей истории Киева.

---

[1] Ф. М. Мовчанівський. Райковецьке городище XI—XIII ст. Наукові Записки ІІМК АН УССР, кн 5—6. Киев, 1935, стр. 125—178; В. К. Гончаров. Райковецьке феодальне городище XI—XIII ст. Вісник АН УССР, 1948, № 7. стр. 39—51.

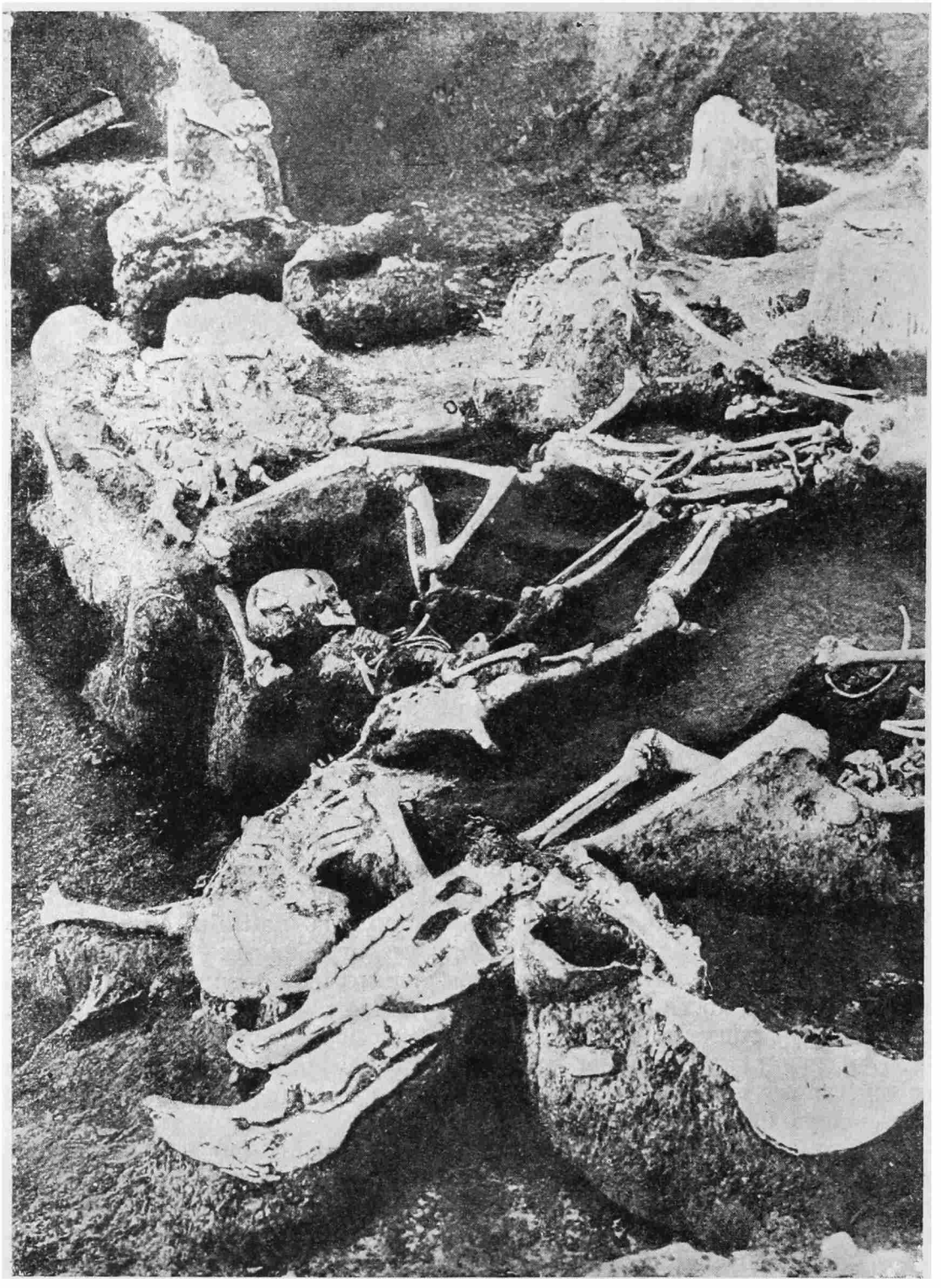


Рис. 2. Городище Райки. Скелеты.

III

Нашими раскопками 1938 г. на территории б. Михайловского Златоверхого монастыря был вскрыт хорошо сохранившийся участок городского поселения, занятый развалинами жилых, хозяйственных и производственных сооружений XII—XIII вв., представляющих большой интерес как для истории древнерусского жилища, так и для характеристики быта городского населения и особенно для истории городского ремесла.[1]

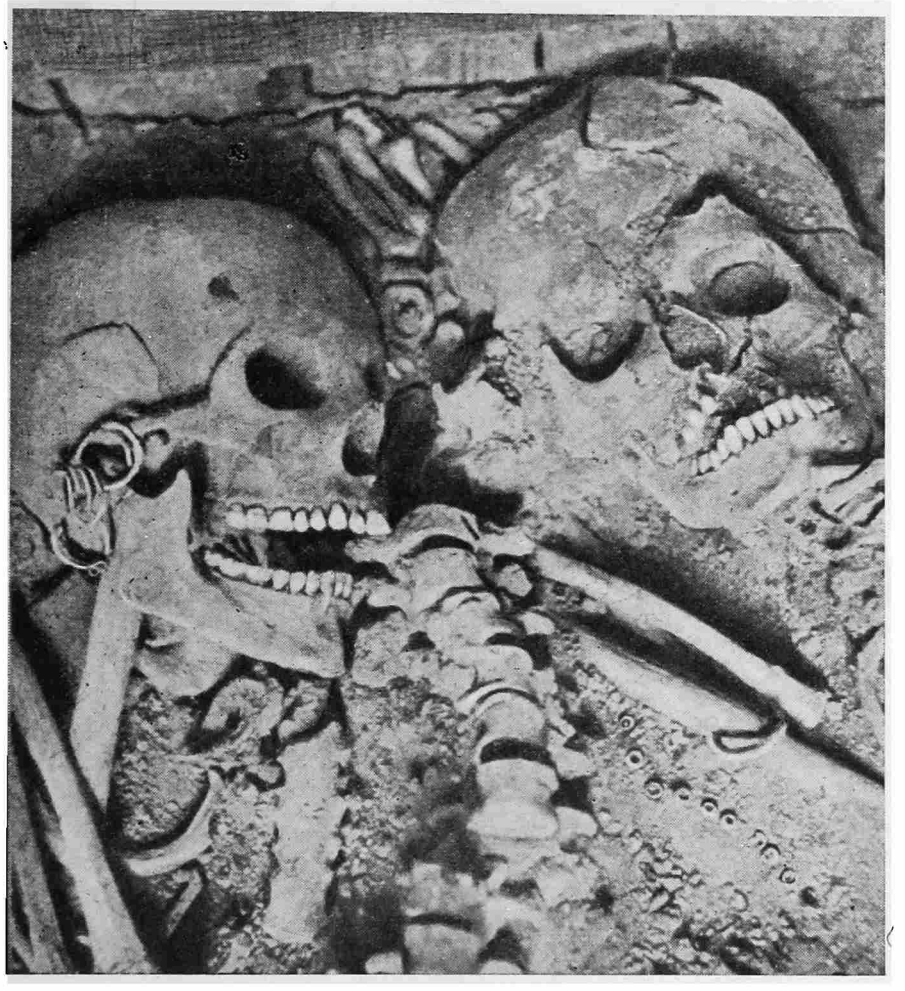


Рис. 3. Городище Райки. Скелеты людей, погибших в жилище.

Весь раскрытый комплекс, состоявший из восьми полуземляночного типа жилищ и различных хозяйственных сооружений, в основном одновременен и относится, судя по инвентарю, к концу XII—началу XIII вв.

В пользу этой датировки говорит не только керамика, найденная в многочисленных фрагментах и целыми сосудами, но и ряд типичных для киевской культуры XII—XIII вв. находок — медная булава, светильники, стеклянные браслеты, крест-энколпион с надписью «Богородица помогай», византийская монета XII в. и пр.

---

[1] М. К. Каргер. Землянка-мастерская киевского художника XIII в КСИИМК, XI, 1945, стр. 6. Подробный отчет о раскопках 1938 г. в настоящее время в печати.

Чрезвычайно важно было установить, когда и при каких обстоятельствах перестал существовать этот район города. Почти на всех раскопанных землянках были видны следы большого стихийного пожара. Особенно ясна была картина пожара в наиболее хорошо сохранившейся землянке VIII, замечательный инвентарь которой позволил дать ей название «землянки художника»[1] (рис. 4). Все деревянные предметы и деревянные части самой постройки, сохранившиеся под обвалом, носили следы сильного огня. Действию огня подверглись даже металлические предметы, найденные в этой землянке. Судя по огромному количеству

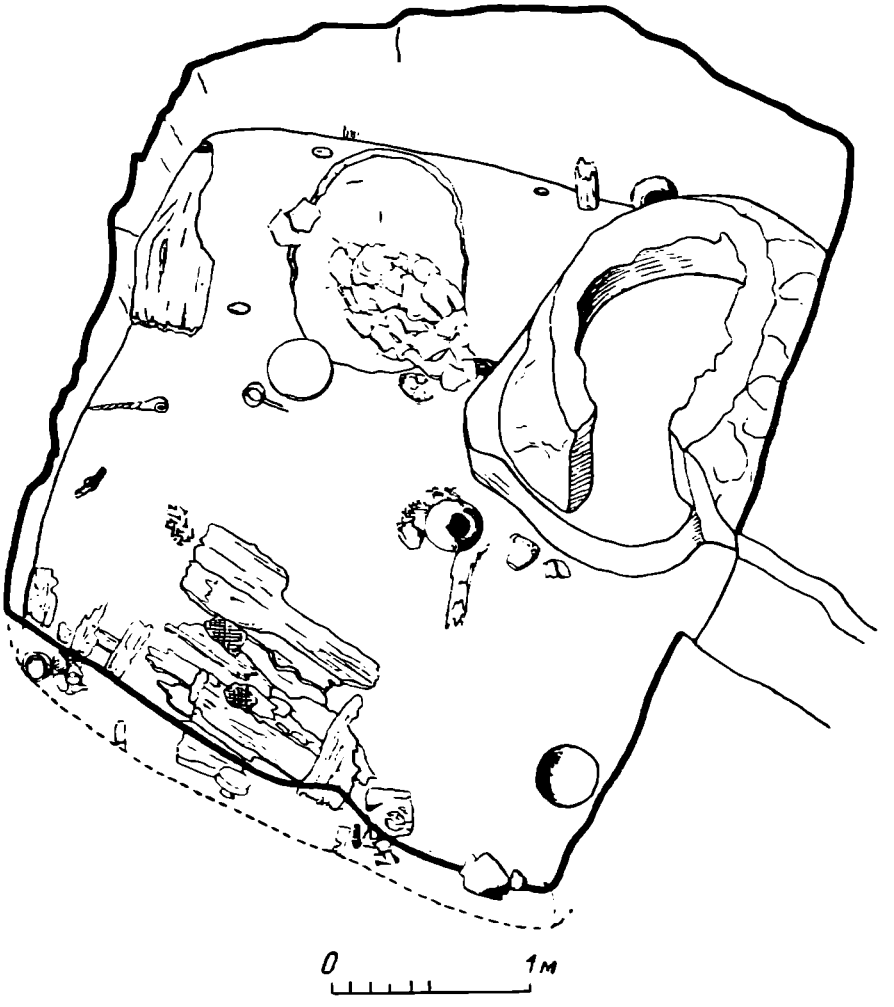


Рис. 4. Киев. Землянка VIII на ус. Михайловского Златоверхого монастыря. Аксонометрия.

вещей, оставшихся под обвалом, среди которых, кроме глиняной посуды (рис. 5 и 6), были и такие драгоценные вещи, как янтарь (сырье и полуфабрикаты) в количестве около 600 г (рис. 7), серебряная лунница (рис. 8, *а*), бронзовая лампада (рис. 8, *б*), медные кресты-энколпионы (рис. 9), булава (рис. 10), полный набор столярных инструментов (рис. 11), горшочки с красками (рис. 12) и пр., — хозяева землянки не только отсутствовали во время гибели их жилища, но по каким-то причинам не могли вернуться на пепелище, чтобы извлечь из-под обвала хотя бы драгоценные вещи, ставшие благодаря этому достоянием науки. Дверь в жилище была заперта. Об этом свидетельствует не только сохранив-

[1] Там же, стр. 14

шийся замок, висевший на петле со скобой (рис. 13), но и еще один факт. На полу землянки был обнаружен полуобгоревший скелет кота, не сумевшего выбраться из горящего запертого жилища. Подле «землянки художника» был найден детский скелет, на руке которого сохранились три стеклянных браслета (рис. 14). Первоначально казалось непонятным это «погребение» у самой стены жилища. Позже стало ясно, что это скелет ребенка, засыпанного обвалом и погибшего во время пожара жилища.

Рис. 5. Киев. Землянка VIII. Глиняная посуда.

При изучении стратиграфии всего раскопанного участка бросалось в глаза, что над слоем XII—XIII вв. нет культурных напластований XIV—XVI вв. Заплывшие гумусом сгоревшие землянки, повидимому, в течение долгого времени оставались нетронутыми. Они были перекрыты небольшим напластованием культурных слоев только в значительно более позднее время — в XVII—XVIII вв.

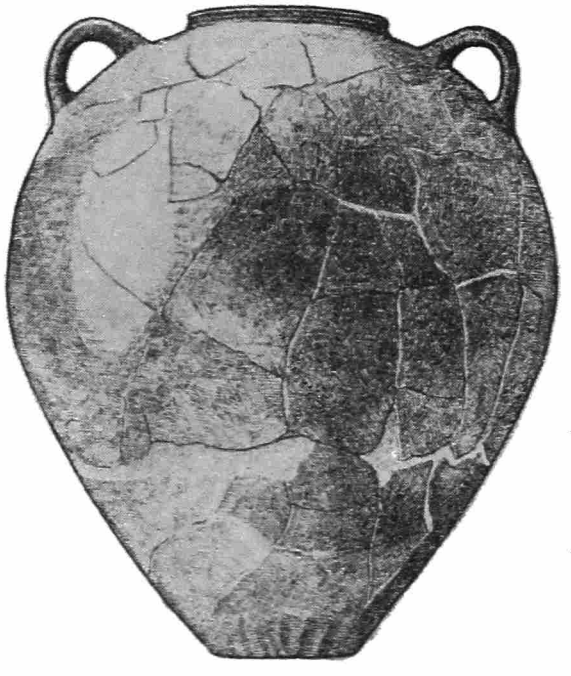


Рис. 6. Киев. Землянка VIII. Глиняный сосуд с зерном.

Еще в предварительном отчете о раскопках нами было высказано предположение, что стихийный пожар в начале XIII в., прервавший на много столетий кипучую жизнь этого района, был связан с разгромом Киева татарскими полчищами в декабре 1240 г.[1]

Нашими раскопками 1946 г. на Б. Житомирской улице[2] был вскрыт меньший, чем в 1938 г., участок городского поселения, но раскопанные здесь два полуземляночных жилища явились значительным дополнением к той картине, которая была раскрыта в 1938 г. на территории б. Михайловского монастыря. Состав инвентаря обоих жилищ и особенно

[1] М. К. Каргер. Отчет о раскопках 1938 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря. Архив Института археологии АН УССР; он же. Землянка киевского художника, стр. 15; он же. Раскопки древнего Киева. Наука и жизнь, 1940, № 2. стр. 39—40.

[2] М. К. Каргер. Отчет о работах Киевской археологической экспедиции 1946 г. Археология, т. III. Киев (в печати).

обстоятельства гибели их в стихийном пожаре, сопровождавшемся ожесточенным сражением, — все это близко напоминало картину стихийной катастрофы, постигшей жилища, раскопанные в 1938 г.

Оба жилища по своему характеру относятся к широко распространен-

Рис. 7. Киев. Землянка VIII. Янтарь (сырье и полуфабрикаты).

ному в Киевской Руси типу полуземляночных построек с глинобитными стенами, возводившимися над вырезанным в материке прямоугольным углублением (рис. 15 и 16). Одно из жилищ было несколько больше по площади, чем второе, представляя сравнительно большую среди известных доныне киевских жилищ постройку.

а

б

Рис. 8. Киев. Земляпка VIII.
а — серебряная лунница, *б* — бронзовая лампада.

На полу жилищ под обвалами сгоревших деревянных верхних частей найден разнообразный бытовой инвентарь, находившийся там в момент катастрофы. В жилищах найдены, наряду с целыми сосудами, многочисленные обломки глиняной посуды (рис. 17 и 18), разнообразные

Рис. 9. Киев. Землянка VIII. Медные кресты-энколпионы.

железные изделия, в том числе две косы (рис. 19), серп (рис. 20), безмен, замки (рис. 21), железные оковки заступов (рис. 22), дверная цепь, долото, сверло, скобель (рис. 23), несколько ножей. Найдены многочисленные фрагменты обуглившейся ткани, крест-энколпион с черневыми

изображениями (рис. 24, *а*, *б*), хрустальные шаровидные бусы, множество обгоревших деревянных предметов, запасы разнообразных злаков и пр. Все вещи в обоих жилищах несли на себе следы действия огня.

Наиболее неожиданной была находка, сделанная при зачистке пода глиняной печи в жилище II. В печи лежали на боку скелеты двух прижавшихся друг к другу людей с поджатыми ногами. На шее у одного из них сохранились два миниатюрных крестика — медный и янтарный. Необычная находка в печи раскрыла с изумительной образностью трагический характер гибели жилища. С неменьшей силой об этом свидетельствовало также значительное скопление человеческих скелетов, лежавших в два-три-четыре слоя один над другим на завале обгорелого дерева и пережженой глины в жилище I. Некоторые скелеты лежали ничком, нередко с широко раскинутыми ногами, с разнообразным положением рук (рис. 25). Среди скелетов два резко отличались от остальных характерным монгольским типом черепа.

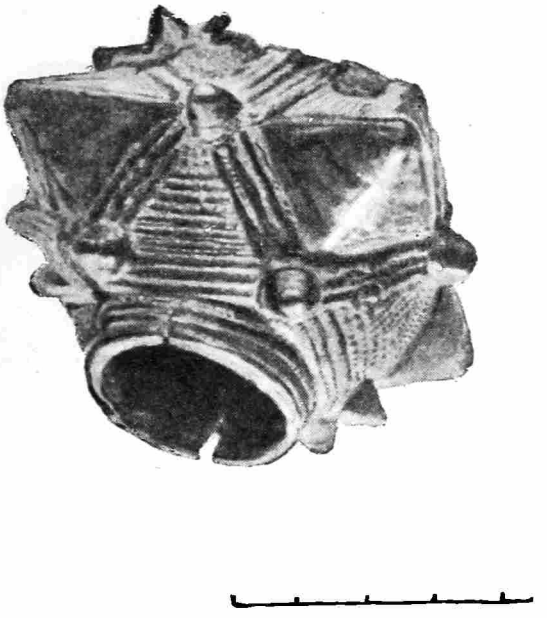


Рис. 10. Киев. Землянка VIII. Булава.

Оба жилища расположены на одной прямой линии и имеют одинаковую ориентировку. Ниже мы попытаемся разобраться несколько

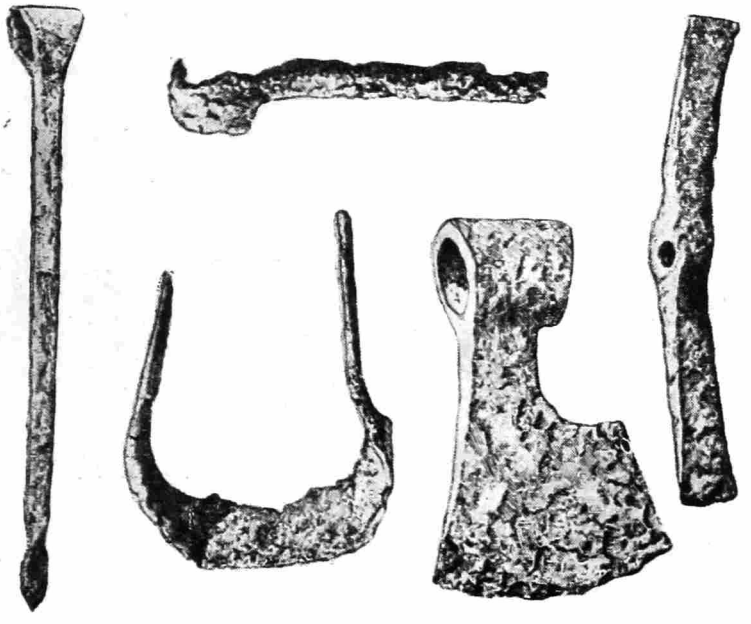


Рис. 11. Киев. Землянка VIII. Набор столярных инструментов.

глубже в обстоятельствах гибели этих жилищ, расположенных в нескольких метрах одно от другого. Здесь отметим лишь, что жилища расположены в границах города Владимира в непосредственной близости от укре-

плений в районе так называемых Батыевых ворот, соединявших город Владимира с городом Ярослава.

Не менее ярким памятником трагической истории борьбы за Киев в декабре 1240 г. является раскопанный нами в 1939 г. тайник под разва-

Рис. 12. Киев. Землянка VIII. Горшочки с красками.

линами Десятинной церкви.[1] Напомню лишь в основных чертах результаты раскопок тайника. В западной части центрального нефа развалин Десятинной церкви при зачистке уровня древнего пола была обнаружена

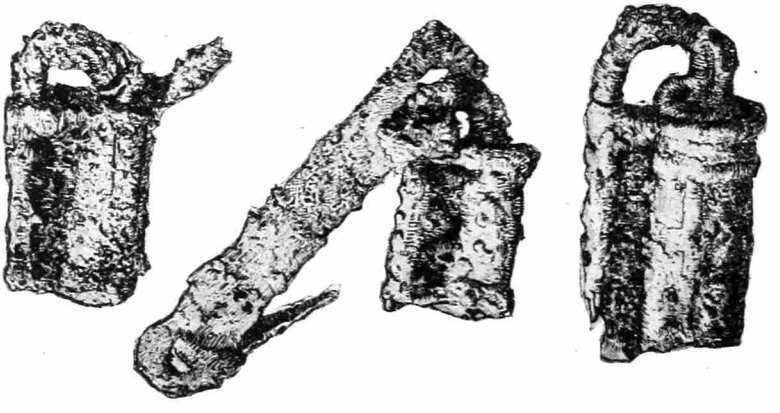


Рис. 13. Киев. Землянка VIII. Замки.

квадратная в плане яма, заполнение которой, начиная с глубины 0.20—0.30 м, состояло в основном из обломков древних строительных материалов: кирпича, раствора, камня, половых плиток с поливой, шифера, мрамора, фрагментов фресок и пр. Среди этих строительных материалов попадались в большом количестве железные кованые гвозди, петли

[1] М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. СИИМК, X, 1941, стр. 75—85.

и бесформенные куски перержавевшего железа, фрагменты древних круглых оконных стекол с загнутым бортиком, нередко искривленных от действия огня, куски расплавленного свинца и пр. Необходимо подчеркнуть, что уже в самых верхних слоях этой ямы не было встречено ни одного позднего предмета.[1]

На глубине около 1.00 м обнаружился целый завал кладки здания X—XI вв. Здесь найдены: огромное количество древнего плиточного кирпича (плинфы), фрагменты штукатурки, покрытой фресковой росписью, большие куски древнего известкового раствора, розоватого от примеси толченого кирпича, куски шифера, известняка, мрамора, оббитая капитель с четырехгранным отверстием, залитым свинцом. Тут же были найдены два больших куска кладки стен. Один из них представлял собой фрагмент двухуступчатой ниши с полуциркульным верхом, на втором большом блоке кладки сохранилась штукатурка с древней росписью. И на этом уровне встречалось много обожженного дерева, железа, гвоздей.

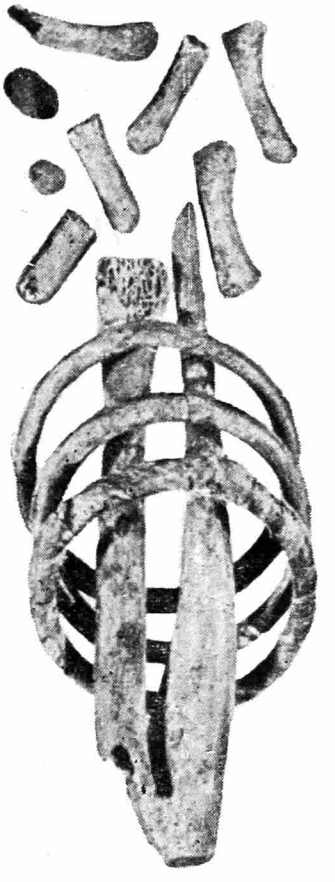


Рис. 14. Киев. Землянка VIII. Кости детской руки с браслетами.

Ниже, на глубине 1.40—2.00 м, было найдено 36 фрагментов литейных формочек, вырезанных из сланца. Из фрагментов удалось собрать и склеить шестнадцать формочек для отливки различных украшений. Бо́льшая часть формочек служила для отливки трехбусинных серег (рис. 26), три формочки — для огливки звездчатых колтов, две — для колтов с изображением зверя, одна — для браслета (рис. 27). На глубине 1.20 м в завале древних строительных материалов найден скелет собаки, на глубине 1.80—2.20 м — человеческие кости двух взрослых людей и одного подростка. На глубине 2.40 м среди обломков строительных материалов обнаружен горизонтально лежавший железный меч с отломанными рукоятью и острым концом (рис. 28, *б*, *в*).

Начиная с этой глубины, находки вещей становились все более многочисленными. На различных горизонтах были найдены железный шлем (рис. 28, *а*), бронзовый энколпион с изображением распятия на одной стороне и Богоматери на другой (рис. 29), ажурная бронзовая подвеска типа игольников, бронзовый наперсток, железный топор с остатками обгорелой рукояти во втулке, глиняный сосуд с двумя ушками, несколько железных ножей, железная дужка и обручи от деревянного ведра, стеклянный браслет, четыре ключа.

На глубине 4.40—4.45 м лежал сплошной слой угля и обгоревших кусков дерева. В этом слое, несколько ниже, обнаружены вновь кости от двух человеческих скелетов, очень плохой сохранности. Один скелет старой женщины, второй — молодого человека 17—18 лет.

Около первого костяка обнаружено большое количество кожи и фрагменты ткани (рис. 30, 31), среди которых лежали шесть серебряных

[1] Там же, стр. 75.

Рис. 15. Киев. Землянка I на Б. Житомирской ул.

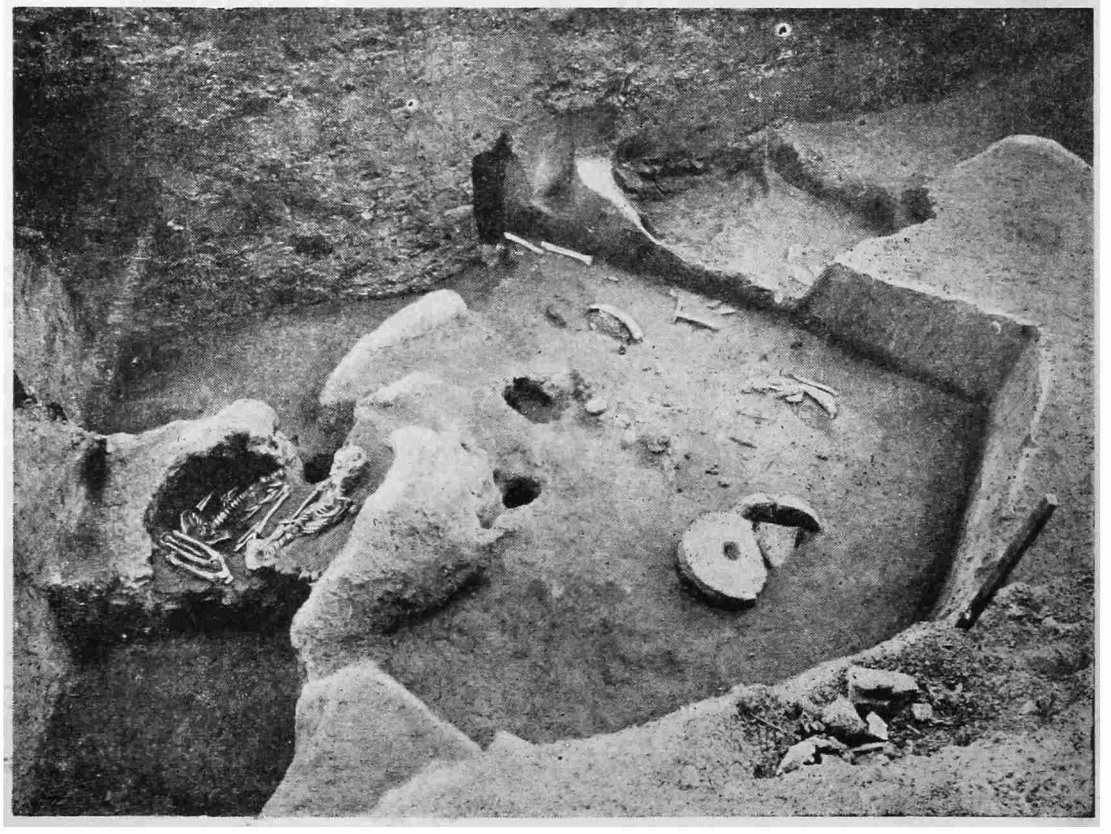


Рис. 16. Киев. Землянка II на Б. Житомирской ул.

медальонов с черневыми изображениями святых. Рядом лежала целая груда кусков кожи и тканей с нашитыми орнаментированными золотыми

Рис. 17 Киев. Землянка I. Глиняные сосуды.

бляшками с нитями мелкого жемчуга (рис. 32). Под тканями — плетеная серебряная гривна (рис. 33), венецианская монета дожа Дандоло (1192—

Рис. 18. Киев. Землянка I. Глиняный сосуд.

Рис. 19. Киев. Землянка II. Железные косы.

1205), с припаянным ушком для подвески, золотой перстень со сканью и драгоценными камнями, обломки серебряных трехбусинных аграфов, несколько крестиков-корсунчиков и любопытная ладонка, представля-

ющая две тонких дощечки с вырубками по краям для перевязки дощечек шнурком. Между дощечками хорошо сохранились высохшие листья.

На том же уровне в углу ямы лежали обгорелые плетеные из лыка шнуры. Тут же найдены обгорелые фрагменты большого деревянного блюда, покрытого резным рисунком (рис. 34).

Еще ниже, в слое рыхлого лёсса были обнаружены: второй железный топор (рис. 35), железная дужка от второго ведра (рис. 36) и два

Рис. 20. Киев. Землянка II. Железный серп.

Рис. 21. Киев. Землянки I и II. Замки.

деревянных заступа с железной оковкой. Оба заступа были вертикально воткнуты в землю.

На глубине 4.60 м от уровня древнего пола Десятинной церкви засыпь ямы кончилась, и открылось дно из плотного материкового лёсса.

Все сооружение представляло вырытый в материковом лёссе почти квадратный в плане колодец (рис. 37), глубиной около 5.00 м, в двух углах которого по диагонали сделаны небольшие ниши. В северо-восточной нише найден скелет (второй) собаки и неполный человеческий скелет.

У самого дна колодца начинается ход под северную стенку, однако ход этот был прорыт всего на 1.00 м и почему-то не был закончен.

Изучение этого загадочного сооружения привело нас к выводу,[1] что раскопанный под развалинами Десятинной церкви колодец представляет

Рис. 22. Киев. Землянка I. Железные оковки заступов.

древний тайник, служивший или для хранения драгоценностей, или же для каких-либо других целей. Невозможно установить, когда он был сооружен, но, во всяком случае, это было уже после постройки церкви, так как до постройки церкви территорию занимал языческий курганный могильник.

Однако в данном случае нас интересует не столько дата сооружения тайника, сколько дата его гибели. Изучение многочисленного и разнообразного инвентаря, найденного в тайнике, не оставляет ни малейших сомнений, что все перечисленные вещи относятся к XII—XIII вв., за исключением строительных материалов, которыми в основном был засыпан тайник. Строительные материалы происходили явно из самой Десятинной церкви, обвалом стен и сводов которой был завален тайник.

Рис. 23. Киев. Землянка II. Скобель.

Трагическая картина гибели находившихся в тайнике людей, на наш взгляд, представляет одну из конкретнейших иллюстраций к летописному рассказу о последних часах обороны древнего Киева. К этому рассказу обратимся несколько позже.

[1] Там же, стр. 83—85.

К востоку от развалин Десятинной церкви раскопками В. В. Хвойки обнаружена большая братская могила.[1] Она расположена на том же месте, где были открыты остатки каменного княжеского дворца. К сожалению, статиграфическое соотношение могилы и развалин дворца не было достаточно охарактеризовано исследователем. В могиле, по словам В. В. Хвойки, «было обнаружено огромное количество человеческих костяков обоих полов и разных возрастов, начиная с младенческого. Некоторые черепа были рассечены и разломаны; у некоторых покойни-

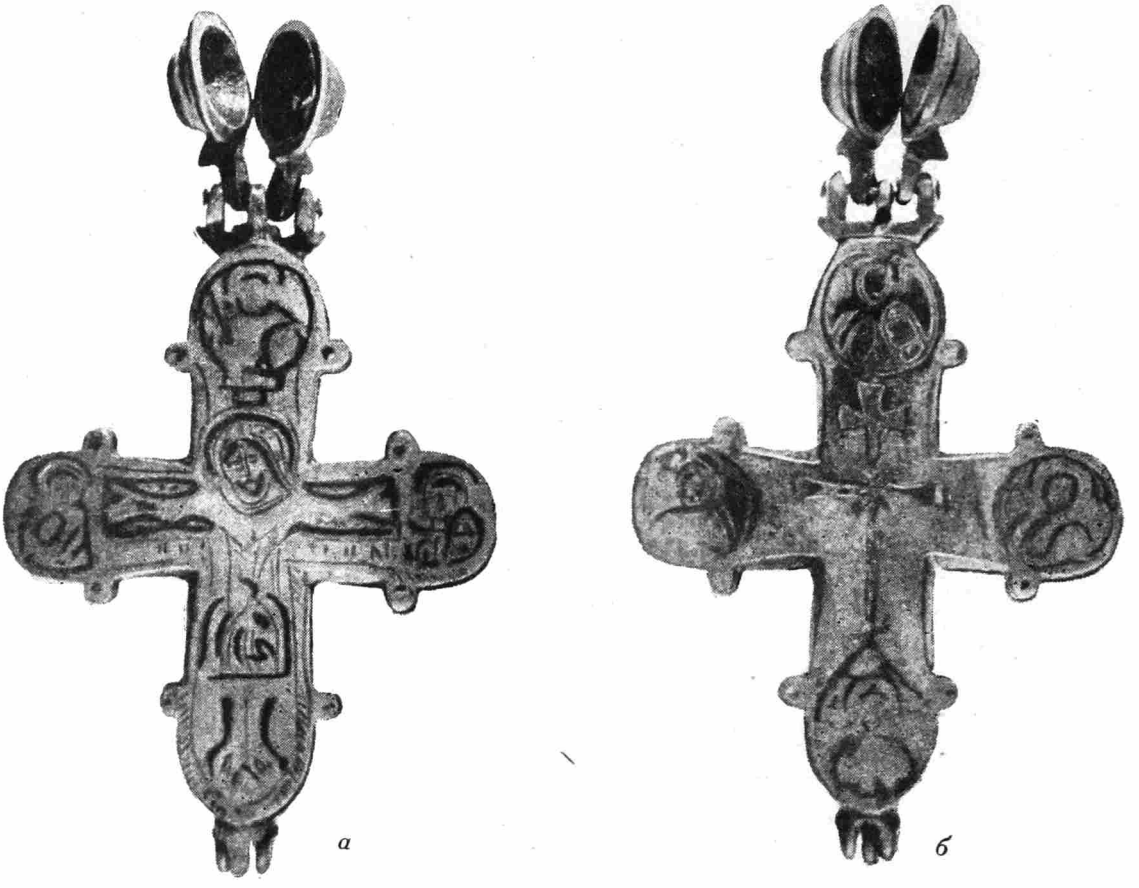


Рис. 24. Киев. Землянка I. Крест-энколпион с черневыми изображениями.
а — лицевая сторона, *б* — оборотная.

ков на шеях оказались кресты, а на руках нескольких детских костяков были надеты стеклянные браслеты. Над этой грудой костяков на небольшом расстоянии от поверхности земли лежал скелет татарина, характерный монгольский череп которого оказался рассеченным боевым топором. На дне братской могилы, под костяками, на остатках древних фундаментов некогда стоявшего здесь здания был обнаружен в высшей степени интересный крест греческой работы; длина его в продольном измерении 62 см, в поперечном — 40 см, а длина части железного стержня внизу креста — 10 см. Крест покрыт серебряной пластинкой, и, как можно заключить по остаткам металлических ячеек, был украшен по краям дорогими камнями и разноцветной эмалью. На средней части креста находится медальон с изображением святого и греческой надписью «св. Феодор».[2]

---

[1] В. Хвойка, ук. соч., стр. 75.
[2] Там же.

В. В. Хвойка высказывал предположение, что крест, найденный на дне братской могилы, являлся «запрестольным крестом Десятинной церкви и был положен в братскую могилу последними защитниками

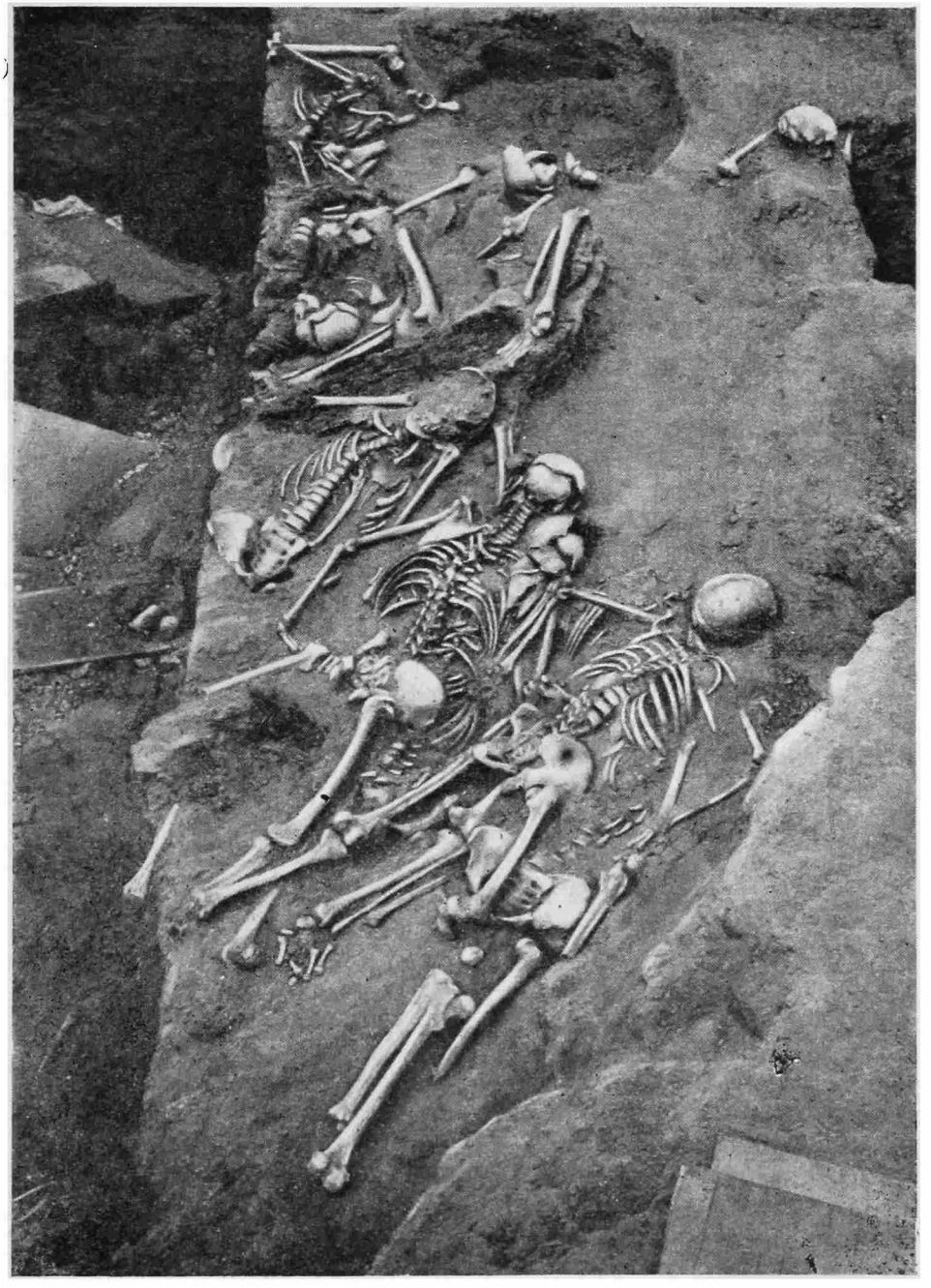


Рис. 25. Киев. Землянка I. Скелеты защитников Киева, убитых татарами.

Киева, оставшимися в живых, из опасения, чтобы почитаемая ими святыня не попала в руки неверных».[1]

Недалеко от описанной могилы в 1892 г. при земляных работах на усадьбе Кривцова (б. Трубецкого) была обнаружена вторая братская могила.

---

[1] Там же.

Судя по описанию И. Хойновского,[1] на глубине 3.5 аршин открылся сплошной пласт человеческих скелетов, сваленных в ров протяжением

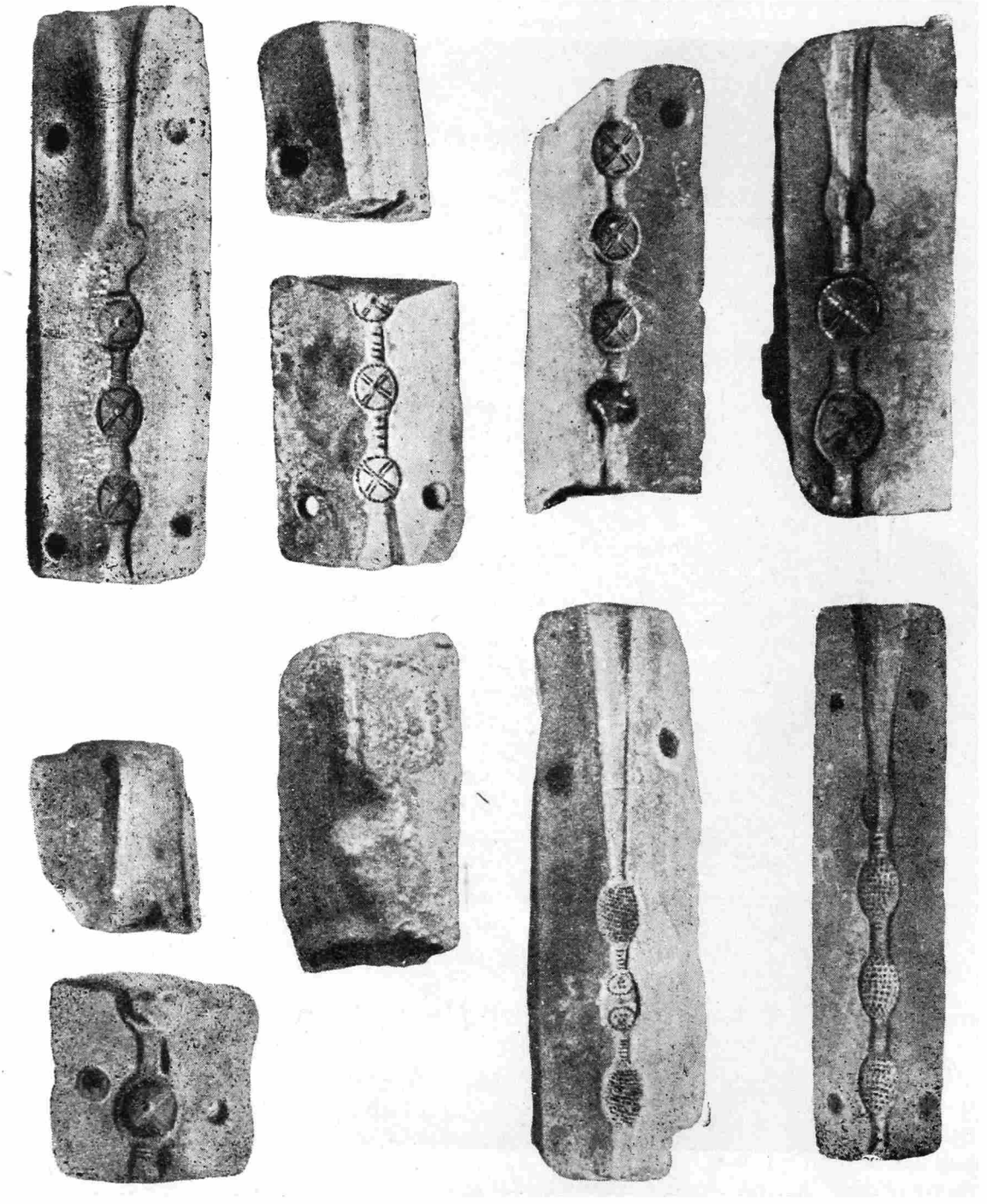


Рис. 26. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Литейные формочки.

около 20 аршин, при аршинной толщине слоя. И. Хойновский утверждал, что сплошная масса костей, заполнивших ров, «оказалась здесь потому, что монголы, избив киевлян в последний час борьбы и сняв с них одежду

[1] И. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора. Киев, 1893, стр. 16 и табл. I, рис. 2.

и все, что они при себе имели, снесли тела их в этот ров и присыпали землей».[1]

Повидимому, продолжение этой же могилы было раскрыто раскопками Д. В. Милеева на углу Владимирской и Трехсвятительской улиц (рис. 38).

Огромная братская могила, вмещавшая около 4 тысяч скелетов, была обнаружена в 1870 г. на Подоле в районе Кирилловской улицы,

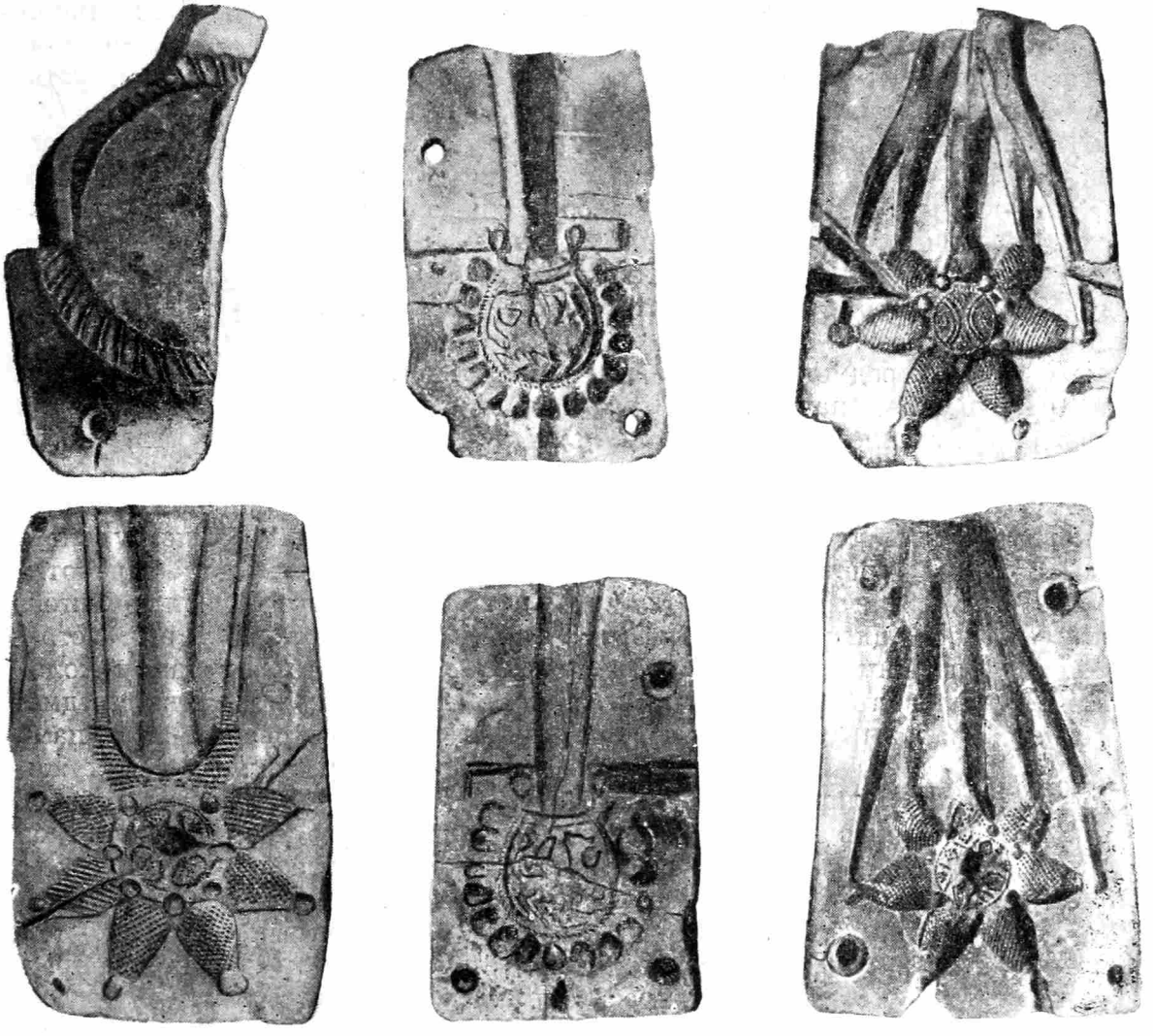


Рис. 27. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Литейные формочки.

на территории пивоваренного завода. По свидетельству В. Антоновича,[2] несмотря на огромное количество покойников, среди костей найдено было ничтожное количество предметов: это были маленькие мраморные крестики, обломки стеклянных браслетов, черепки от остродонных амфор, несколько бронзовых перстней и т. п. Кроме мелких предметов среди костей было найдено также два железных меча.

---

[1] Там же, стр. 16.

[2] В. Антонович. Обозрение предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве и ближайших его окрестностях и хранящихся в Музее древностей и Мюнц-кабинете университета св. Владимира. Киевская Старина, т. XXII, 1888, июль, стр. 130—131.

Связана ли эта могила на Подоле с событиями татарского разгрома Киева — сказать с уверенностью нельзя. Хотя летописный рассказ об осаде и штурме Киева связывает основные моменты борьбы за город только с верхним городом, участие жителей Подола в сражении за город более чем правдоподобно. Не исключена также возможность видеть в огромной братской могиле на Подоле результат расправы татар с горожанами уже после взятия города.

Картина страшной катастрофы, превратившей огромный цветущий город в дымящиеся развалины, раскрывающаяся с исключительной яркостью и документальной убедительностью в описанных выше комплексах, находит подтверждение и в целом ряде других фактов, установленных раскопками в различных районах Киева.

Раскопками В. В. Хвойки в 1907—1908 гг., раскопками Д. В. Милеева в 1908—1914 гг., раскопками Института археологии АН УССР в 1936—1937 гг. вскрыто значительное количество древних жилищ, мастерских, различных хозяйственных построек. Под развалинами многих из этих сооружений сохранился многочисленный и разнообразный инвентарь, находившийся в них в момент разрушения. Запасы зерна, муки, глиняная и деревянная посуда, нередко с остатками пищи, разнообразные бытовые предметы, находимые в жилищах, свидетельствуют о том, что разрушение значительной части жилищ, раскопанных в верхнем Киеве, произошло также в результате стихийной катастрофы, после которой разрушенные постройки не восстанавливались.

Характерной чертой раскопанных в Киеве построек является обилие находимых в них и возле них разнообразных орудий и инструментов ремесленного производства — различные инструменты по обработке дерева, тигли для плавки металла, матрицы и многочисленные литейные формочки для отливки разнообразных украшений. Все это встречается в развалинах жилищ и мастерских столь часто и в таком количестве, что невольно возникает мысль о том, что владельцы этих предметов не только вынуждены были бросить их вместе со своими жилищами на произвол судьбы, но и не смогли вернуться на развалины своих жилищ за этими ценными для них вещами.

Один из ремесленников, живших, повидимому, возле Десятинной церкви, укрывшийся за каменными стенами храма, успел унести с собою почти весь драгоценный для него набор формочек. Но катастрофа настигла его в самом храме. 36 фрагментов формочек, найденных в тайнике под развалинами храма вместе с костяком хозяина, в одном отношении представляют для нас особый интерес. Одна из найденных возле землянок-мастерских формочек для отливки трехбусинных серег явно принадлежит к тому же набору, который оказался в тайнике.[1] Связь между разрушенными жилищами-мастерскими возле Десятинной церкви и тайником стала очевидной. Все это приводит нас к выводу, что значительная часть обнаруженных раскопками жилищ, мастерских, развалин каменных дворцов и храмов, отличающихся хорошей сохранностью и обилием находок, была разорена и заброшена после монгольского разгрома 1240 г.

Значительная часть находок, обнаруживаемых раскопками в различных районах Киева, отличается исключительной близостью, порой тождественностью форм различных предметов. Это наблюдение касается керамики, железных изделий, изделий из кости, различных орудий ремесленного производства и пр. Было время, когда многие материалы из

---

[1] Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. Доклад, читанный на заседании Сектора древней Руси ЛОИИМК.

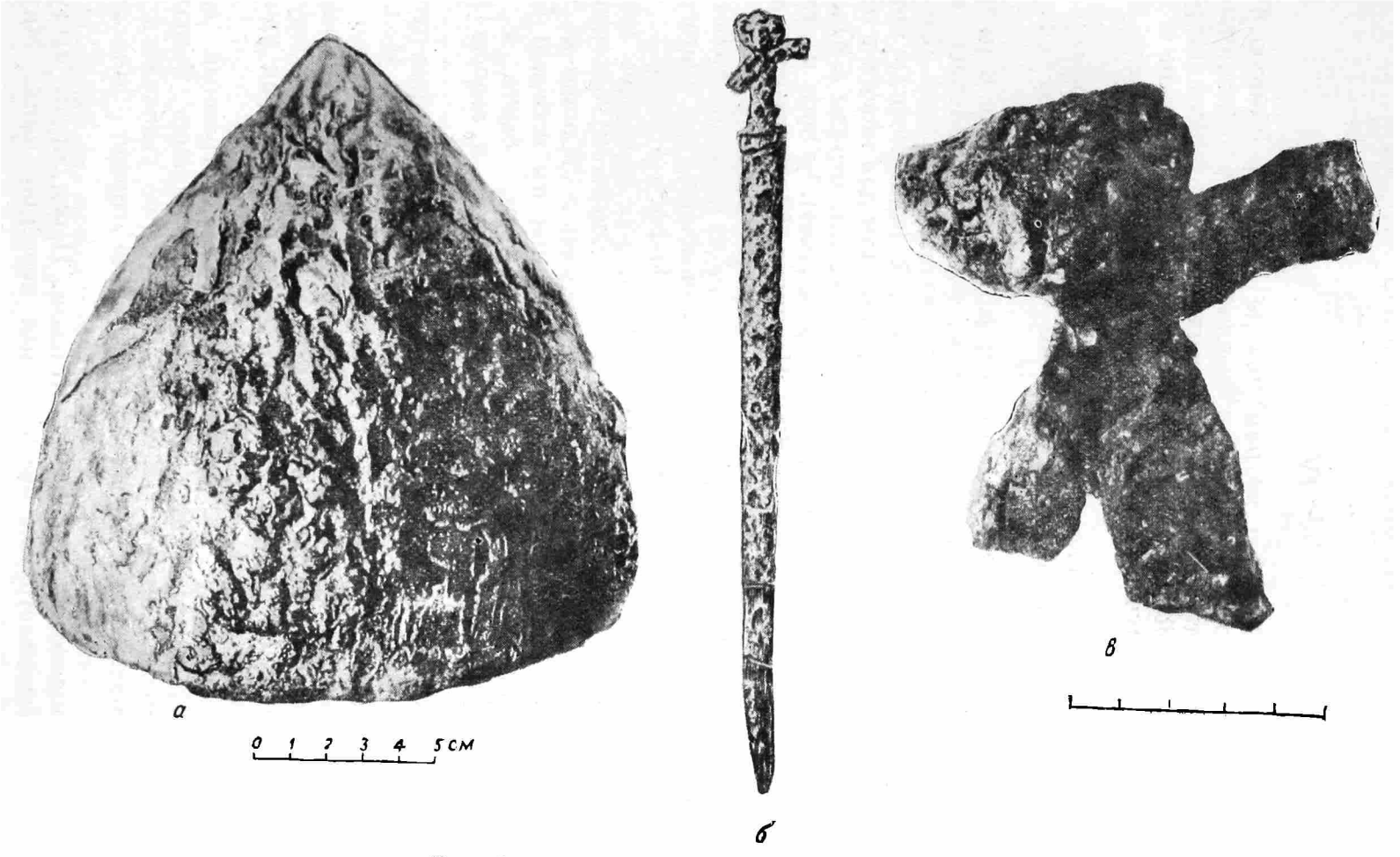


Рис. 28. Киев. Десятинная церковь. Тайник.
а — шлем, *б* — железный меч, *в* — рукоять меча.

киевских раскопок датировались слишком широко: от XI до XIII вв. В действительности, значительная часть киевских находок относится к последней поре истории города и потому хронологически может быть определена в более узких границах: XII—начало XIII вв.

IV

Летописное повествование о втором походе Бату на Южную Русь отличается, как известно, краткостью и недостаточной определенностью в хронологии. Именно этим вызваны разноречивые даты взятия татарами Киева, отсутствие точной даты падения Чернигова, Переяславля и ряд других неясностей в изучении этих насыщенных событиями лет истории Южной Руси.

Основные контуры исторических событий, предшествовавших падению Киева, на основе летописных известий обрисовываются, однако, достаточно отчетливо.

Разгромив в 1236—1238 гг. Болгарское царство, опустошив и разорив Рязанскую и Владимиро-Суздальскую земли, татарские полчища хана Бату повернули на юго-восток. Разбив войска половецкого хана Котяна, татары удалились за Волгу. Здесь в половецких (кипчакских) степях оставались они около года, очевидно, накапливая силы для нового и окончательного удара. Оттуда Бату посылал пока отдельные отряды в Южную Русь («оттуда же поча посылати на грады русьскые»). [1] Один из таких отрядов взял и разрушил Переяславль и Чернигов. Южнорусский летописец повествует об этом драматично, но не определяя точных дат событий: «Взят град Переяславль копьемь изби всь и церковь архангела Михаила скруши и сосуды церьковныя бещисленыя златыа и драгаго каменья взят и епископа преподобнаго Семеона убиша».[2]

Не менее трагична была судьба другого старейшего города южной Руси — Чернигова: «В то же время посла на Чернигов обьступиша град в силе тяжце слышав же Мьстислав Глебовичь нападение на град иноплеменных приде на ны со всими вои бившимся им побежен бысть Мьстислав и множество от вои его избьеным бысть и град взяша и запалиша огньм епископа оставиша жива и ведоша и во Глухов».[3]

Повидимому, во время этого набега на крупнейшие южно-русские города один из татарских отрядов под командованием хана Менгу — двоюродного брата Бату — подошел к самому Киеву. Царственная красота и величие древней столицы Руси произвели огромное впечатление на татар. «Меньгуканови же пришедшу сглядат град Кыева ставшу же ему на оной стране Днепра во градъка Песочнаго видив град удивися красоте его и величеству его. . .». [4]

Менгу-хан, повидимому, не решился штурмовать огромный город, но сделал попытку «прельстити» киевляп и князя Михаила Всеволодовича, сидевшего тогда на киевском столе. Попытки не увенчались успехом—«не послушаша его». Предложение о сдаче города было отвергнуто.

Смертельная опасность нависла над Киевом. Перед лицом наступавших грозных событий струсил незадачливый киевский князь Михаил,

---

[1] Ипат. летоп., под 6745 (1237) г.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

убежавший вскоре в Угры. После его бегства на киевский стол сел один из смоленских князей Ростислав Мстиславич, повидимому воспользовавшийся сложившейся обстановкой, может быть не без участия самих киевлян, оказавшихся накануне надвигавшихся событий без военачальника.

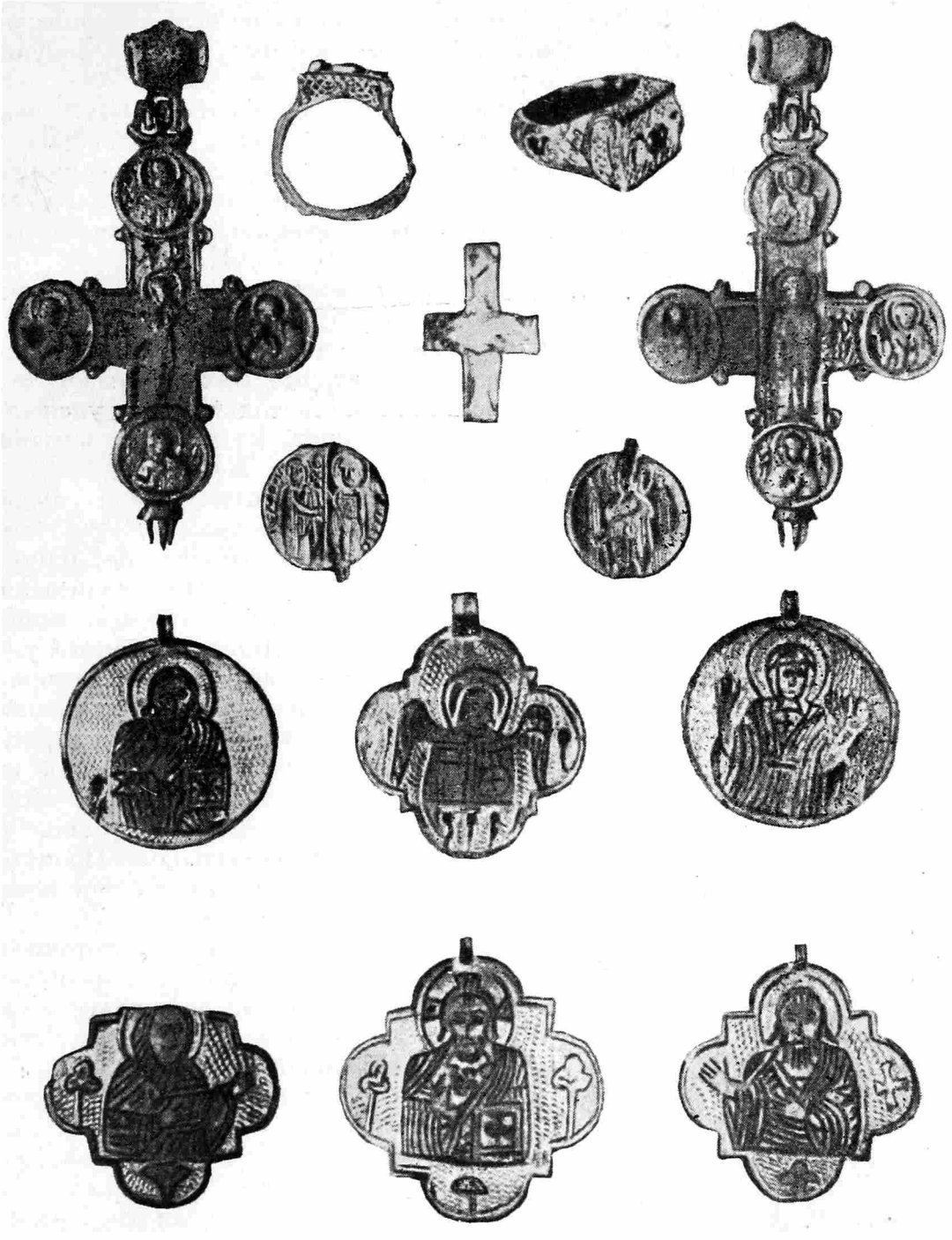


Рис. 29. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Крест-энколпион, серебряные подвески, золотой перстень.

Однако его пребывание на киевском столе было недолговременным. В Киев немедленно явился галицкий князь Даниил, схватил Ростислава, но сам в Киеве не остался, а посадил там тысяцкого Дмитра, поручив ему «обьдержати противу иноплеменных язык безбожьных татаров» былую столицу древней Руси, судьбой которой сам Даниил был, повидимому, не слишком озабочен.

Осенью следующего 1240 г. основные силы татарской орды под командованием самого хана Бату двинулись на запад.

Первый и основной удар был направлен на Киев. Поздней осенью полчища монголов подошли к Киеву, переправились через Днепр и окружили город. Современник-летописец кратко, но с потрясающей силой описал появление невиданного войска, расположившегося табором под стенами города в походных кибитках, с бесчисленными стадами ржущих коней и ревущих верблюдов.

«Приде Батый Кыеву в силе тяжьце многомь множьствомь силы своей и окружи град и остолпи сила Татарская и бысть град в объдержаньи велице. И бе Батый у города и отроци его объседаху град и не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревения вельблуд его и рьжания от гласа стад конь его и бе исполнена земля Руская ратных. . .».[1]

В этом красочном и правдивом описании осажденного Киева, а еще более в дальнейшем повествовании о штурме города слышится взволнованная речь современника-очевидца, если не участника событий. Топографическая конкретность повествования о штурме города делает этот летописный отрывок незаменимым источником не только для уяснения последовательности ожесточенной борьбы за город, но и для понимания результатов этой борьбы для дальнейшей судьбы Киева.

Затруднительно установить, долго ли продолжалась осада города. Южнорусская летопись, являющаяся основным источником, при отмеченной выше топографической конкретности ведет рассказ, не приурчивая развертывающиеся события к уточненным датам. По значительно более краткому сказанию, занесенному в Суздальскую летопись, взятие Киева «приключися до Рожества Господня на Николин день»,[2] т. е. 6 декабря 1240 г. Эта дата и считается общепринятой в русской историографии. Однако нужно отметить, что в ряде севернорусских летописных сводов — в Псковской I, Супрасльской, летописи Авраамки — приводится другая дата штурма Киева, сопровождающаяся к тому же такой же датой прихода татарских полчищ к Киеву и точным указанием срока осады города: «Приидоша Татарове к Киеву сентября 5 и стояша 10 недель и 4 дни и едва взяша и ноября в 19 в понедельник». Происхождение этой версии и степень ее достоверности остаются до сих пор невыясненными.

После рассказа о появлении татарского войска под Киевом летописец сообщает о захвате в плен татарина именем Товрул, который «исповеда им всю силу их» (т. е. татар). От него киевляне узнали по имена важнейших «воевод» татарского войска, среди которых были знаменитые монгольские полководцы Себедяй богатур и Бурундай богатур, «иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую», двоюродный брат Бату — хан Менгу «и инех бещисла».

Наступил день штурма. Основной удар монгольские войска наносили с юга. «Постави же Батый порокы городу подъле врат Лядьскых ту бо беаху пришли дебри». Лядские ворота, как известно, вели из Ярославова города в Крещатицкую долину, густо поросшую лесом («дебри»). О применении монголами при штурме городов стенобитых орудий известно и по другим источникам. «. . . пороком же бес престани бьющим

---

[1] Ипат. летоп., под 6748 (1240) г.

[2] Лавр. летоп., под 6748 (1240) г. Эта же дата повторяется в более поздних Густинской, Софийской, IV Новгородской, Воскресенской, Тверской и Никоновской летописях.

Рис. 30. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Фрагменты ткани.

день и нощь выбиша стены. .». Киевляне продолжали отбиваться на остатках крепостных укреплений: «и возидоша горожаны на избыть стены». Началась ожесточенная рукопашная схватка: «и ту беаше видити лом копеины и щет скепанае стрелы омрачиша свет побеженым».

Руководивший обороною города тысяцкий Дмитр был ранен. Вскоре татары ворвались на стены Ярославова города. Главная оборонительная линия Киева была прорвана. Татарские полчища, утомленные отчаянным сопротивлением киевлян, вынуждены были временно прекратить дальнейшее наступление: «седоша того дне и нощи».

Воспользовавшись небольшой передышкой, киевляне укрепились на новой, последней для них оборонительной линии: «Гражане же создаша паки другий град около святое Богородице. . .». Едва ли правильно понимать эти слова летописного рассказа как известие о постройке вокруг Десятинной церкви наскоро какого-то временного укрепления.[1] Нужно вспомнить, что расширенная территория Ярославова города, выстроенного в 30-х годах XI в., примыкала к старым стенам и рвам Владимирова города, центром которого была упоминаемая летописным рассказом Десятинная церковь. Остатки этих внутренних городских укреплений не только в виде вала и рва, но и каменных воротных башен существовали вплоть до XVII в., когда были даже подновлены московскими воеводами. Именно эти старые укрепления, а отнюдь не какие-то выстроенные вновь за одну ночь, повидимому, и были подготовлены к обороне в то время, пока отдыхали татары.

Наутро сражение возобновилось со все возраставшим ожесточением: «наутрея же придоша на не и бысть брань межи ими велика. . .». Вскоре и укрепления Владимирова города были взяты. Бой продолжался и за стенами Владимирова города. Отступавшие горожане пытались использовать в качестве оборонительных рубежей каждую улицу, каждый дом. Именно об этом этапе ожесточенного сражения рассказывают раскопки на Б. Житомирской ул. Жилища, раскопанные в 1946 г., находились за стеной Владимирова города в непосредственной близости к «Батыевым» воротам. На развалинах сгоревшего жилища лежат в беспорядке многочисленные костяки последних защитников города. Неожиданно ворвавшиеся в ворота татары были так близко, что отступать дальше успевают не все. Некоторым приходится искать ненадежное убежище в глиняной печке, где их и застает катастрофа.

Последние часы сопротивления киевлян южнорусский летописец связал с судьбой древнейшего храма Киева. В северо-западном углу Владимирова города стоял мощный каменный храм Богородицы Десятинной. В этом храме, как тремя годами ранее в Успенском соборе во Владимире, оборонялась последняя горстка оставшихся в живых защитников Киева. Храм был наполнен людьми, сбежавшимися сюда со своим имуществом: «. . . Людем же узбегшим и на церковь и на комары церковныя и с товары своими от тягости повалишася с ними стены церковныя и принят бысть град сице воими. . .».

Едва ли летописец правильно объяснял причину катастрофы здания. Каменный сводчатый храм не упал бы от тяжести забравшихся на его своды людей. Использованная обороняющимися в качестве последней цитадели Десятинная церковь, вероятно, подверглась действию таких же «пороков», которыми до этого уже были разбиты Лядские ворота и ворота Владимирова города, через которые татары прорвались к стенам Богородицы Десятинной.

---

[1] М. Грушевский, ук. соч., стр. 424.

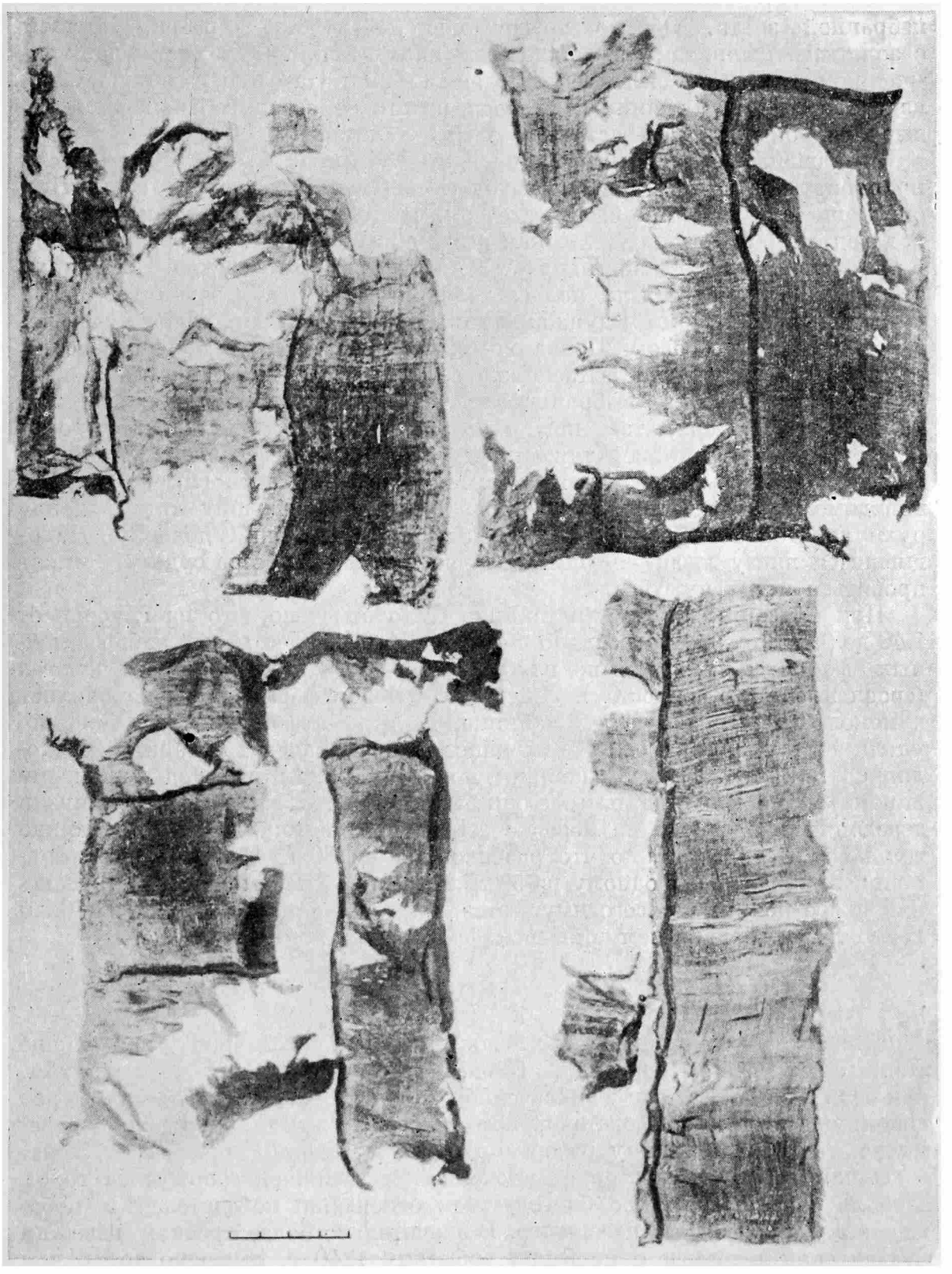


Рис. 31. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Фрагменты ткани.

Набившиеся в церковь люди, забравшиеся даже на «комары» церковные, естественно, использовали в качестве убежища и Десятинный тайник, описанный выше. О существовании его, конечно, знали далеко не все, и церковное духовенство могло предоставить его лишь наиболее избранной знати. Обилие драгоценностей — золота, серебра, тканей с золотыми нашивками, — найденных внизу тайника, не оставляет сомнения в том, кому был предоставлен тайник в качестве убежища. Один из забравшихся в тайник спрятался вместе со своей собакой в нише, вырубленной в северо-восточном углу тайника.

Забравшиеся в тайник люди, повидимому, имели безрассудную мысль прорубить под землей в лёссе выход из-под церкви к склону горы. При описании тайника выше было отмечено, что у самого дна его начинается ход под северную стенку (т. е. как раз к обрыву Киевской горы). Именно в этом же месте были найдены два воткнутых в землю заступа. Напомним, что на дне тайника были найдены, кроме того, два деревянных ведра с железными обручами и дужками и около одного из них целая куча плетеных из лыка веревок. Повидимому, с помощью этих приспособлений стоявшие наверху люди вытаскивали землю наверх. Рыхлый лёсс, лежавший на дне тайника, выбранный из бокового хода, не успели поднять из тайника наверх, так как в этот момент разразилась катастрофа. Не столько под влиянием тяжести огромного количества людей, забравшихся вместе со своим имуществом на «комары» церковные, сколько, повидимому, от ударов стенобитных орудий осаждавших татар здание рухнуло. Обвалившиеся своды и стены засыпали тайник доверху. Находившиеся внизу люди не успели осуществить свою безрассудную мысль пробиться к склону горы.

При описании находок в тайнике было отмечено, что на глубине от 1.40 до 2.00 м, т. е. значительно выше дна, был найден целый набор литейных формочек и на этой же глубине (1.80—2.00 м) скелеты трех человек (среди них один подросток). Люди эти и набор формочек не находились в момент катастрофы на дне тайника. И люди и формочки, несомненно, упали сверху в уже более чем наполовину заваленный тайник. Находились ли они на хорах (тайник помещается как раз под западными хорами) и упали оттуда, или же они были среди тех, которые вытаскивали деревянными ведрами на веревке землю из тайника — об этом можно только фантазировать, но что разбившиеся на 36 кусков литейные формочки принадлежали одному из этих людей и были принесены в церковь как самое ценное из всего имущества, представляется нам единственным возможным объяснением этой исключительной находки.[1]

V

Южнорусский летописец, последовательно обрисовавший важнейшие этапы ожесточенной борьбы за Киев, не обмолвился ни словом о том, как вели себя победители в захваченном городе. Это обстоятельство не раз использовали те исследователи, которые из разных побуждений стремились ослабить картину разорения и опустошения древнего Киева.

Однако самый характер ожесточенной и затяжной борьбы за город едва ли свидетельствует о благодушном отношении победителей к побежденному городу и его населению. В значительно более кратком известии Суздальской летописи о киевских событиях 1240 г. отмечено то, о чем по неизвестным причинам умолчал южный летописец: «Того же лета взяша Кыев Татарове и святую Софью разграбиша и монастыри все

[1] М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви, стр. 75.

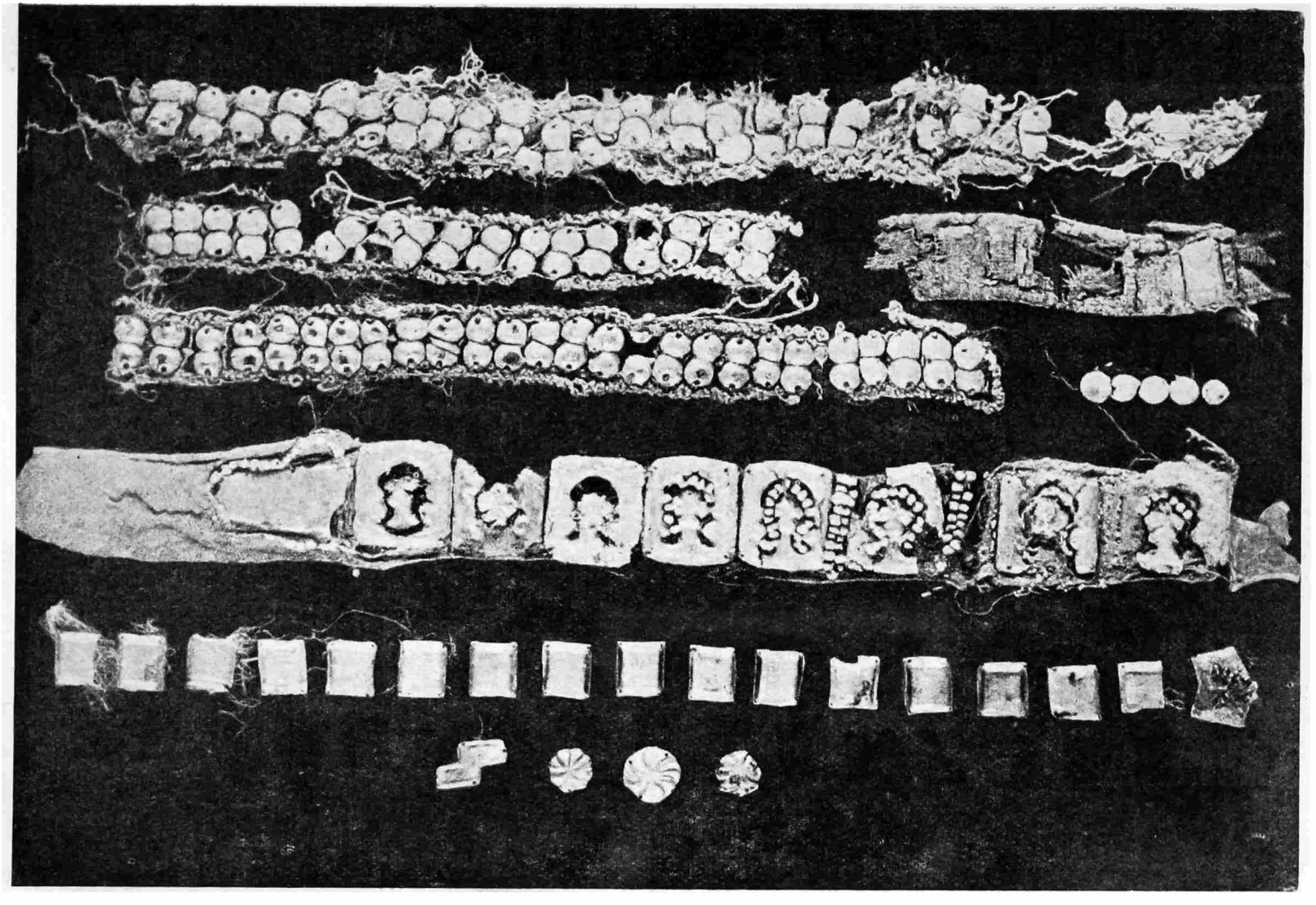


Рис. 32. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Ткани с нашитыми золотыми бляшками и жемчугом.

и иконы и кресты и вся узорочья церковная взяша а люди от мала и до велика вся убиша мечом; си же злоба приключися до Рожества Господня на Николин день».[1] Едва ли после изучения обстановки борьбы за город рассказ северного летописца покажется риторическим преувеличением или обыкновенным литературным шаблоном, как это казалось Антоновичу, Грушевскому и их последователям.

Достаточно сравнить рассказ северной летописи о взятии Киева с рассказом южной летописи о взятии Чернигова и Переяславля, чтобы убедиться в том, что рассказ о киевском разорении попал в Суздальскую летопись из достоверных источников (не даром же он сообщает и дату события!).

Особенный скептицизм Антоновича и его единомышленников вызывала фраза летописца «а люди от мала и до велика вся убиша мечем». Поголовного истребления горожан действительно не было в Чернигове, если следовать летописному рассказу. В летописи говорится лишь о большом количестве убитых воинов.

В летописных рассказах о действиях татар в побежденных городах нельзя не обратить внимания на различное отношение победителей к различным городам в зависимости от степени сопротивления, оказанного данным городом. Быстро сдававшиеся города отделывались, повидимому, разграблением населения и особенно богатых монастырей и храмов.

Судьба Киева больше напоминает судьбу маленького городка Козельска, героическое население которого выдержало семинедельную осаду, после чего в жесточайшей рукопашной схватке козляне с мужеством отчаяния «ножи резахуся» с татарами и, истребив до четырех тысяч монгольских воинов, «сами же избьени быша». Взяв город Козельск, Бату «изби вси и не пощаде от отрочат до сосущих млеко».[2]

Татары, разыскивая после боя трупы своих трех «темников», «не могоша их изнаити во множестве труп мертвых».[3] Летописец добавляет, что с той поры татары «не смеють его нарещи град Козлеск, но град злый, понеже бишася семь недель».[4] Неужели это тоже литературный шаблон?

Не менее ярко и правдиво описаны летописцем последствия татарского разгрома в городах Галицко-Волынской земли. Даниил с братом, услышав об уходе татар на Восток, возвращались из Польши в родную землю. Дойдя до города Берестья, они не могли продолжать свой путь к Владимиру: «не возмогоста ити в поле смрада ради и множества избьеных, не бе бо на Володимере не остал живыи; церкви святой Богородицы исполнена трупья, иныа церкви наполнены быша трупиа и телес мертвых. . .».[5]

Вскоре после разгрома Киева через Южную Русь пробирался в ханскую ставку францисканец Плано Карпини, возглавлявший миссию, снаряженную папой Иннокентием IV в 1246 г., имевшую задачей войти с татарским ханом в мирные отношения и попытаться обратить его в христианскую веру.[6] Проезжая через Южную Русь, Плано Карпини мог видеть с наглядной очевидностью все ужасы татарского погрома, от которых, по выражению современников, мог бы прослезиться антихрист.[7] Немногие строки, посвященные Карпини Киеву и Русской земле, предтавляют огромный интерес. Карпини писал в своем донесении: «. они

---

[1] Лавр. летоп., под 6748 (1240) г.
[2] Ипат. летоп., под 6746 (1238) г.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же, под 6748 (1240) г.
[6] Иоанн де-Плано Карпини. История монголов. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. VII—IX.
[7] Там же, стр. VII.

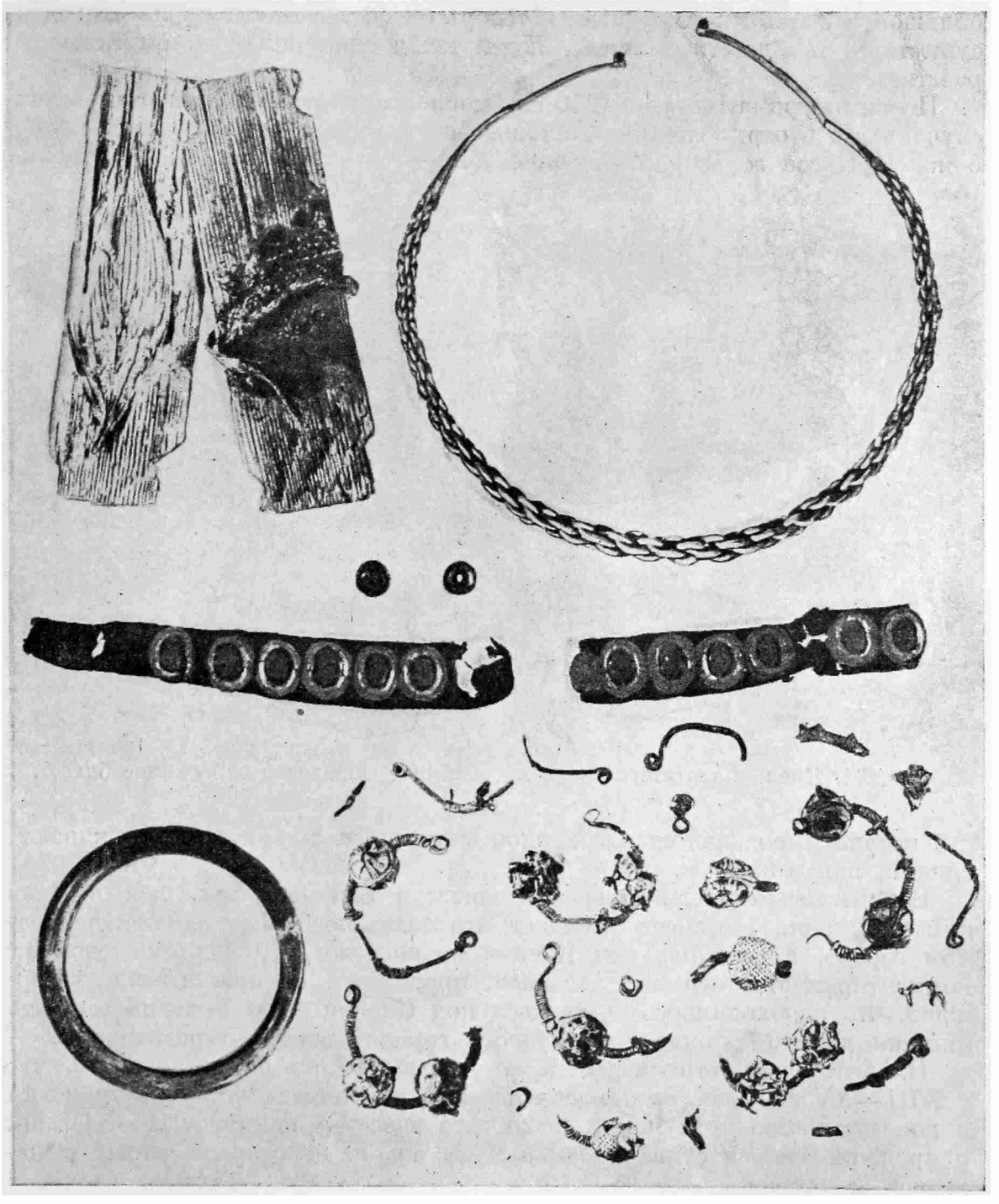


Рис. 33. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Находки.

[татары] произвели великое избиение в стране Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города, отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле, ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве».[1]

После разгрома Киева в 1240 г. летописные известия о нем становятся случайными и отрывочными. Составить по ним какое-либо представление о жизни Киева во второй половине XIII—XIV вв. невозможно. Отдель-

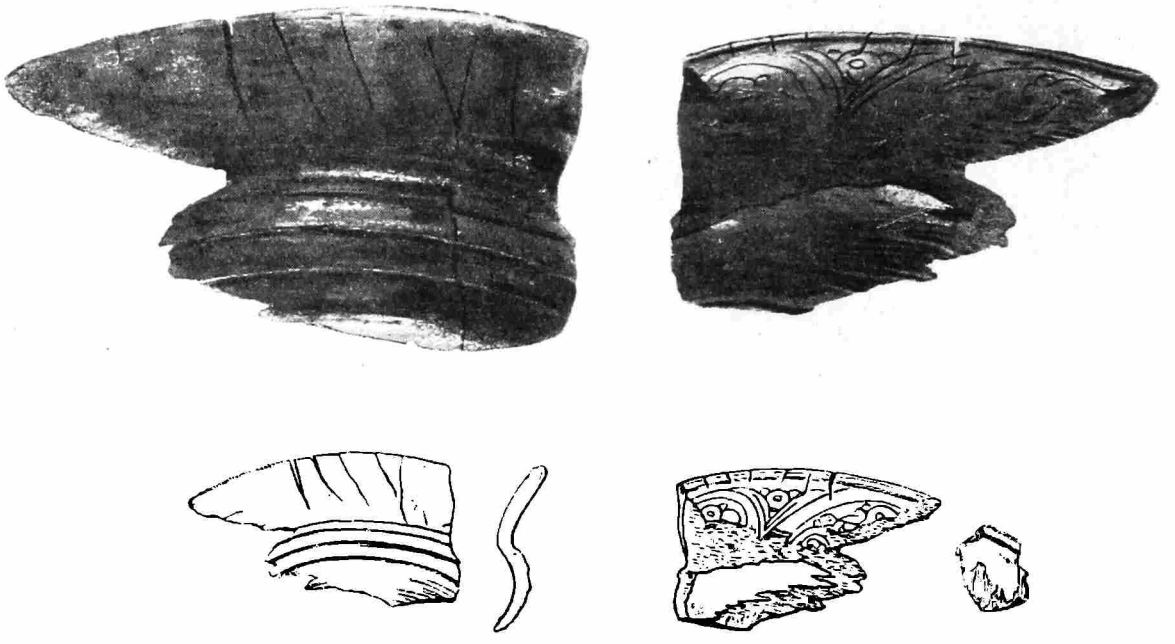


Рис. 34. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Обгорелое деревянное блюдо.

ные летописные свидетельства южной и северных летописей заслуживают, однако, внимания.

Вскоре после ухода татарских войск в Венгрию, вернулся в Киев князь Михаил. Летописец сообщает, что князь поселился, однако, не в самом городе, а «живяше под Киевом во острове».[2] А. И. Соболевский,[3] комментируя этот отрывок летописи, правильно, на наш взгляд, утверждал, что необходимость поселиться под Киевом была вызвана тем, что княжий дзор и лучшие дома старого города лежали в развалинах.

В. Антонович, стремившийся во что бы то ни стало доказать, что в XIII—XV вв. Киев не находился в «совершенном запустении», приводил в доказательство этой мысли несколько известий конца XIII—XIV вв. о продолжавшемся существовании в это время некоторых старых монастырей и храмов.

Так, действительно, под 1277 г. в Воскресенской и Густинской летописях сообщается о посвящении архимандрита Киево-Печерского монастыря в епископы во Владимир.[4] Под 1289 г. при описании похорон

---

[1] Там же, стр. 25.
[2] Ипат. летоп., под 6748 (1240) г.
[3] А. И. Соболевский, ук. соч., стр. 284.
[4] Густ. летоп., ПСРЛ, II, 345; Воскр. летоп., ПСРЛ, VII, 172.

волынского князя Владимира Васильевича упоминается другой архимандрит киево-печерский, Агапит.[1] Третий архимандрит того же монастыря, Давид, известен как духовник второй жены Ольгерда.[2]

От конца XIV в. сохранились известия о погребении в Киево-Печерском монастыре многих знатных лиц: нареченного митрополита Дионисия (1385), князя Иоанна (Скиргайла) Ольгердовича (1396) и князя Влади-

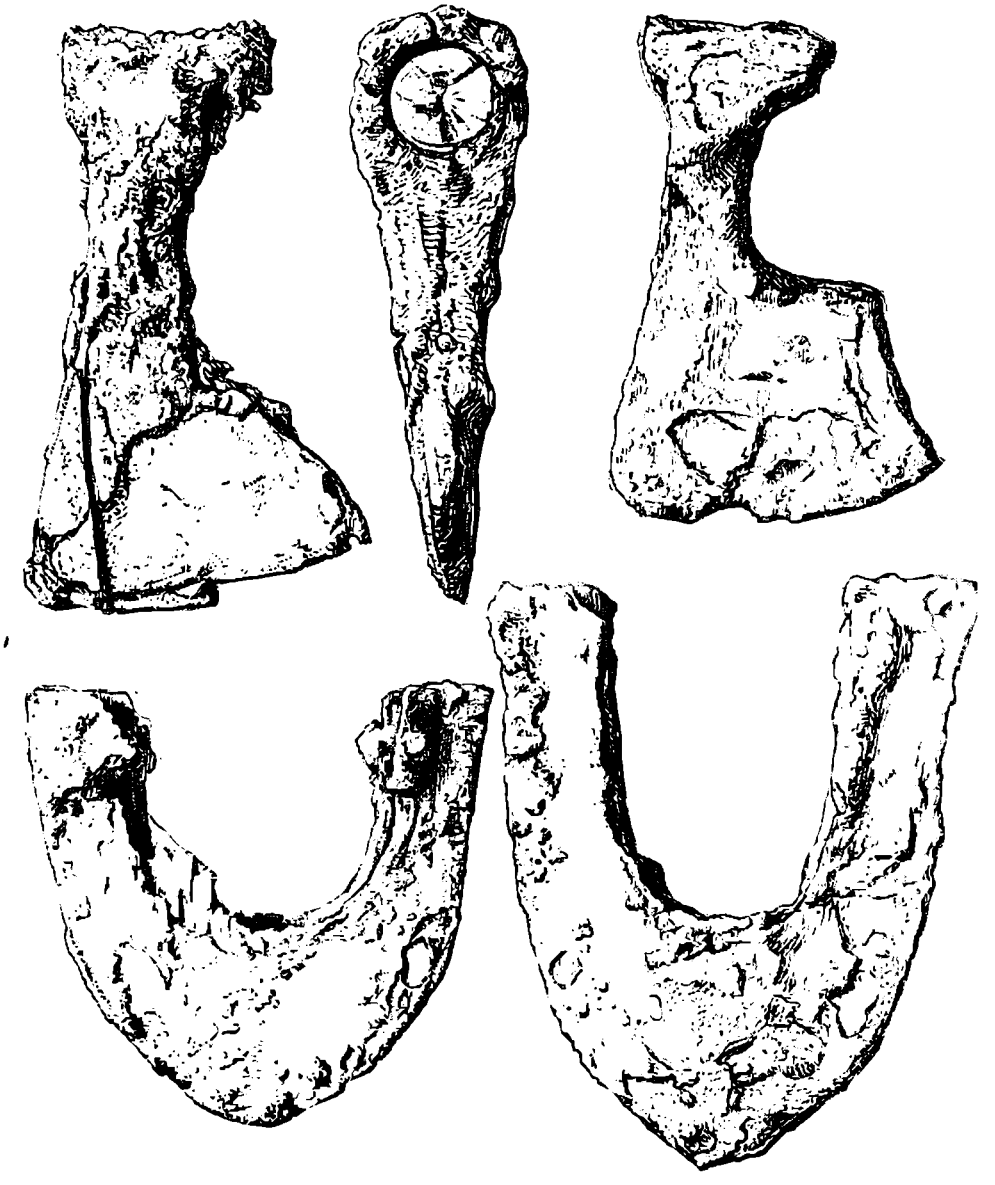


Рис. 35. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Железные топоры и оковки заступов.

мира Ольгердовича. Наконец, в 1399 г. Киево-Печерский монастырь, откупаясь от орды Темир-Кутлука, напавшей на Киев, дал татарам «окопу 30 рублев».[3]

Из всех перечисленных выше фактов можно сделать лишь один неоспоримый вывод о том, что в XIII—XIV вв. под Киевом продолжал суще-

---

[1] ПСРЛ, II, стр. 604.

[2] Карамзин. ИГР, V, прим. 44.

[3] Летоп., изд. Даниловичем, стр. 47—48; Летоп. Быховца, 34—35; Густ. летоп., 352; Воскр. летоп., 49—73; Никон. летоп., IV, 147, 282; Хроника Мартына Бельского (Изд. 1597 г.), стр. 283. Цит. по Антоновичу, стр. 227.

ствовать Киево-Печерский монастырь. Но продолжающееся существование одного из многочисленных когда-то киевских монастырей отнюдь не является свидетельством, опровергающим в какой-либо степени нарисованной выше по летописным и археологическим источникам картины полного разорения и опустошения верхнего города, произведенного монголами в 1240 г.

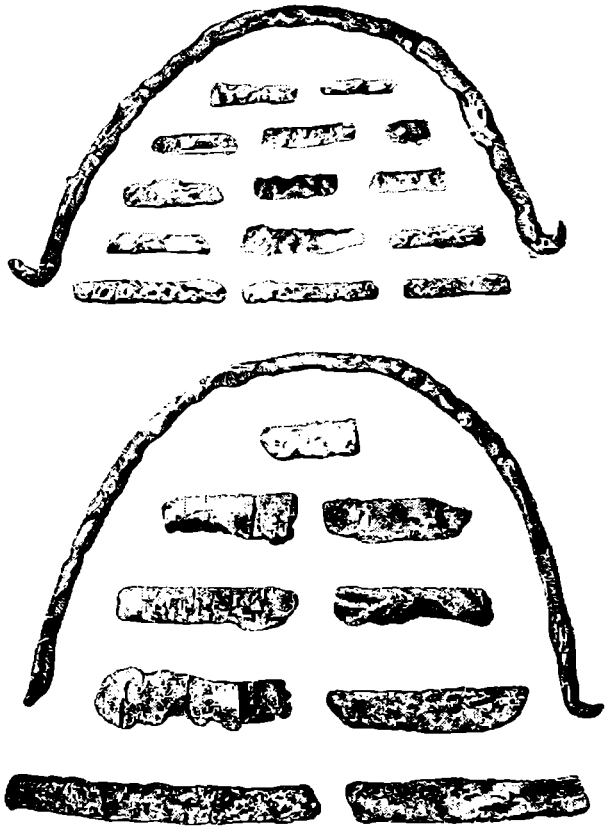


Рис. 36. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Железные дужки от ведер.

Более того, существование в конце XIII—XIV вв. Киево-Печерского монастыря как церковной организации не говорит даже о том, в каком состоянии находились в это время его основные сооружения и, в частности, Успенская соборная церковь.

Среди надгробий над погребенными в монастыре знатными лицами заслуживает внимания надгробие князя Симеона Олельковича, погребенного 3 декабря 1471 г. (6978 г.). А. Кальнофойский в своей Тератургиме привел текст надгробия, представляющий несомненное значение для освещения поставленного выше вопроса. Над гробом кн. Симеона в начале XVII в. существовала следующая надпись: «Посетитель! Каким образом ты видишь это великое здание? || Каким образом ты осматриваешь это художественно воздвигнутое сооружение? || Двести тридцать три года тому назад здесь были одни только обломки камней || когда церкви Батыем лишены были своей красоты || Оно воздвигнуто было иждивением князя Симеона || в честь Бога и Пречистой Его Матери. . .».[1]

Изучение техники кладки Успенского собора приводило уже исследователей конца XIX в. к выводу, что от здания XI в. в составе существующей постройки сохранились лишь незначительные остатки. Исследование руин собора после взрыва его немецко-фашистскими захватчиками в 1941 г. приводит нас к еще более определенным выводам — эпитафия Симеону как одному из «фундаторов» Лавры не преувеличивает его участия в реставрации собора из руин.

Текст эпитафии, переведенный Кальнофойским на польский язык силлабическими стихами, был исполнен, повидимому, одновременно с многими другими надгробиями значительно позже погребения, но возможно, что он в какой-то степени повторяет (по содержанию) текст древнего надгробия.

Мнение В. Антоновича,[2] повторявшееся позже неоднократно, о том, что разрушение Успенского храма, относимое в эпитафии ко временам

[1] Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей, Киев, 1874, отд. II, стр. 28—29.

[2] В. Антонович, ук. соч., стр. 239.

разгрома Киева Бату, в действительности произошло в 1416 г. при набеге крымских татар Эдигея, ничем не подтверждено.

В памяти людей XV—XVII вв. события начала XV в., казалось бы, должны сохраниться лучше, чем события начала XIII в., однако и текст эпитафии, и Синопсис, и свидетельства путешественников XVI—XVII вв. связывают разрушение Лавры с разгромом Киева в 1240 г.

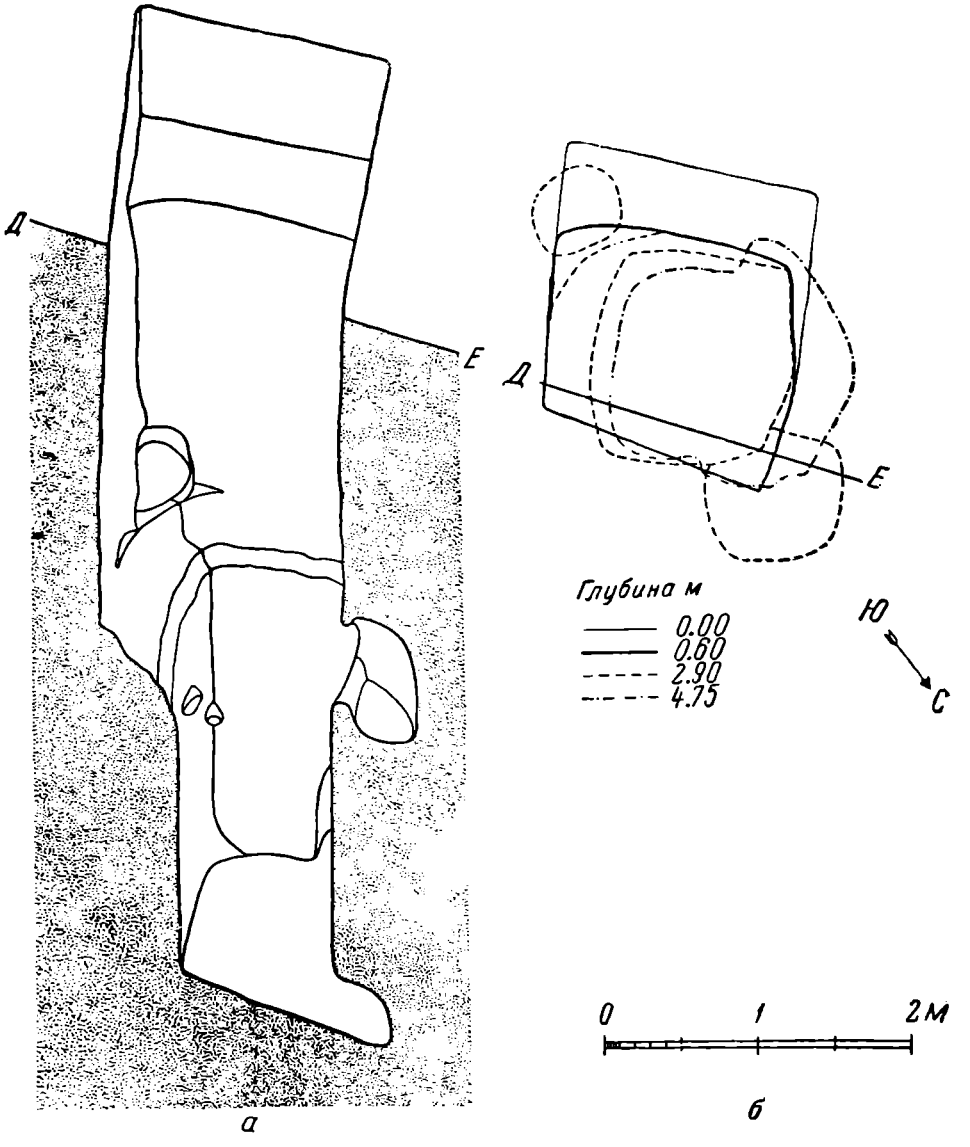


Рис. 37. Киев. Десятинная церковь. Тайник.
а — разрез, *б* — план.

Несколько раз северные летописи сообщают о различных событиях, происходивших в конце XIII и XIV вв. в Киево-Софийском соборе. Так, в 1280 г. в соборе был погребен митрополит Кирилл, скончавшийся в Переяславле Суздальском,[1] в 1288—1289 гг. митрополит Максим рукополагал «в святой Софии в Киеве» Иакова в епископы владимирские[2] и Тарасия — в ростовские;[3] с 1375 по 1380 г. и позже с 1382 по 1390 г. в Киеве, на митрополичьем дворе «у святой Софьи», жил непризнанный

[1] Никон. летоп., III, стр. 70.
[2] Там же, стр. 86.
[3] Там же,стр. 87.

в Москве кн. Дмитрием Донским митрополит Киприан;[1] наконец, в 1396 г. киевский князь Скиргайло пировал на митрополичьем дворе «у святой Софии», у наместника Фомы.[2]

Все эти факты, перечисленные В. Антоновичем, говорят о том, что Софийский собор в Киеве после монгольского разгрома и расхищения оставался все же пригодным для богослужения и в течение указанного периода продолжал оставаться городским действующим храмом. Как свидетельствуют путешественники конца XVI—XVII вв., несмотря на крайнюю степень разрушения, до которой этот храм был доведен к началу XVII в., он все же и тогда, наряду с собором Михайловского Златоверхого монастыря, оставался действующим храмом, переходя от православных к униатам и обратно.

Значительный интерес для изучения состояния верхнего Киева представляют известия иностранных путешественников, посещавших Киев в XVI—XVII вв.

В «Записках» Сигизмунда Герберштейна, дважды, в 1517 и 1526 гг., посетившего Московию, есть несколько строк, посвященных Киеву. Герберштейн не был лично в Киеве и в своем сообщении об этом городе он ссылается на Г. Альберта Гастоля, палатина Виленского, который рассказал ему о Киеве следующее: «. . . В восемнадцати милях (от Канева) находится Киев — древняя столица Руссии. Великолепие и истинно царственное величие этого города доказывается самыми его развалинами и памятниками, которые видны в обломках. И поныне еще *на соседних горах* [курсив наш, — *М. К.*] заметны следы разоренных церквей и монастырей. . .».[3]

Чтобы понять это известие и некоторые последующие, нужно иметь в виду, что в литовский и польский периоды жизнь города была сосредоточена, в основном, на Подоле. Киево-Подол в послемонгольское время стал синонимом Киева, — вот почему руины старого (верхнего) Киева, его церквей и монастырей описываются как находящиеся «на *соседних* горах».

Почти аналогичные известия сообщает веронец, служивший в польском войске во время войны с Россией, Александр Гваньини. В своем «Описании Сарматии», опубликованном в 1581 г., Гваньини писал: «Киев древнейший и обширнейший город, обнесенный деревянными оградами, некогда столица всей России, расположился у славнейшей реки Борисфена, отстоит от Вильны на сто двадцать миль польских. О прежнем великолепии и истинно царственном виде города свидетельствуют самые развалины и памятники, расположенные на пространстве шести миль. Доселе на соседних холмах виднеются следы церквей, монастырей и опустевших зданий. . .».[4]

Значительно интереснее известия о Киеве в «Дневнике Эриха Ляссоты», ездившего в 1594 г. по поручению императора Рудольфа к запорожским казакам и по пути побывавшего в Киеве. Ляссота посвятил описанию Киева довольно значительную часть своего «Дневника».[5] Особенно заинтересовал его Софийский собор, который, по словам Ляссоты, «существует и ныне, но очень обветшал». Автор довольно подробно описал этот памятник и привел ряд легенд, которые ему были рассказаны.

---

[1] Никон. летоп., IV, стр. 48, 139—140.

[2] Летоп., изд. Данилевичем, стр. 47; Густ. летоп., стр. 352.

[3] С. Герберштейн. Записка о Московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. 165.

[4] Сборник материалов для исторической топографии Киева. отд. II, стр. 12.

[5] Tagebuch der Erich Lassota von Stellau. Галле, 1866. Русск. пер. в «Сборнике материалов для историч ской топографии Киева. , стр. 15—22.

О самом городе Ляссота писал следующее: «. . Киев был очень укреплен на обширном пространстве и украшен великолепными храмами и зданиями общественными и частными, как можно судить об этом по древним развалинам, равно и по валу, охватывающему город и простирающемуся, говорят, на девять миль в окружности. .».[1]

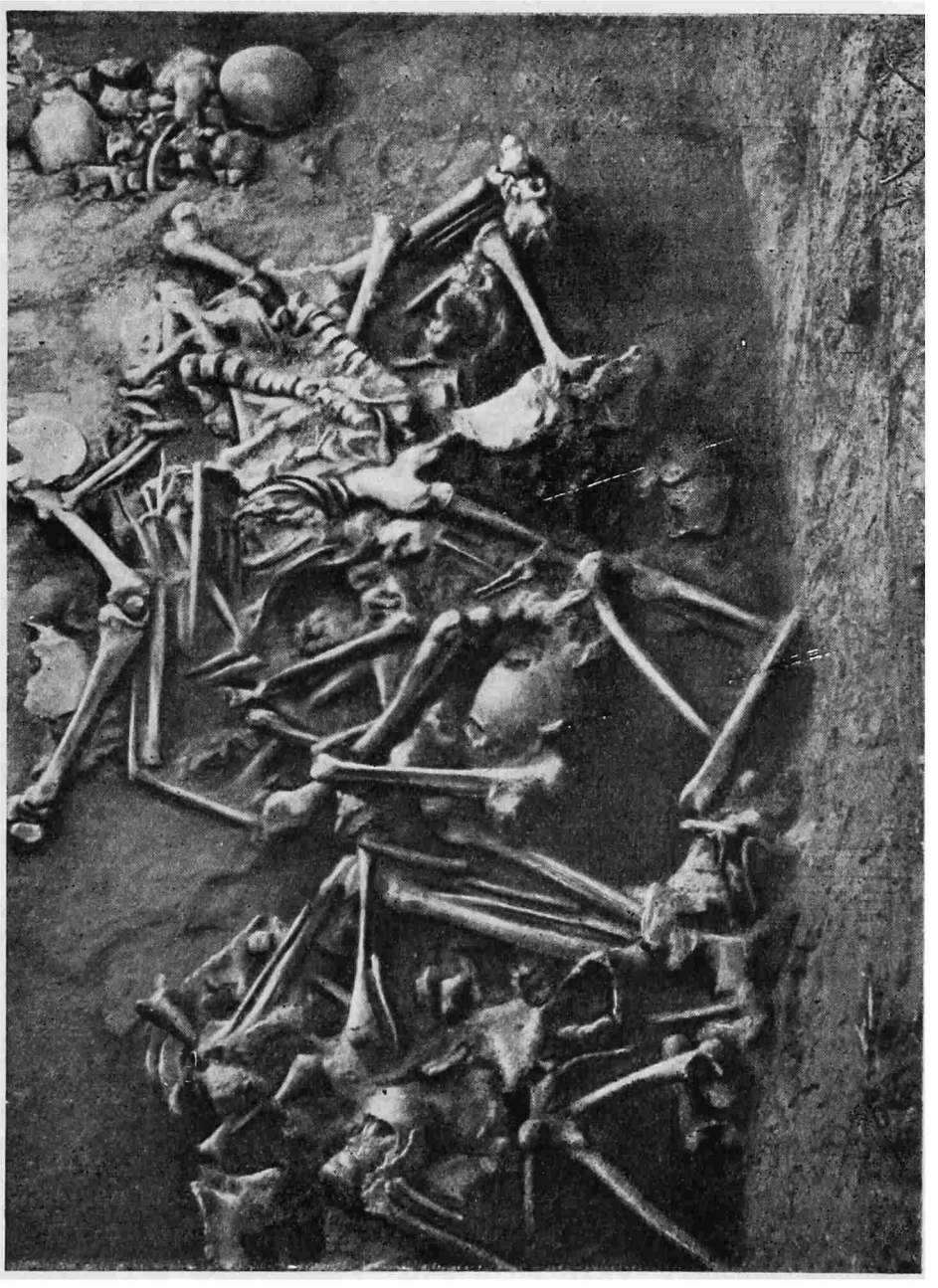


Рис. 38. Киев. Братская могила.

Описав в верхнем городе, кроме Софийского собора, развалины Золотых ворот, собор Михайловского Златоверхого монастыря и руины храма неподалеку от Софии, который Ляссота называет «церковью Екатерины», автор заключил рассказ о своих наблюдениях в Киеве следующими словами: «Там, где видны развалины и где некогда находился город,

[1] Там же, стр. 16.

ныне или почти нет домов, или их очень мало; нынешний город построен внизу в долине, на правом берегу Днепра, и довольно растянут, ибо почти у каждого дома сад. . . Замок находится высоко на отдельной горе [речь идет о литовском замке на горе Киселевке, — *М. К.*]; он очень обширен, но не каменной постройки, а деревянный, оштукатуренный известью».[1]

Дипломат, юрист и историк Рейнольд Гейденштейн в сочинении о современной ему польской истории, в ряду событий, относящихся к 1596 г., посвятил несколько десятков строк описанию Киева.[2] Описав Золотые ворота, Софийский собор и развалины уничтоженных храмов верхнего Киева, Гейденштейн заключил: «Огромные валы и стены свидетельствуют, что город, должно быть, когда-нибудь был очень многолюден и велик. . . Нынешний город Киев находится не в старых стенах, но несколько пониже у Днепра и не похож на старый Киев. . . Над городом господствует деревянный замок, но он не стоит названия замка. Он совсем заброшен и почти совершенно сгнил».[3]

Почти к тому же времени относится описание развалин верхнего Киева, сделанное Иосифом Верещинским, бискупом Киевским, в его записке, адресованной Краковскому сейму.[4] Верещинский выдвигал перед сеймом проект восстановления древних укреплений Киева и заселения заброшенного и опустевшего верхнего города.

Едва ли есть необходимость приводить упоминания о забытых руинах храмов и других зданий в верхнем Киеве в известиях и документах XVII в. Когда московские воеводы с кн. Федором Куракиным во главе в 1654 г. прибыли в Киев и приступили к обновлению оборонительных сооружений города, они отказались от восстановления литовского замка на Киселевке, подробно обосновав в донесении царю Алексею Михайловичу недостатки этого укрепления. Наоборот, они высоко оценили фортификационные возможности древнейших киевских укреплений, к восстановлению которых вскоре и приступили, несмотря на сопротивление киевского митрополита Сильвестра, который не хотел отдавать московским воеводам «Софийской слободы», как назывался в это время верхний Киев.[5] Опустевшая территория Ярославова и Владимирова городов принадлежала в XVII в. митрополиту, который считал ее неотъемлемой собственностью киевской митрополии. За древними валами великокняжеской эпохи ютилось лишь несколько десятков казачьих и крестьянских хат, принадлежавших новым поселенцам, созванным в 1600 г. киевским воеводой кн. Константином Острожским «на запустелое место».[6]

В течение второй половины XVII в. древние укрепления верхнего города обновлялись неоднократно. В это же время появились в верхнем городе сооружения, необходимые для обеспечения московского гарнизона, разместившегося в обновленной великокняжеской крепости. В это же время начались работы по восстановлению отдельных наиболее сохранившихся древних храмов. Кроме Софийского и Михайловского

---

[1] Там же, стр. 18.

[2] Там же, стр. 23—24 (ср. также: Северный архив, 1822, № 1, стр. 115—116).

[3] Там же, стр. 24.

[4] Киев триста лет назад. Киевская Старина, т. XLIV, 1894, март, стр. 403—409.

[5] АЮЗР, X, СПб., 1878, № 7; см. также: Г. Карпов. Киевская митрополия и Московское правительство во время соединения Малороссии с Великой Россией. Православное обозрение, 1871, авг., стр. 172—195; сент., стр. 308—327.

[6] П. Г. Лебединцев. Росписной список г. Киева 1700 г. Киев, 1892. стр. 51.

соборов была восстановлена из руин древняя Трехсвятительская церковь XII в. Тогда же предпринимаются попытки увековечить память о наиболее прославленных древних храмах времен Владимира и Ярослава, восстановить которые было уже невозможно. На развалинах Десятинной церкви после небольших «раскопок» еще Петр Могила в 1635 г. построил небольшую церковь. В 1654 г. московские воеводы несколько расширили храм, пристроив западный притвор по образцу русской «трапезы». Тогда же, повидимому, был надстроен второй этаж с приделом Петра и Павла.[1]

В 1674 г. киевский воевода кн. Юрий Петрович Трубецкой в отписке к царю Алексею Михайловичу писал: «В летописных, государь, киевских книгах написано: в лето 6545 г., в Киеве в верхнем большом городе, у Золотых ворот, близ Софейского монастыря, создана каменная церковь, во имя святого великомученика Георгия, и была церковь двести два года и в лета ж 6748 г., в киевское разорения от Батыя царя, та церковь разорена, и от того времени на том месте церкви Божией не было и место церковная от незнающих простых людей и от скоту было насорено неистово; и мы холопи твои хотим то место очистить и огородить. . .».[2]

Из приведенного документа явствует, что «прежнее Георгиевское церковное место», несмотря на давность разрушения древнего храма Георгия, еще сохранялось в народной памяти. Желание очистить и огородить «место церковное, неистово насореное от незнающих простых людей и от скоту», нельзя понять иначе, как желание привести в порядок запущенные руины древнего храма, на которых и решено было выстроить новую деревянную церковь того же имени. Заслуживает внимания осведомленность московского воеводы, прибывшего в Киев незадолго перед этим, «в летописных книгах» и безукоризненная точность хронологических определений.

В начале XVIII в. древние киевские укрепления, обновленные московскими воеводами, были вновь и окончательно заброшены. Петр I выстроил новую киевскую крепость на Печерске. Территория верхнего Киева вновь опустела, гарнизон был переведен на Печерск, укрепления постепенно разрушались.

Екатерина II в 1787 г. в письме к Гримму писала из Киева: «Странный здешний город: он весь состоит из укреплений да из предместий, а самого города я до сих пор не могу доискаться, между тем, по всей вероятности, в старину он был, по крайней мере, с Москву».[3]

Как место для «загородных прогулок» среди пустынных романтических руин древних укреплений описывают верхний Киев по воспоминаниям юности еще киевские старожилы второй половины XIX в.[4] Только в 40-х годах XIX в. реконструкция города по вновь утвержденному плану стерла с лица земли последние остатки древних укреплений, а многочисленные руины великокняжеских построек оказались под вновь проложенными улицами и жилыми кварталами нового города.

---

[1] Ф. Эрнст. Київська архітектура XVII віку. Київ та його околиця. Киев, 1926, стр. 153.

[2] Симбирский сборник, т. I, М., 1845, стр. 142.

[3] Г. В. Есипов. Путешествие имп. Екатерины II в Южную Россию в 1787 году. Киевская Старина, 1891, XXXII—XXXIII.

[4] П. Лебединцев. К материалам для исторической топографии Киева. Чтения в Церк.-археол. общ. при Киевской духовной академии, вып. X, Киев, 1910, стр. 7—26. — И. Д. Богатинов. Воспоминания. Русский архив, 1899, № 3, стр. 422—425.

Интенсивное строительство второй половины XIX—начала XX вв. скрыло древнюю, часто нетронутую культурно-историческую стратиграфию Киевского «городища» под мощным слоем поздних напластований.

Охарактеризованные выше основные этапы исторической жизни верхнего Киева в послемонгольский период полностью подтверждаются той своеобразной стратиграфией древнего Киевского городища, которая установлена археологическими исследованиями последних лет.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ДРЕВНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ[1]

Полевые исследования последних 10—15 лет обнаружили древнепалеолитические памятники (мустьерские и ашельские) во многих районах СССР, там, где раньше древний палеолит вовсе не был известен, — на Черноморском побережье Кавказа, на Днепре, на Десне и т. д. Летом 1946 г. автору настоящих строк вместе с С. Н. Бибиковым удалось обнаружить подобные остатки и на Среднем Днестре. Их исследование было затем продолжено в 1947 г.

Первое из мест, давших древнепалеолитические находки, расположено на левом берегу Днестра, в 20 км от Каменец-Подольска, у с. Лука-Врублевецкая, рядом с известным предтрипольским поселением. Обработанные кремни были собраны на поверхности — на бечевнике Днестра, где они залегают среди гальки и кусков кремня, не носящих следов искусственного раскалывания. В то время как находки необработанных кусков и голышей кремня тянутся по бечевнику обоих берегов Днестра в этом районе почти непрерывно на десятки километров, распространение находок обработанных кремней у Луки-Врублевецкой строго ограничено полосой примерно 400 м вдоль течения Днестра. Ширина полосы распространения — 20—30 м от воды до подножия первой надпойменной террасы. За пределами этого пространства обработанный кремень на бечевнике совершенно исчезает.

Кремень, продвергавшийся обработке, — черный, непрозрачный. Он несколько напоминает кремнистый сланец, и следы намеренного раскалывания на нем прослеживаются, но не так отчетливо, как на меловом кремне. Поверхность кремней сохранила черный цвет и почти совершенно не патинизирована, что, очевидно, связано с условиями залегания. Грани блестят и заметно сглажены. Можно проследить для этих мест использование преимущественно различных видов кремня в различные эпохи. В то время как в древнем палеолите обработке подвергался черный непрозрачный кремень, в верхнем палеолите орудия изготовлялись по преимуществу из темносерого прозрачного мелового кремня, а в неолите — из серого крупнозернистого кремня. Между тем в окрестностях имеются многочисленные и богатые месторождения всех трех видов кремня.

Всего в 1946 и 1947 гг. нами собрано с бечевника Луки-Врублевецкой 50 обработанных кремней. Это составляет около 2% всего количе-

[1] Материалы, публикуемые в настоящей статье, получены в результате работ палеолитического отряда Средне-Днестровской экспедиции ИИМК и Института археологии АН УССР.

ства залегающих здесь желваков, кусков и осколков кремня, не носящих следов искусственного раскалывания рукой человека.

Кроме того, здесь налицо несколько десятков кремней, носящих следы искусственной обработки, в виде сколов или ретуши по краям, но следы эти недостаточно выразительны. Они могли получиться и в результате человеческой деятельности и в результате ударов кремня о кремень в русле Днестра. Если бы они были найдены в слое, in situ, то их следовало бы признать за намеренно обработанные. Но так как они найдены на поверхности бечевника среди сотен несомненно необработанных кремней, то мы воздержимся от описания их здесь. Следует иметь в виду, что определение признаков искусственного раскалывания на данном виде кремня представляет большую трудность. Раковистый излом выражен на нем плохо. Несомненно, что помимо пятидесяти обработанных экземпляров, о которых здесь идет речь, среди осмотренных нами кремней из этого местонахождения имеются еще десятки экземпляров, также обработанных рукой человека. Но провести резкую грань между ними и кремнями, естественно расколотыми, не представляется возможным.

Среди обработанных кремней, собранных на бечевнике Луки-Врублевецкой, можно выделить три группы: 1) отщепы, 2) нуклеусы и 3) рубила.

О т щ е п ы составляют наибольшую группу; их 39 экземпляров. На всех отщепах ясно выражены признаки намеренного раскалывания рукой человека: ударная площадка, ударный бугорок, выщерблинка на нем и расходящаяся от него волна («раковистый излом») на нижней, отбивной поверхности («брюшко» отщепа), следы ряда последовательных сколов, формовавших противоположную поверхность отщепа (его «спинку»). Отщепы сильно варьируют в размерах: от 3 до 12 см в поперечнике. В очертаниях они тоже сильно варьируют; какая-либо устойчивая форма отсутствует. Есть и удлиненные экземпляры, размерами 2 × 5 см и 5 × 11 см. Есть овальные экземпляры. Но чаще всего очертания отщепов совершенно неправильны.

Ряд признаков является общим для всей группы отщепов. Эти признаки в то же время очень важны для датировки. Все отщепы толстые, массивные, с чрезвычайно выпуклым ударным бугорком, имеющим значительные размеры. Ударная площадка у всех отщепов гладкая, без следов предварительной подправки и находится под тупым углом к нижней плоскости отщепа («брюшку»). Ретушь, формующая контур орудия, отсутствует. Приведем описание нескольких отщепов.

Рис. 1, *1*. Массивный отщеп 12 × 6 см, толщиной до 3 см. Нижняя, отбивная поверхность имеет крупный ударный бугорок, крупную выщербину на нем и ясно выраженную поверхность раковистого излома. Противоположная поверхность («спинка») частью сохранила желвачную корку, частью же уплощена сильными, намеренно направленными предшествующими сколами. Один длинный изогнутый край обработан со «спинки» идущей от края к середине крупной крутой ретушью и сколами. Ударная площадка крупная (4 × 2 см), следов предварительной обработки не имеет и находится под тупым углом к плоскости «брюшка». Отщеп сильно окатан. На поверхности «брюшка» несколько неглубоких, бессистемных выщербинок, вероятно позднейшего происхождения, получившихся в результате пребывания отщепа в русле быстро текущей реки и ударов его о другие камни. Впрочем такого происхождения может быть частично и краевая ретушь, хотя сколы, которыми обработан край, производят впечатление древних.

Рис. 2, *1*. Несколько менее массивный удлиненный отщеп 11 × 5 см, толщиной до 1.5 см. Нижняя поверхность («брюшко») также носит ясно

выраженные признаки намеренного раскалывания сильным, умело направленным ударом: ударный бугорок, идущая от него волна. «Спинка» носит следы не менее чем пяти предварительно формовавших и упло-

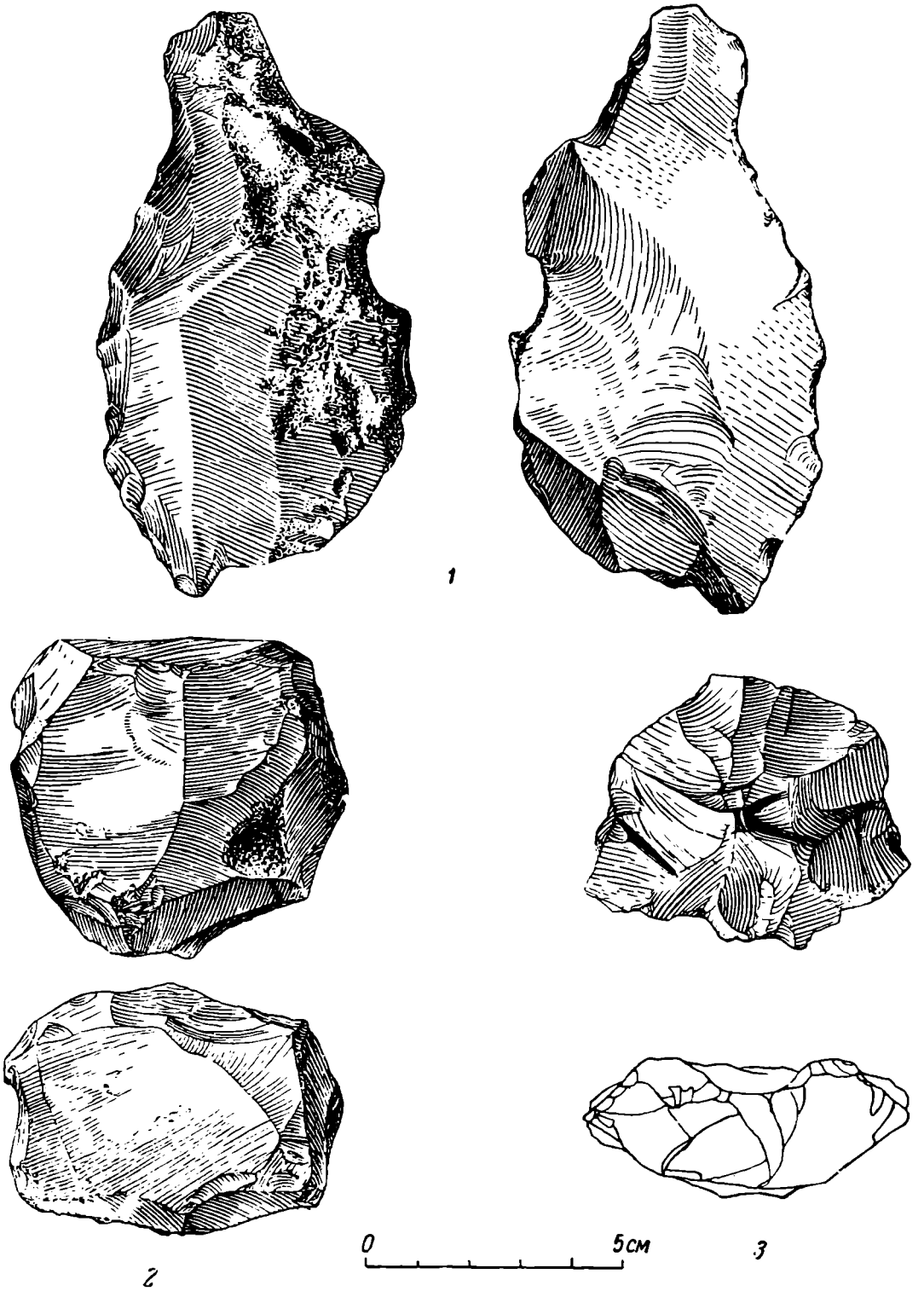


Рис. 1 Ашельское местонахождение у Луки-Врублевецкой.
1 — отщеп; *2, 3* — нуклеусы.

щавших ее сколов. Ударная площадка крупная (2 × 1 см), следов предварительной обработки не имеет и находится под тупым углом к плоскости «брюшка».

По краям отщепа со «спинки» и с «брюшка» несколько бессистемно расположенных выщербинок; они имеются и на плоскости «брюшка». Вероятно, они позднейшего происхождения.

Рис. 2, *3*. Небольшой отщеп 4.5 × 3 см. Так же, как и предыдущие экземпляры, он имеет ясно выраженные признаки раскалывания рукой человека: с «брюшка» — ударный бугорок и поверхность раковистого излома, со «спинки» — следы ряда предшествующих уплощающих сколов. Ударная площадка такого же характера — крупная (2 × 1 см), без следов предшествующей обработки. — расположена под тупым углом к плоскости «брюшка».

Рис. 2, *2*. Небольшой отщеп (5.5 × 3.5 см) такого же характера, как и предыдущие. Имеет и со «спинки» и с «брюшка» те же признаки раскалывания рукой человека. Около половины поверхности «спинки» покрыто коркой.

В отличие от предыдущих экземпляров ударная площадка маленькая (1.5 см × 0.5 см), но также находится под тупым углом к плоскости «брюшка» и не имеет следов предшествующей обработки. По краям отщепа ряд выщербинок, вероятно, позднейшего происхождения.

Рис. 2, *4*. Небольшой отщеп 4 × 3 см с теми же характерными признаками искусственного раскалывания, с крупной неотретушированной ударной площадкой (3 × 1 см), находящейся под тупым углом к плоскости «брюшка». Особенностью отщепа является характер его поверхности.

Ударная площадка и одна из граней «спинки» покрыты плотной желтой патиной очень древнего облика. Плоскость «брюшка» покрыта голубоватой патиной, напоминающей патину верхнепалеолитических кремней этого же района. Наконец, две грани «спинки» и выщербинки по краям—темносерые, почти совершенно не патинизированные. Очевидно, этот отщеп носит следы раскалывания, производившегося в разные эпохи палеолита.

Пять описанных экземпляров дают представление о всей коллекции отщепов. Она очень монолитна.

Нуклеусов — 8 экземпляров. Из них очень характерен изображенный на рис. 1, *2*. Это массивный округлый нуклеус-отбойник размерами 6 × 6 × 4 см. Он имеет следы специального скалывания с него по меньшей мере трех овальных отщепов около 4 см длины каждый, а также со всех сторон следы формующей его как нуклеус оббивки. В ряде мест он имеет также характерную для отбойников «звездчатость» — группы выщербинок, получившихся в результате нанесения многочисленных ударов по кремню.

В коллекции имеются еще три примитивных нуклеуса такого же точно типа, а также два дисковидных нуклеуса более правильных очертаний. Представление о них дает экземпляр, изображенный на рис. 1, *3*. Его размеры 6 × 5 × 2.5 см. Одна его уплощенная поверхность имеет следы целого ряда сколов, идущих, в отличие от предыдущих экземпляров, радиально, от краев к центру. Этими сколами от нуклеуса отделялись отщепы треугольных очертаний. Противоположная выпуклая поверхность частично сохранила корку. Второй нуклеус дисковидных очертаний отличается от первого в основном лишь меньшими размерами. Его размеры: 4 × 3 × 2 см. Оба нуклеуса, в отличие от мустьерских дисковидных нуклеусов, не имеют по краям оббивки и ретуши, формующей ударные площадки. Таким образом и отщепы, отделяемые от этих нуклеусов, не имели характерной для мустьерской техники отретушированной ударной площадки, расположенной под прямым углом к отбивной поверхности отщепа.

Помимо шести описанных нуклеусов, в коллекции представлены еще два экземпляра, также приближающиеся к дисковидным очертаниям, но не столь хорошо выраженные.

Рубил, орудий с двусторонней обработкой, — 3 экземпляра.

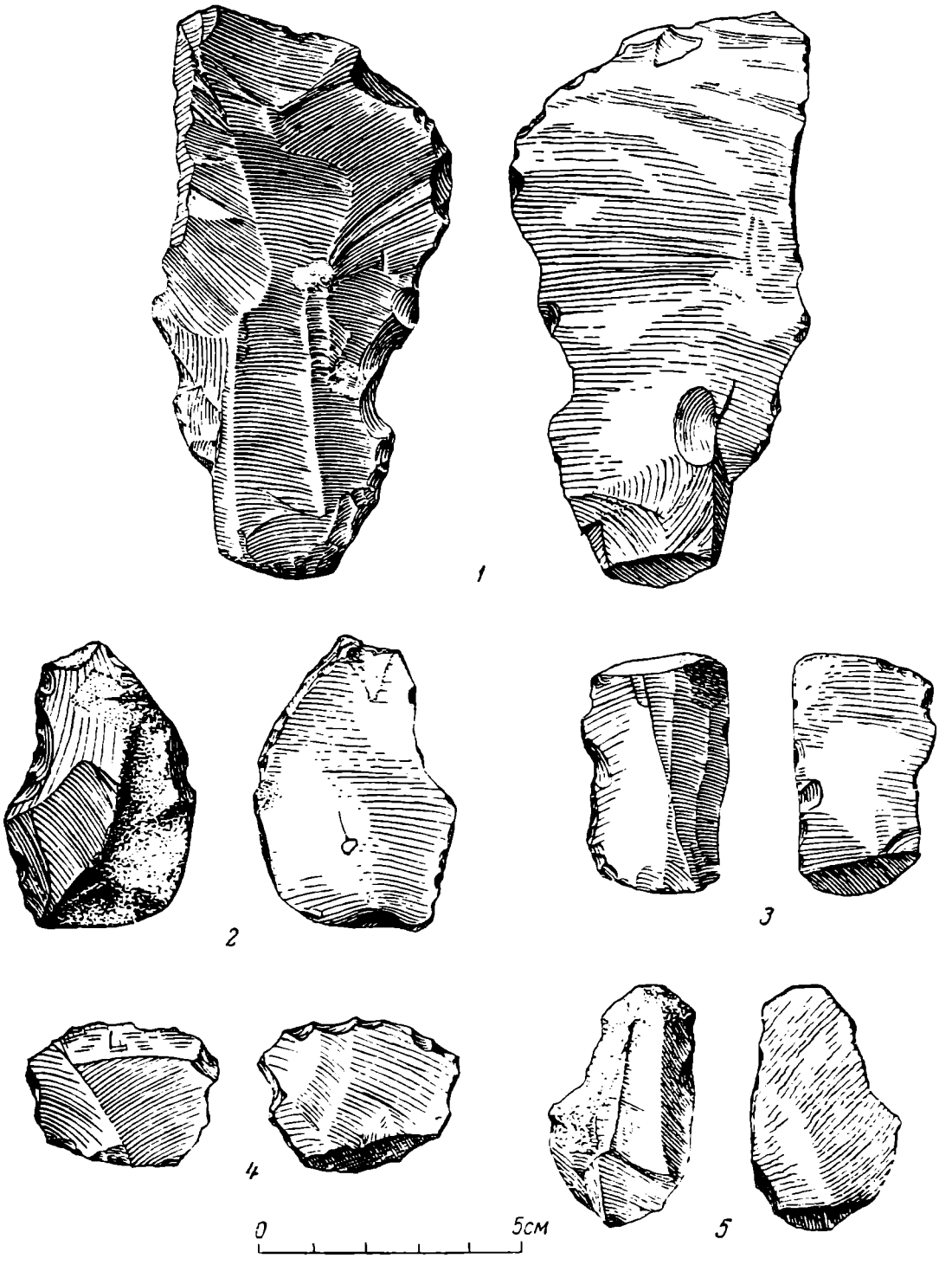


Рис. 2. *1—4* — отщепы из ашельского местонахождения у Луки-Врублевецкой, *5* — отщеп из местонахождения у Хотина.

Рис. 3. *1*. Массивный кусок кремня миндалевидных очертаний, размерами 13 × 7 × 3 см. С одной поверхности он уплощен четырьмя сильными ударами, идущими в поперечном направлении от одного края орудия к середине. Ударами с поверхности орудия были отделены круп-

ные отщепы около 3 см в поперечнике каждый. На этой поверхности заметны и следы предшествующего крупного скола, также уплощающего орудие. Противоположная плоскость орудия обработана гораздо

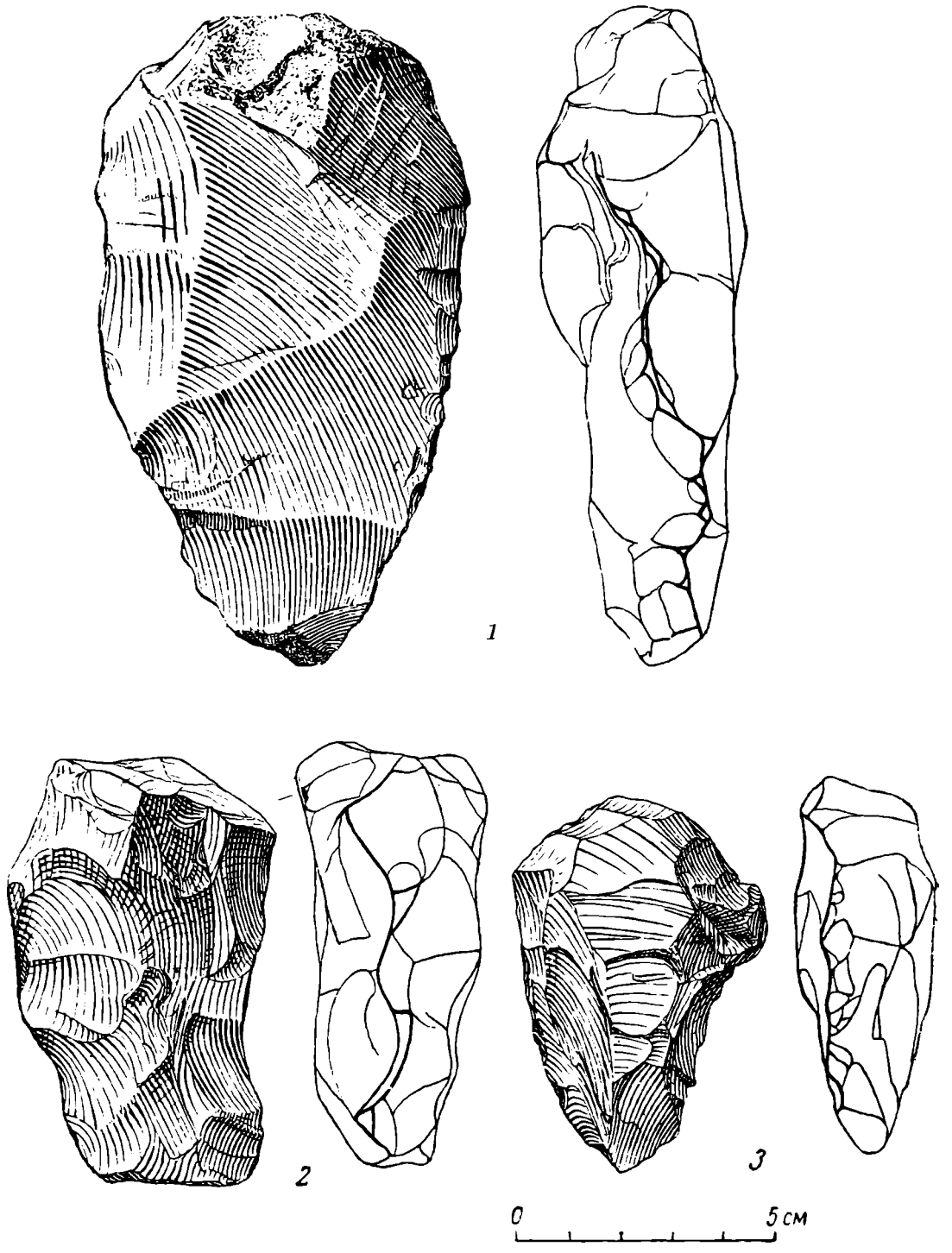


Рис. 3. *1, 2* — ручные рубила из ашельского местонахождения у Луки-Врублевецкой; *3* — ручное рубило из второго ашельского местонахождения у Луки-Врублевецкой.

хуже. На ней заметны следы трех крупных и нескольких мелких сколов, также идущих от края к середине. В сочетании со сколами противоположной поверхности они формуют неровный зигзагообразный рабочий край рубила. Но этими сколами обработано лишь около половины поверх-

ности рубила. Другая половина поверхности носит следы предшествующего продольного, очень крупного скола. К одному концу рубило расширяется и уплощается. Эта часть орудия, предназначавшаяся, очевидно, для захвата рукой, сохранила желвачную корку. По соседству с участком, покрытым коркой, здесь же имеется совершенно плоский участок размерами 3 × 2 см, носящий следы двух сколов. Эта небольшая плоскость расположена как раз между частью орудия, покрытой коркой, и его зигзагообразным длинным рабочим краем и является, в собственном смысле слова, пяткой. К противоположному концу орудие суживается и заостряется, но вместо самого острия находится небольшая плоскость около 1 см в поперечнике, опять-таки покрытая коркой. Очевидно, рабочей частью орудия было не его острие, а зигзагообразные вытянутые края.

Второй экземпляр (рис. 3, 2) представляет собой еще более толстый кусок кремня размерами 8 × 5 × 3—4 см, оббитый с обоих краев и с обеих поверхностей целым рядом сколов, идущих от края к середине. Сколами от рубила отделялись сравнительно небольшие отщепы 1—2 см в поперечнике каждый и были сформованы два его продольных зигзагообразных рабочих края. На одном конце орудие несколько утолщается и кончается плоскостью размерами 4 × 3 см, очевидно соответствующей пятке предыдущего экземпляра и предназначенной для захвата рукой. К противоположному концу орудие лишь незначительно сужается и также кончается плоскостью, расположенной, как и предыдущая плоскость, перпендикулярно к продольной оси орудия. Можно предполагать, что это результат позднейшего слома; эта плоскость имеет несколько более свежий вид, чем остальные грани орудия.

Третье двусторонне обработанное орудие менее характерно. Это уже не кусок, а очень толстый отщеп кремня размерами 11 × 5 × 2 см. На нем еще можно различить остатки ударной площадки и нижней, отбивной поверхности. Кругом и с обеих поверхностей отщеп обработан рядом небольших сколов. Сколами сформован более острый и тонкий, чем у предыдущих экземпляров, зигзагообразный рабочий край орудия, опоясывающий его более чем на две трети. Самому орудию оббивкой приданы листовидные очертания. Один его конец — заостренный, предназначенный, очевидно, для работы; другой — имеет небольшую плоскость размерами 4 × 1 см, видимо, эквивалент пятки.

Таковы обработанные кремни с бечевника Луки-Врублевецкой. Что можно сказать об их возрасте? Исключенной является возможность отнесения их к числу псевдо-орудий, эолитов. Намеренность обработки их рукой человека несомненна.

В результате оживленной полемики, развернувшейся в 900-х годах по вопросу об эолитах, стала ясна упрощенность взглядов Мортилье, считавшего наличие на кремневом отщепе ударной площадки и ударного бугорка достаточными критериями намеренной оббивки этого кремня.[1]

Было доказано, что в отдельных редких случаях ударную площадку и ударный бугорок можно наблюдать на естественно расколотых кремнях. Особенно же часто на краях естественно расколотых кремней наблюдается псевдо-ретушь, получившаяся в результате удара кремня о другой камень в русле быстро текущей реки.[2] Современные исследователи

[1] См.: Г. и А. де-Мортилье. Доисторическая жизнь. 1903, стр. 54.

[2] H. Obermaier. Zur Eolithenfrage. Archiv für Anthropologie. Neue Folge, т. IV, тетр. I. — M. Boule. Les hommes fossiles. 2-е изд., 1923, гл. V. В отличие от Мортилье, именно эту «ретушь» Рюто считал признаком намеренной обработки кремня человеком. И именно в полемике с Рюто его противниками была убедительно доказана частая возможность естественного получения этой «ретуши» (см., напр., Мантские «эолиты»).

признают кремень намеренно расколотым лишь в том случае, если с ударным бугорком и ударной площадкой сочетаются известная правильность и целесообразность огранения наружной поверхности («спинки») отщепа, что является результатом последовательных сколов с одного и того же куска кремня; они обычно производились для того, чтобы выровнять неровности кремневого желвака и удалить кору, после чего он уже был пригоден для дальнейшего расщепления.[1]

На отщепах Луки-Врублевецкой сочетаются как раз и те и другие признаки: и следы сильного, направленного удара, которым отщеп был отделен, и следы целесообразной предварительной формовки наружной поверхности отщепа также сильными, направленными ударами. На нуклеусах и рубилах в равной степени прослеживается правильность, целесообразность, систематичность ударов, которыми отделялись отщепы.

В этом районе на участке между Жванцем и Старой Ушицей, т. е. на протяжении около ста километров, нами был обследован целый ряд кремневых местонахождений как на левом, так и на правом берегу Днестра. Они расположены также на бечевнике и содержат тысячи естественно расколотых кремней. Но ничего похожего на описанные выше отщепы, нуклеусы и рубила из Луки-Врублевецкой там не попадалось. На бечевнике правого берега Днестра у с. Вороновица (против устья р. Смотрич) нами специально был собран весь кремневый материал — около трех тысяч кусков и осколков кремня. Но среди них не было ни одного экземпляра, на котором прослеживались бы те признаки намеренного раскалывания, о которых мы сейчас говорим.

Только следы «вторичной обработки» на отщепах из Луки-Врублевецкой — выщербинки по краям, иногда переходящие в настоящую ретушь, — в известной своей части, возможно, естественного происхождения и получались от ударов о другие камни в русле Днестра значительно позднее того времени, когда отщепами пользовался человек. В собранной нами коллекции из Луки-Врублевецкой имеется много кремней с подобной «ретушью» по краю, но без других признаков намеренного раскалывания. Такие кремни с «ретушью» — принадлежность всех эолитических местонахождений.

В отличие от ряда древних местонахождений бассейна Донца, в отличие от ранненеолитических местонахождений Верхней Волги, среди кремней Луки-Врублевецкой совершенно отсутствуют поздние формы, которые можно было бы отнести к неолиту и к верхнему палеолиту. Весь комплекс очень однороден по своему архаизму и должен быть датирован ашельским или клектонским временем.

Здесь еще не оформились характерные черты мустьерской техники обработки кремня: специально сформованный оббивкой и ретушью дисковидный нуклеус, отщепы сравнительно правильных овальных или треугольных очертаний с ударной площадкой, находящейся под прямым углом к нижней плоскости отщепа и несущей следы предшествующей ретуши, орудия определенных выработанных форм. Признаки, которые С. Н. Замятнин отмечает для наиболее древних, ашельских комплексов Абхазии,[2] налицо и на всех отщепах из Луки-Врублевецкой. Как и ашельские отщепы Абхазии, отщепы Луки-Врублевецкой массивны, с чрезвычайно выпуклым ударным бугорком, имеющим значительные размеры. Ударная площадка у всех отщепов гладкая, без следов предварительной подправки, относительно больших размеров и находится под тупым углом к нижней плоскости отщепа («брюшку»). Ретушь, формующая кон-

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. 1938, стр. 146—147
[2] С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. 1937, стр. 14.

тур орудия, отсутствует. Налицо в отдельных случаях (рис. 1, *1*) лишь ретушь, следующая за очертаниями края отщепа. Нуклеусы также очень архаичны, более примитивны, чем мустьерские. Сколы, формующие очертания типичного мустьерского нуклеуса, подготавливающие к отделению от него отщепов, здесь выражены очень слабо, а мелкие сколы и ретушь, формующие площадку нуклеуса, совершенно отсутствуют. Этим и объясняются вполне гармонирующие с характером нуклеусов архаические черты отщепов Луки-Врублевецкой, о которых говорилось выше.

Наконец, наиболее важны для датировки комплекса двусторонне обработанные ручные рубила.[1] Их грубость, наличие пятки, зигзагообразный рабочий край заставляют относить эти орудия вместе со всем остальным комплексом к началу или к середине ашельского времени, но не к его концу. Находка среди четырех десятков архаичных кремневых отщепов только трех рубил подкрепляет датировку комплекса, которая может быть дана и на основании анализа одних лишь отщепов и является новым подтверждением высказанной нами мысли о том, что рубила не являются преобладающей, ведущей формой орудия ни для шелльского, ни для ашельского времени.[2]

Описанные нами кремни происходят из сборов на поверхности. Геологические условия их первоначального залегания, таким образом, неясны, и фаунистические остатки их не сопровождают. Однако формы обработанного кремня, техника его обработки позволяют с большой уверенностью говорить о возрасте всего комплекса.

Отдельные массивные отщепы, подобные охарактеризованным здесь типам, попадаются и в верхнем палеолите и в неолите, но в виде исключения и в сочетании с более поздними формами. Здесь же мы видим монолитный комплекс без примесей более поздних форм. Он больше всего напоминает местонахождения ашельского или клектонского времени типа Яштух в Абхазии. Малое количество имеющихся в нашем распоряжении обработанных кремней не дает возможности уточнить датировку. Геологические и археологические работы в этом районе должны установить, из какого слоя происходят эти находки, где они залегали первоначально. Мало вероятно, что они были перенесены сюда водами Днестра из какого-то другого места. Такому предположению противоречит то, что кремни слишком мало окатаны и сконцентрированы на сравнительно небольшой площади. Древнепалеолитические орудия найдены примерно на том месте, где они были оставлены людьми, жившими на берегу реки. Галечник левого берега Днестра, среди которого были найдены эти орудия, уходит под отложения первой надпойменной террасы Днестра, тянется на несколько сот метров от берега, слегка повышаясь, и, видимо, прислонен к подножию скалистой береговой возвышенности. Возможно, мы имеем дело с остатками разрушенной и спроэцированной древней террасы Днестра, на поверхности которой жили древнепалеолитические люди. В заложенных нами шурфах в этом галечнике залегающем под отложениями первой террасы на глубине около 7 м были встречены in situ отдельные естественно расколотые кремни. Обработанных человеком кремней найдено не было, что естественно объясняется малой площадью шурфов, однако в дальнейшем их находка здесь in situ вполне вероятна.

---

[1] Следует отметить, что рубила были нами найдены только во время работ 1947 г. В коллекции 1946 г. они отсутствовали.

[2] П. И. Борисковский. Исторические предпосылки оформления так называемого «Homo sapiens». ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 18—20.

Бечевник у Луки-Врублевецкой является наиболее богатым и выразительным древнепалеолитическим местонахождением этого района. Нами обнаружены еще два подобных, правда менее выразительных, местонахождения.

Также на бечевнике левого берега Днестра, примерно в километре ниже вышеописанного местонахождения, в 1947 г. было собрано два архаичных отщепа точно такого же типа, как в Луке-Врублевецкой, несколько мало выразительных оббитых кремней и одно двусторонне обработанное рубиловидное орудие (рис. 3, *3*). Оно приготовлено из небольшого куска кремня, имеет размеры 7 × 4 × 2 см и сформовано двусторонней отеской, ударами, систематически идущими от краев к середине. Один конец его заостренный, другой — утолщенный, закругленный, но пятка отсутствует. Эти находки были сделаны на полосе размерами, примерно, 100 × 20 м. Пока они еще слишком незначительны, но, возможно, мы имеем здесь дело с аналогичным древнепалеолитическим местонахождением.

Наконец, третья аналогичная находка была сделана в 1946 и 1947 гг. на бечевнике правого берега Днестра примерно в 500 м выше Хотинской крепости. Здесь в таких же условиях, как в Луке-Врублевецкой, на ограниченной площади размерами 300 × 50 м было собрано 20 обработанных кремней, что составляет около 1% по отношению ко всем залегающим на бечевнике кускам и осколкам кремня. Среди обработанных кремней — 6 нуклеусов, остальные — отщепы. Часть отщепов имеет такие же архаичные клектонские признаки, как и отщепы Луки-Врублевецкой (рис. 2, *5*), но есть и отщепы с маленькой ударной площадкой. Нуклеусы — плоские, дисковидные, напоминают уже мустьерские формы. Среди подъемного материала, как и в двух описанных ранее местах, совершенно отсутствует керамика и кремни верхнепалеолитических или неолитических типов. В целом Хотинский комплекс следует также датировать древним палеолитом, но временем более поздним, чем Лука-Врублевецкая, может быть, раннемустьерским.

Находки остатков древнего палеолита, сделанные в 1946 и 1947 гг., являются первыми для среднего течения Днестра. Ранее на левом берегу Днестра были известны лишь верхнепалеолитические и более поздние памятники.[1] Что же касается правобережья Днестра, то там было констатировано лишь верхнее мустье в Молодова и Наславча.[2]

В этой связи настоятельно необходимо продолжение работ по древнему палеолиту на Днестре, в первую очередь геологическое обследование местности и сплошной осмотр поверхностей террас обоих берегов Днестра, оврагов, прорезающих эти террасы, и выносов кремневого материала на бечевник.

---

[1] М. Рудинский. З матеріалів до вивчення предісторії Поділля. Антропологія, вып. II, Киев, 1928. — П. П. Ефименко и Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР Материалы и исследования по археологии СССР, № 2, 1941.

[2] N. Moroșan. Le pleistocène et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. Anuarul Instit. Geologie al Romăniei, т. XIX, 1938, стр. 82 и сл.; он же. Les restes de l'homme fossile en Roumanie. Report of XVI Intern. Geolog. Congr. Вашингтон, 1933.

П. П. ЕФИМЕНКО

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КОСТЕНКИ I. ЗЕМЛЯНКА А

Можно считать прочно установленным, что заключительный этап палеолитической истории, следующий за эпохой мустье, представляет огромный шаг вперед для первобытных человеческих обществ. Это нашло свое выражение, прежде всего, в появлении и распространении новых приемов обработки камня, что давало возможность не только широкой утилизации последнего для гораздо более разнообразных и более сложных производственно-технических целей, но, что особенно важно, позволяло первобытной технике уже с начала верхнего палеолита прочно освоить такой важный для охотничье-собирательского хозяйства материал, как кость и рога животных. Как известно, в эпоху верхнего палеолита первобытное человечество достигает значительного совершенства в изготовлении разнообразного оружия, утвари, одежды и других предметов обихода. О новом этаге интеллектуальнсго развития общественного человека свидетельствует и быстрый расцвет того, что мы называем «палеолитическим изобразительным искусством».

Значение всех этих культурных приобретений в истории человечества особенно ясно выступает в свете факта преобразования с начала верхнего палеолита самой физической природы человека, т. е. смены древнего неандертальского типа типом современного человека (Homo sapiens fossilis).

Однако историческая обусловленность развития первобытного общества в эту эпоху до недавнего времени оставалась, в сущности, совершенно необъясненной. Только работы советских исследователей проливают определенный свет на ряд существенных моментов, связанных с этой проблемой.

Необходимо особо отметить, что, накапливая фактический материал, освещающий соответствующий ранний период истории человечества на территории СССР, советская археология не пошла по пути, проторенному буржуазной наукой. Особенное значение имеет то, что ей удалось не только поставить, но и разрешить весьма трудную проблему новой, более совершенной методики изучения палеолитических местонахождений. Методика, разрабатываемая советскими исследователями, имеет мало общего с теми достаточно формальными и крайне упрощенными приемами раскрытия памятников палеолита, которыми до сих пор удовлетворяются за рубежом. Это обстоятельство позволило нашим ученым проникнуть в такую область наблюдений, которая до сих пор вообще не была известна науке. Собранные в ходе исследования ряда верхне-

палеолитических местонахождений новые факты дают очень интересное, в значительной мере неожиданное освещение этим памятникам и представляемой ими эпохе. В особенности это относится к вопросу о палеолитическом жилище.

Ниже мы даем описание одного из таких памятников, который, без сомнения, может считаться одним из наиболее замечательных с точки зрения проблемы палеолитического домостроительства. Это — землянка А, входящая в состав большого палеолитического жилища, открытого и исследованного нами в 1931—1936 гг. в Костенках (Костенки I), на Дону, в окрестностях Воронежа. Описываемое сооружение, являющееся одним из важных слагаемых жилого комплекса на поселении Костенки I, имеет и то бесспорное значение, что оно может объяснить некоторые случаи находок значительных скоплений костей животных, в особенности больших куч костей мамонта, на поселениях времени верхнего палеолита.

Исследованное нами жилище [1] в целом представляло собой площадку овальной, удлиненной формы, длиной около 35 м, при ширине в 15—16 м, занятую сплошным слоем культурных отбросов, резко вырисовывающихся как в вертикальном разрезе, так и в плане в виде мощной линзы культурного слоя на фоне окружающего ее светложелтого лёссовидного грунта. Вне этой площадки находки прекращались совершенно или сводились к отдельным случайным фрагментам костей или камня.

Первое, что останавливает на себе внимание на плане исследованного нами жилища, — это ряд очагов, числом девять, вытянутых в одну линию из конца в конец по середине жилой площадки, на равных расстояниях, около 2 м один от другого. Ряд очагов, таким образом, разделяет продольно внутреннее пространство жилья на две более или менее равные части.

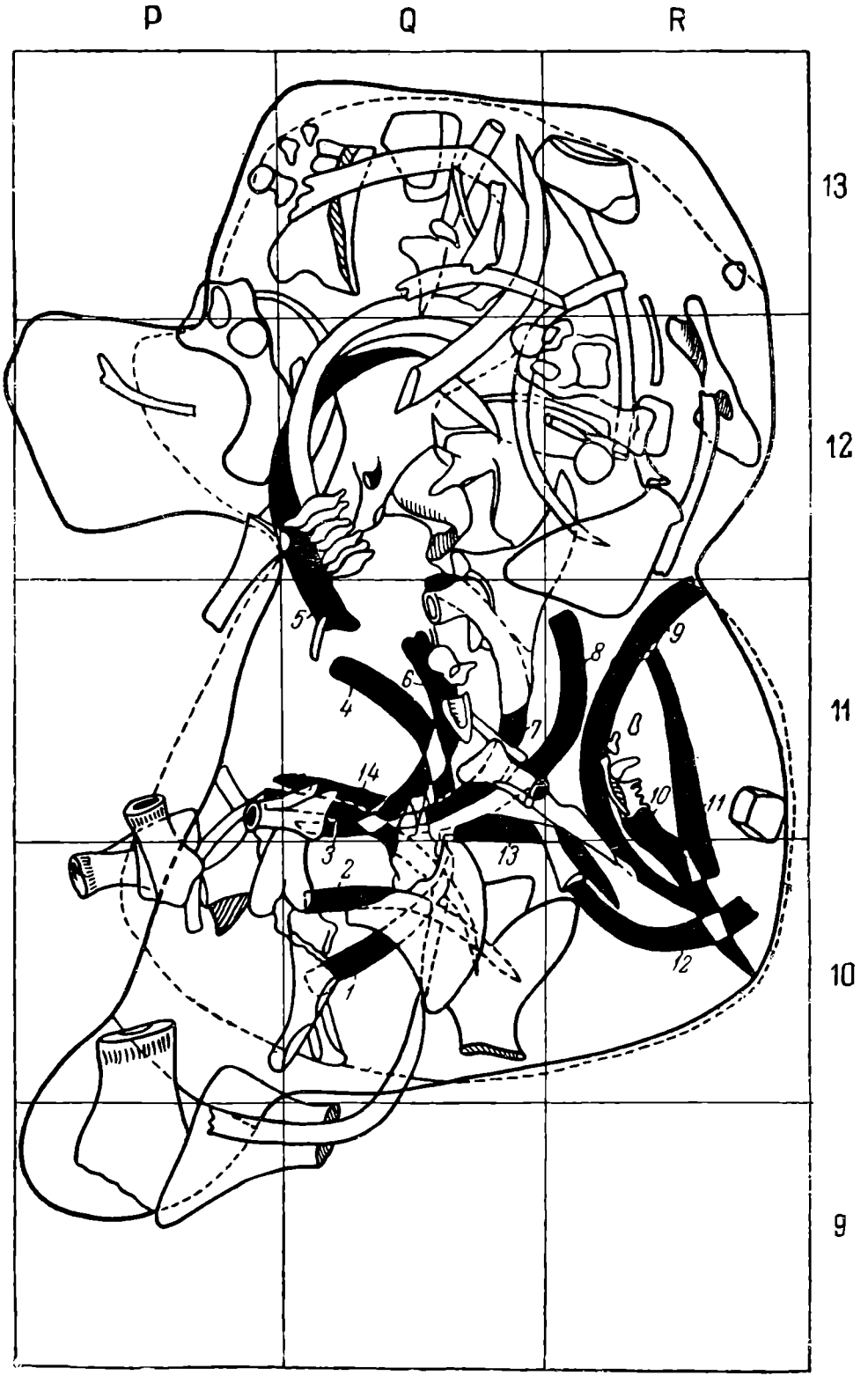
Площадь по обе стороны линии очагов оказалась занятой целой сетью всякого рода углублений и ям, покрывающих ее во всех направлениях. Одни из них, очевидно, были связаны с приготовлением пищи, другие имели значение хранилищ — для домашней утвари, материала для изделий и пр. Различная их форма, глубина и размеры, как и различный состав сделанных в них находок, указывают на разнообразное назначение подобных вместилищ.

Таким образом исследованный нами памятник показывает, что палеолитическое поселение в солютрейское время не представляло собой места кратковременного пребывания бродячей охотничьей орды. Это строго соподчиненный комплекс каких-то хозяйственных и жилых сооружений, выглядевший в целом, судя по характеру занятой им, вполне замкнутой площадки, как своего рода большая хижина. Такое жилище может быть, очевидно, понято лишь как место долговременного обитания численно значительной группы людей — целой первобытной общины.

Замкнутый характер исследованного нами палеолитического жилища в особенности подчеркивается присутствием вокруг основного жилья сплошного кольца больших и малых землянок, связанных с ним в один целостный хозяйственный и жилой комплекс. К сожалению, далеко не все они сохранились, так как часть их была разрушена старыми разведочными шурфами Полякова, Кельсиева и Круковского.

---

[1] Наши разведочные раскопки на окружающей площади показали, что в ближайшем соседстве с этим жилищем, во дворе той же колхозной усадьбы и на прилегающем участке главной улицы с. Костенок, находится другое такое же жилище. Следы третьего были обнаружены несколько дальше вглубь Покровского лога.



Схематический план землянки А поселения Костенки I.

Бóльшая часть этих окраинных ям не отличается значительными размерами и служила, в основном, местом хранения продуктов охоты. Это были своего рода кладовые. Обычно они оказываются заполненными лопатками, частями таза, костями конечностей и т. п. остатками мамонта.

Судя по их положению вдоль края жилой площадки, такие полуподземные, очевидно перекрытые кровлей помещения могли облегчать сооружение внешних стен хижины.

Кроме этих помещений хозяйственного назначения, по сторонам жилой площадки справа и слева, а также в дальнем конце ее нами были обнаружены четыре землянки больших размеров, явно использовавшиеся в качестве жилья.

Наиболее интересной из них оказалась землянка А — первое подобное сооружение, встреченное нами в наших раскопках. Этот замечательный памятник был обнаружен нами собственно еще в 1931 г., но тщательно и повторно изучен в полевую кампанию 1933 и 1934 гг. Затем, ввиду его особого значения, он нами был сохранен и засыпан.

По своей площади землянка А занимает, отчасти или целиком, тринадцать квадратов нашей метровой сетки — квадраты P — 9, P, Q, R — 10, 11, 12, 13 ряда (рис. 1).

ВХОД

Передний конец землянки А, соответствующий входу, был обнаружен нами еще в 1931 г. на квадрате P_9. Тогда углубление входа было сочтено нами за ямку — хранилище или кладовую с ее обычным заполнением в виде костей мамонта. Так как эта западина наметилась в самом углу раскопа 1931 г., ее исследование было отложено до дальнейших раскопок.

В ходе раскопок 1933 г. было установлено, что здесь, на квадрате P_9 нашей сетки, открывается довольно узкий вход в землянку А, представляющий собой глубокую выемку в левом переднем ее углу. Вход начинается ступенькой высотой около 0.50 м. Уровень окружающего пола жилья здесь расположен на 0.30 м ниже условного нуля, отметка у основания ступеньки 0.80 м. Далее вход идет очень полого и затем довольно круто спускается ко дну землянки (1.30 м от условного нуля). Длина входа, считая от начала до места, где он прорезывает стенку землянки, всего 0.75 м. В действительности она несколько больше, так как входная часть имеет продолжение в виде спуска уже внутри землянки. Ширина ее здесь достигает 1.00 м.

Поперек входа, перед спуском в землянку, лежали две большие лопатки мамонта, которые, судя по их положению, первоначально, видимо, стояли по сторонам входа и служили опорой для его перекрытия. Весьма возможно, что именно для этой цели был использован лежавший здесь же дугообразно изогнутый бивень.

В самой наружной части входа была найдена небольшая лопатка молодой особи мамонта и несколько обломков костей.

ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ ЗЕМЛЯНКИ

Собственно жилое помещение землянки состоит из двух следующих одна за другой камер. И первая и вторая камеры имеют округлые очертания и сообщаются внутренним широким переходом, представляющим нечто вроде сужения или перехвата; это придает землянке в плане сходство с восьмеркой.

Первая камера, взятая отдельно, в основных очертаниях имеет овальную форму, причем правильность ее контура несколько нарушена ско-

шенностью левой от входа стены, идущей почти по прямой линии от угла перемычки ко входу.

Ширина первой камеры, если мерить на уровне пола, достигает в передней, наиболее широкой части 2.5 м. В наиболее узком конце, в месте соединения со второй камерой, она имеет всего 1.57 м. Длина первой камеры по основной оси землянки почти 2 м (1.8—2.0 м); длина же ее по диагонали, в направлении входа, значительно больше — 2.80 м.

Высота земляных стен в первой камере, по нашим наблюдениям, колеблется в пределах 0.70—1.00 м. Нужно заметить еще, что стены в этом помещении были спущены не по вертикали, а с некоторым расширением книзу. Это особенно заметно по левой стене, которая поднималась с сильным уклоном, выше, очевидно, переходя в сводчатое перекрытие кровли землянки.

Вторая камера имеет в плане немного меньшие размеры и более правильные округлые очертания. Ее длина по главной оси жилья почти равна первой камере — 1.85 м, а ширина в поперечном направлении 2.20 м. С левой стороны это помещение имеет в стене довольно глубокую и широкую овальную выемку (квадрат P_{12}), по своим размерам и положению очень напоминающую вход в первую камеру.

Эта западина (ее размеры: длина 0.80 м, ширина 0.75 м) также начинается ступенькой (около 0.40 м высотой; при отметке окружающего пола жилья 0.20 м ниже условного нуля, ее отметка 0.60 м) и далее круто спускается ко дну второй камеры (1.10—1.15 м от условного нуля). Поскольку эта выемка повторяет устройство основного входа, возможно, что она могла использоваться в качестве второго, дополнительного входа. Возможно, что она служила также для освещения второй камеры и для доступа воздуха. Однако характер ее заполнения и сделанные здесь находки говорят скорее о том, что она была уже засыпана и не существовала в последний период жизни поселения Костенки I.

Землянка в целом, таким образом, имеет по главной оси в длину 3.82 м.

Нужно сказать, что, несмотря на большую древность памятника, описываемое помещение, вырытое в плотном лёссовидном суглинке, очень хорошо сохранилось. Такая сохранность позволила нам не только восстановить его план, но и разобраться в ряде очень интересных особенностей его устройства.

В общем, если не считать двух ранее указанных входов, это помещение на всем протяжении имело хорошо выровненный пол, в первой камере обнаруживавший некоторое понижение к ее середине, и ровные, большей частью более или менее вертикальные, отчасти несколько расширяющиеся книзу стены.

Обрез стен землянки всюду прослеживался достаточно отчетливо, главным образом благодаря тому, что ее заполнение было насыщено костями животных и обычным отбросом жилья, в частности содержало довольно много костного угля. Таким образом, на светлом, серовато-желтом фоне лёссовидного суглинка внутреннее заполнение камер заметно выделялось своим несколько более темным оттенком.

Отсутствие следов обвалов, размыва и вообще значительной деформации земляных стенок вырытого в грунте помещения, его хорошая сохранность, очевидно, находят свое объяснение в некоторых особенностях устройства землянки, в которой приходится видеть основательно сделанную, хорошо отепленную часть палеолитического жилища. Этим, нужно думать, было обусловлено то обстоятельство, что ее разрушение

началось с обвала перекрытия, заполнившего почти целиком все находившееся ниже уровня почвы основание жилья.

При осадке кровли значительному разрушению землянки препятствовало и то, что вдоль стен ее были, видимо, расположены нары, находились опорные столбы, а может быть, существовала и облицовка стен из плетня или жердей. На том, как должно было выглядеть внутреннее помещение землянки, нам придется еще остановиться в дальнейшем при описании сделанных здесь находок.

ПЕРВАЯ КАМЕРА, ДЕТАЛИ ЕЕ УСТРОЙСТВА, НАХОДКИ

Как было отмечено выше, пол первой камеры, в общем достаточно ровный, хорошо выбранный, не был вполне горизонтальным. В средней части и у левой стены, против входа, он был заметно понижен, образуя как бы западину глубиной в 0.15—0.25 м. В то же время, вдоль передней, примыкающей к входу, и затем правой стены эту западину окружает «приступок» в виде неширокой, 0.60—0.70 м, полосы ровного пола (1.05—1.10 м ниже условного нуля, при отметке в средней части камеры 1.25—1.36 м).

О том, что это помещение использовалось действительно в качестве жилой землянки, свидетельствует наличие очага, находившегося почти в центре последней, несколько ближе к левой стене, против входа (квадраты Q_{10}, Q_{11}). В том виде, как он был нами обнаружен, этот очаг представлял собой пространство площадью около 1 кв. м, занятое остатками костра в виде слоя золы, значительного количества костного угля и обгоревших костей. Последние отчасти сохраняли положение, какое имеют непрогоревшие сучья костра.

По расчистке под этим слоем золы и углей в полу жилья оказались две рядом расположенные овальные, удлиненные, не очень правильные, неглубокие лунки, заполненные тем же костным углем, золой и обломками обгоревших костей. Такие лунки встречались иногда в очажных ямах наземной части жилья; они, очевидно, служили для лучшего доступа воздуха, что должно было облегчать горение кости.

Около очага, несколько подальше, в левой стене — в ее верхней части — были земечены следы узкой неглубокой выемки, возможно служившей для выхода дыма. Если эта выемка не носила случайного характера, не была случайным углублением, заполнившимся культурным слоем, или не явилась результатом частичного разрушения стены землянки, ее положение — несколько за очагом — облегчало вытягивание дыма током воздуха, проникавшего со стороны входа.

В этой части жилого помещения недалеко от костра на полу землянки нами было подобрано несколько фрагментов (сколов) бивня мамонта, очевидно заготовки для каких-то изделий, затем два обломка небольших статуэток из мергеля, пластинка слоновой кости с выгравированным на ней изображением и несколько обработанных кремней.

Замечательную особенность землянки А составляли заполнявшие ее кости мамонта. Она была ими завалена до самого верха; концы их выдавались выше уровня окружающей почвы, причем в составе костей наблюдался определенный, весьма любопытный подбор. В этой груде костей заметно преобладали бивни мамонта (22), в подавляющем большинстве целые, размером от 1 до 1.5 м и более. Затем следуют лопатки, части таза мамонта; в значительно меньшем числе встречались другие кости, о чем мы будем иметь возможность сказать дальше.

Как определенный подбор в составе костей, так и заметный порядок в их расположении остановили наше внимание уже во время первона-

чальной расчистки землянки. Однако нам казалось возможным, что к моменту оставления палеолитического жилища его обитателями открытая нами землянка уже перестала служить жилым помещением и использовалась в качестве кладовой, как место хранения поделочного материала (слоновой кости), топлива, может быть и частей туши мамонта.

Более тщательное изучение всей обстановки находок заставило нас существенно изменить такое предположение. Мы должны были констатировать, что, по крайней мере, первое помещение землянки дает два явственно различных слоя костей. Нижний ярус заполнения составляла группа бивней; его перекрывала груда лопаток, костей таза, обломков трубчатых костей и проч. Насколько в расположении бивней можно было заметить определенную систему и порядок, настолько верхний слой остатков мамонта, наваленных поверх бивней, представлял картину случайного нагромождения костей. При этом часть последних лежала на краю землянки, на уровне покрывавшего соседние квадраты культурного слоя (0.20—0.30 м ниже условного нуля), тогда как другие располагались на той же высоте в самой камере — в верхней части заполнявшего ее суглинка.

Кости эти шли и глубже, хотя в общем составляли довольно компактную груду, будучи сосредоточены главным образом в левой стороне землянки.

В целом характер верхнего нагромождения костей не оставляет сомнения в том, что они попали в яму в процессе разрушения землянки и оседания кровли, когда внутреннее помещение уже в значительной мере было заполнено землей.

Что касается бивней, лежавших на дне землянки, то общая картина здесь создает совершенно иное впечатление. Четырнадцать бивней, из которых состоял нижний слой костей в первой камере землянки, здесь располагались более или менее правильно — по кругу, причем таким образом, что их нижние, толстые концы сохраняли свое положение по внешнему кругу, т. е. к стене, тогда как тонкие верхние были направлены внутрь первой камеры землянки.

Если руководствоваться положением утолщенных концов, т. е. оснований бивней, видно, что эти последние первоначально размещались в определенном соотношении друг к другу — не только по окружности круга, но и с определенными интервалами, в среднем на расстоянии 0.30—0.50 м один от другого.

В целом, ряд бивней, если опять-таки исходить из положения их толстых концов, не замыкал полного круга, а шел от входа вдоль левой стены, затем по линии, отделяющей первую камеру от второй, и вдоль ее правой стены, тогда как в ближней, передней части помещения бивни отсутствовали вовсе.

Должна быть отмечена еще одна интересная деталь. Можно было заметить, что между стенами землянки и кругом, очерченным слоем бивней, имеется свободное пространство, в среднем около 0.40 м шириной.

Естественно возникает вопрос: какое же назначение могли иметь описываемые крупные, по большей части совершенно целые бивни мамонта, почему они находились в землянке? Что они не представляли собой запаса поделочного материала, как это мы склонны были предполагать первоначально, показывает, во-первых, их симметрическое расположение, во-вторых, то важное обстоятельство, что толстые концы почти всех бивней приходятся приблизительно на одной горизонтали, однако значительно выше пола землянки. Замечательно, что в то же время их тонкие верхние концы, обращенные внутрь круга, часто оказываются лежащими значительно ниже — почти на уровне пола.

Интересно проследить положение отдельных бивней, так как это даст нам возможность судить о том, что они должны были представлять собой в своей совокупности.

Начнем от входа, с квадрата Q_{10}, далее будем следовать по окружности скопления в порядке квадратов Q_{11}, R_{10}, R_{11}.

1-й, недлинный бивень лежит толстым концом на периферии круга, свободно, с отметкой —0.75 от условного нуля, на высоте около 0.40 м от пола землянки. Его тонкий конец направлен к центру скопления и упирается в нижележащие бивни (1.00 м от условного нуля).

2-й, тонкий, довольно длинный (около 1.00 м) бивень, отчасти использованный в качестве поделочного материала, так как его основание затесано продольными сколами. Его нижний, более толстый конец лежит свободно на периферии скопления, с отметкой —0.73 от условного нуля. т. е. около 0.55 м выше уровня пола. Тонкий же конец направлен внутрь скопления, но несколько свален на сторону, с отметкой —1.05 м от условного нуля и 0.05—0.10 м выше пола.

3-й, тонкий, длинный бивень. Более толстый конец его лежит на линии круга, свободно, на 0.78 м от условного нуля, около 0.55 м выше уровня пола. В средней части направлен к центру скопления (0.99 м от условного нуля), но изогнутый острый конец его упирается в другие бивни и отведен в сторону и кверху.

4-й, довольно тонкий, очень длинный и изогнутый бивень. Основанием располагается свободно на линии круга, на глубине 0.82 м от условного нуля, около 0.40 м выше уровня пола. Лежит поперек скопления бивней таким образом, что его средняя часть находится в центре скопления (1.08 от условного нуля). Здесь он опирается на другой бивень, 13-й, лежащий почти на поверхности пола, а его изогнутый заостренный конец поднимается по другую сторону нагромождения бивней (квадрат Q_{10}), причем этот конец упирается в лопатку мамонта, стоящую на полу землянки (1.13 м от условного нуля). Такое, казалось бы, совершенно неестественное положение лопатки, стоящей вертикально на своем узком конце и к тому же выдерживающей тяжесть бивня, будет понятно, когда мы дадим объяснение тому, что здесь наблюдается в целом.

5-й, очень большой, толстый и сильно изогнутый бивень. Его более толстый конец приходится приблизительно на линии круга (0.55 м от условного нуля, 0.67 выше уровня пола), хотя и несколько выступает из него, возможно потому, что другой его конец свален в сторону — внутрь второй камеры. Как мы увидим, он имеет себе параллель в другом таком же длинном, толстом и изогнутом бивне, 9-м. И тот и другой бивни помещаются своими основаниями как раз по сторонам широкого прохода, соединяющего первую и вторую камеры землянки, и, как мы склонны думать, видимо имели определенное отношение к устройству жилья.

6-й, 7-й и 8-й бивни, также более или менее равной длины, занимают одинаковое положение между двумя вышеназванными бивнями, 5-м и 9-м, находящимися по сторонам прохода. Более толстые их концы лежат свободно по линии круга на 0.90 м, 0.88 м, 0.95 м ниже условного нуля, т. е. на 0.25—0.90 м выше пола землянки. Все три бивня расположены параллельно в направлении к центру первой камеры, причем острые изогнутые верхние концы обращены влево, что, равным образом, имеет место и в отношении бивней 2-го, 3-го и 4-го. Верхние концы всех трех бивней опираются на нижележащие бивни и поэтому не имеют резко выраженного уклона внутрь землянки.

9-й, большой бивень, основание которого приходится у перехода во вторую камеру, на 0.87 м от условного нуля. Лежит в направлении центра скопления, затем круто изогнут к правой стене землянки.

10-й и 11-й бивни заметно смещены и расположены верхними острыми концами в противоположные стороны вдоль правой стены землянки. Острый конец 10-го бивня отщеплен сколами.

12-й бивень лежит симметрично с 1-м у той же правой стены землянки. Им заканчивается описываемая линия бивней. Но его основание приходится на 1.10 м ниже условного нуля, т. е., в отличие от других, почти в уровень с полом землянки, тогда как его острый конец, покоящийся на груде бивней, значительно поднят.

Кроме описанных бивней, в расположении которых наблюдается, как мы видели, определенный порядок и выдержанная система, в центре скопления их и под ними найдено еще два бивня — 13-й и 14-й. Первый из них лежал почти на полу, на 1.00—1.20 м ниже условного нуля, под большой, совершенно целой (нерасколотой для добывания мозга) трубчатой костью мамонта. Второй же, сравнительно небольшой фрагмент найден был среди скопления бивней.

Если мы теперь попробуем сделать выводы и дать возможное объяснение набросанной картине, нам прежде всего нужно ответить на вопрос: имеет ли скопление бивней прямое отношение к землянке как жилому помещению, почему эти кости находятся не на полу землянки, а часто значительно выше пола, почему все же наружные, т. е. толстые нижние, концы бивней лежат выше, а внутренние, т. е. тонкие верхние, концы их располагаются по большей части значительно ниже? Нужно дать, наконец, правдоподобное объяснение определенной системе, известной закономерности в самом расположении бивней.

Расположить бивни так, как они были обнаружены нами при расчистке землянки А, т. е. разместить их толстыми концами по кругу и верхними — внутрь скопления, при этом с определенными интервалами и в определенной последовательности, было и нелегко и, главное, по существу совершенно бесцельно. Во всяком случае подобный порядок было бы, очевидно, как-то трудно увязать с предположением, что они были тут сложены для хранения в качестве материала для изделий.

Прослеживая положение каждого из описанных выше бивней, удается установить, что они должны были занять свои места на полу землянки последовательно один за другим. Сначала здесь на полу жилья оказался 13-й бивень. Затем находящийся рядом с ним, но выше, 2-й бивень, уткнувшийся острым концом в пол землянки, но в основании значительно приподнятый. Далее поперек их лег длинный 4-й бивень, опиравшийся, как мы говорили, своим острым концом в стоявшую вертикально (сочленовой впадиной вниз) лопатку мамонта. Заметим кстати, что соответствующее положение эта лопатка могла занять только в том случае, если она была намеренно вкопана в землю, чего не наблюдалось, или была прислонена к чему-либо, что занимало пространство между ней и стеной землянки.

В дальнейшем, поверх названных, заняли места бивни 3-й и 1-й и, видимо одновременно, три других — 6-й, 7-й и 8-й, и т. д.

Таким образом, бивни лежат здесь так, как если бы они первоначально были расставлены в описанном нами порядке, вероятно соприкасаясь своими верхними тонкими концами, а затем свалились один на другой. Такую картину могло бы дать лишь оседание кровли.

Для понимания общей картины имеет существенное значение то обстоятельство, что толстые концы бивней, как мы видели, оказываются расположенными приблизительно на одной высоте, но значительно выше пола землянки. В этом трудно усматривать результат разрушения и оползания стен землянки, имевших место до того, как произошел обвал крыши. Приходится считать гораздо более вероятным, что нижние, толстые концы

бивней, как это явствует из нашего описания, сохранили более или менее свое первоначальное положение, так как в противном случае они находились бы на разных уровнях и не в таком правильном соотношении друг с другом.

Таким образом, картина в целом представляется нам в следующем виде.

Вдоль стен первой камеры на большей части ее протяжения были устроены невысокие нары, материалом для которых служило дерево или хворост (плетень). Высоте нар (0.40—0.50 м) приблизительно отвечает положение толстых концов бивней над уровнем пола. На наличие нар вдоль линии стен указывает, по нашему мнению, не только расположение бивней, но и отсутствие здесь на периферии жилого пространства какого-либо бытового отброса, в частности костей, которые, несомненно, должны были иначе попасть в простенок землянки.

Промежуток, остающийся между бивнями и стеной первой камеры, приблизительно указывает и на ширину нар (около 0.40 м). Ширину нар определяет и положение отмеченной выше лопатки, стоявшей вертикально под стеной на квадрате Q_{10}.

Бивни нижнего слоя костей, будучи расставленными по кругу, составляли тот каркас, на котором покоилась кровля землянки. Толстые концы их упирались или в край нар, или, что видимо вероятнее, в особые подпорки, служившие, нужно думать, также для укрепления нар. Судя по тому, что глубина вырытого в грунте помещения в среднем достигала 1.00 м, следует предполагать, что его наземное перекрытие имело 0.80—1.00 м выше уровня почвы. Такая высота является достаточно обычной в жилищах полярных народностей (например эскимосов и чукчей).

Размещенные по кругу длинные изогнутые бивни мамонта образовывали, таким образом, сводчатый остов кровли. Концы их, следует думать, были связаны ремнями. Возможно, что отчасти они могли укрепляться и короткими поперечными жердями — с помощью тех же сыромятных ремней. Положение 6-го, 7-го и 8-го бивней, а также соседних с ними, говорит о том, что они осели на пол землянки, сохраняя еще взаимную связь.

Вообще положение всей этой группы бивней, кроме нескольких бивней у правой стены, таково, что оно свидетельствует об оседании кровли, при котором ее остов не испытал значительной деформации. В этом случае лежавший поверх бивней верхний слой крупных костей мамонта приходится рассматривать как тот груз, который должен был своей тяжестью придерживать ветви, траву или шкуры животных, составлявшие перекрытие кровли землянки. Возможно также, что последняя была засыпана слоем земли.

Предваряя дальнейшее, укажем, что это помещение было украшено черепом овцебыка — единственной частью скелета этого животного, обнаруженной нами в Костенках I. Череп помещался в центре кровли и при оседании каркаса из бивней сохранил свое положение. Возможно, что с притолоки или кровли землянки свалилось и то прекрасное изделие из слоновой кости, напоминающее как бы несколько изогнутое долото с резной орнаментированной рукоятью, которое было найдено нами значительно выше пола в первой камере справа от входа.

Перейдем теперь к поквадратному описанию первой камеры землянки А, отмечая лишь то, что может дополнить набросанную выше картину.

P_9. Поперек входа, отчасти уже на квадрате P_{10}, упираясь дистальным широким концом в пол, лежит большая лопатка мамонта. Верхний, сочленовый конец ее значительно приподнят, как если бы она скользнула

на пол при разрушении землянки. Под лопаткой на дне ямы обнаружена челюсть хищника.

Справа от входа, прислоненная к стене, находится в таком же положении другая лопатка мамонта, своим концом упираясь в первую. Поверх нее, на карнизе, т. е. на самом краю ямы, свисая толстым концом к входу, а противоположным внутрь землянки, лежит бивень, возможно также, как было сказано выше, имевший какое-то отношение к устройству (перекрытию) входа.

Несколько осколков костей и бивень молодой особи мамонта были найдены перед входом на полу. Кремня здесь было собрано очень немного (18), причем исключительно в виде отброса, среди которого заслуживает внимания лишь несколько фрагментов пластинок.

P_{10}. Половина площади квадрата, его правая сторона, занята отчасти входом, отчасти уже камерой землянки, которая пересекает квадрат приблизительно по диагонали.

Культурные остатки начинают встречаться на 0.20 м ниже условного нуля. Это верхняя граница довольно слабо здесь выраженного культурного слоя. Нижняя его граница намечается на 0.30—0.35 м от того же уровня, причем мелкие обломки костей и отдельные кремни разбросаны на этом уровне почти на всей площади квадрата, за исключением его окраины на границе с квадратом Q_{10}. Такое обстоятельство (продолжение культурного слоя на большей части квадрата) может иметь свое объяснение только в том, что после обвала кровли и заполнения землянки культурные остатки могли смываться, перемещаться из соседней, примыкавшей к землянке площади жилья.

Сделанные в этом квадрате на уровне пола жилья находки, как сказано, незначительны, они сводятся к десятку осколков и отщепов кремня, немногим обломкам костей. Особо следует отметить находку здесь фрагмента плеча от большой статуэтки из мягкого камня.

При расчистке квадрата по нижней границе культурного слоя в дальнем конце квадрата стали обнаруживаться большие кости мамонта, лежавшие отчасти вне землянки, главным же образом уже в пределах последней. На полу, нависая над краем землянки, была встречена, прежде всего, лопатка мамонта, поверх нее часть трубчатой кости; рядом, уже в пределах землянки, — часть небольшого бивня, вторая, небольшая лопатка, обломки локтевой и лучевой костей, сохранивших свою естественную связь, под ними ребро и кости таза того же животного, уходившие на соседний квадрат Q_{10}. Все эти кости составляли часть того нагромождения остатков мамонта, заполнявших первую камеру землянки А, которое мы выше назвали верхним слоем.

В основном на данном квадрате в пределах землянки слой костей заканчивается на уровне 0.70—0.80 м ниже условного нуля, т. е. значительно выше дна этого помещения, которое имеет здесь отметку 1.20—1.28 м от той же условной горизонтали, а в сторону входа повышается до 1.00 м.

Это обстоятельство также, очевидно, трудно понять иначе как результат обвала кровли землянки, повлекший за собой оседание костей.

В заполнении землянки в пределах квадрата найдено довольно много кремня (74), в том числе (кроме обломков пластинок и орудий, пары угловых резцов, других малохарактерных орудий и обычного отброса) прекрасный экземпляр крупной ножевидной пластинки с частичной подретушовкой по краю и подтеской на конце с брюшка.

Q_{10}. Здесь линия ближней (юго-восточной) стены первой камеры землянки А почти совпадает с границей квадрата Q_9. Таким образом данный квадрат находится полностью в черте вырытого в землянке поме-

щения и занят огромным скоплением костей мамонта, переполняющим яму землянки. Выше описанных бивней здесь навалены: кость конечности (локтевая) большой особи мамонта, три половины таза, лопатка взрослой особи и лопатка детеныша; третья, небольшая лопатка находится несколько в стороне, будучи поставлена вертикально, сочленовым концом вниз. Помимо того, здесь в разных местах найдены цельное ребро, обломок ребра, небольшой зуб мамонта и проч.

Поверх этого скопления, отчасти будучи прикрыт тазовой костью мамонта, но сохраняя естественное положение (затылочным отверстием книзу), лежит целый, хорошо сохранившийся череп редкого здесь животного — овцебыка. Отвалившаяся нижняя челюсть найдена на некотором расстоянии, в квадрате Q_{11}.

Особого упоминания заслуживает выше уже нами отмеченная находка орудия из слоновой кости с рукоятью, украшенной нарезным геометрическим узором мезинского типа. Оно оказалось в заполнении ямы землянки недалеко от ее стены по границе с квадратом R_{10}, на высоте около 0.50 выше пола землянки (0.68 от условного нуля), попав сюда, очевидно, случайно вместе с обрушившейся кровлей.

На самом дне ямы землянки на этом квадрате наблюдается два небольших продолговатых углубления (продолжающихся на квадрате Q_{11}), заполненных полусгоревшими костями, костным углем и слоем золы. Этот слой золы распространялся и кругом, в квадратах P и Q 10-го и 11-го рядов.

Среди собранных здесь 52 кремней заслуживают внимания три резца, обычные пластинки и обломки пластинок, обломок крупного наконечника и сланцевая плитка со следами употребления в качестве отжимника.

Q_{11}. С глубины 0.20—0.25 м ниже условного нуля, т. е. приблизительно на уровне культурного слоя, хотя на данном квадрате этот слой совершенно не выражен, начинают встречаться кости мамонта, образующие заполнение землянки; часть черепа, остатки челюсти молодой особи, зуб, обломки ребер, трубчатых костей. Под этим слоем костей и выше четырех бивней, лежащих в описанном нами положении — концами к середине первой камеры, здесь встречена только одна крупная кость — часть трубчатой кости мамонта, затем позвонок, часть ребра этого же животного и нижняя челюсть овцебыка, о которой мы упоминали выше.

В дальнем правом углу квадрата сюда заходит скопление костей из второй камеры землянки (лопатка, часть таза мамонта).

Иных находок, в частности кремня, здесь встречено очень немного (13), из них два обломка орудий, наконечника и маленького скребка, остальные — осколки. Кроме того в заполнении ямы подобран фрагмент костяного лощила.

R_{10}. Половина квадрата от одного угла к другому занята ямой землянки. На площади квадрата, за пределами последней, находок нет. Признаков культурного слоя незаметно и в остальной его части. Но с глубины 0.30—0.35 м ниже условного нуля обнаружены отдельные кости — два бивня, часть трубчатой кости молодой особи мамонта, не считая бивней нижнего слоя, лишь отчасти заходящих на этот квадрат.

Кремней здесь встречено больше (41), из них два резца, скребок, немного обломков пластинок и орудий.

R_{11}. Бо́льшая часть квадрата занята землянкой. За пределами землянки находок нет. В верхней части заполнения ямы, начиная с 0.18 и до 0.54 м ниже условного нуля, встречено немного костей, еще меньше, чем в предыдущем квадрате. Они сосредоточены в левой стороне квадрата: осколок трубчатой кости, зуб мамонта, обломок ребра, фаланга и немного других. Несколько в стороне, у края землянки, обнаружен большой

кусок кремнистой породы правильной кубической формы, очевидно использованный для раскалывания костей.

В дальнем левом углу квадрата намечается скопление костей, принадлежащее уже второй камере землянки.

В заполнении ямы встречено порядочно кремня (48) в виде обычного бытового отброса и обломков орудий, за исключением небольшого многофасеточного резца. Под скоплением бивней в первой камере вокруг очага, на квадратах Q—R 10-го и 11-го рядов, в неглубокой западине пола собрано 28 кремней и несколько кусков мергеля со следами обработки, а также поделка из того же материала. Среди кремней значительный процент составляют обломки использованных пластинок и орудий; кроме того имеется резец, пластинчатое острие и две довольно крупные пластинки.

Чтобы закончить описание первой камеры землянки А, нам следует еще остановиться на квадрате P_{11}.

P_{11}. Яма первой камеры захватывает лишь небольшую часть квадрата — его правую сторону, проходя по диагонали. На границе с P_{10} здесь начинается скопление костей мамонта, уходящее в глубь землянки: в пределах квадрата ему принадлежит фрагмент берцовой кости детеныша мамонта, обломок черепа и немного обломков других костей. В другом конце квадрата часть трубчатой кости, уходящая на P_{12}.

В заполнении ямы встречено немного кремней (9) — в виде обычного отброса; значительно больше их (34) на части квадрата, выходящей за пределы землянки, где культурный слой сравнительно хорошо выражен, хотя и здесь они носят характер бытового отброса. Культурный слой в этой части квадрата залегает на 0.05—0.25 м от условного нуля. Из других заслуживающих внимания находок особенный интерес представляют две одинаковые поделки из мергеля, довольно часто встречающиеся в Костенках I, в виде схематически переданной нижней части женского торса; затем клычок песца, небольшая пластиночка из слоновой кости.

На описываемом квадрате, как и на смежных, нами неоднократно были отмечены находки кремневых отщепов и пластинок в необычном для них положении — на ребре или вертикально, что служит признаком изрытости пола жилья, в данном случае очевидно связанной с устройством землянки.

ВТОРАЯ КАМЕРА И СДЕЛАННЫЕ В НЕЙ НАХОДКИ

Мы уже дали некоторые предварительные сведения о второй камере землянки А. Из нашего описания явствует, что она имеет значительное сходство с первой камерой, отличаясь в отношении своего устройства, в основном, отсутствием, во-первых, следов костра, во-вторых, заметного понижения пола в средней части помещения, где и был расположен очаг. Поэтому пол второй камеры, в общем довольно ровный, как бы несколько приподнят по сравнению с первой.

Большая часть этого помещения занята, как и в первом случае, грудой костей, однако в этом нагромождении остатков мамонта не удается заметить какой-либо закономерности. Здесь различные части скелета мамонта заполняют камеру более или менее компактной массой, по крайней мере в центре скопления, от пола до самого верха.

Однако и здесь, помимо большого бивня (5-го), несомненно стоявшего еще в первой камере, слева у перехода, и упавшего внутрь второй камеры, имеются два бивня, лежавшие уже целиком во втором помещении землянки, на квадратах Q_{12}, R_{12}, в которых также можно усматривать

свалившиеся опорные части внутренного сообщения землянки. Основание их обращено ко входу, с отметками 0.40 м и 0.56 м ниже условного нуля, тогда как острые концы направлены в сторону задней стены землянки.

Скопление костей было обнаружено на месте 2-й камеры уже при первой зачистке соответствующего пространства, так как концы костей торчали в отдельных случаях выше уровня пола соседних квадратов. Верхние отметки для нагромождения костей на квадратах P_{12}, Q_{12}, R_{12} — около 0.05—0.10 м ниже условного нуля; они совпадают с нулевой горизонталью (и несколько выше ее) в дальнем конце помещения.

Среди частей скелета мамонта в заполнении описываемой камеры наблюдается все же определенный, ясно выраженный отбор. Здесь представлены лопатки, части таза, бивни — целые и во фрагментах; последних здесь найдено свыше десятка, причем нельзя считать исключенным, что и в данном помещении, несмотря на беспорядок в их расположении, они не были использованы в качестве строительного материала. Другие части скелета встречались в этом нагромождении костей скорее единично, составляя таким образом небольшой процент общей их массы.

Скопление костей захватывает почти всю площадь второй камеры, начиная с квадрата P_{12} (правая его сторона) и Q_{12}, где верхнюю часть этой груды составляли четыре половинки таза, четыре небольших бивня, вырубленная шейная часть позвоночника мамонта из семи позвонков, половина трубчатой кости. Оно продолжается и на квадрате R_{12}, где в его состав входят: половинка и два крупных фрагмента тазовых костей, две лопатки — одна крупная, другая небольшой особи, части двух бивней, обломки ребер.

В нижней части заполнения второй камеры, ниже описанных костей, в основании груды, на полу (пол землянки имеет здесь отметку 1.08 м ниже условного нуля) лежали две лопатки мамонта, одна на другой, большой бивень — вернее дальний конец 5-го бивня, описанного нами в первой камере, затем два небольших бивня — острыми концами внутрь камеры, основаниями к входу. Затем несколько меньших костей — обломок черепа, позвонок, большая и малая берцовые кости детеныша мамонта, сохранившие свою естественную связь, и некоторые другие.

Это скопление костей продолжается и в дальнем конце камеры на квадратах P_{13}, Q_{13}, R_{13}, где найдены, в порядке их обнаружения, три бивня, частью обломанные, большая берцовая кость молодого экземпляра мамонта и часть малой берцовой, часть нижней челюсти, обломки лопаток, несколько костей стопы, коленная чашка, куски ребер.

Пол землянки имеет в дальнем конце отметку 1.05—1.12 м ниже условного нуля; скопление же костей начинается здесь несколько выше прилегающей к землянке площади жилища, т. е. на уровне примерно условного нуля.

С. Н. БИБИКОВ

ПОСЕЛЕНИЕ ЛУКА-ВРУБЛЕВЕЦКАЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИИ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПЛЕМЕН ЮГА СССР[1]

I

Мы не ошибемся, если назовем Поднестровье одной из интереснейших и увлекательнейших в археологическом отношении территорий Украины. В давние годы здесь немало поработали крупные археологи России, обогатившие археологию выдающимися трудами. Имена Антоновича, Штерна, Спицына, Сецинского, Хвойко, Волкова и других в той или иной мере связаны с исследованиями в Поднестровье. Конечно не случайно внимание исследователей привлекла именно эта территория. Здесь, на стыке цивилизаций Южной и Центральной Европы с Восточной, рождались своеобразные культуры, шедшие в авангарде древних европейских культур.

После первой мировой войны, когда Бессарабия была отторгнута Румынией и наша государственная граница пролегала по левому берегу Днестра, естественно сузились возможности археологических исследований на наших территориях, прилегающих к Днестру, и они вовсе были исключены в Бессарабии.

В советское время, в конце 20-х годов, в интересующем сейчас нас районе Среднего Поднестровья весьма плодотворные работы произвел один из старейших археологов Украины, М. Я. Рудинский, по существу вновь после В. Б. Антоновича открывший здесь палеолит и осветивший его светом современных знаний. Не угасла еще и неутомимая энергия Сецинского, продолжавшего свои исследования в Подолье.

После того как Бессарабия воссоединилась с СССР и наши юго-западные границы достигли берегов Дуная и Прута, стало опять возможно продолжать прерванные на многие годы археологические работы. В предвоенный 1940 год Институту истории материальной культуры Академии Наук СССР удалось провести небольшие по территориальному охвату археологические исследования на левом берегу Днестра, между Каменец-Подольском и Ст. Ушицей, т. е., примерно, на трассе работ М. Я. Рудинского, а также совершить ряд поисковых маршрутов севернее Каменец-Подольска по р. Смотрич до сел. Негин-Черча-Смотрич.

Работы 1940 г. ставили себе определенные задачи и не стремились к выявлению и изучению всего разнообразия памятников.

[1] Доклад на пленуме ИИМК АН СССР 3 марта 1947 г.

Безвременно погибший при блокаде Ленинграда Е. Ю. Кричевский, специально занимавшийся памятниками Триполья и полей погребений, именно на них и сосредоточил свое внимание. Им был найден и предварительно изучен ряд поселений с трипольской керамикой по р. Смотрич, представляющих отдельные этапы развития этой культуры, а также несколько поселений времени полей погребений. Мы же ставили своей целью исследование в названных районах пещер, ранее не обследованных с точки зрения использования их первобытным человеком в качестве жилья. Кроме того, нами был обследован ряд уже известных, а также открытых в процессе разведок палеолитических стоянок. В специальную задачу входило изучение так называемых макролитических поселений, одинаково интересовавших нас обоих. Результаты работы экспедиции 1940 г. найдут свое отражение в специальной сводке.

После второй мировой войны вновь возродился интерес к Среднему Поднестровью, но уже на более широкой научной основе, потребовавшей кооперации усилий двух родственных учреждений — Института археологии Академии Наук УССР и Института истории материальной культуры Академии Наук СССР. Задачи экспедиции уже не ограничивались изучением памятников определенных хронологических отрезков, мы ставили своей целью возможно более полный охват памятников, представляющих различные этапы культурно-исторического развития человеческих обществ в Среднем Поднестровье. Мало того, расширился и ареал исследований, охвативший и правобережье Среднего Днестра. Таким образом, новые методические установки позволили по-новому подойти к изучению той территории, где уже побывали Антонович, Криштофович, Рудинский и мы с Е. Ю. Кричевским, т. е. район южнее и юго-восточнее Каменец-Подольска, включающий три крупных излучины Днестра между сел. Сокил и Субоч. В район обследования входило и правобережье Днестра, посещавшееся ранее Ю. Полянским, занимавшимся здесь геологическими и археологическими изысканиями, и соседящее с Хотинскими палеолитическими местонахождениями, достаточно подробно изученными Амбражевичем (Кишля-Неджимова, Кармани и Дарабани).

На южной оконечности одного из мысов, омываемых крутым изгибом Днестра, между поселками Марьяновка и Б. Мукша, в 20 км к юго-востоку от Каменец-Подольска, на левом берегу Днестра расположено небольшое село Лука-Врублевецкая (рис. 1). Село занимает первую надпойменную террасу, представляющую собой ровную площадку, постепенно расширяющуюся к северо-западу от западной околицы селения, а затем суживающуюся. Длина этой площадки не более 2 км, ширина в наиболее широкой части не превышает 0.5 км. Береговой скалистый обрыв, тянущийся почти непрерывно от сел. Студеница, здесь как бы отходит от берега Днестра, уступая место ровной площадке. Таким образом, площадка с северо-востока прикрывается высоким скалистым обнажением, в котором у западной окраины деревни образовался ряд скалистых навесов. Противоположный правый берег Днестра в этом районе также высок и отвесно обрывается к реке. Лишь в одном пункте скалистая береговая гряда прорезывается узкой долиной р. Сурши, тут же напротив сел. Луки впадающей в Днестр. У западной околицы селения площадка обрывается крутым 2—4 метровым уступом к Днестру, отделенному в летнее время от обнажения узкой 10—15-метровой полоской каменистого пляжа. Именно с этим обнажением и связываются археологические находки. Нужно сказать, что почти ежегодно в пору высокого стояния воды в Днестре, даже в летние месяцы, когда тают снега на Карпатах и Прикарпатских возвышенностях, береговое обнажение у Луки-Врублевецкой подмывается водой, культурные остатки вымываются и уносятся

течением реки или остаются здесь же у подошвы обнажения, вымытые из культурных горизонтов. Просматривая обнажение, сразу же замечаем насыщенность его культурными остатками. Подобранный у основания обнажения материал, вместе с извлеченным из подчистки среза, обратил на себя внимание, в результате чего было решено произвести там небольшие пробные раскопки. Консультативное руководство раскопками взял на себя П. П. Ефименко, установивший научную значимость памятника. Работами руководил С. Н. Бибиков. Близкое участие в работе приняли М. Я. и Е. Я. Рудинские.

Обнадежившие результаты раскопок 1945 г. в Луке-Врублевецкой позволили уже в 1946 г. организовать комплексную экспедицию для про-

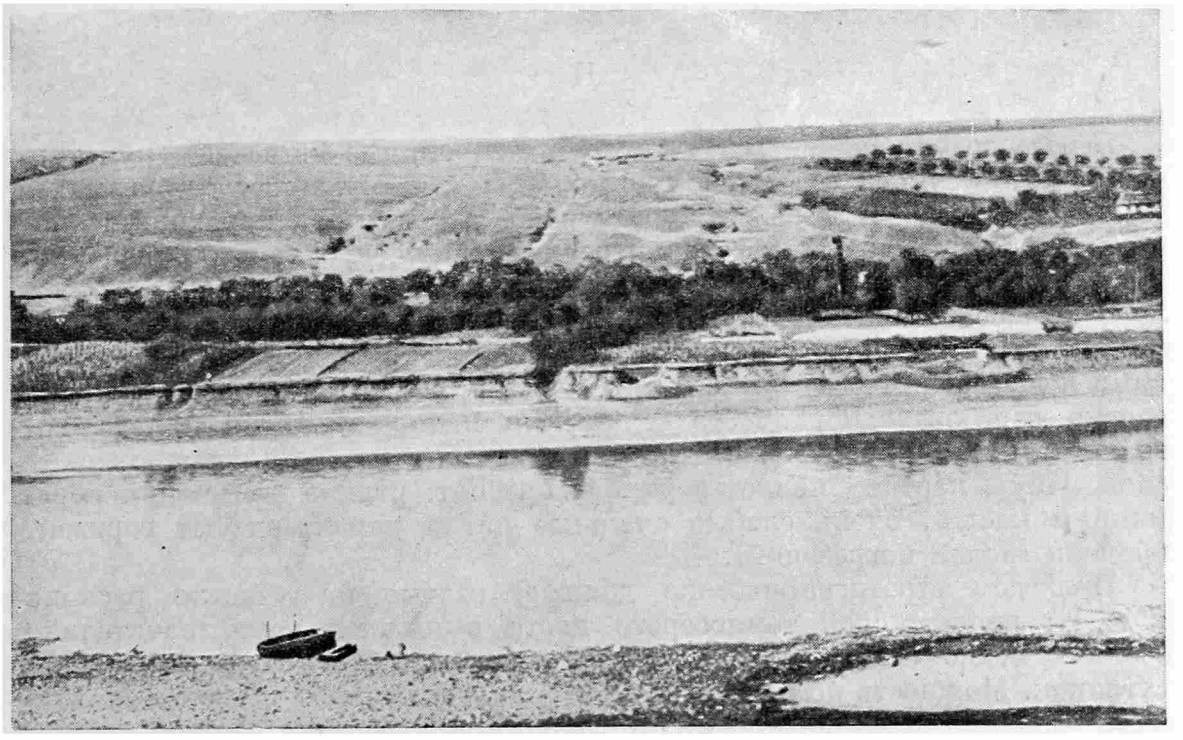


Рис. 1. Общий вид на поселение Лука-Врублевецкая. В обрезе берега видны места раскопок.

ведения раскопок на самом поселении в Луке-Врублевецкой и одновременно провести ряд разведочных маршрутов в бассейне Среднего Днестра. Институт археологии АН УССР и ИИМК АН СССР поручили общее руководство экспедицией автору этих строк, проводившему стационарные работы. П. И. Борисковский возглавил разведочный отряд и так же, как и М. А. Тиханова, принимал деятельное участие в раскопках. В работе экспедиции, кроме названных старших научных сотрудников, принимали участие аспиранты И. Г. Шовкопляс (Институт археологии) и Э. А. Сымановичч (ЛГУ), студенты и сотрудники ИИМК и украинских музеев: М. Ю. Браичевский, К. В. Бернякович, А. А. Спарбер, инженер М. М. Кожушнер, А. Т. Смиленко, С. С. Лев, М. Н. Трусова и др.

Итак, в 1946 г. удалось провести достаточно широкие земляные работы на площади свыше 200 кв. м, с выемкой около 600 куб. м.

В результате работы группы П. И. Борисковского на Среднем Днестре впервые найдены остатки древнепалеолитической культуры типа клэктон. Раскопки верхних слоев поселения Лука-Врублевецкая, произведенные вместе с М. А. Тихановой, доставили ценный материал по куль-

туре так наз. полей погребений (II—V вв. н. э.) и средневековой славянской культуре (X—XI вв.). Эти два раздела работ экспедиции имеют самостоятельное научное значение, поэтому выделяются в специальные статьи, принадлежащие П. И. Борисковскому[1] и М. А. Тихановой. С. А. Семенов любезно предоставил для напечатания небольшую статью, явившуюся результатом его наблюдений над характером заполировки на нескольких кремневых ножевидных пластинках, извлеченных из предтрипольских слоев в Луке-Врублевецкой. Статья эта, несомненно, представляет значительный интерес с точки зрения выяснения наиболее древних форм серпов, а также методических наблюдений, применяемых автором для выявления следов употребления на орудиях труда, причем используются сильные увеличения.

II

Береговое обнажение у Луки-Врублевецкой, где встречены культурные остатки, имеет весьма внушительную протяженность — не менее 400 м. На срезе то в разрозненном виде, то целыми скоплениями появляются кости животных, створки речных ракушек, очажные прослойки, много кремня и изобилие керамики. В ряде пунктов совершенно отчетливо вырисовываются контуры углублений, быть может землянок и хозяйственных ям, иногда выстланных или перекрытых речными ракушками и насыщенных культурными остатками. Часто прослойки ракушек, следуя горизонтально, вместе с другими находками ясно определяют границы культурного горизонта. Так выглядит нижний дотрипольский слой. Иную картину являет верхний горизонт: редкие включения керамики и костей, очень слабые очажные пятна характеризуют горизонт времени «полей погребений».

Приведем стратиграфические данные, взятые на участке раскопа 1945 г.: первый слой темносерого цвета в нижней части значительно светлеет и, по существу своему, представляет собой деградированный суглинок. Мощность не превышает 110 см. Слой целиком связан с находками времени «полей погребений» и славянской культуры. Второй слой — желтый, плотный суглинок, вязкий при размокании. Мощность слоя в среднем 60 см, слой почти без находок. Далее следует третий слой — культурный, тот же суглинок, однако очень измененный бытовыми остатками. Он более рыхлый, серого цвета и заключает множество остатков материальной культуры. Ниже культурного слоя идет тот же желтый пустой суглинок, подстилаемый аллювиальным галечником. Высота залегания культурного слоя дотрипольского времени над летним уровнем Днестра не превышает 4 м.

Слишком большая протяженность обнажения, затрудняющая фиксацию выходов культурных остатков по пунктам, потребовала несколько иных методических приемов ориентации. За основные реперы были взяты два склона небольшой промоины, прорезывающей площадку с севера на юг, устье которой расположено прямо напротив устья р. Сурши. Направо от правого бережка промоины (если стоять к ее устью лицом) были размечены 4-метровые цифровые участки с буквенными индексами для каждого метрового отрезка внутри участка, и, наоборот, налево от промоины располагаются 4-метровые участки с заглавными буквен-

[1] П. И. Борисковский. Древние палеолитические местонахождения среднего течения Днестра. См. выше, стр. 103—112.

ными показателями и цифровыми однометровыми выражениями внутри участка.[1]

Место наших раскопок в 1945 г. совпадает с участками 48, 49, 50, но, в целях удобства при разборке землянки, даны последовательные буквенные выражения на каждый метр от *а* до *и*. Названные участки были выбраны для раскопок ввиду ясно обозначавшихся на срезе следов жилого углубления, а на участке 48 — остатков печи. Как выяснено раскопками, часть жилого сооружения, а также и печь, сохранились не полностью, они разрезаны продольно и смыты водами Днестра. Однако то, что осталось, достаточно для уяснения общей конфигурации жилого углубления и печи, вернее, горна (рис. 2). Длина жилого углубления

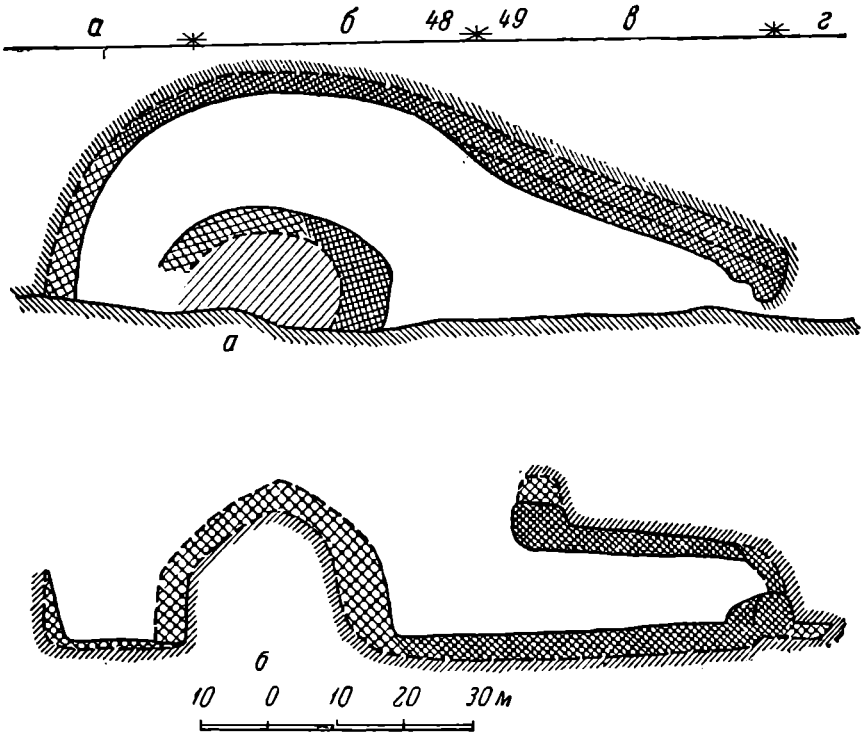


Рис. 2. Горн на поселении Лука-Врублевецкая.
а — план, *б* — продольный разрез.

около 8 м, глубина от верхней границы культурного слоя 50—145 см. Ширина остается неизвестной (в сохранившихся частях до 2 м). Пол углубления с запада на восток идет сначала ровной небольшой площадкой, затем понижается плавными уступами до участка *жс—з*, где достигает максимальной глубины, отвечающей расположению ямы в полу землянки, и опять поднимается кверху сглаженным углом, переходя в стенку (рис. 3). Заполнение жилого углубления не однообразно. Самый пол выстилает, следуя его рельефу, толстая, рыхлая золистая масса с редким включением углей. Во всей толще заполнения эта масса особенно интенсивно выражена и местами достигает мощности до 40 см. В золистом горизонте находки почти не встречаются. Зато перекрывающий его тоже золистый очажный слой наиболее богат находками. Он более темного цвета и содержит большее включение углей. Этот горизонт в свою очередь перекрывает суглинистый горизонт серого цвета с ред-

[1] С 1946 г. была дана сквозная нумерация квадратов по всей линии обнажения, справа от промоины.

кими находками. Он переслаивается в восточной части тонкой прослойкой створок речных ракушек. Наблюдение за распространением находок показывает, что наибольшее количество их концентрируется в средней части слоя; ниже и выше слой значительно беднее. Это наблюдение, видимо, нельзя не поставить в связь с формой стенок землянки. Покатый северный край ее не удерживал скатывающихся к середине жилья различных отбросов. Между прочим, о покатости стен полуземлянки можно судить и по аналогичным остаткам, выступающим в одном из пунктов на обнажении. Если проследить распространение культурных остатков в землянке (вернее сказать, полуземлянке), то форма ее приближалась к овальной. Это заключение основывается не только на установленной покатости стен к центру жилья, но и на пространственном распределении находок. Замечено, что распространение культурных остатков ближе к северной закраине полуземлянки на центральных участках заходит значительно дальше, чем на участках, захватывающих лишь концы ее.

Полуземлянка скорее всего была оставлена преднамеренно, не в результате какого-нибудь стихийного бедствия, так как культурные остатки в ней представляют собой лишь отбросы различных бытовых предметов, уже вовсе не пригодных к употреблению. Целых сосудов или каких-либо других признаков, свидетельствующих о быстром оставлении жилья, в нем не обнаружено. После того как жилье уже было покинуто, оставшееся углубление было использовано для отбросов. Несмотря на небольшую площадь раскопок, едва ли превышающую (без участка с печью) 10 кв. м, удалось собрать значительный материал в виде керамики, кремня, полированных сланцевых наконечников мотыг, двух-трех костяных орудий, большого количества костей животных. К остаткам, связанным с ритуальными представлениями, следует отнести находки глиняных статуэток и захоронение двух черепов собак (без нижних челюстей), встреченных на одном из участков у северной окраины землянки.

Работы экспедиции в 1946 г. сосредоточились на трех раскопах, причем выбор участков для раскопов обусловливался необходимостью спасения выходов культурного слоя на береговой срез, подмываемый водами Днестра. Три названных раскопа совпали с остатками двух жилищ полуземляночного типа и одного, видимо, наземного сооружения (раскоп III).

На береговом срезе контуры жилых углублений обозначались четко выраженными линзами корытообразной формы, заполненными золой, керамикой, обломками кремня, костяными и кремневыми орудиями и костями животных. Дно корытообразных углублений на раскопах I и II обрисовывали створки речных моллюсков Unio, залегающих слоем на полу и равномерно выстилающих боковые части жилых углублений. Ракушки в огромном большинстве своем располагались выпуклой частью кверху. Можно предположить, что ракушками выстилался пол жилого углубления, может быть, в целях предохранения от сырости. Об этом достаточно убедительно говорит и само распределение ракушек, следующее углубленному рельефу пола, их нарочитая обращенность выпуклой частью кверху, отсутствие находок в самой выстилке и, наоборот, распространение их по полу и в толще заполнения, а также распределение очагов на слоях ракушняка. В ряде случаев удалось установить и следы подправки пола дополнительными выстилками новыми слоями ракушек.

Реконструировать тип жилища, опираясь на раскопки 1946 г., пока еще трудно, поскольку работы по раскрытию жилищ еще не закончены. Во всяком случае можно сказать, что это были длинные дома полуземляночного типа, может быть в своих наземных пропорциях напоминающие дома, известные по раскопкам в Куявах на Висле.

По длинной оси такого дома помещались открытые очаги. Четыре очага, расположенные по длинной оси дома почти через равномерные интервалы, раскрыты экспедицией в раскопе I. Здесь раскопаны остатки жилища на протяжении 13 м при ширине углубленной части от 2 м и несколько более. Толщина заполнения доходила до 75—80 см. Сверху жилое углубление перекрывалось более поздними остатками культуры, не переходящими, однако, дотрипольской стадии. Они располагались по ровной поверхности, представлявшей некогда пол наземного сооружения. На полу сохранились остатки очага в виде небольшой обмазанной глиной площадки, вокруг которой группировались десять скоплений черепков; каждое из них состояло, видимо, из обломков одного сосуда. В одном таком скоплении черепков были встречены два очень крупных кремневых нуклеуса, а в другом месте — обломки зернотерки из камня.

Характер жилища, вскрытого на раскопе II, ничем существенным не отличается от жилья на раскопе I. Оно значительно шире в своей

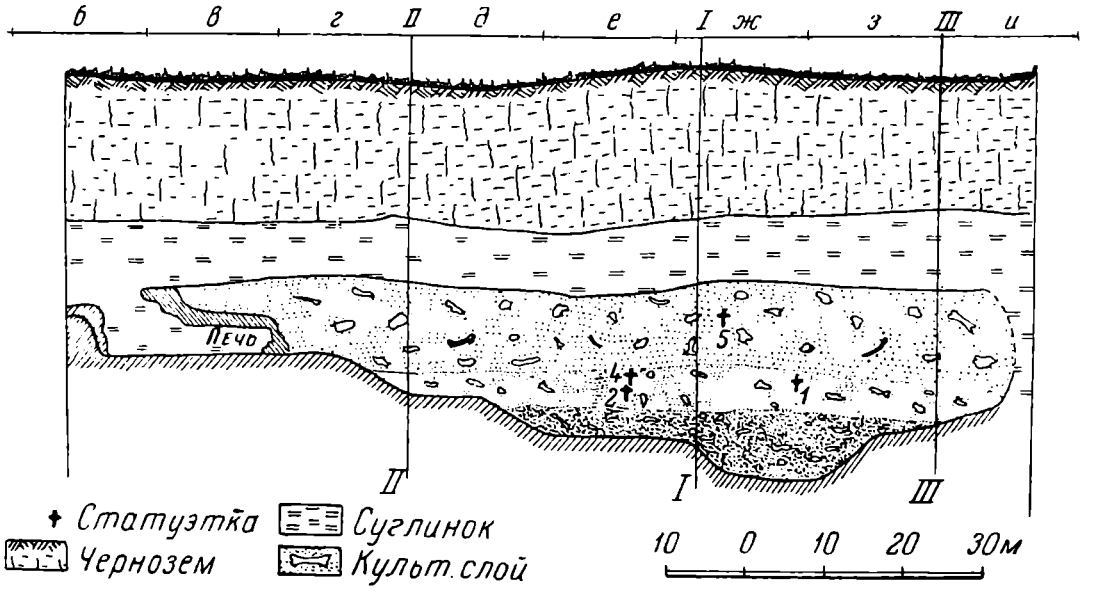


Рис. 3. Разрез землянки на поселении Лука-Врублевецкая.

углубленной части — до 4 м. Перекрывающий заполнение культурный горизонт содержит здесь такой же очажок с глиняной обмазкой пода, расположенный в восточной части жилья.

Несколько иную картину можно было наблюдать на раскопе III. На площади раскопа, охватывающей 52 кв. м, раскрыты три очажные ямы крупного размера, диаметром около 2 м и глубиною до 1 м, и одна небольшая ямка. Две первые ямы, круглые в плане, расположены рядом, имеют глубину не более 50—60 см; они заметно выступают в очажном потемнении поверхности слоя, будучи как бы вписанными в него. За ними следует небольшая ямка, и на восточной стороне раскопа опять обнаруживается глубокая, до 1 м, яма с небольшим углублением в стенке в виде ступеньки. Эта яма сохранилась не полностью: при выходе на береговой срез она частично смыта водами реки.

Таким образом, есть основание считать, что две первые ямы составляют один комплекс, они непосредственно примыкают друг к другу и входят в очажное потемнение поверхности слоя, может быть являвшееся некогда полом наземного жилья. Третья же яма, видимо, относилась к другому комплексу: она не входит в границу очажного потемнения поверхности слоя и смещена с оси расположения двух первых ям.

О функциональном назначении ям можно говорить пока в плане более или менее вероятных догадок. Дело в том, что небольшие размеры не дают оснований для определения их как жилищ. Этому решительно противоречит и содержимое ям. В первой и второй ямах встречено большое количество раковин речных моллюсков, обломки керамики и кремня. Основное же содержимое составляет зола. В третьей, наиболее глубокой яме наблюдались лишь редкие находки, и почти единственным заполнением оставалась зола и створки речных ракушек. Следовательно, само содержимое ям определяет их очажное назначение и интенсивное использование их, может быть, даже и для гончарных целей. Однако, как показали раскопки в 1945 г., тут же на поселении, в полу землянки, была встречена гончарная печь с жаровыми отверстиями — «продухами», по терминологии современных гончаров. Эта печь, вернее горн для обжига сосудов, является единственной известной в круге раннеземледельческих памятников не только юга СССР. Кроме нее известны лишь обломки такого же горна, встреченные в старые годы М. Я. Рудинским в урочище Бавки, в чистом трипольском полихромном комплексе. Обе эти находки дают сейчас твердые основания для реконструкции технологического процесса гончарного производства.

Между прочим, в первой яме в числе других находок были обнаружены во фрагментарном состоянии две статуэтки сидящих мужчин с гипертрофированно выраженными признаками пола (рис. 4, *б*). По манере изготовления можно определенно сказать, что они принадлежат одному мастеру. В этой же яме встречены обломки двух глиняных ложек, возможно подражающих деревянным ложкам (рис. 5, *е*). Находки эти не лишены интереса, так как они мало известны в памятниках Триполья и отмечены в раннеземледельческих поселениях Дунайского бассейна в единичных случаях.

Итак, в очажных ямах мы склонны видеть одну из деталей жилищ, входящих в комплекс жилья и имеющих свое функциональное назначение — варка пищи, зимнее обогревание и другие бытовые цели.

Сопоставляя конструктивные особенности ям, нельзя не вспомнить углубленных частей жилищ на раннетрипольском памятнике в Борисовке, а из поздних аналогий — киевские землянки, раскопанные Хвойко, жилища в Городске и др. В этих памятниках обнаружены ямы, которые и интерпретируются как части жилых наземных сооружений (Е. Ю. Кричевский).

К числу наиболее массового инвентаря из жилых комплексов поселения Лука-Врублевецкая в первую очередь должна быть отнесена керамика, представленная разнообразными категориями сосудов. Грубая кухонная посуда, слабо профилированная, близкая по форме к горшкам, сосудам баночной формы и тазам, сочетается с разнообразными формами посуды другого бытового назначения. К последним следует отнести обломки очень тонкостенных сосудов, выделанных из прекрасно отмученной и хорошо обожженной глины. Поверхность их вылощена до зеркального блеска, видимо с помощью графита и соли, благодаря чему имеет часто черный цвет. Наибольшее количество обломков, если руководствоваться полевыми впечатлениями, принадлежит мисочкам, или чашам, напоминающим среднеазиатские пиалы. Много также обломков от сосудов, близких по форме к горшкам. Они доходили до крупных размеров, имели выпуклое тулово с сосцевидными выпуклостями вместо ручек. Под ракушечным полом в раскопе II найден целый горшочек с косыми канелюрами (рис. 6, *г*). Меньшая группа составляет так наз. «плошки». Это небольшие с плоским дном и невысоким бортиком сосуды. В хозяйственном укладе широко использовались глиняные ковши с ко-

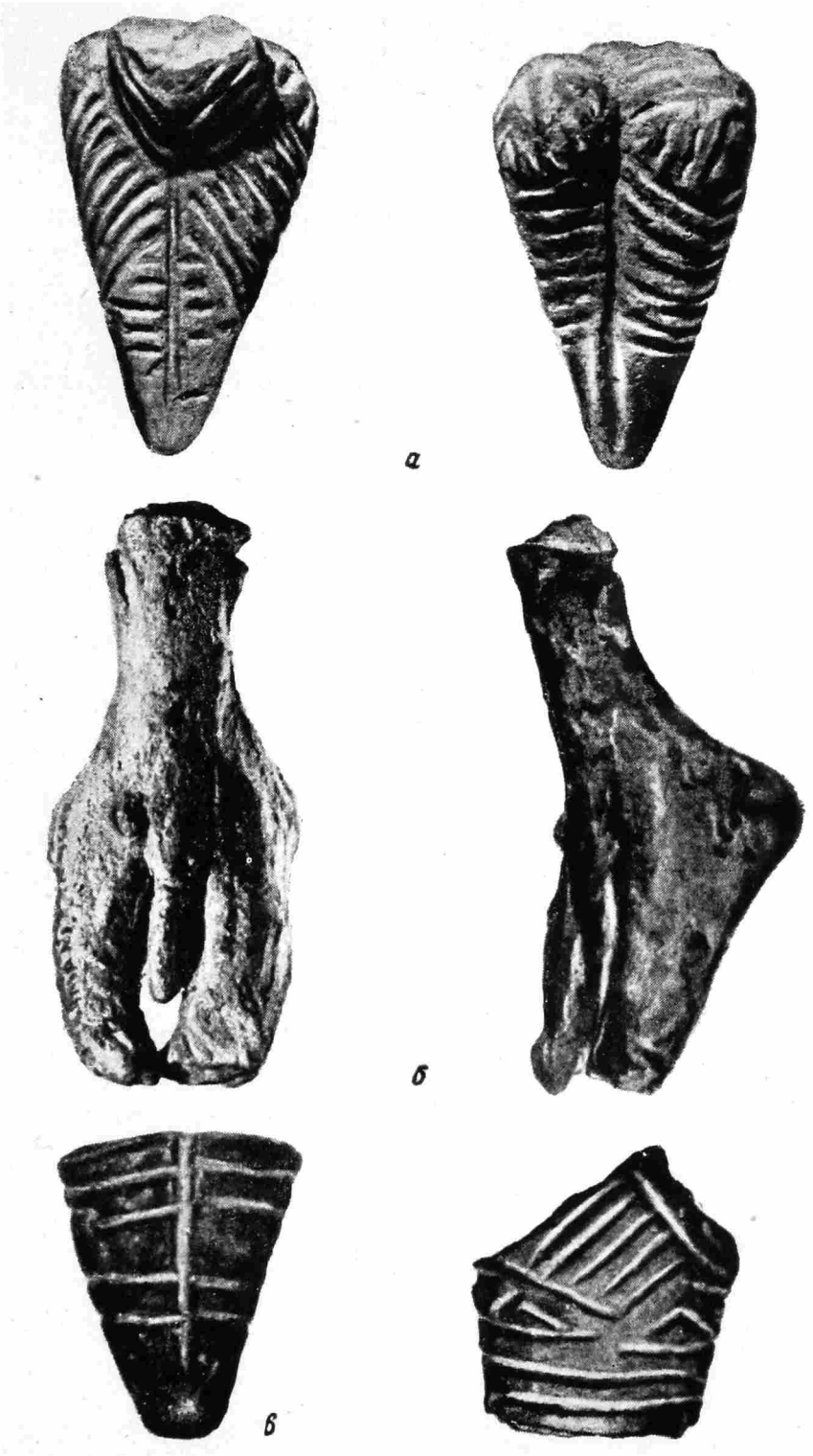


Рис. 4. Лука-Врублевецкая. Терракоты (II. в.).

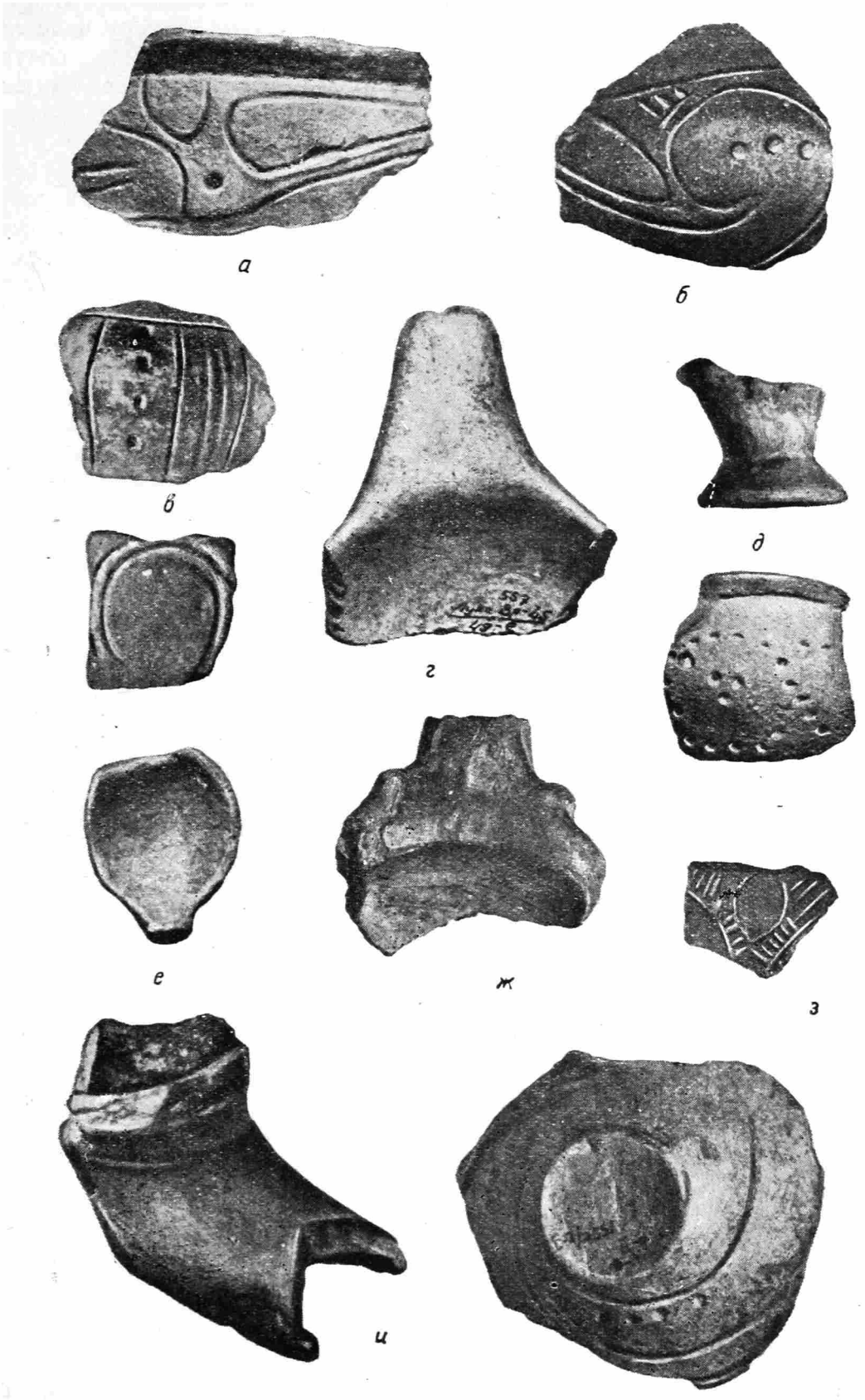


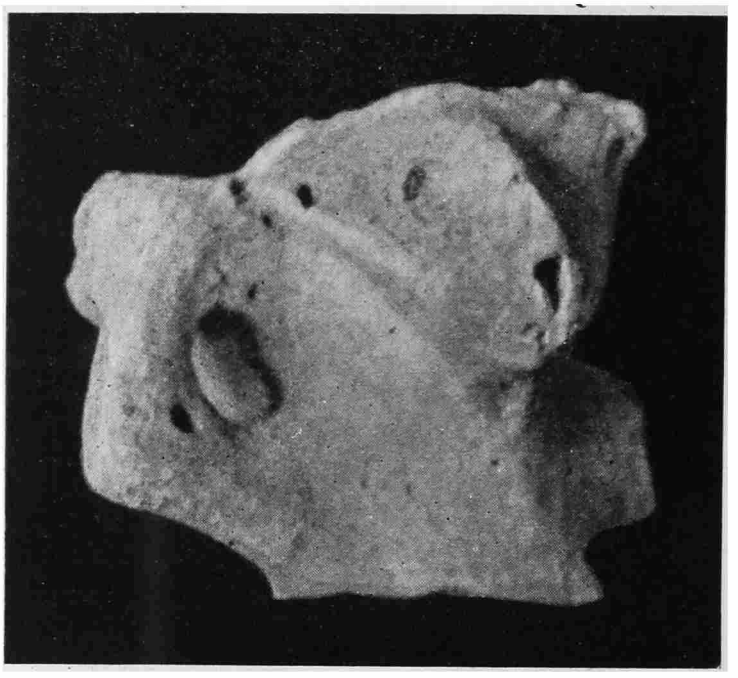
Рис. 5. Лука-Врублевецкая. Керамика (несколько уменьшено).

роткой ручкой. В ручке ковша делалось большое овальное отверстие (рис. 6, *в*), видимо, для ношения на ремне. Ручки ковшей были богато орнаментированы и, поряду признаков, иногда имитировали фигуру человека (рис. 6, *з*). Чрезвычайно широкое распространение получили сосуды на полых высоких поддонах-подставках. Они известны из первой Дунайской культуры и продолжают бытовать до поздних этапов развития ее. Между прочим, среди этих сосудов может быть выделена группа ритуального назначения. Мы имеем в виду крупный обломок с лепным изображением лица человека и поднятых рук, поддерживающих сосуд (рис. 7), а также группу фигур людей, композиционно входящих в формовку поддона, очень схематично намеченных и выполняющих роль кариатид (рис. 8, *г*). Некоторые сосуды имели полый трубчатый коленчатый слив (рис. 5, *и*). Общее впечатление от керамики остается как от необычайно развитой не только в смысле разнообразия выработки форм, но и в смысле технологических приемов ее изготовления — совершенства обжига, тонкости формовки, чистоты теста и т. д. (рис. 9).

Орнаментация сосудов очень разнообразна и в своих построениях не всегда устойчива. Однако сам стиль ее и техника нанесения носят определенный характер. Основной технический прием — прочерчивание узкой тонкой линией, использование в орнаментике гребенчатого штампа в различных геометрических построениях канелюр, а также ямок. По техническим приемам и композиции орнаментацию посуды из Луки-Врублевецкой можно поставить в один ряд с прочерченной орнаментацией на сосудах из Попив-города, Сабатиновки, Саврани, Попудни и Пянишково, а также с керамикой Извоар I, причем врублевецкая керамика стоит ближе к Извоару I, выявляя с последним аналогичные черты в части основных элементов. Керамика из Попив-города, Саврани и других в построениях орнамента и технике нанесения его тоже часто повторяет Извоар I, Луку-Врублевецкую и Брагу, но наличие в этих комплексах расписной керамики ставит их на более высокую хронологическую ступень, относящуюся уже к собственно Триполью. Следует отметить чрезвычайно редкое использование спирали в орнаментике посуды из Луки-Врублевецкой. Как известно, мотив спирали в различных ее проявлениях составляет едва ли не основную особенность не только линейно-ленточной керамики, но и трипольской.

Кремень, как и керамика, является массовым материалом. Столь большое количество кремня отличает данное поселение от поселений трипольского и дунайского круга, за исключением, быть может, Бутмира. О техническом совершенстве овладения приемами раскалывания кремня можно сказать, что древние обитатели поселения сохранили позднепалеолитические традиции. Из жилых углублений, из разных пунктов культурного слоя, извлечено очень большое количество обломков и отщепов, свидетельствующих о широте использования кремня в хозяйственных нуждах населения. Нуклеусы, шаровидные отбойники, ножевидные пластинки, множество скребков — получили здесь весьма широкое распространение в хозяйстве человека. Интересно отметить, что на группе ножевидных пластинок прекрасно выражена сильная сработанность граней, характер которой говорит об использовании пластинок в качестве серпов. Это, вероятно, самые древние серпы, известные на юге СССР. К каменному инвентарю относятся очень изящные сланцевые топорики, или, скорее, наконечники мотыг (рис. 10, *б*). Обращает на себя внимание редкая и не известная еще в памятниках Балкано-Дунайского круга и Триполья находка обломка шестигранного, прекрасно шлифованного молота. Едва ли можно видеть в нем предмет, имевший какое-либо хозяйственное значение, скорее всего это был боевой молот (рис. 11).

Рис. 6. Лука-Врублевецкая. Керамика.



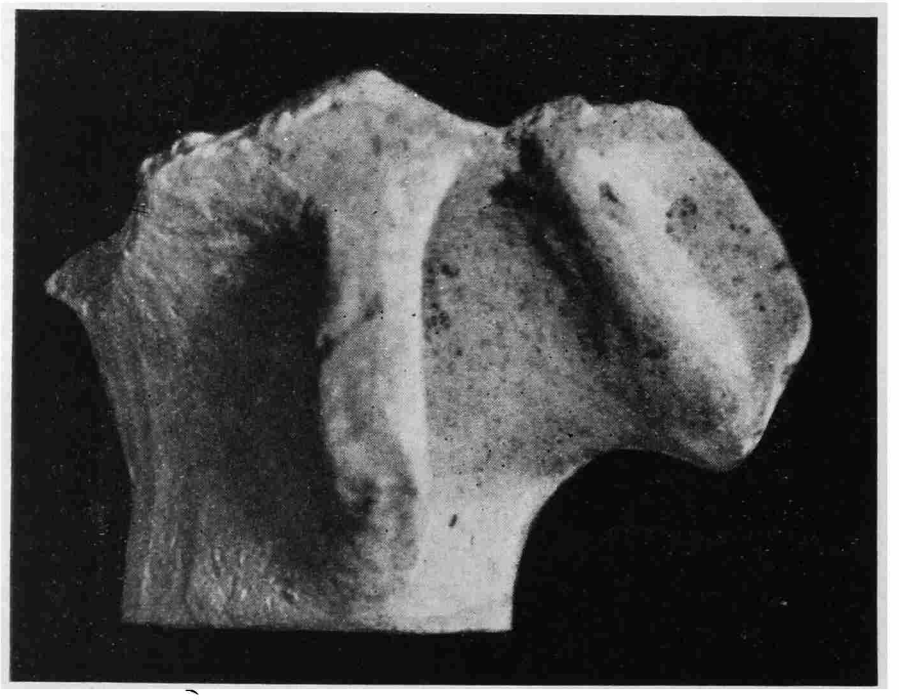


Рис. 7 Лука-Врублевецкая. Обломок скульптуры в виде человека, поддерживающего сосуд (и. в.).

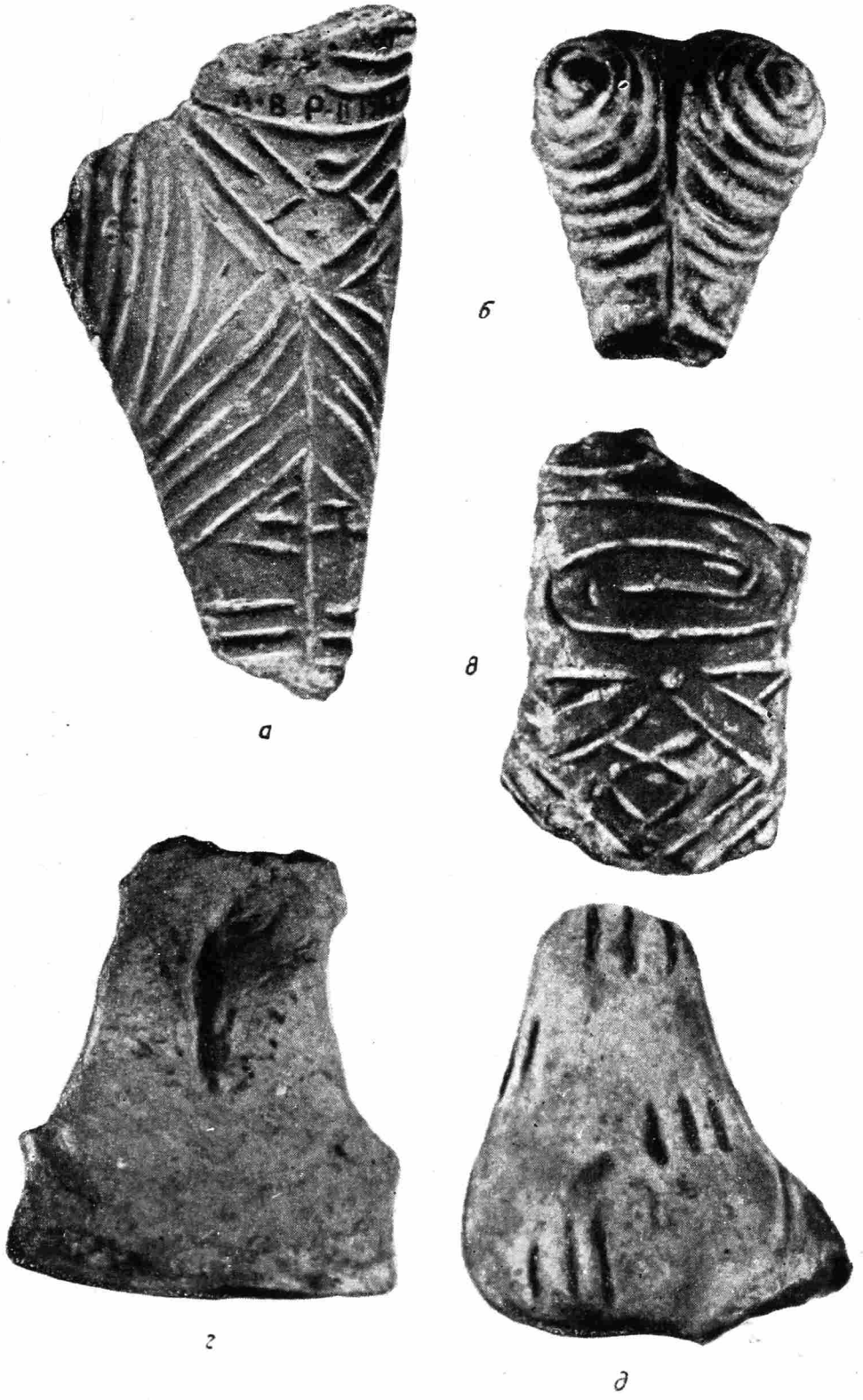


Рис. 8. Лука-Врублевецкая. Терракоты (II. в.).

Широкое распространение получили и костяные орудия. Несколько десятков шильев и костяных острий (рис. 12), наконечник остроги (рис. 13), просверленный рог-мотыга и др. (рис. 14) составляют бога-

Рис. 9. Лука-Врублевецкая. Керамика.

тый комплекс инвентаря. Необработанных же обломков костей найдено в виде пищевых отбросов необычайно много. По предварительному определению кости принадлежали быку, кабану, овце, или козе, собаке. В жилом углублении на раскопе I найдена также почти целая нижняя

челюсть лошади. Из диких видов встречены: косуля, волк, бобр и другие, преимущественно лесные виды. Кроме того обнаружено много костей рыб, в том числе и крупных особей. Если не считать небольшого медно-бронзового обломка, найденного в раскопе III, то никаких металлических предметов в дотрипольских слоях найдено не было.

Интересную и своеобразную группу находок составляют терракоты. Таких статуэток найдено более 120, причем почти все находки сделаны на площади, связанной с жилыми углублениями (рис. 4, 7, 8, 15—17). Большинство из них изображало женщин и мужчин в различных положениях — сидячем, полусидячем и прямом. Головы скульптур имеют вид удлиненных конических отростков, почти прямые плечи заканчиваются более короткими плечевыми отростками (рис. 17). Женские статуэтки наделены сильно выраженными стеатопегическими чертами.

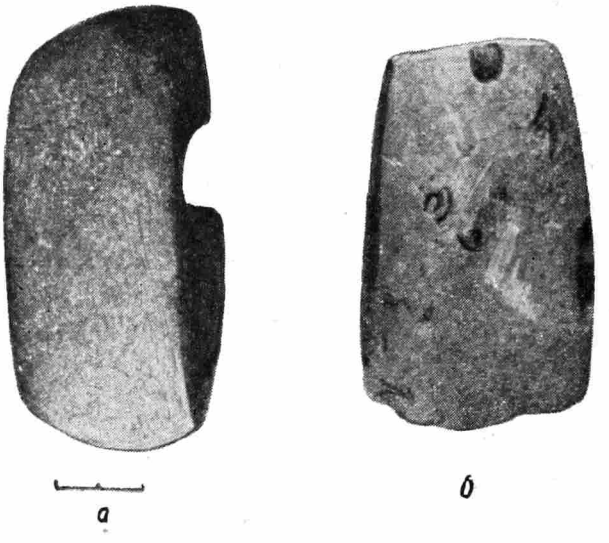


Рис. 10. Лука-Врублевецкая. Каменный инвентарь.
а — топор, *б* — наконечник мотыги.

Рис. 11. Лука-Врублевецкая. Обломок шестигранного боевого молота.

Груди намечены двумя небольшими выпуклостями. Ноги расчленены неглубокой бороздкой и конически сходятся к ступням, вовсе не отмеченным в скульптуре. Мужские фигурки отличают гипертрофированные признаки пола (рис. 4, *б*). Даже самый беглый просмотр коллекции статуэток убеждает в том, что мы имеем дело с различными по оформлению группами. Орнаментированные и неорнаментированные статуэтки составляют две первые категории общей классификации. Различия в положении тела (сидячее, полусидячее и прямое), а также по величине — образуют третью и четвертую категории; характер и стиль орнаментации создают пятую категорию и, наконец, наличие индивидуальных признаков у статуэток выделяет шестую группу фигур с индивидуальными чертами. О разделении по признакам пола мы уже говорили. По своему оформлению статуэтки тоже различаются. В одних случаях объемные пропорции тела передаются реалистично, в других — в очень схематических чертах (это явление отметила и Цегак для трипольской пластики). Многие статуэтки из Луки-Врублевецкой орнаментированы глубокими нарезными линиями. Эти линии то идут параллельно, то, скрещиваясь или сходясь под углом, образуют различные геометрические построения. По своей композиции, стилю орнаментации, стеатопегическим признакам

статуэтки относятся к кругу скульптур типа нижних Кукутен, хотя последние имеют более развитую орнаментацию (спираль, зигзаги, симметрия мотивов), и Извоар I, с другой стороны — они очень близки к фигурке из с. Гринчук [1] (между устьями р. Жванец и р. Смотрич), отчасти из Сушкивки, из сел. Кринички в Подолии [2] и ряду других, в том числе и сабатиновским. Таким образом, группу статуэток можно отнести к кругу ранних памятников земледельческой культуры юга Европы, предшествующему кукутенской стадии. К группе скульптур нужно отнести и крупный фрагмент сосуда с изображением человека,

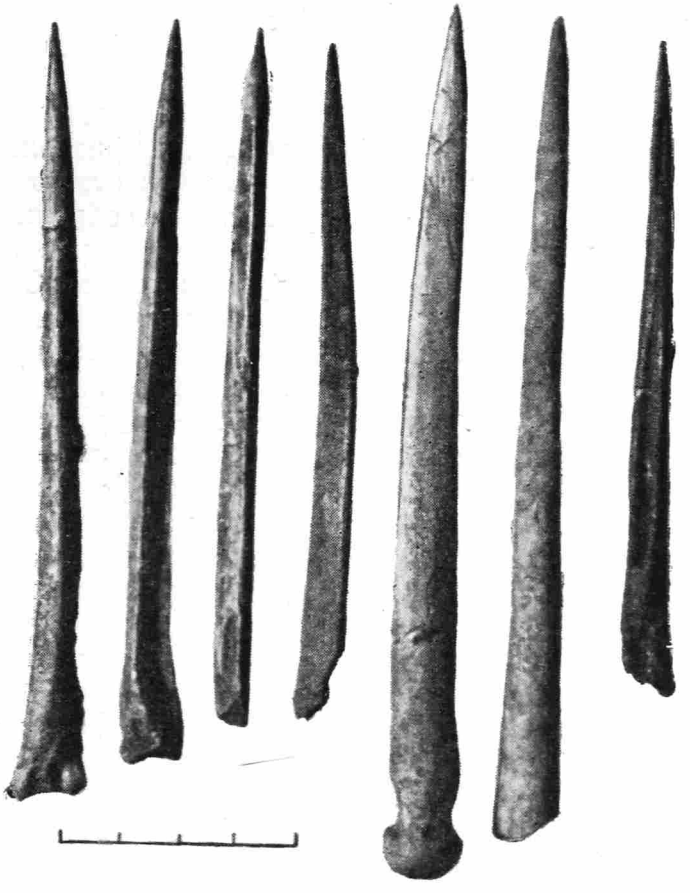


Рис. 12. Лука-Врублевецкая. Костяные шилья.

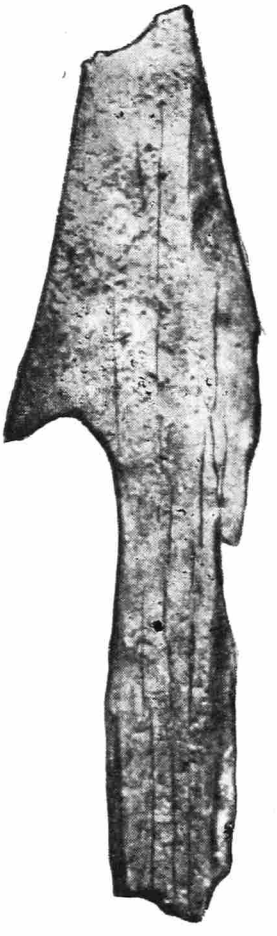


Рис. 13. Лука-Врублевецкая. Обломок костяной остроги (н. в.).

найденный в жилом углублении в поселении Луки-Врублевецкой, стилизованной репликой которому служит известный расписной сосуд из слоя Извоар I, опубликованный Вульпе,[3] и своеобразные сосуды тисской культуры.[4]

Сосуд этот (рис. 7), видимо, имел форму большой вазы, поддерживаемой вздетыми кверху и согнутыми в локтях руками человека на столбчатой полой ножке. Сохранилась сравнительно небольшая часть сосуда

---

[1] Записки Всеукраїнського археологічного комітету, т. I, 1931, стр. 38.
[2] Трипільска культура на Україні, вып. I, 1926.
[3] ESA, т. XI.
[4] Ferenc v. T o m p a. Die Bandkeramik in Ungarn. Archaeologica Hungarica, V—VI, Будапешт, 1929, стр. 65, рис. 7 (в нижнем ряду второй слева).

с лепным изображением лица, часть груди и рука, поддерживающая днище. Лицо человека имеет треугольные очертания с едва намеченными ртом и глазными впадинами. Нос скульптуры, как впрочем и вся лицевая часть, сильно выдается и сформован обычным приемом «щипка». В целом лицо сделано в характерной манере передачи физиономических признаков, свойственных скульптуре раннеземледельческих культур юга Европы и юго-запада СССР. Сосуд этот, имевший скорее всего ритуальное назначение, мог устанавливаться на ножку или подвешиваться за специально проделанные в локтях дырочки.[1] Отверстия на месте ушей, может быть, предназначались для пронизывания в них украшений.

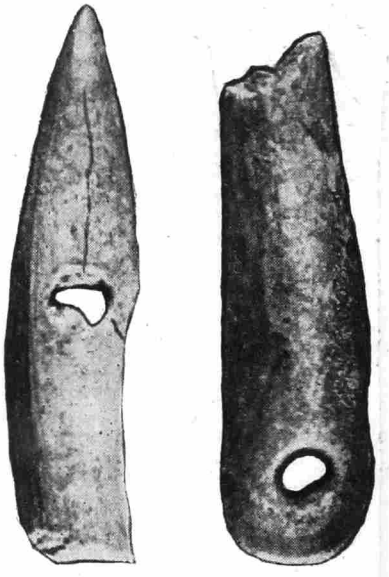


Рис. 14. Лука-Врублевецкая. Костяные изделия (н. в.).

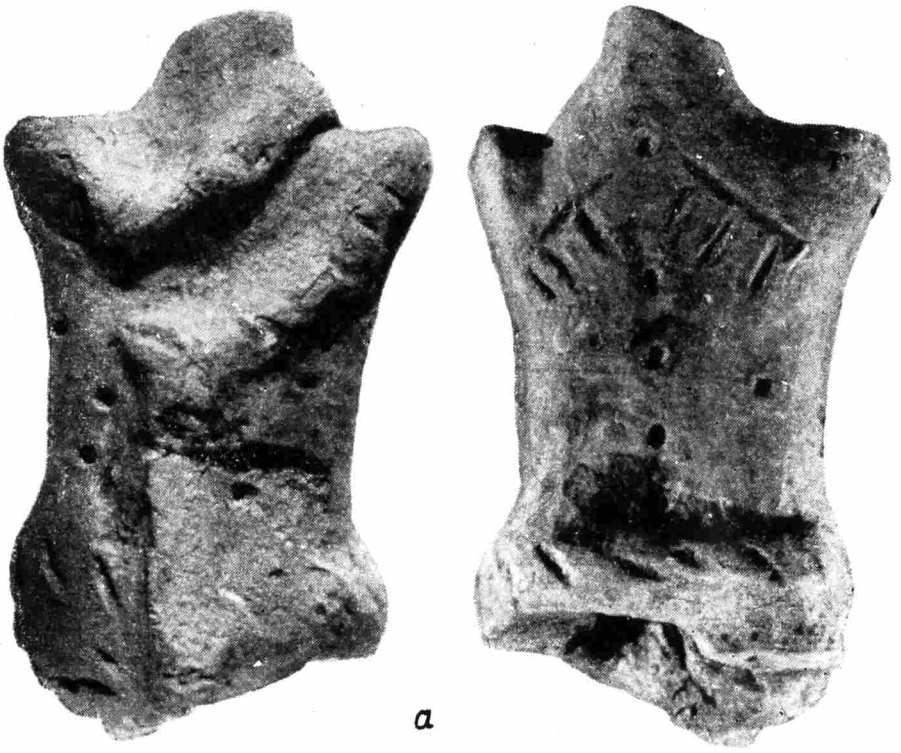
Любопытно, что положение поднятых кверху рук, видимо, должно быть связано с какой-то обрядовой стороной священнодействия и акт этот отражен не только в скульптуре описанного сосуда, но и в статуэтках, подчеркивая их ритуальный характер. Так, например, со статуэтками этого рода мы встречаемся в собрании из Сушкивки, в стилизованной форме в материалах Подолии, опубликованных Сецинским. Западнее они известны в замечательном рельефе из Чока (Cóka), в скульптурном изображении четырехпалой кисти руки, поднятой вверх и заменяющей ручку сосуда, найденной в Моравии (Брно) и относящейся к первому Дунайскому периоду. В материалах по второму Дунайскому периоду этот же сюжет прекрасно передает скульптура женщины с согнутыми в локте и поднятыми вверх очень массивными руками, найденная в Степановиче. Широкое распространение они получили в бюккской культуре. И, наконец, небольшие статуэтки, могущие быть рассматриваемы под тем же углом зрения, встречены и в Бутмире. Столь значительный ареал этого скульптурного сюжета свидетельствует о каком-то схожем круге религиозных идей, объединяющем огромную территорию, заселенную раннеземледельческими племенами, и удерживающемся в их быту долгое время.

Другим сюжетам, например фигуркам с опущенными к низу живота руками, составляющими как бы треугольник, или изображению человека с одной рукой, положенной на плечо, а другой — опущенной к низу живота и держащей, видимо, какой-то предмет, а также фигурке, имеющей на спине схематично изображенные крылья (рис. 15, *а*, *б*), мы аналогий пока не нашли, хотя в собраниях кикладских скульптур этот жест нашел свое выражение.

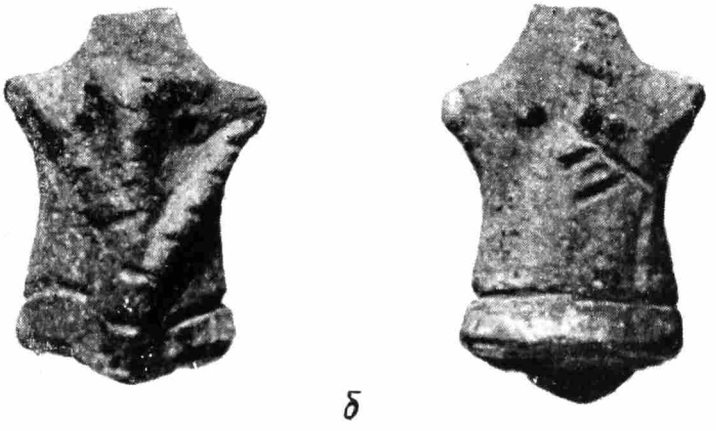
III

Скоро исполнится 50 лет со времени первых исследований в области Триполья и 53 года с момента открытия первых остатков этой культуры. Свыше тысячи поселений трипольской культуры известны у нас в СССР, многие из них всесторонне изучены, особенно в последнее время

[1] Между прочим, совершенно явное подражание согнутым в локте рукам передано на ряде ручек от сосудов.



а



б

Рис. 15. Лука-Врублевецкая. Терракоты (н. в.).

Т. С. Пассек. Построена периодизация памятников Триполья и, наконец, сделаны весьма остроумные попытки вновь рассмотреть вопрос о генезисе трипольской культуры, исходящие от такого видного знатока неолита, каковым являлся Е. Ю. Кричевский. Однако можно ли сказать, что

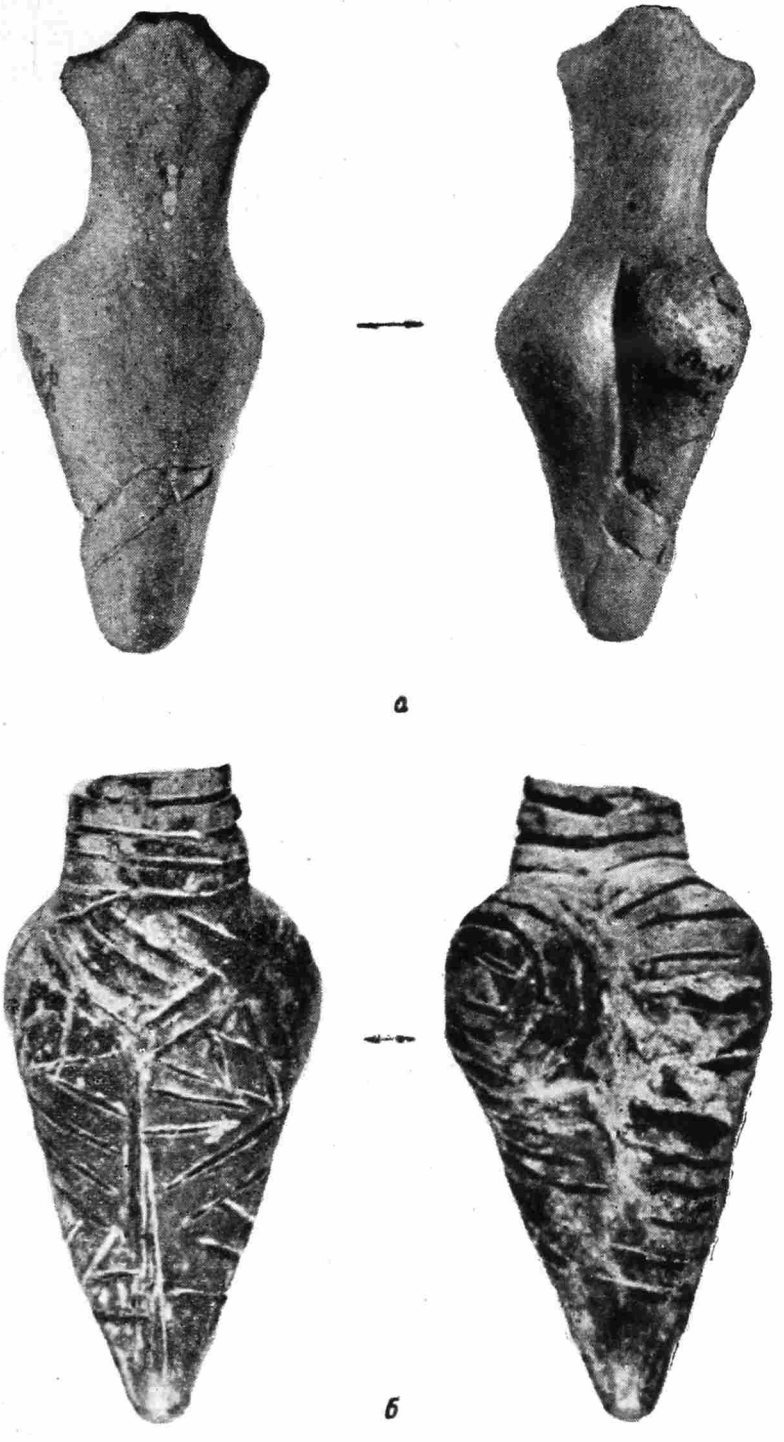


Рис. 16. Лука-Врублевецкая. Терракоты (н. в.).

последний вопрос уже решен? Повидимому, еще нет. Периодизация памятников собственно Триполья базируется на фактическом материале, поэтому отдельные этапы трипольской культуры дают более или менее строгую эволюционную схему внутреннего ее развития. Если же говорить об истоках Триполья, то здесь дело обстоит совсем иначе. Генети-

ческие построения не находят себе достаточно прочной основы из-за отсутствия фактического материала, поэтому большая часть их остается в мире догадок и отдельных сопоставлений, создающих ошибочное впечатление о привнесении трипольской культуры с ее характернейшей чертой, расписной керамикой, извне. Вовсе не отрицая того факта, что связи трипольской культуры (если их можно так называть) ведут нас на юг и юго-восток Европы, мы все же должны внести существенный корректив в генетические построения, в том числе и гипотезу, поддерживаемую Е. Ю. Кричевским. Пока мы имели дело с памятниками раннего Триполья (такими, как Попив-город, Сабатиновка, Борисовка, а может быть, и Саврань), где наряду с древней прочерченной керамикой бытует и расписная, их можно и должно было рассматривать как наиболее раннее проявление Триполья. Но с открытием нижнего слоя Извоар, несмотря на ограниченную публикацию, был получен первый сигнал о выявлении какого-то более древнего исторического пласта.

При изложении нашего материала из раскопок в Луке-Врублевецкой мы относили его к дотрипольскому возрасту, имея в виду принадлежность его к более древнему историческому пласту, из которого во взаимодействии с другими компонентами возникает трипольская культура.

Сопоставляя керамический комплекс из Луки-Врублевецкой с керамикой архаических памятников Триполья, мы отметили уже, что целый ряд прочерченных орнаментальных мотивов является общим для обоих комплексов. Однако в архаическом Триполье наряду с прочерченной керамикой бытует и расписная орнаментика, которая почти не отмечена в собраниях из Луки-Врублевецкой. Этот факт нельзя рассматривать как какое-то локальное проявление того же архаического Триполья; совокупность материалов позволяет выделить собрания из Луки-Врублевецкой и отнести к стадии, предшествующей Триполью.

В этом отношении решающее значение приобретают наблюдения в Извоаре, контролирующие положение материалов из Луки-Врублевецкой в стратиграфической колонке раннеземледельческих поселений Украины.

Известно, что в Извоаре имеют место два культурных слоя, не вызывающие сомнений в их стратиграфической расчлененности. Нижний слой содержит материал, вполне аналогичный материалу из Луки-Врублевецкой, что не трудно определить при сопоставлении керамических комплексов, не имеющих еще росписи.[1] Верхний слой Извоара заключает в себе керамику с полихромной росписью и, естественно, должен быть отнесен к более позднему времени, совпадающему с архаическим Трипольем. Может быть, по возрасту верхний слой Извоара синхронизируется с поселениями Попив-город, Сабатиновка, Саврань и др.

Таким образом, на основании сопоставления керамических комплексов и стратиграфического положения их по Извоару можно притти к определению дотрипольского возраста материалов из Луки-Врублевецкой. Это заключение еще более подчеркивается целым рядом признаков, отличающих собрания из Луки-Врублевецкой от раннетрипольских.

Различия эти очень ощутимы в орнаментике и в формах сосудов. Достаточно указать, что излюбленный мотив спирали в памятниках Триполья представлен в керамике и пластике из Луки-Врублевецкой

[1] Очень интересны исследования поселений медно-бронзового века в Месопотамии, производившиеся в последние десятилетия. На многослойных месопотамских поселениях с полной несомненностью установлена эволюционная преемственность керамики: от нарезной или прочерченной орнаментации к расписной орнаментике.

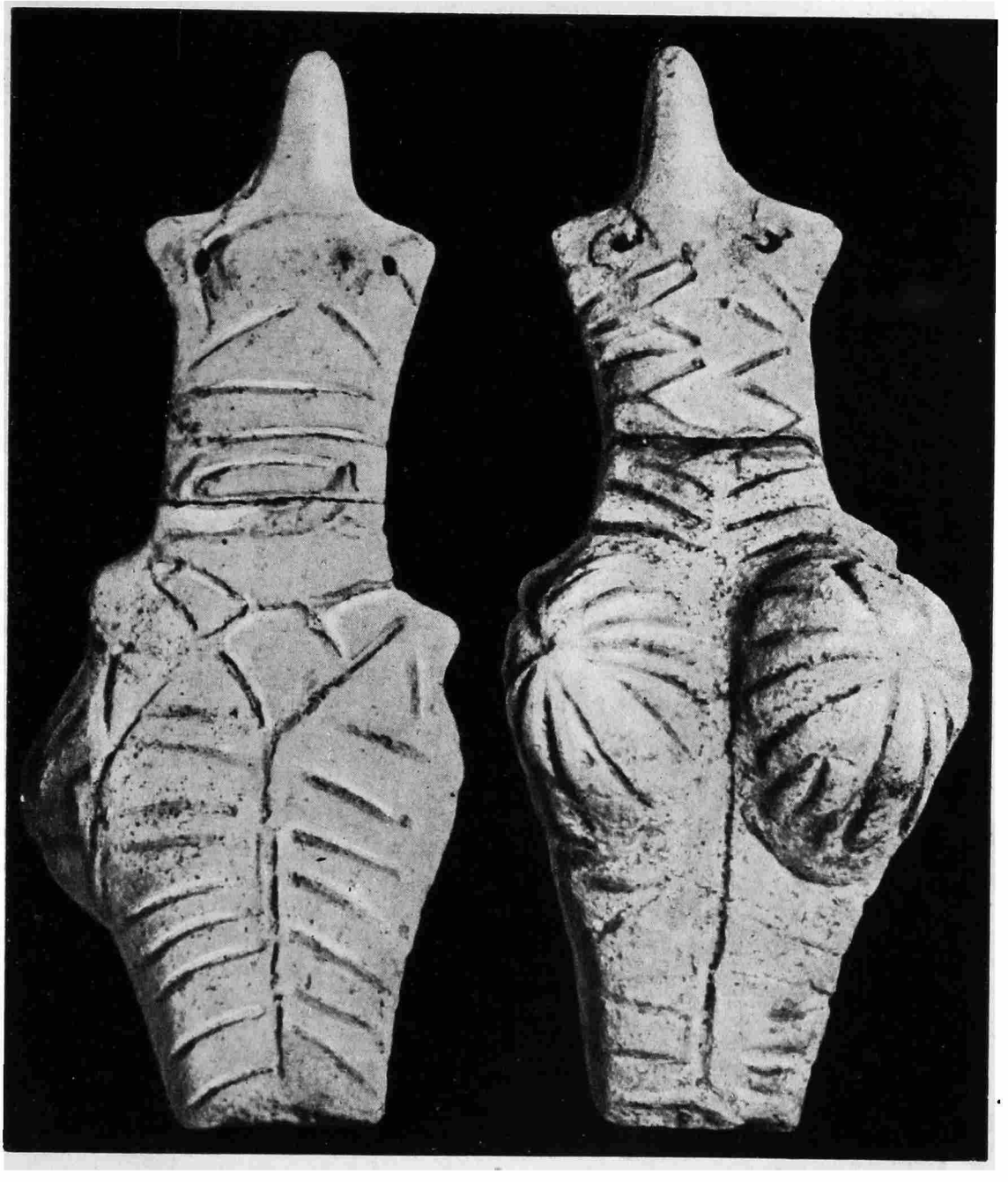


Рис. 17 Лука-Врублевецкая Статуэтка (н. в.).

всего лишь 4—5 случаями на многие тысячи фрагментов керамики (рис. 6, *а*, *б*; 8, *б*).

Сопоставление форм домостроительства Триполья с домами полуземляночного типа в Луке-Врублевецкой тоже свидетельствует о существенных различиях.[1] В поселениях типа Лука-Врублевецкая нет знаменитых «глиняных площадок», и, может быть, те открытые очаги с глиняной обмазкой пода, отмеченные нами в раскопах I и II, являются зачатками будущих монументальных сооружений домостроительства в Триполье.

Трипольская пластика тоже имеет свои отличия от пластики памятников типа Луки-Врублевецкой, Гигаешти, Извоар и др. Однако пластика нижних Кукутен и некоторые находки, сделанные на Украине (Гринчук и др.), дают основание рассматривать их как генетически родственные.

Очень отличает поселение Лука-Врублевецкая от памятников трипольского круга содержимое культурного слоя. Он, в отличие от трипольских местонахождений, буквально насыщен, кроме керамических обломков, костями животных и кремнем. Явление это не наблюдается в памятниках Триполья и вновь возрождается лишь на поздних этапах его развития; оно нашло свое объяснение в гипотезе Е. Ю. Кричевского, видевшего в этом процесс трансформации экономического уклада трипольского земледельческого общества в скотоводческое. Несмотря на стройность гипотезы Е. Ю. Кричевского, она все же в свете собраний из Луки-Врублевецкой не остается неуязвимой с точки зрения оценки роли животноводства в Триполье и вопроса датировки некоторых позднетрипольских памятников. И, наконец, само расположение поселения Лука-Врублевецкая на первой надпойменной террасе под 1.5—2-метровой толщей суглинка решительно отделяет его от круга памятников собственно трипольских и, наоборот, сближает с памятниками типа Гигаешти, Извоар, Брага.

Поселение в Луке-Врублевецкой нельзя рассматривать и как один из вариантов локального развития Триполья. Этому решительно противоречит не только контролирующее значение стратиграфии Извоара. Совсем недалеко от Луки-Врублевецкой, в иных топографических условиях, находятся такие мощные очаги трипольской культуры, как Дарабаны, Кадиевцы и целый ряд других, находящихся еще ближе (в 1.5—2 км). Тут же в окрестностях отмечено много поселений с монохромной и нерасписной керамикой, представляющей более поздние этапы развития Триполья. Допустить, что, находясь в таком окружении, культура Луки-Врублевецкой не испытала на себе их влияния, конечно, едва ли возможно.

Таким образом совокупность данных приводит нас к выводу, что материалы из Луки-Врублевецкой настолько своеобразны, что не укладываются в наши представления о характере Трипольской культуры.

Приведенные факты позволяют отнести поселение в Луке-Врублевецкой к дотрипольской стадии, некоторые черты которой вошли затем в качестве весьма заметных компонентов в архаическое Триполье. Вывод этот имеет пока достаточно ограниченное значение и касается Триполья, т. е. восходящего пути развития. Является ли культура типа Луки-Врублевецкой местной, т. е. выросшей на еще более древней основе неизвестных еще неолитических памятников, или сама она принесена откуда-то

[1] Последующие раскопки установили полное сходство жилищ из Луки-Врублевецкой с жилищами культуры линейно-ленточной керамики.

извне — остается еще не выясненным. Однако, связь ее с памятниками Дунайско-Балканского круга может быть отмечена в общности ряда керамических изделий, наличии тонкостенной черной лощеной посуды, канелюрованной керамики, изделий типа печаток (pintader) и некоторых орнаментальных и фигурных сюжетов в пластике. Труднее определить место для материалов из Луки-Врублевецкой в общем потоке культурно-исторического развития раннеземледельческих племен юго-восточной и южной Европы. Затруднения эти вытекают прежде всего из мозаичности культур, имеющих и сходства и различия, сложившихся на обширных территориях центральной, южной и юго-восточной Европы в IV—III и II тысячелетиях до нашей эры.

IV

В разделе статьи, посвященном описанию добытых раскопками материалов, говоря о находках пластических фигурок, мы отметили, что некоторые из них по орнаментальным и сюжетным мотивам имеют свои аналогии в памятниках Дунайского бассейна и Балкан. Не может не обратить на себя внимания другое наблюдение, быть может, тоже отражающее единство религиозно-магических представлений у племенных групп Балкано-Дунайского бассейна и юга СССР.

Просматривая достаточно большие серии статуэток из трипольских и западных раннеземледельческих поселений, невольно обращаем внимание на факт очень редких находок статуэток в целом виде. Еще А. Скриленко, в руках которой побывало немалое количество пластических изображений женщин трипольского времени, отметила: «Почти все они находятся во фрагментарном состоянии, что, конечно, препятствует точному подразделению на те или другие виды. . .». Позднее на это обратил внимание и Гамченко.

Козловская, изучая комплекс из Сушкивки, отмечает преднамеренность уничтожения не только статуэток, но и других предметов, в том числе, видимо, по аналогии с древнегреческим миром, и посуды. Таким образом, — наивно заключает Козловская, — человек выражал свою боль по умершему. Милонас в одном погребении бронзовой эпохи около Старого Фалерона в Аттике нашел группу переломанных статуэток, из которых составлялась только одна. Милонас объясняет это явление апотропаичностью культа. К нему присоединяется и Маевский в объяснении поврежденных мраморных фигур в Кикладских погребениях. К слову сказать, Усатовские курганы тоже заключали разбитые фигурки людей. Но эти последние факты относятся к погребальному культу.

Можно без преувеличения сказать, что наши публикации буквально пестрят находками статуэток, обнаруженных во фрагментарном виде. Изломы чаще всего падают на поясничную область или шею. Это можно было бы объяснить наибольшей уязвимостью этих мест как наиболее непрочных в объемных пропорциях тела. Однако слишком переоценивать такое заключение не следует.

Мы не занимались исчерпывающим подсчетом соотношений фрагментов статуэток к целым, найденным на территории СССР, однако смеем думать, что этот подсчет будет близок к тому, что нами замечено сначала в наиболее полно опубликованном памятнике — Бутмире. На почти сотню фрагментов статуэток там найдено только шесть небольших стилизованных статуэток в целом виде.

В третьем томе сочинения Васича, посвященном пластике Винчи, опубликовано 427 пластических фигур, изображающих человека, однако только 27 из них найдены в целом виде и 19 составлено из фрагментов.

Что же касается памятников, расположенных на нашей территории, то в Грушевцах, например, найдено 45 только фрагментов статуэток, в Сушкивке — 29, в Евминке — 23 обломка, в Кадиевцах — 18, в Томашевке — 8, около Могилева-Подольска (раскопки Щербаковского) — 9 и т. д. В процессе раскопок в Луке-Врублевецкой, как сказано, найдено свыше 120 статуэток, т. е. больше, чем в каком-либо другом раннем памятнике, из них целыми оказались две-три штуки. Если навсегда отказаться от уже давно отвергнутой интерпретации статуэток как детских игрушек (Аильо), то явление это не может оставаться без внимания. Само по себе общепринятое мнение о связи статуэток с культовой сферой не объясняет их находок во фрагментарном состоянии.

Трудно допустить, чтобы скульптурные изображения занимали в жилище столь оживленное место, где им грозили неосторожности со стороны обитателей, невольно уничтожавших предметы поклонения. Этому решительно противоречат археологические и этнографические факты. Напомним, что в моделях жилищ из Попудни и Чичиркозовки местонахождение статуэток в доме фиксируется у стенки, рядом с печью, на специальном возвышении — жертвеннике (Чичиркозовка). Основная же масса статуэток встречается в жилищах и вне жилищ и, как сообщает Т. С. Пассек, «среди скоплений костей животных, раковин, фрагментов керамики», т. е., другими словами, среди бытовых отбросов.

Факт, подмеченный Т. С. Пассек, очень важен. Обожествляемые статуэтки женщин обычно окружались заботой и вниманием семейно-родовых общин, где культ матери-прародительницы — символ плодородия — занимал в магических идеях не последнее место, и наряду с этим мы знаем находки священных терракот в местах, вовсе не связанных с культом. Это могло быть или специальное уничтожение идолов-хранительниц домашнего очага вражескими племенами, что мало вероятно ввиду массовости находок, или же тут была какая-то иная причина уничтожения терракот. Мы допускаем, что в дотрипольскую эпоху и в собственно трипольскую матриархальный уклад родовых общин в его обычных проявлениях уже значительно ослабел. Все усиливающееся скотоводство, в том числе и разведение крупного рогатого скота,[1] очень серьезная экономическая роль охоты на лесную дичь — возвышали роль мужчины как добытчика. Земледелие тоже способствовало выдвижению мужчины на передний план экономической жизни общества. Если принять точку зрения П. П. Ефименко о лесном характере трипольской культуры, то в этом вопросе меньше всего остается места для сомнений. Лесное земледелие, требующее большой затраты мускульной энергии, являлось делом мужчин, во всяком случае на первых циклах подготовки и обработки почвы. Накопление родовых богатств и охрана их от посягательств враждебных племен выдвигали мужчину на роль защитника родовых ценностей. Вспомним в связи с этим находку боевого молота в Луке-Врублевецкой и находки боевых секир на трипольских поселениях, систематизированных Е. Ю. Кричевским. Все это вместе взятое приблизило мужчину к основным хозяйственным источникам жизни — земледелию, разведению скота и рыболовству (кости рыб в изобилии встречались в слоях Луки-Врублевецкой), где он занял ведущее положение. Общественная роль женщины суживается, женщина главенствует в жилище у домашнего очага, она является распорядительницей в хозяйстве дома.

---

[1] Об этом очень убедительно свидетельствует многочисленность находок костей в Луке-Врублевецкой и очень распространенный кремневый инвентарь, главным образом скребки, т. е. орудия, связанные с обработкой кожи.

Культ женщины — матери плодородия, видимо, продолжает еще существовать и выражается в установке священных жертвенников у того места, с которым более всего связана ее деятельность, а именно: в доме, у печи. Модели жилищ из Попудни и Чичиркозовки служат этому наглядным примером. И далее, женщина изображается за тем видом занятий, который более всего сближает ее с домом. Мы имеем в виду находку статуэтки в Сушкивке, где пластическая фигурка передает женщину, занятую растиранием зерна на зернотерке, а из старых находок, сделанных в Балтском уезде в Подолии, — женщину с ребенком на руках. Так, в свете приведенных данных рисуется скорее патриархально-родовой уклад дотрипольского и трипольского общества, чем матриархально-родовой.

Возвращаясь к вопросу о статуэтках, учитывая при этом, что основная масса их встречается при раскопках мест, не связанных с культом, учитывая, многочисленность находок и фрагментарность огромного большинства фигурок, мы можем притти к предположению, открывающему одну из завес, за которыми скрываются религиозно-магические представления. Пластические изображения женщины изготовлялись в массовом количестве, и изготовление их приурочивалось к каким-то определенным событиям. Может быть, это были весенние празднества, связанные с началом плодородия, по прошествии которых надобность в фигурках отпадала, и они либо предавались забвению, бросались в огонь или в воду, либо уничтожались как ненужный аттрибут. К слову сказать, на многих фигурках, помимо почти всем им присущих схематических особенностей в передаче изображения, лежит печать небрежности и поспешности в формовке, как бы подчеркивающие их массовость и кратковременность использования. Возможно также, что празднества эти в трипольское время были еще живым пережитком матриархата.

Исследователи много потрудились над расшифровкой женских изображений. Пикар, Майер, Шмидт и другие видят в них изображения богини плодородия. Блинкенберг придает статуэткам апотропаический характер, связывая их с погребениями, поскольку сами трипольские площадки рассматривались раньше как погребальные сооружения. Чайльд рассматривает их в связи с суммерийской богиней-матерью, Гергарт и Келлер — с финикийской Астартой или вавилонской Иштарь, Менгин — с Магна-матер. Гадачек видит в произведениях трипольской пластики заместителей жертв. За ним следуют Козловский и Цегак. Каждый из названных исследователей при анализе женских изображений пользуется близким ему материалом — от средиземноморской пластики эпохи бронзы до трипольских терракот. Действительно, образ женщины, ассоциируемый с плодородием, является почти общечеловеческим: отсюда и обожествление его в религиях сложившихся государственных образований Средиземноморья. Но являлся ли образ этот так же обожествленным в культе неолитических племен и племен эпохи ранней бронзы — остается недоказанным.

Обратимся к иной группе фактов, связанных с культом онгонов-леканов. Думается, что привлечение этого вида источников вполне закономерно, именно потому, что культ этот сохраняет наиболее древние реликты первобытного мышления. Вовсе не беря в расчет типологическое сходство между дотрипольскими фигурками с группой онгонов или леканов народов Сибири, проявляющееся иногда в изготовлении безруких существ с остроконечными головами или сходящимися в виде спеленутых «куколкой» ногами, множественность видов тех и других и ряд иных признаков, проследим лишь основную мысль ряда исследователей, занимавшихся онгонами. Все они единодушно заявляют, что взаимо-

отношения между онгонами и людьми, создавшими их, складываются не на началах обожествления онгонов и преклонения перед ними, а на договоре между человеком и духом, вселенным в онгон. Последний подвергается даже и биению, нападкам и прочим ущемлениям, если не выполняет своих функций. Это не божества, подобные пантеону божеств средиземноморских религий, а нечто иное, представляющее более первобытную форму еще недостаточно отвлеченного мышления. Разве не аналогичны культу онгонов Сибири десятки примеров, приводимых Фрезером в книге «Умирающие и воскресающие боги растительности»? Эти примеры сохранились до недавнего времени в быту многих народов Европы в обряде погребения карнавала, изгнания смерти, призвания лета, в обряде костромы и т. д. Основным действующим лицом этих обрядов чаще всего является женщина или изображение ее, причем в конечных фазах церемонии либо имитируется убиение женщины, или действительно уничтожается изображение ее. Это умерщвление божества, — замечает Фрезер, — отнюдь не является уничтожением духа, напротив, оно знаменует начало нового и более мощного проявления этого духа, связанного с началом нового цикла посева и взращивания семян.

Может быть, факт наличия статуэток в погребениях возможно объяснить, оставаясь в пределах названного обширного круга источников. Двойственность назначения их не должна смущать нас. Тот же Фрезер приводит убедительные примеры слитности представлений о смерти и рождении, о тождественности обрядов, объединяющих круг этих идей, отражающих их диалектическое единство, в котором смерть является источником жизни. Те же северные народы, принося в жертву остатки животной пищи духам-хозяевам леса или воды, просят о возрождении их.

Чукчи сжигают изображение Keretkun вместе с мусором, оставшимся после празднества, и пепел бросают в море, объясняя это тем, что возвращают морю всех убитых за время праздника зверей. Аналогичные случаи обращения с онгонами отмечены у ряда народов Сибири. Их уничтожают, заменяют новыми или хоронят (ительмены, буряты, гольды, томские ненцы и др.), причем формы уничтожения вполне аналогичны тем, которые приводит Фрезер. Это чаще всего сожжение, бросание в реку и редко выбрасывание. Д. К. Зеленин отмечает, что древнейшие изображения антропоморфных леканов имеют вид женщины (джули — гольдов, йерахи — чуваш и др.). Изображения женщины входят и в связку «охранителей» чукчей.

Онгоны чрезвычайно разнообразны по своим функциям: они служат как хранители и, наоборот, как источники злых начал, посредники при передаче болезней и исцелители, помощники на охоте и охранители стад, используются при гадании и т. д. Любопытно, что у северных народов вместе с культом зооморфных и антропоморфных онгонов отмечаются обряды, могущие пролить свет и на находки терракот животных в раннеземледельческих поселениях южной половины Европы. Так, например, на праздник зимнего солнцестояния — «Кормление созвездия Pegtittón» чукчи делают из жира, толченого мяса и листьев фигурки оленей. Их же изготовляют при появлении молодого месяца (Тан-Богораз). Этот же обычай наблюдался и у тунгусов. Между прочим, у русских в районе Курска во время весеннего разлива крестьяне бросали в воду печенья в виде птичек-куликов, чуваши во время засухи («воды нет у нас») пекли из теста или делали из дерева куклы и бросали их в овраг или поле (архив Н. Я. Марра). Эти обряды очень ярко отражают так наз. «заменные» жертвоприношения, и о них стоит напомнить в связи с находками изображений животных и птиц в дотрипольских и трипольских поселениях.

Приведенные материалы, конечно, не вскрывают семантики дотрипольской пластики, но дают основание для поисков объяснений значения некоторых групп терракот в наиболее архаических формах мышления, еще сохранявшихся на северо-востоке Азии. Да и не только на этой далекой и до недавнего прошлого почти изолированной территории. Отметим, например, интереснейший факт, дошедший из глубин истории верований и уцелевший несмотря на суровую догму ислама. Е. М. Пещерева, изучавшая культ «пиров» гончаров среди иранского населения в Средней Азии, сообщает, что при обжиге женщинами посуды в церемонию входит изготовление кукол — двух женщин или женщины и мужчины. С ними обращаются так же, как северные народы с добрыми леканами — охранителями и помощниками. И каждый раз при обжиге посуды изготовляются новые куклы, которые после церемонии прячутся, а затем, при накоплении их, хоронятся. Кстати, — замечает Е. М. Пещерева, — иранское население Средней Азии в разных случаях жизни прибегает к употреблению человеческих изображений. Эти реликты древних религиозных форм оказались настолько цепкими и живучими, что их не смогла вытравить даже мусульманская нетерпимость к воспроизведениям живых существ.

Итак, разгадка значения отдельных групп терракот еще впереди; собранные же факты лишь подчеркивают сложность этого вопроса, и домыслы о семантике их без привлечения этнографических источников вряд ли будут убедительны.

В заключение отметим одну любопытную находку черепов собак, сделанную в 1945 г. в процессе раскопки землянки. Эта находка имеет серьезное значение с естественно-исторической точки зрения, так как находки костей собаки, даже в трипольских поселениях, как отмечает В. И. Громова, редки. Однако еще большее значение имеет она с точки зрения познания религиозно-культовых представлений в дотрипольское время. У северной стенки жилого углубления на поселении Лука-Врублевецкая, под сильно прожженной лепешкой из глины, в 1945 г. были найдены два целых черепа собак, лежавшие почти рядом, один немного выше другого. Их положение в культурном слое не оставляет никакого сомнения в том, что мы имеем здесь дело со специальным захоронением. Б. Л. Богаевский, анализируя изображения собак в росписи на сосудах и в пластике, известные по памятникам трипольского круга, указал на важную роль этого животного в хозяйственном укладе как хранителя стад и посевов, оберегающего жилье, и помощника на охоте. Очень возможно, что захоронение черепов собак отражает апотропаический культ этого животного, культ охраны и сбережения жилья.

Черепа собак выполняли культовую роль, например у казахов, и предназначались для вселения в них духов болезней. По поверьям кумыков, черепа собак оберегают скот от болезней и злого глаза. Коряки тоже рассматривали собачьи черепа как охранителей.

Итак, приведенные материалы из раскопок поселения Лука-Врублевецкая не только проливают свет на бытовую и религиозно-магическую стороны жизни дотрипольских племен, но поднимают целый ряд принципиально важных вопросов, во главе которых, пожалуй, стоит вопрос о генезисе трипольской культуры.

С. А. СЕМЕНОВ

ЖАТВЕННЫЕ КРЕМНЕВЫЕ НОЖИ ИЗ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЛУКА-ВРУБЛЕВЕЦКАЯ НА ДНЕСТРЕ

Каменные серпы, состоящие из набора кремневых вкладышей вставленные в костяные или деревянные оправы, хорошо известны для эпохи ранней бронзы. Такого рода серпы первоначально принято было считать древнейшими. В дальнейшем археологические исследования дали и более простую форму серпа в виде полумесяца и даже прямой пластинки, хотя вполне убедительных доказательств жатвенного назначения их еще никем не было дано. Открытое С. Н. Бибиковым на р. Днестре в 1945 г. поздненеолитическое поселение Лука-Врублевецкая представило материалы, микроаналитическое исследование которых вносит новые данные о характере ранних серпов.

Серия кремневых орудий в форме небольших ножевидных пластин, переданная мне С. Н. Бибиковым для анализа, состояла из 10 экземпляров, отобранных среди значительного числа подобных кремней.

Все орудия носили одинаковые следы производственного применения их в виде интенсивной заполировки на определенных участках поверхности. Заполировка, имеющая степень зеркального блеска, располагается лишь с одного конца пластинки, сколотой с призматического нуклеуса; другой конец имеет матовую поверхность (рис. 1).

Заполировка присутствует как на «брюшке» пластины, так и на «спинке». На «брюшке» она идет от правого края пластины с убывающей интенсивностью. На «спинке» — от левого края, причем здесь интенсивно заполирована только первая грань. На трехгранных «спинках» заполировка иногда слабо захватывает и вторую грань, на двухгранных — лишь первую. На пластинках относительно мало подправляющей ретуши. Нет попыток зазубрить лезвие пластины. Рабочее лезвие не только заполировано, но и основательно затуплено упорным однообразным употреблением.

Существенные признаки говорят в пользу того, что эти орудия были вставлены в рукоятки, костяные или деревянные. Во-первых, бросается в глаза факт относительно большого распространения заполировки при малой длине пластин. В ряде случаев она захватывает половину общей длины пластинки, а на одной пластинке — $^4/_5$ всей длины. При употреблении без рукоятки такое протяжение заполированного края допустить невозможно.

Во-вторых, края незаполированного конца не имеют притупляющей ретуши. Они сохраняют остроту лезвий свежесколотого кремня. Зажим

таких орудий в руке крайне затруднителен, и производственное усилие в высшей мере ограничено.

В-третьих, значительная затупленность заполированного лезвия — признак, свойственный орудиям, заключенным в оправы, которые обусловливают длительность употребления.

Укрепление этих орудий в рукоятки, очевидно, производилось с помощью смолы или других вяжущих веществ, так как все говорит за то, что орудие сидело в оправе совершенно неподвижно. Впрочем, в деревянной и роговой рукоятке кремень может быть закреплен и без смолы.

Таким образом, перед нами орудие, которое можно отнести к группе ножей. Однако это не обычный домашний нож с разносторонними функци-

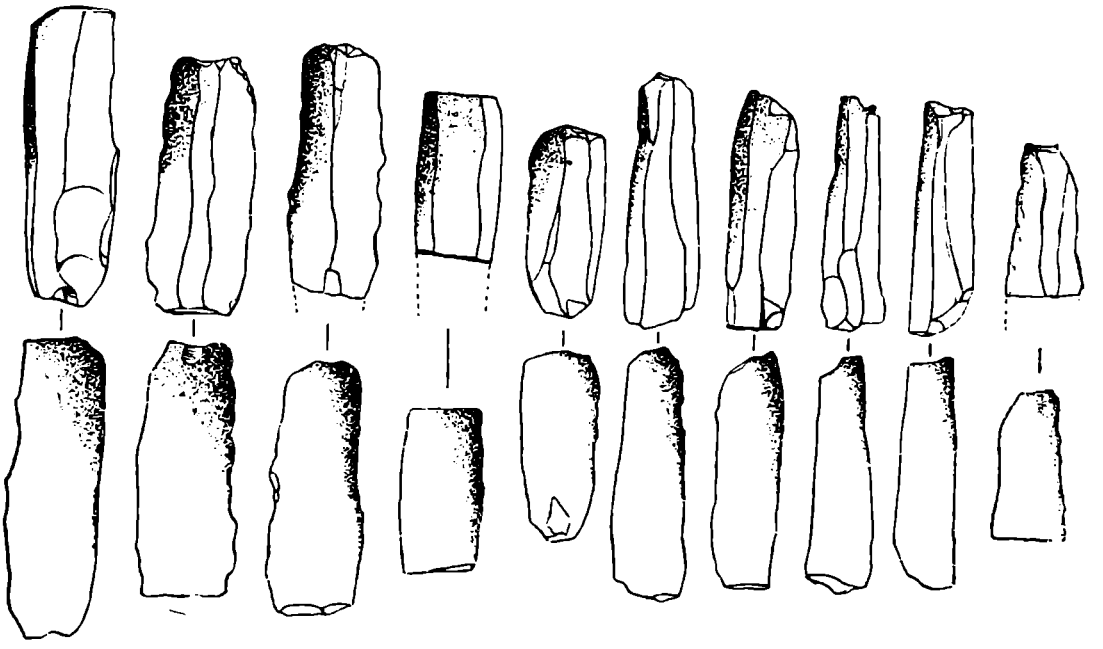


Рис. 1. Расположение заполировки на кремневых пластинках ($^1/_2$ нат. вел.).

ями резания, строгания и скобления, а специализированный, в котором какие-то особые функции преобладали над остальными, случайными.

Ножом работали правой рукой. Об этом можно заключить из того факта, что заполированность расположена на «спинке» пластинки с левой стороны, а на «брюшке» — с правой стороны рабочего конца. Следовательно, заполировка двухсторонняя.

Такое двухстороннее и широкое распространение заполировки наблюдается на палеолитических ножах, служивших для препарирования туш животных и резания мяса.

Однако исследуемые ножи носят на себе еще дополнительные следы, которые не могут быть объяснены функциями разделки туши животных. Эти следы, обнаруженные под бинокулярной лупой, двоякого рода.

Первые из них, случайные и слабо выраженные, сохранившиеся только на некоторых участках лезвия, являются тонкими царапинами, идущими поперек лезвия. Создается впечатление, что лезвием ножа слегка скоблили объект.

Эти мелкие поперечные случайные царапины отступают на задний план перед хорошо выраженными постоянными следами, т. е. желобками, имеющими направление п а р а л л е л ь н о е лезвию. Такого рода следы могли образоваться только в результате резания материала, имеющего относительно жесткую структуру.

Но перед нами не строгальные ножи по дереву или кости. Если бы этими ножами строгали дерево или кость, полоски не имели бы направления, параллельного лезвию. Кроме того, заполировка на спинке ножа легла бы только на первую грань (от давления стружки).

Тщательный микроанализ обнаруженных следов показал еще одну очень важную деталь, которая подводит нас к решению вопроса о функциях этих орудий.

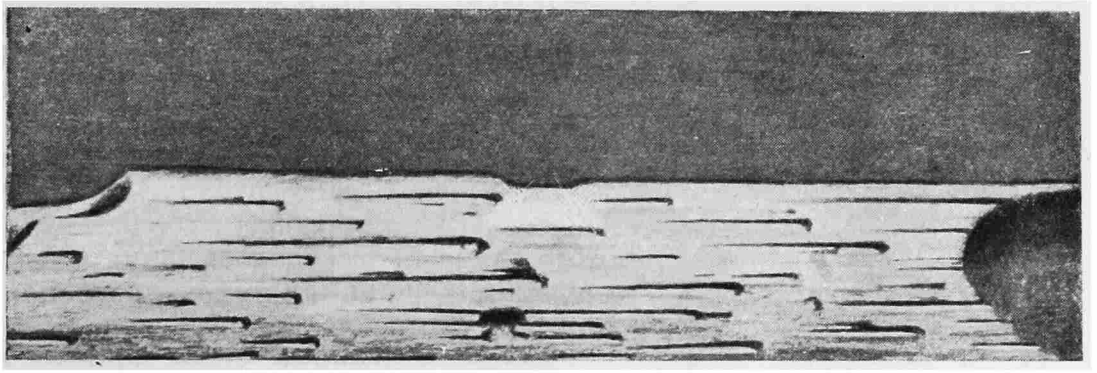


Рис. 2. Микрорисунок края лезвия кремневой пластинки с изображением следов (сделан под бинокулярной лупой при увеличении около 80 раз).

Желобки, как правило, имеют прерывистый характер. Они начинаются от ямок или лунок, уцелевших на заглаженной шероховатости кремня в виде более или менее коротких канальцев, сходящих на нет в направлении от рукоятки к рабочему концу ножа (рис. 2). Это направление для

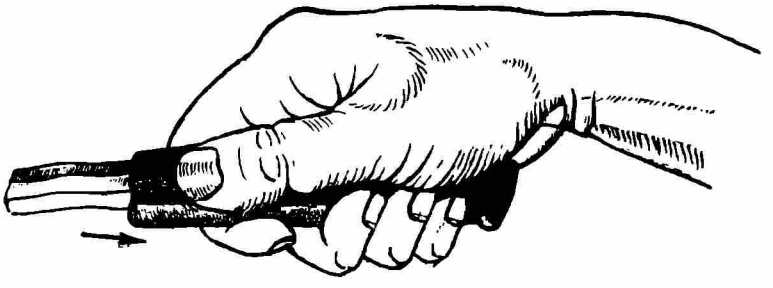


Рис. 3. Реконструкция жатвенного ножа и способ зажима его в руке.

всех ножей точно установлено. Оно говорит нам, что основная функция ножа, резание, производилась лишь в одном направлении — «к себе» (рис. 3).

Такое производственное движение руки имеет ограниченное применение. Можно указать на два примера: 1) резание кожи и 2) работу серпом. Но первый вариант отпадает. Неолитические и более поздние кожевенные ножи нам известны своей специальной формой.

Таким образом, если мы учтем все сказанное об установленных особенностях следов на кремневых пластинках — расположение и степень заполировки на плоскостях, характер и направление полосок, указывающих на производственное движение руки, на относительную жесткость разрезаемого материала—мы вынуждены будем притти к выводу о жатвенных функциях этих орудий. Другие выводы невозможно согласовать со всей совокупностью установленных признаков.

Перед нами, повидимому, самый древний вид серпа еще не известной формы.

Весьма вероятно, что такого рода жатвенные ножи, состоящие из одной кремневой пластинки, открыты и в других позднеолитических местонахождениях. Но в силу ограниченных возможностей типологического метода им давалось формальное определение («ножевидные пластинки») или они оставлялись без внимания.[1]

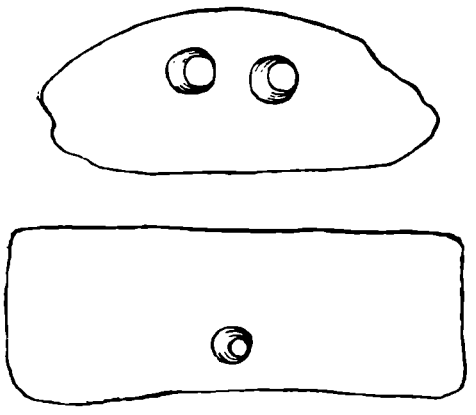


Рис. 4. Китайские жатвенные ножи эпохи Ян-Шао.

На вопрос о том, можно ли столь короткими серпами жать, дает ответ китайский энеолит Ян-Шао, исследованный шведским археологом Андерсеном.[2]

Там, как известно, в хозяйстве очень важную роль играло грубое просо (Sorgum vulgare), напоминающее гаолян. Жатва этого злака производилась полулунными и прямыми ножами из шлифованного сланца, которые употреблялись без рукоятки.

Такие жатвенные ножи широко распространены в неолите по юго-востоку Азии и Японии. Когда вошли в обиход металлы, в частности железо, древние китайцы продолжали делать жатвенные железные ножи по типу каменных.

В некоторых провинциях Китая подобный древний тип ножа-серпа сохранился до последнего времени для срезания проса и риса (рис. 4).

---

[1] В последнее время, с помощью микроанализа, обнаружена серия кремневых серпов среди материалов из Аннау, хранящихся в археологическом отделе Музея этнографии им. Петра Великого Академии Наук СССР в Ленинграде. Наряду с серпами, близкими к серпам Луки-Врублевецкой, здесь, однако, имеют место и вкладыши для составных серпов, характерных для более поздних этапов древнего земледельческого хозяйства.

[2] J. G. Andersson. Children of Yellow Earth, 1934, стр. 203, рис. 91.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ДРЕВНЕЙШИЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

В верховьях реки Лены, между Качугом и Верхоленском, у дер. Шишкино высятся скалы «Шишкинской шаманки», древней священной горы бурятских племен. Как это часто бывает, на чтимых шаманистами шишкинских скалах расположены древние наскальные рисунки, с наличием которых и связано, обыкновенно, почитание таких скал.

Писаницы шишкинских скал, ставшие известными еще в первой половине XVIII в., но затем забытые на двести лет, замечательны как своим обилием, так и разнообразием. Среди них может быть выделено поэтому несколько разновременных групп изображений. В том числе имеется одна группа, значение которой для древней истории выходит далеко за пределы Прибайкалья и Восточной Сибири, хотя она и представлена на шишкинских скалах всего лишь тремя изображениями.

Первый рисунок остался не замеченным нами при первоначальном беглом обследовании шишкинских скал в 1929 г., хотя он и является здесь самым крупным. Его удалось найти и полностью понять только при более детальном изучении всей колоссальной площади шишкинских скал, осуществленном в 1941 г.

Изображение это обнаружено неподалеку от старой шишкинской мельницы на самом верхнем ярусе обнажения красного песчаника, в районе условно выделенного нами «тридцатого камня», на высоте около 40—60 м над уровнем реки. Оно занимает бо́льшую часть вертикальной, слегка наклонной книзу, гладкой плоскости довольно большого утеса (рис. 1). Утес сильно выветрился и даже побелел от времени. Его поверхность местами стала ноздреватой и, несмотря на довольно значительную твердость песчаника, вздувается пузырями и шелушится, отпадая мелкими кусочками-пластинками.

Древний рисунок выполнен краской. С первого взгляда он издали может остаться незамеченным, так как его выцветшие и поблекшие линии сливаются с остальным скальным фоном и не имеют резко очерченных границ на местах соприкосновения с неокрашенной частью скалы. Издали сначала становятся заметными только две почти параллельные, довольно широкие полосы, пересекающие скалу сверху вниз, с плавным изгибом посредине. Затем, на более близком расстоянии, выявляются и другие части изображения, обнаруживаются его детали. Оказывается, что две параллельные широкие линии с плавным изгибом вверху образуют хвост животного, а кроме них имеются еще и другие, менее заметные линии, обрисовывающие большое туловище животного, его ноги и часть головы

Кое-где эти линии рисунка ощущаются только как еле заметное изменение общей светлой окраски скалы, переходящей постепенно в более темный и теплый розоватый оттенок. Местами они прерываются, так как камень здесь особенно сильно выветривается с поверхности (рис. 2). Краска, которой изображение нанесено, бледнокрасная с нежным лиловым оттенком в некоторых местах.

Животное изображено одним линейным контуром и строго в профиль, головой влево от зрителя. Размеры рисунка необычно велики: длина его 2.8 м, ширина (высота) 1.5 м (рис. 3).

Изображает он, судя по всем признакам, лошадь, о чем свидетельствует, прежде всего, наличие длинного и широкого хвоста, безусловно лошадиного по типу, а также характерная форма головы и общие очертания туловища. Туловище животного, в целом, массивное и относительно широкое, почти квадратное по своим пропорциям, с большим, выпуклым и как будто отвисшим брюхом. Голова коня по ее относительным размерам тяжелая, но небольшая, морда короткая, очерченная одной плавной и сильно выпуклой кривой линией, горбоносая, с мягко очерченным ртом. Верхняя губа значительно длиннее и больше нижней. Шея несоразмерно короткая и крутая, с резко подчеркнутым сразу же под ней выступом грудных мышц.

Соответственно общему строго профильному характеру изображения, на нем показаны только две ноги — задняя и передняя. Обе они, сравнительно с туловищем, довольно короткие. Нижняя часть обеих ног непропорционально короткая и тонкая. Они сильно изогнуты, и при этом задняя нога слегка откинута назад. Передняя же нога выдвинута вперед, и на ней отчетливо выделено копыто, наклонно поставленное на передний конец, как это бывает при ходьбе, когда лошадь поднимает ногу и ставит ее на землю. Копыто это изображено, однако, очень своеобразно: оно скорее напоминает короткую заостренную ступню. На задней ноге копыто нарисовано точно так же, как и на передней, но не столь заострено.

К сожалению, верхняя часть рисунка у головы и на спине не может быть прослежена полностью. Следует полагать, однако, что гривы здесь изображено не было, так как линия спины в этом месте вплотную подходит к нависающему над ней скалистому карнизу. Здесь хорошо виден небольшой горб, соответствующий реальному горбу над лопатками лошади. Далее, по направлению к хвосту, линия спины уцелела очень хорошо. Широкая и отчетливая, она плавной и слегка выпуклой кривой оконтуривает округлый круп животного и после этого расчленяется на три особых линии. Одна из них, верхняя, непосредственно переходит в наружную линию хвоста, другая отмечает впадину для репицы хвоста и выпуклость крупа, а затем очерчивает заднюю сторону ноги. Третья образует внутреннюю сторону хвоста.

Очертания хвоста намечены, таким образом, двумя параллельными широко расходящимися внизу толстыми линиями. Хвост длинный и пышный, широко распущенный внизу. Эта деталь, повидимому, имела особое значение в глазах художника как наиболее характерная видовая особенность изображаемого животного, почему он и придал хвосту относительно крупные размеры, одновременно подчеркнув его пышность. Особо тщательно выделен на рисунке, кроме того, кривой и загнутый вперед penis, с хорошо заметным утолщением на конце, должно быть в состоянии эрекции, не оставляющий сомнения в том, что художник ставил своей целью изобразить именно самца, жеребца.

Изображение лошади дополнено внизу, под хвостом, сильно пострадавшей от выветривания, но еще достаточно отчетливой в целом горизонтальной линией в виде зигзага. Можно было бы предположить, что

Рис. 1. Шишкино. Вид на скалу с изображением дикой лошади и на соседний участок долины р. Лены.

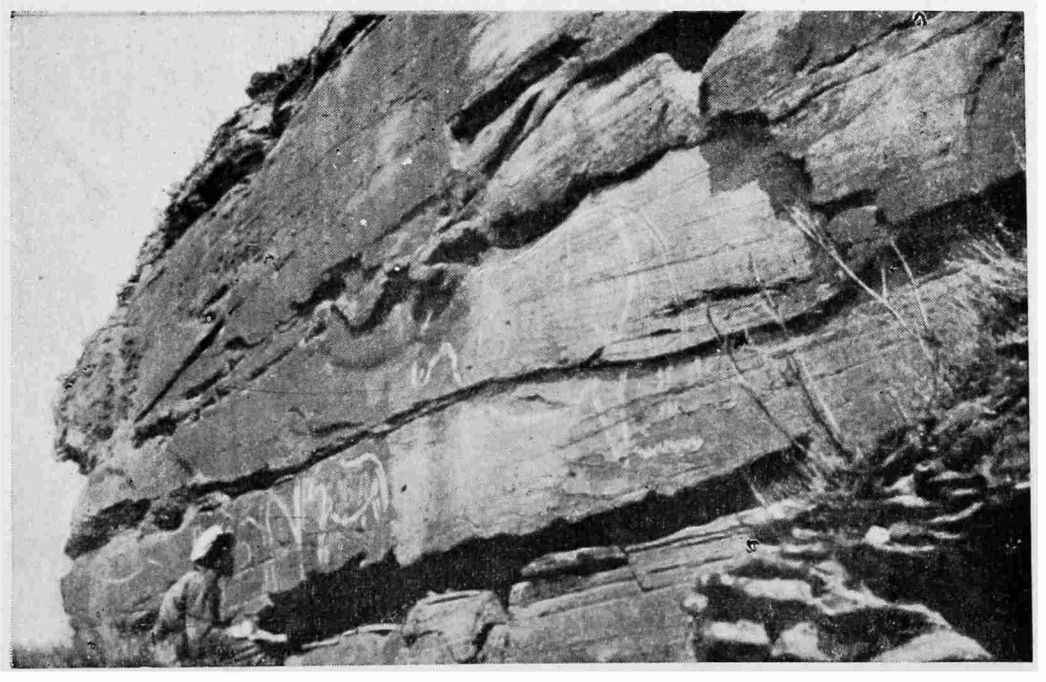


Рис. 2. Шишкино. Большой и малый рисунки дикой лошади.

этот зигзаг изображал бахромчатый низ хвоста, но такому допущению противоречит его значительная длина — левый конец зигзага вплотную соприкасается с коленным суставом лошади. Под брюхом коня имеется, кроме того, миндалевидная фигура, обращенная расширенным концом вверх, а заостренным вниз. Слева же от передней ноги коня видны, один над другим, два знака в виде овальных пятен, а с правой ее стороны такой же, но более широкий и искривленный в виде буквы L знак, лежащий горизонтально. Все эти знаки и зигзаг изображены, как и сама фигура коня, светлокрасной краской и заметны бывают только лишь после смачивания скалы водой и при самом внимательном рассматривании ее влажной поверхности. Как и основной рисунок, они сохранились лишь на древней скальной поверхности, не тронутой выветриванием.

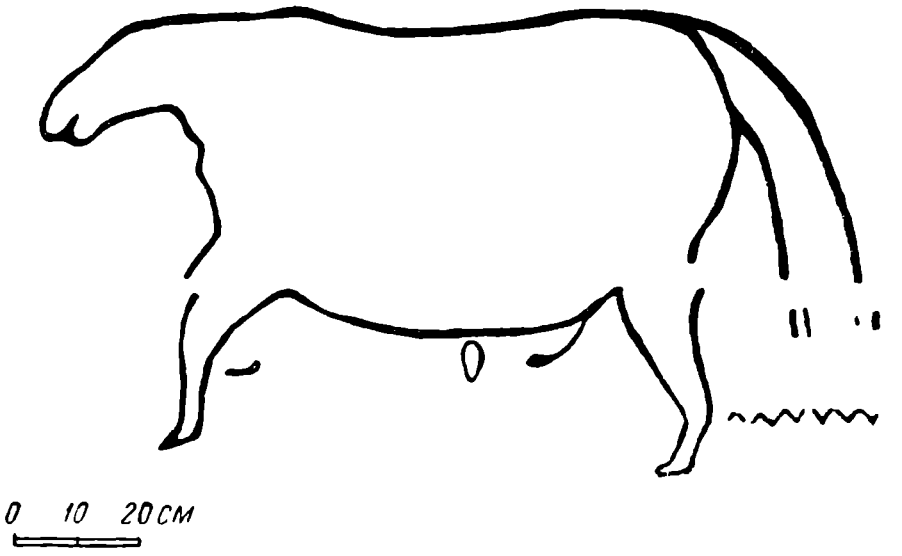


Рис. 3. Шишкино. Изображение дикой лошади (большой рисунок).

Вполне допустимо, следовательно, полагать, что эти дополнительные знаки одновременны основному изображению и связаны с ним внутренним смыслом, хотя окончательной уверенности в этом нет.

Особо следует отметить, что вся огромная фигура животного рассечена по горизонтали широкой продольной трещиной. Верхняя часть скалы при этом выдается над нижней в виде небольшого карниза, а линии рисунка оказываются не только разорванными, но и смещенными в горизонтальном направлении. В результате создается впечатление, что после нанесения рисунка скала была разорвана горизонтальной трещиной, а нижняя часть ее сильно опустилась и осела таким образом, что сместилась на несколько сантиметров вправо. Благодаря этому разошлись и линии рисунка.

Во всяком случае трудно предполагать, что древний мастер был настолько беспомощен, что не смог совместить простых вертикальных линий своего рисунка на пересеченной трещиной плоскости скалы.

Этот факт выразительно свидетельствует о древности описанного рисунка. О том же говорит и степень сохранности скалы, на которой он нанесен; верхний слой ее ниже изображения коня полностью уничтожен выветриванием. Изображение сохранилось только потому, что над ним выступает уже отмеченный выше карниз, предохраняющий его от дождевой воды.

Но еще определеннее о глубокой древности изображения свидетельствует оно само — сюжетом своим и стилистическим характером.

Что касается сюжета, то описанное изображение лошади явилось в 1941 г. единственным в своем роде среди рисунков, сделанных краской, не только на Лене, но и вообще в Сибири. На древнейших ленских и других сибирских лесных писаницах, выполненных красной краской, которые можно в большинстве случаев датировать неолитическим периодом или бронзовым веком, из числа звериных изображений обыкновенно чаще всего встречаются лосиные фигуры, выполненные в хорошо известной, характерной и стилистически устойчивой манере. Рисунки же лошадей, тем более такого размера и стиля, среди них до сих пор еще ни разу не встречались.

И это вполне понятно, так как в неолите и развитом бронзовом веке таежных районов на верхней Лене господствовал такой же, как сейчас, таежный ландшафт с соответствующей ему фауной.

Лошадь — животное, по преимуществу, открытых травянистых пространств. В условиях же сплошной хвойной тайги каменного века или бронзовой эпохи на верхней Лене, где, как и в других таежных районах Сибири, не было обширных лугов, дикая лошадь не смогла бы существовать.

Кроме сюжета, шишкинский рисунок лошади отличается от неолитических рисунков животных и от близких к ним по времени изображений бронзового века также и своими стилевыми чертами. В нем нет той особенной графической четкости, того зрелого реалистического совершенства и художественной законченности, которые сразу же выделяют произведения неолитических мастеров среди всех других писаниц.

Он выполнен в совершенно другой, широкой и размашистой манере. Мастер смело и решительно вычерчивает широкими линиями контуры большого тела животного. Но он не в состоянии точно взвесить соотношение частей изображаемого тела, а затем скомпановать их и представить на плоскости в таких же соотношениях, как в действительности. Он был столь же решителен, сколь и неопытен. В его работе много непосредственного и вместе с тем детски-наивного. Можно сказать, что от нее веет дыханием подлинной архаики, настоящим младенчеством искусства, в то время как произведения неолитических мастеров отмечают наиболее высокий уровень, которого достигло в своем развитии реалистическое искусство древних племен Сибири.

Полностью исключена также возможность датировки описываемого изображения лошади более поздним временем, т. е. железным веком.

Правда, если в неолитическое время и в бронзовом веке на наших лесных писаницах вообще не встречаются изображения лошадей, то многие местные писаницы железного века, курумчинского типа, часто изображают одних только лошадей. Наглядным примером могут служить, прежде всего, десятки и сотни изображений на тех же шишкинских скалах в ближайшем соседстве с большим рисунком коня. Но достаточно одного взгляда на курумчинские изображения лошадей, чтобы сразу же отказаться от попытки найти в них что-либо общее с этим рисунком.

Писаницы железного века, оставленные носителями курумчинской культуры, древними курыканами орхонских надписей выполнены в совершенно другой технике; по всему своему облику, по стилю и, наконец, размерам они совсем не похожи на описанный огромный рисунок лошади.

Таким образом, располагая здесь же, на шишкинских скалах, необходимым материалом для сравнения с наскальными изображениями различного типа и времени, мы могли в 1941 г. констатировать, что описываемое монументальное изображение коня не только по своему местонахо-

ждению на одном из самых высоких и обособленных уступов шишкинских скал, но и по всему облику стояло особняком от всех остальных изображений, покрывающих эти скалы.

Остальные шишкинские рисунки своим обилием и разнообразием только подчеркивают специфические особенности и резче оттеняют своеобразный облик этого рисунка, тем самым еще больше усиливая его изолированность.

Мы не можем, следовательно, датировать данный рисунок ни железным веком, когда изображение лошади являлось господствующим сюжетом в писаницах, ни бронзовым веком и неолитом, когда их вовсе не было на Лене.

Остается только одна возможность — отнести данное изображение к более раннему времени, чем эпоха бронзы и неолита, т. е. к палеолиту. И как раз именно в это отдаленное время, как показывают раскопки многочисленных палеолитических поселений, дикая лошадь была обычным жителем сухих и безлесных территорий Старого Света, простиравшихся на многие тысячи километров — от нынешних арктических островов до северного Китая, от Маньчжурии до Пиренеев.

Об этом давно уже писал И. Д. Черский, указывавший, что «нахождение столь многочисленных остатков лошадей внутри полярного круга, как животных, требовавших хорошего подножного корма, . . . имеет для нас значение, равносильное с нахождением там же костей и других представителей более южных широт Сибири (тигр, сайга, благородный олень), так как свидетельствует о значительно изменившихся с тех пор климатических и ландшафтных условиях Северной Азии».[1]

Обилие диких лошадей в четвертичное время на территории Сибири подтверждается тем, что в списке фаунистических остатков, собранных Ново-сибирской экспедицией 1885—1886 гг., кости дикой лошади занимали по своему количеству второе место: северному оленю принадлежат 794 кости (133 особи), лошади 659 костей (от 50 особей).

М. В. Павлова подсчитала, что в числе костей, собранных на севере Сибири в 1900—1903 гг., преобладают кости дикой лошади: их было 275 из 540 экземпляров.[2]

За стадами этих животных, находивших обильную пищу в степях и, отчасти, в тундрах позднеледникового времени, следовал во время своих охотничьих предприятий первобытный человек, кисти и резцу которого принадлежат нередко изумительные по своей реалистической силе и живости изображения диких лошадей того отдаленного времени. Простота и общая схематичность шишкинского рисунка не позволяют, к сожалению, с полной уверенностью судить об отношении изображенной на нем лошади к определенным породам древних лошадей. Исследователи фауны палеолитических памятников полагают, что в западноевропейских рисунках того времени отражены конституциональные особенности лошадей трех основных пород. Первая порода «лесная», крупного размера, от которой произошли современные европейские породы домашней лошади. Изображения этих лошадей относят к более раннему, домадленскому времени. Вторая порода лошадей, о которой можно судить

---

[1] И. Д. Черский. Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, стр. 68—69. — В. И. Громов. Краткий систематический и стратиграфический обзор четвертичных млекопитающих. В сб. «Академику В. А. Обручеву к 50-летию научной и педагогической деятельности», т. II., М.—Л., 1939, стр. 188.

[2] М. В. Павлова. Описание ископаемых млекопитающих, собранных Русской полярной экспедицией в 1900—1903 гг. Научные результаты Русской полярной экспедиции 1900—1903 гг. под начальством барона Э. А. Толля. Отдел С. Геология и палеонтология, вып. 7-й. Зап. АН, сер. физико-математического отд., т. XXI, СПб., 1906, стр. 3.

по изображениям мадленской эпохи, степная, сходная с лошадью Пржевальского, низкорослая и большеголовая, сплошь покрытая густой шерстью. Третья — тарпан.

Мы должны ограничиться констатацией того только факта, что в шишкинском рисунке с характерной для палеолитического искусства полной отчетливостью переданы главные и наиболее существенные черты реальной дикой лошади, с ее тяжелым массивным телом, горбоносой мордой и широким пышным хвостом, причем общий облик животного вызывает в памяти скорее всего образ лошади Пржевальского (рис. 4).

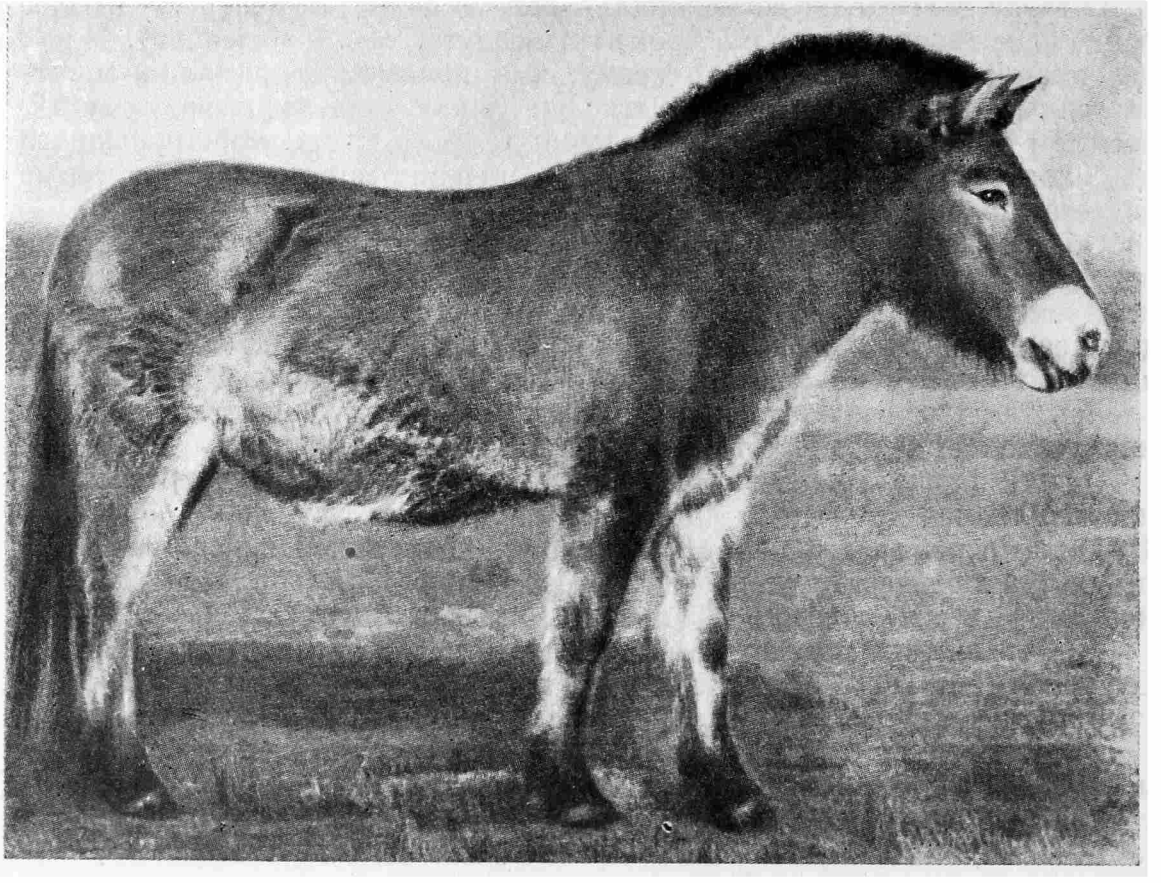


Рис. 4. Лошадь Пржевальского.

Сравнивая далее рисунок из Шишкино с сохранившимися до нашего времени западноевропейскими изображениями лошадей палеолитического времени, нетрудно обнаружить в них признаки единства стиля, реалистического в основе. При этом, по общей манере выполнения — довольно грубой и простой, а также по контурному характеру рисунка, ленское изображение лошади кажется наиболее близким скорее самым ранним, ориньякским или солютрейским образцам западного палеолитического искусства, чем мадленским в их классических образцах.[1] Отсюда, впрочем, вовсе еще нельзя делать выводов о столь раннем возрасте данного рисунка, так как черты большей примитивности могут объясняться и некоторым общим упадком древнего реалистического искусства к концу палеолита во всем Старом Свете. Как известно, в последние моменты мадленского

[1] Ср. рисунки лошадей в Хорнос де-ла-Пенья и Кастильо (ориньяк), в Комарг (ранний мадлен), Ля-Пасьега, Ля-Пилета (поздний мадлен) и т. д. H. K ü h n. Kunst und Kultur der Vorzeit Europas. Das Paläolithikum, 1929, рис. 33, стр. 174—175, рис. 65. 66, табл. III.

времени снова наблюдается преобладание скупой линейно-графической манеры, близкой к ориньякской, над прежней иллюзионистической живописью ранних мадленских «импрессионистов».

Если взять эти поздние мадленские рисунки во всей их массе, то на фоне обычных «средних» рисунков, а не одних только самых выдающихся классических изображений, шишкинское изображение лошади не будет

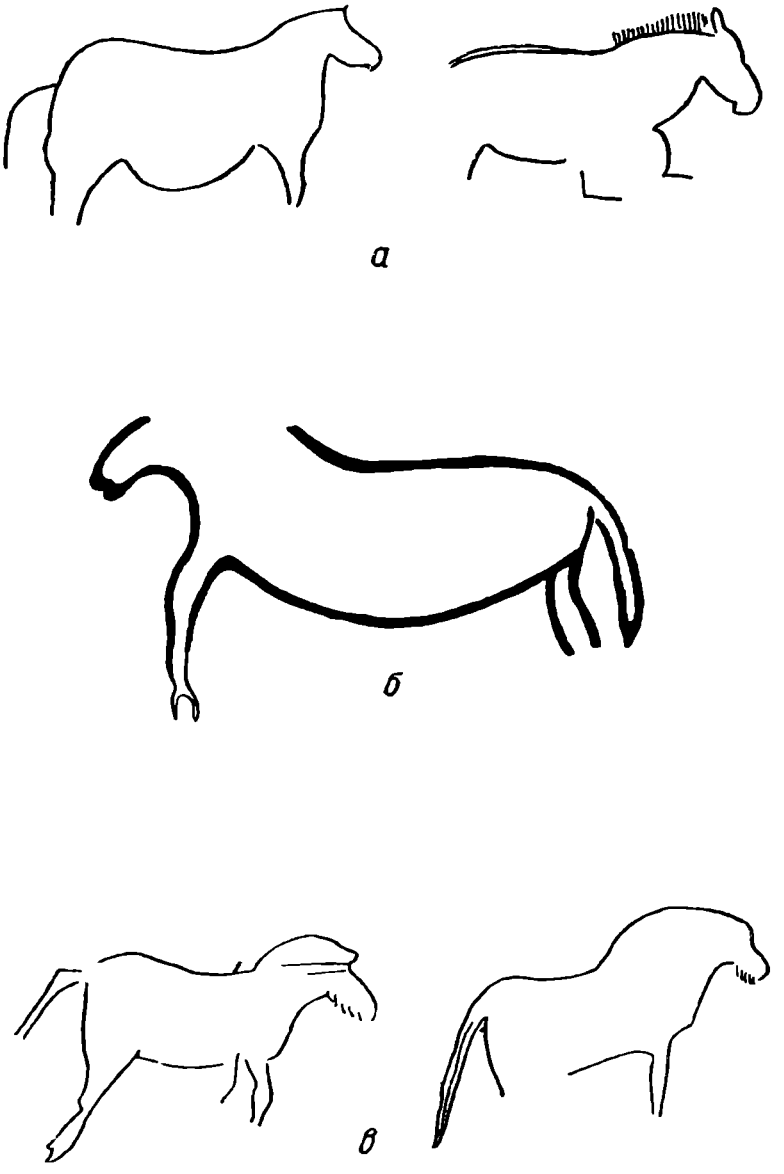


Рис. 5. Изображения диких лошадей.
а — Испания, *б*—Шишкино (малый рисунок), *в*—Франция.

особенно резко выделяться своей архаической манерой. Оно скорее сольется с ними (рис. 5 и 6).

Большой интерес представляют сами по себе исключительно крупные размеры описываемого изображения лошади.

Она изображена более чем в натуральную величину. Таковы же по размерам и многие изображения животных в палеолитической пещерной живописи Западной Европы. Известно, например, что в Альтамирской пещере, где полихромные изображения расположены на выпуклостях низко свисающего потолка каменной галереи, фигуры бизонов обычно имеют в длину около 1.5 м (1.29—1.75 м). Ту же величину имеют

изображения кабанов, т. е. они даны в действительно натуральных размерах, как и одно из изображений лани, достигающее 2.20 м.[1]

А. С. Гущин правильно, повидимому, объясняет эту черту палеолитической живописи стремлением изобразить животное наиболее точно, во всей его конкретности, в полном соответствии с действительным обликом и даже величиной, что в свою очередь вызвано производственно-магическими целями, руководящими первобытным художником.

Всего сказанного выше достаточно для того, чтобы признать описанное изображение лошади памятником искусства палеолитического времени.

Таким образом, шишкинский рисунок является реалистическим воспроизведением образа реальной дикой лошади, существовавшей на Лене в конце ледниковой эпохи. Он принадлежит кисти палеолитического человека той отдаленной эпохи, современника ископаемой четвертичной фауны конца ледникового и послеледникового времени.

До сих пор подобные наскальные или пещерные изображения палеолитической эпохи, выполненные в росписной технике, краской, не только восточнее, но и западнее Уральского хребта, в пределах Восточной Европы, известны не были.

К палеолитическому времени относят только примитивные нарезки на стенах одного из гротов Мгвимеви [2] на Кавказе и резные же рисунки различного рода в гротах «Каменной Могилы» у Мелитополя, часть которых сплошь закрашена охрой внутри линейных резных контуров.[3]

Сказанным определяется значение найденного в 1941 г. на шишкинских скалах рисунка лошади как первого не только в Северной Азии, но и во всей нашей стране красочного произведения первобытных палеолитических мастеров, первого образца их оригинальных росписей, оказавшегося там, где, казалось бы, его меньше всего следовало ожидать, — далеко на севере и востоке от Пиренейских гор и Средиземного моря, в верховьях одной из величайших рек Северной Азии, уходящей отсюда еще далее на север, в глубь арктических пространств, к суровым берегам Ледовитого океана.

Нельзя не вспомнить в этой связи, что в свое время П. А. Кропоткин, впервые обративший внимание на ледниковые отложения Сибири и на террасы Лены с толщами лёссовидных суглинков, содержащих ископаемую четвертичную фауну, тогда же признал глубокую древность ленских скал в их современном виде. По словам исследователя, «они и теперь сохранили ту самую форму, которую имели в то время, когда у подошвы их отлагались постплиоценовые осадки, ибо поверх этих осадков мы находим лишь самое ничтожное количество осыпей даже и там, где они не могли быть снесены водою».[4]

Это утверждение знаменитого исследователя, пионера четвертичной геологии Восточной Сибири, а вместе с тем и высказанные выше положения о глубокой, палеолитической древности изображения лошади, обнаруженного в 1941 г., получили новое подкрепление в столь же неожиданных и столь же счастливых находках 1947 г., после которых описанный выше

---

[1] А. С. Гущин. Происхождение искусства. М.—Л., 1937, стр. 67. — E. Cartailhac, H. Breuil. La Caverne d'Altamira à Santillane près Santander (Espagne), Монако, 1906, стр. 81—108.

[2] С. Н. Замятнин. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатури. СА, III, М.—Л., 1937, стр. 57—77.

[3] М. В. Воеводский. Важнейшие открытия советской археологии в 1938 г. ВДИ, № 1, 1939, стр. 250. — О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. МИА СССР, № 2. Палеолит и неолит СССР, М.—Л., 1941, стр. 126—139.

[4] П. А. Кропоткин. Отчет об Олекминско-витимской экспедиции. СПб., 1873, стр. 185—186.

замечательный рисунок перестал быть единственным в своем роде и изолированным.

Первая такая находка была сделана в ближайшем соседстве с описанным большим изображением лошади на «тридцатом камне».

Это было второе изображение того же самого животного, значительно меньшее по размеру, но по своим стилистическим признакам настолько близкое к нему, что его можно было бы считать копией большого изображения, если бы не некоторые частные отличия в деталях и пропорциях.

Оно оказалось на той же скале и всего лишь в 3—4 м от большого рисунка, несколько ниже его по вертикали, у левого края скалы.

Рисунок не был обнаружен в 1941 г. из-за степени сохранности этого изображения, выполненного такой же красной краской, как и первое: краска настолько выцвела и слилась с основным красноватым фоном

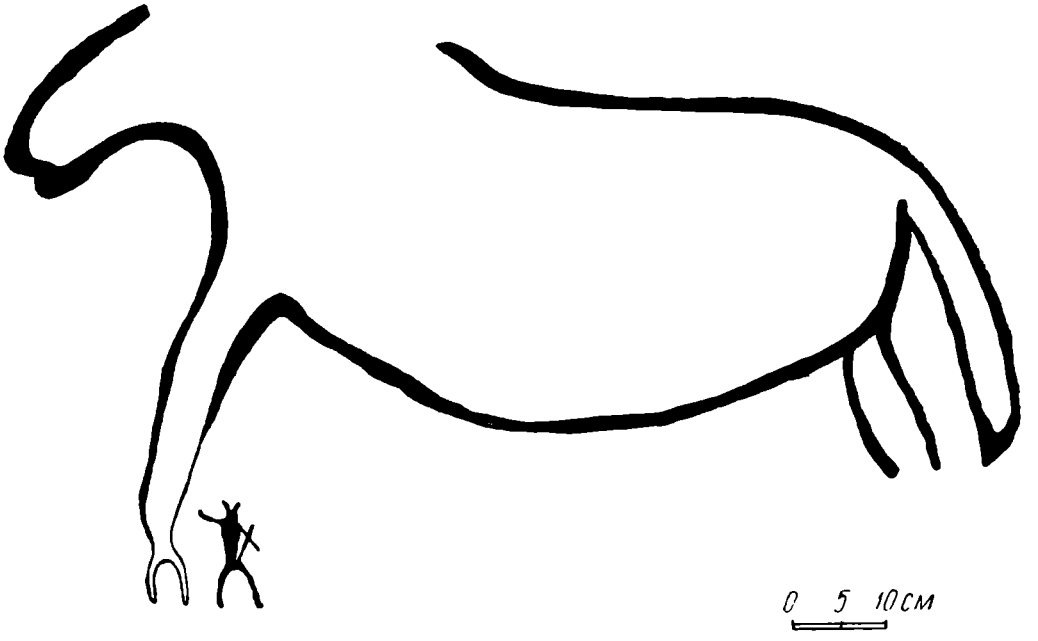


Рис. 6. Шишкино. Изображение дикой лошади (малый рисунок).

скалы, что сначала был обнаружен лишь хвост животного, а затем, уже при детальной и тщательной промывке скалы, обнаружились остальные части изображения, тоже выполненные одной лишь толстой контурной линией.

Лошадь, как и на первом рисунке, дана в строго профильном изображении, с головой, обращенной вниз по течению реки и влево от зрителя. Туловище ее такое же тяжелое и массивное; брюхо очерчено широкой выпуклой дугой. Спина же у головы круто выгибается кверху и переходит в широкую толстую шею, поднятую кверху. Голова совершенно такая же, как и на первом изображении, только более суженная книзу. Рот отмечен аналогичным вырезом губ, довольно массивных и утолщенных. Хвост, в отличие от большой фигуры, сохранился здесь целиком. Он заканчивается не бахромой, а косым срезом. Так, вероятно, заканчивался и пострадавший от выветривания хвост большой лошадиной фигуры. Ноги малого коня нарисованы более схематично, а нижние части их сильно пострадали впоследствии (рис. 6, 7). Длина изображения — 1.18 м, ширина — 64 см.

Интересно, что внутренняя поверхность изображения, между его внешними линейными контурами, была сплошь зашлифована в более позднее время. Судя по широкому распространению техники вышлифовки

писаниц в курыканских рисунках, именно к курыканскому времени и следует относить работу нашего шлифовальщика. Такое внимание курыканов к древнейшему изображению лошади, конечно, не случайно. Страстные коневоды, у которых культ коня, несомненно, занимал важное место в жизни, курыканы не могли равнодушно пройти мимо этого столь близкого им по сюжету рисунка. Глубокая же древность последнего только увеличивала его культовое значение и должна была придавать ему в глазах позднейших почитателей божественного коня отпечаток таинственного, сверхъестественного происхождения и особой святости.

Третий рисунок из этой серии древнейших изображений на шишкинских скалах найден был также в 1947 г., но отдельно от остальных, на «двадцать восьмом камне», в его среднем ярусе. Он изображает быка. Местонахождение этого рисунка тоже было предварительно осмотрено в 1941 г., но открыт он был, как и второй рисунок лошади, при специальном тщательном изучении шишкинских скал в 1947 г. И здесь сначала я увидел лишь одну косую полосу выветрившейся и выцветшей красной краски. При тщательной промывке скалы на этой полосе оказалась отчетливо прорисованная широкая кисточка и линия хвоста над ней. Затем обнаружилось туловище зверя; появились ноги и голова, и перед нами неожиданно вырос новый представитель изчезнувшего животного мира прошлых эпох — дикий бык, изображенный в совершенно такой же стилистической манере и теми же техническими приемами, как и две ранее описанные фигуры лошадей (рис. 8, 9).

Находка такого изображения, по стилю и технике аналогичного фигурам лошадей, особенно ценна и важна тем, что дикие быки столь же характерны для палеолита Сибири, как и дикие лошади.

Остатки диких быков обнаружены уже в старейших палеолитических поселениях Сибири — Мальте и Бурети. В древних жилищах Мальты и Бурети найдены не только кости конечностей быков, но и целые черепа этих животных. Быки, вместе с лошадьми и куланами, продолжают населять обширные открытые пространства Сибири и после исчезновения важнейших представителей «мамонтовой фауны» верхнего палеолита — сначала носорога, а затем и самого мамонта. Многочисленные остатки быков рассеяны и в вечномерзлых толщах северной Сибири, вплоть до далеких островов арктических морей, а совсем недавно в золотоносных песках р. Колымы были найдены мягкие части трупа дикого быка четвертичной эпохи с приставшими к его шерсти самородками золота.

Никаких бесспорных следов существования дикого быка в последующее время на территории сибирской тайги и тундры, однако, не встречено. Единственным исключением является только во многом еще загадочная находка зубов домашнего быка на стоянке М. Мунку вблизи Олекминска, где наличие быка можно объяснить соседством с районами древнего скотоводства в степях Забайкалья и Монголии, откуда в самом конце неолита мог спорадически проникать рогатый скот и на среднюю Лену.

Очень показательны в этом отношении и древнейшие наскальные изображения таежных областей Сибири, где нет ни одного рисунка быка. Его не могло быть здесь, кроме средней Лены, в позднем неолите, по той причине, что дикий бык, как и дикая лошадь, не мог бы прожить в тайге не только зимой, когда она покрыта глубоким снегом, но даже летом, потому что в глухом таежном лесу нет сколько-нибудь подходящего для корма коров травяного покрова. Да и в современной Якутии, как известно, крупный рогатый скот требует больше всего усилий со стороны человека в зимнее время для его пропитания и ухода за ним: для него именно строят на зиму теплые помещения, хотоны, в прошлом составлявшие непременную часть якутского зимнего жилья (саха-балагана), где коровы проводили

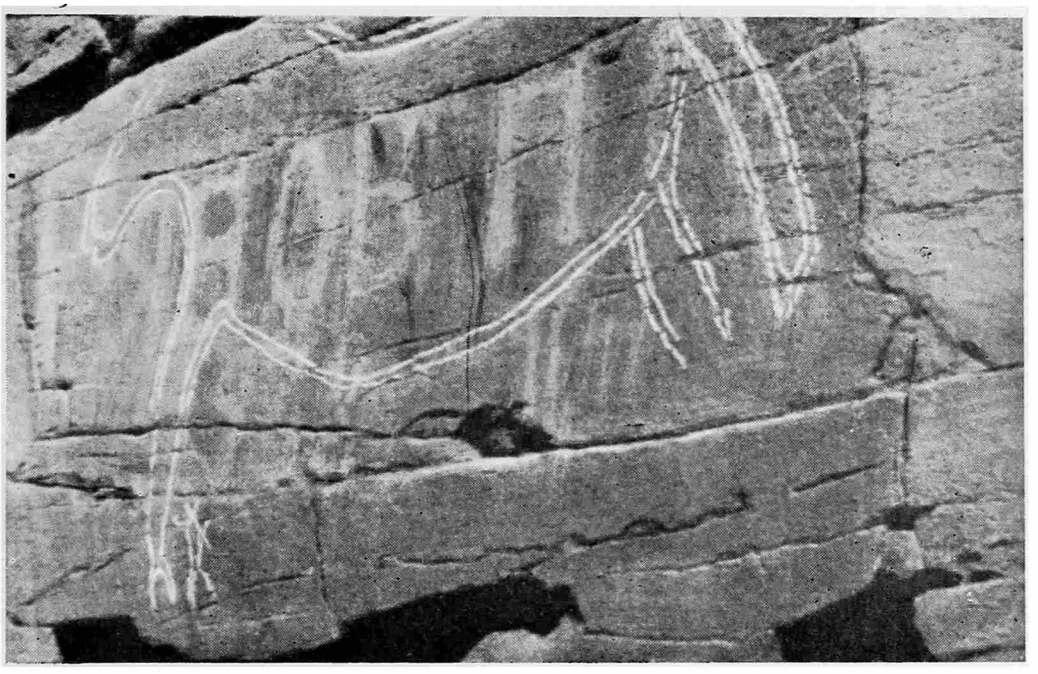


Рис. 7. Шишкино. Изображение дикой лошади, малый рисунок.

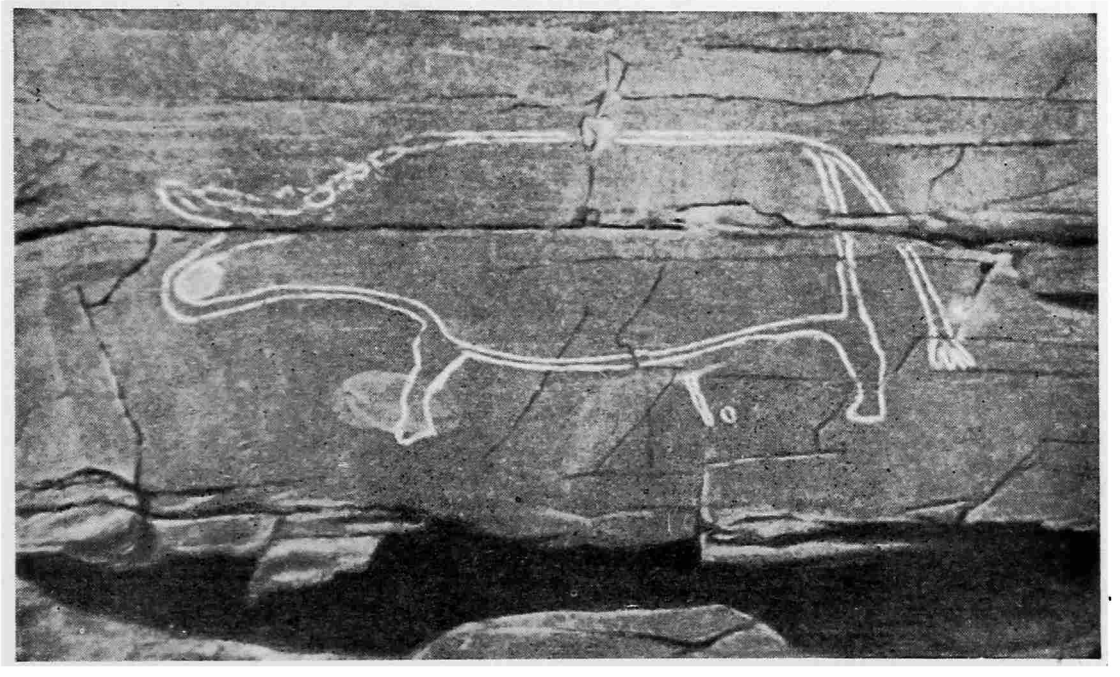


Рис. 8. Шишкино. Рисунок дикого быка.

долгую северную зиму в тесном соседстве с людьми, дышали одним воздухом, пользовались теплом от одного общего очага.

Открытие на шишкинских скалах этого своеобразного и архаического по стилю изображения быка еще более подкрепляет и усиливает, таким образом, высказанное мною уже в 1941 г. мнение о палеолитическом возрасте древнейших ленских рисунков.

Изображение находится под глубокой трещиной в скале, на высоте около 3 м от уровня пола карниза (рис. 8, 9). Фигура животного в длину имеет 1.12 м, в ширину — 0.55 м. Она прорисована по контуру широкой полосой красной краски вдоль туловища. Ноги животного внутри контуров сплошь закрашены краской. Бык показан, как и обе лошади на предшествующих двух изображениях, строго в профиль. Головой он также обращен влево, т. е. вниз по реке. Туловище его тяжелое и грузное, почти прямоугольное. Линия спины животного прямая, около головы она круто

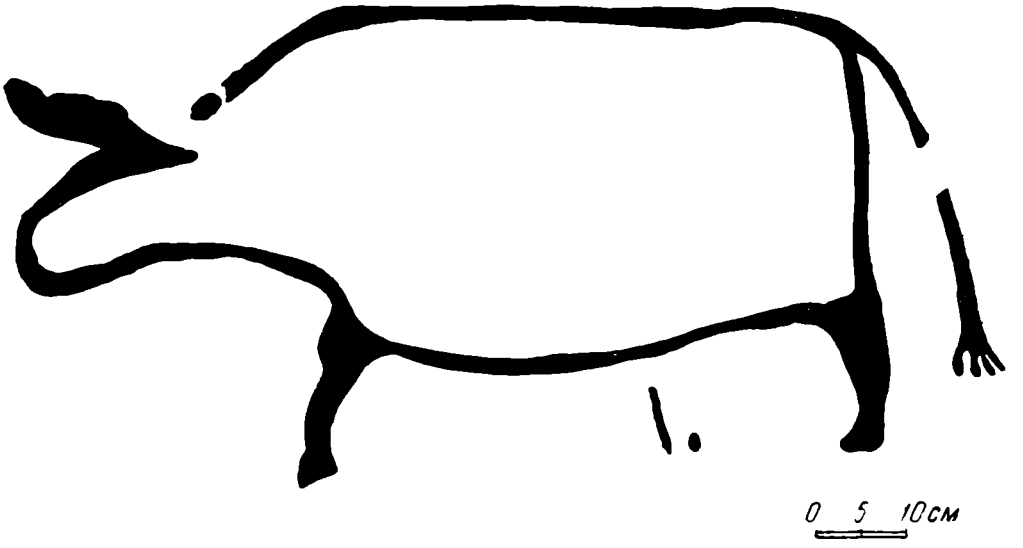


Рис. 9. Изображение дикого быка. Шишкино.

опускается вниз, очерчивая опущенную вниз широкую, типично бычью шею. Голова животного широкая и округлая на конце. Над ней заметны остатки выветрившихся рогов в виде широкой дуги, обращенной вверх и вперед. Хвост животного, толстый и прямой, вытянут наискось от туловища и утолщается к концу. На конце хвоста имеется широкая кисть с четырьмя округленными концами.

Брюхо животного слегка выпуклое. Ноги его короткие и кривые, копыта на них, особенно на передней ноге, обрисованы тщательно. Они тупые и массивные и, как на лошадиных фигурах, тоже в виде ступней. Заостренное внизу переднее копытце изображено при этом таким образом, что кажется, будто бык слегка поднял ногу над землей и ставит ее на передний, острый конец копыта, а не на его плоскую нижнюю часть. В таком же, как мы видели, положении изображено и копыто большой лошадиной фигуры.

Признаки пола на описываемом рисунке, как и на втором рисунке лошади, отсутствуют. Под брюхом его виден только знак в виде вертикальной палочки с округленными концами и расположенного рядом небольшого овального пятна. Оба дополнительных знака нанесены той же краской, что и весь рисунок.

В том, что на этом рисунке изображен именно бык, а не какое-либо другое животное, не может быть сомнений. Древнему мастеру удалось

живо и убедительно передать не только общий вид тяжелой фигуры этого животного, но и его характерную позу. Бык изображен с опущенной и вытянутой вперед головой; похоже, что он неожиданно остановился и застыл на ходу, как вкопанный.

Рисунок в целом вызывает впечатление грузной и тяжеловесной мощи. Вытянутый назад хвост, опущенная вниз голова и крутой горб при переходе от шеи к спине еще яснее подчеркивают это впечатление и придают изображению особый динамический оттенок; рисунок как бы заряжен неудержимой внутренней энергией и стремлением вперед.

Древний художник, оставивший это изображение, как и те мастера, которые нарисовали двух диких лошадей на шишкинских скалах, не был расточителен в своем искусстве. Тем не менее, даже и ограничивая себя самыми скупыми и сдержанными техническими средствами, он проявил не только превосходное знание натуры, но и замечательное уменье передать одним простым линейным контуром самое важное и существенное в изображаемом объекте.

Как изображение быка, так и фигуры лошадей одинаково просты и примитивны по форме, но они глубоко реалистичны, как и все вообще древнейшие, палеолитические изображения животных: от них одинаково веет той особенной свежестью впечатления и неистребимой жизненной силой, которые неотделимы от творчества первых художников человечества.

Бык из Шишкино является поэтому таким же далеким северным собратом замечательных быков с росписей Альтамиры в Испании, как и лошади Шишкино — лошадей прославленных пещерных росписей франко-кантабрийской области древнекаменного века.

Конечно, полного сходства в данном случае ожидать и требовать нельзя, так как следует учитывать хотя бы огромное расстояние, отделяющее верховья Лены от Франции, и различие между двумя основными группами палеолитических изображений — капсийских, с одной стороны, франко-кантабрийских — с другой, несмотря на их близкое соседство. Но тем интереснее, что, несмотря на колоссальные пространства, разделяющие долину Лены, с одной стороны, и Пиренеи — с другой, здесь снова может быть установлено не только самое общее соответствие между памятниками палеолитического искусства, но и некоторые более близкие совпадения.

Когда идет речь о верхнепалеолитическом искусстве Испании и Франции, обыкновенно вспоминаются сначала только полихромные изображения, в которых древние художники мадленского времени впервые в мире открыли тайны ракурса и, сами не сознавая важности своих открытий, приблизились к пониманию роли света в живописи.

Наряду с подобной «импрессионистической» живописью в той же Альтамирской пещере имеются, однако, и другие, несравненно более простые рисунки, выполненные краской одного цвета. Таков, например, один рисунок быка, выполненный черной краской.[1] Как и шишкинский рисунок, это — контурное линейное изображение, лаконичное и простое по форме. Еще ближе к шишкинскому рисунку совершенно аналогичные по стилю альтамирскому быку монохромные фигуры быков из Кастильо,[2] Хорнос де-ла-Пенья,[3] Пиндаль,[4] Салитре (на севере провинции Сантандер).[5] Изображение быка из Пиндаля сопровождается при

[1] E. Cartailhac et H. Breuil. La caverne d'Altamira, стр. 70, рис. 52.
[2] S. Reinach. Répertoire de l'art quaternaire. Париж, 1913, стр. 45, *9*.
[3] Там же, стр. 93, *1*, *2*, *3*, *4*.
[4] Там же, стр. 167, *4*.
[5] Там же, стр. 175, *1*, *4*, *5*, *6*.

этом круглыми и овальными пятнами, напоминающими аналогичные знаки на рисунке из Шишкино (рис. 10).

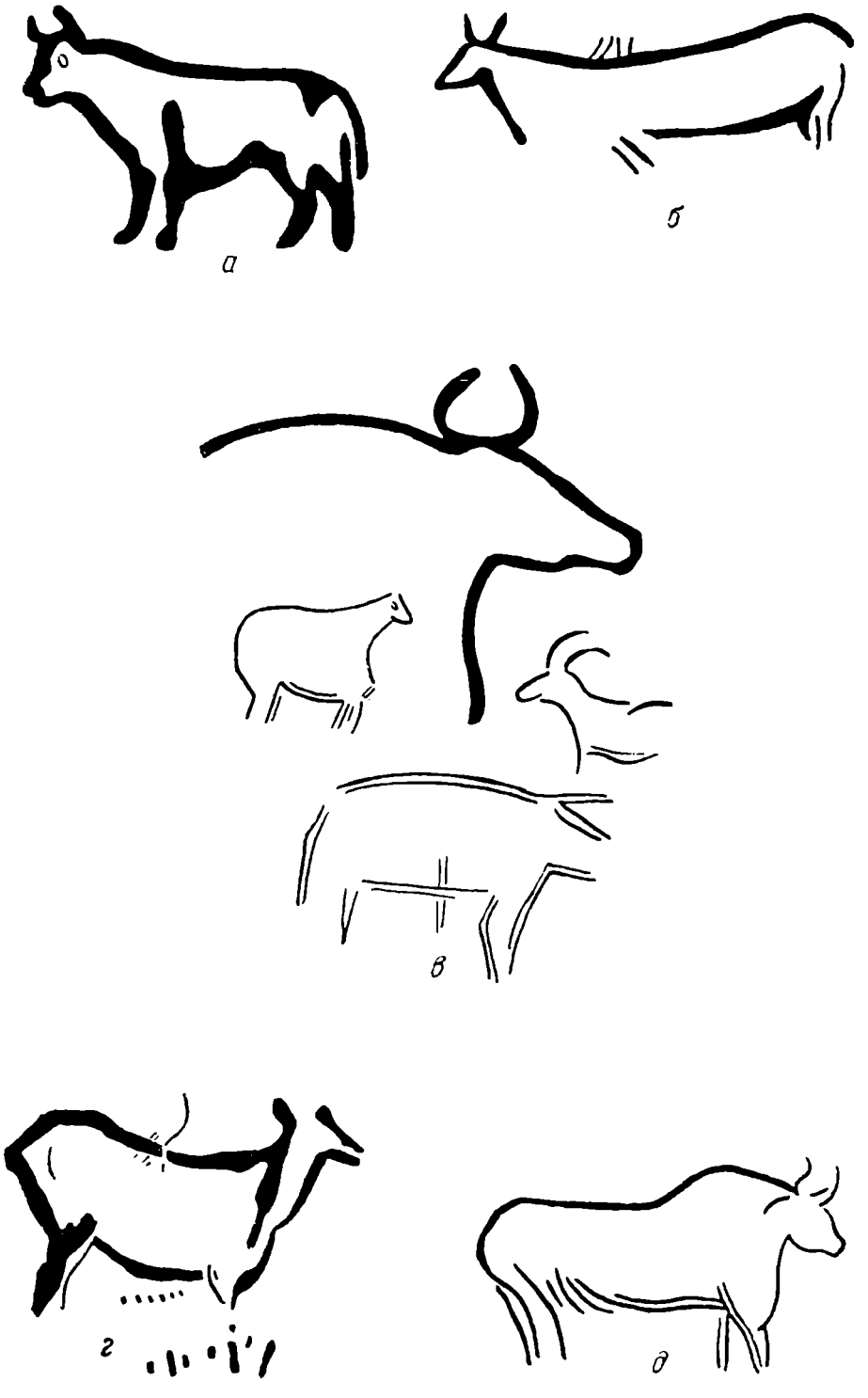


Рис. 10. Изображения диких быков.
а, д — Альтамира; *б* — Салитре; *в* — Хорнос де-ла-Пенья; *г* — Пиндаль.

Для изображений этой группы характерна не только строго профильная линейно-контурная манера или своеобразная сухая трактовка тела животного, но иногда и обыкновение рисовать не все четыре, а только две ноги — одну спереди и другую сзади. Тем же отличаются и шишкинские рисунки.

В свою очередь не остается изолированной и такая мелкая, но характерная деталь шишкинского изображения быка, как кисточка на конце хвоста. В таком же виде она известна и на палеолитических рисунках Испании каспийского цикла (рис. 11).[1]

В результате изучения шишкинских писаниц, таким образом, установлен факт, весьма важный для древнейшей истории Сибири и соседних с ней стран.

До сих пор существовало ни на чем не основанное мнение о слабой одаренности или вообще полном отсутствии каких-либо художественных способностей у той части палеолитического человечества, которая заселяла колоссальные пространства Северной Азии. Этот взгляд, связанный в своих наиболее глубоких корнях с расовой «теорией» и империалисти-

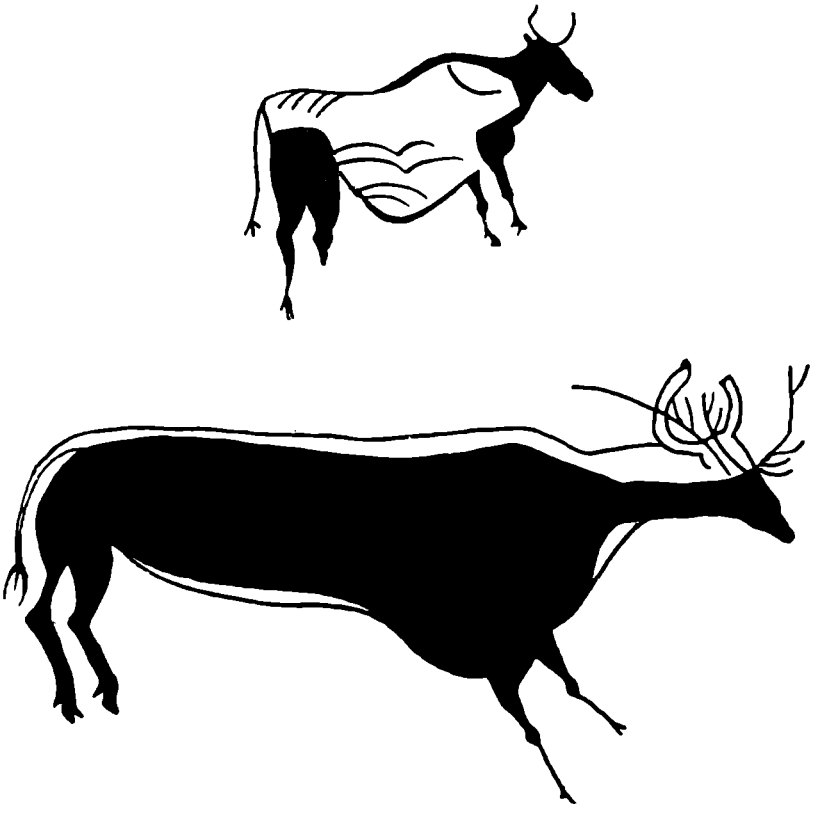


Рис 11. Изображения диких быков. Испания.

ческой практикой, был опровергнут неожиданным открытием первоклассных в своем роде образцов палеолитической скульптуры и графики в Мальте, а затем и в Бурети.

Но на Востоке нехватало таких образцов художественной деятельности первобытного человека, которые в той или иной степени можно было бы сравнивать с прославленными палеолитическими росписями Западной Европы, с удивительным реалистическим искусством мастеров Альтамиры, Фон-де-Гом, Кастильо и других памятников этого рода.

Вновь открытые на шишкинских скалах древнейшие рисунки свидетельствуют о том, что реалистическое искусство палеолитических росписей вовсе не было чуждым палеолитическому населению восточных частей Старого Света. Более того, как уже говорилось выше, они оказались так далеко на востоке и на севере нашего континента, что раньше этого нельзя было и предполагать.

[1] H. Breuil et M. Burkitt. Les peintures rupestres d'Espagne. VI. Leb abris peints du Mont Arabi près Secla (Murcil). L'Anthropologie, т. XXIV, 1914, рис. 2.

Объясняется это, повидимому, теми особенностями шишкинских скал, которые сделали их единственным в Сибири естественным музеем древнего изобразительного искусства — в первую очередь их особо благоприятными условиями для сохранения рисунков различного рода.

Рис. 12. Символические изображения знака женского пола.
а — Шишкино, *б* — *в* — ориньякские местонахождения Франции.

Не менее важны, повидимому, и другие факты, с которыми связано было самое появление этих рисунков и их непрерывное накопление в ходе последующих тысячелетий. Колоссальная вогнутая дуга скалистых обрывов на протяжении 2.5 км, у подножия которой течет р. Лена, не могла, очевидно, не привлекать к себе первобытных охотников своими удобствами для облавных охот на копытных животных, начиная уже с того отдаленного времени, когда под шишкинскими скалами вместо сплошной тайги расстилались такие же бескрайные степи, луга и тундры ледniko-

вой эпохи. Наглядным доказательством этого предположения является палеолитическое поселение у самого подножия шишкинских скал, на второй надпойменной террасе у «первого камня», вблизи сухого в настоящее время ручья.

Палеолитические охотники, как известно, всегда стремились устраивать свои лагери вблизи подобных крутых обрывов и ущелий, где они могли легко добывать пищу своими нехитрыми охотничьими приспособлениями и грубым вооружением. Нет ничего удивительного и в том, что они, подобно своим позднейшим потомкам, там же, у подножия этих скал, служивших им гигантскими западнями-ловушками, совершали охотничьи магические обряды и танцы-пантомимы. Неразрывной частью таких обрядов было, как известно, нанесение на скалы изображений тех животных, на которых они здесь охотились, т. е. в первую очередь именно диких лошадей и быков-бизонов, чьи реалистические образы на ленских утесах дошли до нас из глубины времен.

Шишкинские рисунки дают возможность также приблизиться и к пониманию внутреннего смысла тех обрядов, с которыми связано их возникновение. Под брюхом большой лошади имеется миндалевидная фигура, хорошо известная и в палеолитическом искусстве Запада, где она разъясняется исследователями как знак женского пола (рис. 12). Такого мнения придерживается и П. П. Ефименко. Связь этого знака в Шишкино именно с фаллической фигурой жеребца указывает на то, что здесь символически представлен coitus. Фаллическая обрядность, очевидно, и здесь имела в основе магию плодородия, стремление размножить зверей, как это наблюдается в позднейшей этнографической действительности у отсталых охотничьих племен.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ПОСЕЛЕНИЯ МЕДНОГО ВЕКА В АРМЕНИИ

Археологические работы последнего десятилетия выявили в Закавказье группу древних памятников, представляющих культуру медного века, одного из важнейших этапов развития культуры первобытно-общинного строя.

Раскопки открыли древнейшие поселения, уходящие во вторую половину III тысячелетия до н. э. и тесным образом связанные с позднеолитическими памятниками Закавказья.

Наиболее полную картину этой культуры дали исследования древних поселений на холмах Шенгавит около Еревана, Шреш-блура и Кюль-тапа около Эчмиадзина (Вагаршапата), позволившие правильно определить и оценить памятники этого рода, известные ранее.

Три года, с 1936 по 1938, археологическая экспедиция Комитета охраны исторических памятников Армянской ССР и Армянского филиала Академии Наук СССР, под руководством Е. А. Байбуртяна, производила раскопки Шенгавитского поселения, расположенного на возвышенности левого берега р. Занги у сел. Шенгавит. Холм площадью около 4000 кв. м и высотой около 12 м над уровнем реки имеет с трех сторон крутые склоны и только в южной части неглубокий овраг, возможно — сильно заплывший древний ров.

Еще до раскопок на поверхности холма были отчетливо видны круги диаметром около 7 м, как можно было предполагать, — следы древних жилищ, что и оправдалось произведенными раскопками.

Работами Е. А. Байбуртяна на Шенгавите было открыто три строительных слоя, общей мощностью около 4 м, давших однородные предметы, свидетельствовавшие о том, что все слои поселения представляют одну культуру.

Кроме небольшого раскопа (1936 г.) в северо-восточной части холма, в его центре был заложен большой раскоп, площадью около 760 кв. м, давший многочисленный археологический материал. Результаты этих работ, если не считать кратких информационных сведений, не опубликованы; все добытые при раскопках предметы хранятся в Государственном Историческом музее Армении.[1]

---

[1] А. Е. Байбуртян. Культовый очаг из раскопок Шенгавитского поселения в 1936—1937 гг. ВДИ, 1938, № 4, стр. 255; он же. Орудия труда в древней Армении (на армянск. яз.). Вестн. Инст. ист. и лит. Армении, 1938, I. — Б. Б. Пиотровский. Эпоха меди и бронзы в Закавказье. История СССР изд. ИИМК АН СССР, I. 1939, стр. 114; он же. Новая страница древнейшей истории Кавказа. Изв. Армянск. фил. АН СССР. 1943, I, стр. 60. — Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии, XIII-B, 1944, стр. 73.

Совершенно исключительный интерес представляют остатки древних жилищ с круглыми, повидимому центральными помещениями, к которым примыкали четырехугольные.

В центральном раскопе в 1936 г. были обнаружены остатки круглого помещения (жилище № 2) диаметром в 6 м (внутренний промер), сложенного из сырцового кирпича на каменном фундаменте. В юго-восточной его части оказалась дверь с каменным порогом и приступкой, ведущая в четырехугольную комнату (3 × 3 м). С других сторон к круглому помещению также примыкали прямоугольные, различных размеров и ориентаций, стены которых не всегда правильно фиксировались на полевых чертежах, так как нанесенные на план обвалившиеся части глиняных стенок значительно искажают общий план строений. В центре круглого помещения (№ 2) обнаружен невысокий глиняный очаг, подробно описанный Е. А. Байбуртяном,[1] и около него плоский камень с заметным углублением в средней части. Подле очага был найден обломок небольшого круглого предмета (диаметр около 10 см), являвшегося моделью большого очага, изготовленной, вероятно, для целей культа.

В северо-западной части помещения был подобран обломок каменной формы для отливки, по всей вероятности, плоского топорика.

На глубине 1.70 м от поверхности поселения обнаружен второй слой строительных остатков, представленных крупными прямоугольными помещениями, два из которых содержали очаги, совершенно аналогичные открытому в жилище № 2.

На глубине 3.60 м оказалось еще одно круглое помещение (жилище № 4, раскоп 1938 г.) диаметром в 7 м. Стены его, сложенные из сырцового кирпича на каменном фундаменте, сохранились на высоту 0.80—0.90 м. Пол комнаты вымощен галечником, перекрытым сверху слоем сырцовых кирпичей. Вместо очага в центре помещения стояла большая чаша, установленная на месте ранее разбитой, и плоский камень. При раскопках этого жилища найдено большое число обломков керамики, подобной происходящей из верхних слоев, кремневые орудия, ладьевидная зернотерка из пористого базальта, пряслице, костяная проколка и обломок медного предмета (булавки или шила). В другой части центрального раскопа открыто большое жилище (№ 3, раскоп 1937 г.), состоящее из круглого помещения, диаметром в 7.5 м, и примыкающего к нему прямоугольного (14 × 7 м), имевшего дверь около западного угла. В круглом помещении и этого жилища обнаружены очаг специфической формы, плоский камень, обломки крупных сосудов, а также зернотерка, кости коровы, овцы и собаки. Пол комнаты вымощен галечником (концентрическими кругами) и сверху промазан несколькими слоями глины. Около стены имелась приступка, высотой и шириной около 40 см, сложенная из сырцовых кирпичей. В большой комнате найдены: зернотерка, мраморная булава, костяные проколки и две статуэтки животных.[2]

Е. А. Байбуртян давал и реконструкцию жилищ, раскопанных им на Шенгавитском поселении. Он полагал, что прямоугольные помещения имели плоскую крышу, а круглые — коническую. Крупный камень в центре комнаты около очага и служил, как будто, базой для поддержки конической крыши, изготовленной из тростника. В культуре медного века южной Месопотамии, стадиально очень близкой к закавказской, имеются

---

[1] Е. А. Байбуртян. Культовый очаг. , стр. 255.

[2] Из находок в жилищах мною отмечены только те, которые помещены на чертежах Е. А. Байбуртяна; в действительности число находок в этих помещениях значительно больше.

также круглые жилища с конической крышей,[1] а в слоях медного века холма Арпачия были открыты каменные фундаменты сооружений, состоящих из круглого помещения и примыкающего к нему прямоугольного.[2]

Раскопки Шенгавитского поселения дают большой материал для суждения о характере как первобытного земледелия, так и скотоводства. В жилищах около очагов находились крупные зернотерки из пористого базальта, верхние камни которых имели своеобразную ладьевидную форму, ступки и песты. В крупных сосудах и на полу жилищ были найдены зерна и остатки колосков пшеницы и ячменя различных видов, близких к диким видам, хорошо известным в Закавказье. Исследования М. Г. Туманяна показали, что эти зерна собраны из смешанного посева пшеницы и ячменя, что является характерной чертой раннего земледелия и имеет археологические и этнографические параллели. На основании изучения остатков зерен устанавливается, что климат Закавказья в период медного века был более влажным, чем в историческое время. Из каменных орудий, связанных с земледелием, следует особо отметить кремневые пластинки (длиной 5—8 см), обработанные с двух сторон ретушью, служившие вкладышами составного серпа. Специальное изучение сработанности и заполированности рабочего края С. А. Семеновым подтвердило предположение, что эти кремневые вкладыши являлись вкладышами серпа, закреплявшимися в деревянную или костяную рукоятку. Примечательно, что эти вкладыши изготовлялись в большинстве случаев из кремня, а не из обсидиана, обычного для орудий более позднего времени и встречающегося в шенгавитском поселении для изготовления орудий иного назначения.

Находки костей животных, крупного и мелкого рогатого скота и собаки, указывают на сочетание земледелия со скотоводством. Занятие скотоводством подтверждается и найденными в жилищах каменными и глиняными фигурками животных; из их числа выделяются части глиняных очагов в форме баранов. Кости диких животных, в частности диких коз и лошадей, а также кости рыб свидетельствуют об охоте и рыболовстве, имевших немалое значение в жизни этих поселений.

Большой археологический материал, добытый раскопками 1936—1938 гг., позволяет нам выявить характерные особенности памятников материальной культуры медного века Закавказья. Весьма своеобразна керамика, представленная сосудами различных размеров с черной, редко красной, до блеска лощеной поверхностью, украшенной резным, выпуклым или вдавленным орнаментом геометрического характера. При черной внешней поверхности внутренняя обычно бывает красноватой, и в изломе черепка отчетливо различимы два слоя — черный наружный и красноватый внутренний. Формы сосудов разнообразны, но особенно характерны небольшие сосуды с широким венчиком и весьма небольшим дном. Из ручек встречаются только налепные полушаровидные, со сквозным горизонтальным отверстием, служившие, вероятно, для подвешивания сосуда. Резной орнамент обычно помещен под венчиком и занимает определенную полосу, рельефный и вдавленный узор чаще встречается на тулове сосуда. Встречены также крышки от сосудов с петелькой в верхней части, а иногда со сквозными отверстиями; на обломке одной такой крышки вырезана фигура птицы.

Существовала также глиняная скульптура, встречены части очагов в форме животных, статуэтки животных, грубая фигурка, изображающая

[1] W. Andrae. Das Gotteshaus und die Urformen des Bauens im Alten Orient. 1930, стр. 61, табл. II, *a*.

[2] M. Mallowan and J. Cruikshank. Prehistoric Assyria. The excavation at Tall Arpachiyah. 1935, стр. 25—28.

женщину, и колеса от изображений колесниц, аналогичные найденным в Анау.

Каменные орудия из Шенгавита также характерны для энеолитических: кроме большого числа кремневых вкладышей от серпов, раскопки дали несколько шаровидных булав, незаконченную мраморную булаву в виде молота и просверленный топор-молот, очень близкий по форме хотя бы к тому, который был найден в Сузах.

В древнем Шенгавитском поселении широко использовалась также кость. Раскопки дали громадное число костяных проколок, булавки, наконечники стрел, бусы и пуговицы или же пряслица.

Найдены также отдельные медные предметы: булавка с перекрученной и спирально загнутой верхней частью, обломки двух других булавок, одна из которых имеет боченковидное навершие, два шила, четырехгранных в сечении, и бусина. В одном из жилищ верхнего слоя был найден обломок каменной формы для отливки, по всей вероятности, плоского топора-долота.

Таков в общих чертах замечательный материал из Шенгавитского поселения, имеющий поразительные стадиальные аналогии в Месопотамии и иранском материале IV тысячелетия до н. э. и переднеазиатском, более близком по времени.

Шенгавитское поселение в районе Еревана не одиноко. Около Эчмиадзина (Вагаршапата) известны два поселения, относящиеся к той же стадии развития культуры.

Одно из них — это совершенно ныне срытый холм Шреш-блур, у дороги из Эчмиадзина в Ошакан, раскопанный в 1913 г. Е. Лалаяном, другое — холм Кюль-тапа, обследованный в 1927 г. Т. Тораманяном, а в 1945 г. С. Сардаряном, наметившим в Эчмиадзинском районе целый ряд местонахождений остатков культуры медного века.

Несмотря на чрезвычайное сходство культуры Шреш-блура и Кюльтапа с культурой Шенгавитского поселения, при бесспорном отнесении их если не к одному и тому же времени, то к одной и той же стадии развития общества Закавказья, внешний вид Эчмиадзинских поселений существенно отличается от Шенгавитского. Оба эчмиадзинских холма являются не поселениями на естественной укрепленной возвышенности, а зольными холмами, возвышенностями, выросшими на равнине, тем, что в Средней Азии называют «тепе». Строительство легких жилищ из глины привело к быстрому наслоению культурных остатков. При ремонте жилищ старые жилища из сырцовых кирпичей разрушались, сравнивались с землей, и на их месте сооружались новые постройки. Зола из домашних очагов выгребалась тут же, около жилища. Это приводило к тому, что поселение принимало вид растущего холма (тепе), с мощными слоями строительных остатков и зольных прослоек.

Шенгавитское поселение расположено как раз на самой границе низменности и предгорий, но, повидимому, оно имеет характер горных поселений, так как полную ему аналогию дает энеолитическое поселение на холме Такаворанист около Кировакана, на котором производил сборы краевед Е. Момджян. В отличие от Шенгавита и Такавораниста холмы Шреш-блур и Кюль-тапа относятся к поселениям низменности, и поэтому они, естественно, имеют вид искусственных холмов-тепе.

Шреш-блур был исследован Е. Лалаяном путем крестообразного раскопа; в настоящее время он совершенно срыт, земля развезена на окрестные поля в качестве удобрения. В 1946 г. на месте холма мне с группой студентов Ленинградского Государственного университета удалось собрать кое-какой материал, характеризующий в некоторой степени культуру разрушенного памятника.

При общем, чрезвычайно близком сходстве материала из Шреш-блура с Шенгавитом бросается в глаза разница орнаментации керамики, тождественной по технике и формам сосудов. В Шреш-блуре весьма редок резной орнамент, который заменяется выпуклым и вдавленным. Для этой керамики особо характерными являются украшения в виде крупных выпуклых спиралей и концентрических кругов, редких для Шенгавита. Эту разницу украшения керамики естественно объяснить временным различием, отнеся Шреш-блур, по ряду признаков, к более раннему времени, но при настоящем уровне наших знаний материала медного века Закавказья обосновать хронологическую последовательность Шреш-блура и Шенгавита очень трудно.

Из находок на Шреш-блуре уже давно обратили на себя внимание крупные глиняные очажные подставки в виде фигуры быка. Широко расставленные рога, повидимому, служили для установки на них сосуда, под которым разводился огонь (возможно, эти фигуры бывали парными и при установке их друг против друга рога образовывали круг). Совершенно подобные подставки, также изображающие быков, были найдены на холме Кюль-тапа.

Рис. 1. Кюль-тапа. Глиняный сосуд.

В 1943—1945 гг. холм Кюль-тапа был сильно поврежден строительными работами, но именно это обстоятельство и позволило С. Сардаряну собрать, преимущественно в выкидах земли и в стенках выкопанных ям, большое количество материала.

Керамика Кюль-тапы по своей орнаментации совпадает со шреш-блурской и отличается от шенгавитской. Характерным является прием лицевой орнаментации сосуда: узор (рис. 1) заполняет лишь часть поверхности сосуда и притом с одной стороны. Обычен вдавленный узор, реже — выпуклый, и только в единичных экземплярах известен резной орнамент шенгавитского типа.

В отличие от Шенгавита на Шреш-блуре и Кюль-тапа, среди каменных орудий преобладают обсидиановые, а не кремневые.

Набор обсидиановых орудий из Кюль-тапа дает тонкие удлиненные пластины, проколки, наконечники стрел различной формы и степени обработки (рис. 2). Наряду с наконечниками, имеющими выемку в нижней части, встречаются образцы с характерным выступом-стерженьком.

Обнаружены также кремневые вкладыши от серпов, но в сравнении с шенгавитскими они уступают им по размерам и по количеству.

Особый интерес представляют образцы глиняной скульптуры, обнаруженные на Кюль-тапа. Среди очажных подставок имеется одна, представляющая рога быка, напоминающая критские алтарные подставки, причем между рогами помещена головка какого-то животного, на которой углублениями отмечены глаза и рот. Кроме этой сравнительно круп-

ной скульптуры, на Кюль-тапа С. Сардаряном был собран ряд статуэток (одна из них передана мне М. М. Герасимовым), изображающих людей и животных и носящих в отдельных случаях следы раскраски красной краской.

Фигурки людей представлены двумя небольшими (высота 8 и 7 см) плоскими схематичными статуэтками нагих женщин, с тщательно отмеченными половыми признаками; у одной из них голова отсутствует, а у другой сильно повреждена. Сохранилась голова третьей, значительно большей по размеру фигурки. Голова эта, высотою около 3 см, округлой формы с коническим выступом в верхней части; глаза выполнены сквозными отверстиями, нос — защипом (рис. 3).

Фигурки животных представлены тремя статуэтками бычков, статуэткой барана (?), собаки и птицы. Некоторые из них имеют следы раскраски красной краской. На одной фигурке бычка отчетливо виден глаз, нанесенный красной краской, и вертикальные полосы на передних ногах; на обломке статуэтки быка различимы красные горизонтальные полоски на ногах. Кроме того, другая целая статуэтка бычка, так же как и только что упомянутая часть статуэтки, имеет на лбу звезду, выполненную углублением, что отмечает культовый характер этих предметов.

Фигурки барана (?) и птицы выполнены очень схематично, и определение их не может быть, несмотря на всю вероятность, признано бесспорным. Весьма реалистична фигурка собачки, имеющая следы раскраски; собака изображена лающей, с открытым ртом и поднятым хвостом, по размерам эта фигурка миниатюрна, она имеет в длину всего около 2 см (рис. 4, *3*).

Среди глиняных изделий, собранных на Кюль-тапа, имеются бусины, три колеса от моделей повозок и две подвески в виде «секир». Обе подвески украшены углублениями, выполненными на одной палочкой, а на другой стеблем тростника.

Скульптурные изображения из Кюль-тапа, весьма интересные и по их набору и по их технике, как и большинство предметов из древних поселений Армении, находят себе близкие аналогии в энеолитическом материале Передней Азии и Ирана. Даже при беглом взгляде бросается в глаза сходство между кюль-тапинскими фигурками и раскрашенными статуэтками из Тал-и-Бакун, энеолитического холма около Персеполя, хронологически значительно более древними, а также из близкой по времени культуры медного века в Алишаре (Анатолия).

В Армении могильники периода, соответствующего древним поселениям Шенгавита, Шреш-блура и Кюль-тапы, исследованы еще недостаточно. Отдельные погребения этого времени были открыты в 1893 г. Н. Я. Марром на западном склоне г. Арагац, о чем свидетельствует характерный черный лощеный энеолитический сосуд из этих раскопок, украшенный на лицевой части лишь одним рельефным узором в виде двойной спирали.

Развитая культура медного века представлена раскопками Е. Лалаяна и Е. Байбуртяна 1927—1928 гг. в Эларе, Котайского района. В Эларском поселении, ниже слоев урартского периода, были открыты зерновые ямы с остатками пшеницы, а также целый костяк барана. Материал из раскопок в Эларе отмечает дальнейшее развитие культуры, особенно скотоводства и земледелия. В составе стада начинает преобладать мелкий рогатый скот, что связано с усилением полукочевой формы скотоводства. При росте стада пастбища около поселения были уже недостаточными, и скот приходилось угонять на удаленные от поселения луга.

В Эларе каменные орудия изготовлены почти исключительно из обсидиана; кремневые орудия, характерные для более раннего времени,

теперь совершенно исчезают. Керамика Эларского поселения очень близка к шреш-блурской и шенгавитской. Она имеет такую же черную, до блеска лощеную поверхность, с той только разницей, что орнаментация сосудов почти что совершенно исчезает, известны лишь отдельные экземпляры с очень упрощенным выпуклым или же вдавленным орнаментом.

Энеолитическая культура эларского типа встречается во многих местах Армении, охватывая большой промежуток времени. Во многих урартских и средневековых крепостях и городах южного Закавказья нижние слои дают материал, весьма близкий к эларскому (Цовинарская крепость, Армавирский холм, Двин).

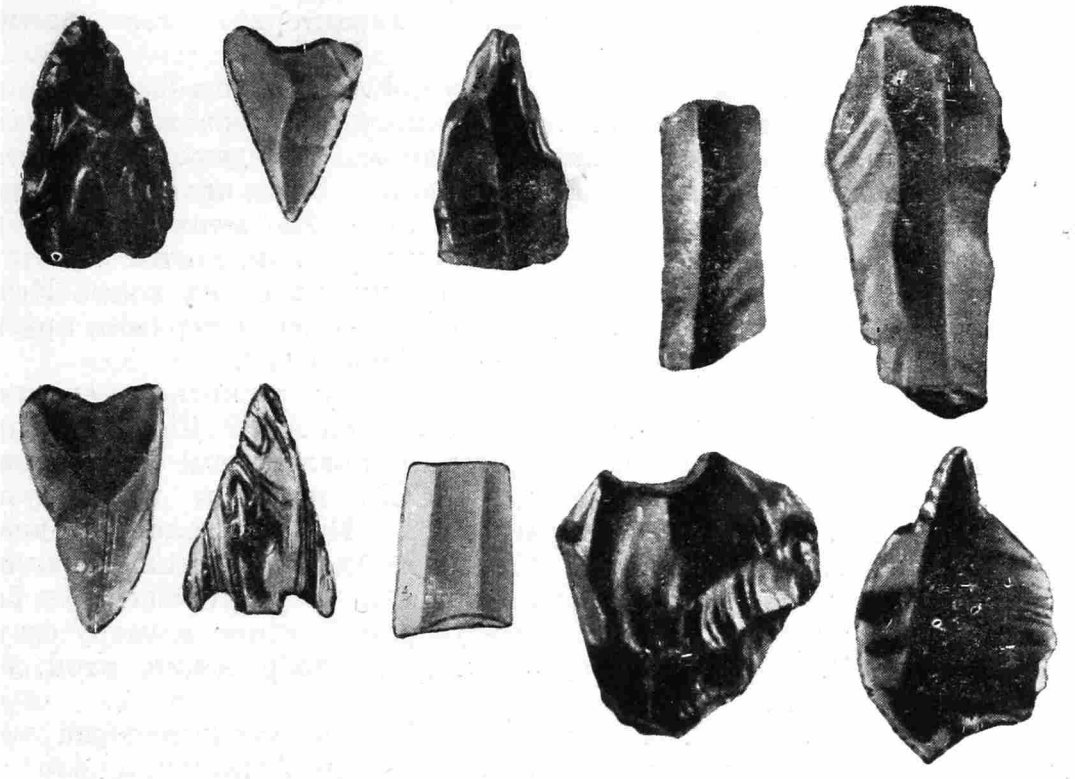


Рис. 2. Кюль-тапа. Орудия из обсидиана.

Для исследования медного века южного Закавказья особое значение имеет материал из раскопок П. Ф. Петрова у сел. Малаклю, около Игдыра, поступивший в 1914 г. в Кавказский музей (ныне Музей Грузии).[1]

Дорога, ведущая из Игдыра в Маркару, перерезает лавовый отрог подошвы Арарата, врезающийся в Араратскую низменность. В расщелинах туфа южной части этого отрога был обнаружен могильник урартского времени, состоящий из глиняных урн с пеплом сожженных человеческих костей. При урнах были найдены железные и бронзовые предметы, а также каменные и глиняные печати.

В северной части отрога под покровом лавы был обнаружен культурный слой энеолитического периода, содержащий большое количество глиняных сосудов, иногда очень крупные каменные зернотерки, осколки обсидиана и куски сырцового кирпича. Культурный слой содержал также большое количество золы и древесного угля. Само стратиграфическое положение этих находок под слоем лавы, в котором был устроен могильник урартского времени, говорит уже об их глубокой древности.

[1] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., стр. 73.

Керамика из этого зольника обнаруживает чрезвычайно близкое сходство с шенгавитской и с керамикой энеолитических поселений Вагаршапатского района. Та же черная лощеная поверхность, те же характерные налепные ручки полушаровидной формы, протянутые поперек. Орнаментация на сосудах из зольника Малаклю встречается редко, что сближает его с Эларским поселением. Узоры на керамике, выполненные гравировкой и вдавлением, имеют простой геометрический характер (поясок с линейным орнаментом и спираль).

В зольном слое найдены глиняные подковообразные очажные подставки, имеющие аналогии в поздних энеолитических поселениях, и необожженные кирпичи квадратной формы со сторонами в 22 см при толщине в 12—13 см. Ладьевидные зернотерки с приподнятыми концами, наподобие валиков, также представляют характерную для энеолита форму.

В 1904 г. около Нахичевана, на Араксе, Е. Лалаяном был раскопан зольный холм Кюль-тапа, состоявший из мощных слоев золы и угля, разделенных прослойками обожженной глины. Повидимому, на месте поселения, так же как и на холме Шамирамалти у Вана, находился и древний могильник, так как при исследовании холма Кюль-тапа были обнаружены человеческие кости в сопровождении керамики, костей животных и обугленных зерен пшеницы и ячменя. В нижних слоях холма Кюль-тапа найдена черная лощеная керамика со всеми характерными признаками керамики энеолитических поселений Закавказья.

Подобная керамика, залегающая в слоях ниже расписной керамики, обнаружена в целом ряде мест Нахичеванской АССР (Шор-тапа и др.).

Энеолитические памятники, совершенно аналогичные памятникам территории Армении и Нахичеванской АССР, известны и в Грузии.

В 1923 г. Е. Г. Пчелиной [1] при раскопках в Кикетах, около Коджор, были обнаружены погребения, в которых найдены обломки керамики с черной лощеной поверхностью. Один крупный сосуд украшен под бортом выпуклым очковидным спиральным узором, близким к узору сосуда из раскопок Н. Я. Марра, а другой имел два изображения птиц, геометризованной формы.

При своих работах в Триалети Б. А. Куфтин энеолитический материал обнаружил в самом нижнем слое крепости Ахыллар, около сел. Бешташени, а также в двух других пунктах у того же селения.[2]

Нижний слой крепости дал кремневые пластинки, служившие вкладышами составного серпа, а также наконечники стрел со стерженьком в нижней части, очень близкие к наконечникам из неолитического поселения «Тетрамица», около Кутаиси, раскопанного краеведом П. И. Чабукиани. В том же слое были обнаружены ладьевидные зернотерки и глиняная фигурка бычка (?) с отломанной головой, подобная глиняным статуэткам, происходящим из Кюль-тапа около Вагаршапата. Около очага, представлявшего сложное сооружение, были найдены многочисленные обломки черной или бурой лощеной керамики, обычно без узоров или с крупным рельефным украшением в форме спирали и подковки. Имеются также характерные для закавказской энеолитической керамики полушаровидные ручки. По своим формам и орнаментации сосуды из нижнего слоя циклопических крепостей Триалети совпадают с характерными сосудами из Шенгавита, Шреш-блура и Кюль-тапа. Раскопки в Цалкинском районе (Триалети) эту же керамику обнаружили и в самой древней группе курганных погребений.

[1] Е. Г. Пчелина. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта близ г. Тифлиса. Вестник Гос. Музея Грузии, V, 1930, стр. 159.

[2] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. 1941, стр. 106.

Следует отметить, что в средневековых городах Грузии нижний культурный слой дает материал, относящийся к медному веку, как это показали находки в Дманиси.

Энеолит западной Грузии представляет, повидимому, некоторое своеобразие. Раскопки Л. Н. Соловьева и М. М. Иващенко 1935—1936 гг. в Очемчирском порту открыли там остатки древнего поселения, которое по всему комплексу найденных в нем предметов следует отнести к энеолитическому периоду. Среди весьма архаичных по своей обработке кремневых орудий в Очемчири были найдены кремневые вкладыши серпов с сильно зазубренным краем и двумя выемками на боковых частях, возможно служившими для закрепления вкладышей в основе путем привязки: вместе с ними были найдены кремневые наконечники стрел вытянутой формы. Керамика из Очемчирской стоянки представлена обломками грубых, вылепленных от руки сосудов баночной формы или же небольших чаш с ручками. Последние украшались несложным вдавленным орнаментом. В то время как земледелие в Очемчирском поселении документируется орудиями — вкладышами серпов и зернотерками, скотоводство представлено костями безрогой, очень низкорослой коровы, мелкого рогатого скота и свиньи.

В настоящее время Очемчирский энеолитический слой представляется возможным связать с целым рядом памятников древней Колхиды и, в частности, с нижними слоями холмов Анаклии и Наохваму.

В восточном Закавказье, на территории Азербайджанской ССР, поселения энеолитического периода типа центрально-закавказских до сих пор еще не известны, но надо полагать, что они существуют, связывая древнейшие памятники центрального Закавказья с южнодагестанскими, в частности, с очень ранним поселением у ст. Каякент (побережье Каспийского моря), обследованным А. П. Кругловым. Весь комплекс материалов из этого поселения свидетельствовал о его глубокой древности, а найденная на нем каменная грушевидная булава и лощеная керамика с очковидным спиральным узором, рельефно выполненным, совершенно аналогичным орнаментировке сосудов из Кикети и Шреш-блура, связывали Каякентское поселение с энеолитическими поселениями центрального Закавказья.

Если на территории Азербайджанской ССР нельзя еще определенно указать поселений медного века, аналогичных выше отмеченным, то могильные памятники этого времени известны. К ним я причисляю некоторые из курганов, раскопанные в 1897 г. Э. А. Реслером на берегу р. Хаченагет (Нагорный Карабах).[1] Курганы имели каменные насыпи, высотой до 2.5 м, располагались они цепочкой, и только один курган, содержавший четыре скорченных костяка, находился вне этого ряда.

Погребения двух курганов помещались в грунтовых ямах квадратной или прямоугольной формы, в первой из раскопанных могил находился один костяк, а во второй два. Из орудий в могилах обнаружено: два обсидиановых вкладыша, два обсидиановых отщепа, кремневое орудие, каменная шаровидная булава и небольшие плоские медные ножи.

В обоих погребениях были найдены золотые изделия: цилиндрик из листового золота с выдавленным узором и подвеска из спирально скрученной проволоки. Особенно интересна керамика, представленная небольшими сосудами «блестяще-черного цвета», с выпуклым или же вдавленным орнаментом, аналогичная энеолитической керамике центрального Закавказья. Весь комплекс предметов лишь подкрепляет такое сопоставление.

---

[1] ОАК, 1897, стр. 156.

Материал старых раскопок Э. А. Реслера дополнен теперь работами Я. И. Гуммеля в Степанакерте. В 1939 г. им был исследован курган со впускными погребениями начала I тысячелетия до н. э., основные погребения которого дали следующий материал: две шаровидные каменные булавы, множество кремневых наконечников стрел со стерженьком в нижней части, большое число обсидиановых отщепов, три золотые бусы, золотую серьгу, плоский медный кинжал, такой же наконечник копья и глиняные сосуды. Несмотря на то, что эти раскопки Я. И. Гуммеля еще не опубликованы и нам не известны детали, сходство этого Степанакертского кургана с разобранной нами группой энеолитических памятников совершенно очевидно. Каменные шаровидные булавы являются общим для этой группы видом оружия, наконечники стрел со стерженьком сближаются с таковыми хотя бы из Бешташенской крепости, а золотые и медные предметы связывают Степанакертский курган с Хачанагетскими. Отличается лишь керамика, представляющая своеобразие и более известная по раскопкам других курганов в том же Степанакерте.

Археологические исследования в Закавказье, направленные на изучение культуры медного века, четко обрисовывают картину жизни этих древнейших поселений родовых общин, в которых женщина занимала еще особое положение. Раскопки открыли памятники культуры, уходящей в III тысячелетие до н. э., своими корнями связанной с неолитической стадией. Ни земледелие, ни скотоводство энеолитических поселений Закавказья нельзя признать начальными формами этих отраслей хозяйства. Правда, земледелие и по своей технике и по культурам злаков, связанных с дикими видами, было очень примитивным. Поля располагались в предгорьях, около устьев рек, неподалеку от поселений, а частично и на их территории, и возделывались они примитивными земледельческими орудиями, преимущественно деревянными.

Скотоводство Закавказья в медном веке получило интенсивное развитие, и именно оно имело большое значение для дальнейшего развития культуры страны, так как увеличение поголовья стад в условиях того времени легче могло дать прибавочный продукт, чем земледелие. Раскопки поселений медного века дают возможность проследить не только численный рост скота в Закавказье, усиление его роли в хозяйстве, но и качественное изменение поголовья в сторону увеличения стада мелкого рогатого скота. Это изменение состава стада было, повидимому, связано с изменением самой формы скотоводства, которое начало постепенно принимать яйлажный, полукочевой характер. Пастбища на территории поселения и поблизости от него не могли уже удовлетворять кормовой потребности, и скот приходилось угонять на пастбища, удаленные от места жительства.

Естественно, что форма скотоводства связана с численным увеличением менее прихотливого и легче передвигающегося мелкого скота, а также с появлением собаки. Возможно, что глиняная статуэтка собаки из Кюль-тапа, найденная вместе с глиняными фигурками домашних животных, воспроизводит собаку, связанную со скотоводством. Энеолитическая культура Закавказья обрисовывает определенный и весьма важный этап развития человеческого общества, который отчетливо прослеживается по археологическому материалу и на смежных Кавказу территориях, в сходных по своим общим чертам памятниках материальной культуры.

Не все этапы начального периода освоения металла в Закавказье обоснованы археологическим материалом. Так, древнейший период металлургии, непосредственно связанный с энеолитическим, не может еще считаться достаточно выявленным. К нему относятся лишь случайные находки медных предметов: массивных проушных топоров и листовид-

ных наконечников со стержнем для насадки на древко. Именно к этой группе предметов относятся опубликованные Б. А. Куфтиным находки при строительстве Закавказской гидроэлектростанции (около Тбилиси), попавшие в Музей Грузии и Ханларский музей [1] (подобные предметы имеются и в Государственном Историческом музее). Выделенная группа медных орудий характеризуется весьма специфическими формами раннего этапа развития металлургии, имеющими свои соответствия как на Северном Кавказе (Майкопский курган, дольмены ст. Царской на Кубани), так в Иране и Месопотамии (Тепе-Гиссар около Астрабада, царские гробницы в Уре на юге Месопотамии) и в Западной Европе (особенно характерные образцы наконечников или кинжалов с согнутым в крючок стержнем известны на о. Кипре и в Венгрии). И в данном случае, как и для раннего периода медного века в Закавказье, эти аналогии в своем большинстве дают аналогии стадиального порядка, отражая одинаковую ступень развития металлургии, но не одинаковую датировку.

Более документированный материал, относящийся к медному веку Закавказья, дали раскопки дольменов Абхазии [2] (раскопки М. М. Иващенко, Б. А. Куфтина и А. Л. Лукина 1930—1937 гг.). Дольмены Абхазии показали, что они служили для погребальных целей весьма длительный промежуток времени и содержат погребения различных эпох. Нижний слой, залегавший на дне дольменов и отделенный от более поздних стерильным слоем глины, датирует время сооружения этих памятников медным веком.

Из этого слоя происходят вислообушные топоры (иногда с орнаментом на обушной части), пластинчатые ножи или наконечники копий и своеобразные крюки. Медные предметы из дольменного могильника Кюрдере имеют примесь сурьмы.

Дольмены Закавказья сложены обычно из пяти крупных каменных плит с характерным круглым отверстием в передней стенке, закрывавшимся каменной пробкой (втулкой). Они, без сомнения, связываются с северо-кавказской группой как на побережье Черного моря, так и в бассейне р. Кубани (исследования Е. Фелицина). Для северокавказской и кубанской групп обычны прямоугольные сложенные из крупных каменных плит дольмены, но встречаются также отдельные сооружения, высеченные из цельного камня. Некоторые из дольменов связаны с менгирами, составляющими аллеи, или же обложены кругом крупными камнями (кромлехи). Дольмены, как правило, встречаются группами, причем каждый из них содержал коллективные захоронения. Покойники помещались обычно у стен и по углам камеры в сидячем положении. Этот вид погребальных сооружений на Северном Кавказе связывается с археологическими памятниками так наз. «среднекубанской группы», относящейся к середине и ко второй половине II тысячелетия до н. э.[3] В 1870 г. в одном из дольменов у станицы Абадзехской были обнаружены: вислообушный топор, плоский топор и пластинчатый нож или наконечник, т. е. предметы совершенно аналогичные тем, которые были найдены в нижнем слое абхазских дольменов. Широкое распространение дольменов в Азии, Африке и Европе приводило археологов к мысли об единой культуре дольменов, причем на основании их распространения уста-

---

[1] Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры по данным археологии. Вестник Гос. Музея Грузии, XII-B, 1944, стр. 291.

[2] М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры Абхазии. 1935.

[3] МАК, IX. — A. M. Tallgren. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental. ESA, IX, 1934, стр. 1—46.

навливались пути движения «культуры дольменов», которые у одних ученых шли с востока на запад, а у других обратно — с запада на восток.

Действительно, формы закавказских дольменов настолько, даже в деталях, совпадают со средиземноморскими и европейскими, что вопрос об их связях вполне естественен. Но у нас совершенно нет оснований предполагать миграцию «культуры дольменов», так как предметы, найденные в кавказских дольменах, отражают хорошо известную аборигенную культуру медного века Кавказа. Вполне возможно, что дольмен, частная, территориально ограниченная форма могильного сооружения, является результатом влияния культуры соседних областей, отдельным заимствованным элементом, а отнюдь не показателем миграционной волны. Не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье культура медного века, одновременная нижнему слою абхазских дольменов, связана и с иными формами погребений. В этом отношении особенно характерен могильник в Сачхери (Грузия), одна группа могил которого дает материал медного века. Там встречены вислообушные топоры и пластинчатые ножи отмеченных выше форм, являющихся общими для «среднекубанской группы» Северного Кавказа и абхазских дольменов. В Сачхери это сходство дополняется еще булавками с навершием в виде двойного молоточка, спиральными браслетами и спиральными подвесками. Металл, из которого изготовлены предметы, обнаруженные в Сачхери, оказался чистой медью, так как содержание олова, не превышающее 0.35%, следует считать случайной примесью, а не преднамеренным приплавом.

Работы Б. А. Куфтина в Сачхери выявили чрезвычайную близость керамики из этого могильника с керамикой нижних слоев Бешташенской крепости в Триалети. Обращает на себя внимание также обломок каменного браслета (из мергеля), напоминающий подобные же браслеты более раннего времени из Нальчикского кургана и из поселения «Тетрамица» у Кутаиси.

Топоры вислообушного типа встречаются на широкой территории. Они являются дальнейшим развитием типа проушного топора, связанного с каменными формами, причем «отвисание» лезвия у вислообушного топора определялось удлинением рукоятки. Такие боевые топоры с отвисающим лезвием являлись распространенным оружием в Шумере и Аккаде (первая половина III тысячелетия н. э.), как это показывают нам изобразительные памятники древней Месопотамии и материалы из раскопок (Ур, Киш). В Иране (Луристан) такие топоры встречаются значительно позже, уже в касситское время (середина II тысячелетия до н. э.).

Вислообушный топор получил значительное распространение на Кавказе, проникая даже и на север, в степную полосу.

В Закавказье известно большое сравнительно количество подобных топоров и пластинчатых ножей, главным образом, из случайных находок. Такие топоры известны в западном Закавказье, в Карсской области и в Армении. Один из топоров, найденных в Армении, происходит из раскопок Е. Лалаяна на юго-западном побережье озера Севан, в кургане между сел. Адиаманом и Мартуни. Под каменной насыпью высотою около 3 м была обнаружена могила прямоугольной формы, сложенная из громадных каменных глыб. Около скелета, лежавшего на спине, под левой его рукой был обнаружен вислообушный топор, рядом два глиняных сосуда, медный браслет и каменная буса.

Выделенный нами комплекс медных вещей, происходящий из Закавказья и свидетельствующий об определенном этапе развития общества, о периоде освоения металла, к сожалению, в настоящее время не представляется возможным связать с материалом из древних поселений. Вероятно, он будет относиться ко времени поселений так наз. Эларского типа.

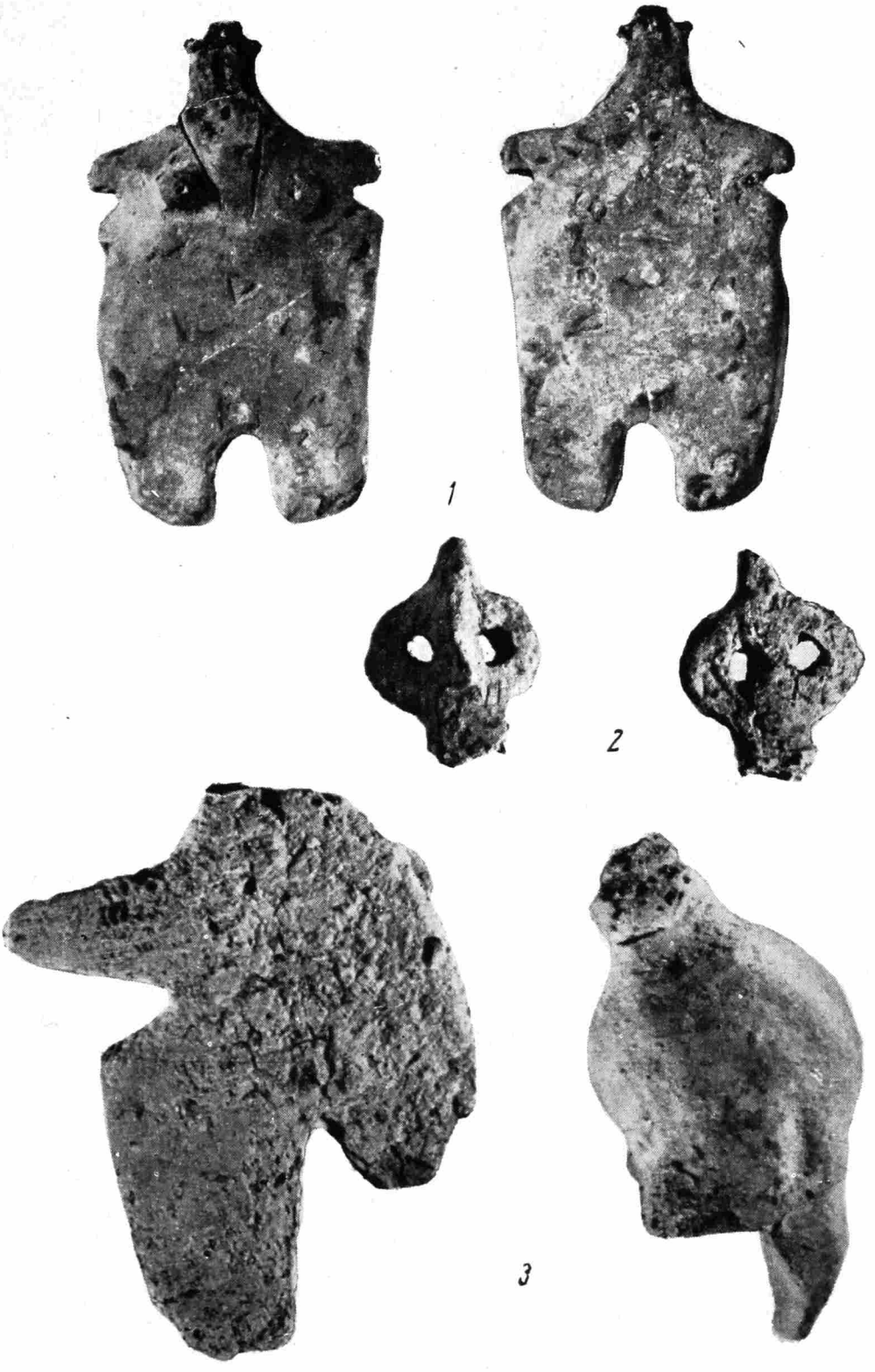


Рис. 3. Кюль-тапа. Глиняные статуэтки (сборы С. Сардаряна).
1 — 3 изображение женщины; *2* — голова статуэтки.

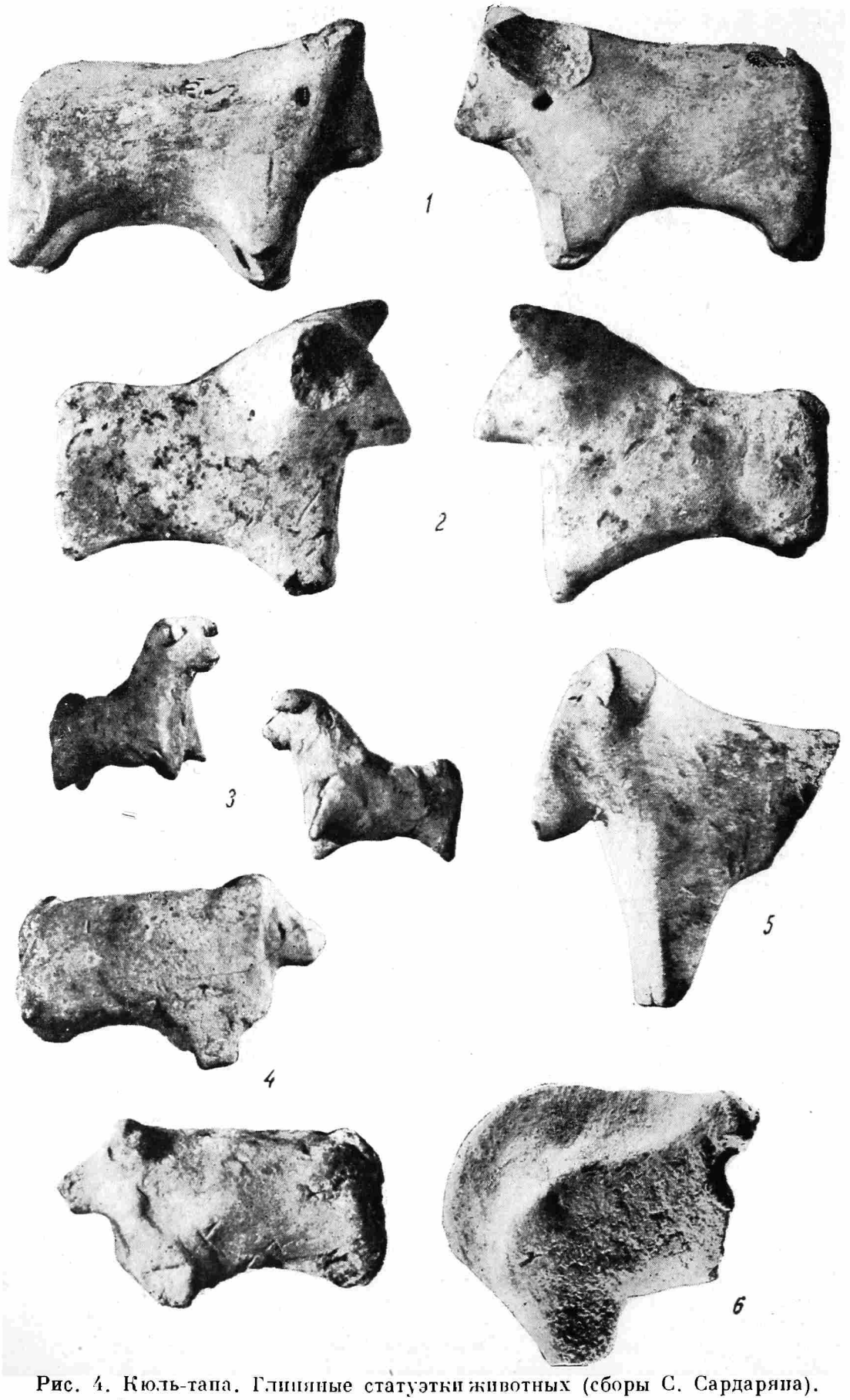


Рис. 4. Кюль-тапа. Глиняные статуэтки животных (сборы С. Сардаряна).
1, 2, 5 — изображения бычков; *3* — лающая собака; *4* — баран; *6* — птица.

а в начальных своих формах восходить еще к тому периоду медного века который хорошо представлен поселениями типа Шреш-блур, Кюль-тапа и Шенгавит.

Таким образом, наиболее вероятной датой для периода освоения металла в Закавказье, охватывающего большой промежуток времени, следует признать конец III и первую половину II тысячелетия до н. э. Дальнейшие археологические исследования в Закавказье уточнят эту дату и покажут не только развитие металлургии меди, но и начало применения в технике бронзы (сплава меди с оловом, свинцом или сурьмой).

В настоящее время известна также группа памятников, занимающих промежуточное положение между энеолитическими и относящимися к развитой бронзовой культуре середины II тысячелетия до н. э., представленной, в частности, богатейшими курганами Триалетского района Грузии и Северной Армении. В одном из курганов, раскопанном Б. А. Куфтиным в южной части Триалети, на перевале к Параванскому озеру, было открыто древнее погребение с интересным набором металлических и каменных изделий при полном отсутствии керамики. Там были найдены примитивные медные клинок кинжала, наконечник копья и круглые бляшки, украшенные выпуклым шишечным узором, пять крупных обсидиановых стрел, три золотых цилиндрика, являвшихся, возможно, обкладкой древка лука, и прекрасно обработанная гематитовая булава грушевидной формы.

В других же курганах, исследованных в долине реки Кции, в противоположность отмеченному кургану, при крайней бедности металлических предметов были обнаружены характерные образцы керамики, несомненно связанные как с энеолитическими сосудами, так и с керамикой богатых курганов середины II тысячелетия до н. э. Это сходство обнаруживается не только в технике сосудов (черная лощеная внешняя поверхность и светлая внутренняя), но также в формах и орнаментации сосудов.[1]

Культура медного века Закавказья конца III и первой половины II тысячелетия до н. э., открытая всего около десяти лет тому назад, обрисовывает важнейший этап истории первобытного общества, закономерно развивающийся из скотоводческо-земледельческой культуры позднего неолита и лежащий в основе культуры эпохи бронзы. Памятники медного века Закавказья обнаруживают сходство с памятниками той же стадии общества Передней Азии, но, при наличии сходства, они выявляют также и явное своеобразие, что указывает на самостоятельное их развитие, причем по времени более позднее. Месопотамия (Эль-Обеид, Джемдет-Наср, Ниневия, Тель-Халаф и др.) и южный Иран (Сузы, Персеполь) пережили медный век еще в конце IV тысячелетия до н. э; в Малой Азии (Троя I, Алишар II), в северном Иране и южной Туркмении (Анау I—II) он, охватывая громадный промежуток времени, датируется III тысячелетием до н. э., а в Закавказье концом III тысячелетия до н. э., т. е. тем временем, когда в Передней Азии существовали уже крупные государства древневосточного типа. По времени к закавказскому медному веку близок медный век Балканского полуострова, территориально оторванный от Кавказа, что не позволяет нам одновременные и однотипные памятники этих культур ставить в генетическую зависимость.

Для медного века характерны одинаковые формы каменных орудий в виде удлиненных пластин, обработанных еще неолитической техникой,

---

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. 1941, стр. 101—105.

или просверленных и полированных молотков и булав из твердых каменных пород. Первые медные изделия — булавки и четырехгранные шилья, так же как и плоские топорики — повсеместно выступают в близких формах. Это замечательное сходство обусловливается общностью хозяйственных форм определенной стадии развития общества, одинаковыми хозяйственными потребностями. Если это сходство обусловливалось бы влиянием одной культуры на другую, генетической их связанностью, то тождественность форм в наибольшей степени проявлялась бы в изделиях, отражающих надстроечные представления, но именно в этой группе памятников при большом принципиальном сходстве мы имеем и существенные формальные отличия. Так, медный век Месопотамии и Ирана характеризуется расписной керамикой, а в Закавказье функцию росписей выполняет орнамент, близкий к росписям по значению, но выполненный в совершенно иной технике (вдавленные или резные узоры на одноцветной лощеной поверхности сосуда). Также и культовые статуэтки, изображающие женщин и животных, при их замечательном сходстве в общих чертах, имеют чрезвычайно отчетливые местные и временные особенности.

Медный век (энеолит) относится к тем стадиям первобытной культуры, когда общность хозяйственных форм создает поразительное сходство форм материальной культуры, иногда вплоть до мелких деталей. Позднее в бронзовом веке это сходство постепенно теряется, и развитие материальных памятников в отдельных районах получает крайнее своеобразие, но все же и там возможно проследить общую закономерность.

Г. К. НИОРАДЗЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СЕЛЕ КВИШАРИ

В мае 1946 г. в западной части Грузинской ССР, в с. Квишари (Рача, Амбролаурский район), колхозниками во время земляных работ был найден клад бронзовых предметов. Большинство предметов было обнаружено в большом глиняном сосуде на глубине 70 см от поверхности земли, а незначительная часть собрана около сосуда.

Из найденных предметов обращают на себя внимание топоры кобанского типа, продолговатой формы плоские «топоры», долото, серп, браслеты, толстое кольцо необыкновенно больших размеров и др.

Обследование места находки убедило нас в том, что мы действительно имеем дело с кладом, зарытым в землю еще в древние времена.

Приблизительно на расстоянии одного километра от места находки клада, в том же Квишари, у подножия громадного валуна на берегу горной реки Обинела в 1939 г. был обнаружен другой клад, состоявший из 16 медных топоров, форма которых необычна для территории Грузии. В свое время 12 топоров этого клада поступили в Музей Грузии через археолога Г. Ф. Гобеджишвили, а остальные 4 были переданы мне, когда я проводил археологические исследования в с. Квишари (рис. 1).

Эти топоры представляют интерес не только необычной формой, но также и своим назначением. Поэтому мы прежде всего остановимся на находках 1939 г.

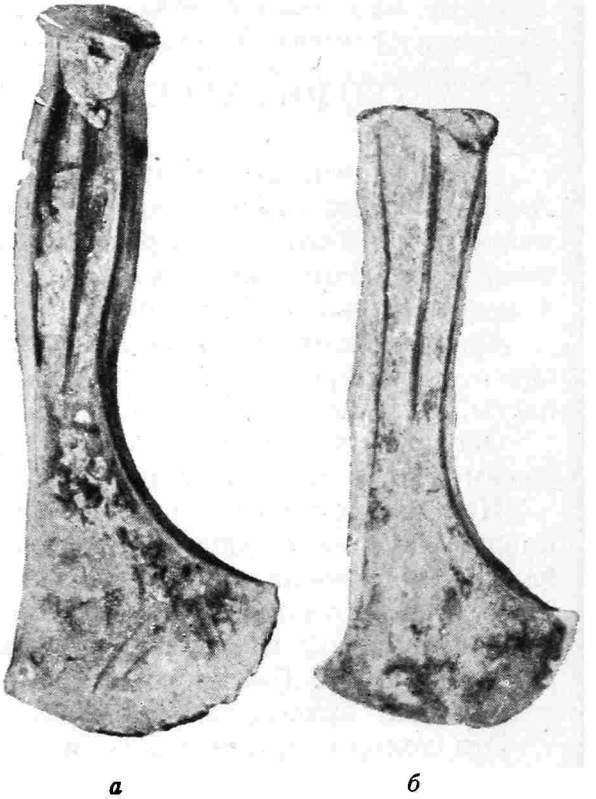
Лезвия топоров, найденных на берегу р. Обинела, настолько тонкие, что их можно без труда согнуть нажимом руки. Длина топоров, в среднем, 21 см. Отверстия для рукоятки — овальной формы и имеют длину около 5.5—6 см, а ширину — 3.5—4 см. Утолщенные части топоров полые и имеют тонкие стенки. Поверхность топоров гладкая, без следов каких-либо украшений. Вес топоров, несмотря на их значительную величину, чрезвычайно мал. Каждый из них, в среднем, весит около 400 гр. Отмеченные признаки заставляют нас предположить, что эти топоры не имели утилитарного значения, не служили ни рабочим инструментом, ни боевым или охотничьим оружием. Не думаем также, что они являлись предметами обмена, своего рода деньгами, или же амулетами и украшениями.

Топоры с берега р. Обинела имели совершенно другое назначение. Мы полагаем, что эти медные топоры, представляющие имитацию обыкновенных топоров, были специально приготовлены для принесения в жертву богу грома и молнии, с целью заслужить покровительство божества-громовержца, быть может, защитить поля, сады и огороды от града и предотвратить удар молнии.

Известно, что топоры с древнейших времен имели религиозное и культовое значение. Топор был символическим изображением хеттского бога-громовержца Тешуба, как это видно по рельефу на скале Язиликая (Богазкёй). Эмблемой семитского бога грома и молнии, Адада, также являлся топор. Обычай принесения топора в жертву божеству встречается в разных местностях Передней Азии. В Месопотамии, например, найден каменный топор-молот с клинообразной надписью: «Адад, мое божество, защити . . . », указывающей, что этот топор-молот был принесен в жертву богу Ададу.

Топоры имели культовое значение не только в древневосточном мире, но и в разных частях Европы. Каменные топоры считались оружием бога

Рис. 1. Квишари. Медные топоры, найденные на берегу р. Обинела (ок. $^1/_2$ н. в.).



а *б*

Рис. 2. Квишари. Бронзовые топоры.

Тора, который бросал их с неба. Случайно найденные на поверхности земли древние шлифованные и просверленные топоры-молоты служили предметами культа.

Божествам приносили в жертву не только каменные и металлические топоры, но также и глиняные, представляющие имитацию настоящих топоров.

Можно допустить, что топоры из клада в Квишари могли быть специально изготовлены для погребального ритуала взамен настоящих топоров, но такого рода топоры в Закавказье нам не известны. Поэтому мы склонны думать, что медные топоры, найденные на высоком месте берега р. Обинела, были принесены в жертву богу-громовержцу.

Топоры (рис. 1) с берега р. Обинела, относящиеся к первой половине II тысячелетия до н. э., дают нам основания предположить, что они являлись прототипами кобанских топоров. Вместе с тем, место их находки

можно считать наиболее древним из всех известных в настоящее время святилищ на Кавказе.

Теперь рассмотрим археологические находки 1946 г. в том же с. Квишари.

Начнем с топоров кобанского типа. Такие топоры встречаются двух видов. К первому виду мы относим всего 3 топора; два из них изображены слева на рис. 2, *а* и *б*. Хотя они немного различаются между собой по форме и весу, все же в основном они относятся к одному и тому же виду. Все они продолговатой формы, длиной около 16—20 см. Передняя их часть почти прямой формы, в то время как задняя часть выгнута; форма лезвия дугообразная, отверстие рукоятки овальное.

Ко второму виду кобанских топоров относится только один обломок топора, того типа, который П. С. Уварова обозначает литерой «Г».[1]

Этот топорик украшен орнаментом, состоящим из спиралей, концентрических кругов с точками, клетчатого орнамента, стилизованных рогов оленя и кругов с точками (рис. 3).

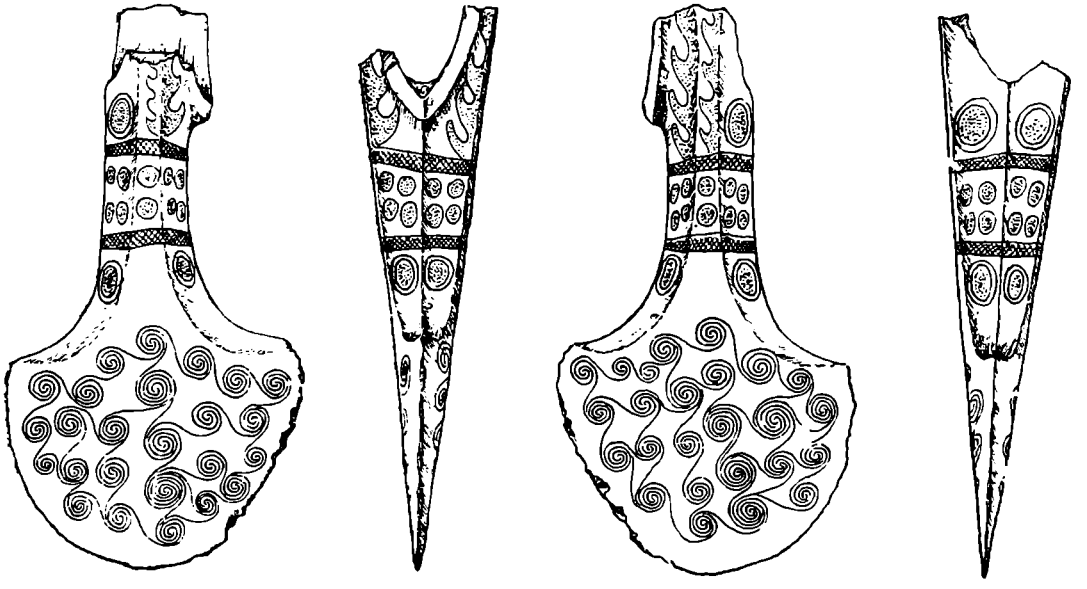


Рис. 3. Квишари. Бронзовый топор кобанского типа (п. в.).

С древнейших эпох спиральный орнамент является одним из самых излюбленных среди других орнаментальных мотивов и широко распространен в разных частях земного шара. Вне всякого сомнения, в большинстве случаев спиралью пользовались как чисто декоративным мотивом, но в некоторых случаях спирали придавалось также религиозное, символическое значение.[2] Спирали, вырезанные на нашем топоре, имеют, по всей вероятности, символическое значение. На эту мысль наводит то обстоятельство, что на топорах кобанского типа нередко встречаются рисунки (змеи с треугольными головами, стилизованные изображения лошадей, оленей и других животных), несомненно имеющие символическое значение. На них иногда встречаются также изображения, связанные с народными сказаниями. Так, например, на одном топоре кобанского типа имеется изображение человека с луком и стрелой, который борется

[1] П. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, стр. 16, табл. IV, рис. 4.

[2] F. A. v. Scheltema. Spiralmuster. RLV, т. XII, Берлин, 1928, стр. 352.

с семью змеями, помещенными на других гранях этого же топора. Рисунок, как об этом в свое время писала П. С. Уварова, связывается «с теми преданиями о змееборцах, которые сохранились повсеместно в народных верованиях и литературе».[1] В Осетии до сих пор сохранилось «сказание о змее-чудовище Руймоне, рожденном от оленя».[2] Возможно, что спирали, украшающие наш топор, являются символическими изображениями свернувшихся змей, а стилизованные оленьи рога — изображениями самих оленей. Но при этом мы далеки от мысли все вообще спирали считать символическими изображениями змей. Так, по мнению некоторых ученых, спирали на керамических изделиях из Египта являются подражанием раковинам нуммулитового известняка.[3]

Если мы признаем, что спирали на топоре из с. Квишари должны представлять собой символические изображения змей, то эту мысль подкрепляет очень частое изображение змей на топорах кобанского типа. Очевидно, и в те времена змея на Кавказе имела определенное значение в культе и религии.

Мы знаем, что в древние времена змеи пользовались особенным почитанием. Это почитание сохранилось у некоторых народов и до нашего времени. Змея иногда являлась тотемом; иногда она рассматривалась как душа покойника. Нередки также случаи обожествления змей. В Передней Азии одно из божеств называлось именем змеи (^{d}muš ← змея), а богиня ^{d}KA-DI (Satran) признавалась матерью змеи-богини.[4]

В древнем Египте божество Uto изображалось в виде змеи и считалось защитницей человека.[5]

Замечательные изображения имеются на двух топорах кобанского типа, хранящихся в Музее Грузии. На одном из них с наружной стороны рукоятки выгравированы спирали и какое-то животное (рис. 4, *а*). На другом топоре спирали и те же самые животные даны в слитом виде (рис. 4, *б*). Правда, в данном случае спирали не являются символами змеи, но в других случаях спираль может быть и символом змеи, которую так часто изображали на гранях топоров.

Остальные изображения (оленьи рога, круги с точками, клетчатые узоры и пр.), которые даны на нашем топоре (рис. 3), находятся в связи между собой и составляют комплекс определенных религиозно-символических представлений. Весьма возможно, что круги связываются с культом солнца, оленьи рога — с самим оленем, играющим в народных сказаниях значительную роль, и пр.

Вторую группу предметов клада представляют орудия, которые обычно называют плоскими бронзовыми «топорами». Длина первого из них равна 19.3 см при наибольшей его толщине — 0.9 см (рис. 5, *а*). Длина дугообразного лезвия — 8 см. Начиная от краев лезвия, «туловище» сужается и к другому концу снова расширяется, а это дает нам основание заключить, что «топоры» употреблялись без рукоятки. На боковых гранях имеются два маленьких выступа. Видно, что «топор» долго был в употреблении, так как лезвие совершенно тупое и получило выщерблины в процессе работы. На обухе «топора» никаких следов удара молотом не заметно. Длина второго плоского «топора» 16 см (рис. 5, *б*). От первого он отличается лишь формой лезвийной части. Обе поверх-

---

[1] П. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, стр. 22.
[2] Там же.
[3] F. A. v. Scheltema. Spiralmuster. RLV, т. XII, Берлин, 1928, стр. 351.
[4] Ebeling. Schlange. RLV, т. XI, Берлин, 1927/28, стр. 266.
[5] A. Erman und H. Ranke. Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum. 1923, стр. 21.

ности лезвия сделаны одинаково, что отличает его от сасиретского «топора», имеющего одну совершенно плоскую (зеркальную) поверхность.[1] «Топор» долго был в употреблении. На обухе не заметно никаких следов от удара молотом.

Найденный вместе с плоскими «топорами» продолговатой и узкой формы бронзовый инструмент несомненно является долотом (рис. 5, *в*). Длина его равна 17 см, ширина — 1.2 см, толщина — 1 см. Лезвие сильно сработано. В верхней части долота заметна маленькая площадка от ударов молотом. По боковым граням имеются два выступа. По всем признакам видно, что долото употреблялось без рукоятки.

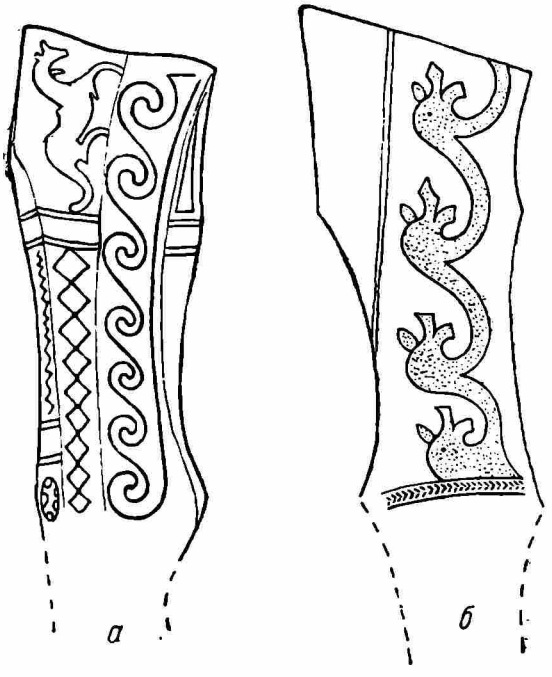


Рис. 4. Квишари. Изображение на топорах (н. в.).

Рис. 5. Квишари. Плоские бронзовые «топоры» и долото.

Совершенно несомненно, что долото сходно с плоскими «топорами», не имеющими следов от удара молота в верхней части, но также употреблявшимися без рукоятки. Поэтому, естественно, возникает вопрос относительно назначения и способа употребления плоских «топоров» из с. Квишари. Мы склонны думать, что они вовсе не имели назначения топоров и употреблялись без всякой рукоятки. Скорее всего они были предназначены для резания толстой кожи. Такого рода ножи и теперь употребляются чувячниками (рис. 6 *б*),[2] но для удобства держания в руке верхняя часть ножа обтягивается кожей или ремешками. Наш плоский «топор» (рис. 6, *а*) настолько толст, что его удобно держать в руке во время работы и без обтяжки (рис. 6, *в*).

---

[1] G. Nioradze. Der Verwahrfund von Kvemo-Sasirethi. ESA, т. VII, 1932, рис. 4. Сасиретский плоский бронзовый топор рассматривается как инструмент для обработки дерева.

[2] Сапожники, которых грузины называют «харазами».

Среди предметов из Квишари имеется четыре маленьких инструмента для обработки дерева (рис. 7). Длина их не превышает 7—10 см при ширине в 5—7 см. Эти инструменты, имевшие прочную рукоятку, на что указывают отверстия диаметром 2.8 см, служили для выдалбливания дерева, и у нас нет никаких оснований считать их мотыгами. Подобного рода инструменты находят не только во многих местах Грузии, но и в различных пунктах Закавказья.[1]

Среди предметов нашего клада следует отметить плоское орудие в виде сечки, служившее, по всей вероятности, для обработки кожи. У этого орудия одна сторона лезвия совершенно плоская (зеркальная), а другая выгнутая, сточенная к рабочему краю. Высота этого орудия 9 см, а наибольшая ширина — 10.5 см.

Отметим еще маленький бронзовый серп с обломанным концом. Длина серпа около 14 см, а наибольшая ширина 3.5 см. Для прикрепления серпа к рукоятке имеется отверстие.

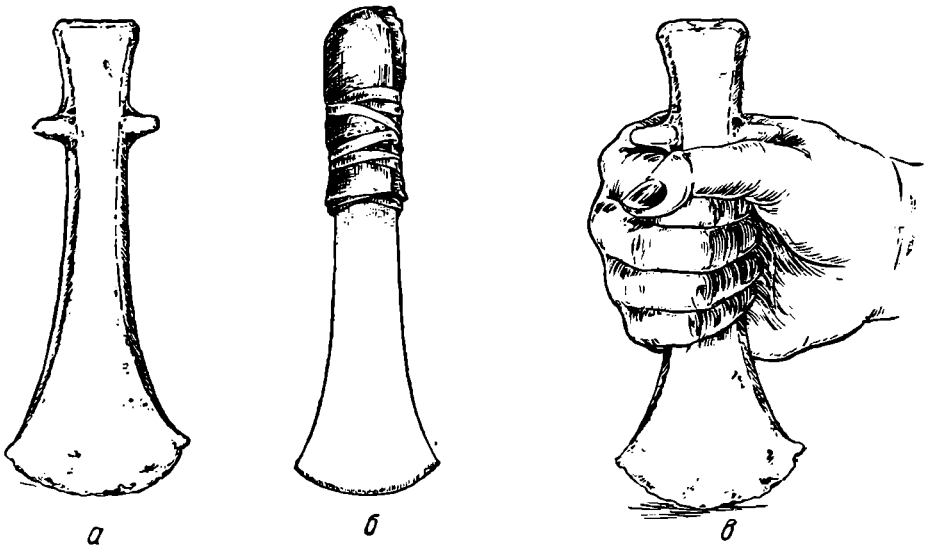


Рис. 6. Нож для резки кожи.

Среди предметов клада большой интерес представляет бронзовая ручка от сосуда, украшенная головкой животного (лани?) с острыми ушами. Подобного рода ручки мы встречаем на склепанных из листовой бронзы сосудах (рис. 8, *а*), найденных близ с. Квишари в местности Ладжоби (Лечхуми). Они встречаются как в разных местах Кавказа, так и за его пределами.[2] Судя по этим сосудам, можно сказать, что найденная нами ручка принадлежала сосуду, склепанному из листовой бронзы, причем высота его не превышала 16—17 см (рис. 8, *б*).

Вместе с бронзовой ручкой найден был предмет вроде длинной и толстой булавки, но настолько поврежденный, что мы затрудняемся определить его назначение.

В заключение следует упомянуть 4 бронзовых браслета, массивное кольцо и 6 бронзовых слитков разной величины.

---

[1] Более подробные сведения относительно такого инструмента даны в нашей работе: Археологические разведки в ущелье реки Куры (на грузинском языке). Вестник Гос. Музея Грузии, т. XIII-B, Тбилиси, 1944, стр. 192—194.

[2] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Л., 1944, стр. 320—322.

Два браслета (рис. 9, *а*, *б*) очень похожи друг на друга. На их внешних поверхностях чередуются продольные и вертикально направленные

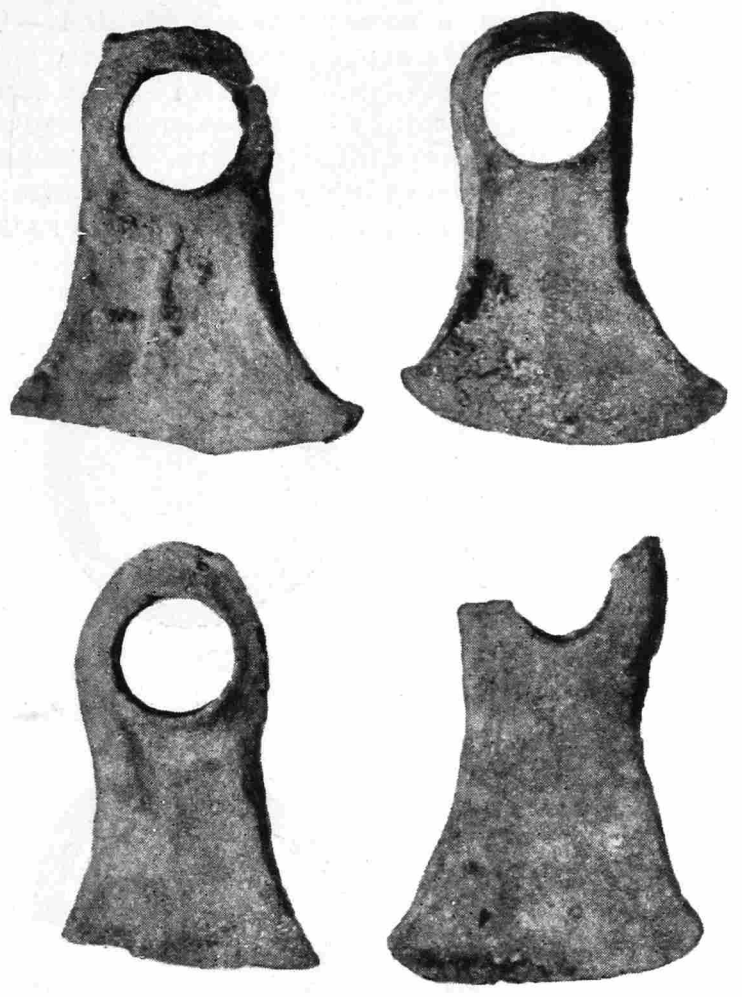


Рис. 7. Квишари. Инструменты для обработки дерева.

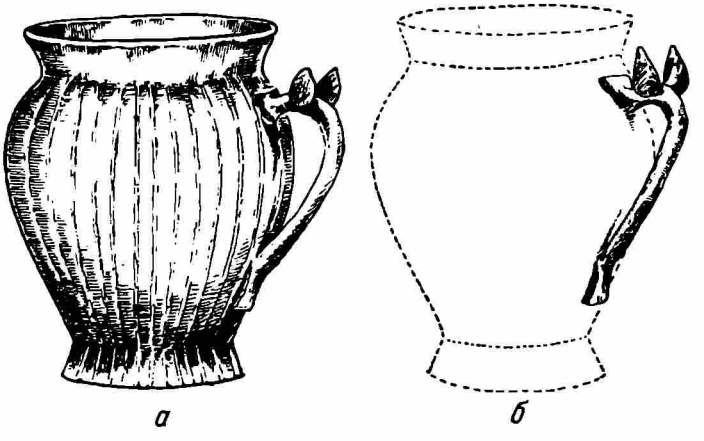


Рис. 8. *а* — бронзовый сосуд из Ладжоби, *б* — ручка сосуда из с. Квишари ($^1/_2$ н. в.).

короткие линии. Другие два браслета (рис. 9, *в*, *г*) без всяких украшений, только внешние их поверхности выпуклые, а внутренние — плоские, так что в разрезе они дают очертания, похожие на латинскую букву D.

Массивное кольцо (рис. 10) чрезвычайно интересно не только по своей необыкновенной величине и украшению, не свойственному браслетам, но также и по весу (вес—2728 г, длина —52.5 см). На наружной поверхности имеются рельефные линии, а между ними узкие (0.4 —0.5 см) полоски, украшенные орнаментом. На первой полосе (рис. 11, *а*), на протяжении 18.5 см выведены ромбы с точками; затем 14.5 см в длину занимают спирали с точками, а потом до конца — снова ромбы с точками. Вторая полоска начинается гладкими спиралями (рис. 11, *б*), которые сменяются ромбами с точками, а затем снова идут гладкие спирали. На третьей полоске вначале идут ромбы с точками (рис. 11, *в*), затем гладкие спирали,

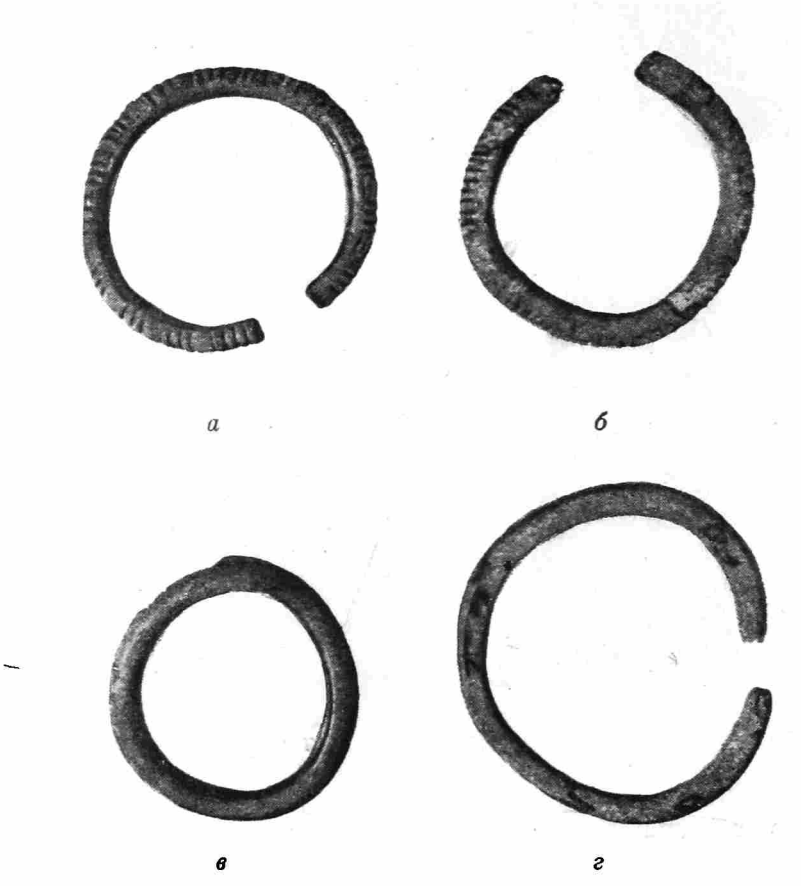


Рис. 9. Квишари. Бронзовые браслеты.

которые сменяются ромбами с точками. Четвертая полоска начинается гладкими спиралями (рис. 11, *д*), за которыми идут ромбы с точками, а затем снова гладкие спирали. Пятая полоска начинается ромбами с точками (рис. 11, *д*). Вслед за ромбами идут спирали с точками и, наконец, снова ромбы с точками.

Кольцо это, как мы полагаем, служило для целей обмена и применялось вместо денег. Металлические, главным образом, медные и бронзовые кольца, употреблявшиеся как деньги, известны с древних времен; встречаются они и в этнографическом материале.

Кольцо-монета утреблялось в Западной Африке и носило там название «манилла». Кольца-монеты употреблялись также в Судане, Дарфуре, Аравии и т. д.; употреблялись они и в древнем Египте. До нас дошли изображения, относящиеся ко времени Тутмоса III (1501—1447 гг. до н. э.), на которых изображено взвешивание таких колец, имеющих, вероятно, определенный вес. В древнем

Китае (в X в. до н. э.) существовал обычай выплачивать штраф медными кольцами. Употребление металлических колец как монет известно и в Западной Европе (Ирландия, Скандинавия и др.). Кольца-монеты были

Рис. 10. Квишари. Бронзовое кольцо.

очень широко распространены. Некоторые ученые даже думали, что от этих колец-монет развились настоящие браслеты и некоторые украшения, имеющие форму окружности.[1]

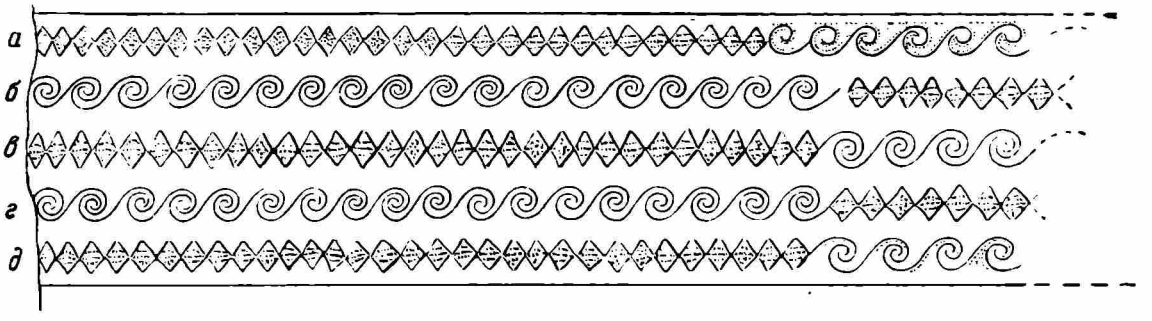


Рис. 11. Квишари. Гравировка на бронзовом кольце (увеличено).

Ясно, что толстое и чрезмерно тяжелое кольцо из с. Квишари не могло служить украшением. Но оно не было также и слитком металла, так как тогда незачем было на нем выводить сложные орнаменты. Такими предметами, заготовками металла, были небольшие бронзовые слитки, обнаруженные в нашем кладе.

---

[1] K. Regling. Geld. RLV, т. IV, ч. I, Берлин, 1926, стр. 214—216.

Относительно датировки рассмотренного клада из с. Квишари можем сказать, что большинство предметов (топоры кобанского типа, плоские «топоры», долото и др.) характерно для древних (грунтовых) самтаврских могил, относящихся ко второй половине II тысячелетия до н. э. Некоторые другие предметы, как, например, ручка от бронзового сосуда, относятся к VIII в. до н. э. Это обстоятельство дает основание высказать мнение, что топоры кобанского типа, так же как долото и плоские «топоры», бытовали в продолжение долгого времени. Сходные с указанными предметами железные инструменты встречаются в обиходе и в настоящее время.

П. В. СИНИЦЫН

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПНЫХ РАЙОНОВ ЗАВОЛЖЬЯ

На территории Нижнего Поволжья сохранились многочисленные археологические памятники в виде курганов, могильников, открытых поселений и укрепленных городищ. В дореволюционное время изучение этих памятников не выходило за рамки случайных раскопок и разведок. Только после Великой Октябрьской социалистической революции планомерные археологические исследования, произведенные в различных районах Нижнего Поволжья, значительно продвинули вперед изучение древних памятников на указанной территории. Помимо открытия большого количества памятников скифско-сарматской культуры, курганных погребений кочевников IX—XII вв. и золотоордынского времени, особо важные результаты дали исследования памятников эпохи бронзы. За это время в пределах Нижнего Поволжья вскрыто до 500 курганных погребений эпохи бронзы, зарегистрировано и частично обследовано свыше 600 мест поселений того же времени.

К сожалению, планомерное археологическое изучение поселений Нижнего Поволжья до недавнего времени не производилось. Эта важнейшая категория памятников в изучении родового общества эпохи бронзы не пользовалась должным вниманием со стороны археологов, изучавших Нижнее Поволжье. Интересы археологических исследований сводились, главным образом, к накоплению вещей из курганных погребений или могильников. Лишь в последние 10—15 лет археологические работы были направлены преимущественно на изучение мест поселений. Эти работы производились, главным образом, в южных районах Поволжья и в степной полосе Заволжья.

Произведенные мною в 1930—1931 гг. и продолженные в 1945—1946 гг. археологические исследования левобережной полосы Волги и северо-западного побережья Каспийского моря между реками Волгой и Кумой обнаружили ряд древнейших поселений с микролитическим инвентарем и керамикой типа древне-ямных погребений.[1] Раскопки поселений эпохи бронзы, произведенные в 1938—1939 гг. в степных районах Заволжья, частично восполнили известный пробел археологических исследований этой категории памятников. В результате отмеченных исследований поселений в настоящее время представляется возможным наметить последовательность в их развитии, выяснить характер изменения в хозяйственной жизни, а также установить связь с аналогичными памятниками других районов.

[1] И. В. Синицын. Древние памятники приморского района Калм. обл. Изв. Саратовского Н.-Волжского института краеведения, т. VI, 1933.

В данной статье мы не касаемся древнейших поселений Нижнего Поволжья, отметим лишь, что к этой стадии истории родового общества (IV—III тысячелетия до н. э.) относятся дюнные поселения, хорошо известные как на правой стороне Волги, так и в левобережной полосе Заволжья.

Как по характеру расположения, так и по всему комплексу находимых предметов эти памятники не составляют обособленной группы, а входят в обширный ареал распространения единой, генетически связанной культуры охотничье-рыболовецких племен степей Восточной Европы, Средней Азии и Западной Сибири. На территории Нижнего Поволжья эти памятники, как сказано выше, носят характер дюнных поселений с микролитическим инвентарем и керамикой типа древне-ямных погребений. Аналогичные им поселения известны в южнодонецком районе Украины, но близкие аналогии устанавливаются также в памятниках типа кельтеминарской культуры, открытой в последние годы в Средней Азии,[1] и далее в Сибири в памятниках степной афанасьевской культуры.

В дальнейшем своем развитии, в период II тысячелетия до н. э., с развитием скотоводства, земледелия и других производств меняется самый характер поселений, значительно увеличивается их количество. Особенно густо заселяются в этот период степные районы Заволжья. Поселения располагаются по берегам степных рек, в пределах речных пойм и чаще всего на речных надпойменных террасах.

Прилагаемая карта поселений эпохи бронзы бассейна рек Б. и М. Иргизов, составленная по материалам, полученным нами во время полевых археологических работ 1938—1939 гг., а также по данным А. И. Тереножкина и К. И. Журавлева, ранее проводивших археологические разведки и раскопки в указанном районе, свидетельствует о весьма разветвленной сети однородной группы поселений (рис. 1). В настоящее время в районе рек Б. и М. Иргизов зарегистрировано и частично исследовано около 100 мест поселений. Аналогичная картина наблюдается и в других районах Заволжья — по рекам Еруслану, Торгуну, Б. и М. Караманам.

К числу наиболее полно исследованных поселений относятся раскопанные мною в течение летних сезонов 1938—1939 гг. поселения у с. Успенки, близ г. Пугачева, на правом берегу Большого Иргиза и близ с. Максютово, на правом берегу р. Камелик.

Материал этих раскопок позволяет более полно восстановить характер самих поселений, тип жилищ и выявить основные виды занятий родового общества эпохи бронзы степной полосы Заволжья.

МАКСЮТОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Во время полевых работ 1938 г. в районе с. Максютово при слиянии рек Камелик и Чалыклы нами было раскопано 8 курганов и исследовано одно поселение.

Поселение расположено на высоком правом берегу р. Камелик в 2 км к юго-востоку от с. Максютово Клинцовского района Саратовской области (рис. 2). С двух сторон оно ограничено небольшими оврагами, а береговая сторона значительно разрушена обвалом берега реки. Здесь р. Камелик в своем течении на север делает крутой поворот на запад и напором воды во время половодий весьма интенсивно размывает правый берег, постепенно сокращая размеры поселения (рис. 3).

В настоящее время сохранившаяся часть поселения имеет протяженность вдоль берега до 150 м и до 70 м в глубину берега. Первоначальная

[1] См. отчетные статьи С. П. Толстова: ВДИ, 1939, № 3; 1941, № 1; КСИИМК, вып. VI. 1940 и др.

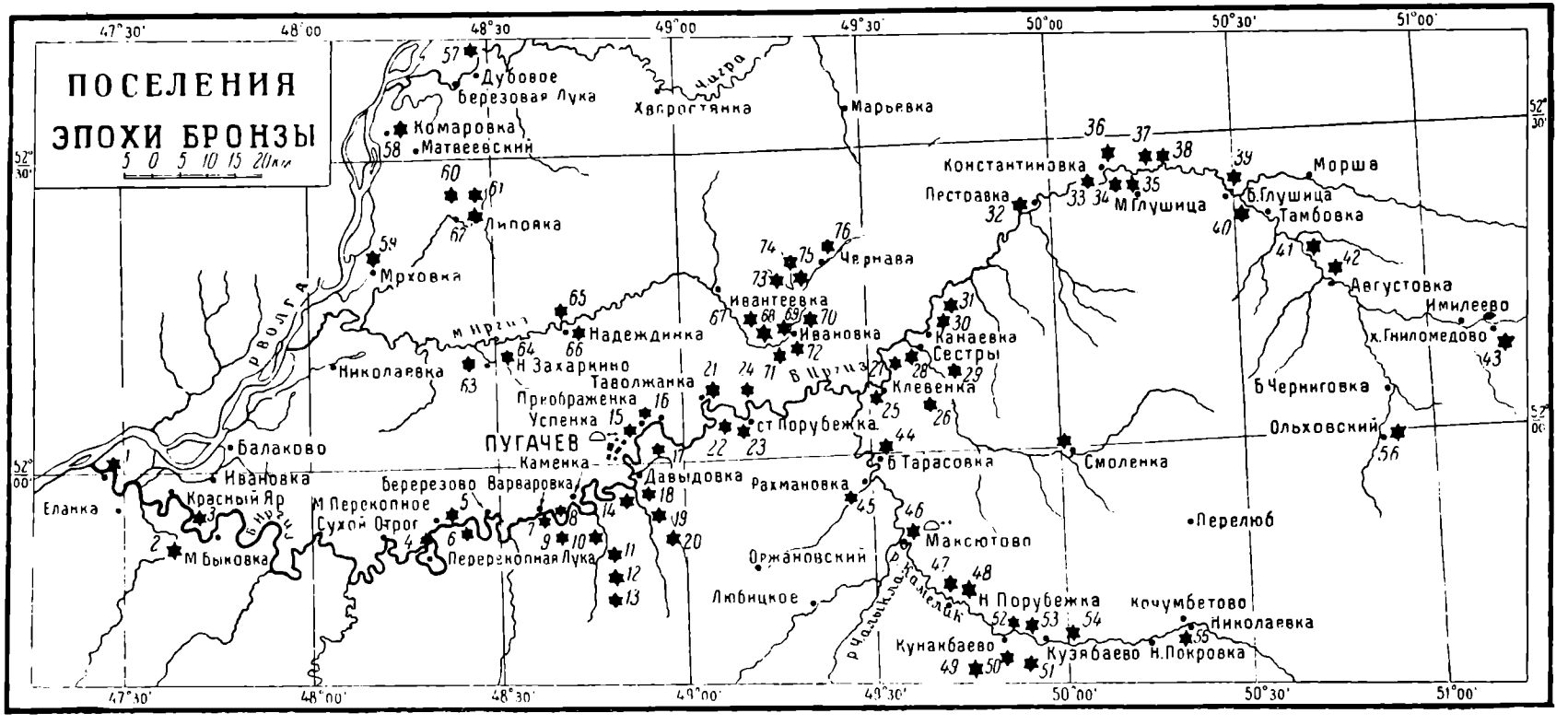


Рис. 1. Карта поселений эпохи бронзы в бассейне рек Большого и Малого Иргизов.

площадь поселения несколько превышала современные его размеры по протяжению береговой линии.

Поверхность территории поселения хорошо сохранилась и имеет вид ровной площадки. Никаких признаков культурных остатков или следов от жилищ на поверхности поселения не заметно. При раскопках культурные остатки встречаются непосредственно под растительным слоем. Глубина залегания культурного слоя доходит до 30—40 см, а степень его насыщенности весьма незначительна.

Раскопками были вскрыты две землянки, обнаруженные благодаря обвалам берега реки. При исследовании площади поселения путем контрольных траншей других жилых комплексов не обнаружено. Весьма вероятно, что часть землянок (две или три) могла быть разрушена обвалившейся береговой линией поселения.

Землянки, расположенные на краю берега реки на расстоянии 80 м друг от друга, были вырыты в материковой глине.

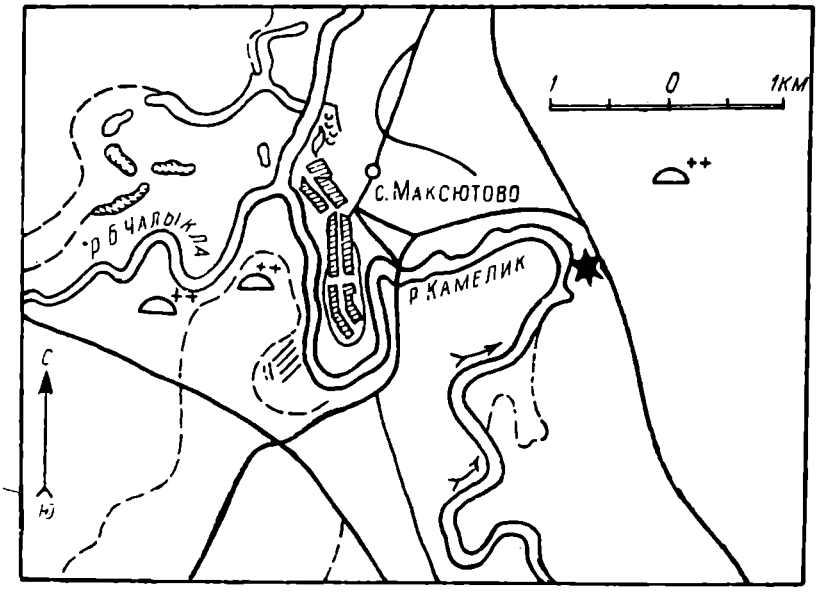


Рис. 2. План поселения у с. Максютово.

Землянка № 1, расположенная в южной стороне поселения, была хорошо заметна в обрыве берега в желто-глинистом грунте, заполненном темнозолистым слоем земли, черепками посуды и обломками костей животных. Раскопки жилища производились снятием земли поквадратно в раскопе общей площадью 192 кв. м. После расчистки верхних слоев земли границы землянки весьма отчетливо выявились благодаря глинистому грунту.

В плане землянка имела форму удлиненного прямоугольника, ориентированного длинной стороной по линии В—З с незначительным отклонением по линии ЮВ—СЗ (рис. 4). Длина землянки по линии ЮВ—СЗ равнялась 9 м, ширина —6 м, глубина от современной поверхности до пола —1.20 м. Землянка была вырыта в материковой глинистой почве и имела хорошо сохранившиеся отвесные стенки до 60—80 см в высоту. Юго-западный угол землянки несколько разрушен обвалом берега.

В конструктивных приемах устройства данного жилища выявлено следующее: пол имел ровную поверхность с весьма незначительным понижением к центру землянки. На полу землянки около восточной стенки на расстоянии 3 м от северо-восточного угла и на таком же расстоя-

нии от юго-восточного обнаружена ямка — место столба, поддерживавшего перекрытие (рис. 5). Размеры ямки: диаметр 25 см, глубина до 30 см. Противоположная западная сторона частично разрушена, и место от столба не сохранилось. Не обнаружено следов от столба и в центральной части пола. Однако, судя по размерам землянки, можно предполагать наличие не менее трех таких столбов, поддерживавших слегу перекрытия. Расположение столба в середине землянки по длинной ее оси позволяет заключить, что над землянкой была возведена двускатная крыша. Остатки перекрытия в виде коры от тонких бревен, мелкого хвороста в большом количестве прослежены на полу землянки.

Внутри землянки, начиная от юго-западного угла, вдоль южной стены был вырезан уступ — нары, имевшие вид ровной площадки дли-

Рис. 3. Общий вид поселения у с. Максютово на правом берегу р. Комелик.

ною 2.5 м, высота стенок — до 30 см. Несмотря на плотность глиняного грунта, стенки нар местами были покатыми.

С внешней стороны в южной стенке жилища (ближе к юго-восточному углу) находилось широкое — до 2.50 м — углубление в виде пологой покатости, представлявшее собой вход в землянку. С противоположной стороны, на расстоянии 2 м от северо-восточного угла, также было углубление в виде прямоугольника размером 2 × 2.5 м и глубиной до 95 см от поверхности. Дно этого углубления было выше пола землянки на 25 см и небольшим выступом заходило внутрь землянки. Все это место заполнено зольной массой. На полу землянки около этого углубления также была сосредоточена зольная масса. Здесь же лежало несколько небольших камней, подвергавшихся действию огня. Назначение этого углубления в конструкции жилища остается не совсем ясным.

В одном из жилых сооружений известного поселения, исследованного Донской экспедицией ГАИМК близ хут. Ляпичева, помимо основного входа в землянку, с противоположной стороны также имелось второе углубление. В предварительном отчете о результатах раскопок указанного

поселения М. И. Артамонов отмечает, что такое углубление могло служить вторым входом в жилище.[1]

Но если учесть большое количество зольной массы и обожженных камней, расположенных на этой площадке, станет очевидным, что назначение отмеченного в нашей землянке углубления было другое. Видимо оно служило местом расположения очага с устройством в крыше отверстия для вытяжки дыма. Такое объяснение описанного углубления согласуется с данными устройства очага в землянке бронзовой эпохи, раскопанной О. А. Кривцовой-Граковой в Пензенской области.[2]

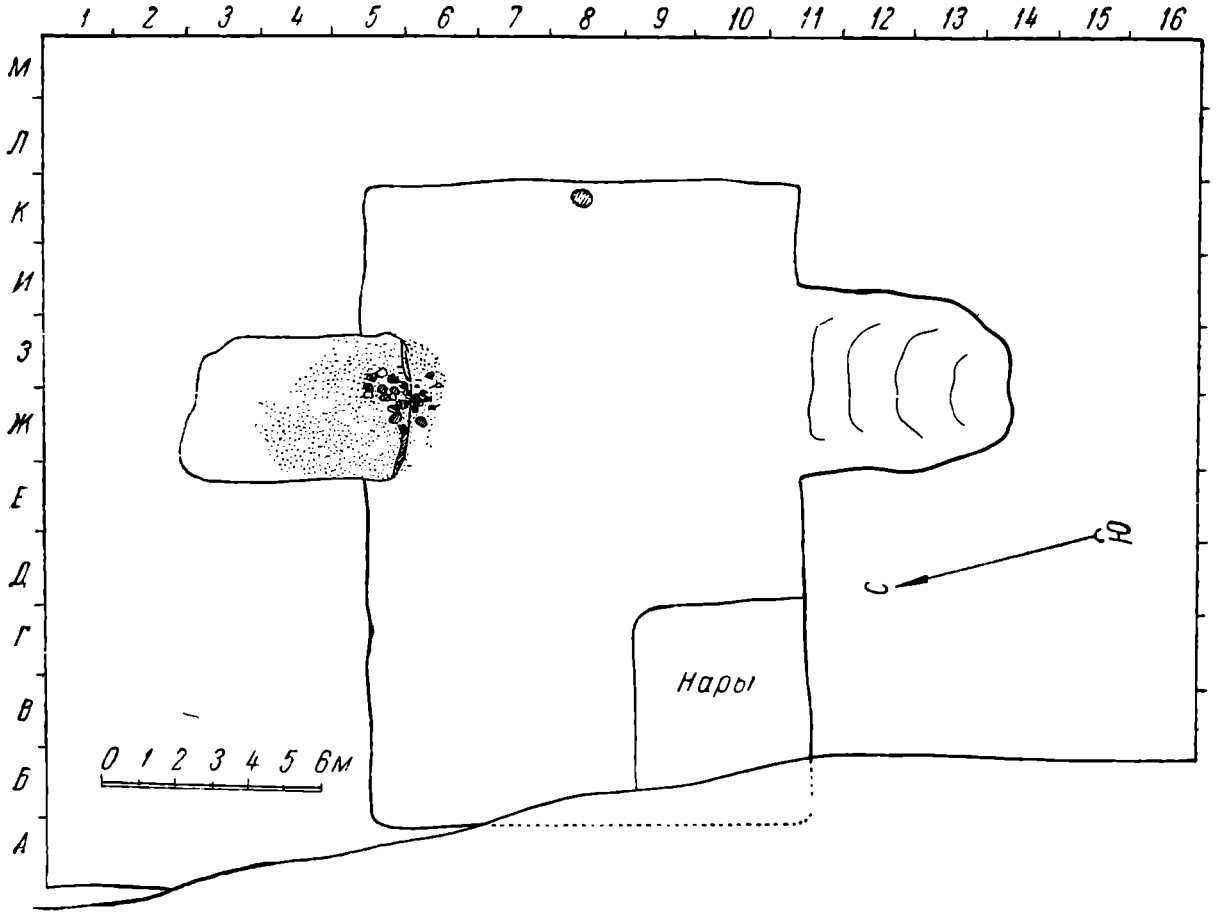


Рис. 4. Максютовское поселение. План раскопа землянки № 1.

Вся площадь землянки была заполнена культурными остатками: фрагментами керамики, костями животных, зольной массой, остатками перекрытия и различными предметами быта.

Стратиграфия заполнения землянки весьма однообразна. Начиная от верхнего слоя до пола по всей площади более или менее равномерно встречаются бытовые остатки, основная масса которых сосредоточена была на полу жилища. В землянке вместе с бытовыми остатками найдены обломки черепа человека (4 обломка) и метокорпальные кости (2 экземпляра), а также створки речных раковин Unio et gr. Pictorium L.[3]

Из бытовых предметов на первом месте стоит керамический материал. Всего в землянке было найдено около 1500 черепков различных глиняных сосудов. Преобладающим типом являются сосуды среднего размера

[1] М. И. Артамонов. Донская экспедиция ГАИМК. ПИМК, № 1—2, 1933, стр. 54.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь. Труды ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 90—93.

[3] Определение раковин сделано А. Г. Эберзиным.

(от 18 до 25 см высоты) баночной и остроребернои формы. Встречаются фрагменты больших сосудов-корчаг. Реже встречаются небольшие горшки в виде кружки с прямыми стенками (рис. 6); размеры их от 8 до 10 см в высоту при таком же диаметре. Встречены также сосудики миниатюрных размеров — 4—5 см в диаметре и такой же высоты (рис. 7).

Исключение составляют глиняные плошки-сковородки — найдено 2 экземпляра в обломках. Размеры их до 12 см в диаметре при высоте закраин 1.5 см, толщина стенок 0.3 см. Эта категория бытовой посуды совершенно не встречается в курганных погребениях того времени.

Особое место среди керамических изделий занимают глиняные плоские накрышки для сосудов. Размеры их варьируют от 15 до 25 см в диаметре,

Рис. 5. Максютовское поселение. Восточная часть землянки № 1 с ямкой от столба.

толщина от 1.5 до 2 см. На некоторых экземплярах имеются ручки округлой формы (рис. 8), некоторые снабжены в центре двумя дырочками округлой или продолговатой овальной формы. Такие дырочки предназначались для продевания в них ремешка или талышка, заменявших ручку. Всего таких накрышек в раскопе землянки найдено (в обломках) 35 экземпляров. Аналогичные глиняные накрышки известны в находках на поселениях бронзовой эпохи и других районов Нижнего Поволжья. На находки подобных глиняных накрышек указывает М. Е. Фосс, обнаружившая их при раскопках поселений эпохи бронзы у с. Лукъяновки Старо-Оскольского района Курской области.[1] Из бытовых предметов отметим два пряслица; одно вылеплено из глины и имеет цилиндрическую форму с горизонтальным основанием. Диаметр пряслица — 4.2 см. Второе пряслице (фрагмент) изготовлено из песчаника, с плоским основанием, полукруглой поверхностью и незаконченным сверлением. Диаметр — 4.5 см, высота — 2 см (рис. 9).

[1] М. Е. Фосс. Отчет о раскопках в Курской области. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1935 гг. Л., 1941, стр. 166.

Весьма типичными являются костяные бытовые предметы — «тупики», кочадыки, скобели и др. Наиболее характерны «тупики» — орудие для обработки кожи (рис. 10). Сделаны они из нижней челюсти крупных животных — коровы. Всего найдено 7 экземпляров (в обломках). Подобные «тупики» хорошо известны среди находок на поселениях эпохи бронзы в границах распространения срубно-хвалынской культуры. В северной, лесостепной полосе они хорошо представлены в находках В. Ф. Орехова с поселений близ Хвалынска.[1] В южной степной полосе аналогичные «тупики» найдены на древнем поселении у хут. Красный яр Цимлянского района Ростовской области, исследованном в 1934—1935 гг. А. П. Кругловым.[2] Не менее характерными являются костяные «скобели», сделанные из ребра крупного животного и служившие для обработки шкур и кожи. Рабочий край инструмента заполирован от продолжительного пользования. Всего найдено 4 экземпляра.

Рис 6. Максютовское поселение. Землянка № 1. Глиняный сосудик.

Из костяных предметов особой отделкой отличается игла, сделанная из трубчатой кости животного (рис. 11). Длина ее 10 см. Игла имеет постепенное утолщение стержня, круглого в поперечном

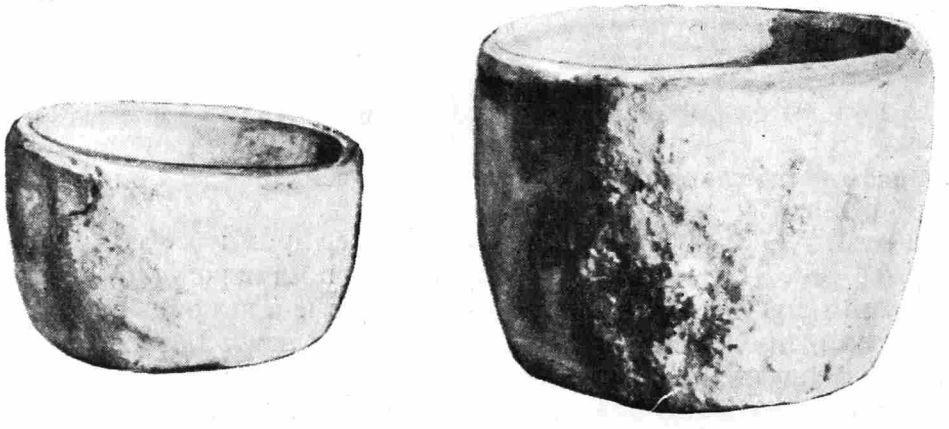


Рис. 7 Максютовское поселение. Землянка № 1. Глиняные сосудики ($^1/_2$ н. в.).

сечении. Ушко (частично обломано) вырезано или продолблено тонким инструментом. Поверхность иглы тщательно полирована.

Костяные иглы для шитья меховой одежды имели, как известно, широкое распространение в разное время. Однако среди памятников

[1] В. Ф. Орехов. Две раскопки в церковной земле с. Ивановки Хвалынского уезда Саратовской губ. Труды Саратовской Ученой Архивной комиссии, вып. 33, 1913.

[2] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 200—203, табл. XXXIII, рис. 14.

эпохи бронзы Нижнего Поволжья находок аналогичных костяных игл мы указать не можем. В курганных погребениях того времени известны прекрасные образцы бронзовых игл, употреблявшихся при шитье одежды из тканей и овчины.

В землянке найдены были предметы хозяйственного назначения, изготовленные из камня: обломки зернотерок с плоской поверхностью,

Рис. 8. Макеютовское поселение. Землянка № 1. Глиняная накрышка для горшков.

обломок песчаниковой точилки с одной рабочей поверхностью, упомянутый обломок каменного пряслица, обломок (лезвия) каменного (из диабаза) топора с лопастью. Топор прекрасно отполирован. Аналогичные топоры хорошо известны из курганов Нижнего Поволжья и других районов, дающих погребения II тысячелетия до н. э.

Необходимо отметить почти полное отсутствие среди находок предметов из бронзы. Единственной находкой из бронзы оказалась небольшая четырехгранная пластинка в виде шила длиною 5 см. Особо следует отметить находку на полу землянки нескольких кусков шлаковидной массы.

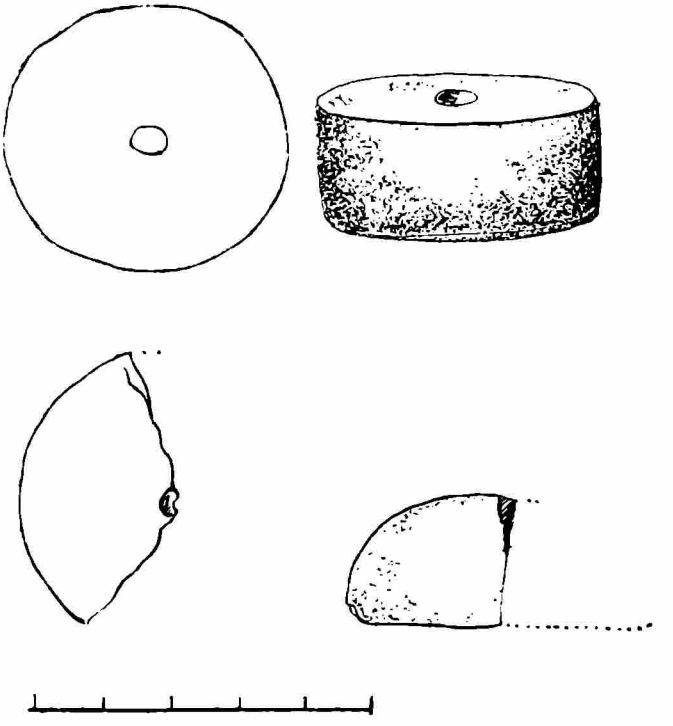


Рис. 9. Макеютовское поселение. Землянка № 1. Пряслица.

Большое место среди находок занимает костный материал, находимый во всех слоях заполнения землянки. Общее количество костей, найденных в раскопе землянки, свыше 1000. Несмотря на то, что значительная часть находок состоит из мелко раздробленных костей, все же определение материала, произведенное Е. И. Беляевой, позволило выявить состав животных. Нижеприведенная сводка отчетливо определяет видовой состав животных и их количественное соотношение.

Землянка № 2 находилась на расстоянии 80 м к северу от первой, непосредственно примыкая к берегу реки. Никаких внешних признаков

она не имела и была обнаружена обвалом береговой линии. Размеры ее сохранились полностью. Раскопки производились снятием земли поквадратно общей площадью 156 кв. м.

В плане землянка имела прямоугольную форму и была ориентирована короткими сторонами по линии С—Ю. Длина ее по линии С—Ю 6 м, по линии В—З 8 м, глубина от современной поверхности — 90 см. Землянка была вырыта в материковой глине.

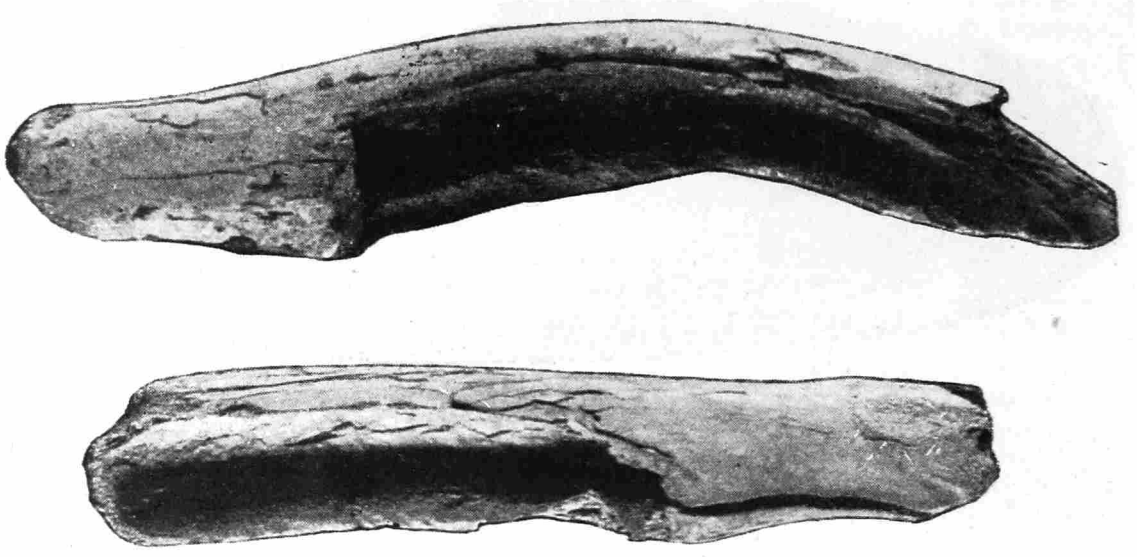


Рис 10. Максютовское поселение. Землянка № 1 Костяные «тупики».

В отличие от первой, отвесные стенки второй землянки имели более оплывший вид. Высота стенок достигала 50—60 см. Каких-либо следов деревянной обкладки стен не прослежено. С южной стороны, на расстоянии 1.50 м от юго-восточного угла и 2.50 м от северо-западного угла, расположен вход в землянку несколько покатый с сильно оплывшими стенками. Пол землянки ровный и по всей площади покрыт зольной массой кизячного происхождения. Никаких углублений или ямок на полу не обнаружено. По всей площади заполнения землянки, от верх-

Рис. 11 Максютовское поселение. Землянка № 1. Костяная игла (ок. н. в.).

них слоев до пола, встречались бытовые остатки. По сравнению первой землянкой вещественный материал весьма беден. На всей площади раскопа найдено около 150 черепков глиняной посуды, несколько обломков от глиняных накрышек, обломки «тупиков» (3 экземпляра), обломки камней неопределенного назначения и около 200 костей животных. Как и в землянке № 1, в разных слоях заполнения встречались створки речных раковин.

Керамика землянки № 2 повторяет тип посуды, найденной в первой землянке и контрольных раскопах поселения. Преобладающим типом посуды максютовского поселения являются: 1) горшки баночной формы с прямыми стенками, 2) горшки остроребериой формы. Отличительная особенность керамики — ее орнаментация. В большинстве своем верхняя

часть горшков имеет орнамент из отдельных параллельных или пересекающих друг друга линий. Сосуды баночной формы чаще имеют гладкую поверхность и лишь иногда украшены по плечикам орнаментом в виде треугольников, наклонных насечек, расположенных параллельно или в «елочку» (рис. 12).

Для характеристики основных видов занятий обитателей данного поселения весьма существенным является костный материал, полученный в процессе раскопок. Общее количество собранных на поселении костей превышало 2000, однако вследствие фрагментарности отдельных костей для определения использована лишь часть их.

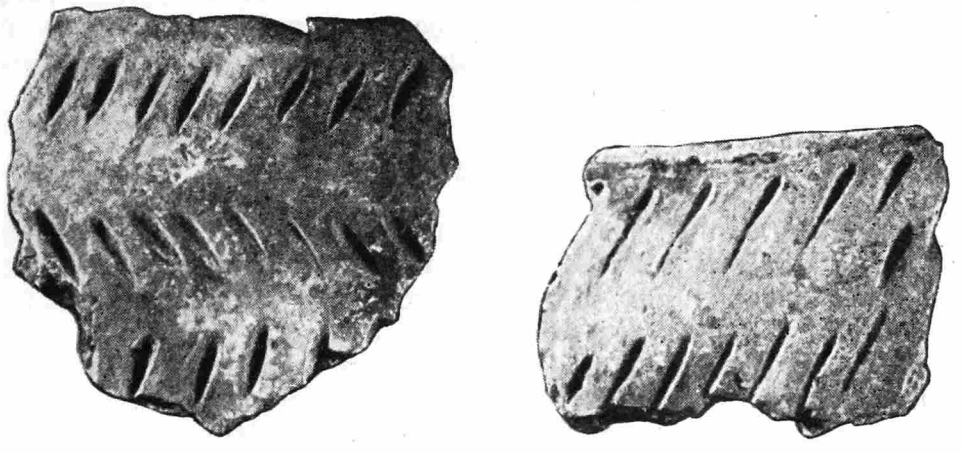


Рис. 12. Максютовское поселение. Характерные образцы керамики.

Определение костного материала Максютовского поселения было произведено Е. И. Беляевой, установившей следующий видовой состав животных и их процентное соотношение:

Виды животных	Число костей	Число особей (не менее)	Число остатков в %	Число особей в %
Крупный рогатый скот	503	28	65.8	53.9
Мелкий рогатый скот	202	16	26.4	30.8
Лошадь	39	3	5.1	5.8
Собака	11	2	1.5	3.8
Свинья	3	1	0.4	1.9
Барсук .	5	1	0.7	1.9
Тушканчик	1	1	0.1	1.9
Итого .	764	52	100.0	100 0

В данную сводку и подсчет не включены мелкие кости, определение которых по фрагментам затруднительно, данные о ребрах, а также неопределимые обломки, которые составляют около 50% общего количества найденных костей.

Характер костных остатков является весьма показательным. Приведенная сводка, составленная на основании сравнительно небольшого, но хорошо документированного и изученного материала, позволяет сделать заключение не только о составе домашних животных, но и отметить значение скотоводства в хозяйстве населения конца эпохи бронзы

данного района. Такой состав костных остатков свидетельствует о значительной роли домашних животных в хозяйстве обитателей этого поселения. Вместе с тем, почти полное отсутствие костей диких животных является ярким доказательством слабой роли охоты в хозяйстве скотоводческо-земледельческого общества степных районов Заволжья.

Комплекс бытовых остатков, обнаруженных на поселении, характер жилищ, а также степень их заполнения позволяют сделать заключение о сравнительно длительном пребывании обитателей на данном поселении. Во всяком случае продолжительность обитания может измеряться не одним десятком лет. Анализ материала позволяет отнести исследованное поселение к числу памятников эпохи поздней бронзы Нижне-Волжской хвалынской культуры. Эта археологическая датировка особенно хорошо подтверждается материалами аналогичного поселения, расположенного у с. Успенки и исследованного нами в 1939 г.

УСПЕНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Произведенные в 1938 г. раскопки поселения в районе с. Максютово показали необходимость постановки более широких исследований этой категории памятников. С этой целью мною в 1939 г. были произведены раскопки древнего поселения у с. Успенки.

Поселение находится на правом берегу р. Большого Иргиза, около с. Успенки, в 3 км к северо-востоку от г. Пугачева, непосредственно на краю высокого берега реки (рис. 13). Правый берег Иргиза в этом месте интенсивно размывается в половодье, вследствие чего его береговая линия представляет собою крутой обнаженный обрыв. С восточной стороны площадь поселения ограничена Иргизом, с южной — глубоким древним оврагом, с северной проходит небольшая ложбинка и неглубокий овражек позднего происхождения. Левобережная полоса Иргиза представляет в этом районе широкую пойменную долину, покрытую лесом. Ровная поверхность правобережной террасы Иргиза местами прорезана оврагами и небольшими ложбинами. К западу, за небольшим оврагом, на расстоянии 1 км от поселения расположены курганы, которые непрерывной цепью тянутся между Успенкой и г. Пугачевым. Раскопанные здесь 7 курганов содержали погребения эпохи бронзы и сарматского времени.

На месте поселения в береговом обнажении почвенного слоя встречаются обломки керамики и кости животных. На поверхности поселения хорошо заметны следы землянок в виде продолговато-овальных углублений, поросших густой растительностью. Два из трех углублений расположены у берегового обрыва и частично разрушены им.

В 1928 г. А. И. Тереножкиным были произведены разведочного характера раскопки частично разрушенной землянки. В отчете о раскопках данного жилища указано, что остаток жилой ямы обнажался в обрыве в виде понижения бедного культурного слоя до глубины 1 м. Сохранившаяся часть землянки представляла собой четырехугольную яму с вертикальными стенками в 1 м высоты, 7.3 м ширины и более 13 м длины, судя по большому остатку северной стены. В западной части ямы культурный слой перекрыт сверху сплошным пластом докрасна прокаленной земли, толщиной 25—35 см. Вдоль южной и отчасти западной стенки протянулось большое кострище — 7 м длины и 1 м ширины. В самом же юго-западном углу (при повороте кострища) все заполнено сажей и черепками посуды. Вдоль северной стенки расположено другое кострище, элипсовидной формы. В северо-западном углу, в материке, был вырезан угольник высотой 20 см и на 50 см выступающий из угла. На его краю

стоял маленький горшочек баночной формы. Рядом с этим углублением в западной стенке был сделан печеобразный подбой (высота от пола 40 см, ниже пола — 20 см, ширина — 70 см и глубина в стенку 60 см). В подбое был найден «тупик» из челюсти коровы и грубое массивное каменное орудие неопределенного назначения. В землянке обнаружено большое количество черепков, 4 целых сосуда и много костей животных. На полу землянки найдены поделки: из кости — «тупики», пряслица: из камня — песты, точила, терки и другие бытовые предметы.[1]

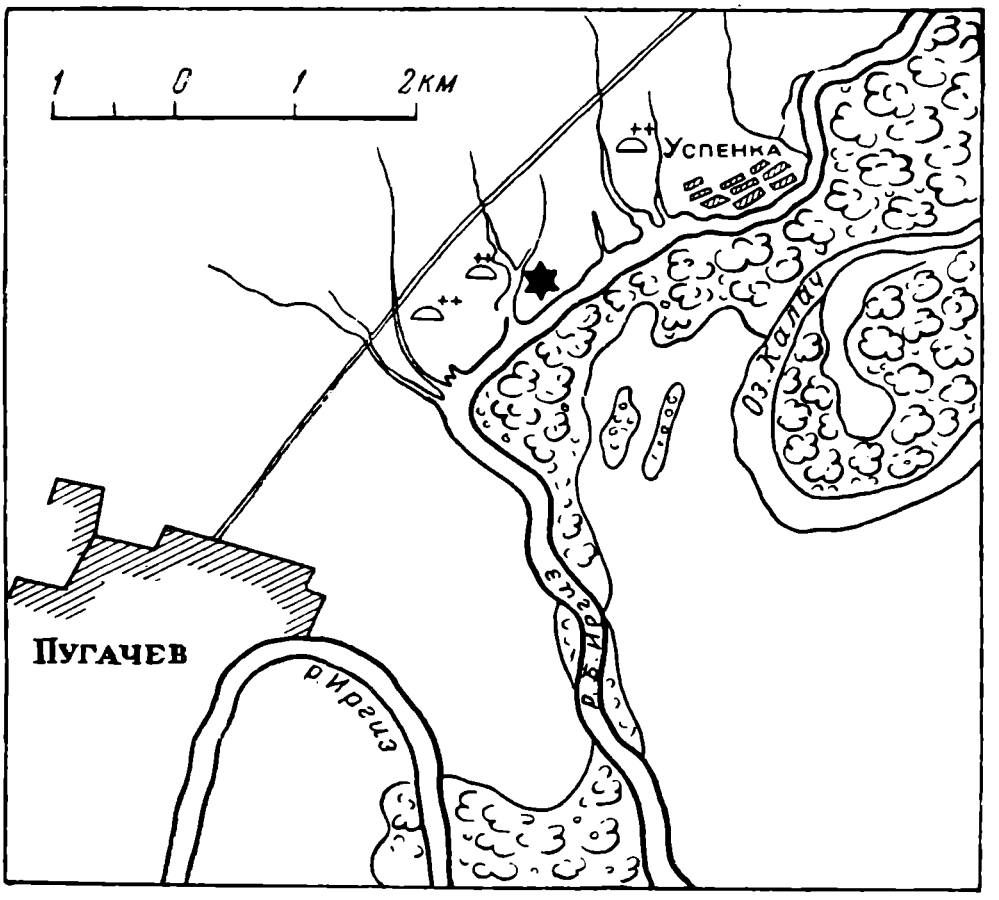


Рис. 13. План окрестностей г. Пугачева.

Предпринятые нами в 1939 г. раскопки данного поселения позволили выявить с достаточной полнотой характер устройства жилищ, содержание культурных остатков и уточнить размеры поселения.

Вдоль берега реки протяженность культурного слоя поселения составляет около 80 м. Приблизительно на такое же расстояние прослеживаются культурные остатки от берега в сторону степи. Учитывая степень разрушения береговой линии не менее чем на 20 м, можно признать, что первоначальная площадь поселения имела около 90—100 м в длину.

Культурный слой поселения на всей площади равномерен, достигая местами 30—40 см толщины, и во всех горизонтах слабо заполнен остатками костей животных, черепками посуды.

В результате раскопок установлено, что на площади поселения было расположено всего три землянки, имевших одинаковую форму устрой-

[1] Материалы из раскопок А. П. Тереножкина хранятся в настоящее время в муз г. Пугачева, где они мною и были изучены.

ства и приблизительно одинаковые размеры. Жилища занимали центральную часть площадки и были расположены на расстоянии 10—15 м друг от друга, длинной стороной и выходом к берегу реки (рис. 14). Две землянки расположены ближе к берегу реки и частично разрушены, вследствие чего их точные размеры не определены. Третья землянка, находившаяся в центре поселка, полностью сохранила свои очертания. Раскопки были начаты с землянки № 2.

Землянка № 2 находилась на расстоянии 12 м к С от первой.[1] Землянка была хорошо заметна в обрыве берега, а на поверхности име-

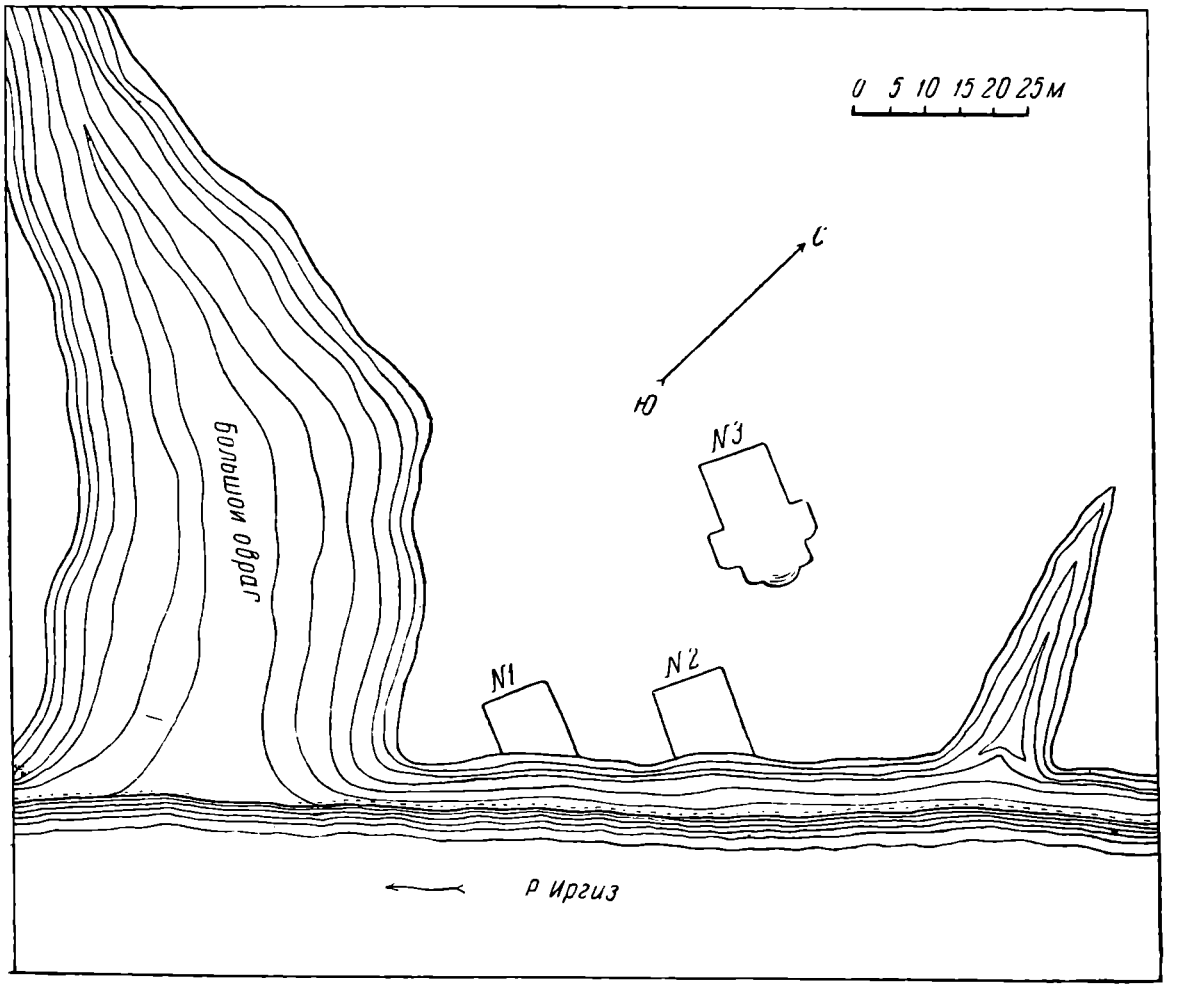


Рис. 14. План Успенского поселения.

лось назначительное углубление. Исследование землянки производилось снятием земли поквадратно по площади раскопа в 252 кв. м.

В плане землянка имела форму удлиненного прямоугольника, ориентированного длинной осью по линии В—З, с незначительным отклонением на ЮВ и СЗ. Юго-восточная часть землянки разрушена обвалом берега реки (рис. 15).

Сохранившаяся часть землянки имела следующие размеры: длина северной стенки — 14 м, от южной стенки осталось до 9 м. Ширина землянки — 9 м, глубина от современной поверхности 1.20 м. Вертикальные стенки отчетливо сохранились и имели 60—70 см высоты. Следов деревянной обкладки стен (сруба) не прослежено. Пол представлял

[1] Первая землянка, как отмечалось, раскопана А. И. Тереножкиным.

ровную утрамбованную площадку, имевшую в центре незначительное понижение.

При всей тщательности наблюдений, в процессе зачистки пола удалось проследить лишь 3 ямки от столбов. Первая ямка расположена на расстоянии 3 м от южной стенки и 2 м от западной и хорошо сохранила свои очертания (рис. 15, *1*). Она была заполнена рыхлой темнозольной массой и имела в диаметре 27 см и около 25 см в глубину. Вторая ямка, плохо сохранившая очертания, расположена также на расстоянии 2 м

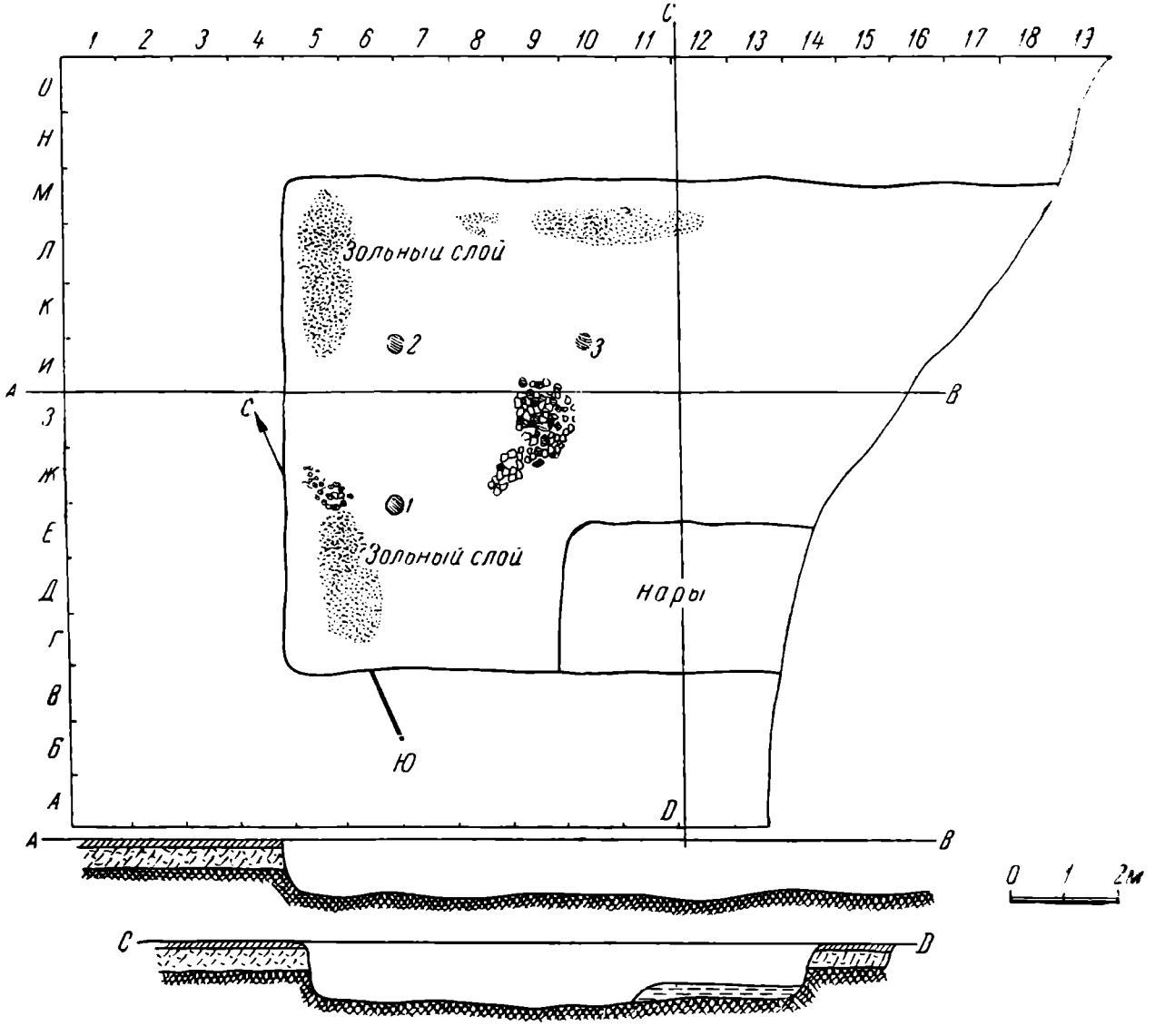


Рис. 15. Успенское поселение. План и профиль землянки № 2.

от западной стенки и 3 м от северной; диаметр ее около 35 см, глубина до 25 см. Ямка заполнена рыхлой почвой темнозольного цвета. Третья ямка, такого же вида, расположена в восточном направлении, на расстоянии 3 м от второй ямки и 3 м от северной стенки. Такое расположение ямок от столбов и размеры землянки (ее ширина) позволяют считать, что землянка была покрыта крышей на два ската. Столбы, поставленные в два ряда, поддерживали балки, жерди и весь каркас перекрытия.

Вдоль южной стенки, на расстоянии 5 м от западной стенки, находилось возвышение — нары. Стенки нар — на 30 см выше пола и слегка покаты. Ширина нар около 3 м, длина сохранившейся части 5.5 м. В юго-

западном углу сохранились следы очага в виде зольного слоя около 2 м длиной, 1 м шириной и до 10 см толщиной. Такой же зольный слой расположен в северо-западном углу, а зольные прослойки прослежены вдоль всей северной стенки.

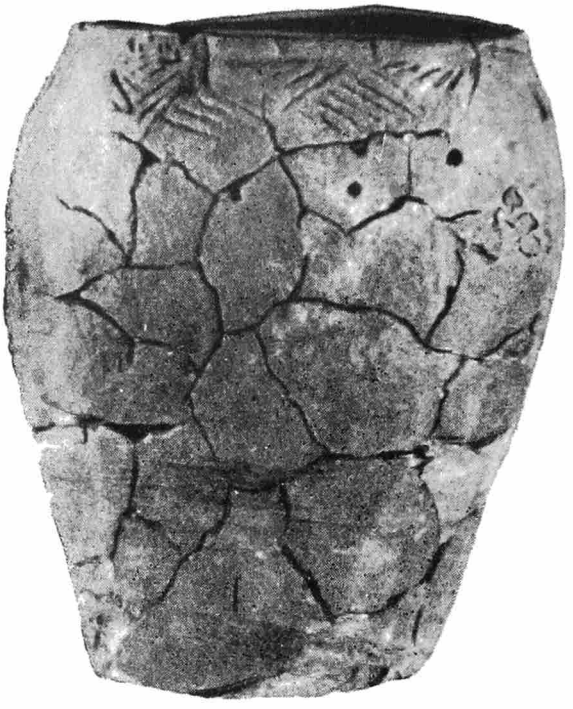


Рис. 16. Успенское поселение. Землянка № 2. Глиняная корчага.

В центре землянки на полу сосредоточено значительное скопление черепков посуды, среди которых обнаружена одна целая (раздавленная землей) корчага (рис. 16). Высота ее — 30 см, диаметр по верхнему краю — 19 см, диаметр дна — 14 см. Стенки тонкие, обжиг неравномерный, вследствие чего наружная поверхность имеет местами темный или коричневато-темный цвет. По плечикам расположен мелкозубчатый чеканный орнамент. Здесь же найдены два каменных песта-терочника (рис. 17). Один пест имеет овально-четырехгранную форму с утолщенным основанием. Рабочая часть основания сильно сглажена. Длина песта — 12 см, диаметр основания — 7 см. Второй пест-терочник — из плотного сливного песчаника красновато-коричневого цвета, овальной формы, размером 10 × 8 см, толщина 6 см. Все стороны предмета сильно сработаны, а основание приняло сегментовидную форму.

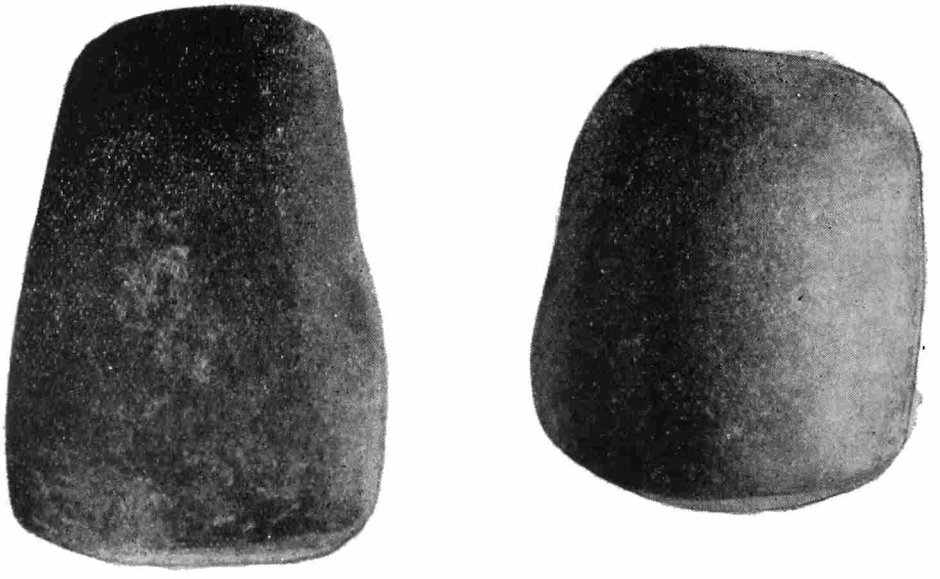


Рис. 17. Успенское поселение. Каменные песты-терочники из землянки № 2.

В разных местах землянки найдено несколько небольших камней неопределенного назначения, а также костяные предметы. Среди последних имеется: рукоятка от бронзового четырехгранного шила, сделанная

из ножной кости овцы (длина ее 11 см), шило, сделанное из трубчатой кости животного, проколка. Из каменных орудий отметим: обломок терочника булкообразной формы (длина 13 см, ширина плоской стороны 6 см, высота 3.5 см), он сделан из сероватого известняка, выходы которого имеются в окрестностях г. Пугачева, и обломки зернотерок небольшого размера, сделанные из различных пород камня.

Среди керамических изделий, помимо черепков посуды, найдены плоские накрышки от горшков (в обломках), обломок глиняного цилиндрического пряслица. На полу землянки, а также в разных слоях ее заполнения встречаются створки речных раковин и скопления черепков посуды (рис. 18).

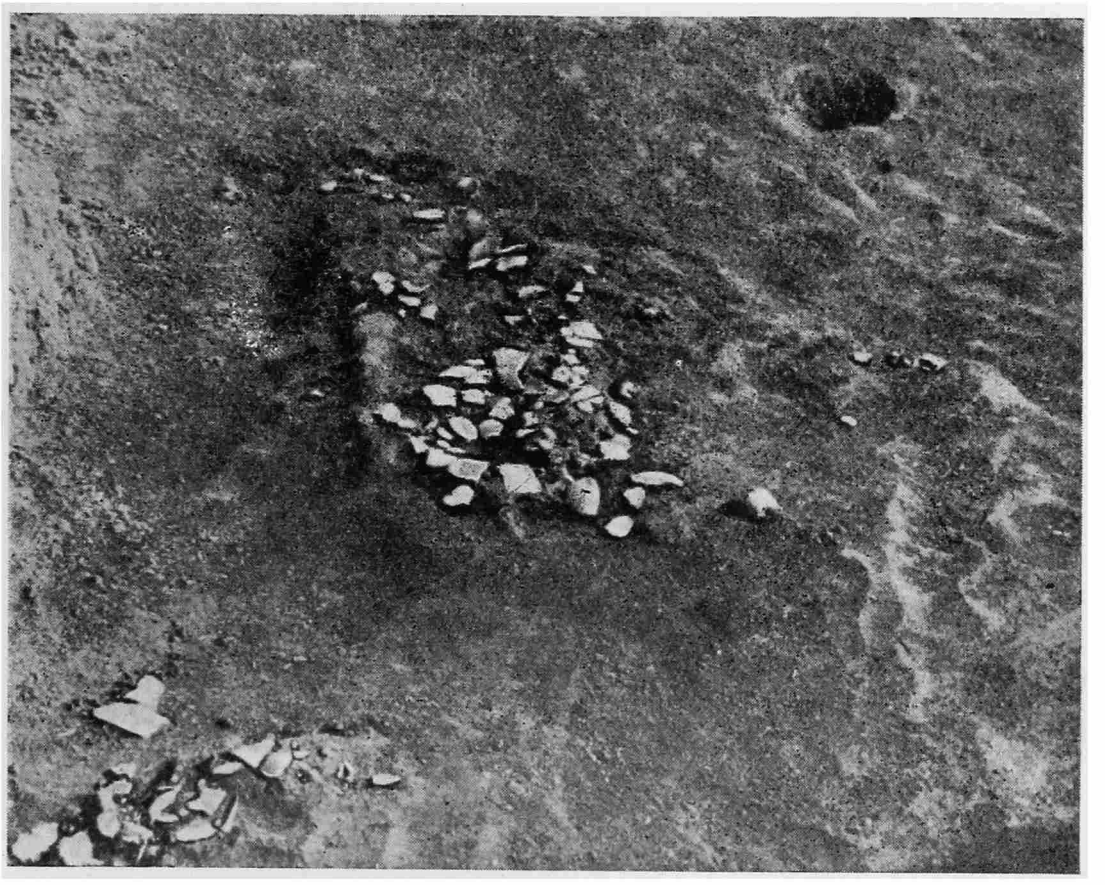


Рис. 18. Успенское поселение. Остатки посуды и ямки от столбов в юго-западной части землянки.

В процессе послойного снятия всей площади раскопа землянки отчетливо удалось проследить стратиграфию заполнения. Непосредственно под дерновым слоем, вплоть до пола, на различной глубине встречались кости животных, черепки посуды, зольные прослойки. Такое залегание остатков можно объяснить тем, что они выбрасывались не только около землянки, но и на крышу землянки, а после ее разрушения оказались на различной глубине завала.

Такой же характер заполнения жилой ямы был установлен и при раскопках третьей землянки.

Землянка № 3 находилась на расстоянии 15 м к СЗ от второй, занимая центральную площадь поселения. На поверхности отчетливо заметно продолговато-овальное углубление, поросшее более зеленой растительностью.

Исследование землянки было произведено снятием земли поквадратно на всей площади углубления общим раскопом в 380 кв. м (рис. 19).

На глубине 40—50 см от современной поверхности в глинистой почве отчетливо выявились границы землянки. В плане землянка представляла форму удлиненного прямоугольника, ориентированного длинными сторонами на В—З, с незначительным отклонением по линии ЮВ—СЗ (рис. 20). Размеры землянки: длина — 18 м (длина северной стенки достигала 18.5 м), ширина — 8.5 м, глубина — 1.1 м от современной поверхности до пола. Стенки вертикальные, хорошо сохранились. Высота их от 40 до 60 см.

Вход в землянку расположен в восточном конце, он имел вид наклонного спуска до 5 м шириной. С боковых сторон к землянке примыкали

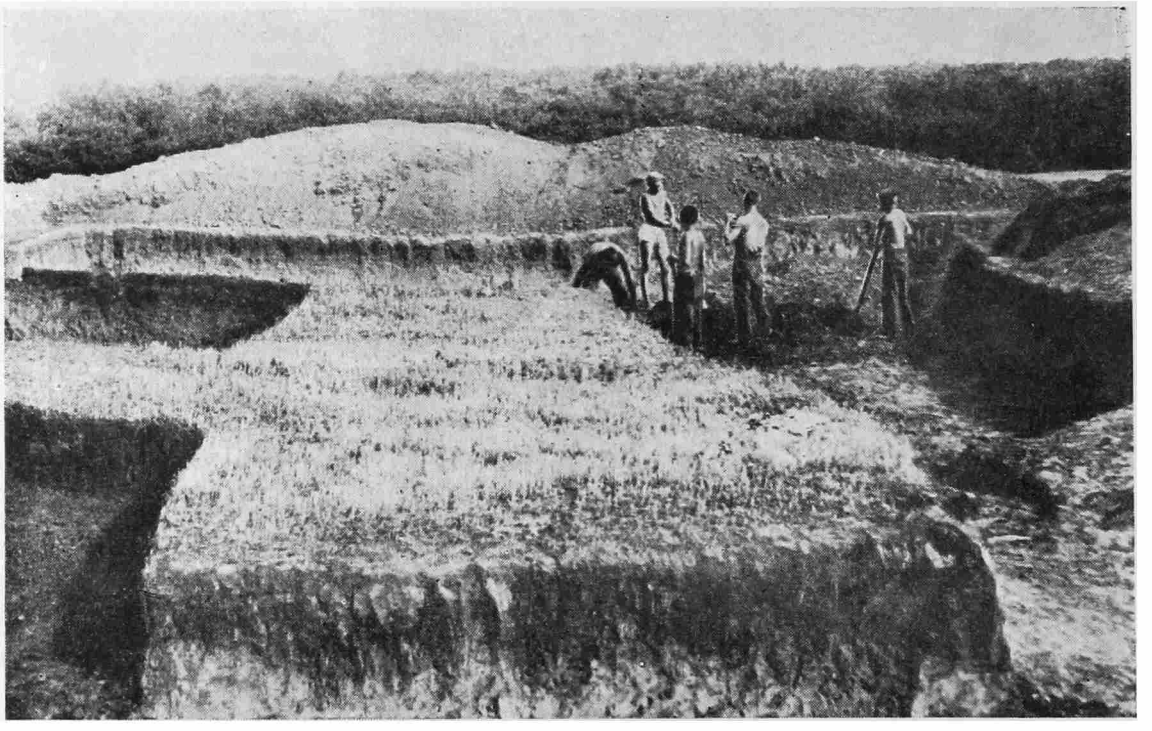


Рис. 19. Успенское поселение. Процесс раскопок землянки № 3.

выемки, расположенные на одном уровне с полом. Стенки их также вертикальные. Выемка, расположенная с северной стороны, имела размеры 5.5 × 3 м, противоположная ей — 6.2 × 3 м. Эти пристройки, вероятно, служили для хозяйственных нужд, в частности, для помещения в них скота. Таким образом общая площадь землянки составляла 190 кв. м. Такие размеры жилища позволяли содержать в помещении не только пищевые запасы, хозяйственный инвентарь, но и домашний скот, особенно в зимнее время.

Вся площадь землянки заполнена черным перегнсем, перемешанным с культурными остатками, залегавшими от верха до пола. Ближе к стенкам почва перемешана с зольным слоем. По всей площади заполнения на различной глубине встречались однородные находки — кости животных, черепки посуды.

Пол землянки на всей площади ровный, при зачистке пола следов от столбов не обнаружено. Основная масса находок сосредоточивалась в западной половине жилища, т. е. в противоположном конце от входа. В этой половине вся площадь пола покрыта зольной массой и резко выде-

ляется по цвету (рис. 21). Здесь же обнаружены два очага и пять корчаг, врытых в пол землянки. Один очаг расположен вдоль западной стенки, занимая в длину площадь до 4.5 м, в ширину — 1.5 м и до 10 см толщиной. Он состоял из плотно слежавшейся зольной массы кизячного происхождения. В конце зольного слоя, ближе к северо-западному углу, стояла глиняная толстостенная корчага, врытая в пол землянки на 30 см. Верхняя часть корчаги отбита, а сохранившаяся имеет 28 см высоты (рис. 22).

Второй очаг расположен в 3 м от западной стенки и на таком же расстоянии от южной. Очаг представлял собой округлую ямку 15—

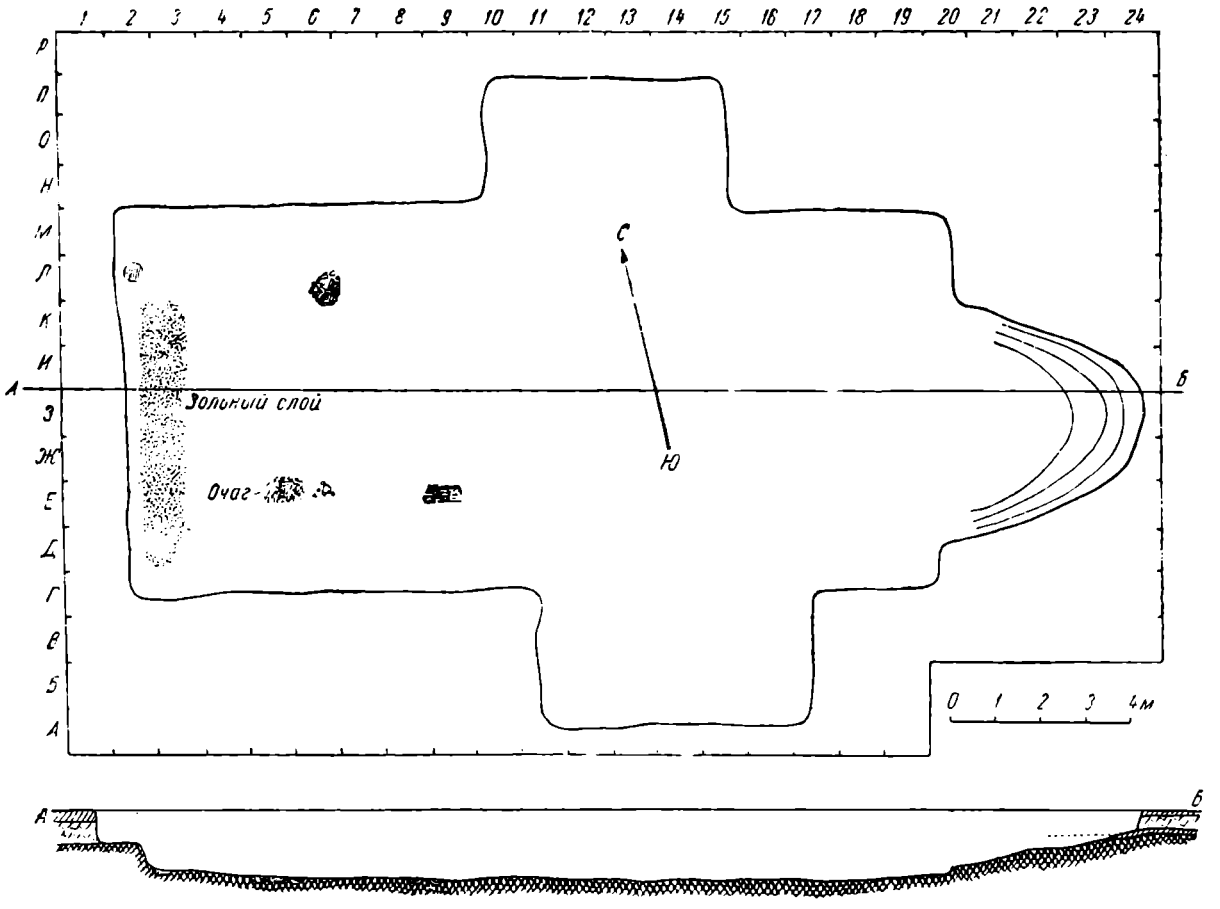


Рис. 20. Успенское поселение. План и профиль землянки № 3.

20 см глубиной и до 60 см в диаметре. Ямка заполнена небольшими камнями (до 30 шт.), зольной массой и обожженной землей. Под камнями грунтовая земля от действия огня приобрела красноватый оттенок. При тщательном осмотре и разборке очага среди камней в зольной массе были найдены остатки медного литья в виде четырех небольших шариков и двух медных обломков металла, утерянных или брошенных в процессе литья.

Здесь же, на расстоянии 2 м от очага, с восточной стороны находились в раздавленном и неполном состоянии две большие корчаги, врытые в пол землянки на глубину 30—35 см. Между очагом и корчагами были разбросаны небольшие камни, среди них один в виде наковаленки: плоская поверхность его имеет 25 × 10 см, толщина — до 20 см. Порода камня — известняковый песчаник из верхнеюрских отложений, выходы которого имеются в 30—40 км от поселения, между деревнями Орловкой и Селезнихой, откуда он и мог быть доставлен на место поселения.

Около очага найден глиняный предмет пирамидальной формы — 9 см высотой и 6 см у основания, сильно обожженный. Аналогичные предметы с дырочкой в верхней части известны в культурных слоях ран-

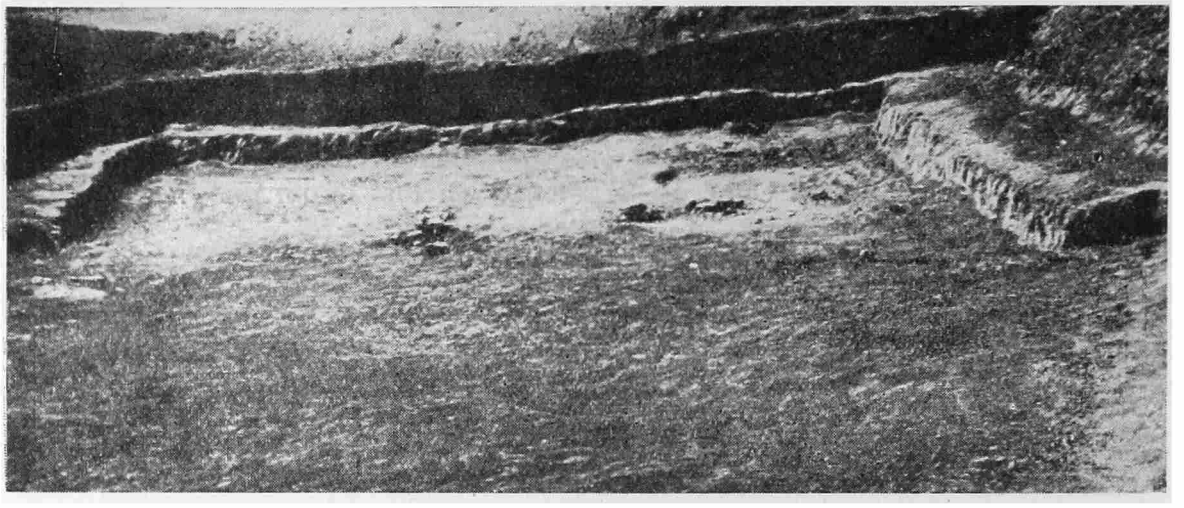


Рис 21 Успенское поселение. Западная половина землянки № 3.

них городищ Нижнего Поволжья, где они определяются как грузики ткацкого станка.

С другой стороны очага, в 2 м от северной стенки стояли две корчаги, врытые в пол. Корчаги имеют прямые стенки высотой до 35 см (рис. 23). В одной из корчаг находились расколотые трубчатые кости животных и костяные наконечники стрел в различных стадиях обработки (рис. 24).

Рис. 22. Успенское поселение. Глиняная корчага из землянки № 3.

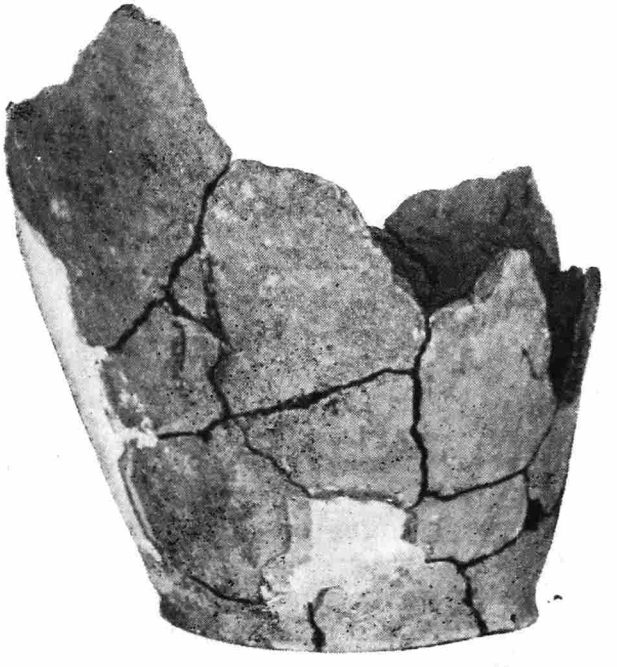


Рис. 23. Успенское поселение. Глиняная корчага из землянки № 3.

Данная находка позволяет предполагать, что в таких корчагах разбитые трубчатые кости предварительно распаривались в горячей воде, а затем уже подвергались обработке. Этот способ обработки кости известен с древнейших времен. В недавних публикациях М. М. Герасимова

и М. Е. Фосс[1] подробно изложены основные технические приемы обработки кости. Описанные технические приемы обработки кости подтверждаются и нашими находками.

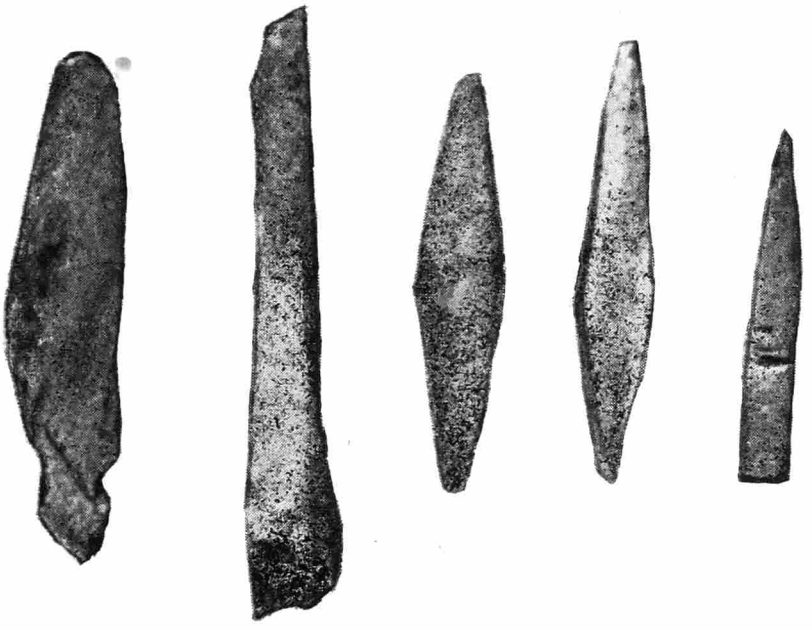


Рис. 24. Успенское поселение. Костяные заготовки для наконечников стрел из землянки № 3.

В этой же половине землянки были найдены разнообразные предметы быта и орудия. Среди костяных орудий характерны обломки «тупиков» и два наконечника стрел — один четырехгранный с ромбическим поперечным сечением и тупым концом, второй — трехгранный с расходящимися концами пера и круглым отверстием (втулкой) для насадки на древко (рис. 25). Поверхность наконечника тщательно полирована до блестящего лоска. Аналогичные трехгранные наконечники «скифского типа» хорошо известны в курганных погребениях второй половины II тысячелетия Нижне-Волжской хвалынской культуры.[2]

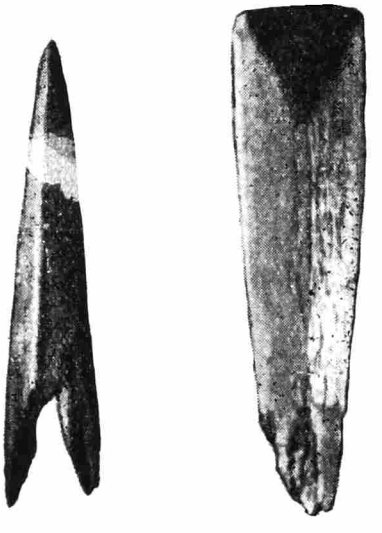


Рис. 25. Успенское поселение. Костяные наконечники стрел из землянки № 3 (н. в.).

Характерной находкой в землянке является каменная плиточка для шлифования костяных предметов, в том числе наконечников стрел. Одна сторона плитки плоская (4 × 3 см), обратная сторона имеет округлую форму. Плоская сторона сглажена от длительного употребления.

В раскопе землянки, как и в контрольных раскопах, собраны кости различных животных. Определение костного материала с Успенского поселения было произведено Е. И. Беляевой, установившей следующий видовой состав животных и их количественное соотношение:

[1] М. М. Герасимов. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта. МИА СССР, вып. II. 1941, стр. 65—85. — М. Е. Фосс. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье. Там же, стр. 212—235.

[2] ESA, т. I, стр. 77, рис. 20, *8*, *9* и стр. 81—82, рис. 24, *4*.

Виды животных	Число костей	Число особей (не менее)	Число остатков в %	Число особей в %
Крупный рогатый скот	338	15	62.9	46.9
Мелкий рогатый скот	157	9	29.2	28.1
Лошадь	36	3	6.7	9.4
Собака	2	2	0.4	6.3
Бобр	1	1	0.2	3.1
Заяц	1	1	0.2	3.1
Байбак (сурок)	2	1	0.4	3.1
Итого	537	32	100 %	100%

Как и при определении костного материала Максютовского поселения, определению подвергся не весь костный материал Успенского поселения. В сводку и подсчет также не вошли мелко раздробленные кости, не включены данные о ребрах. Тем не менее, соотношение видового состава выявляется довольно определенно. По заключению Е. И. Беляевой, «неопределимые» кости в большей своей массе принадлежат крупному рогатому скоту.

Как нами уже отмечалось, во всех раскопах землянок значительную группу находок составляли фрагменты глиняной посуды. Керамика Успенского поселения по технике изготовления, своим формам и орнаментации повторяет тип посуды Максютовского поселения. В основном выделяются два типа: 1) горшки разных форм и размеров, 2) накрышки для горшков.

Сосуды, будучи все плоскодонными, резко различны по своим размерам. Высота сосудов колеблется от 5 до 30—40 см, тем самым назначение их представляется неодинаковым.

Первая группа сосудов — большие корчаги, имеющие от 30 до 40 см в высоту и до 40 см в диаметре по верхнему краю, диаметр дна — 15—20 см. Бо́льшая часть корчаг имеет толстые стенки (до 1 см) без всякого орнамента. Некоторые корчаги оказались врытыми в пол землянки. Видимо, такого типа посуда служила для хранения запасов продовольствия и других хозяйственных нужд. В курганных погребениях посуда этого типа не встречается.

Вторую группу составляют сосуды баночной и остроребериой форм, средних размеров (15—20 см в высоту). Сосуды баночной формы с прямыми стенками в большей своей массе имеют гладкую поверхность и иногда несложный орнамент из параллельных или косых линий и овальных вдавлений (рис. 26). Сосуды остроребериые или с округлыми боками отличаются более тщательной отделкой поверхности и богатой орнаментацией, состоящей из различных параллельных или пересекающихся линий, выполненных чаще мелкозубчатым чеканом (рис. 27), реже кружковым орнаментом (рис. 28).

Не касаясь здесь детального анализа керамического материала, необходимо, однако, отметить, что среди посуды, орнаментированной разнообразными геометрическими узорами, выделяется группа черепков, резко отличающаяся от всех остальных не только техникой изготовления, но и орнаментальными особенностями (рис. 27). Ближайшие аналогии керамики этого типа известны в памятниках андроновской культуры Западного Казахстана и особенно района Орска, где они были исследо-

ваны М. П. Грязновым,[1] Б. Н. Граковым,[2] Г. В. Подгаецким[3] и др.

Во всяком случае на керамическом материале поселений Заволжья отчетливо прослеживаются взаимопроникновения культурных элементов племенных групп хвалынской и андроповской культур, генетически относящихся к единой культуре, но имевшей свои локальные особенности.

Таковы в основном данные, характеризующие исследованные нами поселения Заволжья. При изучении бытовых остатков с точки зрения датировки поселений представляется возможным установить их связь с материалами курганных погребений Нижнего Поволжья. Эта связь устанавливается, прежде всего, по найденной в могилах и на поселе-

Рис. 26. Успенское поселение. Фрагменты глиняной посуды.

ниях керамике, а также по аналогиям других бытовых остатков. Датировка поселений по керамическому материалу вполне согласуется с данными курганных погребений. Как уже отмечалось, керамика поселений совершенно аналогична керамике из многочисленных курганов Нижнего Поволжья, определяемых второй половиной II тысячелетия до н. э.

Добытые материалы поселений в общем комплексе позволяют наметить основные черты хозяйства их обитателей.

---

[1] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки». Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, вып. II, 1927.

[2] Б. Н. Граков. Отчет о работах в районе проектируемых Южно-Уральских гидроэлектростанций. Археологические работы на новостройках в 1932—1938 гг., II, Изв. ГАИМК, вып. 110, 1935.

[3] Г. В. Подгаецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. МИА СССР, № 1, 1940.

Рис. 27 **Успенское поселение. Образцы керамики.**

Наблюдения над характером расположения поселений, наличие прочных жилищ — землянок, большое количество остеологического материала, а также и орудий для обработки земледельческой продукции показывают, что основную роль в хозяйстве обитателей поселений играли скотоводство и земледелие.

Приведенные выше данные по костным остаткам, составленные на основании небольшого, но хорошо документированного и изученного материала, впервые для Нижнего Поволжья позволяют сделать более определенные заключения о составе домашних животных. В общем, материал двух поселений дает почти один и тот же состав животных как в видовом, так и в количественном соотношении. В обоих случаях около половины всех найденных костей принадлежит крупному рогатому скоту.

Значительное преобладание остатков крупного рогатого скота свидетельствует о том, что последний занимал большое место в экономике населения: он использовался не только в качестве мясной и молочной

Рис. 28. Успенское поселение. Фрагмент сосуда с кружковым орнаментом.

пищи, но также для удовлетворения других хозяйственных потребностей. Однако небольшой процент костных остатков лошади не может, как нам кажется, служить доказательством слабой ее роли в хозяйстве того времени. В этой связи необходимо отметить существенное замечание Е. И. Беляевой, указавшей при определении костного материала, что находки остатков костей лошади на Максютовском и Успенском поселениях относятся исключительно к молодым особям — жеребятам. Вполне допустимо, что вследствие возросшей роли лошади как тягловой силы и как средства передвижения взрослая лошадь не являлась убойным скотом в целях мясного питания.

Материал поселений позволяет вместе с тем отметить, что у населения степных районов Заволжья наряду со скотоводством получило широкое развитие и земледелие. Среди орудий, связанных с земледельческим процессом, большое место занимают орудия для переработки хлебных злаков — каменные зернотерки, песты. Эта категория орудий хорошо представлена и в других памятниках эпохи бронзы Поволжья. Прекрасные образцы зернотерок, пестов, терочников имеются в коллекциях музеев Нижнего Поволжья — Саратовском, Хвалынском, Пугачевском, Энгельсовском и др. Большинство из них найдено на поселениях путем случайных находок, известная часть обнаружена при раскопках поселений и курганов: можно указать, например, на курган, раскопанный нами

в 1938 г. близ Максютовского поселения (курган № 2, погребение № 2). В мужском погребении, в котором костяк положен скорченно, на левом боку, головой на В (рис. 29), в области живота находилась зернотерка округлой формы, с плоской, слегка вогнутой поверхностью с той и другой стороны. Диаметр рабочей поверхности — 17 см, толщина —

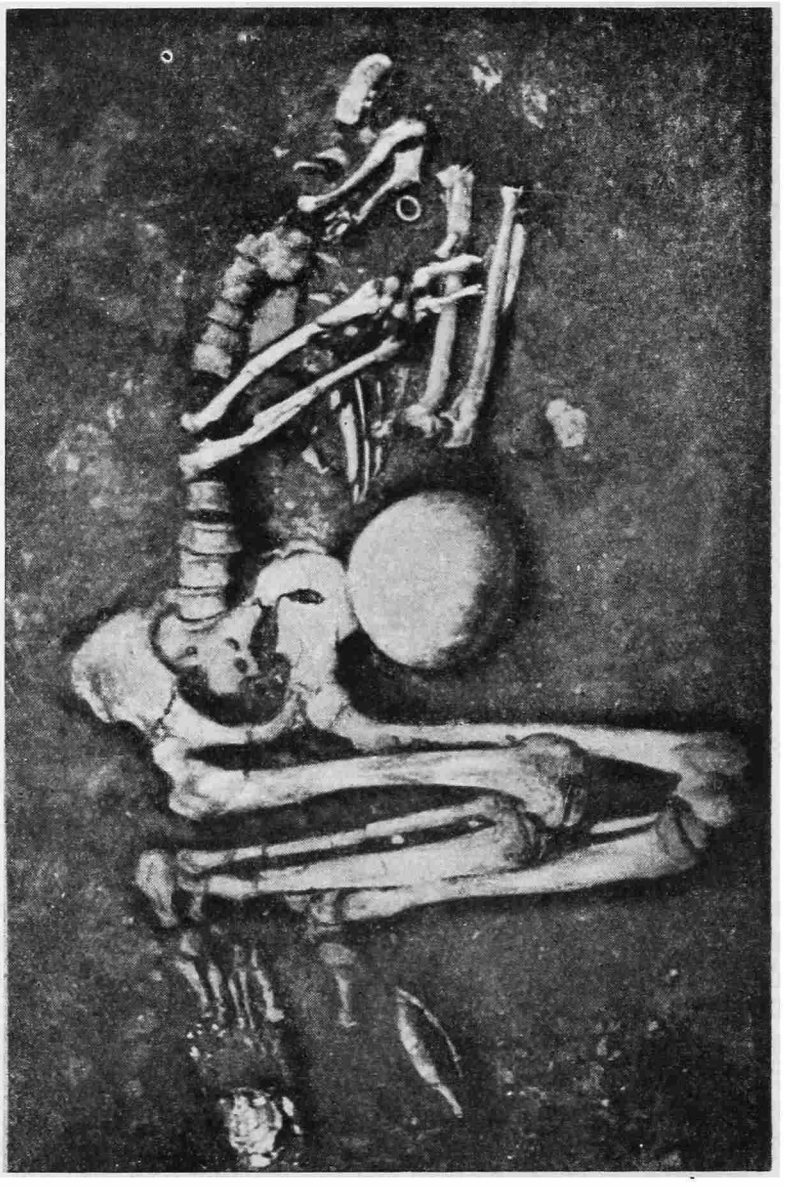


Рис 29. Погребение № 2 из кургана № 2 близ Максютовского поселения.

8 см. По могильному инвентарю это погребение, как и ряд других, раскопанных в этой группе, связано с поселением.

Второй важной категорией орудий земледелия являются бронзовые серпы. Непосредственно в наших раскопках они не были найдены. Однако нам известно несколько бронзовых серпов, обнаруженных на поселениях эпохи бронзы Нижнего Поволжья. Среди коллекций музеев Поволжья имеются прекрасные образцы серпов, случайно найденных в разных районах Нижнего Поволжья. Из наиболее типичных укажем серп, найденный в 1928 г. на поселении эпохи бронзы близ с. Валь-

тер Саратовской области,[1] и близкий по форме бронзовый серп, найденный в Вольском районе[2] (рис. 30). Такой же бронзовый серп был найден в 1924 г. близ г. Петровска (хранится в музее г. Петровска). К этому же типу относится бронзовый серп, найденный в верховьях Иргиза у с. Б. Черниговки. Об этой находке упоминается в работе В. В. Гольмстен.[3]

Аналогичные серпы хорошо известны в границах распространения хвалынской культуры. Большинство этих предметов не опубликовано, и лишь о некоторых упоминается в литературе.[4]

Нельзя не упомянуть находок каменных мотыг, служивших для взрыхления почвы. Из находок в районах Заволжья наиболее характерной является каменная мотыга, обнаруженная на поселении эпохи бронзы у с. Канаевки на левом берегу Иргиза (хранится в музее г. Пугачева). Мотыга имеет продолговато-округлую форму. Обе широкие стороны обра-

Рис. 30. Бронзовые серпы.

ботаны сколами, образующими утонченный рабочий край, а сверху утолщенный обух. По бокам и на обухе имеются выемки в виде желобков, служивших для прикрепления мотыги к рукоятке посредством ремня. Размер мотыги: высота 18 см, ширина в верхней части 13.5 см, в нижней — 15 см, толщина до 4.5 см.

По сравнению с другими категориями земледельческих орудий, каменные мотыги встречаются очень редко. Наиболее близкая по форме каменная мотыга опубликована О. А. Кривцовой-Граковой из находок на стоянке близ с. Пустынь Пензенской области.[5]

Для выяснения вопроса, связанного с земледелием, весьма важную роль играют находки культурных злаков. До недавнего времени мы не располагали надежными данными, на основании которых можно было

[1] Серп хранится в музее г. Энгельса, инв. № 225.

[2] Серп хранится в Саратовском областном музее, инв. № 1007.

[3] В. В. Гольмстен. Серпы из Сосновой Мазы. ПИМК, № 5—6, 1938, стр. 35—36.

[4] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. Изв. ГАИМК, вып. 119, стр. 80. — А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. ТСРАНИОН, 1928, т. IV, стр. 39.

[5] О. А. Кривцова-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь. Труды ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 102—103, рис. 10.

бы говорить о возделывании тех или иных хлебных злаков у племен, живших в эпоху бронзы в пределах Нижнего Поволжья. В настоящее время этот пробел восполнен находками остатков проса, обнаруженных в землянке, раскопанной в 1933 г. Т. М. Минаевой в районе г. Сталинграда. Материал раскопок полностью не опубликован, однако изучению остатков проса посвящена специальная статья Т. М. Минаевой и А. Д. Фурсаева.[1]

По сохранившимся зерновкам просо определено как Panicum miliaceum L. Вместе с остатками проса А. Д. Фурсаев установил наличие остатков семян сорных растений Amarantus retroflexus L. (около 70 % в пробе), Chenopodium allum L. Находки проса, а также не менее типичных сорняков позволили А. Д. Фурсаеву сделать весьма важные выводы о характере земледелия у населения степей Нижнего Поволжья. «Во-первых, велась сплошная обработка почвы, повторявшаяся из года в год на одном и том же месте, во-вторых, уборка производилась при помощи орудий, а не руками.

«Первый вывод исходит из экологии сорняков, особенно Amarantus retroflexus L. Этот сорняк произрастает на площадях в рыхлой почвой. И именно обработка, взрыхление обеспечивают необходимое при прорастании разрушение семенной кожуры. Громадное количество сорняков говорит о продолжительности возделывания почвы.

«Второй вывод обосновывается наличием большого количества сорняков вообще. Уборка проса руками давала бы более чистое зерно. Предполагать сбор сорняков вместе с просом едва ли имеется основание. Заключение это вполне согласуется с археологическими данными — у человека эпохи бронзы известны серпы».[2]

Таким образом, сам по себе факт находки проса в землянке документирует определенный вид хлебного растения, с которым было знакомо население Нижнего Поволжья эпохи бронзы. При анализе всех рассмотренных выше данных можно признать, что земледелие наряду со скотоводством имело преобладающее значение в хозяйстве того времени, в значительной степени вытеснив охоту и рыболовство.

Особенно ясно это выявилось по материалам исследованных нами поселений. В костных остатках Максютовского и Успенского поселений кости диких животных составляли не более 1%. При этом наличие костей некоторых видов диких животных позволяет считать, что охота осуществлялась не только с целью получения мясной пищи, но и для удовлетворения других потребностей. Такой вид животных, как бобр, привлекал не только мясом, но и мехом. Вместе с тем, при раскопках в землянках Максютовского и Успенского поселений встречались створки речных раковин. По определению А. Г. Эберзина, они представляют Unio et gr. Pictorum L.

Наконец существенно отметить, что исследования поселений дали конкретный материал для суждения о местном изготовлении медно-бронзовых орудий. Как уже отмечалось, в очаге землянки № 3 Успенского поселения были найдены остатки медного литья в виде небольших шариков и обломков бронзы. Находка эта документирует процесс отливки орудий. Вместе с тем, к числу находок, свидетельствующих о местном изготовлении медно-бронзовых орудий, относятся литейные формы, известные, правда, в небольшом количестве и при этом в обломках. Обломок литейной формы для отливки втульчатого копья

---

[1] Т. М. Минаева и А. Д. Фурсаев. Ботанические находки в археологическом материале. Советская ботаника, 1934, № 3, стр. 150—153.

[2] Т. М. Минаева и А. Д. Фурсаев, ук. соч., стр. 52.

был найден на поселении близ с. Старая Яблонка Хвалынского района,[1] обломок глиняной формы для отливки вислообушного топора найден на поселении близ с. Нестеровки Аткарского района.[2] Несомненно, значительная часть готовых бронзовых предметов поступала в Нижнее Поволжье путем обмена. Вместе с этим, повидимому, поступала какая-то часть металла, нужного для изготовления орудий.

Изучение нижневолжских металлических изделий и литейных форм позволяет установить аналогию с памятниками смежных с Поволжьем областей, в частности Южного Урала. Несомненно, по линии металлургии Нижнее Поволжье имело более тесную связь с Южным Уралом, хотя известная часть предметов бесспорно поступала в Поволжье из районов Северного Кавказа.

В качестве краткого заключения отметим, что материалы исследованных поселений дают возможность более конкретно охарактеризовать и социально-экономический облик родового общества, оставившего нам эти поселения.

Как показали исследования, поселения отличаются небольшими размерами. В большинстве своем они имеют от 60 до 100 м в длину и такие же размеры в ширину. На площади такого поселка размещалось от 3 до 6 жилых землянок, имевших средние размеры — от 25 до 50 кв. м и большие — от 150 до 200 кв. м (Успенское поселение). Поселения принадлежали относительно небольшим группам, в 50—70 человек. Такие небольшие группы и составляли патриархальную семью, которая сложилась здесь в ее ярко выраженных формах к концу II тысячелетия до н. э.

Начало I тысячелетия до н. э. для родового общества Нижнего Поволжья было временем значительных социально-экономических изменений. В это время в степных районах Заволжья и южной полосе правобережья прекращается оседлая жизнь населения родового общества. В начале I тысячелетия до н. э. родовые группы включаются в общий процесс образования «скифской» культуры, происходивший в это время в степных просторах юго-востока Европы. Степь становится кочевой. В северных, лесостепных районах Поволжья, наоборот, родовое общество эпохи бронзы продолжает оставаться на прежних местах своего обитания, меняя лишь форму поселений. Открытые места поселений превращаются в укрепленные городища, знаменующие собой новый этап в истории того же родового общества. Начиная от Саратова, к северу по Волге и далее на запад идет непрерывная цепь укрепленных поселений— городищ. Проблема преемственности культуры городищ от так наз. хвалынского археологического комплекса подтверждается фактическим материалом, в частности совместными находками позднебронзовой керамики с «рогожной».

Дальнейший процесс исторического развития, как об этом свидетельствуют археологические данные, приводит здесь к сложению тех племенных образований, которые оставили памятники в виде поздних городищ и рядовых могильников Армеевского типа, относящихся к определенной группе древнемордовских племен.

Подводя итоги, можно сделать заключение, что рассматриваемые материалы раскопок Максютовского и Успенского поселений наиболее ярко характеризуют хвалынскую культуру на поздней стадии ее развития, в период второй половины II тысячелетия и первых двух-трех столетий I тысячелетия до н. э. Несмотря на то, что материалы

---

[1] Найден М. А. Радищевым и в настоящее время хранится в Саратовском облмузее, инв. № 564.

[2] Хранится в Саратовском облмузее и был доставлен А. Н. Минх (инв. № 579).

заволжских поселений эпохи бронзы имеют свои локальные черты, целый ряд данных указывает на ближайшее родство их с памятниками андроновской культуры соседних районов Западного Казахстана.

В свете последних открытий С. П. Толстовым памятников бронзового века в Аральском бассейне Хорезма можно считать бесспорным, что область хвалынской культуры была связана с Приуральем.

Дальнейшее накопление и изучение археологического материала поселений позволит во многом уточнить конкретный исторический процесс развития родового общества эпохи бронзы в Нижнем Поволжье.

С. И. МАКАЛАТИЯ

РАСКОПКИ ДВАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Сел. Двани расположено в центральной Карталинии в ущелье р. Проне (Карельский район Грузинской ССР).

В 1940 г. при прокладке шоссейной дороги от станции Карели в Корниси на участке так наз. «Соло-перда» у сел. Двани было обнаружено несколько древних погребений. Найденные при строительных работах предметы — бронзовые и железные орудия и украшения, глиняная посуда, бусы и пр. — были доставлены научным работником С. И. Надимашвили в Горийский Государственный историко-этнографический музей.

Находка указывала на то, что дванские погребения являются памятниками, характеризующими своеобразную культуру, и поэтому в 1944 г. Горийским музеем под моим руководством была снаряжена в Двани разведочная экспедиция. Осмотр местности показал, что древний могильник расположен у склона небольшой горы. Склон этот, называемый «Соло-перда»,[1] с западной стороны спускается к р. Проне и покрыт виноградниками и садами, а с восточной стороны — кустарниками. Под склоном проходит шоссейная дорога, вдоль которой в обрезе на протяжении 300 м можно проследить остатки древних погребений.

Во время археологической разведки этого участка с 25—26 августа нами было открыто три грунтовых погребения.

Погребение № 1

Глубина — 0.90 м от поверхности. Костяк лежал головой на ЮЗ в скорченном положении, на левом боку. На правой руке — серебряный браслет, на левой — два (серебряный и железный). Около черепа, у височных костей, — по одному кольцу из серебряной проволоки с отверстиями на расклепанных концах (рис. 1). В погребении были обнаружены две серебряные булавки, одна у затылка, другая около тазовых костей (рис. 2, *1*, *2*). У головы и ног костяка стояли четыре сосуда черного цвета.

Погребение № 2

Глубина — 1.10 м. Костяк лежал головой на ЮЗ, в скорченном положении, на левом боку. Обе руки согнуты в локтях. У черепа — два сосуда черного цвета (рис. 3, *4*) и железный топор с лезвием в виде копья и шаровидной обушной частью (рис. 10, *1*). На груди — железный кинжал (рис. 4, *1*), около таза — два бронзовых наконечника стрел (рис. 5, *3* и *4*). Наконечники стрел втульчатые, трехгранные с шипом.

[1] Назван так по имени бывшего владельца Соломона (Соло) Кахниашвили.

Погребение № 3

Глубина — 1.10 м. Костяк лежал головой на ЮЗ, в сильно скорченном положении, на левом боку. Руки согнуты в локтях. Около черепа — височное кольцо из серебряной проволоки. На шее — бусы из сердолика и непрозрачного стекла. У затылка — обломок серебряной булавки.

Раскопки этих трех погребений, которыми была закончена осенью 1944 г. контрольно-разведочная работа, показали, что участок «Соло-перда» представляет собой древний могильник с интересными, своеобразными остатками материальной культуры. Учитывая это обстоятельство, музей решил произвести здесь плановые археологические работы. Осенью (5 VIII—10 IX) 1945 г. я приступил к раскопкам дванского могильника, начав исследования с того же места, где в 1944 г. были вскрыты описанные три погребения.

Рис. 1. Височное кольцо (н. в.).

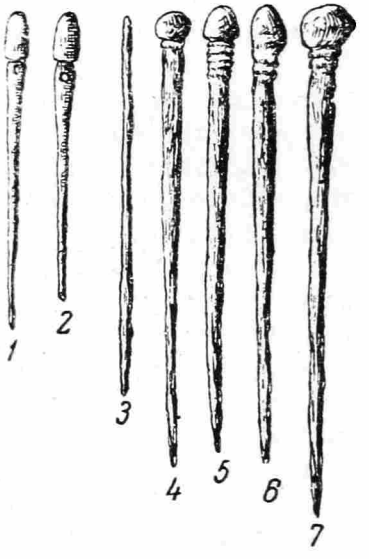


Рис. 2. Бронзовые булавки.

Погребение № 4

Глубина — 1.20 м. Костяк лежал головой на СВ, в сильно скорченном положении, на левом боку. Правая рука лежала под головой, левая согнута в локте. У ног стоял черный сосуд (рис. 11, *5*), около тазовой кости — бронзовый наконечник ножен кинжала (рис. 6).

Около этого погребения среди булыжных камней была найдена кремневая пластинка, осколки обсидиана и черепки битой посуды.

К С от погребения на глубине 1 м был обнаружен каменный завал из булыжников, при расчистке которого найдены кости барана и осколки обсидиана. Под камнями оказалось древнее погребение.

Погребение № 5

Глубина — 1.30 м. Костяк лежал головой на СВ, в сильно скорченном положении, на правом боку. Левая рука согнута в локте, правая вытянута. Около правой руки стояла миска черного цвета. У головы находился кувшин, а у лицевой части черепа — железные предметы: наконечник стрелы, изогнутые ножи с костяными накладками на рукоятках (рис. 4, *4*, *5*). Там же обнаружены бронзовая фибула (рис. 7) и точильный камень (рис. 8, *1*).

Погребение № 6

На расстоянии 20 м от погребения № 5, по направлению к ЮВ, на глубине 1.15 м был обнаружен завал камней, между которыми встреча-

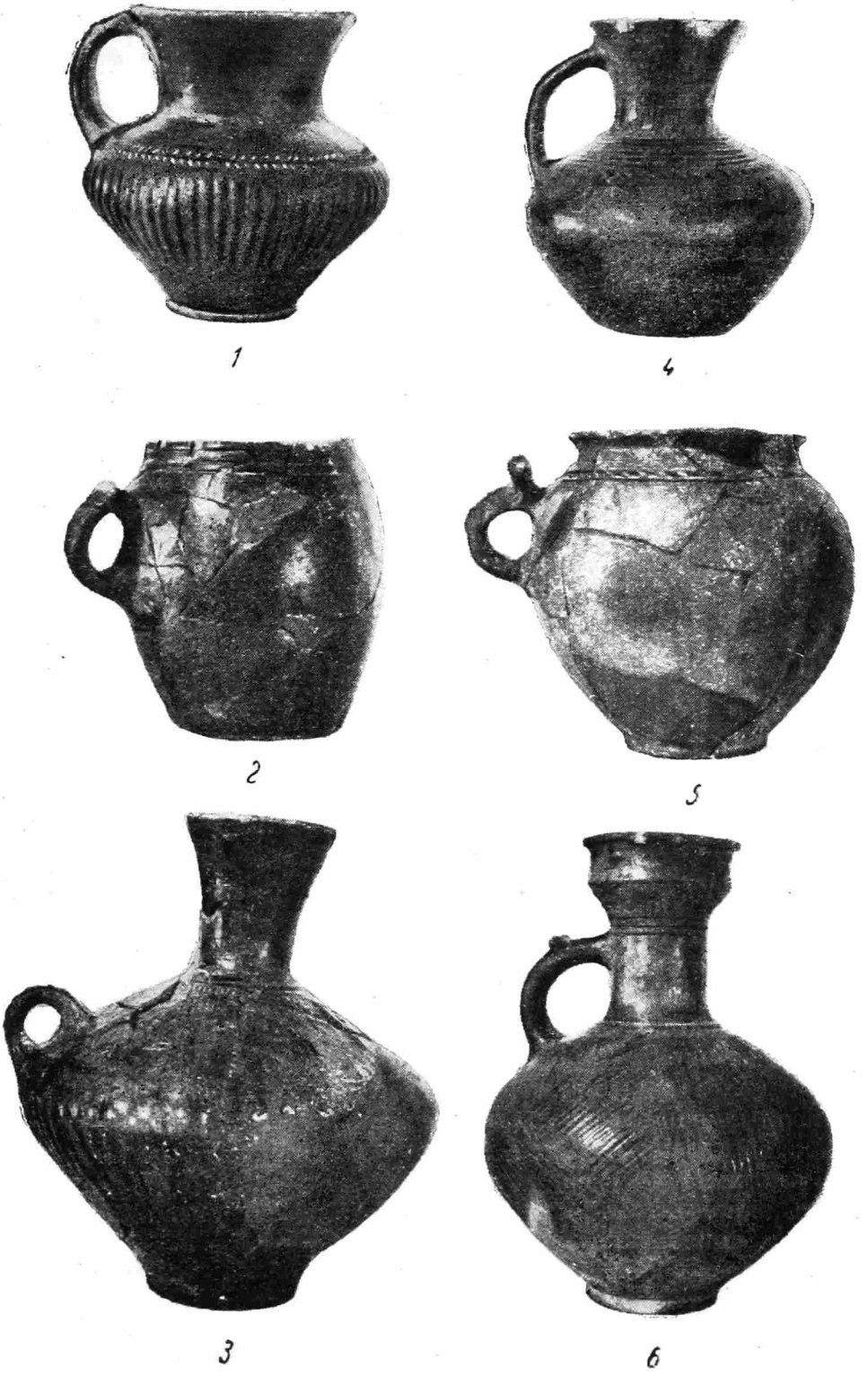


Рис. 3. Керамика из погребений.

лись зола и пережженная глина. Костяк лежал головой на ЮЗ, в скорченном положении, на левом боку, руки согнуты накрест. У левой стороны черепа лежала согнутая бронзовая игла, вокруг шеи и рук были

собраны бусы из красноватого сердолика, а также очень мелкие бусы из белой пасты. У головы костяка стояла большая миска черного цвета.

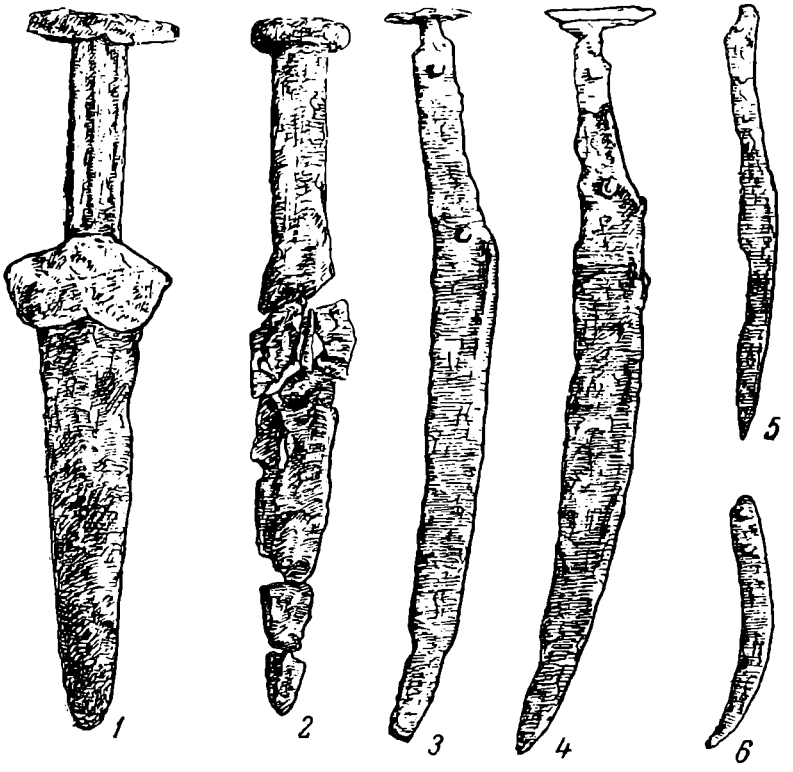


Рис. 4. Железные кинжалы и ножи.

Погребение № 7

Расположено около погребения № 3. Глубина — 1.25 м. Костяк лежал головой на СЗ, в сильно скорченном положении, на левом боку, руки согнуты в локтях. У головы стояли красный кувшин с ручкой, под

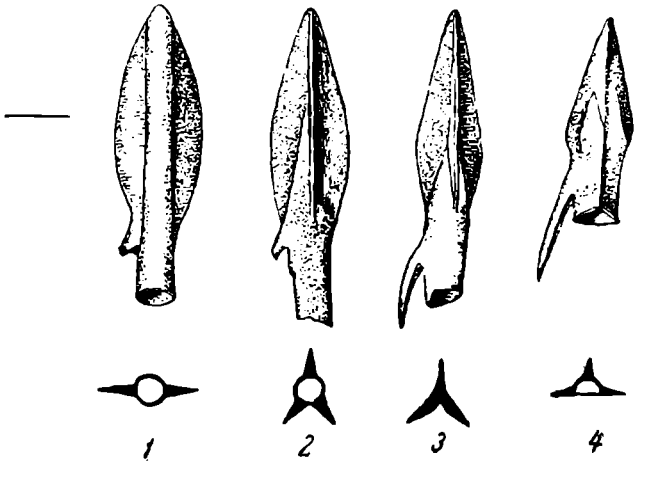


Рис. 5. Наконечники стрел.

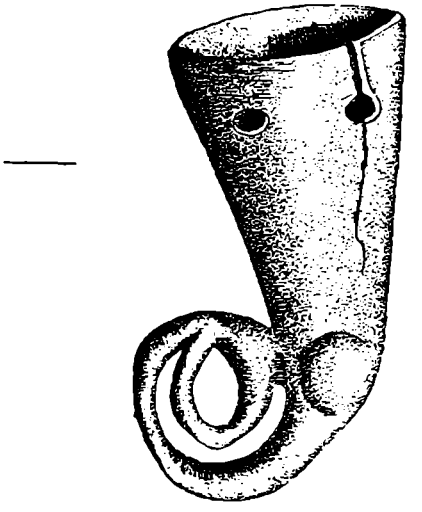


Рис. 6. Наконечник ножен.

которым лежала бронзовая булавка, и черный сосуд, у ног стоял маленький кувшин, а около таза — маленькая миска с бараньими костями и железным ножом (рис. 4, *6*). Около правой стороны черепа собраны мелкие бусы: сердоликовые, гишеровые и одна плоская буса из янтаря. У головы — два височных кольца из серебряной проволоки.

При расчистке погребения в довольно большом количестве попадались обломки глиняной посуды и осколки обсидиана. Около погребения был обнаружен вертикально воткнутый железный наконечник копья (рис. 9, *3*).

Погребение № 8

На расстоянии 1 м к Ю от погребения № 7 оказалось детское погребение. Глубина — 0.60 м. Детский костяк лежал на большом камне, головой на В. Кости сильно истлели и частью разрушены. На грудной клетке лежали две бусы: круглая сердоликовая и плоская из голубой пасты, с узором. При расчистке попадались осколки обсидиана и черепки глиняной посуды.

Погребение № 9

На расстоянии 2 м от погребения № 8, под каменным навалом, было обнаружено другое детское погребение. Глубина — 0.80 м. Костяк лежал

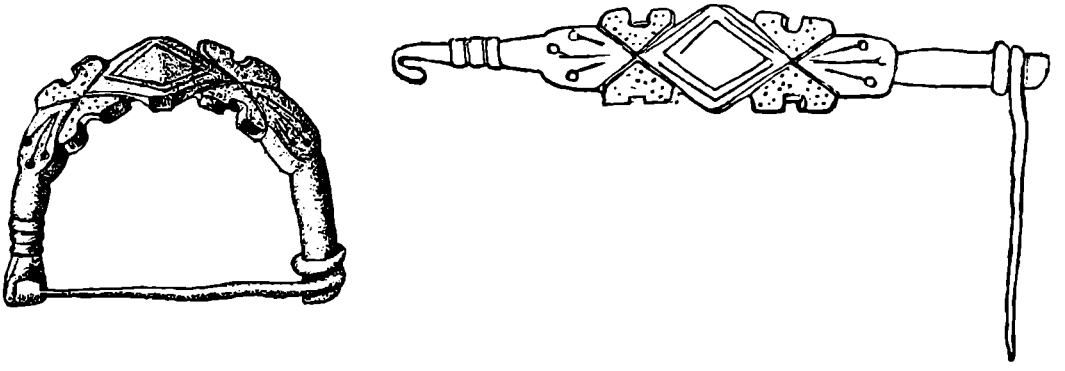


Рис. 7. Бронзовая фибула (н. в.).

на правом боку, головой на ЮВ. Около костяка стояли три сосуда: один у ног, другой около руки, а третий за спиной.

При расчистке погребения попадались камни, которыми была вымощена яма погребения, а также осколки обсидиана и черепки глиняной посуды. На восточной стороне погребения был найден черный кувшинчик с длинной ручкой.

Погребение № 10

Обнаружено на расстоянии около 2 м к ЮВ от погребения № 9. Глубина — 0.5 м. Костяк лежал головой на СВ, в скорченном положении, на правом боку. Правая рука согнута в локте. У головы и ног стояло по одному красному горшочку. Костяк был обложен камнями.

Погребение № 11

Находится на расстоянии 0.60 м к ЮВ от погребения № 10. Глубина — 1.20 м. Костяк лежал головой на ЮВ, в скорченном положении, на правом боку. Левая рука согнута и направлена к тазу, правая — у бедра. У лица лежал железный топор (рис. 10, *2*), около головы стояли глиняные сосуды: кувшины, горшок и миска (рис. 3, *1* и *3* и рис. 11, *1*). За спиной орнаментированный кувшин с ручкой. На груди костяка лежал железный кинжал (рис. 4, *2*) и точильный камень, у бедренных костей маленький железный нож и два бронзовых наконечника стрел: один трехгранный, другой двуперый с отломанным шипом (рис. 5, *1*, *2*). Около шейных позвонков обнаружены мелкие сердоликовые и две плоские янтарные бусы.

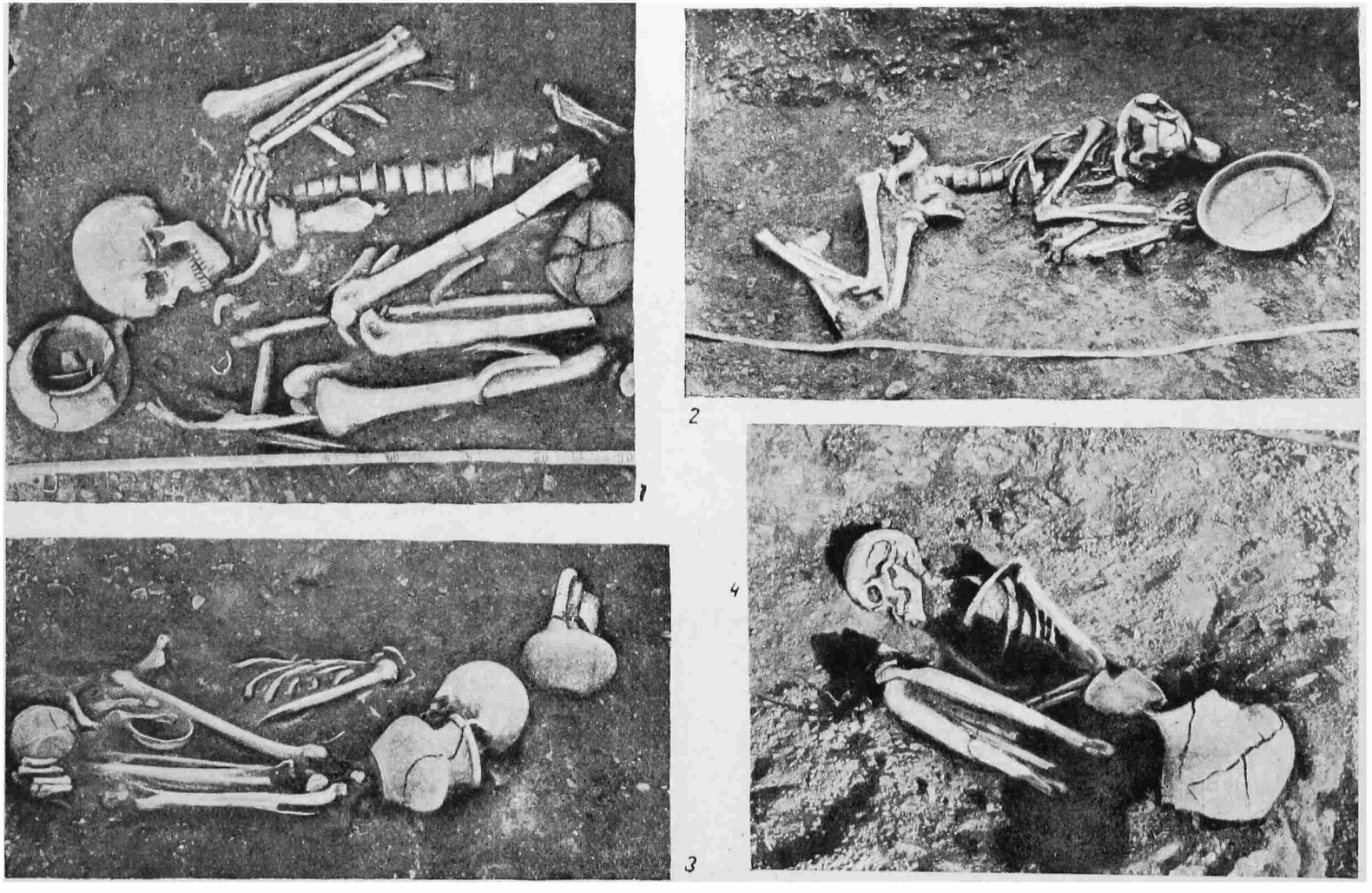


Рис. 8. Погребения №№ 5—8.

За спиной покойника в западной части могилы был погребен конь (кости — на глубине 1.40 м). Костяк коня был неполный, в могилу положены только череп, передние и задние конечности [1] (рис. 12). Около зубов коня обнаружены железные удила (рис. 10, *3*), а около черепа — глиняный кувшин. Костяки человека и коня были обложены булыжником. При расчистке погребения попадались осколки обсидиана и черепки глиняной посуды.

Погребение № 12

Обнаружено на расстоянии 6 м к ЮВ от погребения № 8. Глубина — 1.30 м. Костяк лежал головой на ЮЗ, в скорченном положении, на левом боку. Руки согнуты в локтях. Около костяка обнаружено несколько сосудов: у головы — кувшин, горшок и большая миска, на которой лежало костяное пряслице и обсидиановая пластина ножевидной формы. Под миской оказалась кружка-кубышка. Тут же лежали согнутая бронзовая игла и бронзовое шило. За спиной стояла маслобойка (рис. 11, *3*), у бедренных костей — миска, ниже — горшок с ручкой (в нем — кости животных), там же оказалось костяное пряслице (рис. 3, *5* и рис. 11, *4*). У ног костяка стоял горшок, около черепа — кувшин с ручкой (рис. 11, *2*). На груди и около височных костей лежали бронзовые

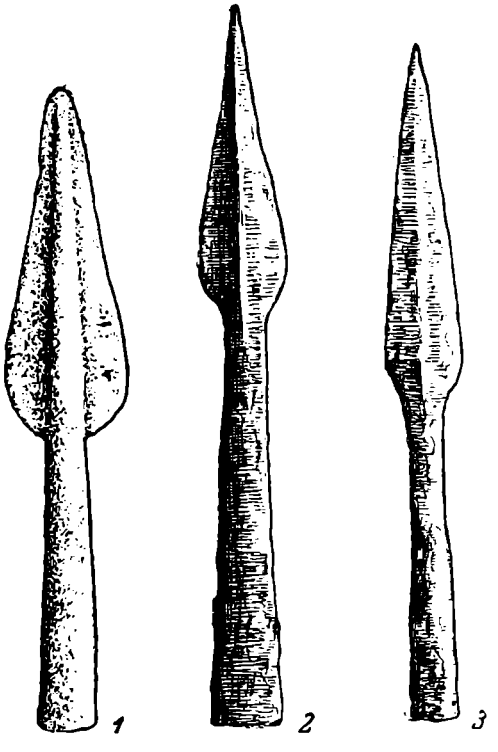


Рис. 9. Бронзовый и железные наконечники копий.

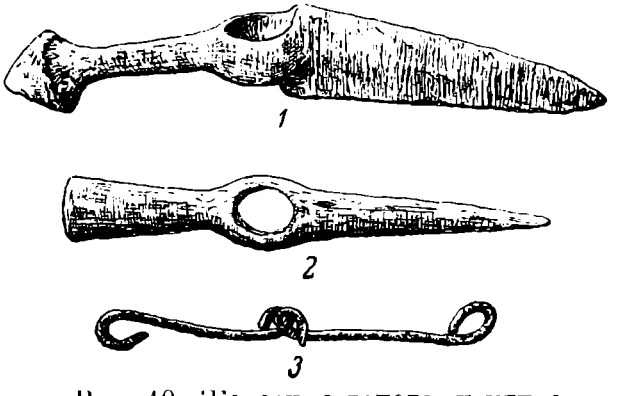


Рис. 10. Железные топоры и удила.

булавки (рис. 2, *3*—*7*), на пальце правой руки обнаружено плоское бронзовое кольцо. У черепа, а также на груди и на руках — бусы из красного сердолика и голубой пасты.

Погребение было огорожено булыжником, при расчистке обнаруживались обсидиановые осколки и черепки битой посуды.

Погребение № 13

Обнаружено на расстоянии 150 м к Ю от погребения № 12. Глубина — 0.20 м. Костяк лежал лицом на ЮВ, в скорченном положении, на правом боку. Руки согнуты в локтях. У головы стоял горшок, у таза лежал бронзовый наконечник копья (рис. 9, *1*).

[1] Аналогичные случаи имели место в могильниках Кедабека и Калакепта, где в погребениях часто находили только череп и ноги лошадей. См.: А. А. Иванов ский. МАК, т. VI, стр. 169. — W Belck. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1894, стр. 238.

Погребение № 14

При расчистке погребения № 13 там же, но на западной стороне, на расстоянии 0.68 м оказалось еще одно погребение.

Рис. 11. Керамика из погребений.

Глубина — 1.30 м. Костяк лежал головой на ЮЗ в скорченном положении, на левом боку. Руки согнуты в локтях. У ноги стоял горшок (рис. 11, *6*). Около головы лежали: бронзовая булавка, сердоликовые

бусы и мелкие бусы из голубой пасты. Около груди обнаружены две железные булавки.

Костяки погребений №№ 13 и 14 помещались в одной каменной ограде, спиной друг к другу (рис. 13).

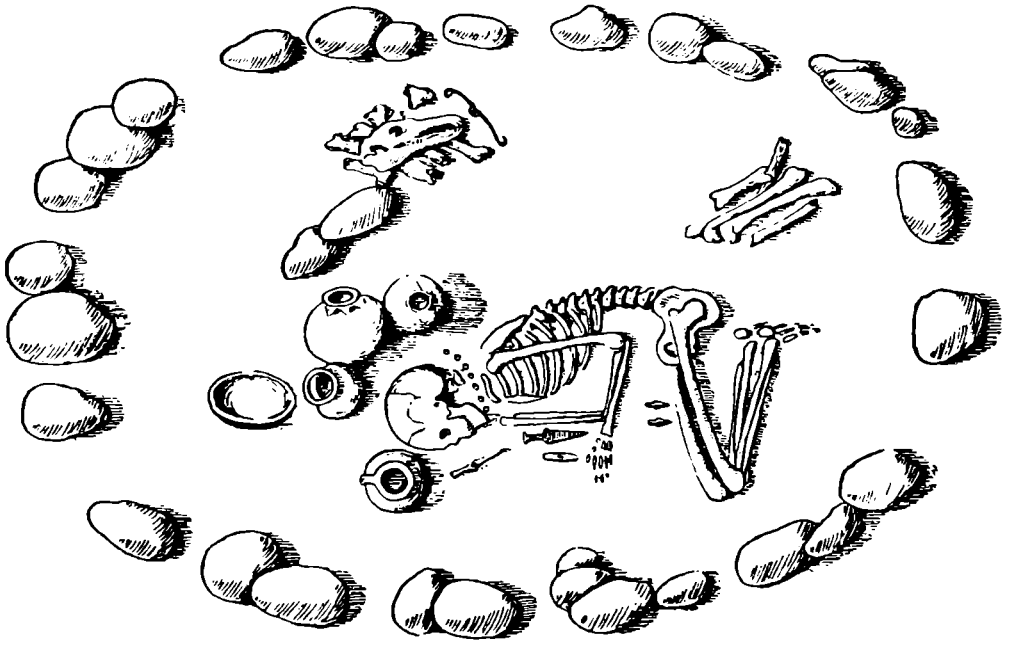


Рис. 12. Погребение с конем.

Возможно, что к описанному древнему могильнику относится и древнее поселение, расположенное на соседней возвышенности, называемой

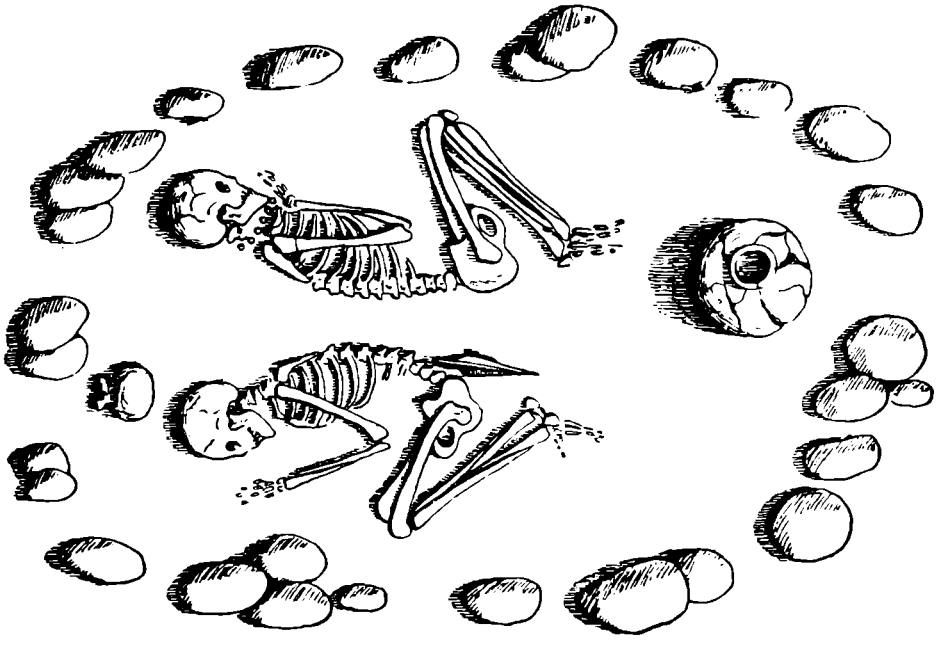


Рис. 13. Погребения №№ 13 и 14.

«Самнис-перда», где имеются явные остатки строений — каменные фундаменты, следы очагов и др. На этой возвышенности найдены также каменные зернотерки, кремневые вкладыши от серпов, черепки битой посуды, бронзовые и железные предметы и пр.

ФОРМА И РИТУАЛ ПОГРЕБЕНИЙ

Дванский могильник представляет собой часто встречающиеся грунтовые погребения, обложенные камнями. Глубина ямы в них колеблется от 0.90 и до 1.40 м. При раскопке могильника сначала показывались камн и сооружения и встречались отдельные осколки обсидиана.

Камни укладывались различно: часто сверху лежало только несколько камней, а в некоторых случаях дно могилы вымащивалось целиком. Большинство погребений было обложено камнями по кругу[1] (погребения №№ 9—14).

Погребение обычно содержало только одно захоронение, единственным исключением являются погребения №№ 13 и 14, где в пределах каменного круга помещались два костяка, спиной друг к другу. В одном случае, в погребении № 11, вместе с покойным была погребена лошадь (рис. 12).

Из 14 раскопанных погребений 6 оказались женскими (№№ 1, 3, 6, 7, 12, 14), 2 — детскими (№№ 8, 9) и остальные 6 — мужскими (№№ 2, 4, 5, 10, 11, 13).

Покоїники помещались в могилу в скорченном положении, но с различной ориентировкой, одни на правом боку, лицом на В, другие на левом боку, лицом на З. Положение рук также разное, но у большинства руки согнуты в локтях по направлению к лицу (№№ 2, 4, 6, 7, 12, 14).

Скорченное положение, как известно, считается древнейшей формой погребения и было широко распространено. На Кавказе скорченное положение прослежено до конца I тысячелетия до н. э.[2]

Кроме того в Дванском некрополе мы имеем интересный случай погребения с конем,[3] что характерно для кочевников-скотоводов. На территории Грузии это редкий случай. Пока известно одно такое погребение в сел. Цицамури (около ст. Мцхета), где в 1924 г. было открыто погребение всадника, за спиной которого лежал костяк лошади с железными удилами во рту.[4]

Судя по инвентарю погребения, в могилу клали пищу, питье, а также украшения, оружие и орудия.

В Дванских погребениях в большом количестве попадались осколки обсидиана, не встречающегося в центральной Карталинии. В этот исторический период обсидиан уже не применялся для изготовления орудий, и обсидиановые осколки, обнаруженные в Двани, имели, повидимому, ритуальное назначение при обряде погребения. Возможно, что при оплакивании покоїника его родные в знак горя царапали осколками обсиди-

---

[1] Подобное погребение было найдено в Сагурамо, см.: Е. Пчелина. Отчет о раскопках близ деревни Сагурамо. Изв. Гос. Музея Грузии. Тбилиси, 1927, т. III, стр. 130—162.

[2] П. С. Уварова. МАК, т. VIII. М., 1900. — Я. И. Гуммель. Курганы на западе от Ханлара (Археологические очерки). Баку, 1940. — Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. — С. Макалатия. Археологические раскопки курганных погребений в сел. Тквиави. Тбилиси, 1943.

[3] Такое же погребение с лошадью здесь же было найдено в 1938 г. С. Мамагулашвили на своем винограднике. По его словам, костяк был скорченный, лежал на боку, у головы стояли три горшка, у поясницы лежали железный нож и наконечник копья. За спиной костяка находился остов лошади.

[4] Цицамурское погребение пока еще не обработано и материал не опубликован. Краткое сообщение имеется у Везендонка: O. G. Wesendonk. Arhäologisches aus dem Kaukasus. Archäologischer Anzeiger, XL, Берлин, 1925, стр. 55.

ана себе лицо до крови и бр сали эти осколки в могилу.[1] Это предположение подтверждается этнографическими данными: оплакивая покойника, мегрелы и абхазы в знак горя царапали себе лицо ногтями до крови.[2]

Дванские погребения содержали большое количество предметов, которые дают определенное представление об уровне культуры древнего населения Двани.

Основным материалом для изготовления орудий и оружия было уже железо, но наряду с ним применялась также и бронза и в незначительном количестве камень (кремень и обсидиан).

Пластинки из кремня, тонко обработанные ретушью (3 экз.), найдены между погребениями №№ 4 и 5. Размеры их — от 5 до 7 см. Эти кремневые пластинки представляли собой вкладыши в деревянную рукоятку серпа. На территории Грузии деревянный серп с кремневыми вкладышами найден в грунтовом погребении Бешташенского могильника (Цалка), который относится к I тысячелетию до н. э.[3]

БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Наконечник копья с полой втулкой (длина 23 см), в нижней части два отверстия для прикрепления к древку (погребение № 13, рис. 9, *1*).

Наконечники стрел втульчатые: из них три трехгранных (длина 2.5, 3.5, 4 см), с шипом на втулке (погребение № 2; рис. 5, *2—4*); один наконечник двуперый без шипа (погребение № 11; рис. 5, *1*). Эти наконечники стрел по своей форме принадлежат к так наз. скифскому типу VII — VI вв. до н. э.[4] В Закавказье этот тип наконечников встречается сравнительно редко. Несколько экземпляров найдено в Калакенте, в Самтаврском могильнике, отдельные экземпляры происходят из Бешташени (Триалети), один — из Цицамури.[5] Все эти погребения, как известно, относятся к I тысячелетию до н. э.

Наконечник ножен кинжала с замысловато перевитой нижней оконечностью. Длина наконечника — 6 см; диаметр отверстия — 2.5 см (погребение № 4; рис. 6). Один такой же наконечник ножен найден в Кобани[6] и датируется серединой I тысячелетия до н. э., другой же происходит из могильника в Фаскау. Относительно них П. С. Уварова писала: «Нельзя не упомянуть об оконечностях кинжальных ножен, имеющихся в моем собрании, в виде фантастических когтей и птичьих клювов с обозначением глаз под видом выпуклин. В верхней части имеются два круглых отверстия для прикрепы: внутри остатки лезвия, но железного».[7]

---

[1] В древности в Крыму скифские племена кремневыми осколками царапали себе тело, после чего бросали их в могилу. См.: Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми. 1937, стр. 56, прим.

[2] С. Макалатия. История и этнография Мегрелии. Тбилиси, 1941, стр. 284—285.

[3] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 69, табл. XLIV и XLV

[4] Б. Н. Граков. Техника изготовления наконечников стрел у скифов и сарматов. Труды Секц. археологии Инст. археол. и искусствозн., сб. V, М., 1930, стр. 77.— Hans Bonet. Die Waffen der Völker des alten Orients. Лейпциг, 1926, стр. 165, рис. 73. — Б. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов среднего Приднепровья. СА, I, 1936, стр. 82, рис. 2. — P Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Покровск, 1929, стр. 175. — Е. О. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ПАК, вып. 63, П., 1917, стр. 56—58.

[5] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, т. VI, стр. 120, табл. VIII, *35*, *36*. — Fr. Bayern. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde im Kaukasus, стр. 35, табл. VII, *11*. — Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 42—46. — G. Wesendonk, ук. соч., стр. 55.

[6] П. С. Уварова, МАК, вып. VIII, стр. 83, рис. 80.

[7] Там же, стр. 275—276, табл. CXV, *4*, *5*.

Фибула шарнирная, у которой накинута двумя оборотами свободно вращающаяся игла (погребение № 5, рис. 7). Шарнирная фибула, сравнительно с дуговыми фибулами,[1] редкое явление в могильниках Кавказа вообще и в Грузии в частности. На Северном Кавказе подобные фибулы относятся к случайным находкам.[2] На территории Грузии имеем случай такой находки на Цалке, в сел. Санта.[3] Дванская фибула с плоской и граненой дугой покрыта линейным и точечным орнаментом. Игла бронзовая, свободно вращающаяся, один конец дуги превращен в приемник для иглы.

Булавки с шаровидными головками и бороздками, некоторые имеют отверстия; длина — 13—15 см (погребения №№ 7, 12; рис. 2). Такого типа булавки известны из погребения Бешташени.[4]

Колокольчик с боковым разрезом (высота — 11 см), с петлей и бронзовым язычком. По форме и технике обработки он имеет сходство с Казбекскими (Стапан-Цминда), которые относятся к VI—V вв. до н. э.[5]

Статуэтка барана бронзовая, случайно найденная в Двани (длина — 3.5 см, высота — 1.5 см), имеет близкое сходство с кобанскими статуэтками баранов, относящимися к середине I тысячелетия до н. э.[6]

Сосуд бронзовый с округлым туловищем и венчиком в форме трилистника (энохоя), высота — 14 см. Вокруг горла три линейные полоски.

Две створки бронзовой формы для отливки каких-то металлических изделий (длина — 11 см, ширина — 6 см). Случайная находка.

Много предметов Дванского могильника изготовлено из серебра, в их числе височные кольца (погребения №№ 1, 4, 7, рис. 1) из серебряной проволоки (диаметром от 3 до 5 см), наподобие бешташенских, относящихся к раннему ахеменидскому периоду VI—V вв. до н. э.[7]

Браслеты (погребение № 1), разомкнутые, с плоскими оконечностями (диаметром 5 см), и булавки (погребение № 1, рис. 2, *1*, *2*), с отверстием, головки с зернью, два экземпляра (длина — 9 см).

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Кинжалы, выкованные вместе с рукоятью (погребения №№ 2 и 11, рис. 4). Кинжалы эти небольшого размера, длина с рукояткой — 30 см. Лезвие суживается и заканчивается острием. Кинжалы такого типа, наподобие скифского акинака, найдены в Кобани,[8] на юге России, в Киевской губ. около Смелы и датируются VII—VI вв. до н. э.

Топоры железные. У одного экземпляра лезвие имеет форму удлиненного острого копья с шаровидным обухом (длина — 24 см) [9] (погребение № 2; рис. 10, *1*). Другой топор (длина — 19 см) также имеет закругленную обушную часть (погребение № 11, рис. 10, *2*). Третий топор (длина — 21 см, ширина лезвия — 11 см) серповидной формы с широким

---

[1] O. Tischler. Ueber die Formen der Gewandnadeln. Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns. Мюнхен, 1881, стр. 47.

[2] Шарнирные фибулы найдены в Кабарде, Комбулте, Комунте, Нижней Рухте, Ворнаке и других местах. См.: А. Калитинский. Из истории фибулы на Кавказе (Recueil N. P. Kondakov. Прага, 1926).

[3] Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 50. К сожалению, автор не дает описания и рисунка фибулы для сравнения с дванской.

[4] Там же, стр. 73, рис. 80.

[5] П. С. Уварова, МАК, вып. VIII, стр. 150, рис. 136, 137. — A. M. Tallgren. Caucasian monuments. The Kazbek treasure, ESA, V, 1930, стр. 109, 181.

[6] П. С. Уварова, ук. соч., табл. XXXV.

[7] П. С. Уварова, МАК, вып. VII, табл. XLV, *1*.

[8] А. Бобринский. Курганы близ Смелы, т. I, СПб., 1887, стр. 76, табл. VII, *2*, *5*.

[9] Подобного типа топоры найдены в Комунте. См.: П. С. Уварова, МАК, вып. VIII, стр. 300—301, рис. 232, 233.

лезвием и овальным отверстием для насадки. Топор найден около Дванского некрополя при проведении дороги.

Наконечники копий с полой втулкой и прорезкой (погребение № 5) длиной в 30 см. Два таких же наконечника случайно найдены около участка «Соло-перда» (длина — 26 см, рис. 9, *2*; длина 24 см).

Такого типа наконечники железного копья имеются и в Бешташенском могильнике; отнесены они к ранней Ахеменидской эпохе.[1]

Нож серповидный с накладными костяными пластинками на рукоятке, длина — 34 см (погребение № 5). Второй экземпляр ножа этого типа найден случайно, длина его — 33 см (рис. 4, *3*). Нож малый, серповидной формы (рис. 4, *6*), найден около погребения № 7. Эти серповидно-кривые ножи имеют сходство с бешташенскими,[2] а также с ножами скифских курганов VI—V вв. до н. э., например у Холодного Яра близ Смелы (курганы XX, XXVIII, XIX и др.).[3]

Удила, длина — 20 см, с двумя петлями (погребение № 11, рис. 10, *3*), аналогичные найденным в Цинцхаро, датируемым раннежелезным периодом.[4]

Бусы Дванских погребений отличаются разнообразием, большинство их изготовлено из красноватого сердолика и голубой пасты (погребения №№ 6, 12).

Сердоликовые бусы — плоские, цилиндрические, шаровидные и грушевидные: все они имеют очень хорошую шлифовку.

Бусы из голубой пасты (погребение № 12), очень мелкие, обычно цилиндрической формы, но имеется несколько шарообразных и желобчатых экземпляров. Стеклянных бус сравнительно мало, обычно бусы мелкие, продолговатой формы, сероватого цвета (погребение № 14). Имеется несколько экземпляров бус из гишера (погребение № 7) и три янтарных бусины (погребения №№ 7, 11), из коих две плоские и одна продолговатая. Янтарные бусы сравнительно редки. Мелкие янтарные бусы найдены в Ходжалинских курганах,[5] древних погребениях Самтавро (Мцхета) [6] и в могильнике позднебронзового периода в Триалети.[7]

Пряслиц из Дванского могильника два (погребение № 12), одно костяное, другое из сероватого камня; диаметр — 3.4 см.

Керамические изделия в Дванском могильнике мно очисленны и разнообразны. Большинство их найдено в разбитом виде.[8]

КЕРАМИКА

Большинство сосудов — тонкостенные, изготовленные на кругу, с лощеной черной поверхностью. Привожу описание некоторых, особо характерных.

Кувшинчик черный, лощеный (погребение № 2; рис. 3, *4*), с высоким горлом и ручкой. Украшен точечным и линейным орнаментом. Высота 15 см, диаметр верхней части сосуда — 8 см.

Кувшин черный, лощеный (погребение № 2; рис. 3, *6*), с высоким горлом и ручкой. Высокое горло в верхней части расширяется раструбом,

---

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 47, табл. XVI.

[2] Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 47, табл. XVI.

[3] А. Бобринский. Курганы близ Смелы, т. I, СПб., 1887, стр. 68, 75, 76.

[4] Б. А. Куфтин, ук. соч., табл. XXXIV.

[5] Е. Реслер (Извлечение из отчета). ОАК за 1897 г., СПб., 1900, стр. 153.

[6] Fr. Bayern. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde im Kaukasus, стр. 42.

[7] Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 42.

[8] Дванские сосуды реставрированы и хранятся в Археологическом отделе Горийского историко-этнографического музея.

ручка имеет налепы, свидетельствующие о том, что она имитирует фигурку животного. Поверхность сосуда украшена линейным орнаментом, выполненным лощением. Высота — 26 см, диаметр — 9 см.

Кувшин черный, лощеный (погребение № 11, рис. 3, *3*), с раздутым туловищем, высоким горлом в виде раструба и небольшой кольцевой ручкой, налепленной на плечике сосуда. Сосуд орнаментирован глубоко врезанным узором из полос, образующих углы, а также веревочным орнаментом (рис. 14). Высота — 23 см, диаметр — 7 см.

Кувшин черный, лощеный, с высоким горлом и ручкой (погребение № 11, рис. 3, *1*). Плечики сосуда украшены елочным орнаментом, нижняя часть туловища покрыта вертикальной желобчатой штриховкой. Высота — 15 см, диаметр края сосуда — 11 см.

Кружка черная, лощеная (погребение № 12, рис. 11, *4*), на круглой ножке, с ручкой на плечике и линейным орнаментом. Высота — 10 см,

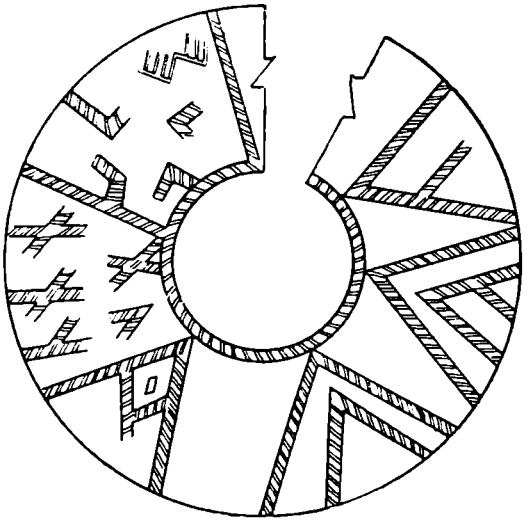


Рис. 14. Орнамент сосуда.

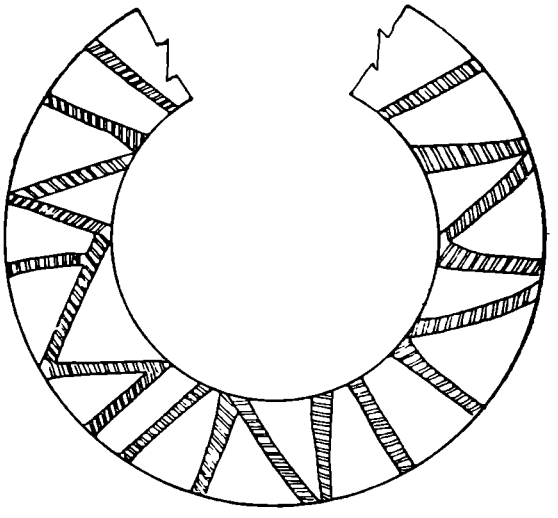


Рис. 15. Орнамент сосуда.

диаметр края сосуда — 8 см. Подобный же сосуд был найден около погребения № 13. Высота — 10 см, диаметр — 7 см.

Кувшин большой (погребение № 11), черный, лощеный, с ручкой. Высота — 30 см, диаметр края — 11 см.

Сосуд черный, лощеный (погребение № 12, рис. 3, *5*), с невысоким венчиком и ручкой с налепом, под венчиком веревочный орнамент.

Горшок черный, лощеный, с невысоким венчиком и ручкой (погребение № 5); под ручкой линейный орнамент. Высота — 13 см, диаметр — 12 см.

Сосуд черный, лощеный, с отогнутым венчиком (погребение № 11, рис. 11, *1*). На плечиках резной линейный орнамент в форме треугольников (рис. 15).

Сосуд черный, лощеный, без ручки, высота — 11 см (погребение № 4). Подобный же сосуд, но с ручкой (высота — 23 см) оказался и в погребении № 14 (рис. 11, *6*).

«Маслобойка» черная, лощеная без ручки, с отверстием на плечике (погребение № 12, рис. 11, *3*). Дно и горло малого диаметра; под горлом ленточный орнамент, выполненный пунктиром. Высота — 27 см, диаметр края сосуда — 13 см. Такого типа сосуды, без ручки, найдены в Плависмани и Бешташени.[1]

[1] Б. А. Куфтин, ук. соч., табл. XLVIII. — С. И. Макалатия. Плависманский некрополь. стр. 232, рис. 14.

Миски черные (погребения №№ 5, 6, 12), по типу близкие к плависманским, бешташенским и самтаврским.[1]

Следует особо отметить один фрагментированный сосуд (погребение № 10), кирпичного цвета, с лощеной поверхностью; верх туловища украшен глубокими крупными канелюрами, нижний край орнаментирован перекрещенными полосками.

Сосуды малые из детского погребения (погребение № 9), один из них (высота 5 см) имеет длинную ручку.

Около погребения № 11 найдены две глиняные ложки. Ложки грубо вылеплены и плохого обжига (длина — 11 см, диаметр — 5 см).

Большинство сосудов, обнаруженных в Дванском могильнике, имеет близкие аналогии среди керамики из закавказских могильников первой половины I тысячелетия до н. э. (Самтавро, Редкин лагерь, Плависман и др.).

Здесь же, на участке «Соло-перда», найдены были ручные жернова, один цельный, другой фрагментированный. Они продолговатые и имеют выемку для помола зерна.

ДАТИРОВКА

Сравнительное изучение Дванских погребений и их инвентаря дает возможность отнести исследованный нами могильник к переходной эпохе от поздней бронзы к раннему железу.

Этот переходный период для Закавказья определяется второй четвертью I тысячелетия до н. э.[2]

А. А. Иессен указывает, что в эту эпоху на Кавказе постепенно распространяется знакомство с железом, приводящее к тому, что железо становится к VII—VI вв. до н. э. основным материалом для изготовления орудий и оружия.

Этот переходный период от бронзы к железу завершился образованием на юге персидской монархии Ахеменидов (VI в.), колонизацией побережий Черного моря греками (VII—VI вв.) и оформлением так наз. скифского общества в прилегающих с севера к Кавказу степях. Начиная с этого времени, Кавказ вовлекается в широкие сношения со странами древнего мира.

«На самом Кавказе, в частности в Закавказье, идет ускоренным темпом процесс формирования классового общества, в свою очередь стимулирующий развитие внешних связей».[3]

Из известных памятников этого переходного периода Дванский могильник по характеру и ритуалу погребений, а также по инвентарю имеет сходство с могильниками: Самтавро [4] (Мцхет), Бешташени [5] (Триалети) и Цицамури,[6] а также с южнорусскими курганами ранней скифской поры.

Все указанные могильники, как известно, грунтовые, костяки в них скорченные, инвентарь сходный. Все их объединяет также наличие

---

[1] С. И. Макалатия, ук. соч., стр. 235, рис. 18. — Б. А. Куфтин, ук. соч., табл. XLVIII. — Каталог Кавказского музея, т. V, табл. IX.

[2] Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 72—73. — Fr. Hančar. Urgeschichte Kaukasiens von den Anfängen seiner Besiedlung bis in die Zeit seiner frühen Metallurgie. Лейпциг, 1937, стр. 12—14. — St. Przeworski. Der Grottfund von Ordu. Archiv Orientalni, VII, Прага, 1935, стр. 396—408.

[3] А. А. Иессен. Олово Кавказа. Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг., ч. II. ГАИМК, Л.—М., 1935, стр. 208.

[4] Fr. Bayern, ук. соч., стр. 35.

[5] Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 41—74.

[6] O. G. Wesendonk, ук. соч., стр. 49.

бронзовых наконечников стрел, так наз. скифского типа (VII—VI вв. до н. э.).[1]

На основании предметов, обнаруженных в Дванском могильнике, можно судить не только о древнем земледелии, но и о земледельческих орудиях, в частности деревянных серпах с кремневыми вкладышами и зернотерках.

Скотоводство также являлось основой хозяйства, на что указывает целый ряд находок.

Занимались также охотой и военным делом. Для этой надобности мастера приготовляли различного вида предметы вооружения (кинжалы, ножи, топоры, наконечники стрел и копья). Для отливки бронзовых изделий применяли бронзовые формы и глиняные ложки — «льячки» — для переливания расплавленного металла.

Гончары-профессионалы изготовляли с большим мастерством различную посуду хозяйственного назначения: горшки, миски, кувшины, фиалы, кружки, маслобойки и пр. Эту же посуду с пищей и напитками в довольно большом количестве клали в погребения (погребения №№ 11, 12).

Дванские могильники дают ясное представление о женских украшениях: ожерелья из сердоликовых бус, серебряные браслеты и кольца, височные кольца, фибулы, булавки для закрепления прически.

Среди украшений имеются и привозные предметы, как, например, янтарь, египетская паста и стеклянные бусы, что явно указывает на торговые сношения с соседними странами. Таким же путем сюда могли привозиться обсидиан и наконечники стрел так наз. скифского типа.

Надо заметить, что при сравнении ритуала Дванских погребений и их инвентаря с некоторыми пережиточными явлениями в быту современных картвелов и их материальной культурой устанавливаются интересные параллели. Так, например, в Дванском могильнике оказалось погребение всадника с конем. У картвельских племен (хевсур, тушин, мохевцев, мегрелов, и др.) при похоронах мужчин важное значение имел конь, который назывался «конем души» и оседланный сопровождал покойника до могилы.[2]

Осколки обсидиана, которые жители Двани, повидимому, применяли во время оплакивания для царапания лица в знак горя, находят параллель в обычае мегрелов [3] и абхазов.

Дванская глиняная посуда по форме и хозяйственному назначению имеет близкое сходство с картвельской посудой, особенно глиняная маслобойка, которая и теперь употребляется в нагорной Грузии.[4]

Все эти факты дают нам возможность предполагать, что картвельские племена (иберийцы) имеют генетическую связь с древним дванским населением, создавшим на рубеже VII—VI вв. до н. э. в ущелье р. Проне довольно высокую материальную культуру со сложным погребальным обрядом.

---

[1] А. Бобринский, ук. соч., стр. 76. — А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, стр. 99. — Fr. Bayern, ук. соч., стр. 35. — Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 42—45.

[2] С. И. Макалатия. Хевсурети. Тбилиси, 1940, стр. 164—166.

[3] Он же. История и этнография Мегрелии, стр. 284—285.

[4] S. Makalathia. Einige ethnographisch-archäologische Parallelen aus Georgien. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, т. LX, стр. 361—365.

Н. В. АНФИМОВ

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ ПРИКУБАНЬЯ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

Восстановление этнографической карты Северного Кавказа и, в частности, Прикубанья для I тысячелетия до н. э. является весьма сложной и трудной задачей. Объясняется это в первую очередь отсутствием достаточного количества письменных источников. Самостоятельной письменности и литературы племена, населявшие Прикубанье, не имели. Не дошла до нас и местная историческая литература, существовавшая на Боспоре в эпоху Спартокидов, как и связная история Боспорского царства, о наличии которой мы можем судить по компиляциям Диодора и Помпея Трога и отголоскам этой литературы в трудах Страбона, Хрисиппа и Полиэна.[1]

Дошедшие до нашего времени сочинения античных авторов содержат неполные и отрывочные данные о восточных частях Северного Причерноморья.

У некоторых из древних авторов мы находим идеализирующую трактовку племен Причерноморья (Эфор), в других случаях черты, присущие одним племенам, переносятся на другие, зачастую сведения о местонахождении отдельных племен разноречивы или прямо противоположны. Эпиграфические же памятники Боспорского царства дают нам только голое перечисление племен Приазовья и низовий Кубани, не указывая совершенно территории, которую они занимали.

Таким образом, на основании только письменных источников мы не в состоянии составить себе ясной картины расселения древних племен Прикубанья и локализовать упоминаемые источниками племена на современной карте. Для разрешения круга вопросов, связанных с данной проблемой, необходимо максимальное привлечение археологического материала.

В настоящей статье я остановлюсь только на более раннем периоде и подвергну разбору ряд памятников, свидетельствующих об оседлом земледельческом населении Прикубанья в раннескифское время.

До Великой Октябрьской революции скифские памятники на Кубани были известны только по курганам, раскопанным Н. И. Веселовским. Большинство исследователей относило эти курганы к скифам-кочевникам. Только А. А. Спицын считал возможным причислить их к скифам-

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. 1925, стр. 128—129.

пахарям, и то делал это с оговоркой,[1] считая несомненным наличие на Кубани развитой земледельческой культуры и возможность нахождения здесь остатков древних поселений. Открытые на Кубани в последующие годы многочисленные городища датировались более поздним временем, и возникновение их относилось к римской эпохе (А. А. Миллер)[2] или, в лучшем случае, к эпохе эллинизма (В. А. Городцов,[3] М. В. Покровский [4]), т. е. связывалось с сарматским этапом развития общества. Эта точка зрения отражена и в первом томе «Истории СССР», где возникновение «многочисленных поселений, известных по Кубани и низовому Дону», относится к сарматскому периоду; оно обусловливается «углублением экономической дифференциации в среде кочевого общества и свидетельствует об усложнении степного скотоводческого хозяйства прибавлением к нему земледелия».[5]

Таким образом, большинство исследователей считало население Прикубанья скифского периода кочевническим.

Исследования, проводимые Краснодарским музеем, за последнее время привели к открытию целого ряда более ранних поселений, что совершенно изменяет прежние представления о развитии населения Прикубанья в раннескифский период. Рекогносцировочные работы 1944—1946 г. по среднему течению р. Кубани и более ранние раскопки в ст-це Усть-Лабинской (1937—1938 гг.) и на Семибратнем городище близ ст-цы Варениковской (1938—1940 гг.) позволили установить на ряде городищ, часть которых ранее не была известна, наличие слоев VI—V вв. до н. э. По среднему течению Кубани такими городищами являются: Усть-Лабинское № 3, Тбилисские №№ 1 и 6, Кавказское № 6, Прочноокопское № 3, Ладожское № 8 и Армавирское близ совхоза № 33 (рис. 1). В низовьях Кубани ранние слои были обнаружены на Семибратнем городище. Необходимо учесть, что на большинстве Кубанских городищ раскопок не производилось и о времени их возникновения и продолжительности существования мы судим в настоящее время на основании подъемного материала. Это приводит зачастую к ошибочным выводам, так как подъемный материал, происходящий в большинстве из верхних слоев, не дает полной картины истории поселения. Примером может служить городище № 3 ст-цы Усть-Лабинской, которое до производства на нем раскопок на основании подъемного материала датировалось римским временем. Несомненно, что проведение хотя бы разведочных раскопок на кубанских городищах намного расширит список поселений, имеющих раннескифские слои. Но вместе с тем несомненно, что часть городищ возникла действительно лишь в более поздний период — в эллинистическое и римское время.[6]

Кроме перечисленных городищ, необходимо отметить также и несколько грунтовых могильников, при раскопках которых наряду с позднесарматскими погребениями обнаружены могилы с типичным для раннего времени инвентарем (могильники № 2 и № 4 ст-цы Усть-Лабинской; Краснодарский могильник). Более детально был исследован могильник № 2 ст-цы Усть-Лабинской, и параллельно

---

[1] «Кубанские скифо-сарматы заносятся нами в число пахарей не без колебаний и оговорок». А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 134.

[2] СГАИМК, т. I, 1926, стр. 92—100.

[3] СА, I, 1936, стр. 171.

[4] Труды Краснодарского пединститута, т. 6. Краснодар, 1937, стр. 3 и сл.

[5] История СССР (отв. ред. М. И. Артамонов), т. I, ч. 2, Л., 1939, стр. 334. Разрядка моя. — *Н. А.*

[6] Н. В. Анфимов. Раскопки Краснодарского городища на Дубинке в 1936 г. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., 1941, стр. 214.

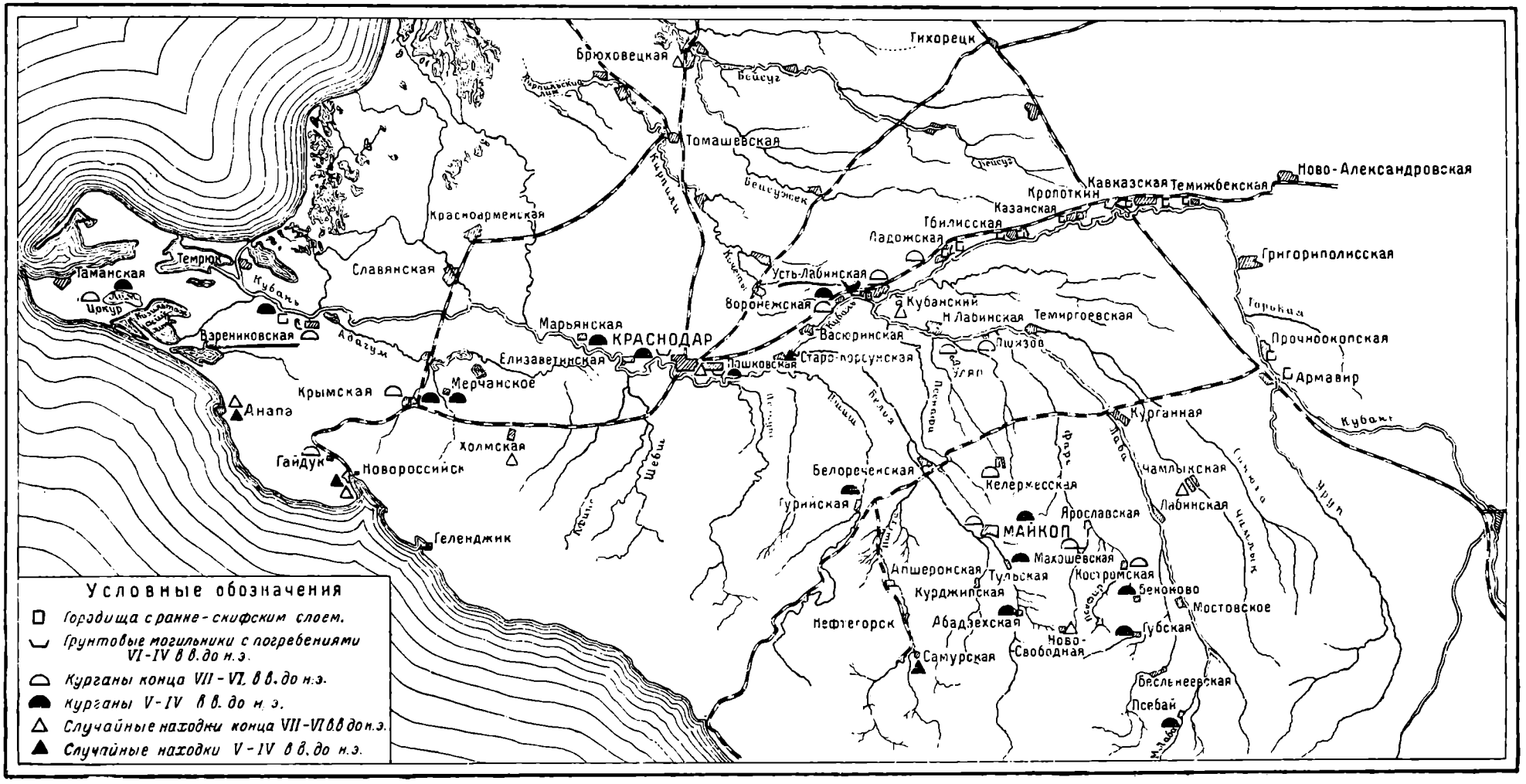


Рис. 1. Карта памятников VII—IV вв. до н. э. в Прикубанье.

были проведены разведочные раскопки на третьем городище, некрополем которого данный могильник является.

Описание памятников целесообразно начать с Усть-Лабинского могильника № 2, в котором найден довольно значительный материал, в частности местная керамика, давшая возможность установить как типы сосудов, так и их датировку. Могильник расположен на правой террасе Кубани, за западной окраиной ст-цы Усть-Лабинской. Местность представляет ровную степную поверхность, в настоящее время занятую под кирпичный завод. С южной стороны могильника расположено городище, вытянутое вдоль края террасы. Могильник обнаружен в 1929 г. при добыче глины для кирпичного завода. С 1936 г. в течение трех сезонов на могильнике велись работы экспедицией Краснодарского музея,[1] в результате которых было исследовано 179 погребений, охватывающих промежуток времени с VI в. до н. э. по II—III вв. н. э.

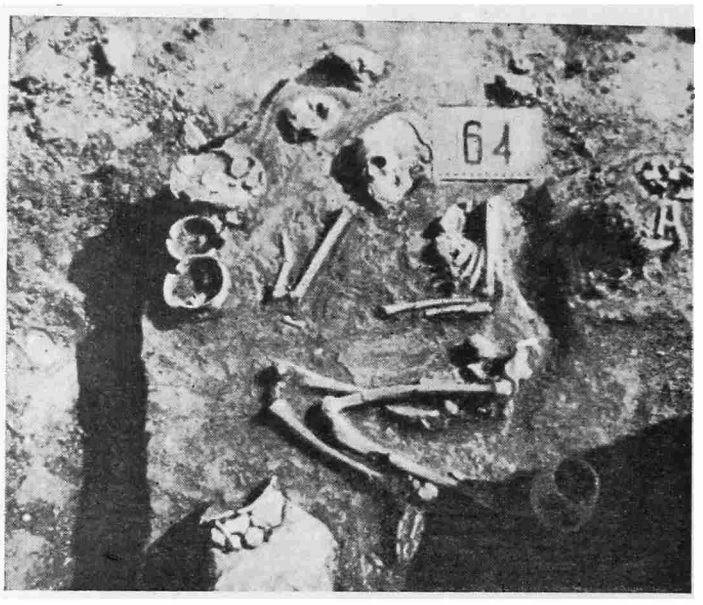


Рис. 2. Погребение № 38 (1938) могильника № 2 ст-цы Усть-Лабинской.

Анализ материала позволяет распределить исследованные погребения на три хронологические группы: 1) VI в. до н. э. — первая половина IV в. до н. э.; 2) IV в. до н. э. — первая половина I в. до н. э. 3) конец I в. до н. э. — II—III в. н. э. Необходимо оговориться, что резких границ между указанными группами провести нельзя и они генетически связаны между собой, представляя последовательные этапы в развитии одного и того же общества; указаний на смену населения в этот период могильник не дает.

В плане настоящей темы нас будет интересовать только первая хронологическая группа, на которой я и остановлюсь несколько подробнее. Выделить ранние погребения удалось в результате работ 1937 и 1938 гг.[2] Всего за два года исследовано 30 могил этой группы. Погребения характеризовались сравнительно небольшой глубиной (0.95—1.35 м) и южной ориентировкой скелетов. Только в трех случаях глубина доходила до 1.70—2.10 м, и костяки были ориентированы головою на З. Последние погребения должны быть отнесены к концу рассматриваемой хронологической группы. Форму могилы, вследствие характера грунта, установить не удалось.

В исследованных погребениях в четырех случаях скелеты лежали в скорченном положении: в двух случаях на правом боку (рис. 2,) в двух других на левом; у двух костяков, при положении туловища на спине, были согнуты только ноги; в 12 погребениях встречено положение на спине с вытянутыми конечностями. Остальные скелеты настолько плохо сохранились, что положение их установить не представлялось возмож-

[1] В 1937 г. совместно с Гос. Эрмитажем.

[2] В 1936 г. были обнаружены только остатки одного погребения, состоявшие из двух лепных сосудов.

ным. Скорченное положение скелетов генетически связывает погребения Усть-Лабинского могильника с более ранней стадией развития населения Прикубанья, для которой данный обряд являлся характерным. С другой стороны, известен ряд случаев скорченного положения костяков и в раннескифских погребениях.[1] В этом отношении весьма близкими являются погребения Моздокского могильника (VII—VI вв. до н. э.), где ряд скелетов лежал в скорченном положении головою на Ю,[2] а также могильники с. Исти-су и ст-цы Нестеровской (VI—V вв. до н. э.).

Инвентарь погребений рассматриваемой группы довольно однороден и беден. Состоит он в основном из глиняных сосудов; кроме того, встречено небольшое количество украшений, железный наконечник копья и глиняное прясло. В 12 погребениях найдены гальки, что является характерным признаком ранних погребений. Кроме того, в четырех могилах встречены кости домашних животных: конечности лошади, в двух случаях кости поросенка (череп и конечности) и череп собаки.

Преобладающим в инвентаре материалом является глиняная посуда. Она характеризуется изготовлением всех сосудов без помощи гончарного круга из темной серо-коричневой, иногда почти черной массы, содержащей примесь мелкого толченого камня. Наружная поверхность сосудов тщательно сглажена и часто залощена. На некоторых сосудах имеется резной геометрический орнамент в виде заштрихованных треугольников.

Таким образом, посуда эта принадлежит к группе лощеной керамики раннескифского типа. Вместе с тем полностью отсутствуют[3] сосуды, изготовленные на гончарном круге, и какие бы то ни было следы импортной греческой керамики, находимой в курганах Прикубанья с VI в. до н. э., а также в более поздних погребениях рассматриваемого могильника.

Сосуды представлены следующими типами: большими горшками (корчагами) грушевидной формы, кувшинами с ручками и без ручек, мисками (чашами), чарками (ковшами) с высокой ручкой и простыми горшками.

Корчаги представляют собой большие сосуды с узким горлом, имеющим отогнутый наружу венчик, покатые плечики, сильно выпуклый корпус, резко суживающийся к небольшому донцу (рис. 3, *4*). Иногда на плечиках имеются небольшие сосцевидные налепы, а в одном случае имеются следы ручки. Несмотря на довольно крупные размеры сосудов (высота —0.35—0.40 м), они относительно тонкостенны и имеют сглаженную и, как правило, лощеную поверхность.

Вторую группу представляют кувшины нескольких разновидностей. Одни из них по форме приближаются к горшкам и имеют почти сферическое тулово, низкое, слабо выраженное горло, плоское дно и небольшие ручки, отходящие непосредственно от венчика и иногда слегка возвышающиеся над краем. Некоторые из этих кувшинов средних размеров (высота 0.20 м), другие меньшей величины (высота 0.10 м). Отдельные экземпляры на плечиках имеют орнамент в виде заштрихованных треугольников (рис. 3, *1*). Вторую разновидность представляют кувшинчики с низким выпуклым корпусом, высоким, резко отделяющимся горлом, расширяющимся кверху раструбом и ручкой, отходящей непосредственно от венчика и прикрепленной к наиболее широкой части корпуса (рис. 3, *2*). К этим кувшинчикам по форме примыкают кувшины без ручек. У последних горло переходит в корпус более плавно и все пропорции

---

[1] А. А. Спицын, ук. соч., стр. 89—98.

[2] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. 1940, стр. 29.

[3] Только в одном погребении (№ 6) вместе с лепной керамикой найдена (1938) нижняя часть сосудика серой глины, изготовленного на гончарном круге.

более вытянуты (рис. 3, *3*). Наконец, последний тип кувшинов представлен небольшими сосудами (высота 0.10—0.12 м), по форме приближающимися к кружкам, со слегка расширяющимся книзу корпусом,

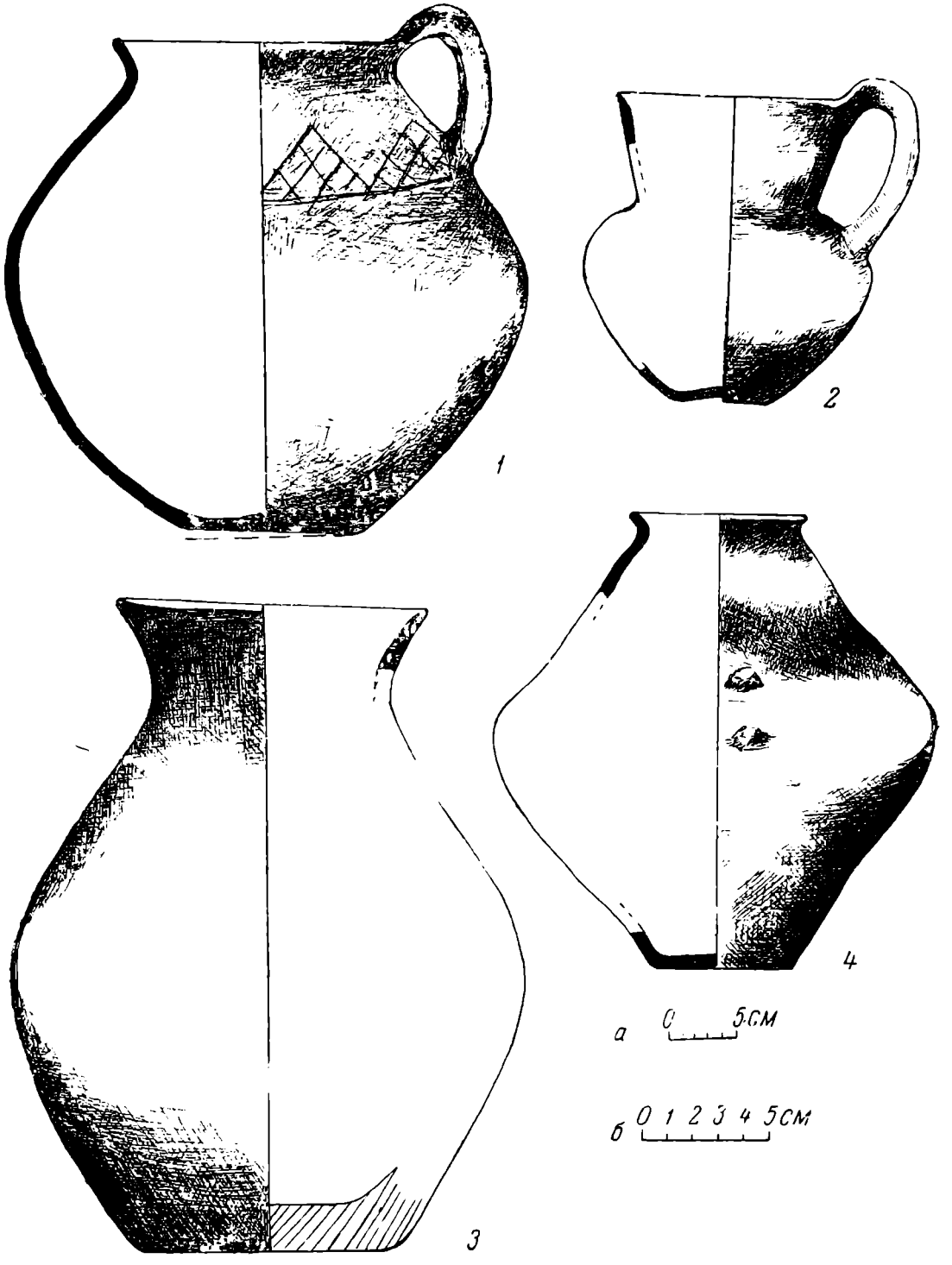


Рис. 3. Керамика из могильника № 2 ст-цы Усть-Лабинской.
— сосуд из погребения № 89 (1938); *2* — кувшин из погребения № 11 (1937); *3* — кувшин из погребения № 31 *4* — сосуд из погребения № 62 (1938). Масштаб *а* относится к сосуду *4*; масштаб *б* — к сосудам *1—3*.

невысоким, слегка отогнутым наружу венчиком и небольшой ручкой, отходящей от верхнего края; дно плоское или слегка закругленное (рис. 4, *1* и *2*).

Третьей группой сосудов являются миски (чаши). Все они однотипны и отличаются округлым, слегка загнутым внутрь краем и плоским дном. На бортике часто имеются налепы. Высота их колеблется от 0.60 до 0.10 м, диаметр — от 0.10 до 0.20 м (рис. 4, *3*). В одном погребении найдена такая же чаша на поддоне (рис. 4, *4*).

Наиболее характерным типом сосудов являются чарки (ковши) с высокими ручками. Они имеют форму неглубоких чаш с отогнутым или прямым венчиком, закругляющимся дном, в центре которого, как правило, имеется круглое вдавление, образующее внутри сосуда возвышение.

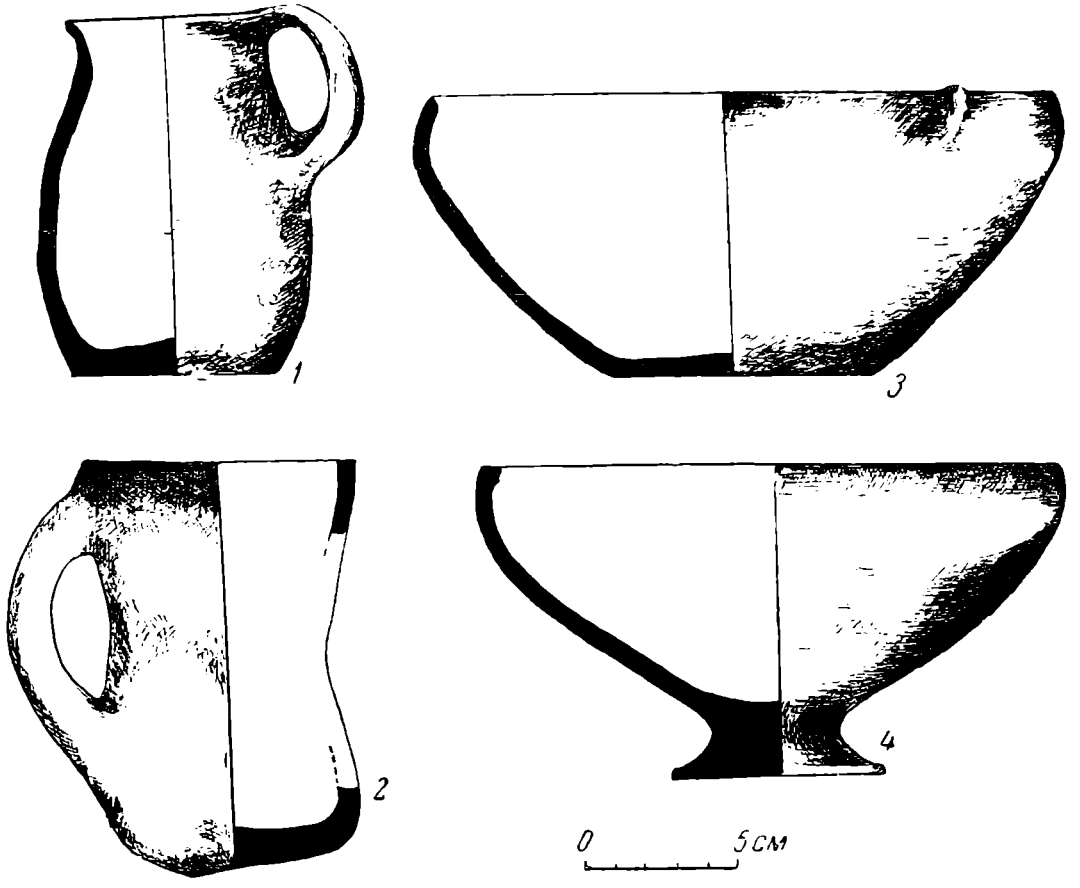


Рис. 4. Керамика из могильника № 2 ст-цы Усть-Лабинской.

1 — сосуд из погребения № 44 (1938); *2* — сосуд из погребения № 31 (1938); *3* — миска из погребения № 62 (1938); *4* — чаша из погребения № 96 (1938).

Ручки чарок состоят из двух ветвей, одна из которых начинается непосредственно от края сосуда, а другая от наиболее расширенной части корпуса; поднимаясь кверху, они соединяются верхними концами, всегда раздвоенными в виде рогов. В сечении ручки плоские или круглые. Большинство чарок украшено геометрическим орнаментом, идущим под венчиком по бортику сосуда и состоящим из заштрихованных треугольников (рис. 5 и 6, *2*), углов и Х-образно перекрещивающихся линий, образующих ромбы (рис. 6, *1*). Заполнение рисунка белой массой в усть-лабинских находках не установлено. Некоторые экземпляры чарок орнамента не имеют. Большинство имеет диаметр 0.09 м, и только у некоторых диаметр достигает 0.15 м.

Наконец, следует упомянуть, что в одном из погребений найден небольшой горшочек с резным орнаментом в верхней части (рис. 6, *4*). Все описанные сосуды принадлежат к лощеной раннескифской керамике.

Для Прикубанья данная группа не была выделена и осталась совершенно не изученной.

Место усть-лабинской керамики интересующего нас типа сейчас возможно установить путем сравнения с раннескифской керамикой Украины, а в особенности Северного Кавказа, ставшей известной за последнее время и ближе всего стоящей к кубанской. В этом отношении весьма важным для нас являются материалы Моздокского могильника. Выше уже были отмечены общие черты в обряде погребения обоих могильников, теперь необходимо указать, что и керамический материал не только в технологическом отношении, но и по формам является совершенно сходным.

В ряде случаев мы можем установить полную аналогию. Так, характерными для Моздока являются большие корчаги. Совершенно тожде-

Рис. 5. Чарка из погребения № 62 (1938) могильника № 2 ст-цы Усть-Лабинской ($^1/_2$ н. в.).

ственны усть-лабинским сосуды из основного погребения кургана № 2 и погребения № 1 раскопа 1-го Моздокского могильника [1] (рис. 3, *4*); близок и сосуд из основного погребения кургана № 1 того же могильника.[2] К тому же типу относится и сосуд из Нальчика с изображением оленей.[3] Тождественными являются и некоторые типы кувшинчиков и чаш, хотя относительно последних необходимо отметить и существенное отличие, заключающееся в том, что моздокские сосуды большей частью имеют вертикальный широкий бортик, орнаментированный заштрихованными треугольниками, чего на Кубани нет. Аналогию в Моздоке [4] имеет и небольшой горшочек с резным орнаментом (рис. 6, *4*). Интересно отметить, что он, как и в Моздокском могильнике, датируется несколько более поздним временем. Наравне с аналогиями в керамике имеются и некоторые отличия, что в первую очередь сказывается в отсутствии в моздокских находках чарок с высокими ручками.

Находками в Моздоке сведения о распространении на Северном Кавказе интересующей нас керамики не ограничиваются.

---

[1] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен, ук. соч., табл. III, *1*, *2*.
[2] Там же, табл. VII.
[3] А. А. Иессен. Северо-кавказские сосуды с изображением оленя. СГАИМК, 1931, № 2, стр. 14—18.
[4] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен, ук. соч., табл. VIII, *1*.

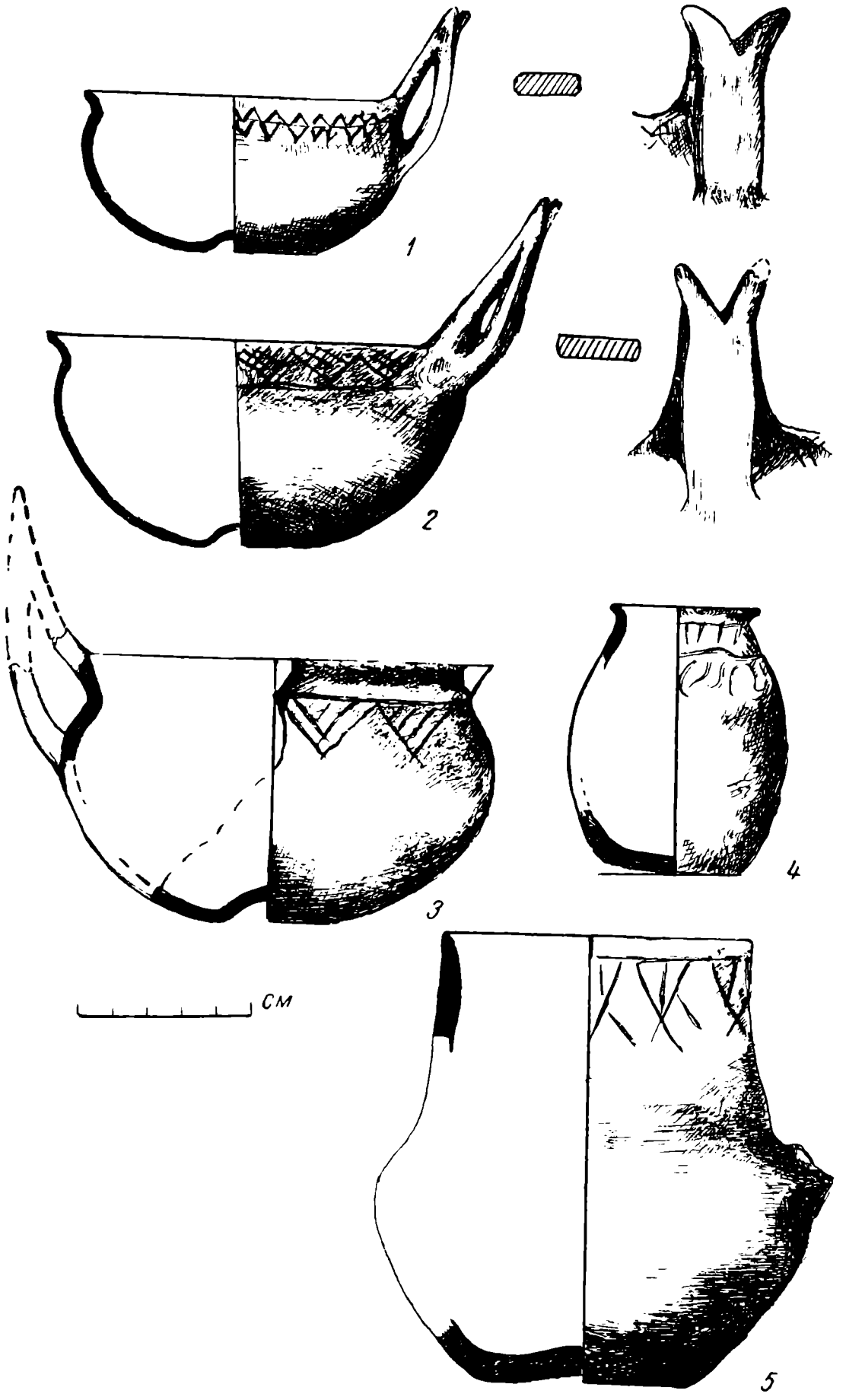


Рис. 6. Керамика из могильника № 2 и из кургана № 30 ст-цы Усть-Лабинской.

1 — чарка из погребения № 62 (1938) *2* — чарка из погребения № 14 (1938); *3* — чарка из кургана № 30 (1902) *4* — сосуд из погребения № 6 (1938) *5* — кувшин из погребения № 30 (1938)

В работе А. А. Иессена о Моздокском могильнике приведены основные данные о местонахождениях раннескифской керамики на Северном Кавказе. За последние предвоенные годы сделан еще целый ряд интересных открытий, намного расширивших наши представления о раннескифском этапе развития населения Предкавказья. В первую очередь я имею в виду работы Е.И. Крупнова на Алхастинском селище и в ст-це Нестеровской[1] и раскопку А. П. Кругловым могильника близ с. Исти-су.[2]

На Алхастинском селище были найдены в большом количестве фрагменты черно-серой лощеной керамики, позволяющие судить и о формах сосудов: крупных корчаг, горшков с почти прямыми, несколько округленными боками, сосудов в виде скифских чарок и мисочек. Многие фрагменты имели геометрический орнамент из заштрихованных треугольников. Верхние слои Алхастинского селища, содержащие вышеописанный материал, Е. И. Крупновым датируются первой половиной I тысячелетия до н. э.[3] Грунтовые могильники с. Исти-су и ст-цы Нестеровской связываются с Усть-Лабинским как обрядом погребения (скорченные скелеты наряду с вытянутыми), так и наличием лепной лощеной посуды раннескифского типа.[4] Датируются они VI—V вв. до н. э.

Связи с усть-лабинской керамикой мы можем проследить и в сосудах из скифских курганов, зольников и городищ Украины. В состав этой группы черноглиняной лощеной керамики входят горшки крупных размеров, отличающиеся высоким горлом, затем большие сосуды биконической формы, заканчивающиеся отогнутым венчиком, небольшие, богато орнаментированные сосуды с шаровидным телом и цилиндрическим горлом с широко отогнутым краем, большие чашки или миски, чашки на поддонах и, наконец, чарки с высокими ручками. Ручки имеются и на других сосудах, причем они иногда заканчиваются разветвлением, напоминающим рога. На сосудах этого рода встречаются рельефные украшения в виде валиков, выступов или шишечек. Многие покрыты врезанным геометрическим орнаментом, заполненным белой известковой пастой.

Архаичность черной лощеной и инкрустированной белой массой керамики отмечена в работах А. А. Спицына,[5] Н. Е. Макаренко[6] и А. А. Потапова.[7] Многие из этих сосудов находят себе аналогию в Усть-Лабинском могильнике. Так, раздвоенные в виде рогов высокие ручки усть-лабинских чарок мы находим в раннескифских зольниках Полтавщины, исследованных В. А. Городцовым,[8] а также при скорченном костяке в кургане № 1 у дер. Гамарня, раскопанном Д. Я. Самоквасовым[9] и относимом А. А. Спицыным к группе курганов «переходного времени».[10] Вообще чарки с высокими ручками характерны для VII—VI вв. до н. э.[11] Миски на поддонах, аналогичные рис. 4, *4*, были встречены в курганах Чигирин-

---

[1] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Труды ГИМ, вып. 12, М., 1941, стр. 157 и сл.

[2] ВДИ, № 3 (4), 1938, стр. 250.

[3] Е. И. Крупнов, ук. соч., стр. 173.

[4] Там же, стр. 175—182.

[5] А. А. Спицын, ук. соч., стр. 100.

[6] Н. Е. Макаренко. La civilisation des Scythes et Hallstatt. ESA, V, 1930, стр. 22—48.

[7] А. А. Потапов. Inkrustierte Keramik von Belsk. ESA, IV, 1929, стр. 168.

[8] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губ. в 1900 г. Тр. XIV АС, т. 3, рис. 113.

[9] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 8.

[10] А. А. Спицын, ук. соч., стр. 89.

[11] Б. З. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов среднего Приднепровья. СА, I, 1933, стр. 96.

ского района №№ 402—406,[1] датируемых VI в. и началом V в. до н. э. Сосуд, близкий изображенному на рис. 6, *5*, был найден в кургане VI в. до н. э. близ Журовки.[2]

Несмотря на близкое сходство отдельных типов сосудов в обеих группах, усть-лабинская керамика имеет и свои местные черты, не повторяющиеся ни в керамике северокавказской, ни в украинской.

На территории самого Прикубанья местная керамика из раннескифских курганов известна нам значительно хуже. Объяснение этому надо искать не в отсутствии ее в погребениях, а в том, что прежние исследователи почти не обращали внимания на рядовой массовый материал, особенно на фрагментированные простые сосуды, которые зачастую просто выбрасывались. Отдельные находки нам известны только из ст-цы Ладожской, ст-цы Усть-Лабинской, ст-цы Келермесской, аула Уляп (б. Ульский).

Особого внимания, как отмечает А. А. Иессен,[3] заслуживает наличие такой керамики в раскопанном Н. И. Веселовским в 1904 г. кургане № 1 близ ст-цы Келермесской. Здесь были найдены в довольно значительном количестве фрагменты, принадлежащие к группе местной черной лощеной керамики и украшенные резным орнаментом.[4]

А. А. Иессен затрудняется дать точную реконструкцию сосуда, но основные черты его вполне вырисовываются: «высота сосуда была порядка около 50 см при относительно малом донце (диаметр — 9 см), значительном расширении в средней части и при узком горле. Орнаментированы были венчик, затем нижняя часть горла, где вырезан пояс заштрихованных треугольников, от которого вниз по широкой части сосуда спускается пояс больших тройных заштрихованных шевронов».[5]

Судя по описанию, келермесский сосуд напоминает большие грушевидные корчаги Усть-Лабинского могильника (рис. 3, *4*). Келермесский курган датируется первой половиной VI в. до н. э.

Отдельные фрагменты черных лощеных сосудов из раскопок Н. И. Веселовского 1908—1910 гг. близ аула Уляп имеются в Эрмитаже. При исследовании кургана № 22 в юрте ст-цы Ладожской была найдена скифская чарка с высокой ручкой, орнаментированная заштрихованными треугольниками.[6] Такая же чарка найдена и в кургане № 30 близ ст-цы Усть-Лабинской[7] (рис. 6, *3*). Наконец, лощеная посуда раннескифского типа встречена в нижних слоях Семибратнего городища вместе с античной керамикой VI—V вв. до н. э. (раскопки 1938—1940 гг.).

Таким образом, вышеприведенные данные позволяют определить место усть-лабинской керамики и всей вообще прикубанской группы в ряду известной северокавказской и украинской черной лощеной посуды и датировать ее периодом VI—V вв. до н. э.

Кроме керамики, в погребениях раннескифской группы Усть-Лабинского могильника были найдены в небольшом числе металлические изделия: железный наконечник копья, бронзовые проволочные браслеты со слегка заходящими друг на друга концами, бронзовые серьги (в двух погребениях), кольцо бронзовое с неспаянными концами, а также мелкие пастовые и стеклянные бусы, глиняное лощеное прясло с орнаментом из заштрихованных треугольников и плоские точильные плиты.

---

[1] ИАК, вып. 14, стр. 20—32.
[2] ИАК, вып. 17, стр. 92, рис. 29.
[3] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен, ук. соч., стр. 37, табл. XIV, *1*.
[4] Гос. Эрмитаж, инв. № 16546.
[5] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен, ук. соч., стр. 38.
[6] ОАК, 1902, стр. 75, рис. 160.
[7] ОАК, 1902, стр. 79. — ГИМ, инв. № 48478.

Материал этот не противоречит датировке сосудов. Мелкие пастовые бусы являются типичными для раннескифских погребений;[1] кольцо с неспаянными концами найдено при исследовании скифских курганов в Чигиринском районе,[2] точильные гладкие плиты встречаются как в кубанских скифских курганах (ст-ца Костромская), так и украинских. Интересно отметить, что в раннескифских погребениях Усть-Лабинского могильника не было встречено предметов конского убора и погребения лошадей, столь характерных для синхронных курганов Прикубанья. Вместе с тем, в погребениях эллинистического и римского времени в том же могильнике отмечены случаи захоронения лошадей (в количестве от одной до четырех) вместе с человеком.

Все приведенные данные дают основание датировать раннюю группу погребений 2-го Усть-Лабинского могильника VI—V вв. до н. э.

Одновременно с исследованием могильника были проведены разведочные раскопки и на расположенном рядом с ним городище № 3 ст-цы Усть-Лабинской.[3] Городище вытянуто с В на З вдоль края террасы Кубани. В западном конце его расположена укрепленная часть (цитадель), окруженная ясно выраженным рвом. С восточной стороны укрепления проходит глубокий овраг, отделяющий его от остальной части городища. Раскопки проведены в юго-западной части городища на восточной стороне оврага. Исследованная площадь равнялась 75 кв. м. Мощность культурного слоя достигала 2.80—3 м.

В хронологическом отношении культурные наслоения можно разделить на три слоя, отличающиеся как характером грунта, так и материалом и дающие картину непрерывного развития поселения. Нижний, третий слой относится ко времени основания поселения и датируется VI—V вв. до н. э. Он менее мощен, чем вышележащие, и местами нарушен хозяйственными ямами второго слоя. Второй слой в основном соответствует эпохе эллинизма; верхний (первый) слой относится к римскому времени — по III в. н. э. включительно, после чего жизнь на городище прекратилась.

Таким образом, культурные напластования городища полностью соответствуют стратиграфии могильника. В плане настоящей статьи нас будет интересовать только наиболее ранний слой. Архитектурных остатков в нем не обнаружено. Основной материал представлен фрагментами сосудов. Керамические находки отличаются от вышележащих наличием исключительно лепной серо-коричневой и серо-черной лощеной посуды раннескифского типа. Встретившиеся в этом слое отдельные фрагменты красноглиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге, происходят из более поздних ям второго слоя. По найденным образцам лепной керамики можно восстановить несколько типов сосудов. В первую очередь необходимо отметить фрагменты больших грушевидных корчаг с довольно высоким, отогнутым наружу венчиком. На некоторых стенках имеются соскообразные налепы. Несмотря на крупные размеры сосудов, они сравнительно тонкостенны. Наружная поверхность всегда хорошо залощена. Кроме того встречены горшки с более прямыми стенками, с небольшим, слегка отогнутым наружу венчиком, под которым расположен щипковый орнамент.

У других фрагментов орнамент состоит из косых насечек, идущих по верхнему краю венчика (рис. 7, *1*). Сосуды эти в большинстве лоще-

---

[1] Б. З. Рабинович, ук. соч., стр. 97. — Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен, ук. соч., стр. 48.

[2] ИАК, вып. 17, стр. 98.

[3] Раскопки производились в 1937—1938 гг., причем в 1937 г. работы были организованы совместно с Гос. Эрмитажем при участии А. П. Манцевич.

ния не имеют. Из сосудов иных форм, найденных в третьем слое, необходимо отметить кувшины, миски (чаши) и чарки.

Фрагментов кувшинов встречено немного. В основном они принадлежат небольшим кувшинчикам со слегка отогнутым наружу венчиком и лощеной наружной поверхностью. Повидимому, к ним относятся и небольшие ручки — круглые и овальные в сечении. Фрагменты мисок происходят от сосудов средней величины со слегка загнутым внутрь краем, лощеной поверхностью и иногда небольшим налепом у края (рис. 7, *3*).

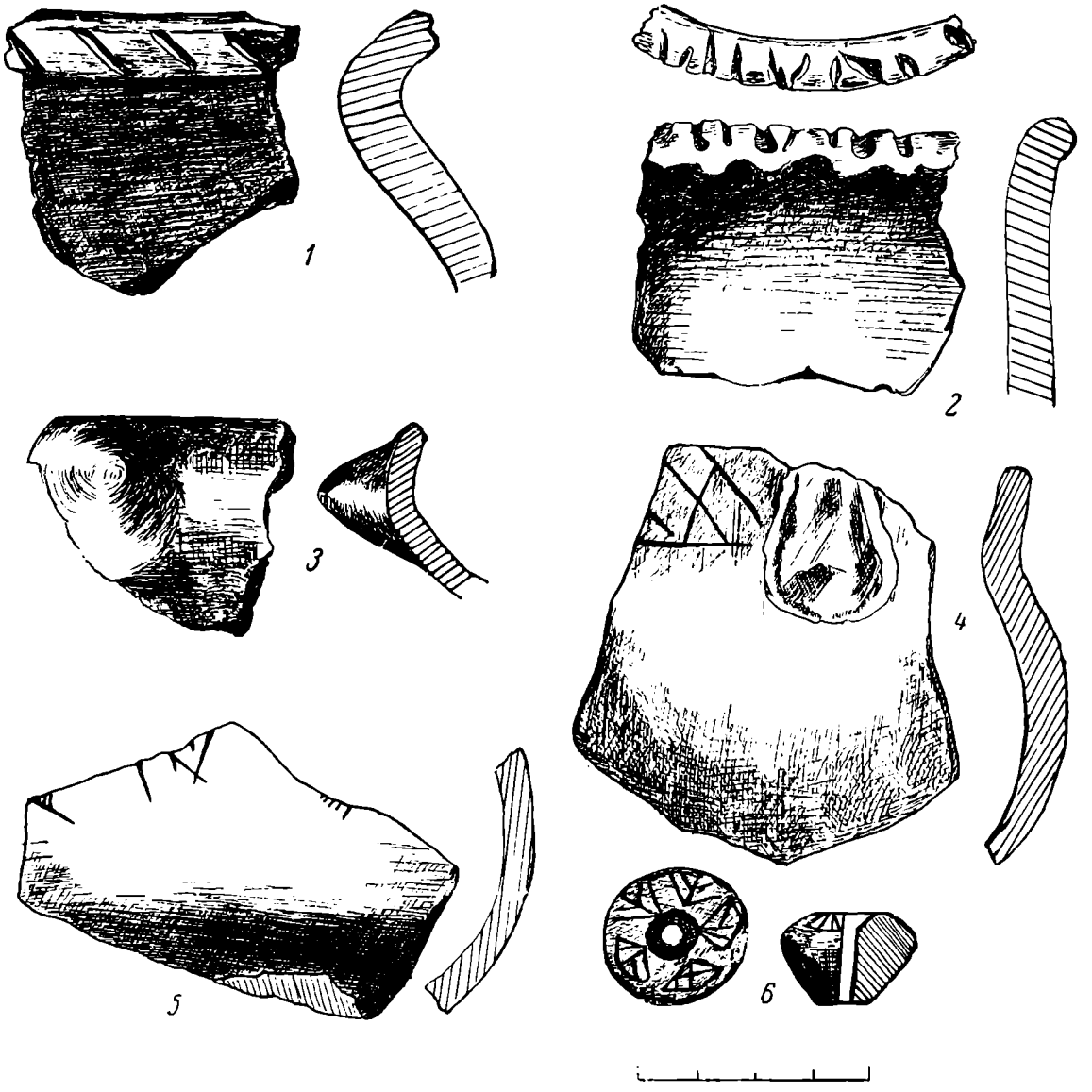


Рис. 7 Керамика из нижних слоев городищ ст-цы Усть-Лабинской.

1, 2 — края сосудов; *3* — край миски с сосцевидным налепом; *4, 5* — фрагменты чарок; *6* — глиняное прясло.

Характерной формой раннескифского времени, как выше отмечено, являются чарки с высокой, раздвоенной на конце ручкой и с резным орнаментом. Несколько обломков таких сосудов встречено и в нижнем слое городища. На фрагментах сохранилась часть орнамента, состоящего, повидимому, из треугольников, идущих по верхней части сосуда (рис. 7, *5*); один из фрагментов является верхней частью чарки с местом прикрепления ручки и имеет резной геометрический орнамент под венчиком (рис. 7, *4*).

Кроме фрагментов сосудов найдено несколько небольших конусо-

видных пряслиц темносерой, почти черной глины, также лощеных; одно из них орнаментировано треугольниками (рис. 7, *6*).

Из органических остатков, найденных в третьем слое, особого внимания заслуживает находка обуглившихся зерен проса; были встречены и кости домашних животных: лошади, овцы, свиньи.

Отсутствие в данном слое сосудов, изготовленных на гончарном круге, при наличии исключительно черной лощеной посуды раннескифского типа, почти полностью повторяющей формы, встреченные в погребениях первой группы смежного могильника (корчаги, миски, кувшины, чарки), дает право датировать нижний слой городища VI—V вв. до н. э. и относить возникновение поселения ко времени не позже VI в. до н. э.

Небольшой объем работ на городище не позволил еще выяснить вопроса о размерах первоначального поселения. Во всяком случае, на основании аналогии с другими городищами, мы вправе предполагать, что площадь его вряд ли была намного меньше, чем в более позднюю сарматскую эпоху.

Значение проведенных в ст-це Усть-Лабинской работ заключается прежде всего в том, что здесь впервые на Кубани исследован единый комплекс памятников скифо-сарматского времени — городище с относящимся к нему грунтовым могильником, причем была установлена полная тождественность как стратиграфии, так и вещественного материала на всем протяжении существования поселения и могильника. Во-вторых, раскопки 1937—1938 гг. впервые дали бесспорные доказательства существования на Кубани в раннескифский период оседлого земледельческого населения (находки обуглившегося проса, костей домашней свиньи как на городище, так и в погребениях, большое количество глиняной посуды).

Работы, проводимые в последние годы по изучению скифо-сарматских памятников среднего Прикубанья, привели к обнаружению слоев раннескифского времени на целом ряде других городищ, чем подтверждается распространение в Прикубанье в данный период оседлого земледельческого населения. В этом отношении заслуживают быть отмеченными городище № 1 ст-цы Тбилисской и городище № 6 ст-цы Кавказской, на которых ранние слои выделяются особенно четко. Городище № 1 ст-цы Тбилисской было известно ранее,[1] но подробно не обследовалось, а имевшийся подъемный материал относился к римскому времени. Городище находится на южной окраине станицы, на правом берегу Кубани, напротив хут. Северина. Местоположение его, по сравнению с известными нам скифо-сарматскими городищами Прикубанья, несколько необычно. В то время как все городища расположены по краю высоких террас Кубани и ее притоков, данное городище находится на сравнительно невысокой (12—15 м) террасе, примыкающей к высокому коренному берегу Кубани и образующей небольшое плато, которое и было использовано под поселение. Городище вытянуто вдоль реки с В на З и имеет в длину 300 м; ширина его 85—90 м. Западной и восточной границей его служат овраги, с Ю границей является Кубань, а на С оно простирается до подошвы высокой террасы. В западной части расположено холмообразное укрепление (цитадель), отделенное от остальной части городища рвом, переходящим на концах в небольшие овражки. В ряде мест, — в обрывах, обращенных к Кубани, в отвесных стенках оврагов и в обрезах дорог — обнажается культурный слой, достигающий в восточной и западной частях мощности до 2—2.50 м. Приблизительно в центре городища мощность культурных наслоений равняется 4 м (в стенке оврага). В этом месте культурный слой имеет резко выраженный зольный характер.

[1] М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Карта древних поселений и могильников Прикубанья. СА, IV, 1937, стр. 270 (№ 39).

Из нижних горизонтов его происходят фрагменты черных лощеных лепных сосудов, принадлежащих раннескифской керамике. Такие же фрагменты в довольно большом количестве собраны и в центре городища, в осыпях небольших овражков и в обрезах грунтовой дороги, а также в восточной и западной частях. По окраине городища керамика раннескифского типа не встречена. Собранные фрагменты происходят в основном от больших корчаг, горшков со слабо выраженным слегка утолщенным венчиком и довольно больших мисок (чаш) с вертикальным бортиком, под углом переходящим в стенки. Все фрагменты имеют хорошее лощение. Керамика Тбилисского городища тождественна усть-лабинской, отличаясь только некоторыми деталями, что объясняется в основном местными вариациями, а не разницей во времени. Принадлежа к группе черной лощеной керамики, она позволяет говорить о существовании на данном городище раннескифского слоя VI—V вв. до н. э., соответствующего, повидимому, времени возникновения поселения.

Другим крупным городищем с явно выраженным раннескифским слоем является городище № 6 ст-цы Кавказской.[1] Расположено оно на правой высокой террасе Кубани между станицами Кавказской и Темижбекской, на расстоянии 4—5 км от восточной окраины первой. Городище является наиболее крупным в данном районе. Оно состоит из основной площади, «центральной» укрепленной части (цитадели) и двух участков поселения, примыкающих к нему с востока и запада. Основная площадь городища (длина 250 м, шир. 100 м) имеет ясно выраженный рельеф и окружена с напольной стороны рвом. С севера через ров имеется переезд, которому соответствуют на городище следы въезда (ворот). На краю террасы (в южной части городища) расположена «центральная часть», представляющая собою высокий холм с крутыми склонами и отделенная от основной площади глубоким рвом. В настоящее время она почти полностью уничтожена обвалами и оползнями берега, так что сохранилась только в виде узкого гребня, имеющего в длину около 20 м.

Восточный участок городища, прямоугольный в плане, имеет самостоятельную систему укреплений; он отделен от основной площади оврагом (рвом). С северной напольной стороны проходит ров, упирающийся западным концом в овраг, а на юго-востоке сливающийся со рвом небольшого холмообразного укрепления, прикрывающего данную часть городища с востока.

На запад, за внешней линией укреплений, вдоль края террасы тянется поселение (на 130 м), площадь которого несколько возвышается (особенно в западной части) над окружающей местностью. Остатков рва и вала здесь не прослеживается. По южному краю городища в обрывах террасы почти на всем протяжении обнажается культурный слой. Кроме того, культурный слой ясно прослеживается и в восточной части, обращенной к оврагу. Среди собранного в осыпях и обнажениях керамического материала, характерного для сарматского времени, обращает на себя внимание довольно значительный процент фрагментов лепных лощеных сосудов коричневато-серого и черного цвета, принадлежащих к раннескифским типам. Фрагменты эти встречены как в осыпях основной части городища и центрального укрепления, так и в восточной части и на территории западного поселения. В последнем месте эта керамика является преобладающей; фрагментов сосудов более позднего сарматского времени здесь найдено не было. Культурный слой достигает мощности 2.10—2.40 м, имеет зольный характер, местами с прослойкой обожженной глиняной обмазки, и содержит обломки сосудов и кости животных (лошадь, корова, овца,

[1] Городище обнаружено в 1946 г. экспедицией Краснодарского краевого историко-краеведческого музея.

коза). Вероятно, что западный участок был заселен только в скифское время. Фрагменты лепной лощеной посуды принадлежат в основном крупным корчагам и мискам с прямым закругляющимся в стенки краем, кроме того встречены фрагменты небольших кувшинов. Данная керамика вполне аналогична усть-лабинской и тбилисской и должна датироваться тем же временем. Находки ее указывают на наличие раннескифского слоя и уже сейчас позволяют составить себе представление о размерах первоначального поселения, которое занимало, повидимому, несколько бо́льшую площадь, чем в последующую сарматскую эпоху.

Вышеописанными данными наши сведения о находках ранней керамики не ограничиваются. При рекогносцировочных работах 1944—1946 гг.[1] отдельные фрагменты раннескифской черной лощеной керамики были найдены на следующих городищах: Ладожских № 5 и № 8, Тбилисском № 6, Казанских № 3 и № 4, Кавказском № 2, Темижбекском № 2, Прочноокопском № 3 и Армавирском близ совхоза № 33. На некоторых из этих городищ обломки интересующих нас сосудов были встречены в единичных экземплярах, что не дает еще права говорить о наличии здесь раннескифского слоя, зато на других наличие такового не вызывает сомнения. Так, при обследовании городища № 6 ст-цы Тбилисской, при осмотре стенок землянки, вырытой на центральной укрепленной части городища, на глубине 2.40 м найдены фрагменты больших лепных корчаг с лощеной поверхностью. На Армавирском городище при прокладке дороги хорошо прослеживался слой с раннескифской керамикой. На городище № 8 ст-цы Ладожской собрано довольно много обломков темносерых и черных лощеных сосудов; то же самое необходимо отметить и для городища № 3 ст-цы Прочноокопской.

Образцы керамики со всех вышеперечисленных городищ повторяют в основном формы, известные нам по находкам в могильнике и на городище ст-цы Усть-Лабинской и на городищах ст-цы Тбилисской и ст-цы Кавказской: крупные корчаги, миски, кувшинчики с ручками и нарезным орнаментом треугольниками.

Кроме перечисленных памятников, по среднему Прикубанью необходимо отметить еще некоторые грунтовые могильники с ранними погребениями. К таковым относятся могильник № 4 ст-цы Усть-Лабинской, Краснодарский могильник, отчасти могильник № 3—4 ст-цы Пашковской и могильник ст-цы Прочноокопской. На могильнике № 4 ст-цы Усть-Лабинской, расположенном с западной стороны одноименного городища на правой террасе Кубани между ст-цами Усть-Лабинской и Воронежской, было доследовано несколько погребений. Два из них следует отнести к раннескифскому времени. Основанием этому может служить как положение скелетов (в одном случае скорченное на левом боку, в другом — на спине, но с сильно согнутыми и приведенными к туловищу руками и ногами), так и ориентировка на ЮЗ и незначительная глубина могил, свойственные раннескифским погребениям. Кроме того, в засыпи могил найдены фрагменты черной лощеной керамики. Вещей при костяках не обнаружено.

На другом могильнике, Краснодарском, находящемся на западной окраине города, в конце Загородной улицы, наряду с погребениями сарматского времени (I—II вв. н. э.) было доследовано одно более раннее. При вытянутом скелете, ориентированном головою на Ю, был найден небольшой кувшинчик с низким и широким туловом, высоким расширяющимся горлом и небольшой ручкой (рис. 8, *1*),

[1] Экспедиция Краснодарского краевого историко-краеведческого музея по обследованию среднего течения р. Кубани (между ст-цей Ладожской и г. Армавиром), работавшая под руководством автора.

мисочка с прямым бортиком и короткий железный меч. Оба сосуда изготовлены от руки и принадлежат раннескифской керамике, имея аналогии в сосудах Моздокского могильника.[1] Меч представляет собой обычный для скифских погребений акинак с подковообразно загнутыми вверх концами рукоятки, украшенными птичьими головками, в настоящее время утратившими свою первоначальную форму, и с сердцевидным перекрестием (рис. 9). Длина акинака — 43 см. Наиболее близкой аналогией ему являются обломки меча из кургана № 401 близ с. Журовки Чигиринского района Киевской области, описанные и изданные Ленцом.[2] Курган этот датируется Б. Н. Граковым началом V в. до н. э.[3] К тому же времени можно относить и погребение Краснодарского могильника.

В Пашковском и Прочноокопском могильниках в некоторых погребениях также встречена лепная черная лощеная посуда, но несколько иного типа и находившаяся вместе с вещами IV в. до н. э.

Таковы в основном те данные, которыми мы располагаем об оседлом населении среднего Прикубанья в раннескифское время.

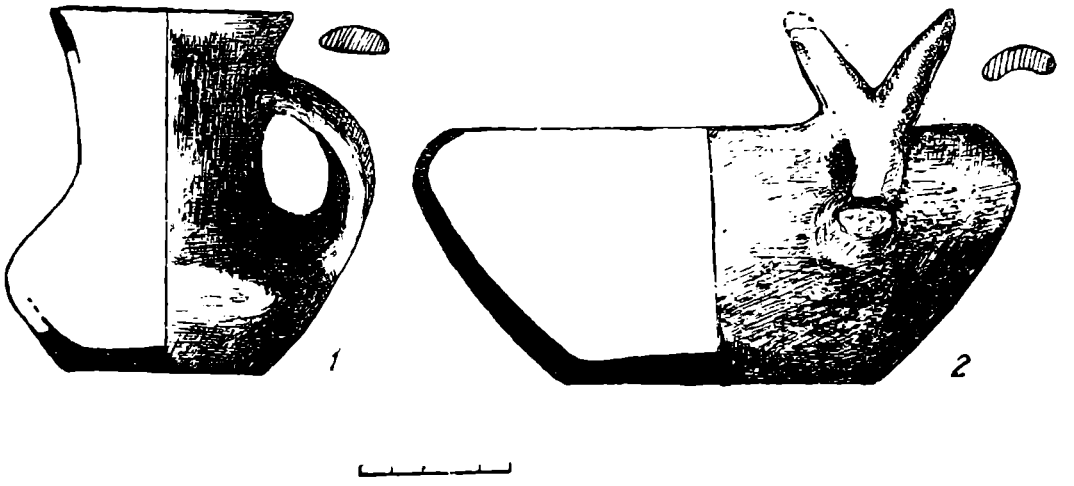


Рис. 8. Кувшин из Краснодарского могильника (*1*) и чаша из ст-цы Варениковской (*2*).

В низовьях Кубани ранние слои с характерной местной керамикой были обнаружены на Семибратнем городище. Оно расположено на левой террасе Кубани (на ее южном рукаве), в 11 км от ст-цы Варениковской. На запад от городища находится группа малых Семибратних курганов, а за ними, на противоположной стороне р. Шакон, возвышаются известные Семибратние могилы. На городище в 1938—1940 гг. Краснодарским музеем производились раскопки, в результате которых открыто большое монументальное здание эллинистического времени[4] и исследованы крепостные стены. Стратиграфия городища показала, что на данном месте первоначально, повидимому, существовало местное синдское поселение, возникшее не позже начала V в., а вернее даже в VI в. до н. э. Необходимо отметить, что ранние слои вскрыты пока на очень незначительной площади.

В нижних слоях, датированных находками архаических амфор и фрагментами расписных коринфских и ионийских сосудов первой половины

---

[1] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. ук. соч., табл. II, *1*, X, *4*

[2] ПАК, вып. 14, стр. 61.

[3] ТСАРАНПОН, т. 2, М., 1928, стр. 74.

[4] Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора (Семибратнее городище). СА, VII, 1941, стр. 258 и сл.

V в. до н. э., найдены в сравнительно большом количестве обломки черной лощеной керамики раннескифского типа. Как техника изготовления, так и формы сосудов весьма близки к находкам из нижних слоев городищ среднего Прикубанья. На Семибратнем городище мы также имеем большие корчаги и миски. На городище не были найдены типичные для раннего времени чарки с высокой ручкой, но из других мест этого же района они нам известны. Так, в Анапском музее до войны хранилась характерная ручка, раздвоенная на конце в виде рогов, найденная в осыпях городища Горгиппии (на месте г. Анапы). Из ст-цы Варениковской происходит довольно большая чаша с загнутым внутрь краем, с массивной короткой ручкой, раздвоенной на конце в виде рогов (рис. 8, *2*). Чаша найдена случайно в самой станице (на левой террасе р. Шуго) при рытье погреба. В соседнем дворе (по Камышеватской ул., № 15) было доследовано погребение, давшее лепную лощеную посуду скифского типа. Все эти находки происходят с территории, занятой в древности племенем синдов, о котором нам сообщают Геродот, Гелланик, Псевдо-Скилак, Псевдо-Скимн, Страбон и ряд других авторов. Имя синдов неоднократно упоминается и в эпиграфических памятниках IV в. до н. э.[1] От второй половины V в. до н. э. мы имеем целую серию монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ.[2] Это было оседлое земледельческое племя, которое рано образовало государство. Исследованных памятников синдской культуры, за исключением некоторых курганов, мы почти не имеем. Несомненно, что Семибратнее городище является остатком синдского города. Таким образом, лощеную посуду раннескифского типа, найденную в ст-це Варениковской, на Семибратнем городище и в г. Анапе, мы вправе отнести к синдам.

Рис. 9. Меч из Краснодарского могильника.

Гораздо сложнее вопрос о населении среднего Прикубанья. Известия античных авторов для данной территории довольно скудны и противоречивы. Рассмотренные выше памятники, несомненно, указывают на наличие на Кубани в ранний период оседлого земледельческого населения. Большинство исследователей (Ростовцев, А. А. Спицын, А. П. Смирнов, Миннз и др.) помещают на Кубани в этот период скифов. М. И. Ростовцев указывает, что «скифы не позже VII в. до н. э. прочно обосновались на всем северном побережье Черного моря: Прикубанье, Придонье, в степной части Крыма, в Приднепровье и Прибужье».[3] А. П. Смирнов считает, что Кубанские курганы VI—IV вв. до н. э. «рисуют нам скифов-кочевников».[4] Нам представляется, что для помещения собственно скифов на Кубани нет достаточных оснований. Подтверждение этому мы можем найти и у античных авторов. По Геродоту,[5] Скифия простиралась вплоть до Танаиса. «За рекою Танаидом уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам, которые, начиная

---

[1] В. В. Латышев. IOSPE, II, № 6, № 346, № 347.

[2] П. О. Бурчаков. Общий каталог монет греческих колоний Причерноморья. Одесса, 1888, стр. 178.

[3] М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. П., 1918, стр. 34.

[4] А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935, стр. 27.

[5] Геродот, IV, 21, пер. В. В. Латышева. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I. СПб., 1900, стр. 17.

от угла Меотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к северу». Около Меотиды савроматов помещает и Псевдо-Гиппократ.[1] Их же знает и Эфор. В наиболее раннем перипле Понта Эвксинского, целиком сохранившемся до нашего времени, известном под именем перипла Скилака и составленном во второй половине IV в. до н. э., мы находим сарматов (сирматов) соседями скифов, т. е. за Танаисом, который «составляет границу Азии и Европы. От реки Танаида начинается Азия и первый народ ее на Понте — савроматы. Народ савроматов управляется женщинами. За женоуправляемыми живут меоты. За меотами народ синды; их область простирается и за пределы озера».[2] Близкое к этому распределение племен дает и более поздний анонимный перипл, так наз. Псевдо-Скимн: «На Танаиде первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий. За ними, по словам Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, по Эфору оно называется племенем савроматов».[3] Таким образом, мы нигде у античных авторов не находим прямого указания на заселение Прикубанья скифами, а наоборот, в приведенных выше источниках имеется перечисление племен, живших на восток от Танаиса и по восточному побережью Меотиды, — это савроматы (сарматы) и меоты, а в низовьях Кубани — синды. Первых вся античная традиция считает ближайшими сородичами скифов, говорившими на «издревле искаженном скифском языке».[4] Общим признаком для этих племен являлась роль женщин и их участие в политической и военной жизни. Таким образом, более вероятным представляется заселение Прикубанья в раннескифское время меото-сарматскими племенами. Этому не противоречат и археологические памятники. Большие курганы Прикубанья VI—IV вв. до н. э., близкие как по обряду погребения, так и по инвентарю Приднепровским, в то же время имеют и свои местные отличительные черты. Наличие в погребениях типичных для скифской культуры предметов, как, например, частей конской сбруи со звериным орнаментом, оружия (мечей, панцырей, наконечников стрел) и т. д., еще не достаточно для отнесения этих погребений к этнической группе скифов. Примером могут являться Семибратние курганы, где «в полной мере господствует настоящий звериный скифский стиль ... в бронзовых уздечных наборах конских погребений»,[5] — курганы, принадлежность которых синдам навряд ли будет оспариваться. То же мы должны сказать и о Карагодеуашхе, сооружение которого приписывается меотам.[6]

Нахождение однотипной керамики, на описании которой мы выше останавливались, на большом протяжении от Закавказья до Западной Европы (Галльштатт) не может указывать на принадлежность ее к одной группе племен. А. А. Иессен совершенно правильно считает, что каждая из отдельных групп керамики «представляет самостоятельно сложившееся на местной основе производство, сходство же их между собою следует объяснить, с одной стороны, конвергентным развитием керамического производства при сходных хозяйственных и технических условиях, а с другой стороны — наличием межплеменных сношений».[7]

---

[1] «В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его — савроматы. Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках». Псевдо Гиппократ, 24, пер. В. В. Латышева. Там же, стр. 59.

[2] Псевдо-Скилак, 68, 70—72, пер. В. В. Латышева. Там же, стр. 84—85.

[3] Псевдо-Скимн, 874, пер. В. В. Латышева. Там же, стр. 90.

[4] Геродот, IV, 117. Там же, стр. 45.

[5] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. 1925, стр. 359.

[6] МАР, № 13, стр. 111.

[7] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен, ук. соч., стр. 40.

Тесные связи, установившиеся с давних времен между скифами и меото-сарматскими племенами Прикубанья,[1] при одинаковой ступени общественного развития создали общность культуры со своими местными локальными особенностями.

Подводя итоги вышеизложенному, мы приходим к выводам:

1) Население Прикубанья в скифскую эпоху составляли в основном савроматы (сарматы) и меоты. В то же время нельзя полностью отрицать и наличия на Кубани скифских элементов. Свидетельства Геродота об изгнании киммерийцев и преследовании их скифами и о вторжении последних в пределы Малой Азии, когда скифы уклонились в сторону от более короткого пути через владения колхов и «пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказскую гору»,[2] т. е. через северокавказские степи, вероятно, соответствует действительности.

2) По среднему и нижнему течению Кубани, а частично, повидимому, и в Закубанье,[3] население состояло из оседлых земледельческих племен. Об этом свидетельствует наличие городищ с довольно мощными культурными напластованиями ранних эпох, связанные с ними грунтовые могильники и нахождение на городищах обуглившихся зерен злаков, костей домашней свиньи и большого количества местной глиняной посуды.

3) Занятие земледелием на Кубани в раннескифский период уходит своими корнями еще в предшествующую эпоху, связи с которой прослеживаются как в обряде погребения (скорченное положение скелетов), так и в некоторых типах предметов (в частности в керамике).[4]

4) В равнинной степной и лесо-степной части Закубанья преобладало, повидимому, полукочевое, а отчасти и кочевое население. Свидетельством этому являются монументальные курганы с гекатомбами лошадей (Уляпский, Костромской и др.), раскопанные в дореволюционные годы Н. И. Веселовским. Памятники скифского времени степей Правобережья Кубани почти совершенно не изучены. Мы вправе предполагать наличие здесь скорее кочевого населения, чем оседлого.

Раскопки в ст-це Усть-Лабинской и рекогносцировочные работы по среднему течению Кубани уже дали весьма ценный материал, характеризующий условия жизни основной массы производителей в раннескифское время. Этот материал, с привлечением ранее известных находок из богатых курганов, позволяет подойти к правильному решению вопроса о социальном строе населения Предкавказья в данный период.

В заключение необходимо указать, что рассмотренные материалы дают основание говорить о местном автохтонном развитии общества в интересующий нас период. Мы вполне согласны с точкой зрения А. А. Иессена, который, «не отрицая возможности и даже значительной вероятности, в рассматриваемое время, частных миграций, для осуществления которых с формированием ранне-кочевнического общества создаются совершенно иные предпосылки, чем раньше»,[5] считает, что основное течение исторического процесса протекало на местной основе.

Проведение дальнейших работ и накопление новых материалов позволит полностью разрешить эту проблему.

---

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 458.

[2] Геродот, I, 104.

[3] На левой террасе Кубани в районе с. Ивановского (Красногвардейский район, Адыгейская автономная область) были обнаружены следы поселения с лепной лощеной посудой.

[4] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен, ук. соч., стр. 42—44.

[5] Там же, стр. 52.

С. И. РУДЕНКО

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О РАСКОПКАХ В УЛАГАНЕ 1947 г. [1]

В 1947 г. после многолетнего перерыва были предприняты дальнейшие раскопки больших курганов на Улаганском плоскогории Восточного Алтая, один из которых, исследованный в 1929 г., получил в литературе известность под названием Пазырыкского кургана. Учитывая ряд трудностей, неизбежных в таком удаленном и мало населенном районе, каким является Улаганский аймак Горно-Алтайской автономной области, Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР в 1947 г. запланировал раскопки только одного из группы пяти каменных курганов. В раскопках, кроме меня, деятельное участие принимала Н. М. Руденко и на первой стадии работ С. А. Семенов.

Нами был выбран курган, расположенный к Ю от раскопанного в 1929 г. В отличие от последнего, он сооружен не на мощных озерных песчано-илистых отложениях, на месте бывшего здесь некогда озерка, а на его берегу, на делювиальных глинисто-щебенистых отложениях. Чрезвычайно тяжелый грунт, особенно в условиях вековой мерзлоты, крайне осложнял производство работ.

Так как, помимо собственно археологических исследований, в задачи Улаганской экспедиции входило выяснение причин образования вековой мерзлоты в алтайских курганах с каменной наброской, совместно с нами работал специальный отряд Института мерзлотоведения им. Обручева АН СССР в составе И. Я. Баранова, П. И. Колоскова, Г. А. Мышковской и Л. Г. Парамоновой.

За исключением некоторых деталей, курган, исследованный в 1947 г., мало отличался от раскопанного в 1929 г. При меньшем диаметре каменной наброски (всего 36 м) ее высота в центральной части оказалась несколько больше (1.75 м). Под каменной наброской, над почвенным горизонтом находилась куполообразная насыпь из глины с включением крупных камней, высотой около 2 м. Под ней — прямоугольная могильная яма, размером 7.1 × 7.8 м и глубиной 4 м. Дно ямы выложено битым камнем, слоем около 10 см, поверх которого насыпан слой черной (с большим содержанием гумуса) земли и уже на нем поставлена погребальная камера (внутренние размеры ее — 3.65 × 4.92 м, при высоте 1.53 м), состоящая из двух (один внутри другого) срубов, с полом из толстых плах и двойным бревенчатым потолком, прикрытым сверху берестой в шесть слоев и кустарником курильский чай.

[1] Более полное представление о раскопках в Улагане можно получить по изданию Гос. Эрмитажа: С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948.

На шести столбах, по три вдоль южной и северной продольных стен камеры, были положены столь же толстые, как и столбы (30—35 см диаметром), балки, на которых, в направлении с З на В, покоился настил из девяти рядов бревен лиственницы. На уровне этого настила в северной части могильной ямы были положены трупы семи лошадей с седлами и уздами. Сверху трупы лошадей были покрыты слоем веток лиственницы и можжевельника, а затем — слоем нетолстых бревен в два ряда, десятым и одиннадцатым над погребальной камерой.

Курган этот, как, повидимому, все другие того же времени и типа, еще в древности был ограблен. По следам орудий, которыми грабители прорубали свой ход в бревенчатом настиле и крыше погребальной камеры, можно думать, что это были бронзовые кельты.

Конское захоронение грабители не затронули, в погребальной же камере они, как увидим ниже, произвели полный разгром. Во время раскопок второй слой бревен и лежащие под ним ветки и трупы лошадей

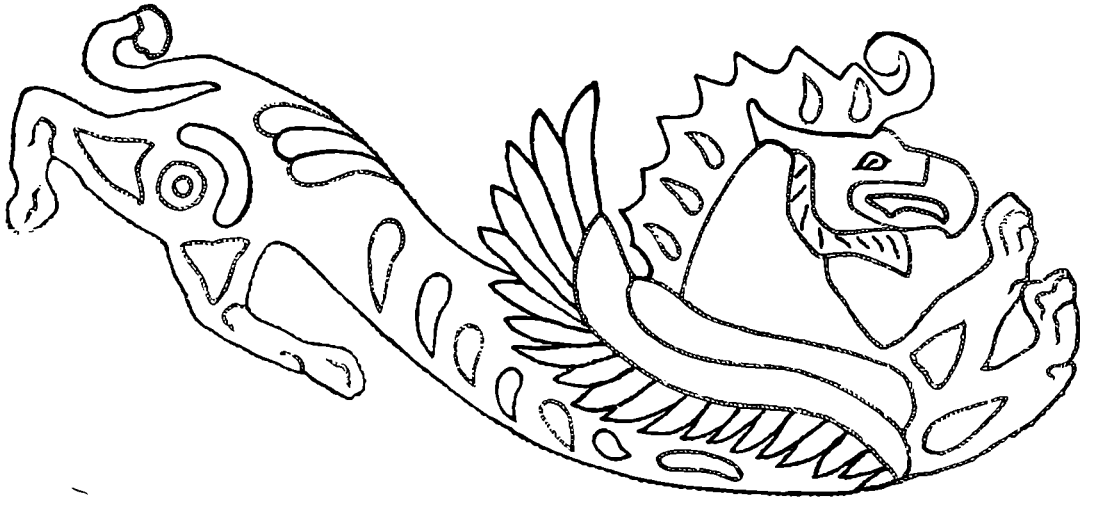


Рис. 1. Улаган. Изображение орлиного грифона с покрышки седла.

находились в замерзшем состоянии. Однако вследствие того, что конское захоронение было расположено сравнительно высоко, в некоторые годы оно, вероятно, оттаивало, чем объясняется плохая сохранность трупов и положенных с ними вещей. Здесь было погребено семь лошадей, уложенных на правом или левом боку, головой на В, все темной масти — гнедые, одна вороная и одна бурой масти. Хвосты и гривы у них были черные. Шерсть и волос сохранились хорошо, но при первом прикосновении к ним отделялись от кожи. Головы были такой плохой сохранности, что нельзя было извлечь ни одного целого черепа. Лучше сохранились большие кости конечностей. Гривы лошадей, за исключением двух случаев, были подстрижены, хвосты заплетены в три пряди, в одном случае хвост был закручен спирально. Уши не сохранились.

Седла и узды оказались совершенно такими же, как и в кургане, раскопанном в 1929 г., но менее богато украшеными и значительно худшей сохранности. Достаточно отметить, что уздечные и седельные ремни не сохранились вовсе. Нагрудных ремней у большинства седел, повидимому, не было. Подушки двух седел набиты травой, остальные оленьей шерстью. В отличие от седел, найденных в ранее раскопанном кургане, у двух из них были роговые подпружные пряжки. На большинстве покрышек седел — сцены нападения хищников на копытных, в одном случае изображение орлиного грифона (рис. 1), в одном — лося. Из украшений

узды особенно интересен набор из оленьего рога. Налобник его представляет собой своеобразную композицию из фигур двух гусей, увенчанных головой рогатого львиного грифона, в пасти держащего этих гусей (рис. 2). Нащечные бляхи сделаны в виде дисков малого и крупного размера с лотосовидным орнаментом (рис. 3). Этот темнокоричневого цвета набор в прорезях покрыт красной и желтой краской. Псалии остальных наборов деревянные, с фигурами голов животных на концах, выполненными в столь характерном для Улагана зверином стиле. Среди украшений уздечных наборов особенно интересны фигурки лежачих тигров или барсов на плоских деревянных же постаментах. Удила узд простые, кольчатые, в двух случаях бронзовые, в остальных — железные.

Рис. 2. Улаган. Роговой налобник узды.

Спорным для кургана, раскопанного в 1929 г., являлся вопрос: имеем ли мы дело с бытовой конской сбруей или со специально изготовленной для погребального ритуала. При внимательном рассмотрении вещей из данного кургана можно убедиться, что сбруя была бытовой, только деревянные покрытые золотом украшения да вырезанные из кожи сцены, наклеенные на кожаные покрышки седел, могли быть изготовлены специально для погребальной процессии. Отметим кстати, что почти все удила сильно изношены от длительного употребления.

Две лошади погребальной процессии и в этом кургане на головах имели навершия, подобные «маскам» из кургана, раскопанного в 1929 г. Маски сохранились крайне плохо. Одна из них представляет собой композицию нападения птицы на горного барана.

Среди предметов, найденных в конском захоронении, заслуживают внимания два щитка из палочек, связанных лоскутом кожи, совершенно такие же, как в кургане, раскопанном в 1929 г., меховой мешок, наполненный сыром, и деревянное кнутовище от нагайки. Мешок покрыт мозаичным узором из разноцветных кусочков меха и кожи, а кнутовище представляет собой фигуру мчащейся лошади, схваченной сзади тигром или барсом (рис. 4).

При раскопке южной половины могилы, промерзшей во всей своей толще и, как затем выяснилось, на 1.5 м глубже дна могильной ямы,

мы все время наблюдали грабительский ход. В верхних слоях бревен размеры этого хода были 1.45 × 2.3 м, а чем глубже, тем более он суживался, сократившись в потолке погребальной камеры до 45 × 70 см. Грабительский ход был заполнен глиной с крупными камнями, а под ним, на полу погребальной камеры, лежал конус из глины и камня. Вся камера была заполнена льдом.

Уже в грабительском лазе находились обрывки тканей и кожи, поломанная крышка одного из столов. Непосредственно под грабительским ходом, на высоте метра от пола камеры, была обнаружена перевернутая вверх дном крышка саркофага-колоды. Вдоль южной стенки камеры стоял саркофаг-колода, такой же, как и в кургане, раскопанном в 1929 г., только здесь украшающий его борты фриз состоял не из фигур петухов, а из серии вырезанных из кожи и покрытых оловянной фольгой фигур бегущих оленей. Пол и стены до половины высоты камеры были затянуты черным войлоком, закрепленным на стенах бронзовыми и деревянными гвоздями.

Рис. Улаган. Круглая роговая бляха узды.

Вода проникла в камеру и замерзла на ее полу слоем от 12 до 20 см высоты еще до проникновения в нее грабителей. Тела погребенных, мужчины и женщины, как и положенные с ними в колоду вещи, в момент ограбления были замерзшими. Вследствие этого грабители для извлечения интересующих их ценностей вынуждены были по снятии крышки изрубить почти до дна борты колоды, оставив нетронутыми только ее массивные концы. Колода внутри была покрыта в два слоя черным войлоком, поверх которого был постлан тонкий шерстяной коврик.

По извлечении трупов из колоды все их одежды были сняты грабителями и разорваны в мелкие клочья. Головы обоих погребенных, вероятно для снятия шейных гривн, были отрублены. У женщины для снятия браслетов были обрублены также стопы, голени в колено-бедренном суставе и кисть правой руки, а пальцы правой руки надломлены при снятии колец. Голень и одна стопа женщины оказались в юго-восточном углу погребальной камеры. Другая стопа вместе с обувью находилась на дне колоды в ее западном конце. Голова мужчины лежала лицом книзу в юго-восточной части камеры вне колоды на уровне ее верхнего края, а женщины — у грабительского хода в центре камеры, под крышкой колоды, на той же высоте от пола, что и голова мужчины. Туловища обоих погребенных обнаружены у западной стены камеры в ее срединной части.

Часть вещей — один столик, глиняный сосуд и деревянные сосуды — остались нетронутыми грабителями, к тому же вещи эти нижней своей частью в момент ограбления были во льду. Остальные вещи, кроме положенных в изголовье в восточном конце колоды, были в беспорядке находимы в различных местах камеры; нередко части одного и того же предмета обнаружены далеко одна от другой.

Оттаивание льда в погребальной камере шло крайне медленно вследствие низкой температуры, большой глубины залегания и позднего вре-

мени года. Потолок с погребальной камеры был снят нами 20 августа, когда в этой горной области начинались утренние заморозки, в ясные ночи доходившие до —11° С, а в пасмурную погоду по утрам падал снежок. Учитывая позднее время года и опасаясь того, что выпавший на перевале между долиной Улагана и Чуйским трактом снег затруднит возвращение экспедиции, 4 сентября работы пришлось прекратить, не закончив раскрытия содержимого погребальной камеры. Камеру мы закрыли настилом из бревен, покрыли слоем камня, засыпали землей и таким образом законсервировали до весны 1948 г. Во льду остались необследованными северная и северо-западная части камеры (примерно одна треть ее объема).

Поскольку раскопки, точнее оттаивание погребения, не закончены — преждевременна исчерпывающая характеристика этого замечательного исторического памятника. Поэтому я ограничиваюсь лишь описанием наиболее интересных из обнаруженных в нем предметов. О тех, что найдены в конском захоронении, сказано выше.

В камере, как уже сообщалось, обнаружено захоронение мужчины и женщины. Оба они были погребены в одной колоде. На мужской голове на темянных костях имеются круглые дыры, две на правой и одна

Рис. 4. Улаган. Головка лошади с кнутовища.

на левой, от удара боевым чеканом. На голове женщины, как и на ее теле, не обнаружено никаких признаков насильственной смерти.

Подобно тому, как это было установленно в таком же погребении на р. Урусуле (Центральный Алтай), тела умерших задолго до погребения подверглись специальной обработке. Черепа трепанированы в области левой темянной кости, близ затылка. Мозг извлечен, и черепная коробка заполнена землею, мелким гравием, растительным и другим материалом, пока еще не определенным. Вырезанные кости вставлены на прежнее место, покрыты кожей, которая сшита затем черным конским волосом. Мужская голова скальпирована, а женская обрита, вероятно в связи с процессом трепанации. Коса женщины найдена отдельно от головы, накладная борода мужчины была укреплена на лице, повидимому, уже после консервации головы. На трупе женщины, от мечевидного отростка грудной кости до лобка, живот был взрезан, внутренности вынуты, и брюшная полость, после ее заполнения мелко нарубленными кусочками растений, зашита конским волосом. Сзади, от ягодиц до икр, кожа ног была разрезана и затем сшита конским же волосом.

Какие консервирующие вещества употреблялись для предохранения трупов от разложения, до специальных исследований сказать нельзя. Несомненно одно: еще до захоронения трупы были уже подсушены. Кожа на открытых частях тела (голова и руки) потемнела, закрытые же части, в частности тело женщины, сохранили свою относительно светлую окраску.

Оба, и мужчина и женщина, темноволосы, возраст мужчины от 50 до 60 лет, женщины свыше 40. Лицо мужчины явно монголоидного типа. чего никак нельзя сказать о женском лице.

Одежда, мужская и женская, найдены в таких мелких обрывках, что до конца раскопок кургана и последующей реставрации одежды говорить о покрое преждевременно. Пока можно только сказать, что по покрою женская одежда подобна «кандису» с длинными декоративными рукавами из катандинского кургана, но короче и более изысканного художественного оформления. Одежда эта из беличьего меха, покрытая вырезанной из кожи узорчатой аппликацией и медными нашивками, крытыми золотыми листками, в виде бараньих головок.

Столь же богато расшита и мягкая обувь, сшитая из кожи и меха. Замечательны фигурные узорчатые кожаные подошвы одной пары обуви и подошвы другой, покрытые узором из нашитого бисера и кристаллов пирита. Очень оригинальны чулочки из тонкого войлока с фестонами по верхнему краю.

Рис. 5. Улаган. Серебряная бляха с пояса.

Интересен ременный узорчатый женский пояс с двумя серебряными нашивными бляхами, одна из которых сохранилась на части пояса, найденной, кстати сказать, в грабительском ходе, а другая, отдельно от пояса, на дне колоды (рис. 5).

Эти прямоугольные серебряные бляшки представляют собой геральдически сопоставленные группы нападения барса или львицы на горного козла. Хищник присел на задние лапы, передние выкинул вперед и вверх и схватил за морду козла. Мускулатура как на теле хищника, так, особенно, на теле козла подчеркнута «запятыми», «точками» и «полуподковками» в известном нам стиле ахеменидской Персии.

На дне колоды найдена также серебряная подвеска в виде фигурки лошади с вытянутыми вперед ногами, выполненная в том же стиле и технике, что и фигуры на упомянутых бляхах (рис. 6).

Рис. 6. Улаган. Лошадка — серебряная подвеска.

Из металлических вещей заслуживают внимания зеркало и нож. Серебряное зеркало (рис. 7) не цельно-литое, а состоит из двух склепанных дисков: гладкого, собственно зеркала, и рельефного с граненым валиком по наружному краю и с граненым же кольцом внутри, в центре которого конический бугорок. По краю бортика правильные кружочки с бугорком в центре. Между рельефным наружным валиком и внутренним рельефным кольцом серия концентрических кругов с насечками между ними. Ручка этого зеркала массивная, из бычьего рога.

Железный нож, узкий и длинный, с небольшой дырочкой в рукоятке для подвешивания, украшен золотой чеканкой. Хранился в специальном деревянном футляре. Вместе с зеркалом в специальном кожаном мешочке, найденном в изголовье колоды, хранилась и железная вилочка.

Очень интересны бронзовые фигурки уточек с положенной на спину головой, покрытые золотом и служившие украшением одной из сумок, а также тонкие бронзовые пластинки, сцены борьбы зверей, покрытые

золотом. Одна из них — геральдическое сопоставление горных козлов (рис. 8), другая — дерущихся грифонов (рис. 9).

Очень любопытно пока еще не восстановленное головное украшение в виде диадемы с вырезанными из кожи и оклеенными листовым золотом петушками.

Рис. 7. Улаган. Серебряное зеркало.

Особого внимания заслуживает найденная в колоде, в ее головной части, очень сложная композиция особого ритуального или церемониального назначения (рис. 10). Из дерева вырезана чрезвычайно выразительная голова орлиного грифона. Гребень и уши у него кожаные. В клюве грифона голова оленя, вырезанная из одного с ним куска дерева. Рога и уши оленя кожаные. На шее грифона с обеих сторон одна и та же композиция: гусь в когтях грифона. Изображение гуся, мастерски выполненное, барельефное. Туловище грифона и хвост исполнены барельефом,

а голова и шея круглой скульптурой, причем гребень вырезан из дерева, а уши кожаные. Из кожи же и приставные крылья. Клювы большого

Рис. 8. Улаган. Козлы, медная пластинка.

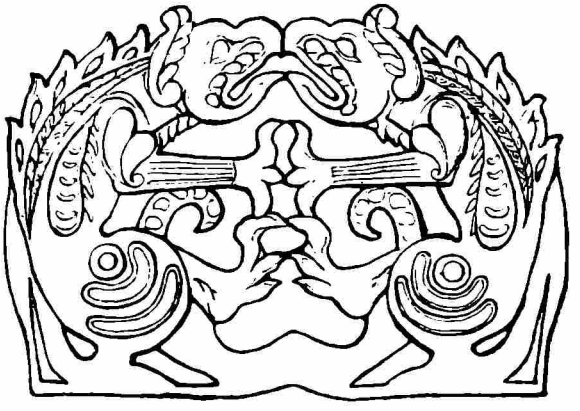


Рис. 9. Улаган. Борющиеся грифоны, медная пластинка.

и малых грифонов выкрашены в красный цвет, равно как и гребни малых грифонов. Восковица желтая. Брови оленя красные. Изображения гусей в когтях грифонов были покрыты золотыми пластинками.

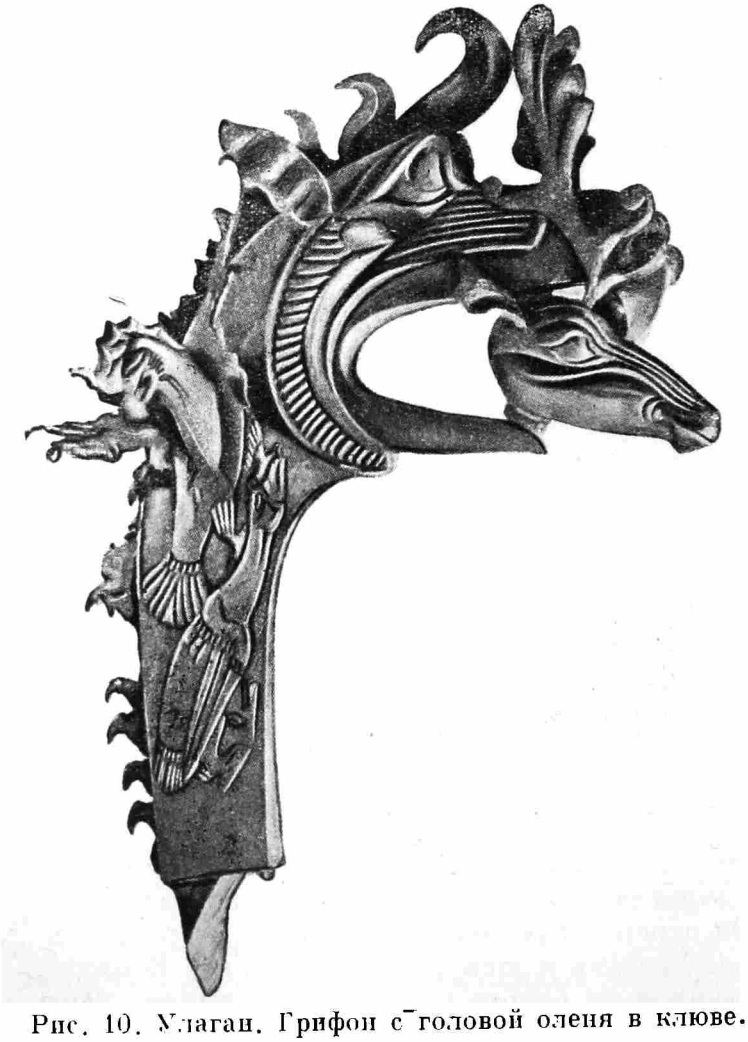


Рис. 10. Улаган. Грифон с головой оленя в клюве.

Этот мотив — голова оленя в клюве грифона, — но в несколько иной композиции, найден и в виде деревянной подвески. Гребень, уши и крылья грифона, рога и уши оленя кожаные, причем отростки рогов своеобразно заканчиваются петушиными головками.

Разнообразны ткани, найденные в погребальной камере. Помимо черного коврика, упоминавшегося выше, здесь имеются образцы гладких разноцветных шерстяных тканей очень тонкой работы и многоцветной узорчатой ткани, типа гобелена.

Особенно много различных по форме, часто очень сложного покроя и устройства, с секретными карманами, малых и больших сумочек и мешочков, сшитых из кожи. Почти все они узорчатые, с узором, врезным или выполненным в технике аппликации, очень тщательной и тонкой работы. Один из мешочков, тот, в котором хранилось зеркало, имеет

деревянную ручку, оканчивающуюся скульптурными головками львов. Часть мешочков наполнена семенами средиземноморского кориандра.

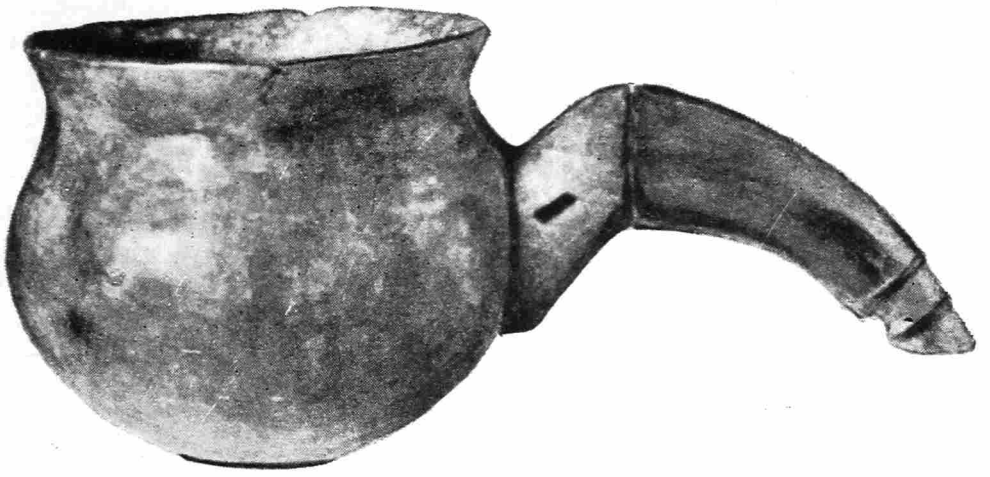


Рис. 11. Улаган. Деревянный сосуд с роговой ручкой.

В восточном секторе погребальной камеры возле колоды найдено много предметов домашнего обихода: столы, деревянные и глиняные сосуды. Четыре низеньких стола, каждый на четырех ножках, стояли один возле другого. Их крышки овальной формы вырезаны из цельного дерева с довольно высоким бортиком по краю. Ножки, в двух случаях круглые (в одном — резные, в другом — точеные, без сомнения, на токарном станке), в двух случаях представляют собой вырезанные из дерева фигуры львов. Все ножки вмерзли в находившийся на дне камеры лед еще до появления в ней грабителей и поэтому сохранились на своих местах. Только один столик, с ножками в виде фигур львов, сохранился в полной неприкосновенности, крышки же остальных трех были сняты грабителями, и на них, видимо, как на подносах, они выносили награбленные вещи. Одна из крышек пока не обнаружена, а две найдены сильно поврежденными и брошенными грабителями, одна в погребальной камере, другая в грабительском ходе над камерой.

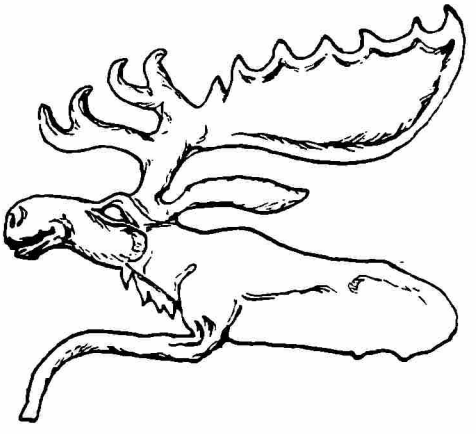


Рис. 12. Улаган. Лось, вырезанный из кожи.

Деревянных сосудов найдено два: один в виде кубка с высокой ручкой, другой в виде глубокой чаши с ручкой и носиком, как у чайника (рис. 11). На ручку чашевидного сосуда одет бычий рог, оформленный в виде лошадиной ноги с копытом на конце. Оба сосуда вырезаны из цельного дерева и имеют сферическое дно, так что они не могли стоять без подставки. Подставками служили кольца из черного и красного войлока. Они были подложены и под глиняные кувшины, хотя последние и плоскодонны.

Глиняных кувшинов было два. Один, сохранившийся только в верхней своей половине, обнаружен у восточной стены камеры перевернутым вниз горлом, другой, цельный, стоял на полу в центральной части камеры

у грабительского хода рядом с упомянутым выше цельным столиком на львиных ножках.

Оба кувшина — высокие (50 см), узкогорлые, с довольно широким туловом, плоским небольшим дном, без орнамента. Замечательно, что цельный кувшин по верхнему краю горлышка был оклеен тонкой кожей, по тулову были наклеены вырезанные из кожи фигурки петухов, покрытые оловянной фольгой. Естествен вопрос, не делались ли эти кувшины без орнамента потому, что украшения на них наклеивались. Иначе непонятно, почему все без исключения вещи, находимые в этом кургане, в той или иной степени разукрашены и только глиняные кувшины лишены орнамента.

У восточного края в средней части камеры найден вырезанный из цельного дерева струнный музыкальный инструмент с кожаной двойной верхней декой, выкрашенной в красный цвет, и ударный бубен со стенками из бычьего рога. Струнный инструмент типа арфы.

В погребальной камере найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, шерсть яка. Скотоводство, следовательно, в эту эпоху было основным и главным занятием жителей Алтая. Знаменательно, что ткани при всем их разнообразии были почти исключительно шерстяные.

Весь комплекс вещей, найденный во вскрытом в 1947 г. погребении, свидетельствует о высокой культуре народа, которому он принадлежал. Культура эта своими корнями тесно переплетена со скифским культурным миром и носит несомненные следы культурных связей с народами Передней Азии того времени. Какое это было время, V или IV в. до н. э., до детального изучения памятника решать преждевременно, но все говорит за то, что это было время, соответствующее династии Ахеменидов в Персии. Никаких элементов, указывающих на культурные или торговые связи с Китаем, не обнаруживается. Имеются, правда, следы лака на одном из кожаных предметов, но он еще не изучен. Вероятнее связи с Памиром, населением Тибетского нагорья (як, зеркало), но и они подлежат еще тщательному обследованию.

Весьма важно установление монголоидного типа носителей этой культуры.

Все эти вопросы и многие другие, вытекающие из материалов, открытых в данном погребении, явятся предметом дальнейших исследований на Улаганском плато Восточного Алтая. Однако уже теперь ясно, что культура в замерзших курганах Восточного Алтая вскрывается в такой полноте и деталях, какие мы не можем рассчитывать найти в других археологических памятниках. Культура эта оказала огромное влияние на последующее сложение и развитие культуры как оседлого, так особенно кочевнического населения Срединной и Западной Азии.

Т. Н. КНИПОВИЧ

К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ СНОШЕНИЯХ АНТИЧНЫХ КОЛОНИЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Всем, кто работает над вопросами культуры античных колоний северного Причерноморья, хорошо известен тот масштаб, который имеет в эллинистический период торговля причерноморских колоний. Если относящиеся к этому времени тексты античных авторов и не содержат по данному вопросу сведений настолько показательных, как те, которые имеются для периода непосредственно предшествующего, то материал, добытый путем раскопок, дает картину достаточно яркую. Этот материал хорошо известен. Всем памятны многочисленные находки амфор с клеймами, регулярно поступающие всегда, когда идут раскопки слоев эллинистического времени; все помнят и о различного рода импортных изделиях, представленных во всех группах вещественного материала и продолжающих ввозиться в причерноморские колонии, несмотря на рост в них местного производства. В сопоставлении с этими находками приобретает большое значение и ряд сведений о причерноморской торговле в эпоху эллинизма, содержащихся в эпиграфических памятниках. Но в то же время несомненно, что картина торговли причерноморских колоний в эллинистический период далеко не так ясна, как это имеет место в отношении торговли более ранней. В непосредственно предшествующее интересующему нас периоду время, т. е. в V и IV вв. до н. э., группа аттического импорта так ярко выступает, так определенно доминирует и по количеству находок и по художественному их достоинству, что существенных разногласий здесь быть не может: из исследователей северного Причерноморья одни придают значение большее, другие — меньшее тем группам, которые ввозятся в северное Причерноморье наряду с аттическими изделиями, но доминирующая роль Аттики не вызывает сомнений ни у кого.

Совсем иное мы видим в представлении исследователей о причерноморской торговле III и II вв. до н. э. Прежде всего, нет уже какого-либо общепризнанного главного центра или хотя бы главной области, которая играла бы в данное время в торговле северного Причерноморья такую же роль, какая принадлежала в V и IV вв. Аттике; отражение этого мы встретим во всех затрагивающих интересующий нас вопрос публикациях — везде речь идет о ряде центров, о ряде областей. Вместе с тем, очень часто у исследователей нет уверенности в определении происхождения каждой представленной в причерноморских колониях группы материала, а в связи с этим нет вполне установившейся точки зрения и на то, какие области античного мира находятся в данное время в посто-

янных сношениях с колониями. Правда, ряд областей, иногда и отдельных городов, активно участвующих в торговле с северным Причерноморьем, известен нам вполне определенно. Едва ли надо вновь упоминать о центрах, ввозивших вино и масло и устанавливаемых с полной достоверностью благодаря находкам амфор с клеймами; общепризнанным является также факт ввоза изделий малоазийских центров; доказанным можно считать александрийское происхождение во всяком случае некоторых найденных в причерноморских городах предметов, отличающихся высокими художественными достоинствами. Но в то же время мы повторно встречаем определения — или условные, как «афинское или малоазийское происхождение»,[1] «Александрия или местная ольвийская фабрика»,[2] или слишком общие, как «общеэллинистическая керамика».[3]

Все эти явления, говорящие о каком-то ином характере импорта в эллинистический период по сравнению с периодом предшествующим, стоят в несомненной связи с общим изменением политической и культурной обстановки в античном мире. Не касаясь всем известной характерной для эллинизма общеполитической ситуации, я остановлюсь только на том значении, которое она имеет для вопроса о центрах производства различных групп изделий. Специально я коснусь изделий керамических.

Характерным для науки прошлого столетия, также и для науки начала нашего века было стремление приписать производство каждой группы керамики определенному и притом одному центру. Так создались обозначения, иногда нуждающиеся в поправках, иногда и совсем неправильные, как всем известные «мегарские чашки» или как название «Gnathia», применявшееся для всех категорий ваз с светлым накладным рисунком по темному фону. Дальнейшие исследования заставили в корне изменить этот взгляд, и по отношению к эллинистической эпохе больше, чем к какой-либо другой. С возникновением новых городов, с превращением многих прежде незначительных поселений в крупные центры политической и культурной жизни связано и громадное развитие местных производственных предприятий. И мы убеждаемся не только вообще в повсеместном производстве таких изделий, как изделия керамические, но и в том, что каждая из главных групп керамики производилась не в одном, а в ряде центров одновременно. Это относится и к «мегарским чашкам»,[4] и к вазам «Gnathia»,[5] и к сосудам с темной росписью по светлой обмазке.[6] Такое положение, конечно, крайне осложняет задачу каждого, кто хочет составить себе представление о центрах производства изделий, ввозившихся в какое-либо место: приходится производить классификацию внутри каждой данной группы. Именно в процессе такого рода работы мною и были сделаны те наблюдения, о которых я хочу сообщить в настоящей статье.

Предметом моего исследования была группа керамики, отличительной особенностью которой является светлый орнамент, растительный или геометрический, нанесенный по фону темной, черной или темнокоричневой глазури, «лака»; орнамент выполняется или краской, белой и красновато-желтой, или разжиженной красновато-желтой глиной, часто в ком-

---

[1] М. И. Ростовцев. Пиксида росписного склепа кургана Васюринои горы. ЗОО, т. XXX, стр. 150.

[2] К. В. Тревер. Ольвийская полихромная амфора 1901 г. МАР. № 36, стр. 67.

[3] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 198.

[4] F Courby. Les vases grecs à reliefs. Париж, 1922. — E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, II, Мюнхен, 1923, стр. 910.

[5] E. Pfuhl. ук. соч., стр. 910.

[6] Там же, стр. 911—912. — Leroux. Lagynos. Париж, 1913.

бинации с белой краской. Это — та керамика, которую в Италии мы знаем под названием «Gnathia» и которая несомненно представляет интерес как одна из самых распространенных в поселениях эллинистического периода вообще и причерноморских в частности. К характеристике тех категорий этой керамики, которые мы встречаем в материале колоний северного Причерноморья, я и перехожу.

Рис. 1. Малоазийская эллинистическая керамика из городов Боспорского царства и Ольвии. Эрмитаж.

1 — амфора П 1838.32; *2* — амфора ПАН 282; *3* — канфар П 1877.77; *4* — канфар Ол 4360.

Среди массы происходящих из раскопок причерноморских городов сосудов, общей чертой которых является светлая роспись по темному фону глазури, четко выделяются две основные группы; особенности каждой из них выясняются при сопоставлении их друг с другом. К первой из групп принадлежат сосуды, изображенные на рис. 1, *1—4*; с отличительными чертами второй мы познакомимся пока по экземплярам,

изображенным на рис. 2, 3, 4. Мы убеждаемся, что каждая из двух групп имеет свои отличительные особенности в орнаментации, в формах сосудов, в технике.

В орнаментации мы встретим и здесь и там много общих элементов: растительные гирлянды, в частности гирлянды плюща, ожерелья с зерновидными подвесками, фигурки плавающих дельфинов и т. д. Но в первой группе эти орнаменты исполнены в манере более свободной, живописной; они сделаны жидкой белой и желтой краской, по большей части с значительным применением резьбы, и обычно более небрежно, между тем как у экземпляров второй группы орнаментация гораздо более насыщена, отличается тонкостью и сложностью рисунка, выполнена в основной своей части разжиженной глиной в виде рельефа, иногда сильно выпуклого. И самый рисунок орнаментов, при наличии и здесь и там одних и тех же общеэллинистических мотивов, заметно отличается у сосудов каждой данной группы. Бесконечно повторяющийся в первой группе орнамент гирлянды плюща, а также орнамент ожерелья с зерновидными подвесками на горлах сосудов в определенном виде этих орнаментов (рис. 1) не встретится в данной разновидности во второй группе, как не встретится в первой, например, орнамент типа, изображенного на крышке пиксиды Гп 1881.10 (рис. 4, *2*), или орнамент входящих друг в друга четырехугольников, чередующихся с орнаментом белых и черных шашечек (рис. 2, *1—3*).[1]

Различие в орнаментации двух наших групп сопровождается также различием в формах и деталях форм сосудов. Наиболее распространенным в первой группе типом двуручного сосуда является тип сосудов П 1838.32 и Пан. 282, воспроизведенных на рис. 1, *1*, *2*; этот тип — в профиле венчика и горла, в очертаниях тулова и подставки, в орнаментальных деталях на ручках[2] — резко отличается от тоже постоянно повторяющегося в определенной разновидности типа амфоры, представленного нашими №№ 996 (рис. 5, *2*), и Б 2801 (рис. 2, *3*). Канфары первой группы, П 1877.77 и Ол 4360 (рис. 1, *3—4*), принадлежат иным типам, чем килики и канфары второй (рис. 3, *1—4*). Но едва ли не существеннее, чем самые типы сосудов, те отдельные особенности в деталях форм, которые свойственны сосудам различных типов в каждой из двух наших групп. Для второй группы характерна исключительная четкость в очертаниях, резкое членение сосуда на части, богатство деталей, в то время как сосуды первой группы выполнялись несравненно более суммарно и менее тщательно.

Различаются между собой обе описанные группы и технически. Труднее всего здесь определить различия в качествах глины — в обеих группах она отличается хорошей и тщательной обработкой, затушевывающей иногда ее природные особенности. Как общее правило, глина во второй группе тоньше измельчена, лучше отмучена, более однородна: случаи, когда примеси встречаются в виде крупных инородных частиц, известны мне только в первой группе. Свойственный глине обеих групп красновато- и коричневато-желтый цвет приобретает обычно у сосудов второй группы более яркий и теплый оттенок, но варианты в оттенках довольно значительны и здесь и там. Гораздо заметнее различия в глазури. Во вто-

---

[1] Речь идет, конечно, опять-таки о данной разновидности. Орнамент, слагающийся из тех же мотивов, но выполненный иначе, встречается и на сосудах, принадлежащих к нашей первой группе. См.: Altertümer von Pergamon, т. I, текст, *2*, Берлин, 1913, прил. 36, 4.

[2] Эти детали — плоские кружки в первой группе, маски и головки во второй — заимствованы от металлических прототипов, где они имели значение, конечно, не только орнаментальное.

Рис. 2. Аттическая керамика эллинистического времени.
1 — кувшинчик из Керчи (Эрмитаж П 1906.106); *2* — кувшинчик из Афин. C. Watzinger, табл. IV; *3* — ваза из Керчи (Эрмитаж Б 2801).

Рис. 3. Аттическая эллинистическая керамика из Ольвии.
1 — килик (Эрмитаж Ол 524); *2* — килик (Эрмитаж Ол 525); *3* — канфар (Эрмитаж Ол 515); **4** — канфар (Эрмитаж Ол 4355).

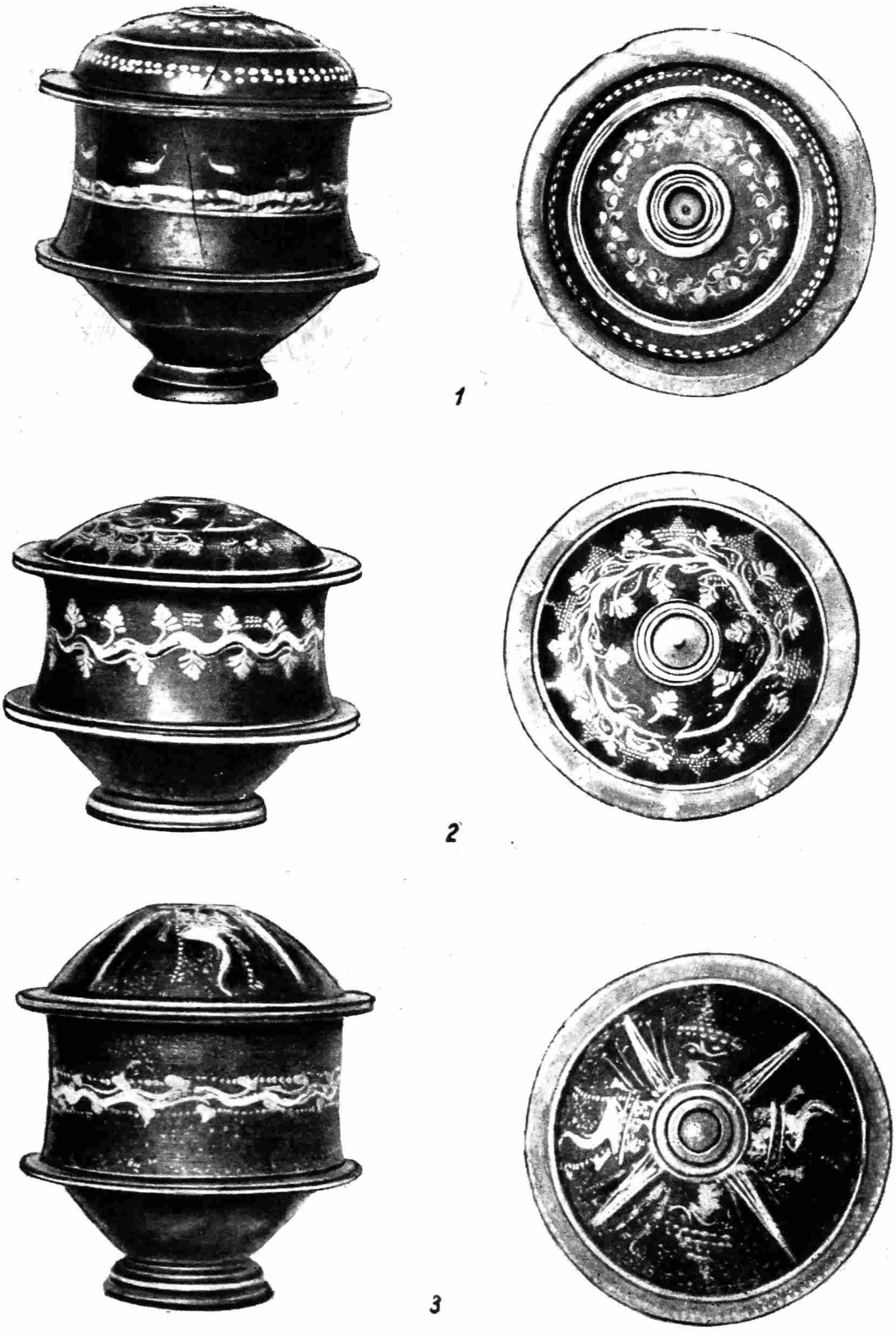


Рис. 4. Аттические пиксиды из боспорских городов.

1 — пиксида из некрополя у м. Тузлы (Эрмитаж Т 1885.1); *2* — пиксида из Анапы (Эрмитаж Гп 1881.10); *3* — пиксида из Керчи (Эрмитаж П 1838.51)

Рис. 5. Аттические амфоры из Афин и городов Северного Причерноморья.
1 — ваза из афинского комплекса В, начала III в. до н. э.; *2* — ваза из Керчи (Эрмитаж Пан 996); *3* — ваза из афинского комплекса Д, II в. до н. э.; *4* — ваза из Ольвии (Эрмитаж Ол 2378); *5* — ваза из афинского комплекса Е, конца II в. до н. э.; *6* — фрагмент вазы из Ольвии (Эрмитаж Ол 2658).

рой группе она, за очень редкими исключениями, имеет одинаковый на всем сосуде, снаружи и внутри, темный цвет, черный или темнобурый, почти черный; глазурь лучших экземпляров отличается блеском, приближающимся к блеску глазури аттической чернолаковой керамики IV в., но чаще имеет блеск более слабый, матовый. Что касается первой группы, то в ней, прежде всего, редки экземпляры без значительных вариантов в цвете даже на одном сосуде: цвет глазури местами очень темный, бурый, местами яркий, буровато-красный, местами представляет нечто промежуточное между двумя описанными окрасками; и даже темные участки не имеют того густого и ровного цвета, какой типичен для сосудов второй группы. Наконец бросается в глаза высокий обжиг изделий второй группы: здесь черепок гораздо более легкий, тонкий, звонкий.

Весь описанный комплекс признаков настолько характерен, что присутствие в нашем материале двух различных групп совершенно очевидно. Определение происхождения каждой из этих двух групп тоже не может вызывать сомнений. Первая из них встречает вполне показательные аналогии в материале малоазийских центров, и в первую очередь — Пергама, в чем мы легко убеждаемся, сопоставляя экземпляры нашей первой группы (рис. 1) с пергамскими находками (рис. 6), у которых повторяются все описанные нами особенности очертаний, орнамента, очевидно, судя по описанию, и техники. Приведенные аналогии принадлежат, как мы упоминали, Пергаму; и, несомненно, значительное количество, едва ли не большая часть экземпляров данной группы, представляет импорт именно из этого центра. Но учитывая, с одной стороны, наличие некоторых колебаний в окраске и структуре глины, с другой — то обстоятельство, что эллинистическая керамика из других малоазийских городов нам просто недостаточно знакома, я считаю более осторожным определить в целом нашу первую группу как малоазийскую.

На данной группе я не буду останавливаться, тем более что факт малоазийского импорта эллинистической керамики в северное Причерноморье уже давно считается установленным. Скажу только несколько слов о датировке этой керамики. Бóльшая часть пергамского материала принадлежит сравнительно позднему времени: там, где можно установить комплексы, в состав которых этот материал входит, речь может итти о конце III и о II вв. до н. э. Наши причерноморские находки дают возможность составить представление и о более ранних типах малоазийской керамики, типах, принадлежащих началу эллинистического периода. Характерный образец такой раннеэллинистической малоазийской керамики представляет эрмитажная амфора П 1838.32 (рис. 1, *1*), найденная в одном из комплексов той части пантикапейского некрополя, которая расположена на так наз. Карантинном шоссе и которая включает целый ряд самых богатых, обильных золотыми и серебряными вещами погребений. Богатый набор золотых украшений и серебряных сосудов, найденных в одном погребении с данной вазой,[1] заставляет датировать погребение, а вместе с ним и нашу вазу, временем не позднее начала III в. до н. э. Характерно, что эта ваза имеет уже все особенности формы и орнаментации, о которых, как свойственных малоазийской группе, мы говорили. От более поздних (напр., ПАН 282, рис. 1, *2*) ее отличают другие пропорции, а вместе с тем бóльшая четкость профилировки, также иная, более тщательная трактовка канелюр; отличает ее от большинства малоазийских сосудов конца III и II вв. до н. э. равномерная темнокоричневая окраска глазури. К числу раннеэллинистических образцов рассматриваемой

[1] Погребение описано в Annali dell'Instituto di Corrispondenza Archeologica, т. XII, Рим, 1841, стр. 13—22.

группы малоазийской керамики можно также отнести найденный в одном из погребений пантикапейского некрополя канфар П 1877.77 (рис. 1, *3*), встречающий в пергамском материале близкие аналогии:[1] помимо особенностей формы и орнаментации, за сравнительно раннюю дату и здесь говорит глазурь темнокоричневая, отличающаяся равномерной окраской.

В громадном количестве экземпляров данной группы, представленных в материале эллинистических слоев и комплексов наших колоний, мы встретим и ранние типы, сходные с только что рассмотренными, и типы бесспорно поздние: не подлежит сомнению, что импорт малоазийской керамики рассматриваемой категории являлся весьма значительным на всем протяжении эллинистического периода.

Более подробно нам придется говорить о второй нашей группе, экземпляры которой представлены на рис. 2—5. Ее происхождение сейчас тоже не может вызывать сомнений: мы имеем здесь дело с аттической керамикой эллинистического периода.

Впервые аттическая керамика эллинистического времени была выделена Ватцингером в 1901 г., в статье, посвященной керамическим находкам из Афин.[2] Основой для выделения этой группы послужил автору ряд находок на западном склоне Афинского акрополя; к ним Ватцингер присоединил целый ряд других экземпляров (в том числе происходящих с нашего юга), объединенных с указанными находками рядом признаков, тех признаков, о которых мы говорили как о свойственных нашей второй группе. С тех пор за керамикой, характеризующейся своеобразным орнаментом, выполненным разжиженной глиной и белой краской по темному фону глазури, утвердилось данное Ватцингером по месту находки первых экземпляров название «керамики западного склона» (Westabhangkeramik, West Slope ware). Выделив эту группу, охарактеризовав все ее отличительные особенности и рассмотрев вопрос о времени ее существования, Ватцингер лишь очень осторожно высказался за ее вероятное аттическое происхождение, т. е. за аттическое производство той керамики, которая была найдена в Афинах; для более широких обобщений находившийся в его распоряжении материал был, конечно, недостаточен. Но самый факт присутствия среди эллинистической керамики стиля «Gnathia» специальной аттической группы явился с тех пор вполне установленным; можно удивляться, что он все же остался слабо отраженным в научной литературе.

Уже поверхностное сопоставление наших экземпляров, воспроизведенных на рис. 2, 3, 4, с изданными у Ватцингера делает совершенно несомненной принадлежность всех их к одной группе. Сравним, например, наш керченский кувшинчик П 1906.106 (рис. 2, *1*) с кувшинчиком из Афин, изданным Ватцингером (ук. соч., табл. IV) и воспроизведенным у нас на рис. 2, *2*; близкие аналогии мы найдем у Ватцингера и нашим киликам и канфарам (ср. наш рис. 3 с рисунками у Ватцингера на стр. 74, 78, 79), а также нашим пиксидам (ср. рис. 4 с рисунком у Ватцингера на стр. 75). Еще яснее станет нам наш материал в свете недавних расследований, а именно — расследований афинской агоры: значению этих раскопок в деле изучения эллинистической керамики посвящена специальная статья Томпсона.[3] Во-первых, количество найденных в Афинах экземпляров интересующей нас группы возросло настолько, специфические черты этой керамики стали так ясны, что ее аттическое происхожде-

---

[1] См. Altertümer von Pergamon, I, 2, прил. 37,2; у нас рис. 6, *6*.

[2] C. Watzinger. Vasenfunde aus Athen. AM, 1901, т. XXVI, стр. 50 сл.

[3] Thompson, Homer A. Two Centuries of Hellenistic Pottery. Hesperia, III, 1934, стр. 311 сл.

ние стало абсолютно несомненным. Более того, наблюдения Томпсона о несомненной связи данной группы (по установившейся традиции продолжавшей называться «West Slope ware») с аттической краснофигурной

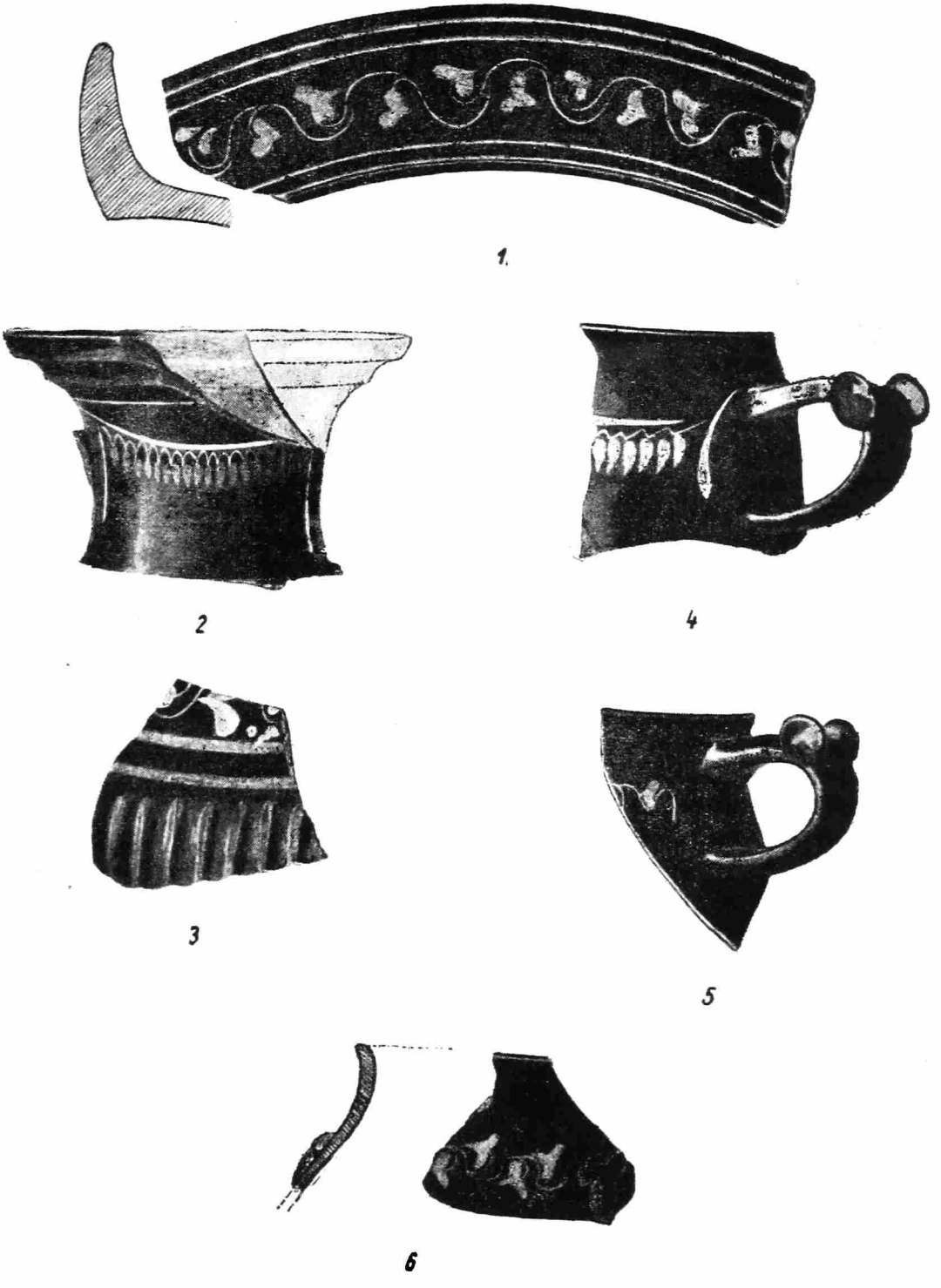


Рис. 6. Пергамская керамика эллинистического времени. По «Altertümer von Pergamon», I, 2 прил. 37 и 39.

и чернолаковой керамикой классического периода не только еще раз убеждают в аттическом происхождении сосудов «западного склона», но и выясняют роль Аттики как центра, создавшего данный новый стиль. Дальнейшим результатом работы Томпсона явилось прослеживание пути

развития и вырождения, который был пройден различными группами керамики в течение эллинистической эпохи. Среди массы обнаруженного раскопками афинской агоры материала автор выделяет ряд комплексов, которые могут рассматриваться как вполне определенные и замкнутые хронологически: это находки в различного рода изолированных хранилищах и водоемах. В определении хронологии каждого такого комплекса было учтено все: присутствие монет, присутствие предметов или групп предметов, время бытования которых является само по себе вполне установленным; обязательным условием являлась возможность считать данный комплекс действительно единым хронологически. Так получаются два раннеэллинистических комплекса — A и B, находки которых укладываются в пределы первой половины III в. Кроме ранних монет и таких не вызывающих затруднений в своем определении категорий, как, например, раннеэллинистические светильники, здесь особенно показательны случаи находок аттической краснофигурной керамики в наиболее поздних ее разновидностях; существенным моментом явилось также совпадение всех основных представленных здесь групп материала с находками в александрийском некрополе Шатби (Sciatby). На основании критериев, подобных приведенным, следующий за ранними комплексами комплекс C отнесен автором ко второй половине III в. до н. э., а два последних — D и E — уже ко II в. до н. э., комплекс E — даже к грани II и I вв. до н. э.

Установленные пять комплексов дали Томпсону возможность выяснить во всех рассматриваемых им группах эллинистической керамики свойственные каждому из пяти хронологических отрезков особенности каждой из категорий и, таким образом, составить представление и о путях их развития. Нас в данный момент интересует впервые получившаяся возможность проследить хотя бы основные этапы развития аттической «керамики западного склона».

Сопоставляя наш причерноморский материал с находками в пяти комплексах Томпсона, мы убеждаемся в присутствии у нас в причерноморских колониях экземпляров данной группы керамики, принадлежащей всем установленным хронологическим отрезкам. Проследим это на некоторых типах.

Одним из наиболее характерных и распространенных типов является свойственный данной керамике тип низенькой амфоры, по большей части [1] с витыми ручками: некоторые из представленных в находках на афинской агоре разновременных разновидностей этого типа воспроизведены у нас на рис. 5, *1,3,5*. Путь развития и вырождения этого типа — от сосуда раннего III в., с мягкими и плавными очертаниями, с тщательно выполненным миниатюрным насыщенным орнаментом (рис. 5, *1*), до сосудов II в., угловатой формы, с небрежно исполненной и упрощенной росписью, с измененными пропорциями (рис. 5, *3* и *5*) — ясен и без специального подробного описания. Присутствие подобных разновидностей, как ранних, так и поздних, может быть установлено и у нас. Две происходящие из Керчи вазы, — изображенные на рис. 2, *3* (Б 2801) [2] и на рис. 5, *2* (№ 996) [3] — принадлежат, по всем особенностям формы и росписи, во всяком случае III в. до н. э. Обе они отличаются хорошими техническими качествами — у обеих мелкозернистая, хорошо отмученная глина, у обеих глазурь густая, темная, с матовым блеском: цвет глазури вазы № 996

[1] Редким, повидимому, исключением является в отношении формы ручек ваза, изданная Ватцингером (ук. соч., табл. III).

[2] Ваза куплена в 1879 г. у штабс-капитана Сазонова, по словам которого, она найдена в окрестностях Керчи.

[3] Обстоятельства находки вазы не известны.

(рис. 5, *2*) буровато-черный, вазы Б 2801 (рис. 2, *3*) — темно-коричневый. Очень типичны именно в данной разновидности орнаменты, выполненные в манере миниатюрного рельефа полужидкой глиной, частично и белой краской; как почти идентичный на плечах обеих ваз орнамент входящих один в другой четырехугольников в комбинации с рисунком «шашечек», так и орнаменты на горлах сосудов встречают многочисленные аналогии именно среди раннеэллинистических сосудов данной группы из Афин.[1] Особенности формы обоих наших сосудов свидетельствуют, впрочем, о несколько более позднем времени, чем время сопоставляемой с ними афинской вазы В 3 (у нас рис. 5, *1*): самому началу III в. до н. э., как последняя ваза, они принадлежать не могут. Не менее показательны представленные в находках наших колоний поздние разновидности того же типа. Особенно характерный материал дает Ольвия. Из раскопок Ольвии происходит целый ряд сосудов и обломков,[2] принадлежащих как раз поздним разновидностям данного типа аттической амфоры: два из них — Ол 2378 и Ол 2658 — изображены на рис. 5, *4*, *6*. Во всех этих экземплярах ярко выражена деградация основного типа, создавшегося еще к началу III в. Очертания лишены прежней плавности; тулово непомерно сократилось; ручки имеют не округлую, а угловатую форму; изменилась форма венчика. И все эти особенности формы и выделки сочетаются с тоже выродившимся, крайне упрощенным, небрежно выполненным и потерявшим прежнюю привлекательность орнаментом. Вместе с тем связь с ранними экземплярами той же группы очевидна — она ясно выражена не только в типе сосуда, но и в орнаментах. Так, орнамент на горле фрагмента Ол 2658 (рис. 5, *6*) представляет явное вырождение орнамента, воспроизведенного на плечах ранней афинской амфоры В 3 (у нас рис. 5, *1*), также повторяющегося на нашей пиксиде Гп 1881, 10 (рис. 4, *2*); грубо и небрежно выполненные на горле поздней амфоры Ол 2378 фигурки дельфинов заставляют вспомнить тот же мотив на горле керченской вазы III в. (рис. 5, *2*). Отметим также характерную замену орнамента входящих один в другой четырехугольников, постоянно встречающегося на плечах аттических ваз III в., упрощенной косой штриховкой: такой измененный орнамент имеет поздняя афинская ваза Е 59 (у нас рис. 5, *5*) и целый ряд ольвийских сосудов и обломков.[3] Интересно также и то, что отмечавшаяся нами характерная деталь — врезанные пояски, закрашенные красной краской, — сохраняется и у этих поздних и небрежно выполненных экземпляров. Пути, по которым идет вырождение основных типов, не всегда одинаковы: так, изменение в характере орнаментации у поздних сосудов иногда выражается лишь в крайней небрежности выполнения (напр., Ол 2378,

---

[1] Аналогии орнаменту на плечах наших амфор см., напр.: Watzinger, ук. соч., рисунки на стр. 72, 78, 82, также табл. IV Аналогии орнаментам на горле см.: дельфины и растительный орнамент под ними: Watzinger, ук. соч., стр. 70—71. — Thompson, ук. соч., стр. 342, рис. 22 (В 35); растительный орнамент на горле второй вазы: Thompson, стр. 339, рис. 19 (В 22) и мн. др.

[2] Напр., из находящихся в Эрмитаже Ол 2378 1907 г., 508 (рис. 5, *4*); Ол 2658, 1908 г., 212 *в*. (рис. 5, *6*); Ол 2654, 1908 г., 3221; Ол 2818, 1909 г., 2186; Ол 2820, 1909 г., 2007; Ол 9648, 1909 г., 1818; Ол 9653, 1909 г., 1666; Ол 15122, 1909 г., 1892 и 1905 (2 обломка); Ол 3117, 1910 г., 296; Ол 10442, 1910 г., 722*а*; Ол 10443, 1910 г., 1494*а*; Ол 10444, 1910 г.; Ол 10455, 1910 г., 168; Ол 10458, 1910 г., 1563. — Из сосудов, не поступивших в эрмитажную коллекцию, к числу таких же позднеэллинистических аттических амфор принадлежат две вазы из раскопок 1901 г. (№№ 237 и 320), известные мне по фотографиям фотоархива ИИМК, а также изданная в ОАК за 1896 г. (стр. 208, рис. 594) ваза из раскопок 1896 г., найденная в могиле № 35.

[3] См. наши рис. 5, *4* и *6*, также эрмитажные обломки Ол 2654, Ол 2818, Ол 9648, Ол 9653, Ол 10442, Ол 10444, Ол 15122.

рис. 5, *4*), иногда, как у аттического сосуда Е 59 (у нас рис. 5, *5*), состоит в создании рисунка более свободного, менее детализированного и насыщенного. Но общий стиль всех этих поздних сосудов несомненно близок, несомненна и ярко выраженная зависимость их от одних и тех же ранних типов.

Сходные наблюдения над представленными у нас типами в их ранних и поздних разновидностях могут быть сделаны и по отношению к другим формам сосудов. От таких сопоставлений я пока воздержусь. В настоящей статье я никак не могу ставить себе задачу полностью охватить, полностью охарактеризовать весь имеющийся в нашем распоряжении материал: это должно составить содержание особой работы. Ограничусь лишь общей характеристикой происходящей из наших колоний аттической эллинистической керамики данной группы, т. е. группы «керамики западного склона».

Мы уже могли убедиться, что в материале причерноморских колоний представлены как ранние разновидности этой группы, принадлежащие еще началу III в. до н. э., так и поздние типы, относящиеся к концу III и ко II вв. до н. э. Дадим беглый обзор известного нам материала из городов Боспора и из Ольвии: я буду основываться главным образом на материале собрания Эрмитажа.[1] Раннеэллинистическая керамика данной группы особенно обильна. Сюда войдет, прежде всего, вся серия пиксид и лекан, изданных и рассмотренных М. И. Ростовцевым в его известной статье о пиксиде склепа кургана Васюриной горы: [2] обе рассматриваемые здесь формы — пиксиды и леканы — встречают аналогии в находках, сделанных в Аттике.[3] Эта серия интересна как раз ранней датой большинства входящих в нее сосудов. Орнаменты пиксид Гп 1881.10 и Гп 1881.11 (Ростовцев, ук. соч., табл. VII, рис. 32—35; у нас рис. 4, *2*), также леканы Б 2737 (Ростовцев, табл. V, 24) очень близки орнаментам аттических ваз групп Томпсона А и В, в частности — той вазы, которая воспроизведена у нас на рис. 5, *1*; сходные наблюдения могут быть также сделаны относительно орнаментации неизданной горгиппийской леканы Гп 1882. 61. С другой стороны, и в боспорских некрополях есть случаи находок ваз рассматриваемой группы в погребениях, содержащих позднекрасно-фигурные вазы. Так, чернолаковая эллинистическая пиксида Т 1885. 1 [4] найдена вместе с краснофигурной леканой IV в. до н. э., а горгиппийская крышка леканы Гп 1882. 61 — в одном кургане с крышкой краснофигурной леканы Гп 1882. 62, принадлежащей началу III в. до н. э.[5] Некоторые из изданных Ростовцевым пиксид и лекан принадлежат несколько более позднему времени, например керченская пиксида П 1838. 51[6] или лекана, найденная в склепе кургана Васюриной горы, Вас. 5.1,[7] но и они не выходят за пределы III в. до н. э.

Большим количеством экземпляров представлены в некрополях Боспора и другие типы раннеэллинистической аттической керамики. Кроме уже рассматривавшегося типа приземистой амфоры, укажу на тоже изве-

---

[1] Экземпляров рассматриваемой группы, найденных в Херсонесе, в Эрмитаже нет совсем.

[2] М. И. Ростовцев. Пиксида росписного склепа кургана Васюриной горы. ЗОО, т. XXX, стр. 136 сл.

[3] Напр., C. Watzinger, ук. соч., стр. 75 (19). — М. И. Ростовцев. Пиксида росписного склепа. . ., табл. VIII, рис. 39.

[4] М. И. Ростовцев. Пиксида росписного склепа. , табл. VI, рис. 28—29 и стр. 145, 1. Соображения Ростовцева о том, что данная пиксида является, вероятно, самой ранней (стр. 148), встречают подтверждение в характере найденной с нею краснофигурной леканы, представляющей характерный экземпляр еще IV в. до н. э.

[5] Архив ИИМК, дело № 18/1882, 16 сл.: курган № 23, n°n° 6 и 21.

[6] М. И. Ростовцев. Пиксида росписного склепа. , табл. VII, рис. 36—37.

[7] Там же, табл. V, рис. 22—23.

стный нам тип кувшинчика с витой ручкой (рис. 2), повторяющийся, при сохранении всех особенностей формы и орнамента, в виде сосудов различных размеров, в том числе совсем миниатюрных;[1] на кувшинчики несколько другого типа, с более коротким горлом и простой ручкой;[2] на типы канфаров [3] и киликов [4] на высокой ножке; на тип яйцевидной чашечки на ножке.[5] У всех перечисленных экземпляров ярко выражены особенности выделки, очертаний и орнаментации, о которых шла речь при характеристике аттической группы в сопоставлении ее с группой малоазийской.

О распространении упомянутой группы в поселениях Боспора свидетельствуют также находки в слоях городищ. При слабой расследованности боспорских городов, при скудости и, главное, случайном характере имеющихся в наших собраниях находок из боспорских городищ не может, конечно, быть речи о настоящем количественном учете и выяснении процентного отношения группы аттической керамики в составе боспорского эллинистического материала. Но привлекают внимание повторяющиеся наблюдения о присутствии такой керамики среди находок из боспорских поселений. Так, в отчете о работах, произведенных на северном и южном склонах горы Митридат в Керчи в 1901 г., воспроизведены три типичных обломка сосудов рассматриваемой группы с исполненным разжиженной глиной накладным растительным орнаментом, причем по поводу них сделано замечание: «такие черепки встречались особенно часто».[6] Представлена та же керамика и в находках других поселений. Я не имела пока возможности детально ознакомиться с материалом эллинистических слоев раскапывавшихся в последнее время боспорских городищ, но и при беглом просмотре находящихся в Институте истории материальной культуры находок из Мирмекия мною был выделен целый ряд характерных экземпляров интересующей нас группы;[7] из них некоторые отличаются высокими техническими качествами и очень тонко и красиво исполненным орнаментом.[8]

Не менее обильны находки раннеэллинистической аттической керамики в материалах Ольвии. Едва ли не самым распространенным типом питьевого кубка являются здесь килики, подобные сосудам Ол 524, 1901 г., 773 (рис. 3, *1*)[9] и Ол 525, 1901 г., 730 (рис. 3, *2*);[10] уже Ватцингер отнес такие килики к выделенной им группе аттической «керамики западного склона».[11]

Укажу, далее, на килики в форме расширяющейся кверху неглубокой чаши на высокой ножке с детализированным профилем. Этот тип уже встречался нам среди боспорского материала (П 1834. 46); в Ольвии

---

[1] Эрмитаж, П 1906. 106; П 1839. 16; П 1834.47.
[2] П 1839.17.
[3] П 1838.52.
[4] П 1834.46.
[5] П 1838.50.
[6] ОАК, 1901, стр. 53, рис. 104—106.
[7] М 38/229; М 38/238; М 38/250; М 38/267; М 38/325; М 38/340; М 38/369; М 38/370; М 46/173б; М 46/182 и др.
[8] М 38/229 — по тщательно выполненному орнаменту четырехугольников, комбинирующемуся с шахматным орнаментом, и по общему характеру выделки близок к воспроизведенному на рис. 3, *4* ольвийскому канфару Ол 4355.
[9] Издан в ИАК, вып. 8, стр. 39, рис. 35.
[10] Кроме двух упомянутых, ту же форму имеют эрмитажные сосуды Ол 4271 и 4272, а также килик с надписью Ὑγιείας из раскопок 1896 г., см.: ОАК за 1896 г., стр. 209, рис. 598.
[11] C. Watzinger, ук. соч., рис. на стр. 74. Воспроизведенный здесь килик с надписью Ἀθηνᾶς происходит из Ольвии.

он представлен экземпляром из погребения № 34 1896 г.[1] Из канфаров в Ольвии встречается тип стройного тонкостенного кубка на высокой ножке, с масками на ручках и характерным для рассматриваемой группы орнаментом входящих один в другой четырехугольников в комбинации с шахматным рисунком: в Эрмитаже имеется два таких кубка — Ол 4355, 1900 г., 44 с (рис. 3, *4*) и Б 2568, совершенно идентичных и встречающих близкие аналогии как в Аттике, так и среди аттического импорта в Александрию. Другим типом канфаров являются сосуды почти цилиндрической формы, слегка суживающиеся кверху, со стенками, резко, под углом загибающимися к маленькой профилированной подставке (Ол 515, 1901 г., 332, изображенный на рис. 3, *3*);[2] форма эта также известна в Аттике.[3] Встречаются в Ольвии и хорошо представленные на Боспоре пиксиды: такой пиксиде в эрмитажной коллекции принадлежит обломок крышки Ол 2653. Наконец, из числа многочисленных обломков, принадлежащих уже неоднократно упоминавшимся нами приземистым амфорам, некоторые датируются ранним временем, во всяком случае еще III в. до н. э.[4]

Многочисленные обломки, содержащиеся как в эрмитажной коллекции, так и в материале других собраний, свидетельствуют о распространенности данной группы в быту эллинистической Ольвии и вместе с тем дают представление о присутствии также и других типов эллинистических аттических сосудов, не вошедших в наш перечень. Эти экземпляры, не позволяющие полностью восстановить форму сосуда, я пока оставляю в стороне. Скажу только несколько слов о керамике более поздней, датирующейся II в. до н. э.

Среди боспорских находок аттическая керамика, аналогичная керамике поздних групп в системе Томпсона (D и E), отсутствует почти полностью; тем интереснее, что в ольвийском материале из раскопок Б. В. Фармаковского типы позднеаттических амфор, несомненно близкие афинским амфорам из датируемых II в. комплексов D и E, оказались хорошо представленными. Мы могли в этом убедиться уже при ознакомлении с упомянутым типом амфор: выделенные мною при просмотре эрмитажной коллекции экземпляры, аналогичные сосудам поздних комплексов Томпсона, принадлежат не менее чем 15 сосудам, причем бóльшая их часть по стилю и технике датируется бесспорно II в., самые ранние не заходят глубже конца III в. до н. э. К той же категории относятся также упоминавшиеся нами амфоры, не находящиеся в Эрмитаже и известные мне лишь случайно. Это, прежде всего, ваза из находок 1896 г., изданная в Отчете Археологической комиссии: [5] крайняя ее близость по форме и орнаментации амфоре из самого позднего комплекса афинской агоры E 59 (рис. 5, *5*) — очевидна. Ярко выраженные особенности поздних групп имеют также две вазы из раскопок 1901 г., 237 и 320, известные мне по фотографиям фотоархива ИИМК. Отмечу, что некоторые детали (особенно характерен орнамент на плечах, в котором прежние входящие один в другой четырехугольники заменились частыми косыми перекрещивающимися линиями) сближают всю данную серию ольвийских ваз с вазой самого позднего комплекса афинской агоры E 59. Но я остерегусь на основании этого признака относить все упомянутые ольвийские вазы и обломки ко времени комплекса E, т. е., по Томпсону, к концу II в. или началу

---

[1] ОАК за 1896 г., стр. 267, рис. 592: надпись: Διονύσου.

[2] ИАК, вып. 8, стр. 38, рис. 30.

[3] Thompson, ук. соч., стр. 320, рис. 5; стр. 335, рис. 15; стр. 338, рис. 18. — C. Watzinger, ук. соч., стр. 78 и 79, рис. 25, 26.

[4] Напр., Ол 11954.

[5] ОАК за 1896 г., стр. 208, рис. 594.

I в. до н. э.: данная деталь могла появиться и раньше, а особенности техники некоторых экземпляров говорят против отнесения этих последних ко времени столь позднему. Вместе с тем, повторяю, принадлежность этих наших ольвийских экземпляров позднеэллинистическому времени, по большей части уже II в. до н. э., представляется мне не вызывающей сомнений.

Черты позднего времени — выродившийся орнамент, плохую глазурь, более обильно, чем в III в., применяемую резьбу — имеет также целый ряд ольвийских обломков; типы сосудов, которым они принадлежали, могут быть определены лишь в общих чертах. На этих фрагментах, которые, несомненно, при углубленном исследовании внесут новые моменты в наши представления об аттической керамике эллинистического периода, я тоже пока останавливаться не буду.

Раскопки Ольвии в последний период дали вновь ряд показательных экземпляров рассматриваемой группы. Не имея возможности просмотреть сейчас материал из этих раскопок, я сошлюсь пока на единственную публикацию таких находок — статью Е. И. Леви о привозной керамике из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг.[1] Описывая найденную в отчетные годы эллинистическую керамику, Е. И. Леви выделяет особую группу: ее описание, как и воспроизведение некоторых экземпляров,[2] не оставляет сомнений в том, что мы имеем здесь дело с той же группой эллинистической аттической керамики.[3]

Представленный обзор я закончу ссылкой на всем хорошо известную коллекцию Фогеля, содержащую большое количество типичных экземпляров рассматриваемой группы в ее различных как ранних, так и поздних разновидностях.[4]

Сделанных наблюдений достаточно. Мы имели возможность убедиться в существовании как в Ольвии, так и на Боспоре значительной группы керамики, свидетельствующей о том, что и в эллинистическое время Аттика являлась одним из центров, ввозивших свои изделия в колонии северного Причерноморья. Сам по себе этот факт не является новостью: мы знаем о ввозе предметов аттического искусства,[5] имеем данные о торговле Аттики с Причерноморьем и в эпиграфическом материале.[6] Но не может не остановить нашего внимания прежде всего количественная сторона этого импорта. Сейчас мы располагаем данными весьма неполными, извлеченными из ознакомления с материалом одного — пусть крупнейшего — нашего собрания. Тем не менее нельзя считать явлением случайным значительное количество экземпляров данной группы и в эрмитажном собрании и в состоящей также из находок, сделанных в северном Причерноморье, коллекции Фогеля. В настоящей работе я сознательно ограничилась одной группой — группой «керамики западного склона»,

---

[1] Е. И. Леви. Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 119 и 120.

[2] Ук. соч., табл. XX, *1—4*.

[3] Следует отметить, что автор статьи, не выделяя специально группы аттической эллинистической керамики, вполне правильно высказывается за аттическое происхождение некоторых экземпляров и указывает на аналогии им в статье Ватцингера. Интересно упоминание фрагмента пелики «с узором шахматной доски, с полями, в которые вписаны прямоугольники, исполненные линиями накладной краски», точной аналогией которому автор считает вазу, изданную Ватцингером, табл. III.

[4] См.: Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Bezitze des Herrn A. Vogell, Карлсруе, табл. VI, *1, 3, 5, 7, 9, 10, 11, 13, 15, 20, 27, 29, 31*; VII, *16, 18, 19*.

[5] Е. В. Эрнштедт. Статуэтка Диониса из Тиритаки. СА, VII, стр. 174 сл.

[6] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 241 (№ 4) и 243 (№ 5).

дающей наиболее показательные параллели. Беглый просмотр других находок, и прежде всего аттической «чернолаковой» керамики без орнаментации, дает возможность предположить, что и в этой группе могут быть выделены сосуды, по технике и профилировке определяемые как аттические. Напомню далее, что и среди других групп, например группы «мегарских чашек», Томпсон, а раньше и Курби, выделяли категорию аттическую: детальное рассмотрение всех этих групп может, конечно, уточнить наши представления о роли аттического керамического импорта в Причерноморье в эллинистическую эпоху. Но и просмотренная группа дает нам право утверждать, что аттический импорт не был в данный период ввозом отдельных случайных изделий, а представлял явление безусловно значительное.

Второе, на чем я хочу еще раз фиксировать внимание, это вопрос о времени импорта керамики рассматриваемой группы: Аттика во всяком случае продолжала ввозить керамику и во II в. до н. э. Дальнейшая и более углубленная проработка материала должна выяснить, был ли ввоз аттических изделий во II в. до н. э. действительно характерным для Ольвии больше, чем для Боспора, или отмеченный факт является результатом случайного подбора материала в коллекции Эрмитажа, не отражающего истинного положения дел.

Не подлежит сомнению, что сделанные наблюдения имеют значение не только для специальной области истории античной керамики, — они вносят существенные дополнения в наши сведения о торговле причерноморских колоний в эпоху эллинизма, а вместе с тем — и вообще об эллинистической Аттике. Остававшееся до самого последнего времени широко распространенным представление о том, что Аттика в данный период в сущности сходит со сцены и как центр художественной промышленности и как область, играющая заметную роль во внешней торговле, нуждается, очевидно, в поправках. Мы могли убедиться, что Аттика в это время не только продолжает производить высококачественную художественную керамику, но и создает новый стиль ее; не только остается заметным центром художественной промышленности, но и распространяет свои изделия далеко за пределы непосредственно прилегающей к ней области.

К. В. ТРЕВЕР

К ВОПРОСУ ОБ АНТИЧНОМ ХРАМЕ В ГАРНИ (АРМЕНИЯ)

В Котайкском районе Армении, в сел. Гарни,[1] сохранились развалины замечательного античного храма, построенного из местного базальта (рис. 1).

На высоком мысу, у подножия которого сливаются речки Азат и Гарни, находятся остатки крепостных стен с воротами; территория крепости

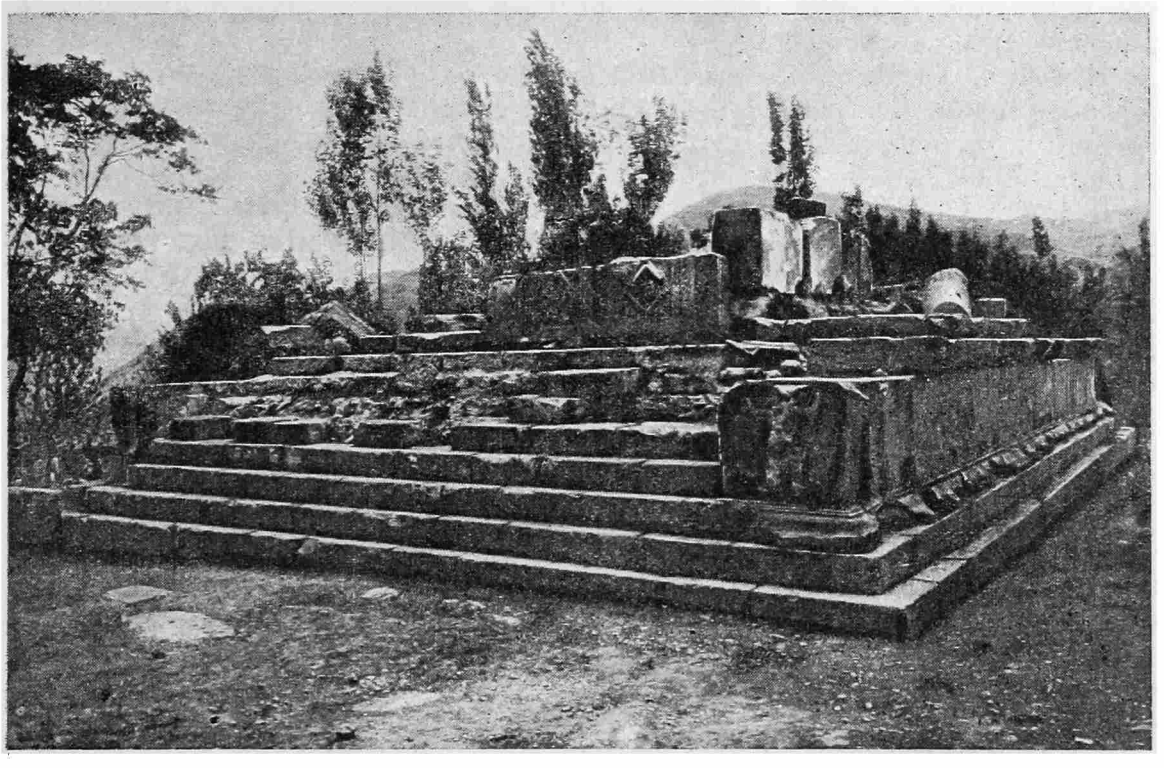


Рис. 1. Гарни. Общий вид развалин храма после раскопок.

покрыта фруктовыми деревьями и виноградниками, а на самом мысу высятся стилобат и лестница храма, окруженные колоссальными архитектурными фрагментами, богато украшенными орнаментом.

История Гарни, хотя и в обрывках, прослеживается вглубь до I в. н. э., а легендарные предания, с ним связанные, уходят еще глубже — в предания эпические.

[1] В 30 км от Еревана.

Гарни упоминается впервые в «Анналах» Тацита,[1] который сообщает, как в 51 г. н. э. в крепости (castellum) Горнеа, где стоял римский гарнизон, иберский царевич Радамист обманным образом убил своего дядю, римского ставленника на армянском престоле — царя Михрдата, и как на совете у правителя Сирии Квадрата, управлявшего и Арменией, было решено не наказывать Радамиста за убийство Михрдата, а использовать это событие для сталкивания армян и иберов между собою. Тацит передает вынесенное римлянами постановление: «Всякое чужое злодеяние надо принимать с радостью, нужно даже бросать семена ненависти; как часто римские государи под видом щедрости предоставляли ту же Армению для возбуждения смут среди варваров. Пусть Радамист владеет плодами своего преступления, будучи предметом ненависти и презрения, коль скоро это нам более на руку, чем если бы он достиг власти со славою. Так было решено».

В конце IV в. армянский историк Фавст Бузанд говорит о Гарни как о «крепкой крепости царской»,[2] Егише в V в. упоминает среди городов, отнятых у персов армянскими восставшими князьями, и город Гарни.[3]

Моисей Хоренский (V—VI вв.) сообщает легендарные сведения о потомке Хайка — Гехаме, построившем в небольшой неприступной долине дом, который впоследствии внук его Гарник именовал «Гарни».[4] В другом месте тот же автор, передавая историю Трдата III, сообщает, что царь этот в Гарни построил «дом прохлады» — летний дворец для своей сестры Хосровидухт.[5]

В VII в. Гарни упоминается у историка Себеоса,[6] а затем, в конце XII в., у одописца Тамары — по поводу одержанной ее мужем, Давидом Сосланом, победы над мусульманами, пленников которых он пригнал в Гарни.[7]

Историк Орбелиан в XIII в. сообщает, как близ Гарни хорезмшахом Джеладдином были разбиты войска грузинской царицы под водительством атабека Иванэ.

В конце XVI в. (1593 г.) Симеон Апаранский написал элегию, посвященную Гарни, в которой упоминается девять ступеней и двадцать четыре колонны храма.

К началу XVII в. относится упоминание Гарни в истории Григория Камахского, который, вспоминая вышеупомянутую элегию Симеона Апаранского, с восхищением говорит о «чудных хоромах великого Трдата, т. е. о дворце, что в городке Гарни. Мы также сподобились узреть это святое место, где рядом с хоромами лежит близко кладбище с могилою св. Маштоца».[8] Неясно, что подразумевал автор под хоромами — храм или дворец или и то и другое.[9]

В 1679 г. во время сильного землетрясения храм рухнул, так как к этому времени из него были постепенно извлечены скрепы и заливки

---

[1] Тацит. Анналы, кн. XII, гл. 45.
[2] Фавст Бузанд, кн. III, гл. 8.
[3] Егише, кн. III.
[4] Моисей Хоренский, кн. I, гл. 12.
[5] Там же, кн. II, гл. 90.
[6] Себеос, гл. VII.
[7] Сведения об упоминании Гарни у грузинских и армянских поэтов и историков XII—XVII вв. мною заимствованы из рукописи Я. И. Смирнова (№ 186, л. 4 в архиве ИИМК) и доклада Н. Я. Марра в 1911 г. (архив Марра в ИИМК, рукопись А 2900, л. 4 сл.).
[8] Архив Марра, рук. № А1329, л. 3.
[9] Сообщение об этом тексте имеется в архиве Марра, рук. А 1329, л. 1—3, в письме к нему из Иерусалима Гарегина Овсепяна, ныне католикоса Киликии (18 августа 1911 г.).

из свинца, в котором была острая потребность в предшествующий период, во время войн с Шах-Аббасом. От толчка храм раскололся по диагонали и упал в северо-восточном направлении.

Как показали архивные разыскания Я. И. Смирнова,[1] в 1828—1829 гг., когда после персидской и турецкой кампаний имело место массовое переселение армян из Персии и Турции в Армению, на развалинах Гарни, обезлюденных при Шах-Аббасе, поселились армяне, выходцы из Маку, и развели здесь фруктовые сады.[2]

Первым из европейцев, которому посчастливилось видеть Гарни, да еще в полной сохранности, был в конце XVII в. Шардэн. В 1810—1819 гг. Гарни посетили и вкратце описали Морье [3] и Кер Портер.[4]

Очень вдумчиво изучил Гарни Дюбуа де-Монперё,[5] в 1843 г. издавший эскиз плана храма и его реконструкции.

Реконструкция плана и генеральный план крепости по Дюбуа де Монперё изданы Алишаном в его «Айрарате»; [6] Алишан полагал, что Моисей Хоренский говорит не о постройке, а о реставрации храма при Трдате III — точка зрения, к которой примыкает и акад. Я. А. Манандян.[7] На другой точке зрения стоят Н. Буниатян [8] и С. Малхасян,[9] относящие постройку храма ко времени Трдата I, т. е. к I в. н. э.

В 1933 г. вышла прекрасная статья К. К. Романова, посвященная вопросу о первоначальном виде Гарнийского храма,[10] и в этом же году появилась книга-альбом Н. Буниатова (Буниатяна), давшего тщательнейшие обмеры памятника и чертежи всех деталей.[11]

К 1909, 1910 и 1911 гг. относятся не вышедшие в свет доклады Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова, читанные ими ежегодно в Классическом отделении Русского археологического общества по окончании раскопочных работ в Гарни.[12]

После разведочной поездки в район Гарни в 1893 г. Марр неоднократно возвращался к мысли о необходимости приступить к раскопкам храма, от которого in situ сохранились только стилобат и лестница, а более тысячи обломков (как потом выяснилось) ждали глаза и заступа археолога.

После того как в 1907—1908 гг. архимандрит Хачик, армянский археолог, произвел в Гарни работу по расчистке ворот крепости и взятию на учет лежавших на поверхности камней, в 1909 г., по предложению

---

[1] Архив ИИМК, ф. 11 (Я. И. Смирнова), д. № 186, л. 2.

[2] Маку — область в составе азербайджанской провинции Ирана, на юго-восточных склонах Арарата, восточнее Баязета.

[3] J. Morier. Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie Mineure 1810—1816, т. II. Париж, 1818, стр. 245—248.

[4] Ker Porter. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia etc., т. II. Лондон, 1822, стр. 624—629.

[5] Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase, т. III, Париж, 1839, стр. 386—402.

[6] Алишан. Айрарат. Венеция, 1890, стр. 361, рис. 151 (план) и стр. 364, рис. 153 (реконструкция).

[7] Я. А. Манандян. Греческая надпись Гарни и время построения Гарнийского языческого храма. Ереван, 1946, стр. 41.

[8] Н. Буниатян. Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни. Ереван, 1933, стр. 16.

[9] С. Малхасян. История епископа Себеоса. Ереван, 1939, стр. 153, прим. 69.

[10] К. К. Романов. Развалины храма римского типа в Баш-Гарни. Сб. в честь Н. Я. Марра, Изв. ГАИМК, вып. 100, Л., 1934, стр. 636 и сл.

[11] Н. Буниатян. Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни. Ереван, 1933.

[12] Архив Марра, рукописи А1923, 2899, 2900. — Архив ИИМК, ф. 11, д. № 186.

Марра, к систематическим раскопкам приступило Русское археологическое общество, поручившее Марру руководство раскопками, которые он и осуществлял в 1909—1910 гг. при ближайшем сотрудничестве Я. И. Смирнова; в раскопках принимал участие также архитектор К. К. Романов, давший потом реконструкцию здания в вышеупомянутой статье.

Помимо участия в раскопочных работах Я. И. Смирнов делал топографическую съемку местности Гарни, черновыенаброски планов храма и крепости, занумеровал все камни, показав на плане их местоположение, размеры, расположение углублений для скреп, и среди камней в ущелье искал обломки статуй богов, которые могли быть сброшены при введении христианства.

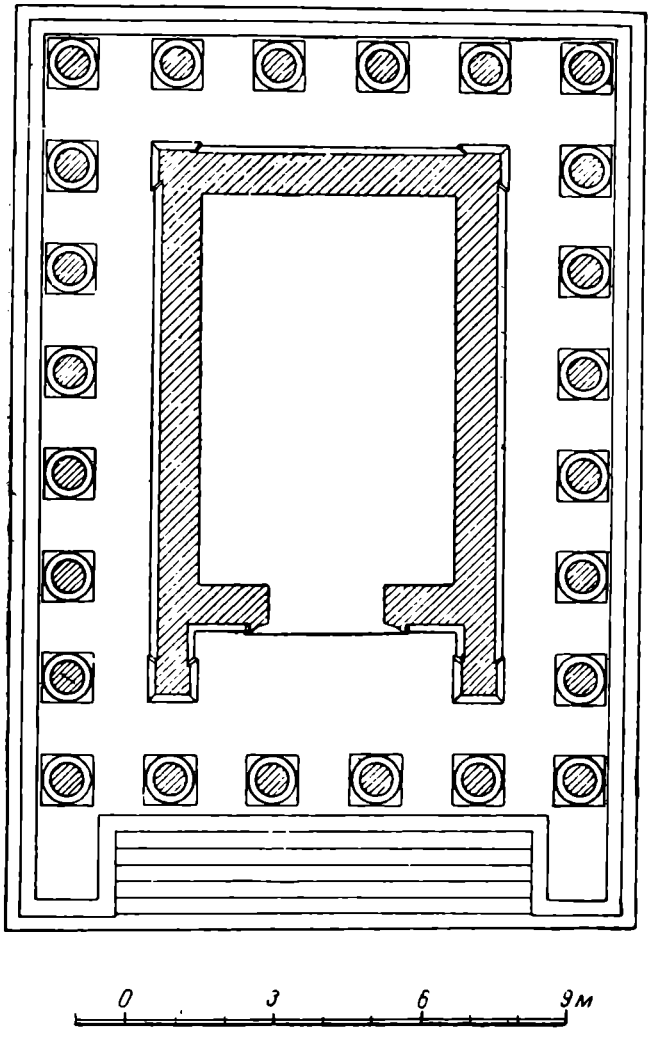


Рис. 2. Гарни. Реконструкция плана храма (К. К. Романов).

Земляные и подъемные работы производились привезенными Марром из Ани шестнадцатью испытанными рабочими. Тяжесть базальтовых камней, весом от двух до пяти тонн, очень затрудняла работу. Иногда затруднение бывало вызвано тем, что «капитель, например, оказывалась под корнем дерева, или тем, что необходимо было сохранить наличное расположение всех частей одного целого, следить именно за несмещением ни на сантиметр с места частей колонн во всю высоту».[1]

В результате раскопок первоначальный вид храма представился в совершенно определенном виде. Архитектура этого храма заслуживает специального исследования, но в задачу данной статьи не входит детальный анализ его форм и декоровки, а только освещение некоторых связанных с этим памятником вопросов.[2]

Храм представляет собою периптер ионического ордера, ориентированный с севера на юг; входная дверь находится в северной стене. Общие размеры храма — 12 × 19 м. Он стоит на высоком стилобате, был украшен высокими фронтонами, в переднем и заднем портике имел по шесть колонн, по сторонам — по восемь, а всего — двадцать четыре (рис. 2).

---

[1] Архив Марра, рук. А 1786, л. 57.

[2] При описании храма пользуюсь архитектурными терминами и общими выводами К. К. Романова (ук. со

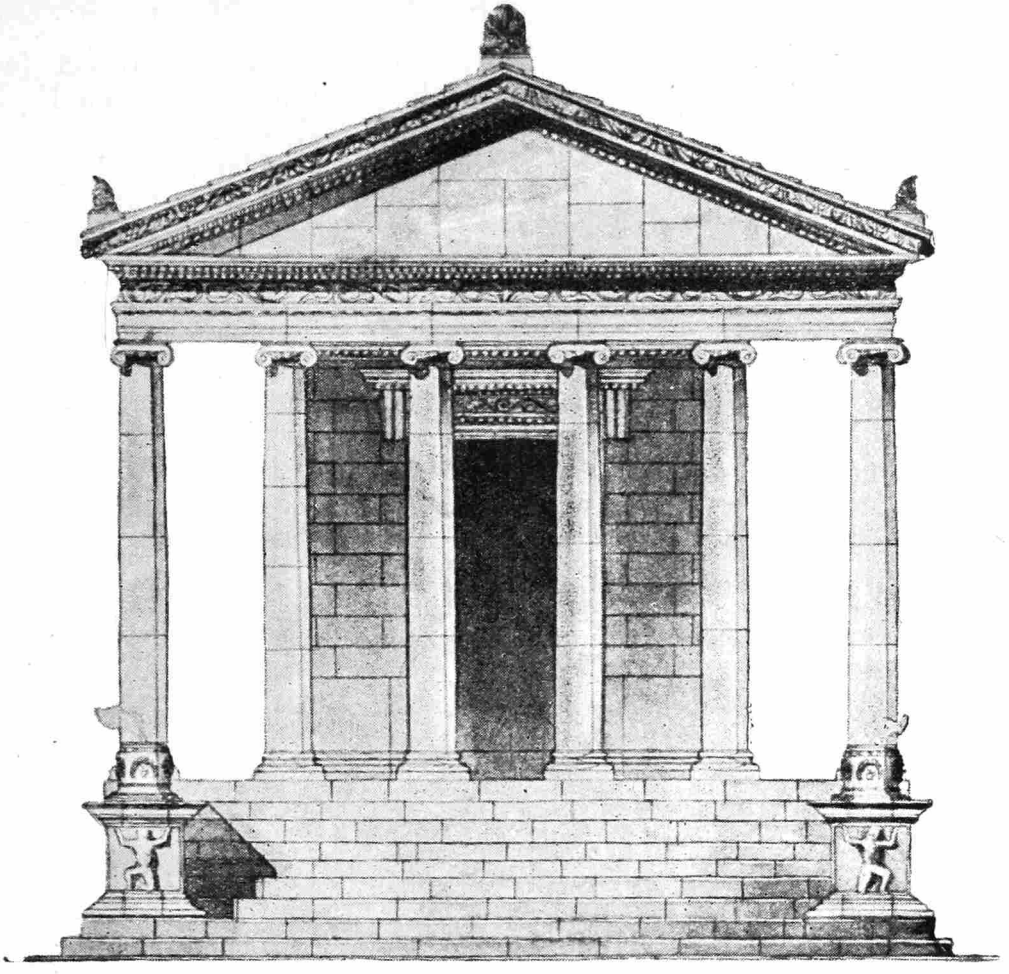


Рис. 3. Гарни. Северный фасад храма. Реконструкция (Н. Буниатян).

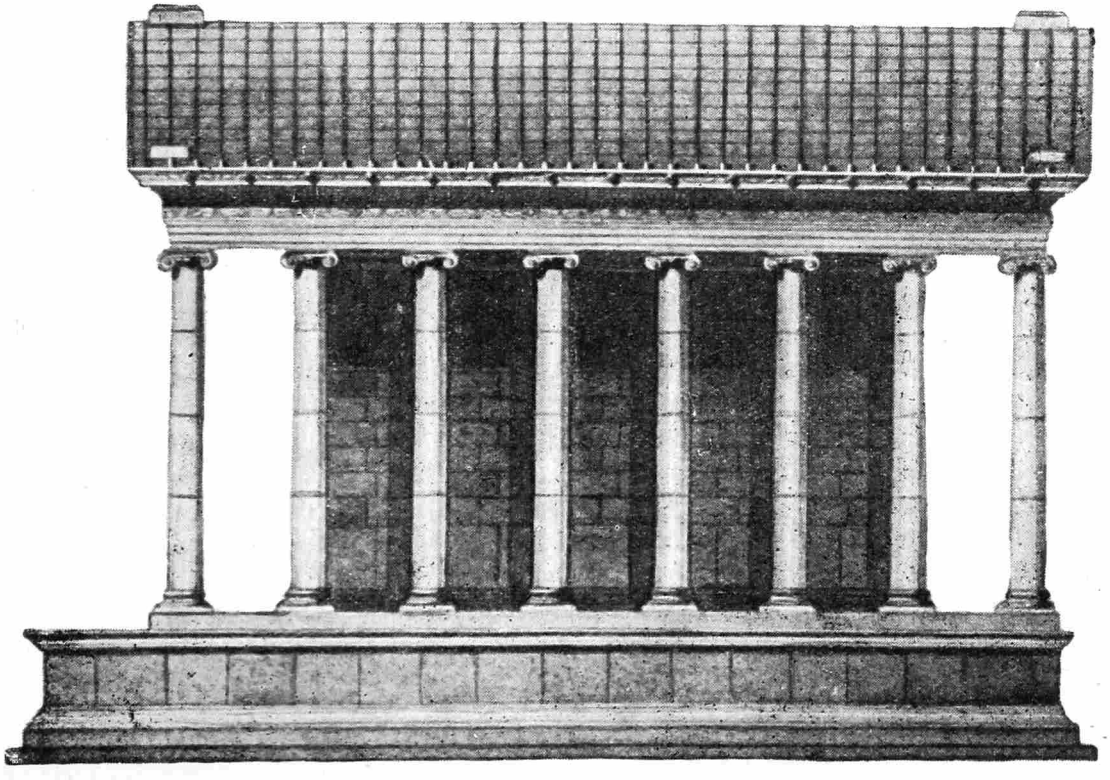


Рис. 4. Гарни. Восточный фасад храма. Реконструкция (Н. Буниатян).

Субструкция состоит из бетонной массы, с помощью которой была выровнена неровная поверхность скалы. По словам архитектора Н. Буниатяна, раствор, связывавший камни и щебень, состоял из извести, пуццелана и, должно быть, пемзы.[1] Цоколь составлен в толщину из двух рядом поставленных камней; по верху он украшен карнизом.

Лестница состоит из девяти ступеней, из которых две нижние совпадают с двумя нижними цокольными плитами, шесть ступеней примыкают к боковым пилонам, украшенным рельефами атлантов (рис. 5). Верхняя ступень находится на уровне пола портика. Пол внутренней части храма поднят выше пола портика на один ряд камней.

Стены положены прямо на пол и прикреплены к нему вертикальными железными шипами со свинцовой заливкой в желобках, выбитых в камне. Об этой технике скрепления камней в Гарни писал уже Моисей Хоренский: «В это время Трдат завершил постройку крепости Гарни из тесаных базальтовых глыб, скрепив их железными шипами и залив свинцом».[2]

В переднем портике стены имеют выступы в виде ант с пилястрами; южные наружные углы стен также обработаны пилястрами. Плиты стен соединены железными скобами, стены с обеих сторон отделаны шлифовкой (?). На многих камнях имеются метки мастера в виде греческих букв, что объясняется отсутствием в это время у армян своего алфавита, изобретенного только в V в.

Дверь имела орнаментированный косяк, который служил архитравом антаблемента над дверью.

Портик по длинным сторонам был перекрыт поверх архитравов, колоннады и стены большими базальтовыми плитами, образовывавшими потолок. Против каждой колонны по потолку шла орнаментированная поперечная полоса, декоровкой своей подражавшая архитраву. Четырехугольники между этими ложными архитравами обработаны в подражание кессону. Портики имеют на северной и южной сторонах двухскатное покрытие из больших базальтовых плит, также украшенных «кессонами». От покрытия внутри здания ничего не сохранилось; оно должно было быть деревянным, так как вес потолочных плит портика доходит до 5 тонн, а пролет храма равен 5.5 м, из чего следует, что каменное перекрытие требовало бы промежуточных колонн, которых на деле не было.

Вверху фронтона и на углах имеются углубления — следы акротериев, форму которых установить не удается. Рядом с гнездами для акротериев имеются еще мелкие углубления, которые архитектор Буниатян считает гнездами для укрепления черепицы, покрывавшей, по его мнению, крышу.[3]

Ствол колонны состоял из 2—3 частей, имел в высоту 5.8 м при диаметре в 65 см внизу,[4] с некоторым утоньшением вверху. Дорического типа базы шипами прикреплены к полу и к стволу. Капители прикреплены к стволу и абаку бронзовыми шипами.

Фриз богато украшен аканфом и волютами; над ним находится тяга из ионików: на лицевой стороне между иониками — стрелки, на задней — ромбики.

Карниз состоит из нескольких тяг и слезника. А венчавший здание гусек украшен львиными головами и пальметками.

---

[1] Н. Буниатян, ук. соч., стр. 19.
[2] Моисей Хоренский, кн. II, гл. 90.
[3] Н. Буниатян, ук. соч., стр. 24.
[4] Н. Буниатян (ук. соч., стр. 37 и 51), видимо, ошибся, устанавливая пропорции колонн, и показал их слишком удлиненными.

При сопоставлении основных форм и деталей архитектуры Гарнийского храма с более или менее однородными храмами в Малой Азии и Сирии, особо выделяется храм середины II в. (построен при Антонине Пии) в Сагалассе [1] (рис. 6); стилобат на чертеже не показан, все же остальное — и размеры, и основные формы, и характер декоровки — полностью совпадает с храмом в Гарни.[2]

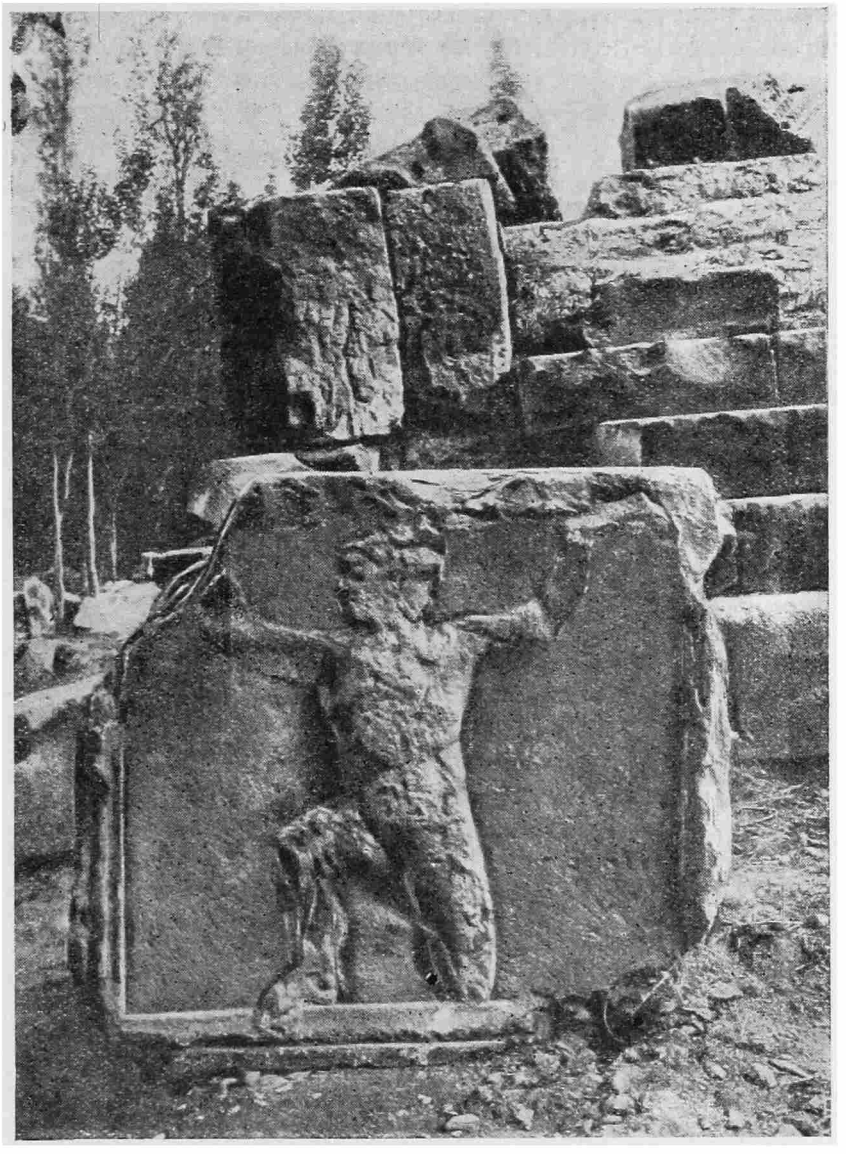


Рис. 5. Гарни. Рельеф с изображением атланта.

Не ставя себе задачи подвергнуть анализу в данной статье все архитектурные особенности Гарнийского храма, остановлюсь, и то вкратце, только на одной из них — на его капители (рис. 7).

Капитель с волютами — тот тип, который мы называем ионическим,— известен в Передней Азии уже в VII в. до н. э. (гробница в Курангуне в Фарсе, о которой речь будет далее). Ионическая капитель, как из-

[1] Город Сагалассе находился в южной части Малой Азии, в Писидии, на территории древней Киликии.

[2] Lanckoronski, Niemann, Petersen. Les villes de la Pamphylie et de la Pisidie. Париж, 1893, т. II, табл. XXV.

вестно, украшала в VI в. до н. э. храм в Эфесе, в IV в. до н. э. храм в Приене, в III в. до н. э. — в Магнесии и многие другие вплоть до III в. н. э., как, например, в Леджа, в южной Сирии. Проанализировав весь ряд капителей этого типа, приходишь к заключению, что гарнийская капитель по своим пропорциям, формам и деталям ближе всего подходит к капителям Сирии и Малой Азии II в. н. э., а из римских капителей — к капителям времени Траяна (98—117 гг.).[1] Для всех них характерны приплющенные пропорции, гладкий абак, узкая седловидная часть, утратившая свой выгиб, киматий из трех ов, разделенных стрелками, и с находящими из волют на крайние овы полупальметочками с изогну-

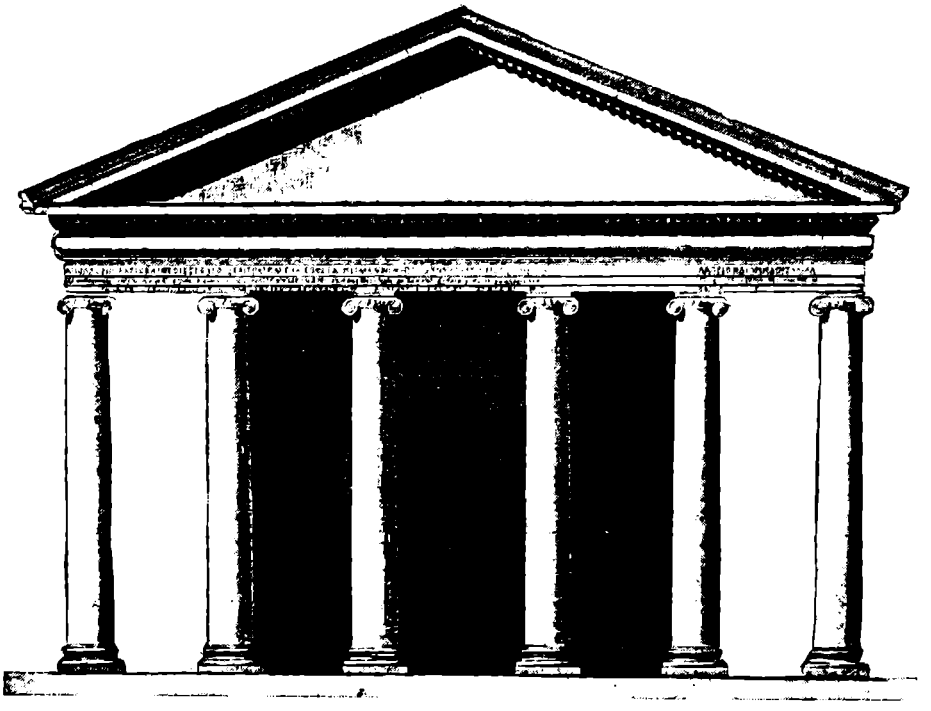


Рис. 6. Сагаласс. Фасад храма (по Ланкоронскому).

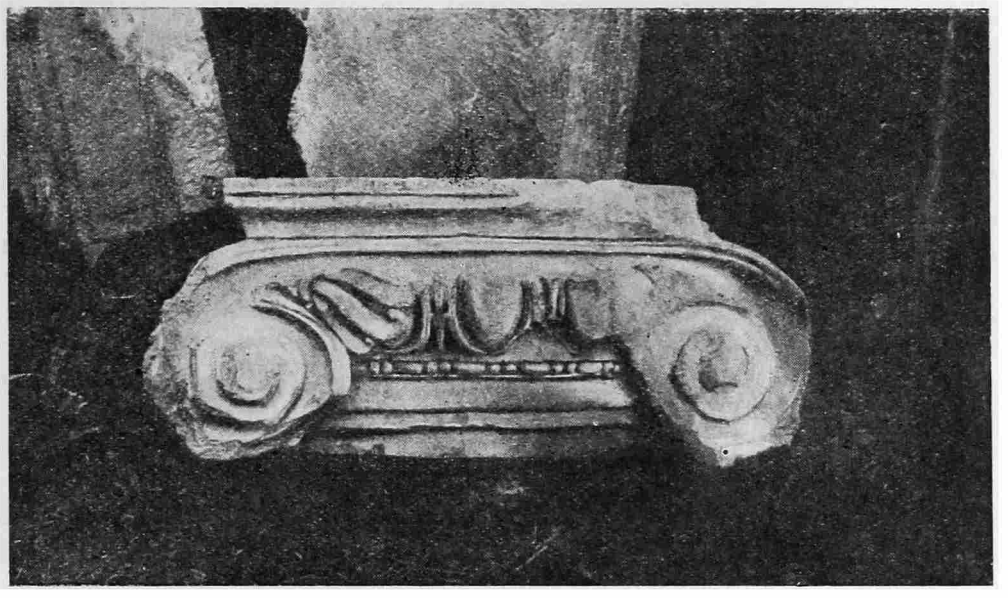
тыми листочками; внизу (правда, не во всех случаях) — астрагал из удлиненных и круглых бус. Ближе всего к капителям Гарнийского храма капитель храма в Сагалассе[2] (рис. 8 и 9), о котором только что говорилось.

Что касается деталей орнаментальной декоровки, то, останавливаясь на одной из них — нааканфовом фризе, интересно отметить, что вместо характерного для Греции аканфа с острыми и колючими листьями здесь перед нами листья широкие и тупые, так называемый аканф мягкий; непрерывной веткой вьется он с волютами, листьями и веточками, густо заполняя полосу фриза. Часть веточек отделена от фона и представляет как бы ажур из тонких базальтовых перетяжек — явление, засвидетельствованное только в Гарни, а это особенно интересно, принимая во внимание твердость базальта и вообще трудность высекания из него и самого простого узора, а тут ветви даны высоким рельефом, тонко моделиро-

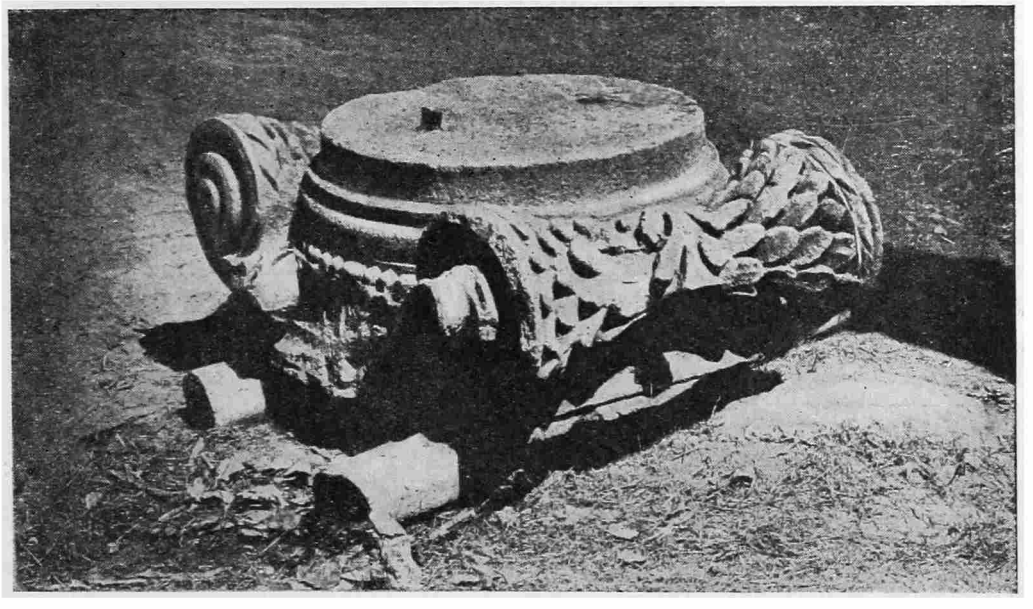
[1] См. капитель колонн с форума Траяна в Риме: P. Gusman. L'art décoratif de Rome. Париж, табл. 9.

[2] Lanckoronski, ук. соч., стр. 157, рис. 123.

ваны, округлы и как бы не прикреплены к фону. Эта деталь должна бесспорно свидетельствовать о том, что рельефы эти высекались местными армянскими мастерами, привыкшими работать в базальте, а не римскими ваятелями, работавшими в мраморе. Аканфовый фриз сходного рисунка



а



б

Рис. 7. Гарни. Капители колонн храма.

и стиля известен только на памятниках Малой Азии и Сирии; наиболее близкой аналогией к Гарнийскому (рис. 10) является фриз, украшавший центральные двери сцены театра II в. н. э. в том же малоазийском городе Сагалассе (рис. 11):[1] и тут и там — тот же мощный и пышный рисунок, то же мастерство в передаче глубины рельефа.

[1] Lanckoronski, ук. соч., стр. 165, рис. 135.

Прием декоровки пилонов рельефами (на гарнийском храме — фигуры коленопреклоненных атлантов)[1] засвидетельствован еще на одном храме, а именно на храме в Ниха (к югу от Баальбека в Сирии), относящемся к началу II в. н. э.[2]

Все вышесказанное приводит к заключению, что храм в Гарни построен во II в. н. э., и так как он имеет много общего с малоазийскими и сирийскими памятниками времен Траяна и Адриана,[3] датированными надписями, то наиболее вероятным кажется мне приурочение Гарнийского храма именно к первой половине II в. н. э.

Некоторые исследователи[4] относят постройку Гарнийского храма к более раннему времени, а именно к I в. н. э., ко времени Трдата I, ездившего в Рим для получения венца из рук Нерона и привезшего с собою римских мастеров и художников, которые, якобы, и построили храм в Гарни. Но дело в том, что анализ технических приемов, особенности орнаментики и, наконец, самое мастерство работы именно в базальте — все это должно говорить в пользу зодчих и художников местных, хотя не исключена, конечно, возможность участия и какого-то количества римских мастеров.

Некоторые исследователи считают строителем Гарни Трдата III, относя таким образом дату построения храма к началу IV в.,[5] следуя в этом вопросе за Моисеем Хоренским, хотя у него речь идет о жилом здании — летнем дворце, в котором имелась греческая надпись; на храме же, как известно, никаких следов надписи не имеется.

Марр своего мнения по этому вопросу не высказывал, а ссылался, без мотивировки, «на мнение специалистов» (видимо, М. И. Ростовцева и Б. В. Фармаковского), которые относили храм к концу II или началу III в.[6] Той же точки зрения придерживался и Я. И. Смирнов. Отнесение же постройки храма к III в. до н. э., как это делает акад. Я. А. Манандян,[7] ни стилистически, ни исторически оправдано быть не может.

Большим событием явилось обнаружение в 1945 г. в Гарни, на местном кладбище, не известной дотоле греческой надписи (вообще же греческие надписи в Армении известны), в которой упоминается «великий Тиридат, царь великой Армении».[8] Эта надпись, исключительно интересная своей насыщенностью историческими данными, для датировки храма ничего не дает, так как относится не к храму, да и высечена она до постройки храма.[9]

---

[1] Я. И. Смирнов в свое время отмечал, что на византийской миниатюре X в., изображающей Григория Просветителя, он показан стоящим перед зданием, украшенным такими же атлантами, как на пилонах Гарнийского храма (миниатюра издана у Алишана, ук. соч., таблица к стр. 440).

[2] D. Krencker u. W. Zschietzschmann. Römische Tempel in Syrien. 1938, т. I (текст), стр. 112, рис. 150 и сл. и стр. 114 (датировка).

[3] См. антаблемент ворот Адриана в Атталее (Памфилия), храм в Термессе, храм и театр в Сагалассе (см.: Lanckoronski, ук. соч., т. I, стр. 22, рис. 8 и стр. 24, рис. 11; т. II, табл. II, стр. 83, рис. 30 и стр. 87, рис. 34; стр. 165, рис. 134—136), а также храм Юпитера времени Адриана в Айзани (в районе Конии), изд. L. Laborde. Voyage de l'Asie Mineure. Париж, 1838, стр. 53 и сл., табл. XXI—XXIII.

[4] Н. Буниатян, С. Малхасян, Н. М. Токарский и др.

[5] Т. Тораманян (в первых работах), К. К. Романов (ук. соч.).

[6] Архив Марра, рук. А 1786, л. 53.

[7] Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 45.

[8] С. Д. Лисициан в газ. «Советская Армения» (на армянск. яз.) от 23 сентября 1945 г., № 201 дал первое сообщение об этой надписи.

[9] Установлению текста этой надписи и его историческому истолкованию был посвящен мой доклад 28 ноября 1946 г. на сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР (издается Государственным Эрмитажем).

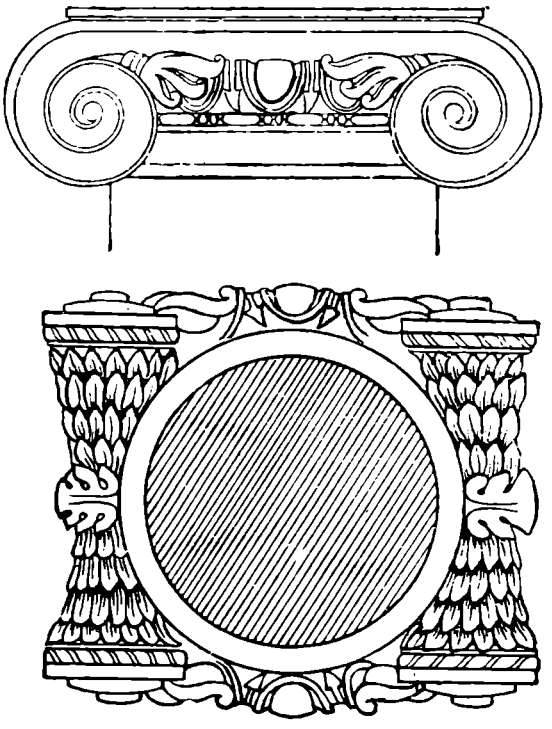


Рис. 8. Гарни. Капитель
(по Н. Буниатяну).

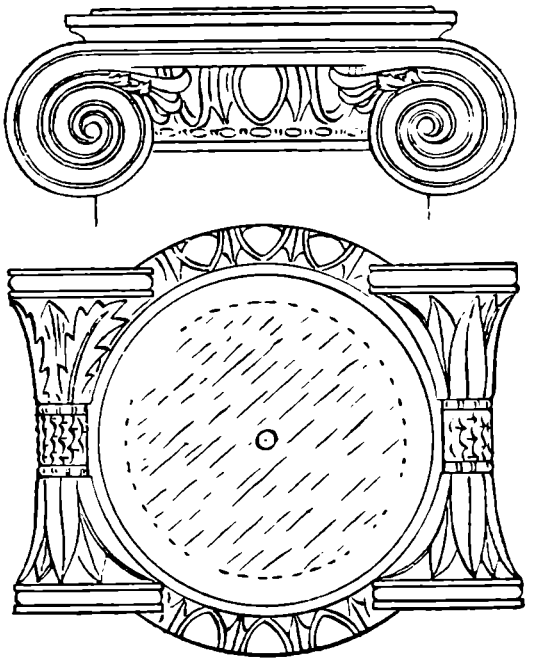


Рис. 9. Сагаласс. Капитель
(по Ланкоронскому).

Рис. 10. Гарни. Фриз храма
(по фотографии).

Рис. 11. Сагаласс. Фриз.
(по Ланкоронскому).

Попутно следует внести ясность по поводу напечатанной в 1911 г. в журнале «Зодчий» статьи с отчетом о заседании в Обществе архитекторов, где по докладу архитектора К. К. Романова о Гарнийском храме выступал Я. И. Смирнов и якобы сказал, что «в храме имеется греческая надпись с именем царя Тиридата, вероятно Трдата III».[1] Дело в том, что автор статьи в «Зодчем», не будучи достаточно осведомлен в данном вопросе, сказанное Я. И. Смирновым о надписи, упоминаемой у Моисея Хоренского, видимо сопоставил и смешал с надписью Трдата III, обнаруженной незадолго до этого, в 1908 г., в Апаране и изданной М. И. Ростовцевым,[2] о которой Я. И. Смирнов в своем выступлении тоже говорил.

Во время раскопок Марра в храме была найдена одна армянская надпись XII в. — о сложении податей с населения, но никакой греческой надписи найдено не было. Вот что об этом писал Марр в своем отчете: «Надписи (о которой говорил Моисей Хоренский) раскопки не дали и не могли дать, так как раскопанное здание оказалось не дворцом, а языческим храмом античным. Хоренский жил в то время, когда храм принимался за дворец. . .».[3]

Вопрос о времени построения Гарнийского храма тесно связан с вопросом о том, какой именно период в истории Армении наиболее благоприятствовал сооружению в Гарни храма, в котором, по аналогии с другими храмами в римских провинциях, Малой Азии, Сирии, южной Франции и др., долженствовала стоять статуя обожествленного императора.[4]

Так как вышеприведенный анализ форм храма, его капителей и аканфового орнамента подвел нас к первой половине II в., то наиболее вероятными годами сооружения Гарнийского храма мне представляются 115—117 гг., когда Армения при Траяне была обращена в римскую провинцию.

Событие это нашло отражение на монетах Траяна (рис. 13, *1*), где у ног императора показаны Армения в виде женщины в высоком венце и две мужские фигуры — Тигр и Евфрат (надпись сообщает о приведении под власть Рима Армении и Месопотамии).[5] Подчинение Риму той или иной страны или области обычно ознаменовывалось постройкой храма, в котором со времен Августа ставилась статуя императора. Так, на монетах Августа (19—18 гг. до н. э.) имеется изображение такого храма, построенного в Малой Азии, в Пергаме, в честь Рима и Августа (рис. 12),[6] а Моисей Хоренский сообщает, что при царе Абгаре «присланные в Армению римские управители привезли с собою изображения императора Августа и поставили их во всех храмах».[7] Этот обычай сохранялся и в последующие века, и особенно его придерживался, видимо, Траян, так как до нас дошел целый ряд различных его монет, на которых изображен храм и в глубине его — статуя на пьедестале (рис. 13, *2*).[8]

Объявление Армении провинцией должно было повлечь за собой сооружение храма для статуи Траяна, и естественнее всего было воздвиг-

---

[1] Зодчий, 1911, № 11, стр. 122.

[2] М. И. Ростовцев. Апаранская греческая надпись царя Тиридата (Анийская серия, № 6). СПб., 1911.

[3] Архив Марра, рук. А1786, л. 53.

[4] О таком назначении Гарнийского храма и о посвящении его имени императора высказывался и М. И. Ростовцев (см.: К. К. Романов, ук. соч., стр. 651).

[5] H. Mattingly. The Roman Imperial Coinage, т. II, Лондон, 1926, табл. XI, № 191.

[6] Там же, т. I, Лондон, 1923, табл. V, № 75.

[7] Моисей Хоренский, кн. II, гл. 26.

[8] H. Mattingly, ук. соч., т. II, табл. X, № 178.

нуть такой храм в крепости, где стоял римский гарнизон (а стоял он там, по словам Тацита, уже в 51 г.).[1] Постройку храма начали, в таком случае, в 115 г., а оборвалась она через два года, когда в 117 г. умер Траян. Адриан вернул Армении самостоятельность, будучи не в силах содержать здесь потребное количество оккупационного войска. «Армянам было разрешено иметь царя, хотя при Траяне они имели легата», —

Рис. 12. Монета императора Августа.

1 *2*

Рис. 13. Монеты императора Траяна.

говорит биограф Адриана Элий Спартиан (§ 21). В связи с этим статую Траяна в храме не успели, видимо, поставить, да и постройку не вполне закончили, так, например, никаких обломков от акротериев найдено не было, а гнезда для них были заготовлены.[2]

---

[1] Тацит. Анналы, кн. XII, гл. 44—45.

[2] К. К. Романов, исходя из анализа деталей, их разнохарактерности, в 1934 г. полагал, что «работа или заканчивалась спешно или без главного мастера, начавшего постройку» (ук. соч., стр. 654).

Итак, дата построения храма в Гарни может быть уточнена не только с помощью стилистических, но и исторических данных, а 115—117 гг.[1] — это те годы, когда естественным образом должны были создаваться такие формы искусства, и монументального и прикладного, в которых отражались происходившие в Армении события, когда местные мастера, неизбежно вовлеченные в русло общих событий, могли претворять в своих произведениях технические и художественные приемы, завезенные извне на территорию Армении; могли строить, конечно, и римские мастера, но Гарни — создан преимущественно армянскими мастерами: об этом говорит и материал, и техника, и даже отдельные детали, как, например, снабжение аканфовой ветви гранатовым яблоком — вещь абсолютно невозможная в западно-античной орнаментике,[2] но в Малой Азии засвидетельствованная на фрагменте, найденном также в Сагалассе.[3]

Переплетение элементов местных и завозных, эллинистических и римских, которое характерно для архитектуры Гарни, наблюдается и на памятниках прикладного искусства, находимых не только в Армении,[4] но и в Грузии,[5] и в Азербайджане,[6] в результате тех исторических событий, которые столкнули лицом к лицу народы Закавказья с римскими завоевателями-колонизаторами.

Что касается самого названия «Гарни», то оно засвидетельствовано уже у армянских историков, начиная с IV в. Но до них, в конце I и в начале II в., уже Тацит называет крепость «Gornea»,[7] что могло бы навести на мысль, не есть ли «Gornea», а следовательно затем и «Гарни», не что иное, как местное искажение латинского слова «cornu», что значит — «рог», конец чего-то, вершина горы, мыс (как известно, Гарни находится на высоком мысу). Но ведь и до прихода римлян это место должно было иметь какое-то свое название, и нет никаких оснований полагать, что Фавст и Моисей Хоренский, забыв старое армянское название, стали бы применять название римское, новое.

Марр в 1910—1911 гг. говорил о названии «Гарни»: «Ни классическим армянским, ни иранским, ни вообще индо-европейским материалом мы не может объяснить это название. По форме слово это примыкает к целому ряду названий географических пунктов Армении, находящих объяснение в яфетических языковых материалах . . . как Ани, Арзни, Бджни, Птгни, Могни и др.».[8]

Учитывая безусловную большую древность Гарни: как места культа — ведь в Армении каждый новый храм обычно строился на месте древнего святилища — и принимая во внимание наличие легенд эпонимического происхождения, в V в. еще известных Моисею Хоренскому, который говорит о них как о чем-то очень отдаленном по времени, — допустимо

---

[1] В 1910—1911 г. К. К. Романов стоял на правильной, по-моему, точке зрения, устанавливая для Гарнийского храма «малоазийский и сирийский тип римского времени конца I и начала II в., не позже Адриана» (ук. соч., стр. 650). Особенно интересно его указание «не позже Адриана», совпадающее с моим определением. Впоследствии К. К. Романов стал придерживаться более поздней даты (ук. соч., стр. 653).

[2] О чуждых римскому искусству деталях говорит и Тораманян (ук. соч., стр. 174).

[3] Lanckoronski, ук. соч., т. II, стр. 151, рис. 115.

[4] Находки в Мрене, Ашнаке, Нахчавани и др.

[5] Находки в Бори, Армази, Багинети и др.

[6] Серебряное блюдо с Нереидой, изд. в ОАК за 1896 г., стр. 114, рис. 410.

[7] Как сообщил мне акад. И. А. Орбели, армянское *а*, сохраняя признак долготы, звучит как среднее между *а* и *о*, ввиду чего это *а* в заимствованиях из армянского в другие языки передается через *о*; таким образом «Гарни» дало «Gornea».

[8] Архив Марра, рук. А1786, л. 40—41.

предположение, что в слове «Гарни» заключено очень древнее, восходящее, быть может, еще к урартскому периоду, географическое или эпонимическое название.

Некоторые исследователи хотят в Гарнийском храме видеть здание светское, «царский дворец»,[1] но при этом упускают из виду, что и в Передней Азии и в восточном Средиземноморье двускатной крышей покрывались только храмы и гробницы и никогда — жилые помещения. В этой связи можно привести несколько примеров. Храм IX в. до н. э. в урартском городе Мусасире изображен на рельефе во дворце царя Саргона II в Хорсабаде: стоящие рядом с ним двух- и четырехэтажные дворцы показаны с плоской крышей, тогда как на здании храма имеется крыша двускатная. Затем знаменитые гробницы в Ликии, Фригии и других местах имеют, как известно, двускатный верх. Когда в Риме в половине I в. до н. э. Юлий Цезарь был объявлен божественным, то постановлением сената ему было разрешено поставить на своем доме двускатную крышу. Все это дает основание утверждать, что сохранившееся в Гарни здание не может быть ничем иным, как храмом, в котором, вероятно, должна была стоять статуя римского императора, как это имело место в бесчисленных храмах Малой Азии, Сирии, южной Франции (храм в Ниме).

Невольно напрашивается вопрос: каким образом мог уцелеть Гарнийский храм, если бы он был чужеземен по формам, если он предназначался для статуи ненавистного поработителя, и почему, когда покончено было с римским игом, этот храм не уничтожили до тла в стране, богатой камнем и талантливыми строителями?

Марр, говоря о преемственной связи между более древним Гарни и Гарни христианским, выдвигал вопрос: «Не был ли сооружен языческий храм в западном стиле на месте, еще раньше представлявшем средоточие культа, также, конечно, местного, но более древнего».[2]

Храм не только не был уничтожен, но в христианский период внутрь храма была встроена малая двухнефная базиличная часовенка.[3] Потом и она была на каком-то этапе перестроена в церковь более позднего типа, но вплоть до XVII в. храм стоял и стоял бы, вероятно, и до наших дней, если бы не роковое для него землетрясение.

Чем же объяснить, что языческие, как их принято называть, формы Гарнийского храма не представлялись одиозными, во всяком случае — в первые века христианства? Объяснить это можно, допустив гипотезу, что архитектура Гарнийского храма имела какие-то местные корни и была родственна строительным формам самой Армении. Характерными особенностями этого типа здания являются: высокий стилобат, прямоугольное здание с фасадным портиком в шесть колонн, высокий фронтон и двускатная крыша с акротерием. И тут сразу на память приходят основные формы другого храма на территории исторической Армении — урартского храма в Мусасире (рис. 14), о котором уже говорилось: мы имеем

---

[1] С. Д. Лисициан, статья в газете «Советская Армения» (на армянском языке) от 23 сентября 1945 г., № 201; — Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры (на армянск. яз.), т. I. Ереван, 1942, стр. 282.

[2] Архив Марра, рук. А1786, л. 118.

[3] «Наблюдения наши решительно позволяют нам утверждать, что в архитектурных памятниках христианство не отмежевывалось от язычества с безусловною нетерпимостью. На христианских памятниках в Гарни, так, например, на крестных камнях, мы находим орнаментальные мотивы, воспроизводящие такие подробности декоративной резьбы языческого храма в Гарни, например жемчужные шнуры» (Архив Марра, рук. А1786, л. 115—116).

здесь дело тоже с прямоугольным зданием на высоком стилобате, с портиком, с шестью колоннами,[1] фронтоном, двускатной крышей и с акротерием в виде копья, символа бога Халда.[2]

Пропорции Мусасирского храма, правда, несколько иные, более приземистые, чем в Гарни, но тем не менее и здесь (рис. 15) мы имеем дело с типом здания так наз. античного храма, но построенного в IX в. до н. э., т. е. тогда, когда греческих храмов этого типа на территории материковой Греции и на ее островах, повидимому, еще не существовало.

Не касаясь вопроса о том, как именно складывались основные формы античной храмовой архитектуры, я позволяю себе утверждать, что между храмом в Мусасире и храмом в Гарни должна была существовать какая-то преемственная связь,[3] с помощью которой и можно было бы объяснить,

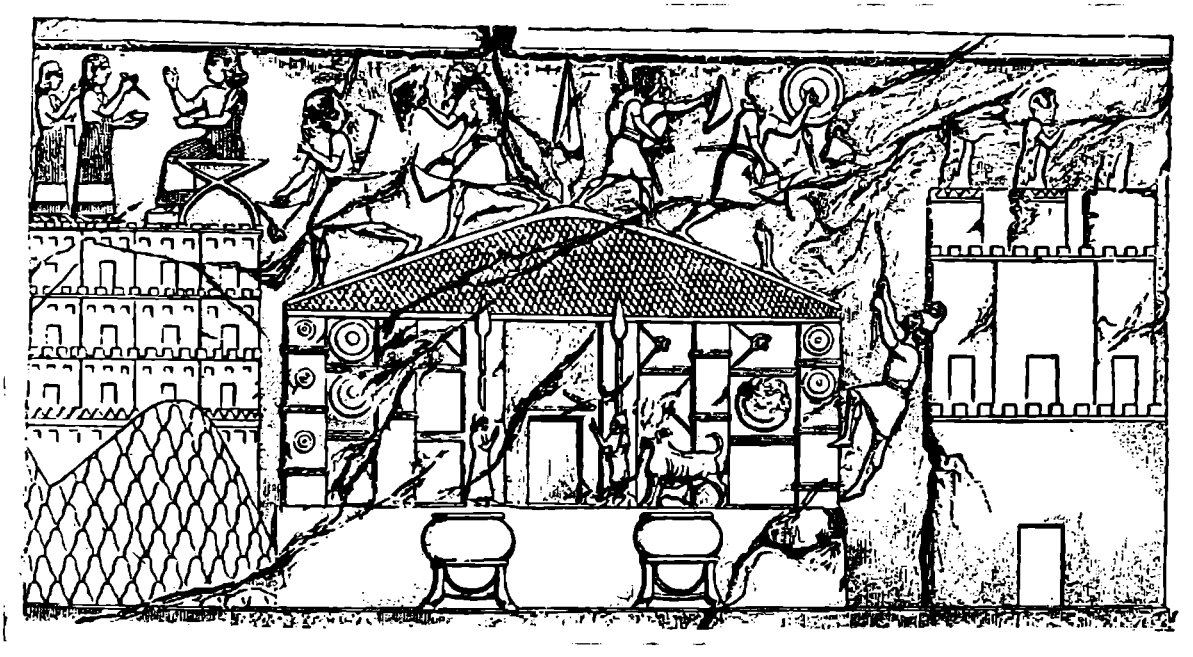


Рис. 14. Мусасир. Храм.

почему этот храм не только уцелел, но и был превращен потом в христианскую базилику и почему он мог быть построен местными мастерами, для которых этот храмовый тип, повидимому, не являлся экзотикой. Мусасир не является единичным в этом отношении явлением в Передней Азии. С ним увязывается другой факт — это относящаяся ко второй половине VII в. до н. э. гробница «Кормилицы и дочери» (Da u dukhtar), как ее называет местное предание: высеченный в скале около Курангуна (Фарс) фасад здания с четырьмя колоннами украшен ионическими капителями с волютами[4] (рис. 16) — явление, предшествующее аналогичным фор-

---

[1] А не пилонами (щиты показаны в профиль, висящими сбоку на колоннах); круглые базы урартских колонн найдены в Армавире и в Патноце.

[2] По мнению Б. Б. Пиотровского, лестница была изображена, вероятно, с помощью раскраски.

[3] Эту мысль я впервые высказала в рецензии на книгу Б. Б. Пиотровского («История и культура Урарту», Ереван, 1944) в Изв. АН СССР (Сер. истор. и филос., т. II, № 2, 1945, стр. 120).

[4] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. Оксфорд, 1941, стр. 207, табл. XXXV—XXXVIII.

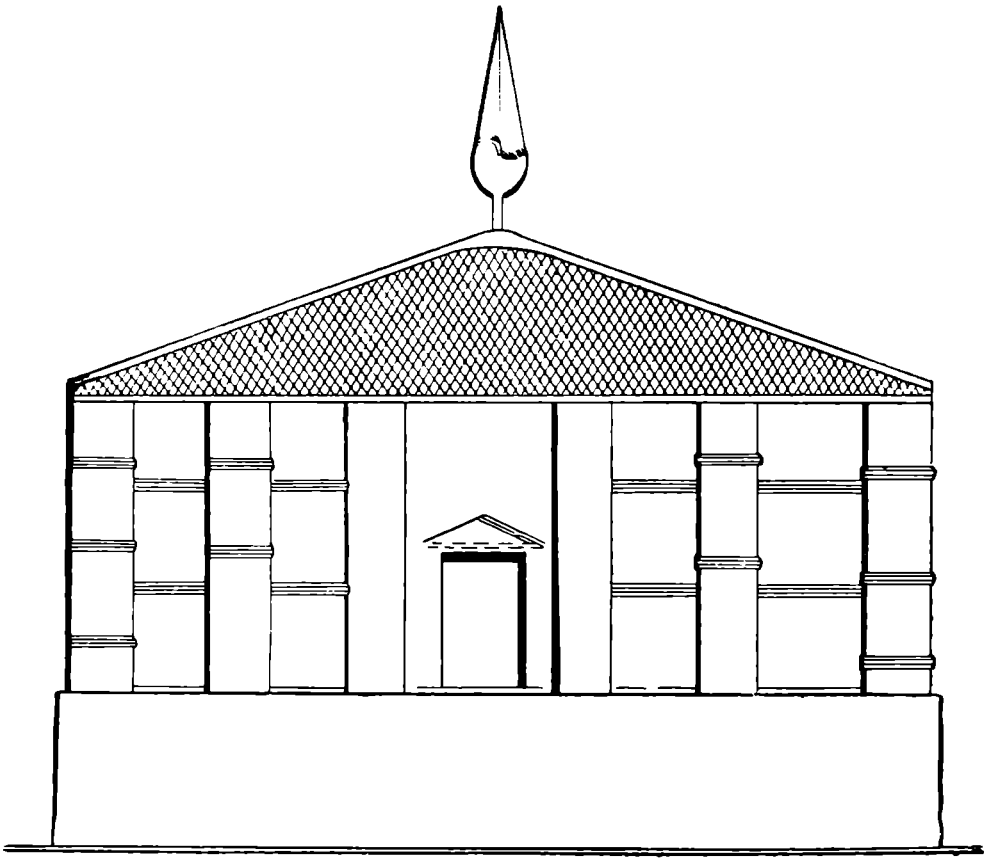


Рис. 15. Мусасир. Храм. Реконструкция.

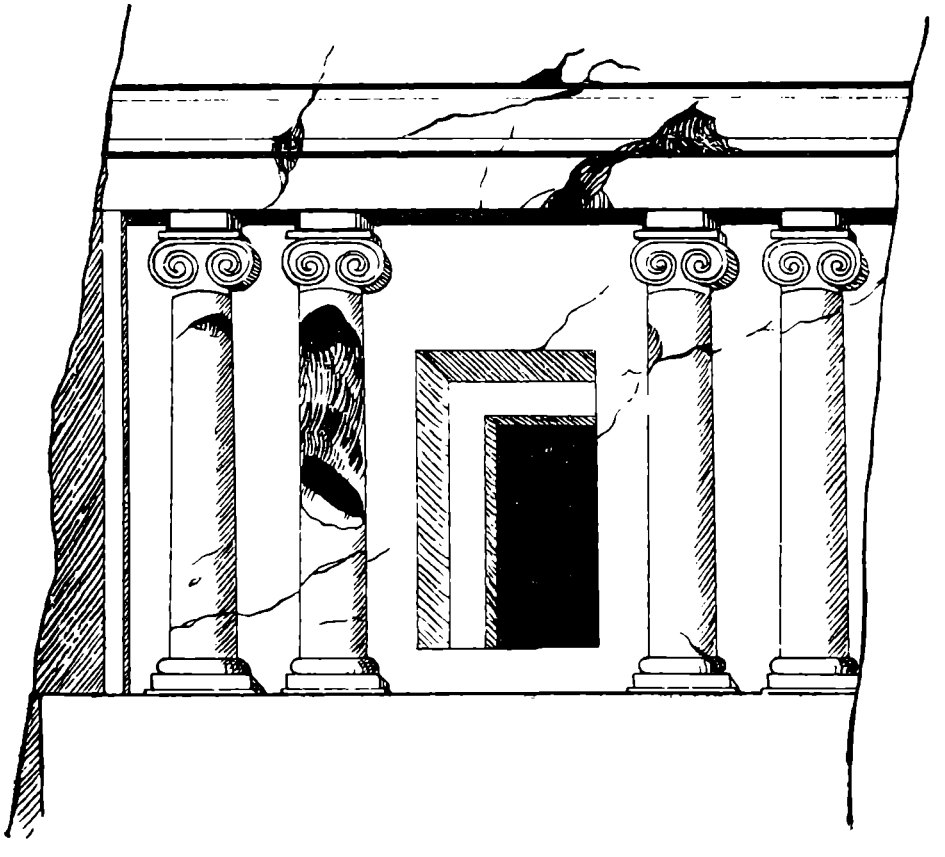


Рис. 16. Курангун. Гробница.

мам в мире античном; потому-то эти капители и были названы «протоионическими».[1] Но от ионической капители они отличаются одной деталью, которая конструктивно осмысляет наличие волют, происхождение которых якобы от форм цветка лотоса или от папируса мне не представляется убедительным.

На Курангунской капители волюты лежат большей частью своей на стволе, представляя собою как бы концы положенных поперек здания балок и как бы участвуя в поддержании кровли, причем спирали волют, быть может, стилизуют узор древесины торцовой части балки.

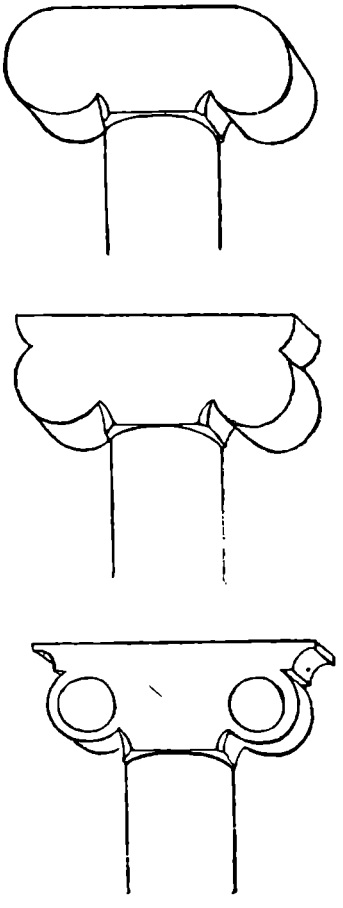


Рис. 17. Капители.

Местный характер этого архитектурного приема, этого типа капители, подтверждается тем, что и по сей день воспоминание о ней прочно живет в местном зодчестве: дело в том, что в горных районах Армении, а также на территории древней Мидии (в горах иранского Курдистана и Луристана, куда нога чужеземца впервые попала в XX в.) крестьянские дома снабжены столбами с капителями, воспроизводящими именно этот тип.[2]

Итак, по всей видимости, храм в Гарни, который принято называть римским, генетически связан с отстоящим от него на восемь веков урартским храмом в Мусасире.

В связи с этим надлежит коснуться одного, в научной литературе с каждым годом все настойчивее ставящегося вопроса: можно ли и правильно ли вообще называть римскими те памятники искусства, в частности архитектуры I—III вв., которые находятся не на территории самой Италии? Стржиговский, заняв крайнюю позицию, утверждал,[3] что Рим только брал и ничего нового не создавал; другую крайнюю позицию занимал Ф. Викхов,[4] утверждавший наличие и творческой силы и самостоятельности римского искусства.

В 1904 г. в этот спор был вовлечен Н. П. Кондаков, который осудил обе крайности и справедливо утверждал, что основной задачей исследователя должен быть не спор о преобладании Востока или Рима, а исследование типичных форм памятников и их исторического развития с учетом того, что сущность исторического прогресса заключается в непрестанном взаимном усвоении результатов культурного развития, достигнутых сообща предыдущими поколениями.[5]

Спор был возобновлен в 1915 г. английским ученым Летби,[6] утверждавшим, но без достаточного основания, что так как переход к новым архитектурным формам происходил на территории эллинистического

---

[1] Там же, стр. 206.
[2] Там же, стр. 211, рис. 321.
[3] J. Strzygowski. Orient oder Rom. Лейпциг, 1901, стр. 1—8.
[4] F. Wickhoff. Repertorium für Kunstwissenschaft, т. XVII, стр. 17.
[5] Н. П. Кондаков. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904, стр. 11.
[6] Lethaby Antiqu ties of Ionia. Лондон, 1915, т. V, стр. 17 и прил.

Востока, то римским следует называть только то, что возникло на территории самого Рима и в чем могут быть усмотрены местные латино-этрусские традиции; что же касается архитектуры римского времени в Малой Азии, Сирии и Египте в I—IV вв., то она продолжает оставаться исключительно эллинистической.

Моя точка зрения на местные корни основных форм Гарнийского храма и на его генетическую увязанность с урартским храмом и стилистическую близость к храмам малоазийским дает мне все основания настаивать на несостоятельности термина «римский» в применении к искусству, во всяком случае к архитектуре Передней Азии I—III вв., в частности к Гарнийскому храму.

Храм в Гарни, построенный в начале II в. н. э., представляет собою памятник эллинистической культуры на Востоке, являясь не единственным, а одним из целого ряда аналогичных храмов этого типа в Малой Азии и Сирии, построенных местными мастерами, но возможно, с помощью мастеров римских.

Сто десять лет тому назад, в 1839 г., Дюбуа де Монперё отметил, что развалины Гарни пользуются почитанием населения, что к ним относятся с величайшим уважением и бережностью; ни у кого,—говорил он,—не могло даже возникнуть мысли о присвоении и уносе хотя бы одного из этих обломков, а если бы она возникла, то была бы сразу же на месте пресечена.[1]

Когда начаты были раскопки в Гарни, то по докладу Марра Классическое отделение Археологического общества решило поднять вопрос о достойной охране памятника. Для составления соответственной записки была образована комиссия в составе самого Н. Я. Марра, Я. И. Смирнова, М. И. Ростовцева, Б. В. Фармаковского и К. К. Романова.

В архиве сохранился текст соответственной записки, составленный в 1911 г. этими крупнейшими учеными; специальная депутация из членов Археологического общества представила эту записку председателю Общества для дальнейшего направления ее наместнику на Кавказе. Речь шла об отчуждении площади с развалинами и включении ее в число казенных земель, о постройке ограды и о стороже.

Но, видимо, обращение это положительных результатов не дало, так как Марр в 1912 г. в своем последнем докладе о Гарни с горестью отмечал: «Я был в полной уверенности, что этот драгоценный памятник, единственный в своем роде, не имеющий по богатству декоративных мотивов столь древней эпохи ничего равного себе ни в России ни вне ее, станет предметом особых забот со стороны многих лиц и учреждений, что они обеспечат, по крайней мере, способ, как избежать дальнейшее расхищение и порчу того, что само чудом спаслось от всеуничтожающего времени. Но, увы, старания во всех направлениях ни к чему не привели, не оказалось ни у кого средств даже для того, чтобы держать сторожа при откопанном и брошенном на произвол судьбы под открытым небом драгоценном наследии человеческой культуры».[2]

Это было в 1912 г. Но после установления советской власти в Армении отношение к памятнику резко изменилось, принимались меры к охране его, рос и углублялся интерес к нему широких кругов населения: так, например, в 1929 г. местная комсомольская организация в Гарни, после беседы с И. А. Орбели и народным художником М. С. Сарьяном.

---

[1] Dubois de Montpéreux, ук. соч., стр. 388.
[2] Архив Марра, рук. А1786, л. 74 сл.

принялась с помощью пионеров содействовать охране памятника, а также за сбор и хранение подъемного материала.

В настоящее время Гарнийская крепость со всеми ее культурными ценностями,— и находящимися на поверхности земли и пока скрытыми под землею,—объявлена государственным заповедником; создаются условия, при которых этот чудеснейший памятник древней Армении, расположенный, между прочим, в сказочно прекрасной местности, будучи окружен еще большей всенародной заботой о нем и надлежащей охраной, подвергнется дальнейшему археологическому исследованию.

М. И. АРТАМОНОВ

РАСКОПКИ КУРГАНОВ НА р. МАНЫЧЕ в 1937 г.

Посвящается светлой памяти дорогого друга Георгия Владимировича Подгаецкого.

Работы на р. Маныче в 1937 г. были продолжением исследований, проводимых у хут. Веселого с целью спасения для науки памятников, оказавшихся под угрозою уничтожения в связи с возведением здесь большой земляной плотины. В 1933 г. мною была произведена рекогносцировка по берегам р. Маныча,[1] в следующем 1934 г. В. В. Гольмстен продолжала работы, сосредоточив внимание на наиболее угрожаемом участке, у хут. Веселого.[2] В 1935 г. мною там же было раскопано два кургана у северного конца плотины.[3] Наконец, в 1937 г., в порядке продолжения вышеуказанных работ, было исследовано три кургана у южного конца плотины.

Раскопки на р. Маныче в 1937 г. производились по плану работ действовавшей под моим общим руководством большой Северокавказской экспедиции, особым отрядом, во главе которого стоял Г. В. Подгаецкий.[4] Сам я в работах этого отряда смог принять лишь очень ограниченное участие, пробыв в хут. Веселом всего несколько дней. Предполагалось, что руководивший раскопками Г. В. Подгаецкий возьмет на себя и труд издания добытых материалов. К сожалению, нашим намерениям не суждено было осуществиться. Публиковать результаты раскопок 1937 г. на Маныче приходится мне, так как Г. В. Подгаецкий в дни Великой Отечественной войны погиб в осажденном Ленинграде.[5]

* * *

[1] М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. Отчет. Работы ГАИМК на новостройках, т. I. Изв. ГАИМК, 1934, вып. 109, стр. 201—212.

[2] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Краткие отчеты и сведения, М.—Л., 1941, стр. 201—204.

[3] М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. СА, IV, М.—Л., 1937, стр. 93—132.

[4] В составе отряда были научные сотрудники: К. М. Скалон, О. В. Милорадович и Ф. А. Розенбаум, два практиканта — студенты ЛГУ и фотограф В. А. Якубовская.

[5] В секторе бронзы и раннего железа ИИМК Г. В. Подгаецким было сделано несколько докладов, основанных на материалах с Маныча. К сожалению, рукописи этих докладов не сохранились, и в нашем распоряжении при подготовке настоящего отчета, кроме личных воспоминаний, оказались только краткий предварительный отчет, составленный Г. В. Подгаецким, полевые дневники да некоторое количество чертежей и фотографий. Принимая на себя труд по изданию результатов раскопок на Маныче в 1937 г., я хочу этим не только выполнить долг начальника экспедиции, но и принести дань любви и уважения памяти Г. В. Подгаецкого.

Раскопанные в 1937 г. курганы находились близ хут. Веселого и составляли группу, обозначенную на плане В. В. Гольмстен № 7.[1] Располагались они в долине р. Маныча на надпойменной террасе, слегка покатой в сторону реки. Один из них (№ 1) оказался на оси плотины близ ее южного конца и к началу раскопок имел уже довольно значительные следы разрушения. Два других сохранились лучше, так как не были затронуты строительными работами (рис. 1).

Курган № 1

Своими относительно большими размерами и формой этот курган отличался от двух других, входивших в одну с ним группу. Однако первоначальная величина его осталась неизвестной, так как к моменту раскопок он оказался сильно деформированным дорогой, проходившей возле него из хут. Веселого в хут. Каракашев, а в особенности плотиной с находящимися по обе ее стороны карьерами. Все же можно было установить, что овальное основание насыпи имело наибольший диаметр около 60 м (по линии *З—В*), тогда как ширина овала (по линии *С—Ю*) не превышала 40 м. Вокруг насыпи прослеживался довольно широкий ров с пологими склонами (ширина около 20 м, глубина до 1 м). Высота кургана, надо полагать, не превышала 4 м. Крутизна склонов насыпи, пологих у основания, на высоте около 2 м заметно увеличивалась, что дает основание предполагать вторичную подсыпку на площади диаметром около 20 — 25 м. Можно было заметить вместе с тем, что юго-западный склон в целом более пологий, чем северо-восточный.

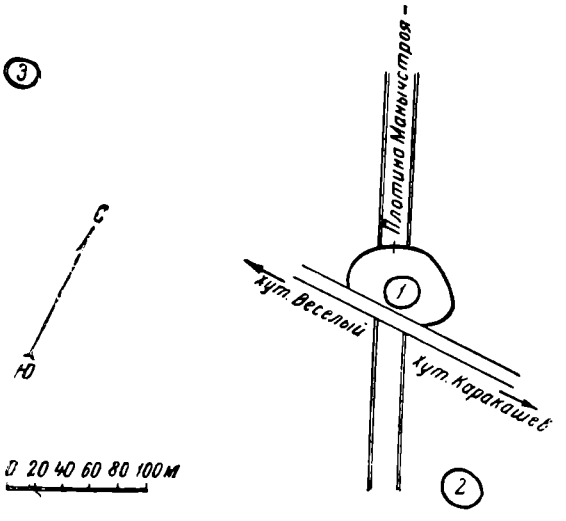


Рис. 1. Курганы у южного конца плотины близ хут. Веселого.

Раскопка кургана производилась секторами, координаты которых располагались по линиям *С—Ю* и *З—В*. В разрезе насыпь кургана имела следующий вид (рис. 2): сверху шел почвенный слой, утолщавшийся на склонах там, где они становились более пологими. На вершине кургана некогда стоял триангуляционный знак на каменных четырехгранных столбах, врытых в толщу курганной насыпи и залитых известковым раствором. Один из таких столбов был найден при раскопках в северо-восточном секторе у центра насыпи, в центральной же части насыпи сверху залегали остатки известковой заливки. Ниже основную толщу насыпи составлял мешанный, в основе суглинистый грунт серого с желтоватым оттенком цвета. На глубине 2 м от вершины кургана в этом грунте проходила верхняя граница распространения пятен солей, нижний предел которых захватывал верхнюю часть древнего почвенного горизонта. Последний находился на глубине около 3 м от вершины и имел вид темной гумусированной полосы с четкой верхней границей. Ниже замечен материковый желтый суглинок.

---

[1] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 205, рис. 53. Археологическая карта района работы на р. Маныче в 1934 г.

В кургане, кроме отдельных встреченных на различной глубине в насыпи обломков глиняных сосудов (рис. 3), бронзового бубенчика (рис. 3) и костей животных (лошади, овцы, быка, лисицы и барсука), было обнаружено шесть погребений.

Погребение № 1 (2).[1] На глубине 1.48 м в юго-восточном секторе[2] находились плохо и лишь частично сохранившиеся кости молодого человека (17—20 лет).[3] Судя по расположению костей, залегавших in situ, покойник был погребен головою на СВ (рис. 4). Перед костями

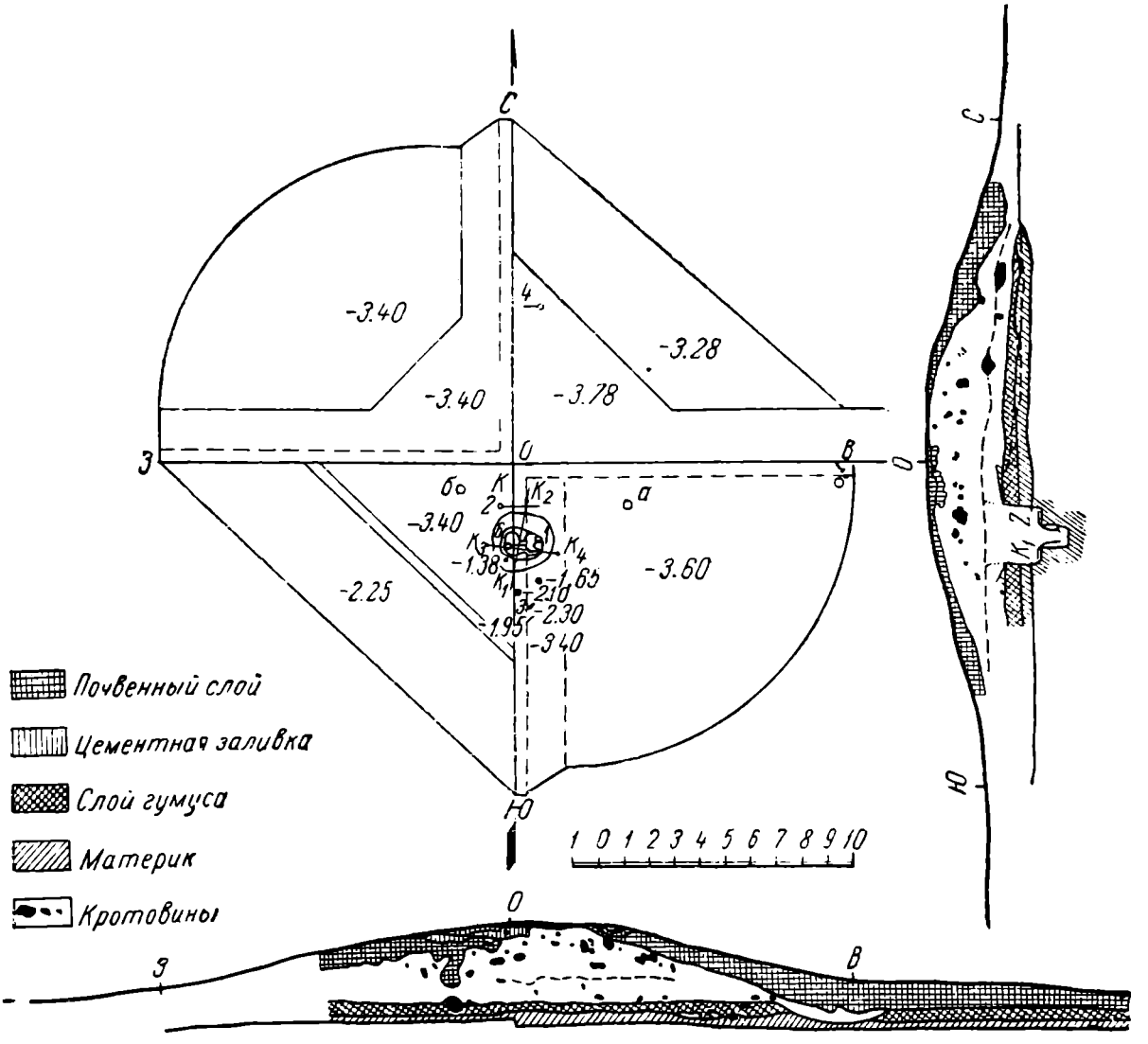


Рис. 2. Курган № 1 у южного конца плотины близ хут. Веселого.

грудной клетки находился большой глиняный сосуд в обломках (рис. 5, 6), под которыми лежали 5 овечьих астрагалов.

Погребение № 2 (4). На глубине 2.10 м, пересекая радиус *О—Ю*, найден скелет взрослого субъекта (Adultus, вероятно мужчины),

[1] В скобках указаны полевые номера погребений.

[2] Глубинные отметки везде даются от вершины кургана, за исключением особо оговоренных случаев.

[3] Определения костных остатков человека произведены Г. И. Петровым, а костных остатков млекопитающих.— В. В. Карачаровским. Оба погибли во время войны с фашистскими захватчиками: Г. И. Петров — в осажденном Ленинграде, В. В. Карачаровский — на фронте. По мнению В. В. Гинзбурга, погребенный был подростком 12—13 лет.

ориентированный головою на З (рис. 6, *1*). Скелет лежал почти на правом боку с легким наклонением на спину, с вытянутыми ногами. Правая

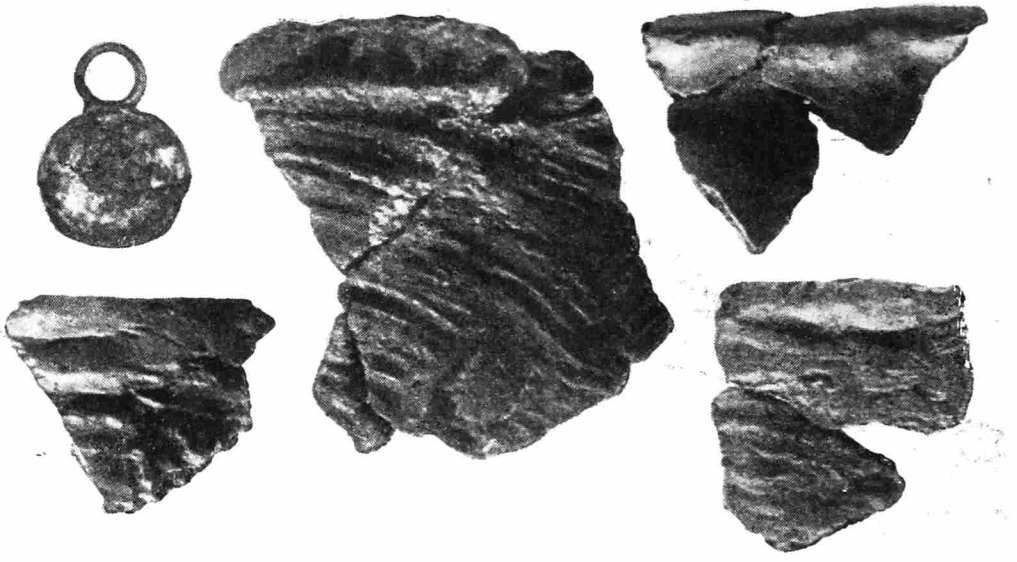


Рис. 3. Бубенчик (н. в.) и обломки керамики (1/2 н. в.) из насыпи кургана № 1.

рука протянута вдоль туловища, левая согнута в плечевом суставе так что кости ее, пересекая туловище, упираются в лучевые кости правой руки. Часть костей оказалась в плохой сохранности, а часть мелких вовсе отсутствует.

Рис. 4. Погребение № 1 в кургане № 1.

Погребение № 3 (3). На глубине 2.25—2.30 м в юго-восточном секторе встречены находившиеся отдельно друг от друга кости человека вполне зрелого возраста (Adultus на грани Maturus), вероятно мужчины.

Погребение № 4 (1). На глубине 3.40 м по линии *О—С* обнаружены сильно разрушившиеся остатки детского скелета (Infans II). Судя по расположению костей, погребенный находился в скорченном положении, головою на В.

Погребение № 5 (5). На глубине 3.60 м по линии *О—В* встречены остатки погребения, состоявшие из разрушенных костей человека (кости ног и позвоночника с ребрами), рядом с которыми с юго-восточной стороны находилось пятно красной краски (охры), а с южной — глиняный орнаментированный сосуд (рис. 7, *3*) с желтым порошкообразным органическим веществом на дне. Общая грацильность костей позволяет думать о принадлежности их женскому скелету в возрасте Adultus.

Погребение № 6 (6). На глубине 2.90 м, совпадающей с уровнем древнего почвенного горизонта, по линии *О—Ю* обозначились следы

почти круглой могильной ямы диаметром около 2.20 м. От края ямы кверху, слегка расходясь, в нижнем слое насыпи шли небольшие трещины. У края ямы на поверхности древней почвы лежал слой желтого материкового суглинка, утолщающийся по мере удаления от краев ямы

Рис. 5. Керамика из курганов близ хут. Веселого.
1 — 4 — из насыпи кургана № 2 (*3 — А*, *4 — Г*); *5* — кургана № 2, погребение № 3; *6* — кургана № 1, погребение № 1.

и сливающийся с основным слоем насыпи, (выкид из могилы, вырытой в материке).

На глубине 4.20 м яма имела плечики (шириною от 0.30 до 0.60 м) и изменяла свою форму на овальную в плане (1.50 × 1.15 м), ориентированную по длине с В на З. На плечиках ямы лежал слой беспорядочно уложенного истлевшего камыша толщиною в 0.3 м. Этот слой перекрывал могилу. Дно ямы оказалось на глубине 5.20 м.

На дне могилы лежал скелет взрослого субъекта (ранний Senilis, вероятно женский), положенный головою на З, на правом боку, с подогнутыми ногами. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте так, что ее фаланги находились у нижних концов лучевых костей другой руки (рис. 8). Кости—средней сохранности, часть

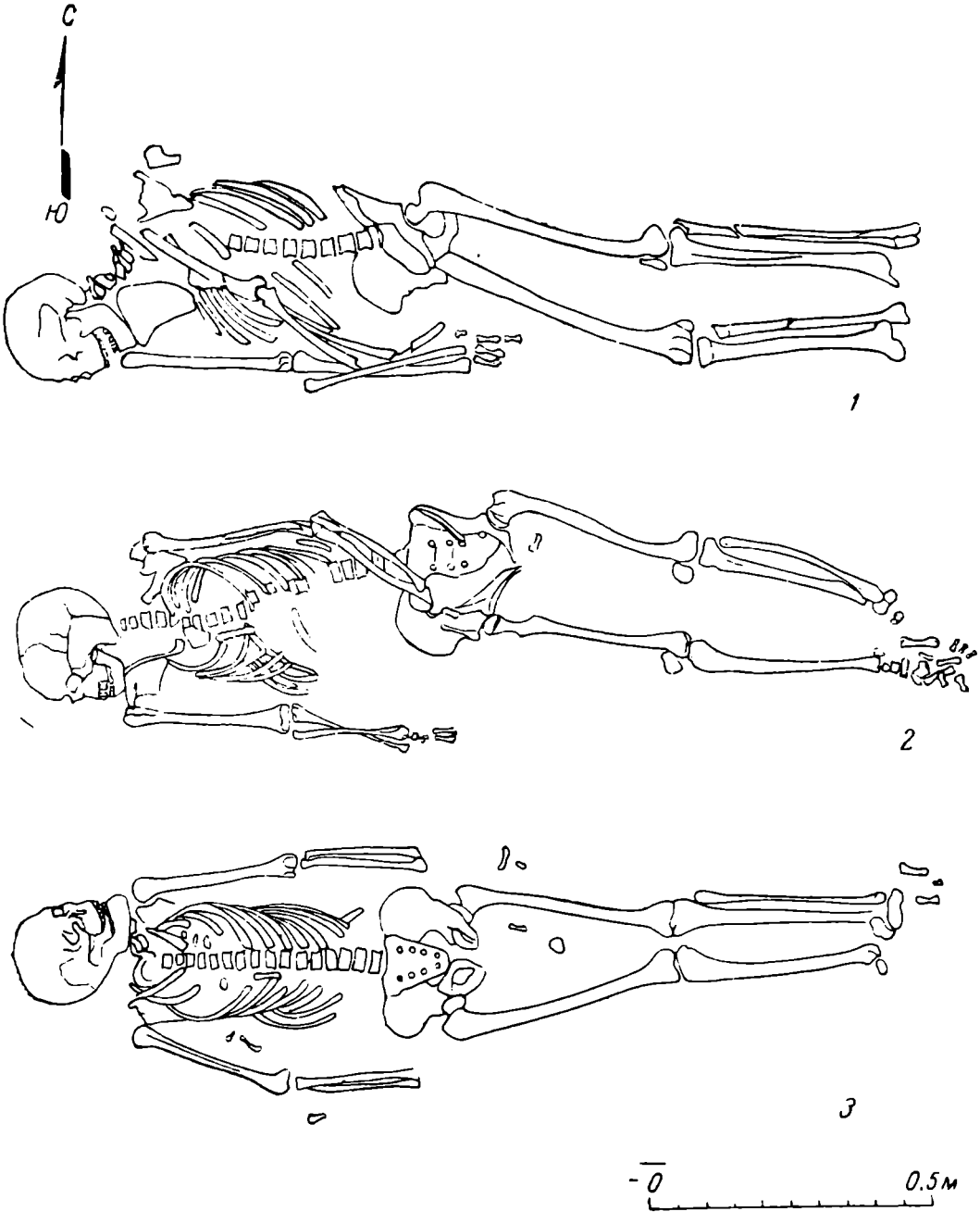


Рис. 6. Вытянутые погребения, ориентированные на З, в курганах близ хут. Веселого.

1 — курган № 1, погребение № 2; *2* — курган № 3, погребение № 6; *3* — курган № 3, погребение № 7.

их смещена, несколько костей отсутствует. Около ушных отверстий черепа найдены два спиральных колечка из низкопробного серебра (рис. 9). У левого тазобедренного сустава лежал череп овцы, нижняя челюсть которого, разломанная на две части, находилась несколько далее. Все

кости и дно могильной ямы были покрыты густым слоем красной краски, причем кости оказались окрашенными не только с верхней, но и с нижней стороны, что особенно было заметно у черепа, отделенного от окрашенного дна тонкой прослойкой земли.

Несомненно, что погребение № 6 было основным в кургане. Оно находилось под центром насыпи, а края его могильной ямы совпадали с уровнем древнего почвенного горизонта. Все остальные погребения залегали в насыпи кургана.

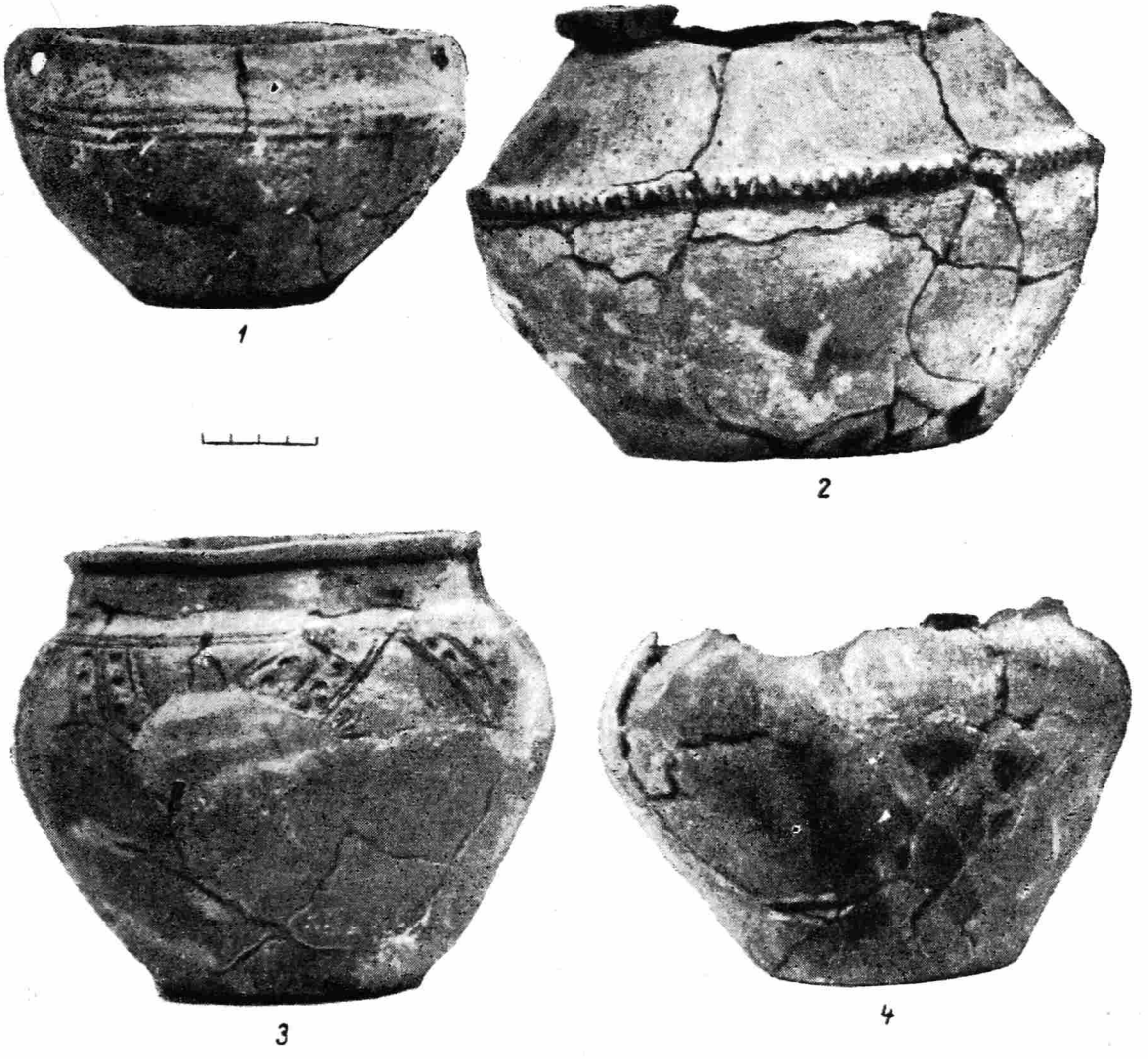


Рис. 7 Керамика катакомбных погребений.
1 — курган № 3, погребение № 10; *2* — курган № 3, погребение № 9; *3* — курган № 1, погребение № 5; *4* — курган № 3, погребение № 8.

Вопрос об устройстве насыпи разрешается труднее. Существенным обстоятельством является наличие в ее нижней части пятен солей, имеющих очень четкие и довольно ровные границы распространения. Трещины, идущие от краев могильной ямы погребения № 6 до верхней границы этих пятен, дают основания предполагать, что эта граница является уровнем поверхности первоначальной насыпи кургана. Осадка большого объема насыпи в могильной яме погребения № 6 повлекла за собою понижение вышележащей толщи насыпи и привела к образованию отмеченных трещин. Все остальные погребения в насыпи как зале-

гающие выше или почти на верхней границе пятен солей не противоречат такому предположению.

Остается под вопросом время увеличения первоначальной насыпи. Погребения №№ 1—3, находящиеся выше основного погребения № 6, не заходят в то же время в пределы предполагаемой первоначальной насыпи, а это значит, что они были устроены тогда, когда курган имел уже современный вид. Погребения №№ 4 и 5, расположенные далеко от центра, в расчет не принимаются, так как их впускной характер не

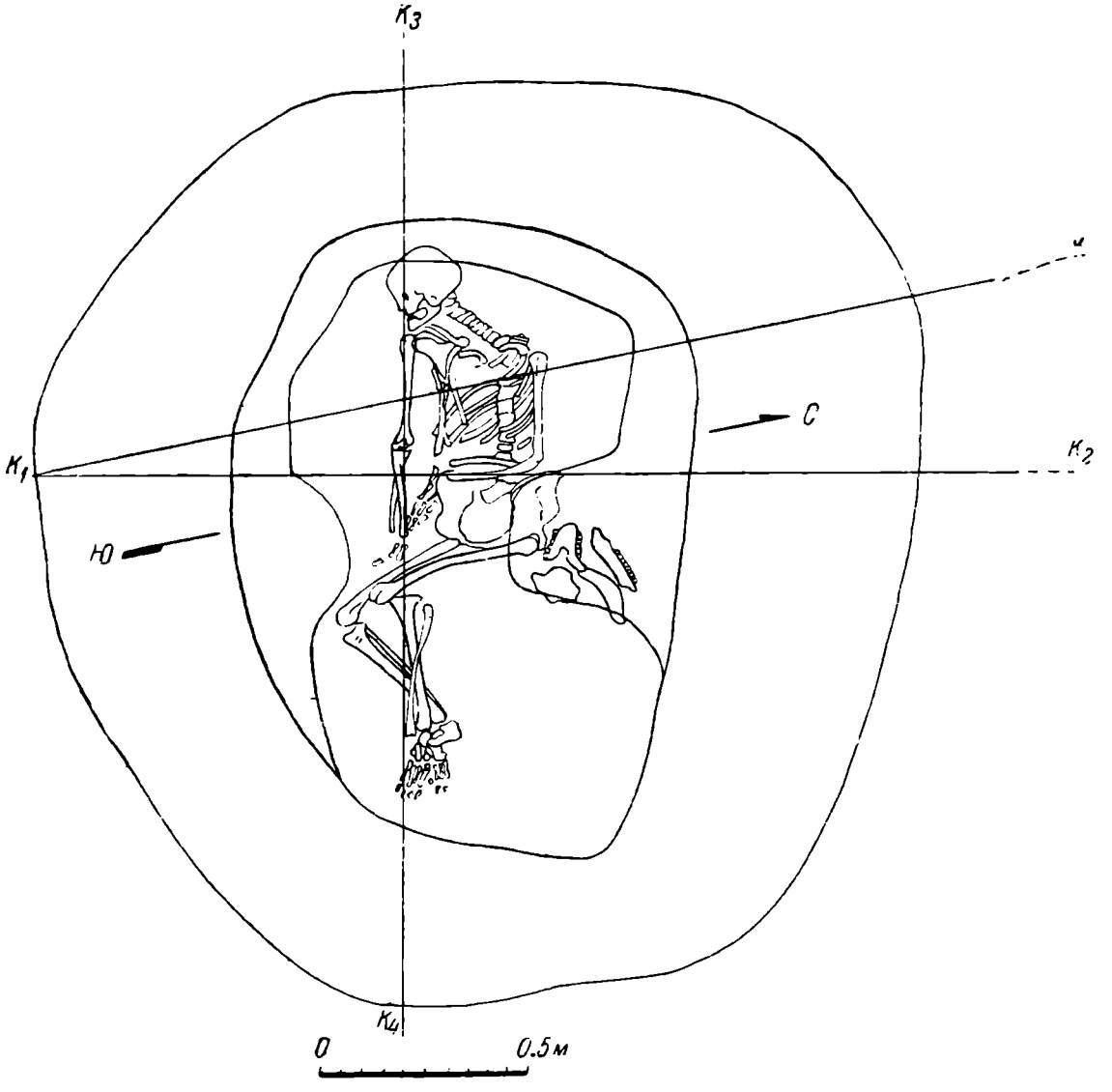


Рис. 8. Погребение № 6 в кургане № 1.

вызывает сомнений. Следовательно, насыпь увеличена или в связи с захоронениями 1—3, или даже еще до них с целью усиления первоначальной насыпи над погребением № 6 после ее осадки.

Курган № 2

В 150 м на ЮВ от кургана № 1 находится курган № 2 с расплывшейся пологой насыпью, особенно с южной и юго-западной стороны. Диаметр насыпи с Ю на С — 30 м, с В на З — 33 м, высота — 1.25 м. В разрезе она имела следующий вид: сверху лежал почвенный слой мощностью в 0.50—0.60 м; его подстилал слой мешанного грунта серого цвета, сугли-

нистого в основе, толщиною около 0.5 м, ниже шел древний почвенный покров с неотчетливой нижней границей, переходящей в материковый суглинок (рис. 10).

При снятии насыпи были встречены отдельно залегавшие: в юго-восточном секторе — обломок каменного тёрочника (рис. 11), череп животного в почвенном слое насыпи и скопление кусочков красной краски на глубине 0.95 м (в 4.60 м по линии *О—В* и 1.80 м по *О—Ю*); в северо-восточном секторе найдены — пять обломков глиняного сосуда (рис. 5, *2*) и два сосуда (рис. 5, *1, 3*); один из последних, как и обломки, находился в верхней части насыпи, а другой (*А*) (рис. 5, *3*) на глубине 1.11 м; в северо-западном секторе в почвенном слое обнаружены: кремневый отщеп, обломок глиняного сосуда и кости животных (быка — 1 кость, лисицы — 1 и зайца — 1), у радиуса *О—В* на расстоянии 1.5 м от центра на глубине 1 м встречены обломки бронзового зеркала и, наконец, в юго-западном секторе найден на глубине 1.32 м глиняный сосуд (*С*) (рис. 5, *4*).

В кургане оказалось восемь погребений.

Погребение № 1. В северо-западном секторе на глубине 1.17 м встречены кости взрослого субъекта (ранний Maturus, мужской), положенного головою на ЮЗ, на левом боку, с сильно подогнутыми ногами и согнутыми руками (рис. 12, *1*). Сохранность костей средняя. Фаланги правой ноги находились на расстоянии 0.12 м от основных костей стопы, будучи, видимо, оттащены грызунами.

Рис. 9. Серебряные височные кольца из погребения № 6 в кургане № 1 и медная подвеска из погребения № 10 в кургане № 3 (н. в.).

Погребение № 2. В юго-восточном секторе на глубине 1.14 м обнаружен скелет взрослого субъекта (Adultus, женский), положенного головою на В, на левом боку, с сильно подогнутыми ногами и согнутыми руками (рис. 12, *2*).

Погребение № 3. В центральном углу юго-западного сектора на глубине 0.71 м найден скелет человека (Adultus, возможно мужской), положенного на левом боку, с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками, головою на ЮВ. Сохранность костей очень плохая, череп раздавлен. У колен находился небольшой глиняный сосуд в обломках (рис. 12, *3*).

Погребение № 4. В центральном углу юго-западного сектора на глубине 0.75 м оказалась еще часть скелета взрослого человека (ранний Adultus, вероятно женский).[1] Судя по костям, сохранившим свое первоначальное положение, погребенный лежал на спине, головою на З (рис. 13, *3*).

Погребение № 5. В центральном углу того же юго-западного сектора на глубине 0.95—1.20 м находились остатки еще одного разрушенного погребения. Сохранились лежавшие в беспорядке на различных уровнях: нижняя челюсть, плечевые, малая берцовая и бедренные кости, а также лучевые кости одной руки вместе с костями кисти. Возраст погребенного определяется как начальный Infans II.

Погребение № 6. На глубине 1.5 м, почти на линии *О—З*, близ центра насыпи лежал скелет взрослого субъекта (типичный Matu-

[1] По В. В. Гинзбургу — мужской.

rus мужской),[1] погребенный на спине с вытянутыми ногами и протянутыми вдоль туловища руками, головою на ЗЗЮ. Часть костей отсутствовала (рис. 14 и 15).

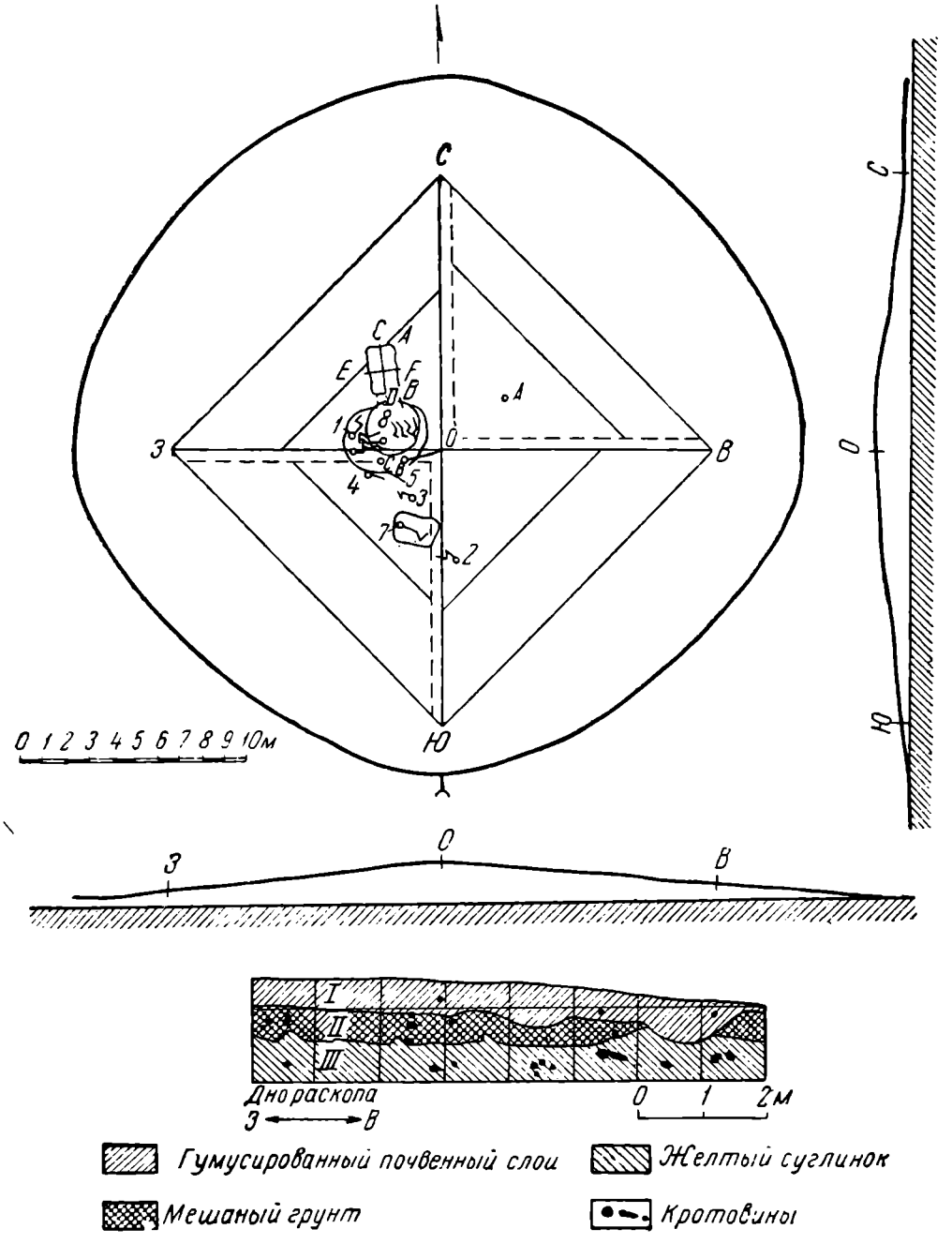


Рис. 10. Курган № 2 у южного конца плотины близ хут. Веселого.

У левого плеча скелета лежали фрагменты бронзового зеркала (рис. 16) и нижняя часть каменного оселка (рис. 16). Несколько фрагментов того же зеркала было встречено на 0.5 м выше. Между плечевой костью левой руки и ребрами находился кремневый отщеп; между костями

[1] Описание черепа, составленное Г. И. Петровым, гласит: «Плохая сохранность черепа не позволяет произвести надлежащего исследования. Отдельные признаки черепа можно охарактеризовать следующим образом: В norma verticalis череп явственно долихоидной формы. Длина черепа равняется 190 мм (цифра приблизительная, так как точное измерение невозможно). Общая форма черепа в norma verticalis овоидная. В norma occipitalis форма черепа бомбовидная. Высота черепа в norma lateralis

запястья левой руки и тазом — железный стержень (рис. 16) и клинок маленького железного ножа (рис. 17, *k*). В поясной части лежала бронзовая прямоугольная ажурная пряжка с изображением верблюда (рис. 18), а на тазовой кости — круглая железная пряжка (рис. 17, *e*). Между правой рукой и тазом, заходя под последний, находился железный меч (рис. 18), а под нижней частью его клинка — верхняя часть оселка (рис. 16); несколько ниже у бедренной кости — железная подпрямоугольная пряжка (рис. 17, *g*). У колена правой ноги лежала вторая круглая железная пряжка (рис. 17, *h*), а у ступни этой же ноги стоял глиняный кувшин (рис. 18). Несколько выше берцовых костей левой ноги обнаружен, очевидно слегка смещенный, чернолаковый канфар (рис. 19).

Погребение № 7. На глубине 1.80 м в юго-западном секторе открыта грунтовая могильная яма четырехугольной формы. Длина ее в средней части — 1.85 м, ширина — 1.15 м, глубина — 0.98 м. На дне ямы лежал на спине скелет взрослого субъекта (Adultus на грани с Maturus, мужской), обращенный головою на ЗЗС. Правая рука его была вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте так, что кисть находилась на костях таза. Кости подогнутых ног упали в южную сторону (рис. 13, *1*). На костях ступни, рук и грудной клетки — красная краска. Под скелетом оказалась порошкообразная подсыпка из белой глины (каолина), под которой находился еще слой красной краски (охры), покрывавшей дно могильной ямы.

Рис. 11. Обломок каменного терочника из насыпи кургана № 2.

Погребение № 8. В северо-западном секторе на глубине 1.80 м в желтом материковом суглинке слабо обозначались два пятна мешанного грунта, отличавшиеся от нетронутого материкового суглинка наличием светлосерых гумусных включений. Первое пятно, заходившее частично за линию *О—З* и расположенное на расстоянии 1 м от центра, имело форму круга радиусом около 2.25 м. В обрезе насыпи над этим пятном по линии *О—З* прослеживалась верхняя часть этого нарушенного грунта, возвышавшегося над замеченной поверхностью его на 0.33 м. Второе пятно, находившееся в 0.40 м к С от первого, было четырехугольной формы (1 × 2 м). При дальнейшем исследовании оказалось, что первое пятно образовалось над обвалившимся сводом «катакомбы», а второе означало входную яму в «катакомбу» (рис. 20).

При расчистке входной ямы, на глубине 2 м от ее краев, в засыпи был найден позвонок овцы. На стенках ямы хорошо сохранились следы орудий, которыми она вырыта. Эти следы представляли собою вертикаль-

---

средняя, темя округлое, затылок угловатый, лоб сильно наклонный. Высота лица в norma frontalis средняя. Выступление скул довольно значительное. Высота лба средняя, ширина лба большая. Выступление глабеллы определяется баллом 5 по шкале Мартина. Выступание носа весьма значительное. Носовые кости выемчатые, спинка носа выпуклая в нижней трети, носовое отверстие узкое и длинное. Нижний край носового отверстия типа anthropina. Развитие подносового шипа проследить не удается. Собачья ямка развита умеренно. Глазницы высокие, квадратные. Костные швы частично облитерированы. Размер затылочной кости умеренный. Зубы мудрости присутствуют. Рост субъекта, вычисленный по формуле Мануврие, равен 165.7 см».

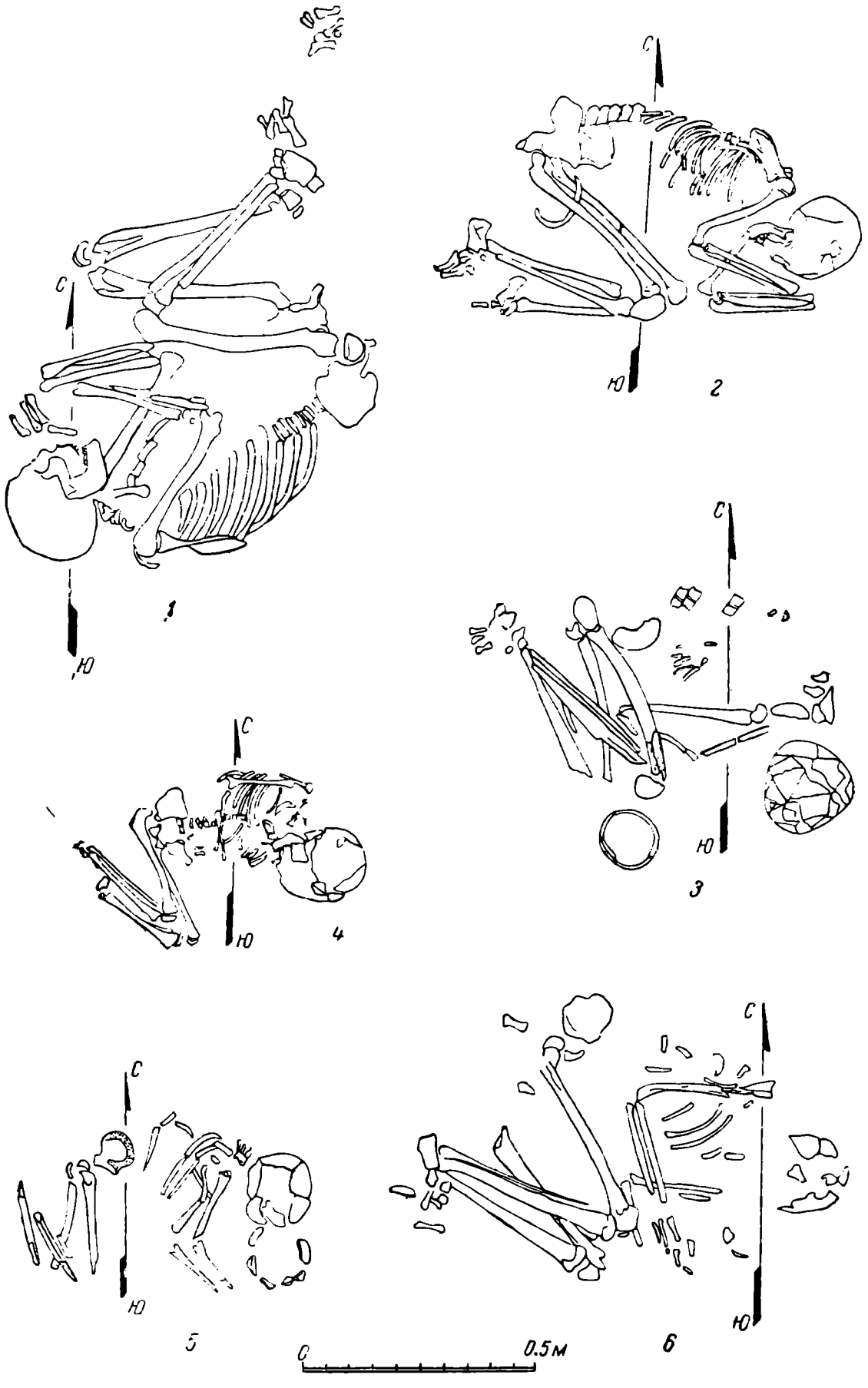


Рис. 12. Скорченные погребения в курганах №№ 2 и 3.

1 — курган № 2, погребение № 1; *2* — курган № 2, погребение № 2; *3* — курган № 2, погребение № 3; *4* — курган № 3, погребение № 4; *5* — курган № 3, погребение № 1; *6* — курган № 3, погребение № 2.

ные желобки шириною около 0.02 м и глубиною около 0.01—0.015 м. Дно ямы имело ровный склон в сторону камеры, так что глубина ямы у северной стенки оказалась равной 1.70 м, а у южной — 2.30 м. Западная и восточная стенки ямы в верхней ее части были отвесными. На глубине 0.60—0.75 м от края в углах и в 0.20—0.30 м в средней части

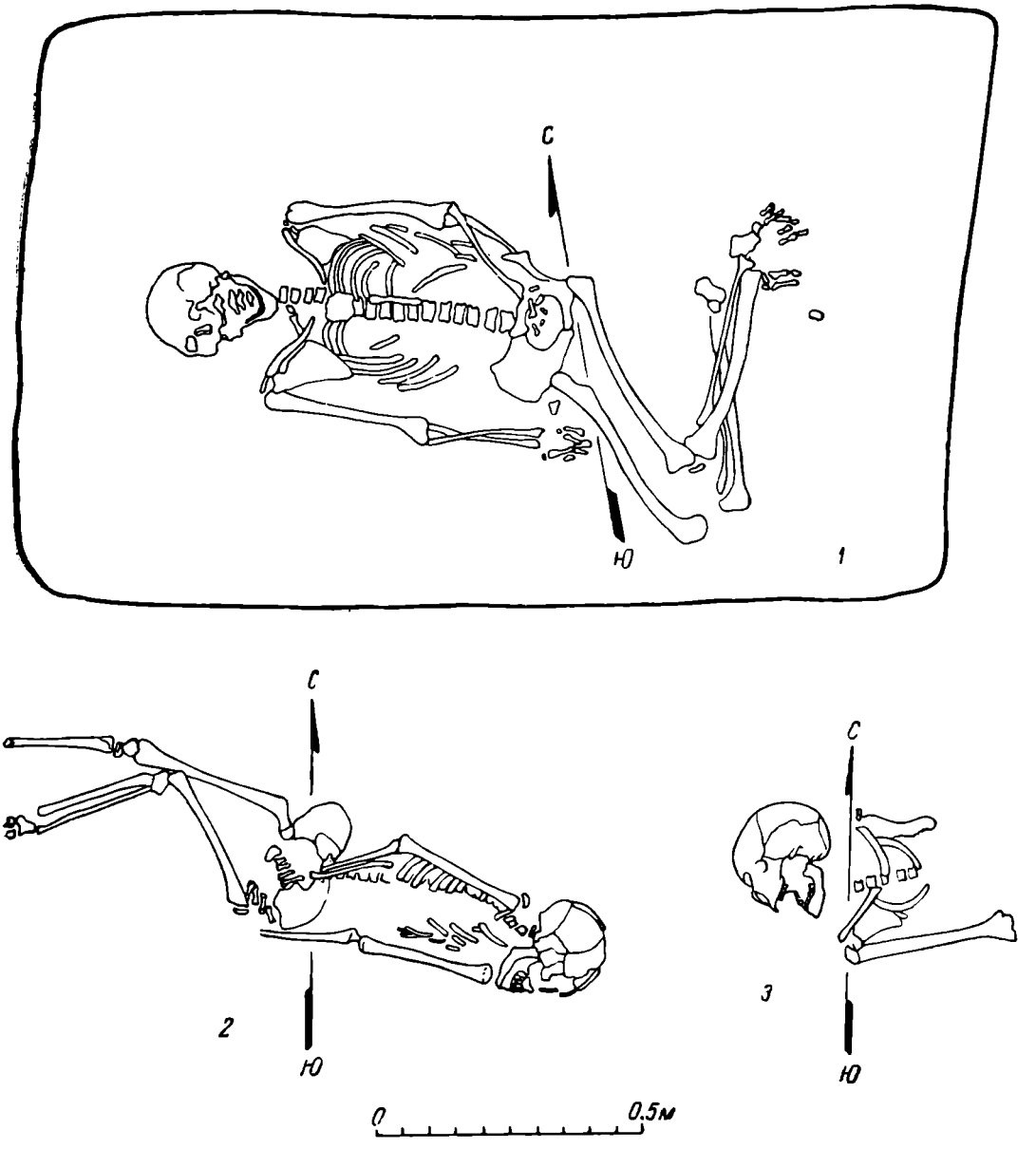


Рис. 13. Погребения в курганах №№ 2 и 3.
1 — курган № 2, погребение № 7; *2* — курган № 3, погребение № 3; *3* — курган № 2, погребение № 4.

ширина ямы увеличивалась. На высоте 0.40 м от дна ямы по западной стенке и в 0.30 м по восточной эти стенки переходили в уступ шириною около 0.15 м, ниже которого ширина ямы становилась такой же, как вверху. Северная стенка была почти отвесной, но на глубине 1 м от края ямы имела небольшую выемку, высотою около 0.30 м и глубиною около 0.20 м. Уровень дна выемки совпадал с уровнем примыкавших к этой стенке уступов, имевшихся в нижней части продольных стенок ямы, описанных выше. Южная стенка также была почти отвесной в верхней части; на глубине 1.10 м она имела входное отверстие

в находившуюся к Ю камеру, заваленное обрушившимся сводом последней. Вследствие того, что обрушившийся свод и стенки входного отверстия были вырыты в одном и том же материковом суглинке, установить точную форму и размеры его оказалось невозможным.

При выемке рушенного грунта на месте камеры оказалось, что этот грунт шел до глубины около 3 м, постепенно расширяясь книзу. Далее

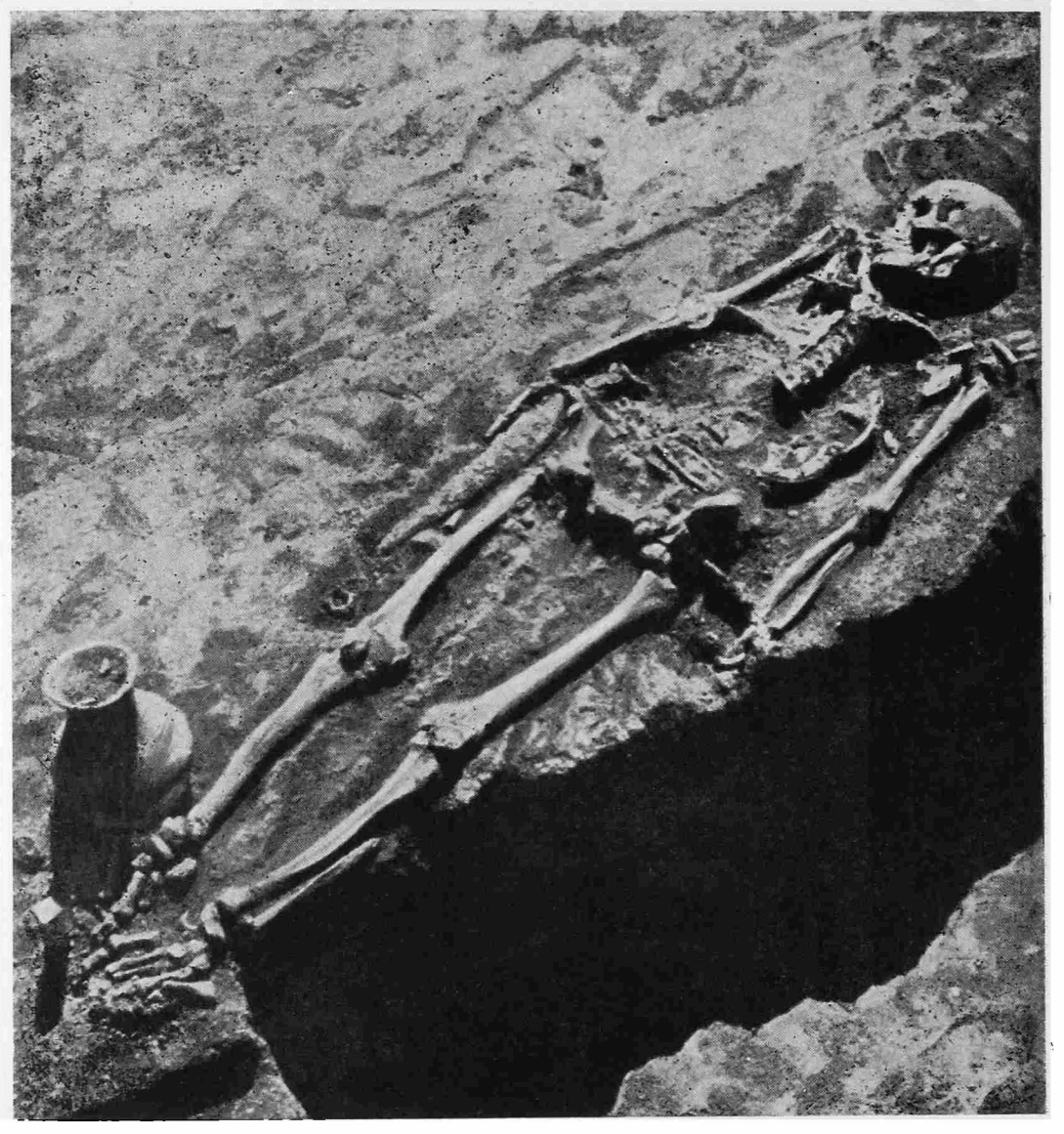


Рис. 14. Погребение № 6 в кургане № 2.

шел чистый материковый суглинок. На глубине 4.20 м был обнаружен череп человека. Дальнейшая расчистка раскрыла скелет подростка и верхние части скелетов двух взрослых субъектов, кости ног которых уходили в стенку раскопа. Поэтому расчистка была прекращена и частично вскрытые кости, ввиду их хрупкости, залиты воском, прикрыты бумагой и присыпаны землей. Раскоп был расширен сверху на 0.5 м к В, Ю и З и постепенно расширялся книзу. В результате открыто восемь скелетов, лежавших на уровне около 4.30 м (рис. 20).

Прямо против входа в камеру лежал скелет ребенка (*e*), рядом с которым к СВ находились еще три детских скелета (*f*—*h*). На расстоянии же около 0.35 м к В располагалась еще группа из четырех скелетов (*a*—*d*).

Чрезвычайно хрупкие и в большинстве своем поломанные кости залегали в сыром, вязком суглинке, что весьма затрудняло расчистку. К тому же многие кости оказались смещенными; особенно пострадали

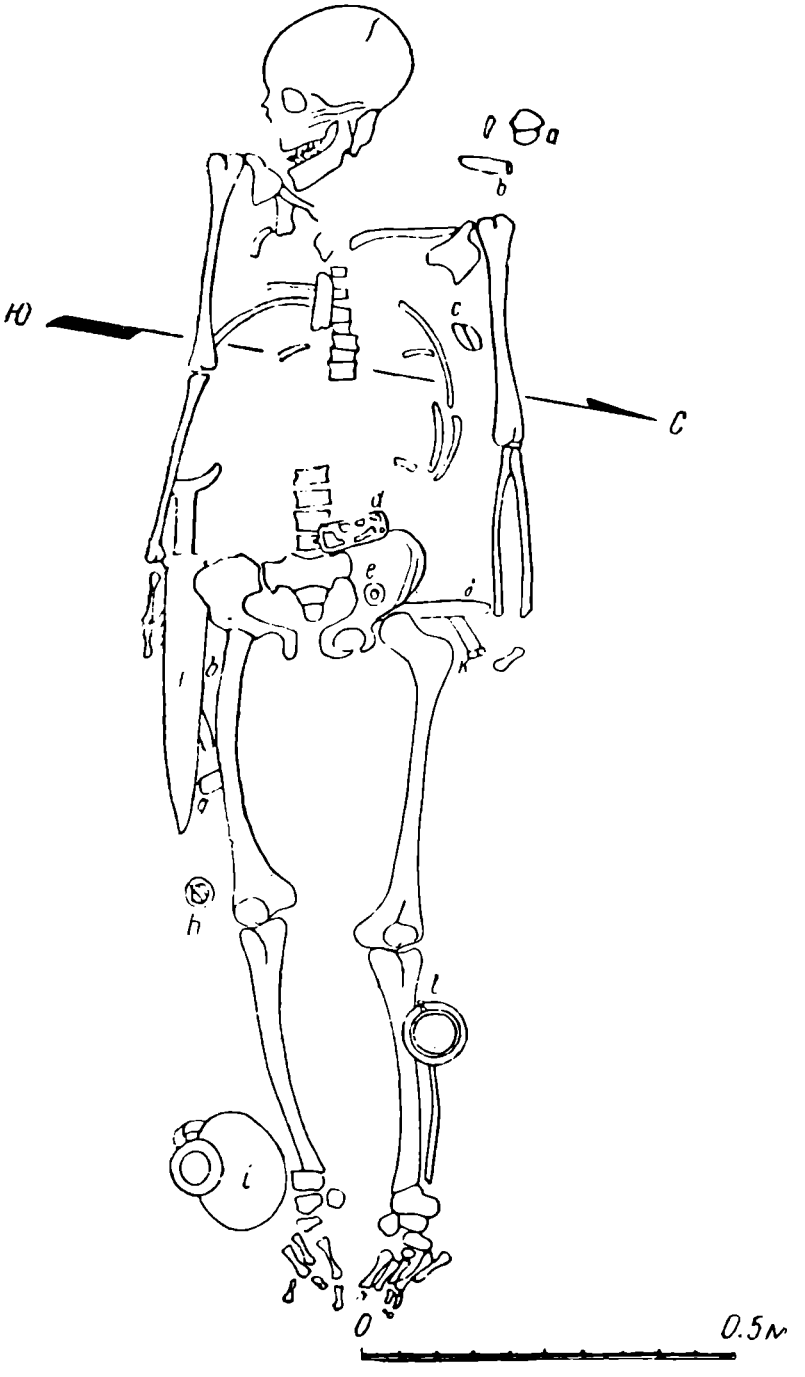


Рис. 15. Погребение № 6 в кургане № 2. Положение скелета и предметов.

в этом отношении скелеты *e*—*g*. В дальнейшем описании указываются лишь наиболее существенные детали нарушенности.

Скелет *a* (Maturus, мужской) лежал на спине с подогнутыми и свалившимися к С ногами, ориентированный головой на ВВС. Руки его вытянуты вдоль туловища. Нижняя челюсть находилась у плечевой кости правой руки, а черепная коробка у тазовых костей скелета *e*.

Рядом с ним к Ю, почти в том же положении, лежал скелет *b*, принадлежавший также взрослому субъекту (Maturus, вероятно, мужской),[1]

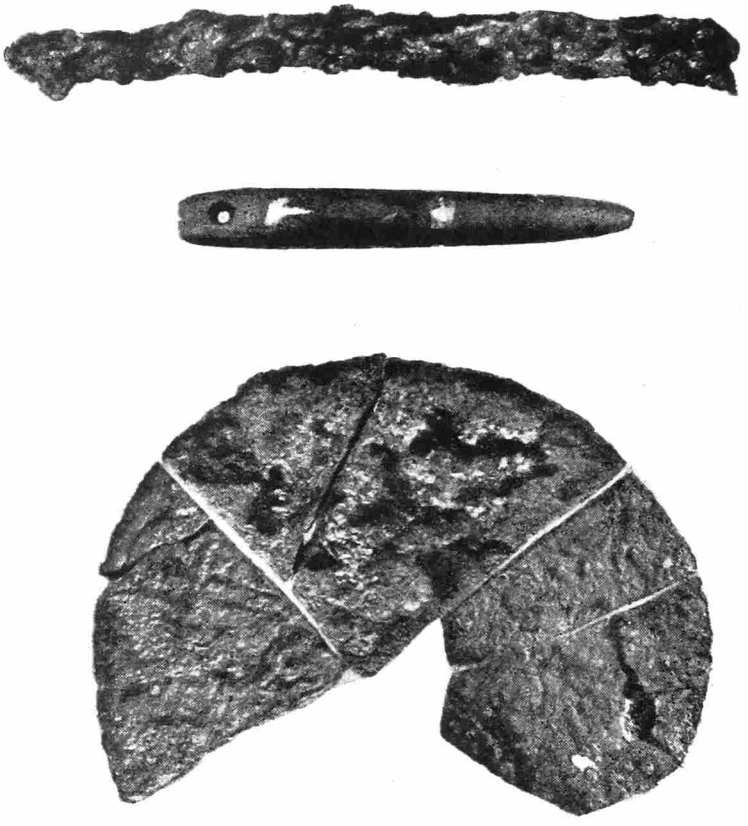


Рис. 16. Железный стержень, каменный оселок и бронзовое зеркало.
Масштаб зеркала вдвое больше других предметов.

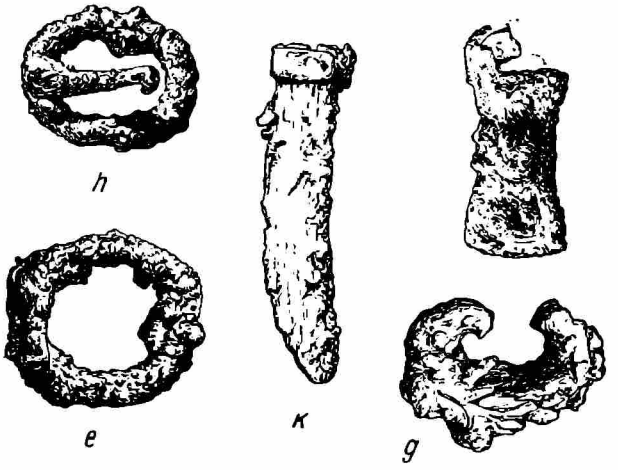


Рис. 17. Железные предметы из погребения № 6 в кургане № 2 (1/2 н. в.).

ориентированный головою на В. Его левая рука была согнута в локте так, что кости находились на тазовых костях скелета *a*.

[1] По В. В. Гинзбургу — женский, старческого возраста.

Далее к Ю, рядом со скелетом *b*, лежал скелет *c*, принадлежавший ребенку (Infans I). Ориентированный головою на В, он имел такое же положение, как и скелет *a*. Руки были протянуты вдоль туловища. Сильно разрушенный череп находился в 0.25 м к В от его нижней челюсти.

Рис. 18. Железный меч, бронзовая пряжка и глиняный кувшин из погребения № 6 в кургане № 2.
Масштаб пряжки втрое крупнее остальных предметов.

К З от описанного скелета, почти примыкая своими ногами к его ногам, лежал детский скелет *d* (Infans I), ориентированный головою на СЗ и упиравшийся лицевыми костями в кости стопы левой ноги скелета *b*. Этот скелет лежал на левом боку с подогнутыми ногами. Положения рук установить не удалось. В области грудной клетки найдено ожерелье, состоявшее из трех костяных бус, двенадцати костяных пронизок и двад-

цати шести створок раковин (рис. 21, 22). В грунте у черепа встречались мелкие угольки.

На расстоянии 0.60 м к Ю от черепа скелета *d* находилось днище глиняного сосуда с угольками.

Сильно разрушенный скелет *e* (Infans I), судя по сохранившим свое первоначальное положение костям, лежал головою на С (с отклонением к З), с подогнутыми ногами, коленные сочленения которых обращены на З. Череп находился в области живота, рядом с черепом скелета *a*.

Скелет *f* (Infans I) по своей сохранности и положению подобен находившемуся с ним рядом предыдущему. Череп лежал в 0.30 м к СЗ от основной группы костей. На расстоянии 0.15 м к Ю от костей ног находились три трубчатых кости и один астрагал овцы.

Рис. 19. Чернолаковый канфар (*i*) из погребения № 6 в кургане № 2.

Скелет *g* (Infans I), лежавший между ним (не вплотную, как остальные, а в 0.20 м от него) и крайним, восточным (*h*), лежал на правом боку, головою на ССЗ, с полусогнутыми ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. Череп находился перед костями грудной клетки. К В от первоначального местоположения черепа лежали череп и несколько трубчатых костей овцы.

Наконец, восьмой скелет, *h* (Infans I на грани Infans II), самый крайний к В, лежал на спине (с небольшим наклоном на правый бок), с вытянутыми вдоль туловища руками и слабо согнутыми в коленях ногами. Он был ориентирован головою на ССЗ. Череп находился на правой стороне у правого плеча, глазницами на ЮЗ. На расстоянии около 1.10 м от позвоночника к С располагались три челюсти и несколько трубчатых костей овцы.

Дно камеры было покрыто тонким слоем красной краски малинового оттенка (охра). В такой же цвет окрашена поверхность человеческих костей. В грунте, окружавшем скелеты, встречались отдельные кусочки красной краски.

Точных размеров камеры установить не удалось, и лишь некоторые признаки позволяют гипотетически судить о ее былой величине. Так, можно с большой долей вероятности утверждать, что скелет *h* находился у стенки камеры, так как дно ее за скелетом имело крутой подъем кверху по направлению к В, что прослеживалось по слою красной краски, резко

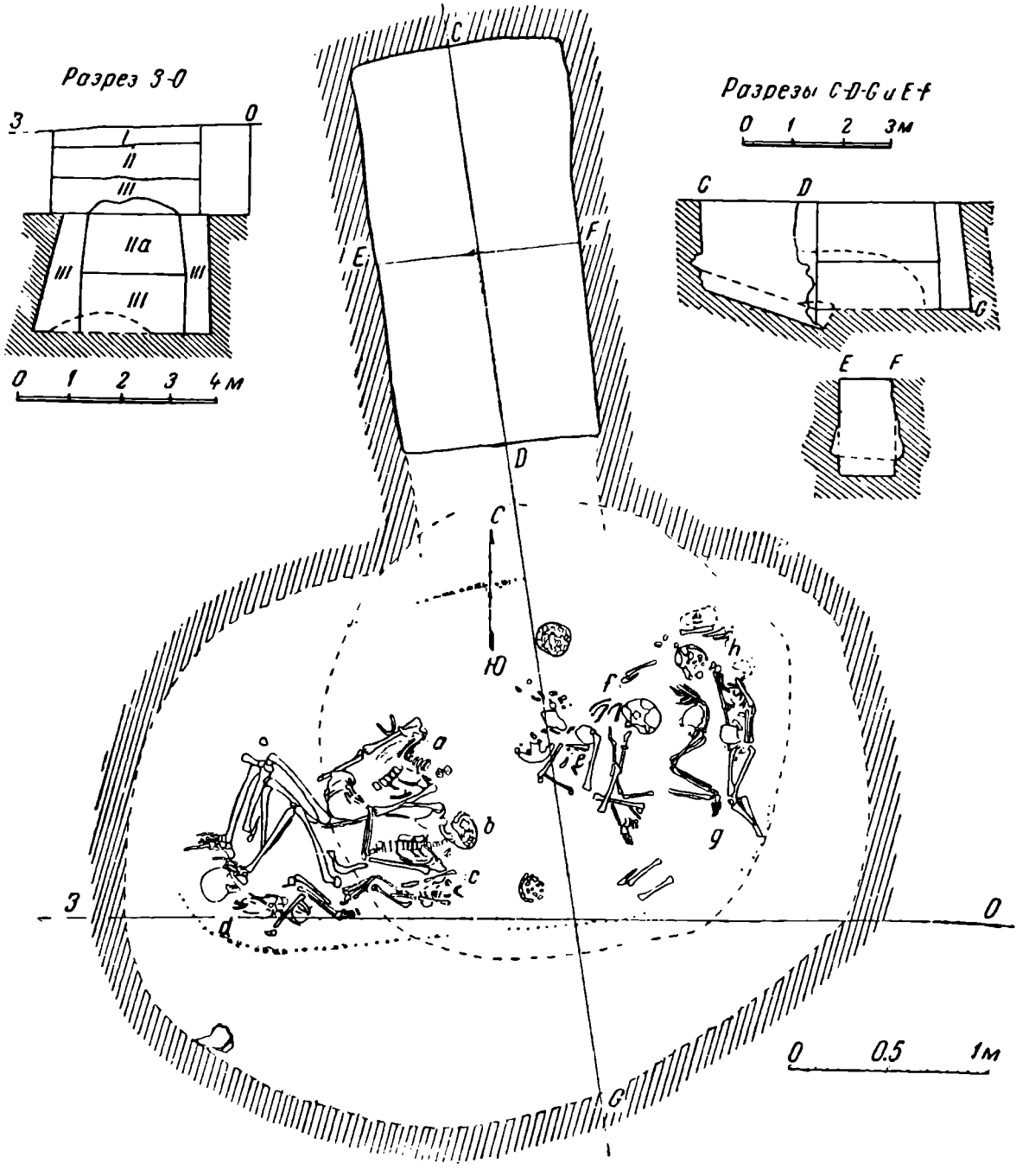


Рис. 20. Погребение № 8 в кургане № 2.

обрывавшемуся за скелетом. Приняв за границу дна предел распространения слоя краски, можно было бы легко определить всю площадь камеры. Но вопрос осложняется тем, что этот слой не доходит до днища сосуда, стоявшего наклонно и обращенного раструбом внутрь камеры. Правда, это обстоятельство может быть объяснено или наличием здесь ниши, вырытой в стенке камеры специально для сосуда, как это можно наблюдать в аналогичных по обряду погребениях, или тем, что краской

была покрыта только площадь, занятая покойниками. Приняв первое предположение как наиболее вероятное, мы можем допустить, что камера в плане имела овальную форму и была равна, примерно, 1.75 × 3.00 м, причем длина входного отверстия шириною около 0.90 м и высотою около 1.40 м (в начале) равнялась 0.70 м.

Высота камер эпохи бронзы, к которой относится рассматриваемое погребение, обычно не превышает высоты их входных отверстий. На основании этого, а также учитывая толщину обвалившегося грунта, можно полагать, что в данном случае высота камеры равнялась, приблизительно, 1.20 м.

Дно камеры было на 0.35—0.40 м выше ближайшей к нему части дна входной ямы, находясь на одном уровне с уступами в нижней части ее продольных стенок.

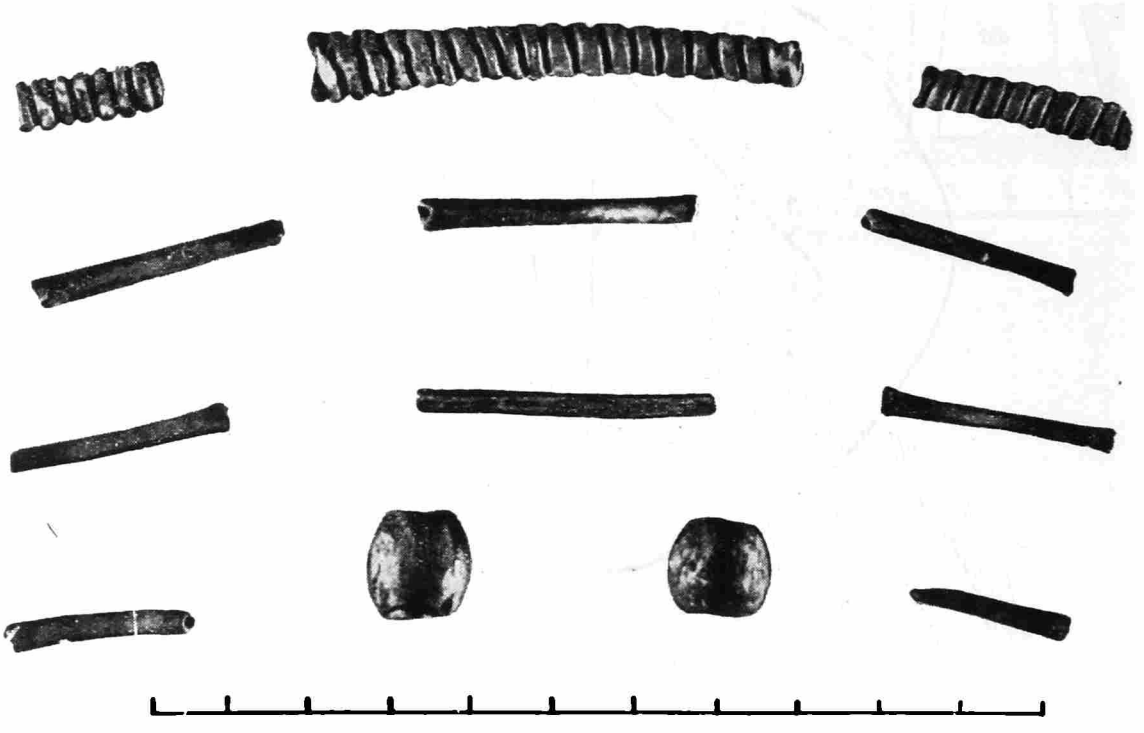


Рис. 21. Костяные пронизки и бусы из погребения № 8 в кургане № 2.

Несомненно, что описанная камера была дважды использована для погребений. Первоначальная входная яма расширялась книзу, и дно ее находилось на уровне уступов, замеченных в нижней части продольных стенок и дна входного отверстия в камеру. Во время вторичного использования камеры, при выемке засыпи из входной ямы, стенки последней были сделаны отвесными. Это обстоятельство помешало во-время заметить дно и повлекло за собой дальнейшее углубление ямы. Именно тем, что одна яма была врезана в другую, более широкую в нижней части. и объясняется наличие уступов на ее продольных стенках. Однако старый вход в камеру был установлен и через него совершено второе погребение. При взгляде на расположение погребенных в камере сразу же бросается в глаза, во-первых, группировка их по четыре, во-вторых, асимметричное расположение их ко входному отверстию и, в-третьих, различная степень сохранности скелетов.

Эти три наблюдения позволяют утверждать, что более поздней по времени погребения является западная группа скелетов. Восточная группа,

отделенная от нее значительным расстоянием и находящаяся непосредственно перед входным отверстием, что является вполне естественным для катакомбного погребения, отличается и более значительными разрушениями. Особенно сильно разрушенными оказались скелеты *e* и *f*, самые западные в этой группе и ближайшие по местоположению ко второй группе скелетов. Они и должны были в первую очередь пострадать при дополнительном расширении камеры для второго погребения и, конечно, не могли остаться не потревоженными и в процессе его совершения.

Таким образом, совершенно несомненно, что второе погребение было связано с расширением первоначальной камеры. Первоначальная камера была устроена вовсе без расчета на новые дополнительные погребения, и можно даже допустить, что при устройстве могилы для второго погре-

Рис. 22. Раковины из погребения № 8 в кургане № 2.

бения она была открыта не преднамеренно, а случайно, хотя состав захоронений в первом и втором случаях говорит за вероятность связи их между собой (одна семья).

Курган № 3

В 260 м к З от кургана № 1 находился курган № 3 с сильно расплывшейся насыпью высотою около 0.75 м и с диаметром с В на З — 24 м, а с Ю на С — 21 м. Западный и юго-западный склоны его более пологие, чем остальные (рис. 23).

Строение курганной насыпи не представляло никаких особенностей. Сверху залегал почвенный слой мощностью около 0.30—0.45 м, ниже которого шла суглинистая насыпь, на глубине 1.30—1.40 м перекрывавшая материковый суглинок.

В этом кургане было обнаружено десять погребений и одно захоронение костей животных. В насыпи, за исключением погребений, ничего не найдено.

Погребение № 1. На глубине 0 64 м в юго-восточном секторе встречен скелет подростка (Infans II на грани Hivenis), положенного на левом боку, с подогнутыми ногами и согнутыми руками, головою

на В. Кости очень плохой сохранности. У черепа находился небольшой глиняный сосуд в обломках (рис. 12, *5*).

Погребение № 2. На глубине 0.64 м в юго-восточном секторе оказался скелет молодого взрослого субъекта (ранний Adultus, вероятно мужской), погребенного на левом боку с подогнутыми ногами и согнутыми руками, головою на В. Кости очень плохой сохранности; многие мелкие части скелета утратили свое первоначальное местоположение (рис. 12, *6*).

Погребение № 3. На глубине 0.64 м в том же юго-восточном секторе найден скелет подростка (Infans II),[1] лежащий на спине, головою

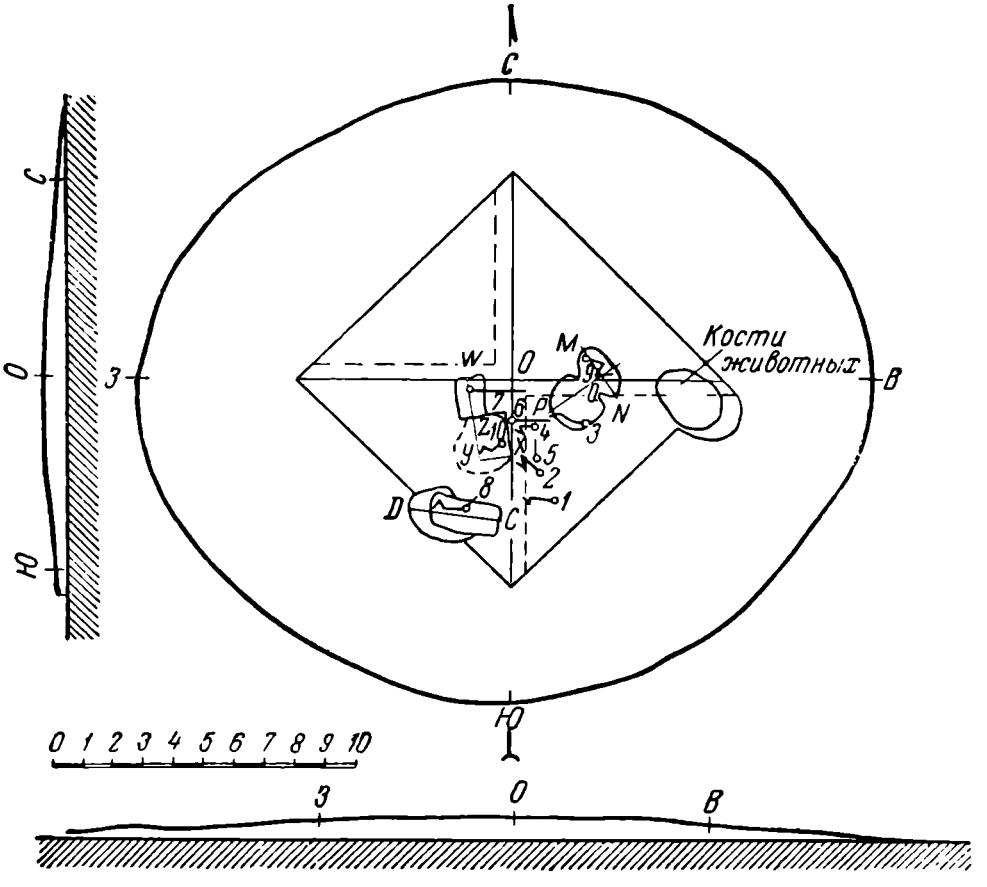


Рис. 23. Курган № 3 у южного конца плотины близ хут. Веселого.

на ВВЮ. Ноги были подогнуты кверху, но левая свалилась в сторону правой. Сохранность костей средняя; части мелких костей отсутствуют (рис. 13, *2*).

Погребение № 4. На глубине 0.64 м в юго-восточном секторе открыт скелет ребенка (Infans I), погребенного головою на В, на левом боку с согнутой в локте правой рукой и с подогнутыми ногами. Сохранность костей плохая; часть костей отсутствует (рис. 12, *4*).

Погребение № 5. На глубине 0.64 м в юго-восточном секторе обнаружены остатки погребения. Судя по расположению сохранившихся костей, покойник был ориентирован головою на Ю.

Погребение № 6. На глубине 0.68 м в юго-восточном секторе встречено еще одно погребение взрослого субъекта (Adultus, вероятно мужской). Скелет лежал головою на З, на спине с небольшим наклоном на правый бок, с вытянутыми ногами. Правая рука вытянута вдоль туло-

[1] По В. В. Гинзбургу — молодой женщины.

вища, а левая согнута в локте так, что кости находились на костях таза. Сохранность костей хорошая; однако бóльшая часть мелких костей конечностей смещена, а часть отсутствует. Череп искусственно деформирован (рис. 6, *2*).

Погребение № 7. На глубине 0.55 в юго-западном секторе найден скелет взрослого субъекта (Maturus, вероятно мужской), положенный головою на З, на спине, с вытянутыми ногами и протянутыми вдоль туловища руками. Кости хорошей сохранности; мелкие кости скелета смещены и частично отсутствуют (рис. 6, *3*).

Погребение № 8. На глубине 1.40 м в юго-западном секторе на фоне желтого материкового суглинка было замечено пятно перемешанного грунта. Оно имело форму полуовала (наибольший диаметр — 1.70 м), от которого отходил к В более узкий прямоугольник. При выемке мешанного грунта на глубине 1.60 м, в средней части пятна был обнаружен скелет взрослого человека (Maturus, повидимому, мужской), лежащий головою на В, на правом боку с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками. В ногах стоял глиняный сосуд (рис. 7, *4*), около которого находился овечий астрагал.

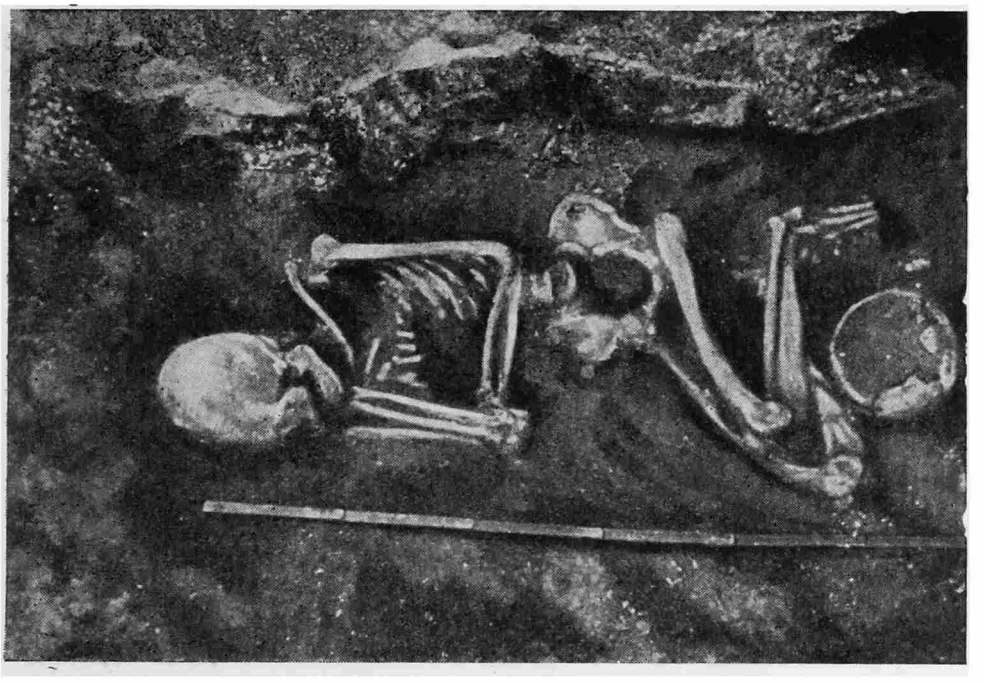


Рис. 24. Погребение № 8 в кургане № 3.

Погребенный имел сильно деформированный череп. Кости найдены в состоянии средней сохранности; мелкие кости конечностей частично смещены (рис. 24 и 25).

Так как скелет лежал в смешанном грунте, выемка последнего была продолжена. В конечном итоге оказалось, что здесь в материке находилось углубление, состоявшее как бы из двух ям, врезанных одна в другую. Западная часть углубления представляла, как сказано, яму полуовальной формы. Стенки ее на глубине 0.25 м от края переходили в уступ (наибольшая ширина — 0.25 м) и далее вновь отвесно спускались ко дну, средняя глубина которого равнялась 0.50 м от края ямы или 1.90 м от вершины кургана. Дно было неровным с бесформенными впадинами (диаметром до 0.45 м и глубиною до 0.07 м). На расстоянии 0.80 м от западной стенки этой ямы находилась вторая продолговатая яма

(1.10×2.20 м) с закругленными углами. Стенки ее были отвесны, за исключением восточной, которая в нижней части имела неглубокую (около 0.10 м) выемку с неровной поверхностью. На стенках можно было наблюдать следы орудий, которыми она была вырыта, аналогичные отмеченным во входной яме катакомбного погребения № 8 в кургане № 2. Дно ямы имело наклон по направлению от западной к восточной стенкам и находилось у первой на глубине 2.40 м, а у второй на глубине 2.85 м. Так как в описанных ямах ничего не было найдено, с целью проверки произведено дополнительное расширение на 0.70 м и углубление на 0.30 м восточной части, а также углубление до 3.12 м северо-западного угла. Эта проверка позволила установить, что начиная с глубины 2.50—2.60 м влажность материкового суглинка начинает резко увеличиваться, на глубине около 3 м он становится весьма вязким.

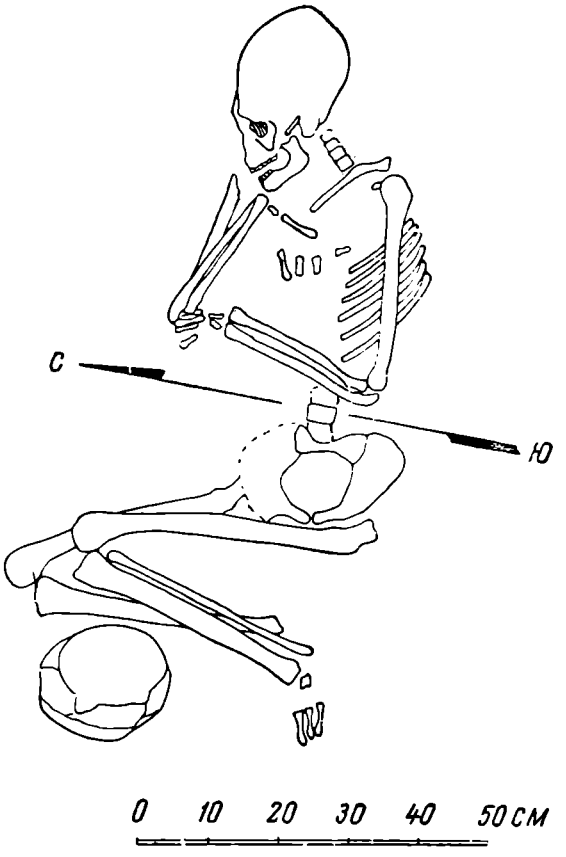


Рис. 25. Погребение № 8 в кургане № 3 (схема).

Погребение № 9. На глубине 1.30 м по радиусу *О—В* встречена входная яма катакомбы. Диаметром она была около 1.60 м, а глубиною около 1.25 м, т. е. 2.55 м от вершины кургана. В северо-восточной части ямы находилось входное отверстие в камеру, расположенное на уровне дна ямы. Высота отверстия — 0.75 м, ширина — 0.95 м, толщина 0.07 м. Камера в плане была овальной (1.10×0.80 м), а в поперечном сечении подтреугольной. Дно ее на 0.30 м ниже дна входной ямы и полого понижалось от последнего. Камера была заполнена землею всего на две трети своей высоты. На дне камеры лежал скелет взрослого человека (Maturus, вероятно мужской) головою на СЗ, на спине (с небольшим наклоном на правый бок), с подогнутыми ногами, обращенными коленями ко входу, и с протянутыми вдоль туловища руками (рис. 26). В ногах стоял глиняный сосуд с порошкообразным органическим веществом желтого цвета на дне (рис. 7, *2*). Часть костей конечностей смещена. Сохранность костей средняя.

Погребение № 10. На глубине 1.45 м в юго-западном секторе замечена четырехугольная входная яма катакомбы. Размеры ее: длина — 1.34 м, ширина в северном конце — 0.88 м, в южном — 0.96 м, глубина — 0.75 м, или 2.20 м от вершины кургана. Не особенно ровное дно входной ямы понижалось по направлению к южной стенке на 0.35 м до входа в камеру и на 0.55 м до относительно ровного дна последней. Высота входного отверстия в камеру — 0.85 м. Засыпь, заполнявшая камеру, будучи однородной с материковым суглинком, не позволила точно установить ее западную и южную стенки. Однако с полной уверенностью можно утверждать, во-первых, что входное отверстие было пробито не во всю ширину северной стенки, а отступя на 0.30 м от западного ее конца, и, во-вторых, что камера сразу же за входом расширялась на В

и постепенно на З. Размеры камеры: длина 2 м, ширина около 1.80 м. высота 1.10 м. Поверхность восточной половины свода была неровной вследствие выпадения грунта, а западная и южная часть свода обвалились совершенно, чем и объясняется нечеткость границ камеры и крутое падение ее стенок в этой части. В восточной половине камеры находился плохо сохранившийся скелет ребенка (Infans I), ориентированный головою на ССВ. Судя по распространению костей и положению некоторых

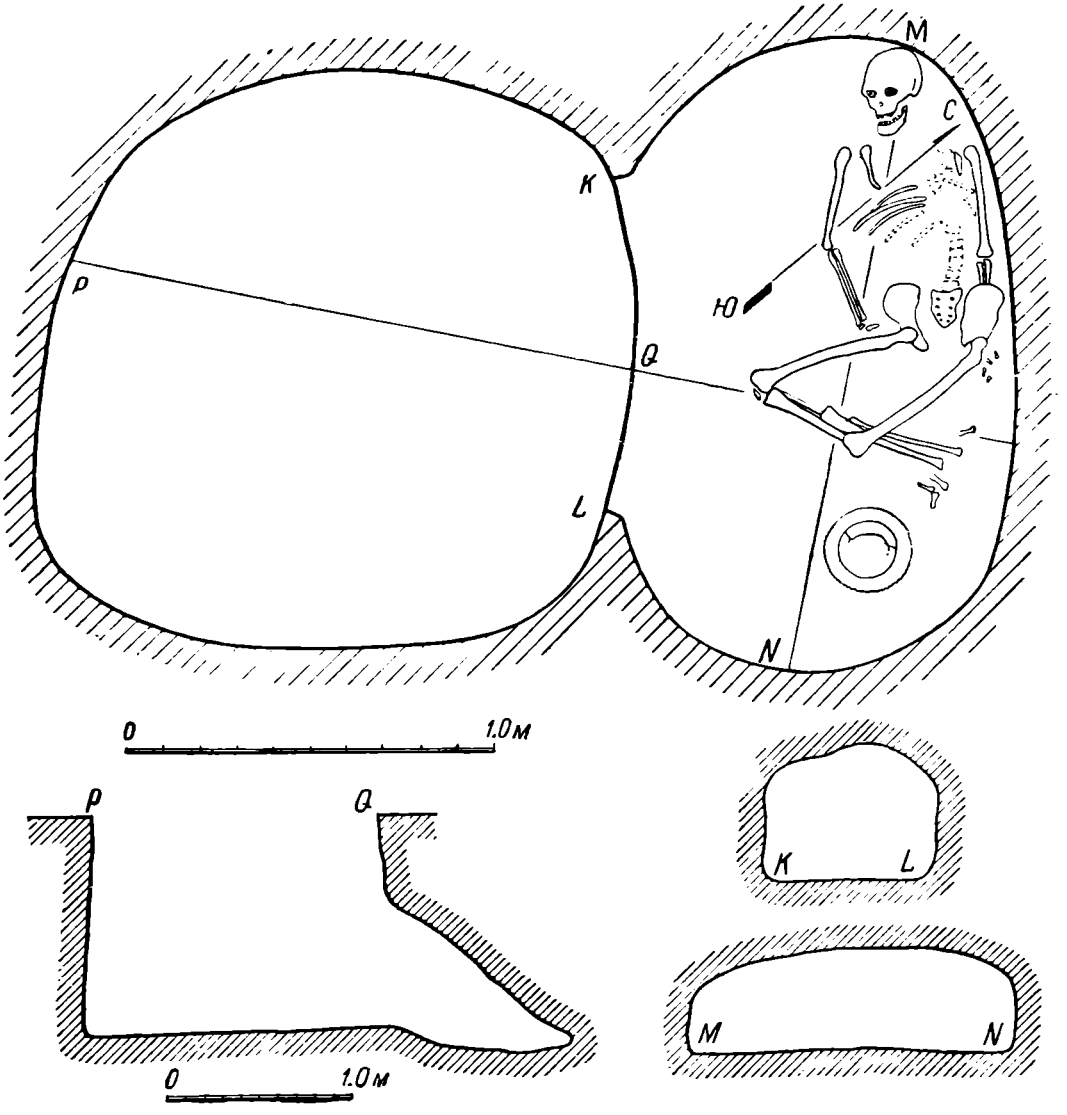


Рис. 26. Погребение № 9 в кургане № 3.

из них, погребенный лежал на правом боку с подогнутыми ногами (рис. 27). Перед костями грудной клетки стоял сосуд (рис. 7, *1*), а между ним и скелетом найдены две медные подвески (рис. 9). За костями спины лежали челюсть и лучевые кости овцы. Кости скелета и часть дна, на которой помещались остатки захоронения, были покрыты тонким слоем красной охры.

Кроме описанных десяти погребений в восточной части кургана на глубине 1.30 м было обнаружено углубление овальной формы (1.70 × 2.06 м) с отвесными стенками. На его ровном дне, находившемся на глубине 0.15 м от края углубления, или на глубине 1.45 м от вершины кургана, в центральной части лежали кости домашних животных: лучевая, большая берцовая и таз лошади, стержень рога и большая

берцовая кость быка, череп и нижняя челюсть собаки и одна трубчатая неопределимая кость. Все они располагались по линии ССВ—ЮЮЗ (рис. 28).

* * *

Основные погребения всех трех раскопанных курганов относятся к медно-бронзовому веку. Наиболее характерные из них принадлежат

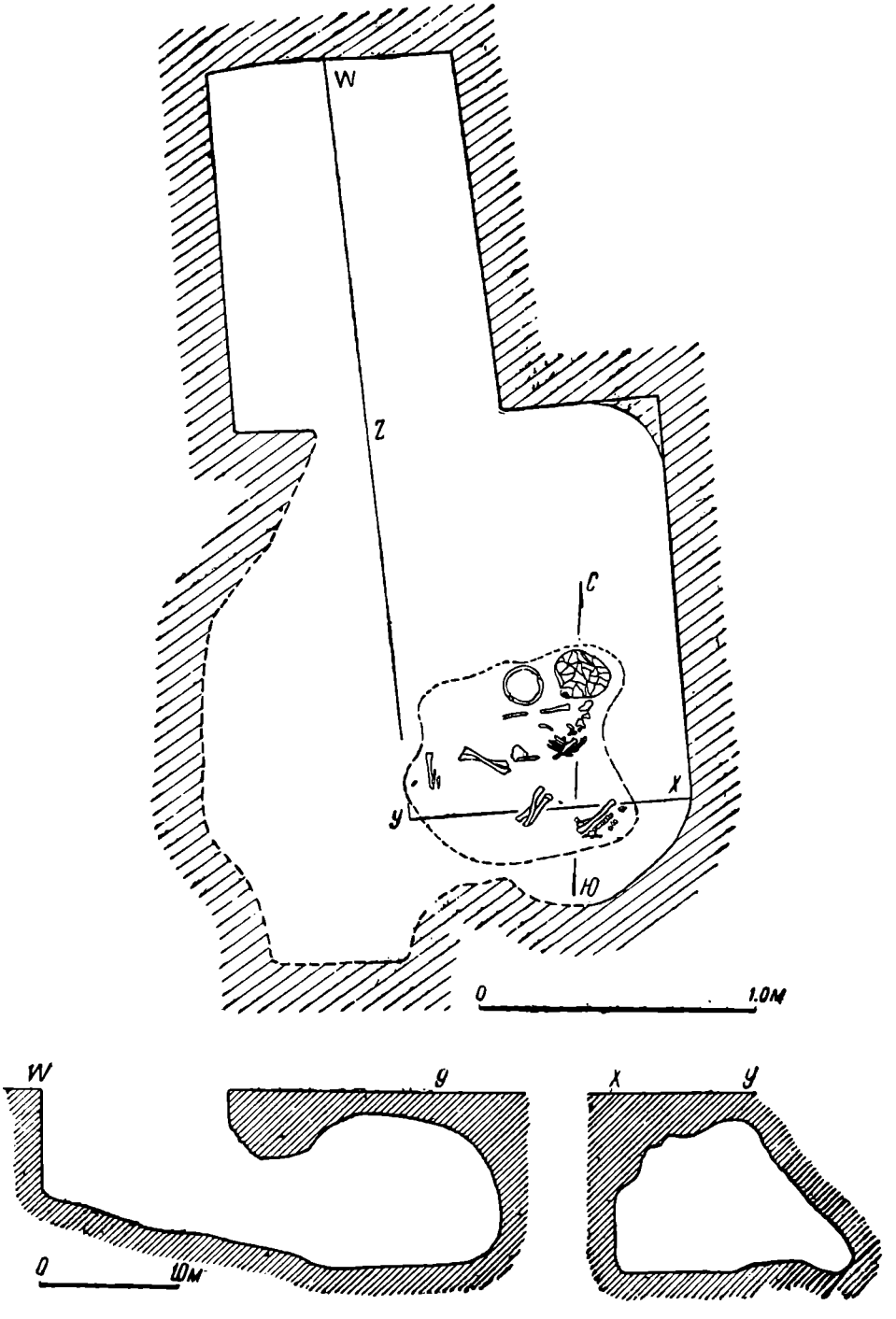


Рис. 27. Погребение № 10 в кургане № 3.

к так называемой катакомбной культуре. Внутри этой последней в степях Доно-Волжского междуречья можно различать несколько хронологических этапов. Древнейший из них характеризуется керамикой, восходящей к формам, представленным в комплексах типа стан. Царской (Ново-

свободной) на Северном Кавказе. В данном случае сюда относится погребение № 9 из кургана № 3 с его «репчатым» сосудом (рис. 7, 2), сходным с найденными мною в 1935 г. во входной яме погребений №№ 30 и 31 в кургане № III и в катакомбном же погребении № 51 в кургане № II у северного конца плотины (близ хут. Спорного).[1] Такие же сосуды встречены были в катакомбах близ г. Ворошиловград на Донце, в низовьях Дона (стан. Гниловская) и в Астраханских степях (Улан-эрге) и др. В отчете о раскопках 1935 г. я отнес эти сосуды к «хронологически позднейшим в ряду погребений катакомбного типа».[2] Однако более близкое ознакомление с материалами Северного Кавказа заставило меня коренным образом изменить первоначальное заключение.

С манычскими «репчатыми» сосудами близко сходен сосуд с массивным низким венчиком, с широким утолщенным сверху краем, украшенный в верхней части туловища двумя параллельными налепными поясками с широкими вдавлениями, происходящий из кургана № 6 в стан. Кубанской. В этом кургане были обнаружены две катакомбы с керамикой: одна с тремя глиняными сосудами, а другая — с двумя.[3] Все эти сосуды хранятся в Историческом музее в Москве. К сожалению, неизвестно, в каком сочетании они находились в погребениях. Во всяком случае несомненно, что имеющийся в их числе интересующий нас сосуд найден в катакомбной могиле.

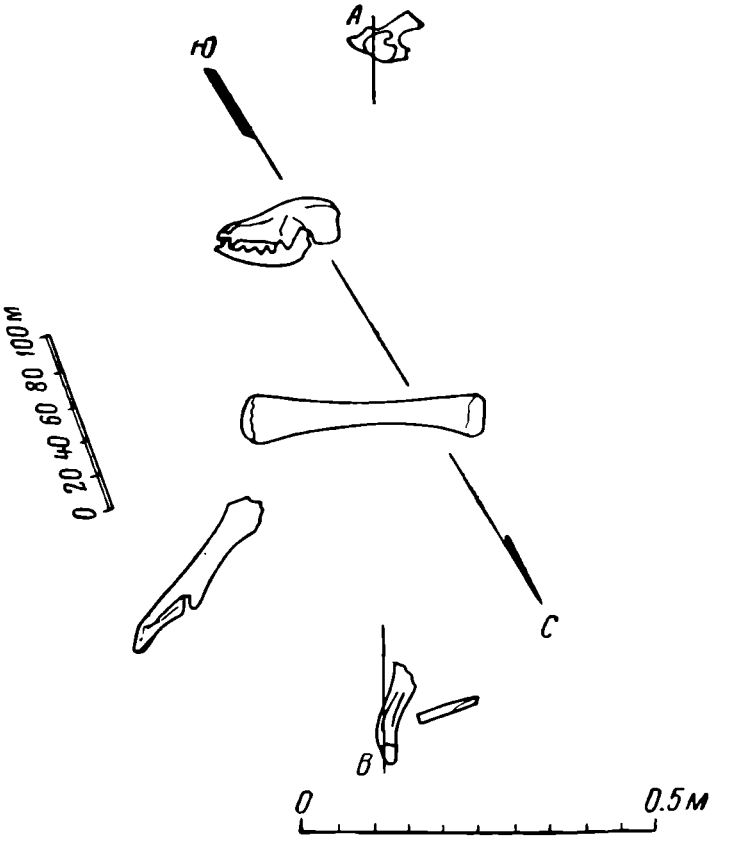


Рис. 28. Кости животных, найденные в кургане № 3.

В числе кубанских находок имеются еще два сосуда этого рода. Один с одним валиком по плечикам происходит из курганов у стан. Ладожской,[4] но ни курган, ни погребение, в котором он был обнаружен, не известны. Возможно, что он происходит из погребения под западной полой кургана № 27,[5] где в грунтовой могиле были найдены два сосуда. Другой «репчатый» сосуд с таким же валиком и, кроме того, с нарезным орнаментом из треугольников между шейкой и валиком и ниже последнего[6] также, видимо, найден был Веселовским в 1902 г. на Кубани, но где именно и в каком комплексе — узнать не удалось.

---

[1] СА, IV, стр. 125, рис. 49, 50.
[2] Там же, стр. 131.
[3] ОАК, 1902, стр. 90—91.
[4] Фототека ИИМК № 4652 (Q417, 6).
[5] ОАК, 1902, стр. 76.
[6] Фототека ИИМК № 4652 (Q417, 6).

Перечисленные кубанские сосуды свидетельствуют, что «репчатые» формы манычской керамики теснейшим образом увязываются с Прикубаньем или, точнее говоря, с той частью Кубани, где она почти прямым углом выступает на С и где встречаются такие же, как в манычских степях, катакомбные могилы. Однако сходные «репчатые» сосуды находятся в Прикубанье в комплексах и иного рода. Так в стан. Махошевской при хищнической раскопке в 1904 г. был обнаружен вместе с комплексом медных орудий, типичных для дольменов стан. Царской,[1] «репчатый» сосуд с низким, слегка расширяющимся кверху горлом, украшенный по верхней части туловища пятью группами косо расположенных валиков. Такого же рода сосуд неизвестного происхождения хранится в Краснодарском музее. У него горло несколько повыше предыдущего, и своей формой и даже чеканным елочным орнаментом по плечикам, отделенным от остальной поверхности сосуда налепным горизонтальным валиком, он близко сходен с «репчатыми» сосудами из дольмена во II кургане стан. Царской.[2] Обе последние формы, таким образом, тесно связывают «репчатые» сосуды катакомбных погребений Прикубанья и манычских степей с керамикой дольменной культуры стан. Царской и показывают, откуда ведут свое происхождение по крайней мере некоторые элементы катакомбной культуры.

Выяснение связей катакомбной культуры с Северным Кавказом важно между прочим и для установления более точной хронологии этой культуры. Синхронность ее с дольменной культурой стан. Царской несомненна и может быть подтверждена, кроме приведенных сближений, рядом других доказательств, изложение которых мною будет дано в другой специальной статье. Здесь же следует отметить, что катакомбная культура продолжала свое существование и позже.

В катакомбном погребении № 10 в кургане № 3 у хутора Веселого обнаружен широкогорлый низкий сосуд с двумя маленькими ручками, украшенный веревочным орнаментом (рис. 7, *1*), и две медные подвески в виде шарика с длинным стерженьком, заканчивающимся петелькой (рис. 9). Сходные двуручные сосуды встречаются на Северном Кавказе. Особенно они характерны для погребений Кабардинской АССР. Тщательно проработавший инвентарь этих погребений Б. Е. Деген различал два варианта этого рода сосудов: [3] один, *А*, с довольно стройными, удлиненными пропорциями, или вовсе лишенный орнаментации, или скромно декорированный шишечками и чеканом, и другой, *Б* — приземистый, широкогорлый, со штампованным, шнуровым по преимуществу, орнаментом. Мне представляется необходимым выделить внутри группы *Б* Дегена в качестве особого варианта группу сосудов, отличающихся особенно широкими пропорциями и округленностью тулова — $Б_1$. Сюда войдут находки из стан. Светловодской, Пришибской [4] и некоторые другие, по орнаментации не отличающиеся от сосудов типа *Б*. К этому же варианту ближе всего стоит и указанный выше манычский сосуд.

Отмеченные варианты имеют не только типологическое, но и хронологическое значение. Двуручные сосуды этого рода восходят к формам амфоровидных сосудов, известных по находкам в дольмене кургана № 1 у стан. Царской.[5] Вариант *А* из кабардинских курганов и типологически и хро-

---

[1] А. А. Иессен. Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 84, рис. 4.
[2] ОАК, 1898, табл. V, *57*, *60*, *61*; табл. VI, *68*, *69*.
[3] Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА СССР, № 3, М.—Л., 1941, стр. 242 и сл.
[4] Там же, табл. XII.
[5] ОАК, 1898, табл. V, 58; VI, 65.

нологически тесно примыкает к этим исходным формам. Варианты *Б* и $Б_1$ несомненно отстоят от них значительно дальше и в том и в другом отношении. Кроме большей или меньшей приземистости в них появляется признак, вовсе не известный в дольменной керамике, а именно, шнуровая орнаментация, проникающая на Северный Кавказ из Причерноморских степей и представляющая, таким образом, пример обратного воздействия причерноморских культур на культуры Северного Кавказа.

Манычский сосуд типологически датируется значительно более поздним временем, чем дольмены стан. Царской. Можно даже полагать, что он представляет один из последних этапов культуры медно-бронзового века в Доно-Волжском междуречье. Об этом свидетельствует его сходство с керамикою Моздока,[1] непосредственно предшествующей формам Кисловодского[2] и Каменномостского[3] могильников начальной поры железа на Северном Кавказе. Катакомбная культура на юго-востоке европейской части СССР живет долго, так как здесь она в отличие от степей Северного Причерноморья не сменяется срубной культурой, распространяющейся из своей лесо-степной родины на юго-запад, а не на юго-восток.

Не противоречат изложенному заключению о месте сосуда из погребения № 10 в кургане № 3 в ряду других керамических форм и найденные вместе с ним медные подвески (рис. 9). Они принадлежат к типу украшения, хорошо известному на Северном Кавказе, представленному там многими вариантами. В основе своей эти подвески представляют короткую веревочку с петлей на одном конце и шариком — или, точнее, узелком — на другой. Довольно полный перечень таких подвесок дан Б. Е. Дегеном.[4] В Кабардино-Пятигорье они встречаются вместе с керамикой типа *Б*, на Кубани — в комплексах, синхронность которых с кабардино-пятигорскими не вызывает сомнений, хотя в их составе имеется и проушный топор и сосуд с цилиндрическим горлом, некоторыми признаками напоминающий майкопские сосуды (Келермес).[5] Это, в общем, те комплексы, которые А. В. Шмидт относил к своей среднекубанской группе,[6] а А. А. Иессен именует «II стадией медно-бронзового века на Северном Кавказе».[7]

Имея в виду многочисленность и высокое развитие изделий из меди, литых по восковой модели в Кабардино-Пятигорье, а особенно распространение именно там шнурового орнамента, можно допустить, что центром отливок со шнуровой орнаментацией на Кавказе была Кабардино-Пятигорская область и что если не готовые изделия этого рода, то мотивы литья распространялись отсюда на Кубань и в меньшей мере в других направлениях. Насколько далеко заходили кавказские «веревочные подвески», можно судить по находке у дер. Боаро в Нижнем Поволжье, где они находились вместе с костяной молоточкообразной булавкой и характерным сосудом типа Полтавки.[8]

Интереснейшее погребение № 8 в кургане № 2 обращает на себя внимание, в частности, набором костяных и раковинных украшений. Однако материал их отнюдь не доказывает особой древности этого набора. Для

---

[1] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 г., стр. 249, рис. 3.
[2] Изв. ГАИМК, вып. 109, стр. 218, рис. 3—6.
[3] МИА СССР, вып. 3, рис. 2.
[4] Б. Е. Дегеи, ук. соч., стр. 258.
[5] Подробное рассмотрение этих материалов будет дано мною в специальном исследовании.
[6] A. V Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV.
[7] А. А. Иессен. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. III Международный Конгресс по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1939, стр. 91 и сл.
[8] ESA, IV, стр. 47, рис. 8.

правильного суждения о нем следует иметь в виду, что он относится к детскому погребению и что костяные пронизки, в особенности со спиральной нарезкой, представляют собою воспроизведения металлических украшений (спиралей и трубочек), обычных в северокавказских комплексах медно-бронзового века [1] отнюдь не самого раннего возраста, а того же самого, к которому относятся и выше рассмотренные веревочкообразные подвески.

Это погребение, как сказано в описании, двойное, т. е. к первоначальному захоронению, представленному четырьмя детскими скелетами ближайшей ко входу группы, через какой-то промежуток времени было добавлено второе, также коллективное погребение, состоящее на этот раз из двух взрослых покойников и двух детей. Возможно, что здесь, как и в ряде других случаев, мы имеем дело с одноактным семейным погребением, состоящим из мужа, жены и их малолетних детей.[2] В таком случае было бы весьма соблазнительно отнести и первое погребение из четырех детей к той же семье и в совместном нахождении обеих групп погребенных в одной камере видеть указание на обычай полагать членов семьи в одной могиле независимо от времени их смерти. Однако это едва ли так. Для второго погребения размеры камеры пришлось значительно увеличить, при этом сохранность скелетов первого погребения была сильно нарушена. Особенно пострадали скелеты, лежавшие ближе к тому краю камеры, который был избран для расширения под новых покойников. Степень поврежденности этих скелетов такова, что не оставляет сомнения в значительности промежутка времени, разделявшего оба захоронения. К моменту второго погребения от первых покойников видимо оставались только скелеты, не связанные даже сухожилиями. Ввиду этого помещение обеих групп покойников в одном месте может объясняться случайностью того же рода, в силу которой одной и той же входной ямой пользовались для устройства двух камер, примером чего являются погребения №№ 30 и 31 в кургане № III у хут. Спорного.[3] Здесь, углубив шахту, новую камеру устроили ниже старой. В кургане № 2 у хут. Веселого, отказавшись от начатого было углубления входной ямы, ограничились расширением старой камеры. Устройство камеры со вторичным использованием старых могил или входных ям встречалось неоднократно и при исследованиях В. А. Городцова. Так, в кургане № 1 у Шпаковки и № 2 близ Великой Камышевахи были вторично использованы ямные могилы для устройства входных ям в катакомбы.[4] В кургане № 1 у Черногоровки одна большая яма служила входом в две камеры.[5] Весьма вероятно, что и здесь мы имеем дело со вторичным использованием входной ямы, как в кургане № III у хут. Спорного. Повидимому, при устройстве камерных могил охотно пользовались старыми ямами, когда они попадались при рытье могил, потому что это значительно облегчало труд. Сомнительно, чтобы наличию двух камер при одной входной яме следовало искать какое-либо иное объяснение.

Странное устройство погребения № 8 в кургане № 3, повидимому, объясняется тем, что покойник был положен во входной яме незаконченной катакомбной могилы. Яма была предварительно частично засыпана

---

[1] См., напр.: МИА СССР, вып. 3, стр. 253, рис. 35, *8*; стр. 259, рис. 39, *2*, *12* и др.

[2] М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. ПИДО, 1934, № 7—8.

[3] СА, IV, стр. 123 и сл.

[4] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца. Тр. XII АС, т. I, стр. 307, 325 и сл.

[5] Там же, стр. 242 и сл.

Возможно, что камера осталась неиспользованной потому, что в могиле выступила грунтовая вода.

У двух погребенных в кургане № 3 (погребения №№ 6 и 8) черепа были искусственно деформированные. В 1935 г. у хут. Спорного в погребении № 45 в кургане № II и в погребении № 29 в кургане № III черепа погребенных также были деформированные. Такие же черепа были встречены в урочище «Три брата» (курганы №№ 1 и 4 в группе № 1), в районе Ворошиловграда на Донце и даже в Каневском районе Киевщины.[1] Судя по этим находкам, искусственную деформацию черепов следует признать явлением, довольно распространенным уже в катакомбном периоде, особенно в Доно-Волжском междуречье. Погребение № 6, повидимому, относится к значительно более позднему времени («сарматскому»), когда деформация встречается еще чаще.

Хотя некоторые могилы катакомбной культуры оказываются устроенными в виде простой ямы, погребения в ямах, опущенных в материк в манычских курганах, как правило, более поздние. Их объединяет ориентировка на З (рис. 13, *1*, *3*). Возможно, сюда же надо относить и погребение № 3 в кургане № 3, хотя оно ориентировано на В и устроено в насыпи кургана. Погребения № 6 в кургане № 1, могильная яма которого имеет плечики (рис. 2 и 8), находит себе аналогию среди погребений, открытых в районе Элисты, и может относиться, судя по их могильному инвентарю, к конечному этапу эпохи бронзы или даже к началу эпохи железа.

Наиболее поздними, однако, являются погребения в насыпи курганов, имеющие ряд объединяющих их признаков, а именно: ориентировку на В, положение на левом боку, согнутость рук в локтевом суставе так, что кисти приходятся у лица, и подогнутость ног (рис. 12). Погребения этого типа, хорошо известные для степной полосы европейской части СССР, еще А. В. Городцов склонен был датировать эпохою железа. Повидимому, действительно, большинство их относится к первой половине I тысячелетия до н. э. Такими погребениями в курганах, раскопанных в 1937 г., являются №№ 1—3 в кургане № 2 и №№ 1, 2, 4 в кургане № 3 (рис. 12).

Следующим по времени стоит, вероятно, погребение № 1 в кургане № 1 (рис. 4). Датировка его затруднена тем, что оно найдено в сильно разрушенном состоянии. Однако глиняный сосуд, сопровождающий скелет, позволяет отнести его к скифскому периоду (рис. 5, *6*). Подобные сосуды нередко находятся в погребениях скифского времени на Нижней Волге.[2] По форме они могут быть сближены и с керамикою Моздока.[3]

Одним из наиболее интересных погребений, вскрытых в 1937 г., является погребение № 6 в кургане № 3 (рис. 14). Оно примечательно наличием бронзовой поясной пряжки с изображением верблюда (рис. 18) и античного чернолакового канфара (рис. 19). Оба предмета впервые встречены на данной территории и заслуживают специального исследования. Хорошо датирующиеся вещи (сосуды, меч[4]) этого погребения позволяют отнести его к первой половине II в. до н. э. Сочетание уникальной пряжки с фигурою верблюда и импортного чернолакового

---

[1] Тр. XI АС, т. I, стр. 179 и 161.

[2] Paul Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Покровск, 1929, рис. 23, 25, 27, 29.

[3] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940, табл. III.

[4] Такой же меч был найден в разрушенном кургане у хут. Спорного (Изв. ГАИМК № 109, стр. 209, рис. 195) вместе с замечательным бронзовым шлемом (там же, стр. 207, рис. 196, *6*—*7*).

сосуда как нельзя лучше соответствует той роли, которую играли кочевники Доно-Волжского междуречья в караванной торговле форпостов античного мира на Боспоре (включая и Танаис в устье Дона) со странами Азии.

Неясна датировка погребений: № 2 в кургане № 1 и №№ 6 и 7 в кургане № 3 (рис. 6). С одной стороны, они имеют такие признаки позднего времени, как положение на спине (погребения №№ 6 и 7) с вытянутыми ногами и руками (погребение № 7) и ориентировку на З. Эти черты мы видели в только что отмеченном погребении № 6 в кургане № 2. С другой стороны, согнутость левой руки в локтевом суставе так, что кисть ее находится на костях таза, сближает эти погребения (погребение № 2 кургана № 1 и погребение № 6 кургана № 3) с погребениями, выделенными нами в группу поздних захоронений эпохи бронзы и имеющих также ориентировку на З (рис. 13, *1*, *3*).

Дальнейшее изучение памятников Маныча вместе с подобными же памятниками астраханских степей позволит еще отчетливее и ярче раскрыть особенности историко-культурного развития степей Доно-Волжского междуречья. Уже и теперь ясно, что эта область существенно отличалась от остальных районов степной полосы юга СССР, хотя и представляет ряд черт, сходных с соседними районами Дона и особенно Северного Кавказа. Важно, что здесь мы имеем катакомбную культуру, не прерванную в своем развитии вторжением срубной культуры из лесостепей и, может быть, наиболее древнюю и по времени возникновения, которое можно мыслить только в тесной увязке ее с Кавказом.

А. Н. БЕРНШТАМ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СЕМИРЕЧЬЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

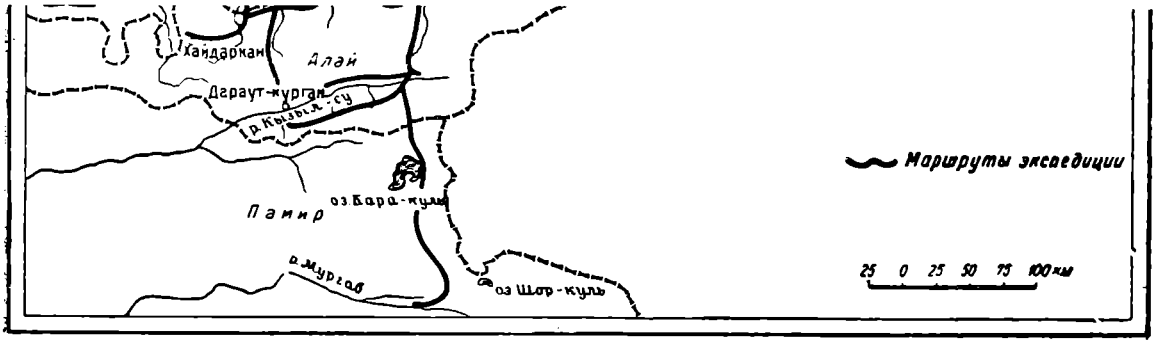
I. ОБЩИЕ ДАННЫЕ

Археологическое исследование Семиречья, начатое нами в 1933 г., продолжалось (с перерывами) до 1945 г. За этот период были проведены экспедиции, охватившие Алмаатинскую и Джамбуловскую области

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В статье А. Н. Бернштама „Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-шаня" должны быть взаимно переставлены подписи: а) рисунков 18 и 21 и б) рисунков 19 и 20. Кроме того, рисунок 21 (по неисправленной номерации) должен быть повернут на 180°.

Советская археология, XI.



А. Н. БЕРНШТАМ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СЕМИРЕЧЬЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

I. ОБЩИЕ ДАННЫЕ

Археологическое исследование Семиречья, начатое нами в 1933 г., продолжалось (с перерывами) до 1945 г. За этот период были проведены экспедиции, охватившие Алмаатинскую и Джамбуловскую области в Казахстане, Северную Киргизию и Тянь-шань. С 1941 г. начались выезды в Южную Киргизию для обследования Восточной Ферганы

и Алая, доведенные в 1946 г. до Восточного Памира (южная точка экспедиции 1946 г. — долина Мургаба). Предварительные отчеты и общие обзоры работ изданы в 1933—1946 гг.,[1] полные публикации подготовлены к изданию.

Как следует из карты маршрутов экспедиции, нам удалось охватить разведкой значительное пространство (в ряде случаев произвести раскопки). Общая протяженность маршрутов составила около 20 тыс. км. Было вскрыто свыше 100 курганов и тысячи кв. м площади городищ, что составляет примерно до 10 тыс. кубометров раскопанного грунта культурных слоев поселений. Хронологический диапазон памятников — от эпохи бронзы до XIX в., т. е. четыре тысячелетия. Коллекции экспедиции вошли в музейные фонды Ленинграда (Эрмитаж), Алма-ата (Центральный музей Казахстана), Джамбула (Музей Археологического пункта) и Фрунзе (Музей национальной культуры) (рис. 1 и 2).

Археологическое изучение велось совместно с исследованием письменных источников. В связи с нашими работами был поставлен на обсуждение ряд исторических проблем, а также вышли научные и научно-популярные работы, касающиеся истории обследованных территорий.[2]

Важным обстоятельством в этих работах явилось обследование разных географических зон в указанных районах. Экспедиция вклинивалась в пески (Муюн-кумы), широко обследовала предгорные районы Тарбагатая, Заилийского Алатау, Киргизского Ала-тоо, речные долины Или,

---

[1] Приведем перечень основных публикаций результатов экспедиционных работ по времени их проведения:

1933 г.: ПИДО, 6, 1934; Археологические материалы из Семиречья.

1936—1938 гг.: ВДИ, 4 (9), 1939 г.; ТОВЭ, II.

1939 г.: КСИИМК, IV, 1940; ВДИ, 2, 1940; Наука и жизнь, I, 1940; Кенкольский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. II, 1940.

1940 г. (и итоги за 1933—1940 гг.): Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941 (в дальнейшем: ПСТД); Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941 (в дальнейшем: АОСК).

1941 г.: Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943 (в дальнейшем ИКПСК); Уйгурская эпиграфика Семиречья, сб. «Эпиграфика Востока», I, М.—Л., 1947; там же, II, 1948.

1944 г.: Археологические контуры Тянь-шаня и Алая. Изв. Киргизского ФАН, вып. II—III, 1946.

1945 г.: Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-шаня. Сб. «Акад. К. И. Скрябину». Фрунзе, 1945; ср. также: Изв. Киргизского ФАН, вып. IV, 1947.

Общий итог (1943—1944 гг.) см. также в статье: Некоторые итоги археологических работ в Семиречье, КСИИМК, XIII, 1946.

1946 г.: Древняя Фергана (ВДИ); Араванские наскальные изображения и древняя столица Ферганы Эрши (СЭ, 4, 1948); Древняя Фергана, КСИИМК, XXI.

Все работы, как правило, получали освещение в наших статьях в местной периодической печати, в газетах: «Казахстанская правда» (Алма-ата), «Советская Киргизия» (Фрунзе), «Ленинский путь» (г. Ош) и др.

[2] Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. КСИИМК, V; Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI; Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942; Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942 (последние две переведены на киргизский язык, Фрунзе, 1943; см. также в журн. «Советтик Кыргызстан», №№ 7, 8, 1942); Великое наследие киргизского народа. Изв. Киргизск. ФАН, т. I, 1945; Из истории международных и военных отношений киргизского народа (там же); Заметки по искусству киргизского народа. Тр. ИЯЛИ Киргизск. ФАН, т. I (на киргизском языке — в «Советтик Кыргызстан», № 3, 1943). Помимо того, материал экспедиций использован при написании глав тома I «Истории СССР» (Л., 1940), в наших предисловиях к переизданиям работ В. В. Бартольда «Киргизы» и «Очерк истории Семиречья» (Фрунзе, 1942 и 1943), особенно в предисловии ко второй работе (под заглавием «В. В. Бартольд как историк Киргизстана»), а также в двух брошюрах: «Мазар Манаса» и «Башня Бурана» (Фрунзе, 1946), «Прошлое района Алма-ата», Алма-ата, 1948 (издание Академии Наук Каз. ССР). Статьи в периодической прессе здесь опущены.

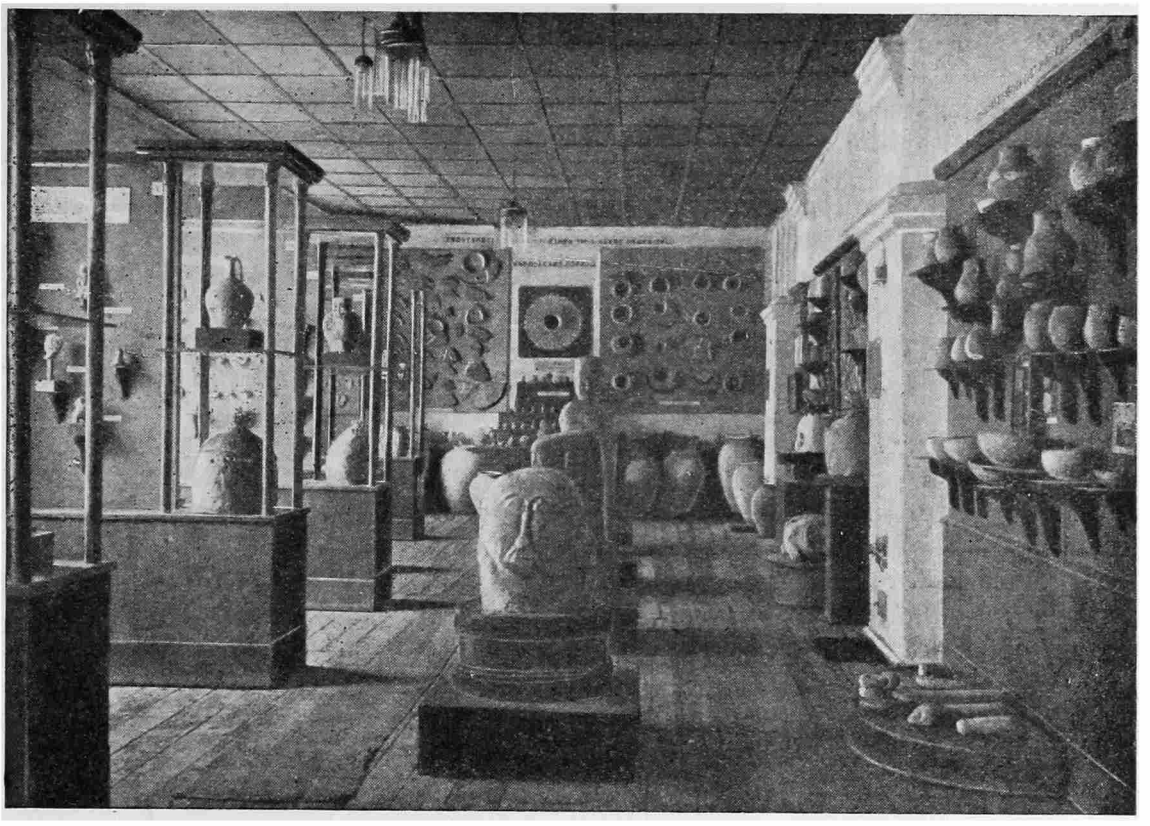


Рис. 1. Экспозиция коллекций экспедиций в Музее национальной культуры киргизского народа (Фрунзе).

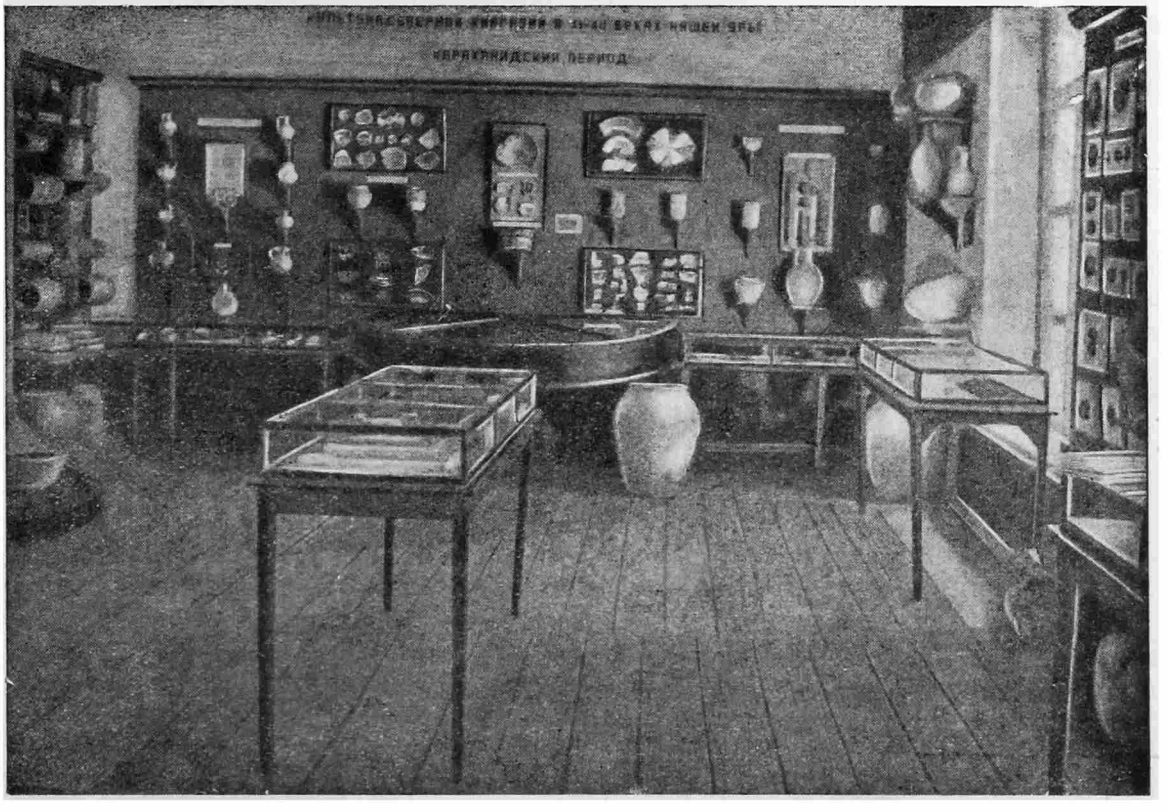


Рис. 2. Экспозиция коллекций экспедиций в Музее национальной культуры киргизского народа (Фрунзе).

Чу, Кемина, Таласа, Нарына, Атбаши, Алабуги, горные долины и сырты типа Аксай, Арпа, Алай, Чон-алай, многие горные ущелья и перевалы, котловину озера Иссык-куль (см. карту). Тем самым удавалось наблюдать изменения культурных комплексов в разных географических ландшафтах, а «археологические путешествия», вскрывающие размещение комплексов, их локальные отличия и историческую топографию, дали множество наблюдений исторического порядка.

Все это вместе взятое позволяет сейчас в общих чертах дать ответ на следующие три вопроса:

1) классификация археологических комплексов (см. таблицу);[1]

2) историко-культурная характеристика этапов развития Семиречья и Тянь-шаня;

3) проблемы этногенеза.

Естественно, что все эти вопросы в какой-то степени отражены в указанных выше работах, кроме того им посвящались и специальные исследования и сводки.

В настоящей статье мы попытаемся дать характеристику этих историко-культурных проблем и, предвосхищая публикацию полных отчетов, — основные историко-археологические выводы. Мы, конечно, лишены возможности в журнальной статье останавливаться на частных вопросах и деталях (историко-технических, естественно-исторических и т. п.).

При изложении основных этапов развития культуры мы опираемся также на известный нам музейный материал и литературу. Следует указать, что музейные собрания далеко не достаточно освещены, а в литературе, в общем весьма скудной, археологический материал привлекается за редкими исключениями без датировок.

Ввиду того, что отдельным культурам и районам, а также наиболее значительным находкам мы посвящали специальные работы, отмеченные в сносках, в настоящей работе мы остановимся только на сюжетах, не получивших достаточного освещения в предшествующих публикациях. Этим обстоятельством объясняется неравномерность разделов статьи, посвященных различным этапам культурной жизни Семиречья. Основу статьи составляет характеристика археологических комплексов и объектов, имеющих массовый, а не уникальный характер.

В изложении собственно исторических выводов мы свели к минимуму научный аппарат, поскольку этих проблем мы касались в ряде других работ, в значительной части опубликованных, к которым мы и отсылаем читателя. Здесь нам важно лишь рассмотреть эти исторические выводы совместно с обзором археологического материала, сводка которого дана в публикуемой классификационной таблице.[2]

II. ЭПОХА БРОНЗЫ И ПРОБЛЕМА ЮЖНОСИБИРСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Для эпохи бронзы в Семиречье и на Тянь-шане ясно выступают две стадии, синхронные андроновской и карасукской южносибирским стадиям. Как мы уже отмечали, они имеют свои локальные отличия, что позволило нам выделить северокиргизский вариант бронзы.[3]

---

[1] Таблица по нашим макетам и указаниям исполнена С. С. Сорокиным, которому я за эту кропотливую и тщательную работу приношу благодарность.

[2] Таблицы аналогичного типа, опубликованные в ИКПСК, отражают только коллекции Чуйской долины, собранные в 1941 г.

[3] ИКПСК, стр. 9; КСИИМК, XIII, стр. 111.

Андроновского типа могильник был нами раскопан в 1944—1945 гг. на Тянь-шане в долине р. Арпа (урочище Бурмачап).[1] Всего

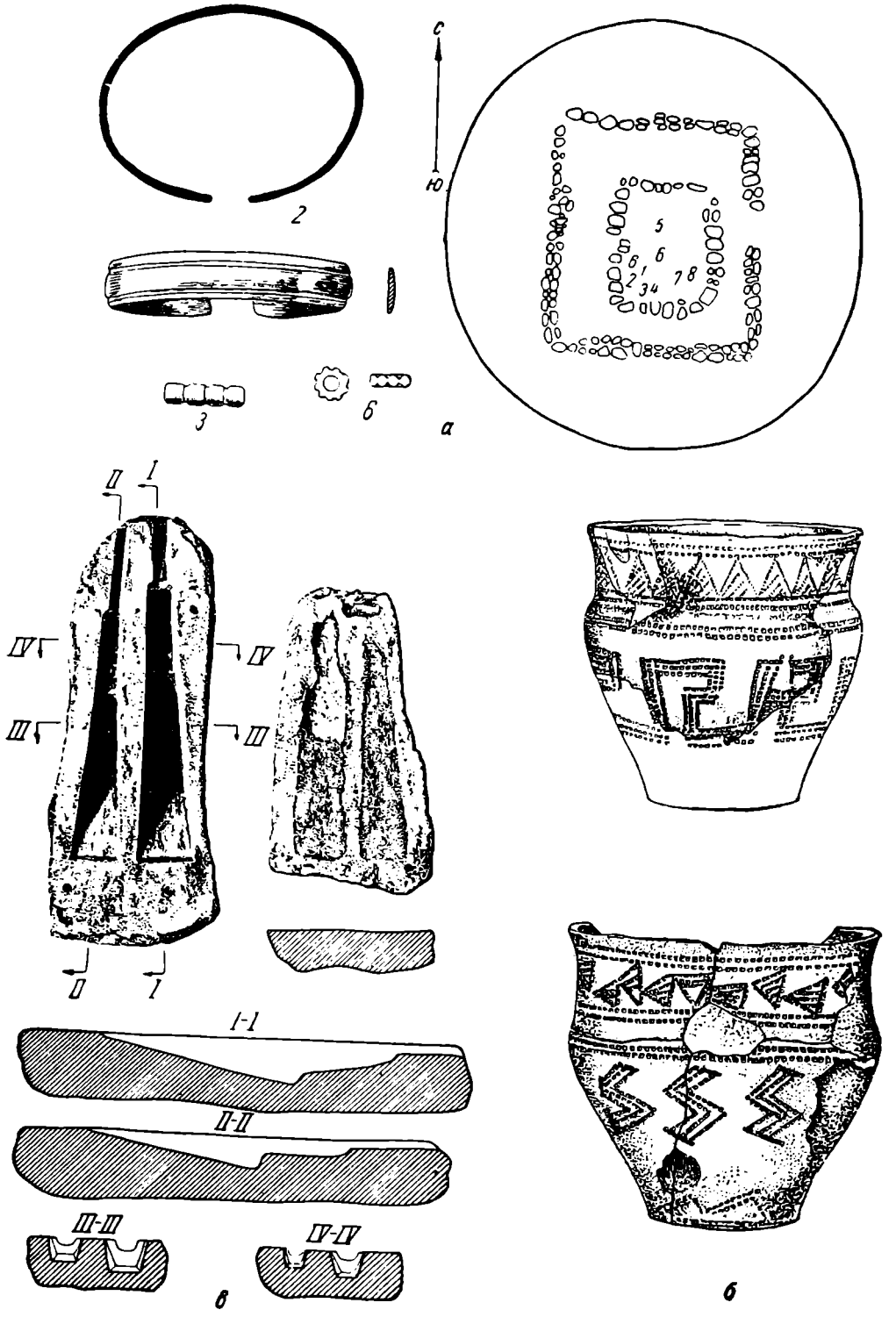


Рис. 3. Киргизия. Находки эпохи бронзы.

а — Тянь-шань, Арпа, Бурмачап I (диаметр — 9 м, высота — 0.25 м); расположение предметов в раскопе: *1* — сосуд, *2* — браслет, *3* — бусы пастовые, *4* — браслет, *5* — сосуд, *6* — бусы бронзовые, *7* — кальцинированные кости, *8* — зольное пятно; *б* — Тянь-шань, Арпа. Глиняные сосуды; *в* — Чуйская долина. Форма для отливки пальставов.

было вскрыто восемь насыпей. Могилы двух типов: 1) квадратные (рис. 3*а*) выкладки 4 × 4 м, разделенные перегородкой на две неравные части,

[1] Изв. Киргизск. ФАН, вып. II—III, стр. 62.

западную и восточную, такие же прямоугольные выкладки, но с каменной насыпью, круглой в плане; 2) прямоугольные концентрические выкладки.

В обоих случаях мы обнаружили трупосожжение. Кальцинированные кости лежали обычно в западной половине площадки, инвентарь — в восточной части или непосредственно у внутренней стенки, иногда около пережженных костей. Все захоронение располагалось на дневной поверхности почвы. Насыпь, следовательно, слабо предохраняла инвентарь от порчи, и он находится в весьма разрушенном состоянии.

Керамика представлена сосудами с плоским дном, конической нижней частью и расширяющимся кверху устьем, обычного андроновского типа. Орнаментированы сосуды накольчатым орнаментом в виде треугольников с зачерченной плоскостью, поясками, меандровыми линиями и зигзагами. Венчик на сосуде отсутствует. Были найдены также медные (бронзовые) бусы в виде «шестеренки», пастовые пронизки, незамкнутые плоские бронзовые браслеты.

К андроновскому этапу относятся найденные в этих же могилах приближающиеся к шарообразным неорнаментированные сосуды с темнокоричневым, порой почти черным лощением. Если в отмеченных выше сосудах излом двуцветный — серо-красный, то в шарообразных тесто черное, слоистое. Эти последние сосуды хуже сохранились.

К андроновскому же этапу мы относим сосуды из древних поселений Чуйской долины в районе сел. Каинда, расположенных по карасукам, в сазовых районах (местах выклинивания подземных вод). Керамика серая, форма сосудов напоминает типично андроновскую, устье сосуда без венчика, орнамент тех же сюжетов исполнен деревянным резцом, камышинкой, простым штампом гребенчатого типа. Сосудам сопутствуют: грубые вислообушные топоры, иногда украшенные на обухе елочным орнаментом, массивные серпы, «аморфные» ножи, пальставы, тоже грубой выделки, рыболовные крючки (Ивановское, Новопавловское, Сукулук, Джаильмы, Каинда).[1]

Ясно выделяется более поздний, карасукский этап. Он представлен шарообразного типа керамикой, с ясно выраженным венчиком (поселения в районе Каинда). Имеются сосуды с черным матовым лощением; сосуд покрыт орнаментом — зачерченные ромбы, елочный орнамент. Характерно нанесение орнамента отдельными отрезками. С сосудами найдены ножи карасукского облика, с ясно расчлененным лезвием и рукояткой с навершием в виде кружка, иногда с просверленным отверстием (подобие коленчатых ножей), тщательной отделки вислообушные топоры, листовидные наконечники копий с черенком и «стрелкой», проходящей по оси «листа», прямоугольные лопаткообразные «кельты» (?) с втулкой небольшого диаметра (с тамгой с одной стороны и отверстием для крепления с другой стороны втулки), круглые зеркала с длинной ручкой, квадратные (в сечении) долота, многочисленные шилья (гладкие, круглые или граненые, гвоздеобразные, с ажурной головкой), серпы с черенком и «незамкнутой» втулкой.[2] Следует отметить принадлежность к этому времени каменных шлифованных орудий: зернотерок, пестов.

Бронзовые вещи карасукского облика встречаются в могильном инвентаре и в кладах. Погребения этого времени явно двух типов. В горных долинах сохраняются каменные подквадратные выкладки, часто перекрытые каменной же насыпью; в Чуйской долине встречены курганы

---

[1] АОСК, табл. I; ИКПСК, табл. I; Архив ИИМК, дело № 40, 1884 г. (Алексеевский клад — Илийская долина).

[2] Архив ИИМК, дело № 40, 1884 г. (Узунагачские курганы).

этого времени с полусферической земляной насыпью и относительно небольшим количеством камней. В курганах последнего типа встречены шилья с ажурной головкой. С нашей точки зрения, эти курганы представляют переход от карасукского типа культуры к ранним (или предскифским) курганам VIII—VII вв. до н. э. Такими переходными типами являются каргалинские курганы (Каргалы I). Эти курганы имеют полусферические земляные с камнями насыпи. Могильная яма — в виде каменного ящика. В инвентаре — круглодонные сосуды, бронзовые миниатюрные ножички листовидной формы с уступчиком, гладкие шилья. В Каргалы I наблюдается сложение типических черт сако-усунской керамики. С ней непосредственно связаны раннесакские погребения Таласа, Айри-там и Чим-тюэ.[1]

Клады встречаются сравнительно часто. Наиболее крупные: в Илийской долине — клад у с. Алексеевского (музей в Алма-ата), в Чуйской долине — Сукулукский (музей в Фрунзе), на Иссык-куле — Тюпский (Москва, ГИМ). По времени клады, очевидно, I тысячелетия до н. э., но содержат вещи и II тысячелетия до н. э.

Подавляющее количество находок эпохи бронзы Семиречья случайного происхождения; небольшая часть из плохо документированных раскопок (при строительных работах Большого Чуйского канала), отдельные предметы из наших раскопок. Сопоставляя случайные находки с инвентарем из наших раскопок захоронений и опираясь на сравнительный материал, можно выявить некоторые особенности северокиргизского варианта культуры эпохи бронзы:

1) При общем сходстве инвентаря — орудий и оружия — с южносибирскими комплексами, явно выступают западные влияния, для которых крайней восточной границей является Семиречье, например, вислообушный топор.[2] Кстати отметим, что наиболее типичные и массивные формы вислообушного топора находятся в центральном Семиречье, по мере же продвижения на юго-запад формы его мельчают (бронзовые орудия из Ташкентского оазиса).

2) Семиречье знает типы орудий, неведомые западным и восточным очагам бронзовой культуры, — прямоугольные лопаткообразные кельты. Крайняя восточная находка их нам известна из долины Иртыша.

3) В технике изготовления бронзовых орудий много архаики. Почти во всех орудиях наблюдаются следы проковки.

4) В керамике андроновского и карасукского типа Чуйской долины много общего и по форме и по орнаменту. Резко отличны от местных форм (и ближе всего к степным вариантам Казахстана) арпинские сосуды из могил на Тянь-шане.

5) В керамике карасукского этапа закладываются основы сако-усунской керамики, окончательно оформленной в переходных памятниках типа Каргалы I.

6) Среди памятников эпохи бронзы наблюдаются локальные различия. Для центрального Тянь-шаня характерны погребения с трупосожжением на дневной поверхности в оградках и с трупоположеним в курганах (горные долины Большого Кемина, Таласа и Алай). Для больших речных долин Чу и Или характерны трупоположения в грун-

---

[1] H. Heikel. Alterthümer aus der Tale des Talas in Turkestan. Хельсинки, 1918.

[2] Известен, впрочем, и в Западном Алтае. См.: М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казахи», вып. 15, стр. 158. О связях с западом см.: А. В. Збруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, 3, 1946.

товых ямах или каменных ящиках под каменными насыпями в прямоугольных оградках или в курганах с каменно-земляными насыпями. Часть этих отличий явно связана с хронологическими вариантами, часть, несомненно, с локальными.[1]

Все это позволяет говорить об определенном типе культуры эпохи бронзы в Семиречье и на Тянь-шане, сложившемся в условиях скрещения предгорно-степного и горно-пастушеского вариантов скотоводства, в интенсивной его форме (серпы — сенокошение), и дополненного в условиях Тянь-шаня охотой, а в предгорно-степных областях, по берегам рек, рыболовством.

Эти хозяйственные особенности и культурные скрещения, идущие с Запада и Востока, определяют отмеченные выше локальные и хронологические различия, отражающие в конечном счете и две, видимо, этнические группы II—I тысячелетия до н. э.

При всей немногочисленности материала имеются данные (в частности, находки керамики карасукского типа в Лоу-лани), позволяющие намечать и третий путь культурных взаимоотношений — с Югом. Быть может, прямоугольный тип кельтов ведет свое происхождение с Юга, поскольку наиболее близкие аналогии известны нам в Китае (Юннань). Продвижение степной андроновской культуры в горные сырты Тянь-шаня (Арпа) показывает большое ее значение в формировании этнических групп не только Тянь-шаня, но, по некоторым ретроспективным данным, и предгорных районов Припамирья (Алай) и системы Гиндукуша (западные предгорные окраины Синьцзяна).[2] Во всем этом ареале распространения отмеченных культур эпохи бронзы в I тысячелетии до н. э. складывается стойкая культура ранних кочевников — саков и усуней, генезис которой восходит к южносибирской и семиреченской культурным областям.

III. САКО-УСУНСКАЯ КУЛЬТУРА

Многочисленные раскопки курганов I тысячелетия до н. э. (главным образом, второй его половины) и обильное поступление случайных находок позволили выделить сакский и усунский круг памятников и, в то же время, выявить в них столь много общего, что явилась возможность объединить их в понятие «сако-усунская культура», рассматривая сакскую и усунскую группы памятников как две стадии единого культурно-исторического процесса.

Внешний вид погребений этого времени почти одинаков — это курганы с каменной насыпью, в которой выявляются концентрические круги (кромлехи), эллипсовидный в центре насыпи, по краям могильной ямы, и правильный вокруг могильной насыпи. Более ярко кромлех выступает в ранних могилах (сакских) и утрачивает свою четкость в поздних (усунских). Кромлех выкладывается галькой, камнями плашмя или граненными плитами на ребро. Кромлехи в ранних, а особенно в больших курганах иногда приобретают фигуры лабиринтов из серии кругов, обводящих контуры сплошной каменной насыпи.

Расположение курганов в могильнике в основном меридиональное, в цепочку. Центральную цепочку составляют большие курганы, в Чуйлийском междуречье достигающие до 10 м высоты, рядом с которыми идут цепочки средних и малых курганов. Возле больших и средних кур-

[1] О типических чертах Семиреченской бронзы в целом см.: М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казахи», вып. 15.

[2] На этом мы останавливаемся в статье: Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, 2, 1947.

ганов наблюдаются порой и группы мелких курганов с захоронениями без вещей.

К сакской эпохе VI—III вв. до н. э. относятся раскопанные нами курганы в Илийской долине (Кара-чоко I), в Таласской (Берк-кара I), на Тянь-шане — долина Нарына (Аламышик) и в Чуйской долине, в которой большинство памятников этого времени вскрыто при строительстве Большого Чуйского канала. Датировка этих комплексов может быть основана на стрелках скифского типа. Нами обнаружены древнейшие типы стрел случайного происхождения из Чуйской долины VII—VI вв. до н. э.

Явно к V—IV вв. до н. э. относится Кара-чоко I, характерное листовидными бронзовыми втульчатыми стрелками. Находки таких же стрелок известны в Чуйской долине, совместно с листовидными наконечниками копий (Джиек). Керамика круглодонная, лепная из полос; по форме напоминает широко известную усунскую керамику. В основном представлены открытые формы сосудов, редко грушевидные с слегка отогнутой закраиной, сосуды «чайникообразного» типа и в виде кубков с ручкой. Сосуды лепились без шаблона, они асимметричны, поверхность сосудов иногда покрыта красной краской или вертикальными красными полосами по более светлому, порой желтоватому фону. В этих комплексах, быть может, несколько более поздних (IV—III вв. до н. э.), в Берккара I, была найдена бронзовая пряжка с изображением головы льва, глотающего птицу (гуся?), выполненным в типично скифском стиле.[1] К V—III вв. до н. э. относятся многочисленные находки скифских котлов на конических поддонах или трех ножках и часто находимые вместе с ними четырехугольные в плане жертвенные столы и светильники в виде жаровен (круглых или квадратных) на ажурных подставках. Как правило, жертвенные столы и светильники украшены скульптурными изображениями зверей: фантастическими крылатыми зверями (Алмаатинский алтарь), яком-кутасом (Иссык-куль), горными козлами и хищниками (Иссык-куль). Изображения зверей различны: процессия животных, одиночные животные, сцены борьбы парных животных. Особо могут быть отмечены изображения зверей на бронзовой пряжке с Иссык-куля из Тюпа (гон антилоп и хишников),[2] изображение яка-кутаса на золотой бляшке из Нарына (рис. 4—5).

Учитывая обстановку находки котлов, жертвенников и светильников, чаще всего в комплексах (Алма-ата, Иссык-куль), можно говорить о культовом характере этих предметов.

Так, например, в Алма-ата на Каменском плато (около дома отдыха Турксиба) в 1923 г. было найдено в одном месте 8 котлов. Непосредственно в городе (на углу Гоголевской и Дунганской ул.) на глубине 1.9 м был найден котел, вокруг которого были обнаружены в большом количестве кости барана, козла (?), лошади и верблюда (?). Характерно, что котлы всегда связаны с культовыми очагами — жертвенными местами. Иссыккульский комплекс был найден в ущелье, явно культовом месте.[3]

Один скифский котел был найден нами в ущелье Чиимташ (Таласская долина); он находился в непосредственной связи с наскальными изображениями — главным образом козлов, выбитых точечной техникой. Относящиеся к этому времени изображения горных козлов, выполненные в данной технике, с характерной трактовкой сильно загнутых назад

[1] О ней специально в нашей заметке «Берккаринская пряжка» (КСИИМК, XVII).

[2] Архив ИИМК, дело № 40, 1884 г.; ср.: дело № 5, 1887 г.

[3] Б. Зимма. Иссыккульские жертвенники. Фрунзе, 1940. Ср.: АОСК, табл. 2—3; ИКПСК, табл. III, рис. 20—21 (бляшка и печать с изображением яка).

и переходящих порой в волюты рогов, весьма многочисленны. Изображения козлов встречались или в сценах охоты, или в сочетании с изображениями исполняющих культовый (шаманский?) танец людей, или сопровождаемые солярными знаками.

Широкое распространение этого типа наскальных изображений скифского стиля и сюжета, изображения яка-кутаса и козлов в Фергане (прежде всего Восточной) свидетельствуют о принадлежности этих районов к коренным районам обитания древних саков — Семиречью.

Единичные находки краниологического материала этого времени (Аламышик, Тянь-шань) дали европеоидный, памиро-ферганский тип.

Усунская культура (конец III, а главным образом II в. до н. э. — I в. н. э.) представлена курганами почти того же типа, но с утраченной

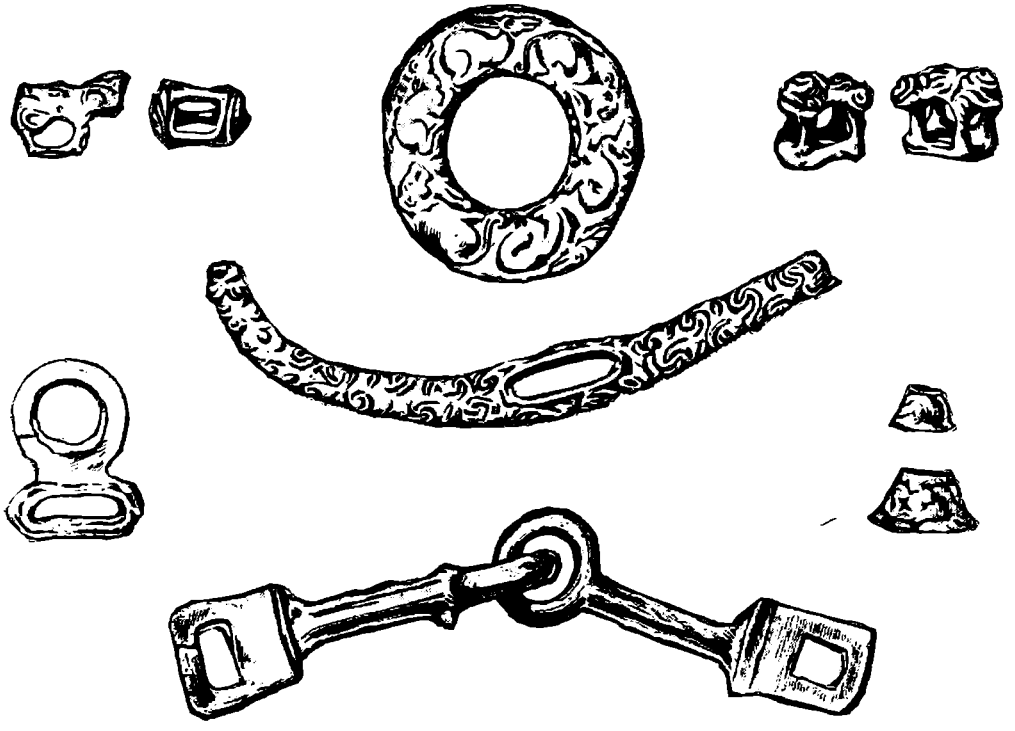


Рис. 4. Оз. Иссык-куль. Клад вещей сакского времени (бронза).

четкостью выкладки кромлеха: курганы уже, как правило, вытянуты в строго выдержанные цепочки, с большими курганами (высота до 5 м) в центре. Наличие в этих родовых кладбищах резкой дифференциации насыпей не может не служить и для характеристики этапа образования классов, а сопутствие больших курганов малыми, с погребениями без инвентаря (в одном случае были обнаружены следы насильственного сбрасывания в могилу: руки и ноги погребенного, повидимому, были связаны), говорит о возникновении института рабства.

Сосуды по форме продолжают сакские типы, но улучшается техника (лепка на матерчатом шаблоне). Появляются сосуды симметричных форм. Бронзовые стрелки исчезают, появляются железные, подражающие скифским образцам, трехгранные костяные с черенком и железные ромбические в сечении, тоже с черенком.

Важным элементом погребального инвентаря, особенно в богатых могилах, являются вещи китайского происхождения (ткань, лак, нефрит).

Вопрос о выделении группы памятников, которые могли бы быть названы сакскими, еще специально не стоял в археологической литера-

туре.[1] Обусловлено это было, прежде всего, сравнительной немногочисленностью памятников VII—IV вв. до н. э., найденных на территории Семиречья. Те предметы, которые были известны, относились к числу случайных поступлений. Изучение памятников в музеях, прежде всего в Центральном музее Казахстана (Алма-ата) и в Музее национальной

Рис. 5. Оз. Иссык-куль. Светильники эпохи саков (*б*, *в*) и украшение жертвенника (*а*)

культуры в Фрунзе, а также произведенные за последнее время Г. В. Григорьевым работы по исследованию «сакских» городищ и могильников на правобережье Сыр-дарьи и наши исследования могильников ранних кочевников Семиречья позволили подойти к постановке этой проблемы.

[1] Отдельные высказывания см.: История СССР, ч. I—II. Более развернутые положения были выдвинуты Г. В. Григорьевым в его работе: Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе в 1934 г. Ташкент, 1935. Точка зрения Г. В. Григорьева не была принята. См. возражения А. И. Тереножкина (ВДИ, 3 (4), 1938; Изв. УзФАН, 8, 1940) и С. П. Толстова (в работе: К вопросу о датировке культуры Каунчи. ВДИ, № 1, 1946); см. также АОСК, стр. 30.

Вопрос о саках вызвал в свое время огромную литературу [1] и не перестает интересовать историков и поныне, особенно в связи с открытием и изучением сакского языка и письма (имеем в виду восточнотуркестанских и индийских саков),[2] открытием новых надписей ахеменидов [3] и, наконец, в связи с изучением истории народов СССР. Местонахождение саков теперь вряд ли вызывает особенные разногласия.[4] От Семиречья, ограниченного на севере параллелью южного берега Балхаша, до северной части Восточного Туркестана, от западных отрогов Алтая до Памира включительно, располагались древние сакские племена.[5] Совершенно несомненно, что сакские племена были весьма разнообразны по своему этническому составу.[6] Различалась, видимо, и экономика отдельных сакских племен. Так, например, выступающая по раскопкам Г. В. Григорьева экономика сырдарьинских саков [7] отличалась соединением пастушеских форм скотоводства с земледелием и охотой; следовательно, ее характерной чертой являлась оседлость. Эта группа саков втягивалась в оседлую жизнь Согдианы, о чем свидетельствует Арриан, сообщающий, что во время походов Александра саки, жители городов по левому берегу Яксарта, подняли восстание.[8] Возможно, что эти факты позволили Диодору приписать сакской царевне Зарине образование городов, всего вероятнее временных ставок — hormetria.[9] Преобладающая группа саков оставалась кочевой и жила восточнее Сыр-дарьи.[10] В связи с предлагаемым делением среднеазиатских восточных саков на две группы мы склонны выделить саков сырдарьинских и семиреченских. Первых, видимо, отличал и Птолемей, называя жителей Яксарта — яксартами.[11] Пользуясь термином Птолемея, мы называем саков, живших по Яксарту и знакомых нам по раскопкам Г. В. Григорьева, яксартскими саками. Отличными от них были семиреченские саки, которых, поскольку их памятники концентрируются по Тянь-шаню и его отрогам, лучше называть тянь-

---

[1] Лучшей сводкой для своего времени была работа В. В. Григорьева: О скифском народе саках. СПб., 1871. Из последних сводок по этому вопросу можно отметить труд: Julius J u n g e. Saka-Studien. Klio, 1939; однако он имеет несколько иную ориентацию (ср. рецензию в ВДИ, I, 1941).

[2] Об этих документах и отношении их к сако-усунской проблеме см. в наших статьях: К вопросу об усунь-кушан и тохарах. СЭ, 3, 1947; Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, 2, 1947; а также нашу рецензию: Новые работы о тохарской проблеме. ВДИ, 2, 1947. Ср.: А. А. Ф р е й м а н. Задачи иранской филологии. ИАН, ОЛЯ, т. V, вып. 5.

[3] Интересные работы по этим вопросам принадлежат прежде всего акад. В. В. Струве: Поход Дария I на саков-массагетов (ИАН, ОИФ, т. III, 1946.)

[4] Разногласия, однако, полностью не преодолены. Особенно сложен вопрос о локализации саков-парадарайя. Об этом см. в указанной выше статье акад. В. В. Струве.

[5] Об этом см. в нашей статье: Древняя Фергана.

[6] Мы полагаем, что сильное тюркское ядро было среди амюргийских саков, возможно и среди саков-тиграхауда. На этом мы специально останавливались в докладе «Тюрко-иранские этнокультурные связи» (доклад 10 III 1947 на Иранской сессии Востфака ЛГУ).

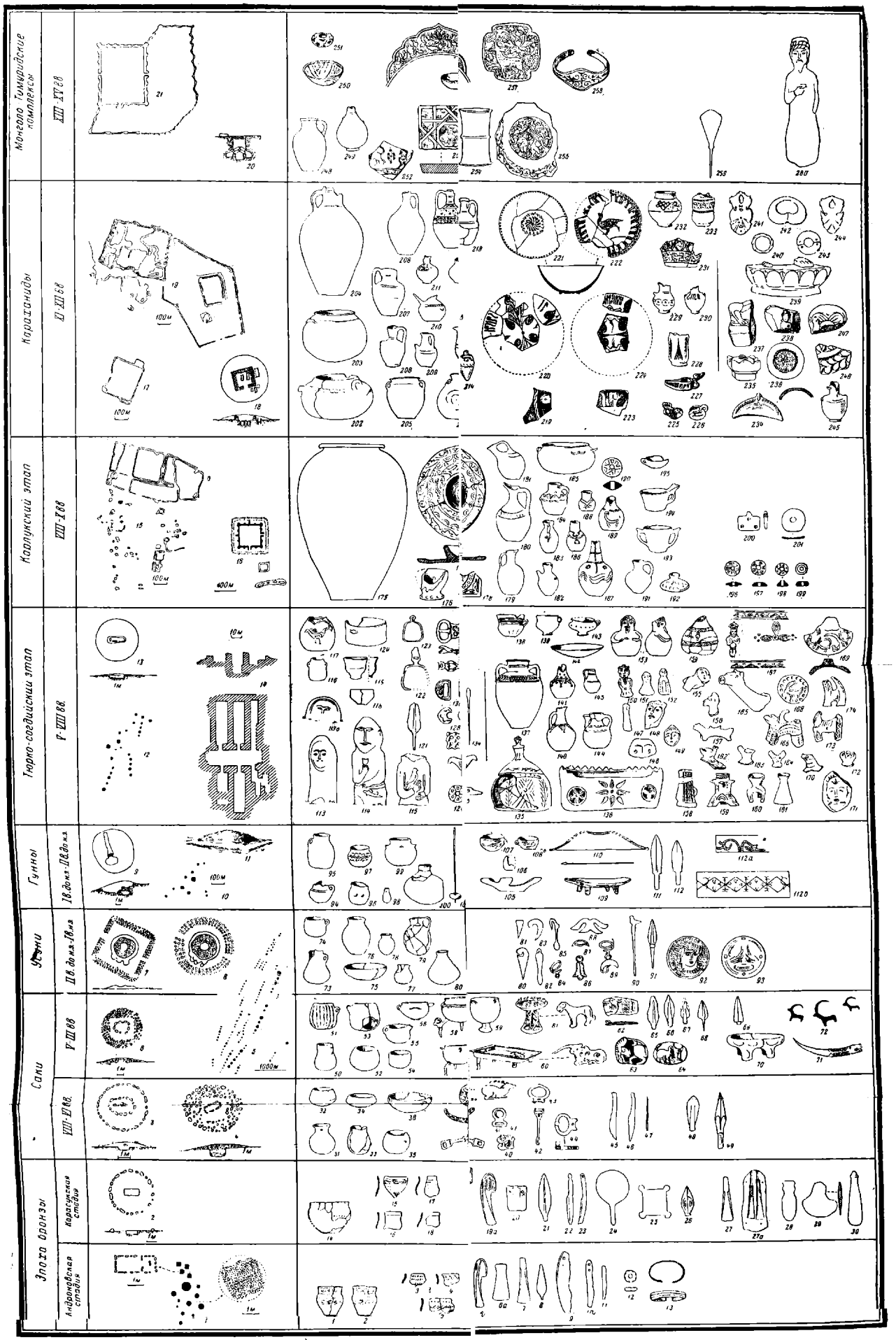
[7] Мы применяем термин *сак* к памятникам, открытым Г. В. Григорьевым, весьма условно, т. е. считаем, что это были поздние саки, синхронные усуням; антропологический тип их, по определению В. В. Гинзбурга, памиро-ферганский, более поздний имеет монголоидную примесь (СЭ, 4, 1946). Ср. нашу рецензию: ИАН, ОИФ, 2, 1947.

[8] Арриан, IV, 3 (пер. Коренькова).

[9] Диодор, II, 33—34.

[10] Что явствует из единогласных заявлений античных авторов, оригинальных и компиляторов, от Геродота до Страбона.

[11] См.: A. B e r t h e l o t. L'Asie Centrale et Sud-orientale d'après Ptolomée. Париж, 1930. К яксартским сакам следует относить и фергано-алайских. Вместе с тяньшанскими саками они образовали группу саков-амюргиев Гелланика — Геродота или хаумаварга ахеменидских надписей.



Опыт классификации культур[illegible]речья и Тянь-шаня.

Типы памятников: *1* — Арпа, Тянь-шань; *2* — Чон-кемин, северная Киргизия; *3* — Кара-чоко, [illegible]ли, Казахстан; *4* — Каргалы, Алмаатинская обл., Казахстан; *5* — Берккара, Джамбуловская обл., Казахстан; *6* — Берккара I; *7—8* — Берккара II; *9—10* — Кенкол, Талас, Кир[illegible]ан; *11* — Арпа, Тянь-шань; *12—13* — Джуван-тепе, р. Или, Алмаатинская обл., Казахстан; *14—15* — Сарыг, Чуйская долина, Киргизстан; *16* — Ширдакбек, р. Ала-бука, Тянь-шань; [illegible] Талгар, Алмаатинская обл., Казахстан; *18* — Верхний Талас, Киргизстан; *19* — Баласагун, Чуйская долина; *20* — Несторианская моги[illegible] Чуйская долина; *21* — Атбаш, Тянь-шань.

Археологические находки: *1—2*, *12—13* — Арпа, Тянь-шань; *3—9*, *11* — Каинда; Чуйская до[illegible] *10* — Талды-курган, Казахстан; *14—18*, *19а—22*, *24—25*, *27—30* — Чуйская долина; *19* — Узун-агач, Алмаатинская обл.; *23* — Атбаш, Тянь-шань; *26* — Иссык-куль, Киргизстан; [illegible] Каргалы, Алмаатинская обл.; *32—36* — Чуйская долина; *37—41* — Тюп, Иссык-Куль; *42—44* — Нарын, Тянь-шань; *45—48* — Чуйская долина; *49* — Кара-чоко, р. Или; *50—52* — Чуйская [illegible]ина; *53—55* — Берккара; *56—59* — Семиречье; *60—61* — Кырчин, Иссык-куль; *52* — Берккара, Джамбуловская обл.; *63* — Нарын, Тянь-шань; *64* — Багашин, Сох, южная Киргизия; *65* — Чуйская долина; *72* — Араван, южная Киргизия; *73—79*, *80—81*, *90—93* — Чуйская долина; *82—89* — Берккара; *94—1126* — Кенкол, Талас, Киргизстан; *113—170*, *172—174* — Чу[illegible]я долина (в основном Сукулукское городище); *171* — Тараз, Талас, Казахстан; *175* — Сарыг, Чуйская долина; *176—233* — Чуйская долина (в основном Сукулукское городище); [illegible] *240—244* — Александровское городище и некрополь, Чуйская долина; *235—239*, *246*, *247* — Баласагун, Чуйская долина; *245* — Чуйская долина; *248—249*, *252—254*, *259—260*- [illegible]йская долина; *250—251* — Талас, Киргизстан; *255* — Талгар, Алмаатинская обл.; *256—258* — Се[illegible]чье.

шанскими саками или собственно амюргийскими. Мы сознательно выделяем тяньшанских саков, ибо только с этой группой связано впоследствии формирование тюркских племен,[1] в то время как с южной ветвью (припамирской) связан этногенез иранских племен.[2] Совершенно очевидна этническая обособленность и североиндийских саков.[3] Оставляя в стороне всем хорошо известные описания саков у Геродота и других античных авторов,[4] а также изображения саков на Персепольских барельефах,[5] мы попытаемся сейчас установить ту группу памятников, которая может быть связана с саками тяньшанскими.

Памятники эпохи поздней бронзы из Семиречья, к которой восходит сакская культура (равно как к поздней бронзе вообще восходит скифская культура), были выше кратко описаны. Среди отмеченных выше находок прежде всего хотелось бы напомнить серпы из Узунагачского района, недалеко от города Алма-ата (см. таблицу). Серпы эти происходят из курганов, расположенных между реками Узун-агач и Каргалы, часть которых была исследована нами в 1940 г. Серпы литые из бронзы, со сравнительно малой примесью олова (99.5% — медь, 0.5% — олово). Они представляют собой широкую, круто изогнутую пластину, имеющую у основания черенок и загибы, с незамкнутыми концами, которыми охватывалась рукоять серпа. Наличие серпов говорит если не о земледелии, то, во всяком случае, об интенсивных формах скотоводства (заготовка сена). Ближайшим к Семиречью погребением эпохи поздней бронзы является погребение карасукского типа на р. Нура.[6] В погребениях карасукского типа, не говоря уже о более древних андроновских, характерной чертой является каменный ящик. В раскопанных нами курганах на р. Каргалинке на глубине 3.5 м от верха кургана были обнаружены каменные гробовища. Стенки погребального сооружения по длинной оси состоят из трех-четырех плит, в торцовых — из одной. Погребение перекрывалось поперечными плитами, а затем засыпалось землей с камнями. Особо крупные камни были внизу, более мелкие — вверху и в насыпи кургана. Около костяка, ориентированного головой на СВ, ногами на ЮЗ, были найдены: глиняный сосуд, бронзовый нож и шило. В другом погребении почти не было инвентаря, если не считать одного камня с явными следами употребления в качестве зернотерки. Стенки гробовища были обложены плитами и валунами. Отмеченные нами курганы каргалинской группы являются наиболее старыми и выделяются нами названием Каргалы I.[7]

Погребение Каргалы I по характеру инвентаря, как мы уже отметили выше, напоминает собой погребения по верхнему Таласу, раскопанные

---

[1] Как это явствует из последующего текста, где мы устанавливаем преемственность: саки-амюргии→усуни→западные тюрки. См. об этом также в нашей статье: Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. СЭ, VI—VII, 1947.

[2] Так наз. тохарская группа. См. у нас: К вопросу об усунь || кушан и тохары. СЭ, III, 1947.

[3] Несомненно появление их в Индии раньше даты китайской версии. Все ахеменидские надписи, как правило, в перечне стран локализуют саков рядом с Индией. Саки, перешедшие «Висячий переход» после выдвижения усуней в III—II вв. до н. э., лишь пополнили сакские племена северной Индии и Афганистана.

[4] Критика сведений античных авторов позволяет утверждать, что в отношении восточных саков более или менее достоверны: Геродот, Страбон, Птолемей; Квинта Курция мы предпочитаем Арриану.

[5] J. Junge вводит дополнительный иконографический материал по сакам. В некоторых статуэтках Согда Григорьев также хотел видеть изображение сака. Возможное сходство сака с древним согдийцем вполне закономерно, ибо, как следует из учения Н. Я. Марра, *sak* и *sogd* генетически явления одного и того же порядка.

[6] Работы ГАИМК на новостройках, вып. II.

[7] Каргалы II относятся к III—I вв. до н. э.

Гейкелем в 1898 г., а именно курганы Айри-там и Чим-тюэ. Здесь в грунтовых ямах, обложенных камнями и валунами, были открыты сосуды со сферическим дном, бронзовый нож и обломки железа. Эти курганы датируются М. П. Грязновым VII—V вв. до н. э. и относятся к сакам.[1] Каргалы I по отношению к таласским погребениям более ранние и, видимо, должны быть отнесены к типичным памятникам VIII—VII вв. до н. э., времени перехода от бронзы к железу, начиная собой ту серию памятников, которые могут принадлежать сакам.

Наибольшее количество памятников, которые могут быть отнесены к сакам, датируется V—IV вв. до н. э. В основном эти памятники случайного происхождения. Они происходят из разных мест Семиречья, начиная с Нарына и вплоть до Балхаша. В 1940 г. нами был раскопан на правом берегу р. Или один курган с грунтовым погребением этого времени (Карачоко I), давший весьма характерные бронзовые втульчатые стрелы, ромбические в сечении, длиной до 4 см, с несколько опущенными жальцами. Находка позволила установить, что курганы с мягкими земляными насыпями, имеющими вид сегмента шара, могут быть отнесены к этому времени. Значительную группу таких курганов мы зафиксировали и к югу от поселка Кегень. Один раскопанный курган был совершенно разграблен, но установлено, что в нем была захоронена и лошадь. Расположены эти курганы цепочками. Такого типа курганы известны в большом количестве в Семиречье, в частности и под Алма-ата. Из них и происходит значительная часть случайных находок, представленных, главным образом, характерными семиреченскими котлами, жертвенниками, кинжалами, ножами и украшениями, сделанными из бронзы.[2]

Весьма характерны происходящие из Семиречья бронзовые литые шаровидные котлы (рис. 6—9). Котлы имеют конический поддон, полый внутри, иногда прорезной. Чаще всего котлы стоят на трех слегка выгнутых ножках. В некоторых котлах ножки украшены — в одном случае скульптурными статуэтками горных козлов, в двух других несколько стилизованными изображениями хищника, вероятно тигра. По краю одного из котлов изображены фигурки козлов, идущие по часовой стрелке. Ручки у семиреченских котлов гладкие, круглые в сечении, петлеобразные и расположены всегда симметрично крест-накрест у края котла, две вертикально и две горизонтально по отношению к наружной стенке котла. Ниже ручек — в некоторых случаях простой орнамент в виде шнура с незамкнутыми концами, два раза опоясывающего котел.

Особенностью семиреченских котлов является то, что они, как правило, находятся в комплексе с жертвенными столами, четырехугольными в плане, и светильниками. Жертвенники обычно имеют по углам четыре ножки, трактованные под лапы хищника. Отогнутый борт гладкий или украшен процессией фантастических хищников. Крылатые хищники здесь напоминают крылатую россомаху в аппликациях ноин-улинского ковра.[3] На одном из жертвенных столов была литая из бронзы статуэтка быка-яка, имеющего на бедрах характерный орнамент в виде спирали, символа солнца. Такие спирали известны в усунских украшениях, вырезанных из листового золота. Светильники, круглые или четырехугольные в плане, также украшены скульптурами животных — либо процессиями хищников, либо сценами борьбы хищников с козлами. Светильник обычно укреплен на ажурной конусовидной подставке.

---

[1] История СССР, ч. I—II (макет). Ср.: ВДИ, 3, 1938.

[2] Часть вещей воспроизводится на прилагаемой таблице. Ср. также: М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры, сб. «Казахи», вып. 15.

[3] C. Trever. Excavations in Northern Mongolia. Л., 1932.

Вся эта группа находок обычно связывается с зороастрийским культом.[1] Действительно, жертвенники находят себе аналогии в некоторых предметах зороастрийского культа, известных в Иране от ахеменидов вплоть до сасанидского времени, и в Средней Азии времени бухархудатов.[2]

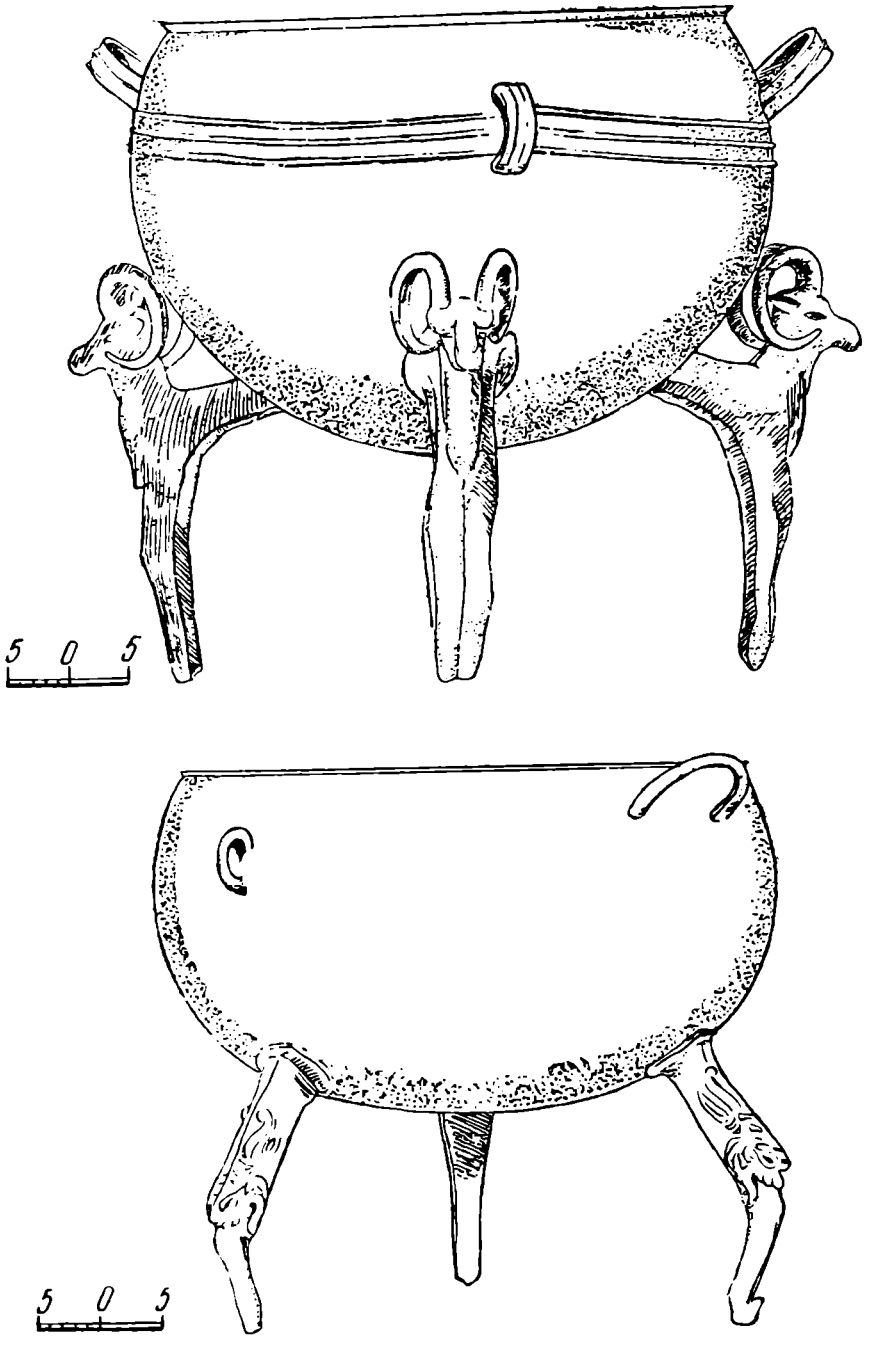


Рис. 6. Бронзовые котлы племен сакского круга V—III вв. до н. э. (по зарисовке Л. Г. Розиной).

Однако большей аналогией могут служить предметы домашнего обихода и культа Чжоусского Китая.[3] Так, форма трехногого котла может быть

[1] А. Стрелков. Большой семиреченский алтарь. Сб. «С. Ф. Ольденбургу», Л., 1935.

[2] Ср.: К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет. ТОВЭ, I.

[3] B. Karlgren. Jin and Chou in Chinese Bronzes. Bull. of the Mus. of Far East. Antiquities. Стокгольм (в дальнейшем: MEA), вып. VIII, табл. XXX, Ср.: вып. IX.

сопоставлена с китайскими сосудами типа «дин», а четырехугольная «платформа» — с китайскими «фу». Характерно, что вне пределов Семиречья тип котлов на трех ножках (за исключением Китая) не имеет аналогий.[1] Более общей формой является конический поддон, известный

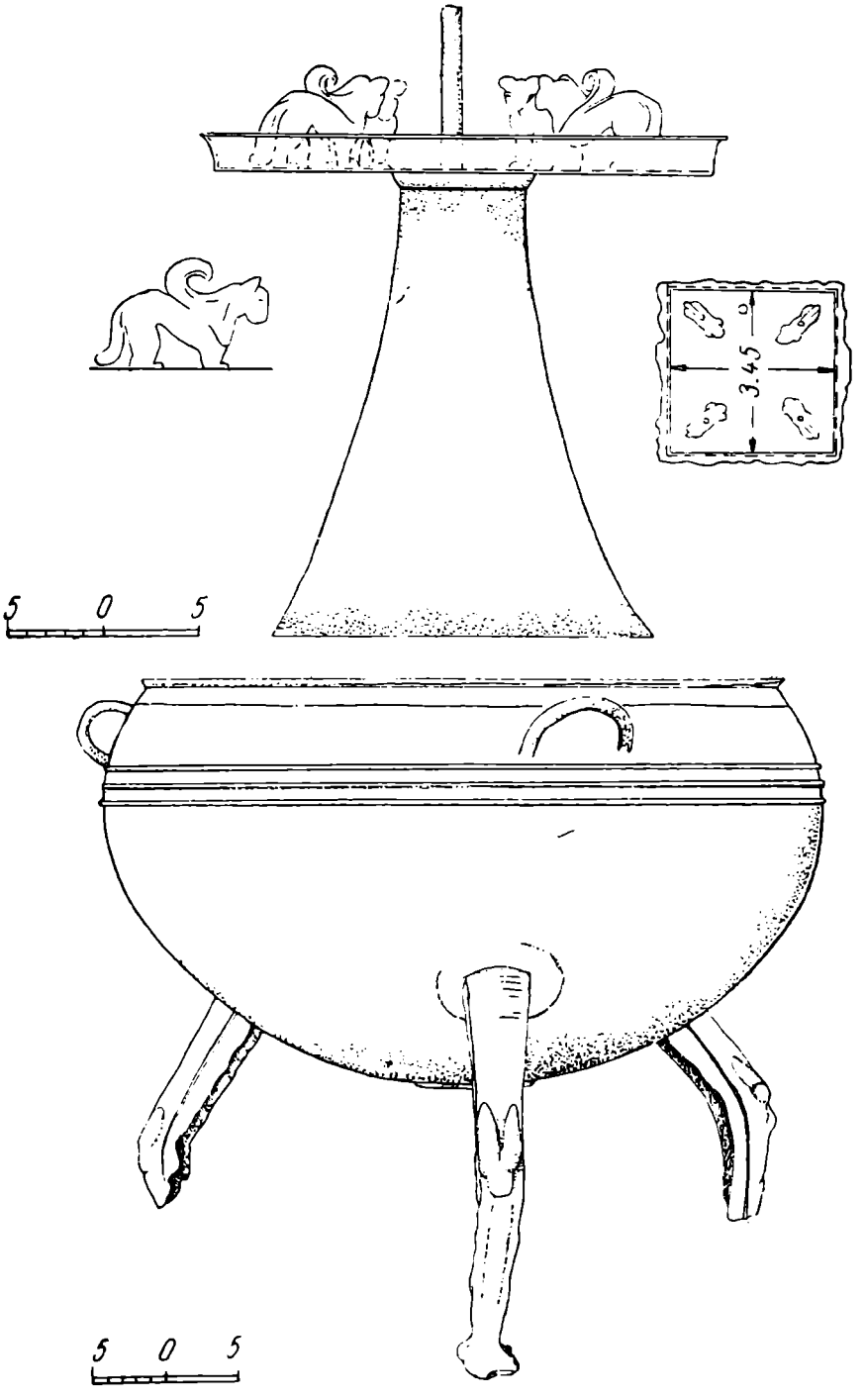


Рис. 7. Светильник и бронзовый котел племен сакского круга V—III вв. до н. э. (по зарисовке Л. Г. Розиной).

от Северного Китая до Чертомлыка. Для Семиречья, однако, типичны котлы на трех ножках. На территории же Северного Китая и Минусинского края этот тип сосуда из бронзы повторяется в глиняной посуде,

[1] Т. е. упомянутые нами котлы «дин».

начиная с поздней тагарской культуры.[1] Особенностью семиреченских котлов является и характер ручек. В котлах Минусинского края и в Китае обычно по краю котла имеются две вертикальные ручки. Ручки круглые в сечении и с шишечками, иногда плоские в сечении и прямоугольные в плане. Комплексы котлов с жертвенниками и светильниками принадле-

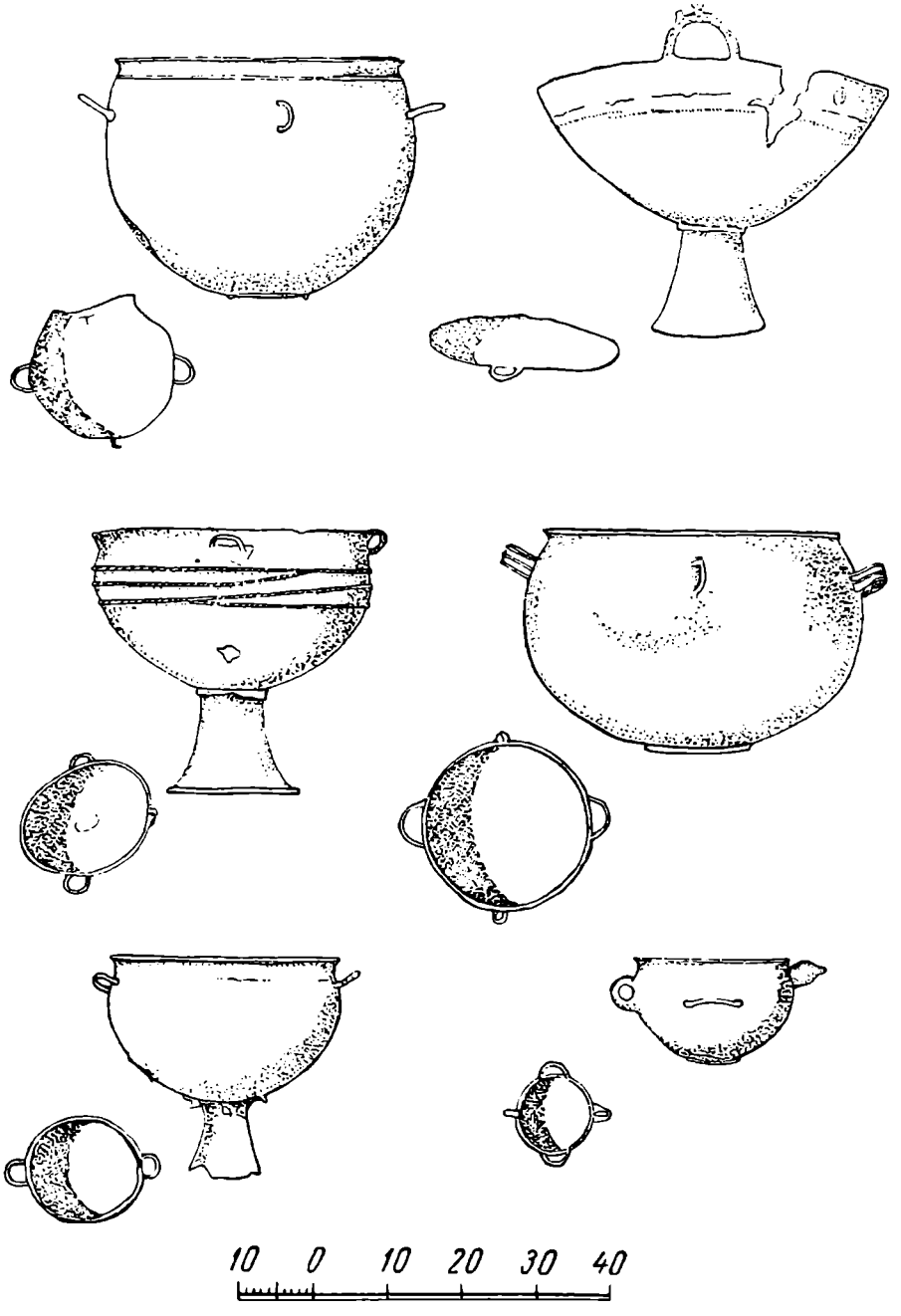


Рис. 8. Бронзовые котлы племен сакского круга V—III вв. до н. э. (по зарисовкам Л. Г. Розиной).

жат к типично семиреченским явлениям. Порождены эти комплексы шаманско-зороастрийским культом кочевников Семиречья и четко выявляют культ огня. Характерно, что более поздние памятники зороастризма в Семиречье продолжают эту традицию в оформлении культа (см. гл. V о глиняных статуэтках животных).

[1] Особенности этих комплексов мы детально разбираем в работе «История изобразительного искусства Киргизстана» (рук.).

Выразительные по своей трактовке изображения зверей на вышеописанных предметах органически связаны по тематике и стилистическому выполнению с кругом памятников сибирско-китайского звериного стиля и соответствуют памятникам VI—IV вв. до н. э. Эти изображения имеют элементы фантастики, хотя еще далекой от гипертрофированной фантастики, характерной для так наз. сарматского искусства. Реалистически

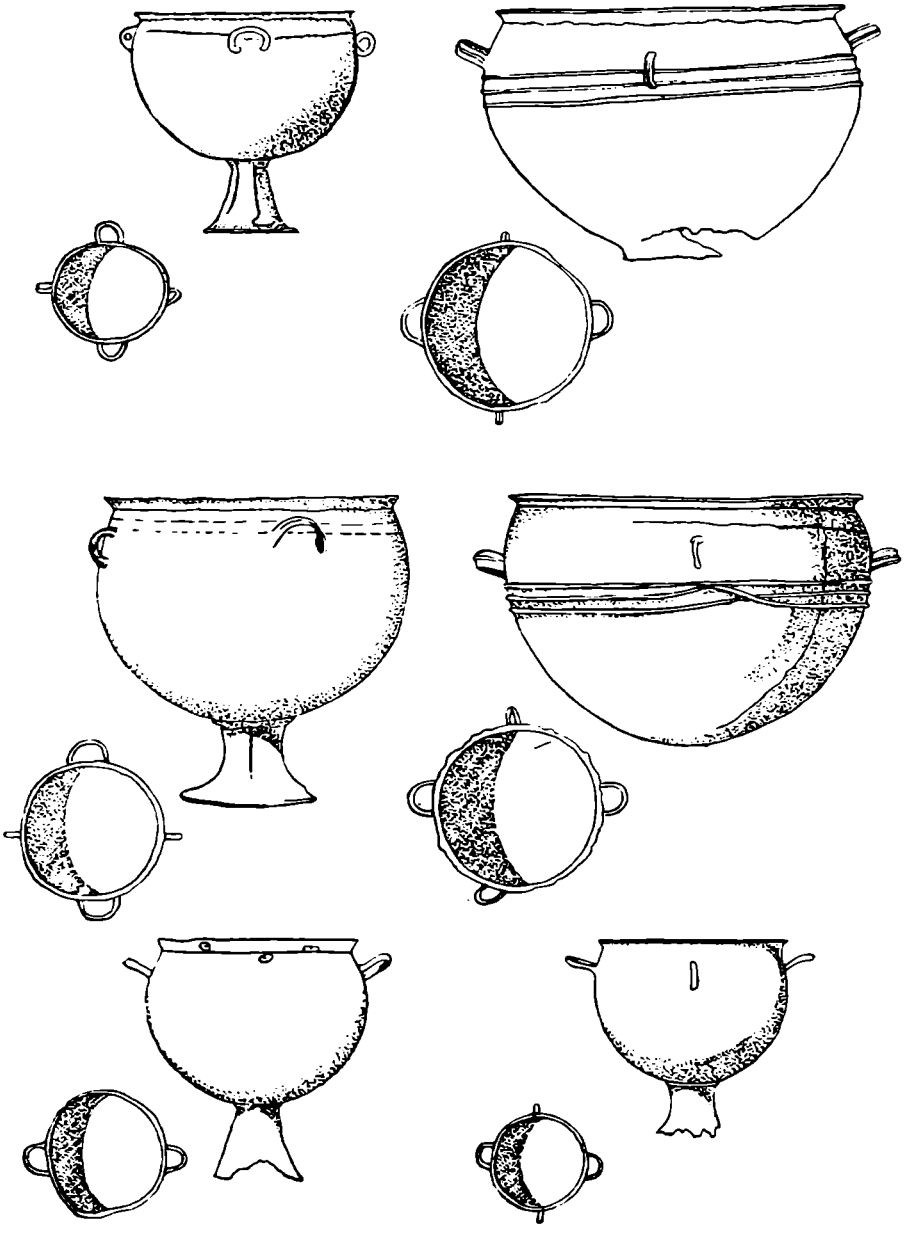


Рис. 9. Бронзовые котлы племен сакского круга V—III вв. до н. э. (по зарисовкам Л. Г. Розиной).

переданные на скульптурах черты зверей близки изображениям карасукского и скифского обликов известных бронз Енисея и Северного Китая—Ордоса, Сюань-Хуа (Хубэй), Люан-Бин (Пекин) и т. д. Несколько стилизованные изображения хищников, находящиеся на ножках котла, объясняются, повидимому, иной техникой, пытающейся в бронзу перенести характерные черты резьбы по дереву. Даже у фантастических животных, шествующих по борту большого алмаатинского жертвенника, крылья, явно выражающие способность зверя к большому прыжку,

сделаны скульптором более реалистично, чем мы видим в упомянутых нами аппликациях ноин-улинского ковра. Самостоятельность и законченность каждой фигуры, отсутствие сложных сплетений изображений животных с растительной вязью, реалистичность трактовки — все это заставляет относить эти изображения к образцам раннескифского искусства, ко времени, когда одиночные изображения зверей, процессии их и сцены парной борьбы зверей хранят традиции реалистического канона. Стилистические особенности не позволяют относить эти вещи ко времени после IV в. до н. э. С III—II вв. до н. э. по хорошо датированным памятникам эта техника вырождается.

К группе только что описанных вещей примыкают и находки на Иссык-куле около Тюпского залива: наборы конского снаряжения и среди них бронзовые бляхи с барельефным изображением антилоп и хищников, бегущих по кругу. Из-под Алма-ата происходят пластинчатые ножи скифского типа, со слабо обособленной рукояткой, кинжал с опущенными «усиками» — перекрестием. Из Нарына нам известны характерные бронзовые овальные пряжки с трапециевидной рамкой. Здесь же были найдены и бронзовые удила, подобные тюпским. Важно отметить, что случайные находки на Нарыне сочетались с находкой (из одного кургана) глиняной чаши-миски со сферическим дном, типа, широко распространенного в усунской культуре. Из Нарына и Тюпа происходят и бронзовые листовидные наконечники копий с длинным пером, с черенковым или втульчатым насадом. Только что описанные вещи полностью совпадают с памятниками ранней тагарской культуры и с ордосской бронзой. Для Семиречья эти памятники ограничены временем до III в. до н. э., когда они, видимо, исчезают и заменяются новыми формами, генетически восходящими к только что описанным.

Временем от III в. до н. э. до I в. н. э. на территории Семиречья датируется относительно значительная группа памятников как из случайных поступлений, так и в результате систематических раскопок, уже отмеченных выше. Намогильные памятники, относящиеся к этому времени, сравнительно единообразны. Характерно, что усунские курганные поля, относящиеся ко второй половине указанного периода, несколько теряют строгость планировки и, наряду с цепочками курганов, наблюдается и беспорядочная их расстановка. Устройство погребальной камеры имеет также некоторые варианты: в курганах к востоку от Таласа (Чу, Иссык-куль), как правило, сравнительно обширная погребальная камера, в виде грунтовой ямы, перекрытая бревенчатым накатом или жердями из тяньшанской ели.[1] Различия наблюдаются и в инвентаре — предметах украшения и керамике. Общие черты керамики в таласских и чуйских могильниках таковы: керамика хрупкая, с дресвой, слабого обжига, инвентарь состоит из: 1) больших, иногда с небольшой ручкой кувшинообразных сосудов со сферическим дном; 2) малых плоскодонных сосудов баночной формы; 3) мисок со сферическим дном. В Берккаринском могильнике могут быть отмечены небольшие грушевидные сосуды с узким горлышком и отогнутым венчиком. Характерны для Берккаринского могильника шарообразные сосуды с открытым устьем, без венчика, с небольшой петлеобразной ручкой и коротким носиком. Среди мисок в Берккаринском могильнике обращают на себя внимание сосуды, имеющие четко срезанную закраину, профилированный бортик и подрезанное сферическое дно, образующее небольшую плоскодонность чашки.

---

[1] О них см.: М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, ВДИ, 3, 1938; ПСТД, стр. 10 и сл.

В основном сосуды со сферическим дном и шарообразным туловом восходят к предшествующим керамическим изделиям и повторяют формы Каргалы I, Айри-там и Чим-тюэ. Общим для них является не только форма и техника изготовления (отпечатки тканей на внутренней поверхности сосуда), но и отсутствие какого бы то ни было орнамента. В берккаринских сосудах иногда наблюдаются лишь следы затирки поверхности.

Весьма любопытны «чайники» из Берккары. Эта форма имеет аналогии в своеобразных бронзовых котлах, происходящих из Семиречья и хранящихся в Центральном музее Казахстана (г. Алма-ата), видимо, более поздних.

Связь культуры чуйских и таласских погребений с более ранними прослеживается и в предметах украшения. Так может быть сопоставлена поясная пряжка в виде пластинки с барельефным изображением хищника, глотающего птицу (по трактовке изображения и технике явно подражающим резьбе по дереву), с изображениями на ножках одного из иссыккульских котлов. Форма пряжек с крючком для застегивания найдет себе аналогии от Северного Китая до Северного Кавказа.[1] Изображение спиралей на скульптурной фигуре быка находит аналогии в резных золотых пластинках из Буранинских курганов, в спирали на каменном столике, в изображении индийского яка из Кырчина и т. д.

К числу явлений, имеющих аналогии в более ранних памятниках, можно отнести, например, зеркало с боковой ручкой в виде стилизованного грифона, новые типы стрел, в частности костяные, трехгранные, с черенком, еще скифского типа меч — акинак. Все эти предметы, помимо преемственности ранних форм, связываются не только с предшествующими им памятниками Семиречья, но в большинстве случаев имеют аналогии среди памятников Южной Сибири, в том числе и Алтая. Такие характерные вещи, как каргалинская диадема, найдут аналогии в еще более широком круге памятников позднескифского-раннесарматского искусства.

Изложенное показывает, что культура Семиречья VII в. до н. э. — I в. н. э. представляет собой единую линию развития. Однако письменные свидетельства античных и китайских авторов об этом районе помещают здесь вначале саков, а затем, с III в. до н. э., усуней. Если верить китайским сообщениям, то усуни пришли сюда из Восточного Туркестана. Если это было так, то вряд ли культура Семиречья имела бы наличный характер и, вероятно, на ней отразилось бы влияние Восточного Туркестана. Очевидно, что о миграции усуней не приходится говорить, и скорее всего здесь речь может итти о замене названия союза племен, в силу утраты саками политического могущества и выдвижения другого племени. Этого вопроса мы касались в другом месте.[2]

Следует отметить, что к III в. до н. э. сакская культура расщепляется на две формы, представленные памятниками чуйских и таласских погребений. Несмотря на эти отличия, связанные, быть может, с разными племенными компонентами (племена: усуни и восточные кангюй?), в обоих случаях мы имеем дело с единым развитием сакской культуры. В эту пору завершается ее развитие, и хотя памятники поздних кочевников VI—VIII вв. имеют некоторые связи с ранними кочевниками, все же они представляют совершенно отличное в культурном отношении явление. Известный переход к этому новому качеству происходит в усунский период.

---

[1] А. Н. Бернштам. Берккаринская пряжка. КСИИМК, XVII.
[2] АОСК, стр. 24 и сл.

Усунский племенной союз занимал в III в. до н. э. — V в. н. э. Тянь-шань и его отроги, т. е. современную Киргизию, часть Южного Казахстана и Алмаатинской области. Значение усуней весьма велико для истории тюркских народов Средней Азии. Название «усунь» сохранилось в племенных делениях казахов, а по мнению Н. Аристова усуни составляли западную ветвь кыргызов.[1]

Сведения об усунях содержат китайские источники. Ознакомлением с усунями китайцы обязаны Чжан-цяню, посетившему усуней два раза, в 136—128 и 115 гг. до н. э. Только со времени Чжан-цяня сведения об усунях приобретают реальный характер. Чжан-цянь сообщает, что усуни прежде находились под властью гуннов. Эти слова Чжан-цяня составитель «Исторических записок» («Ши Цзи») Сымацянь (умер в 99 г. до н. э.) использовал для того, чтобы приписать гуннскому князю Модэ раннюю победу над усунями в конце III—начале II в. н. э. К весьма легендарным сообщениям относится предание о том, что усуни ранее кочевали около провинции Ганьсу, а затем, разбитые гуннскими шаньюями Модэ и Лаошанем, перекочевали на Тянь-шань. Эта версия китайского источника вызывает некоторые сомнения. Археологические памятники Ганьсу, Хэнани и южной части Восточного Туркестана, где китайские источники видят место происхождения усуней (в середине и второй половине I тысячелетия до н. э.), резко отличны от культуры тяньшанских усуней. Когда на Тянь-шань в первых веках новой эры через посредство гуннов проникают влияния Восточного Туркестана, то не приходится сомневаться в том, что в культуре проявляются элементы явно не местного происхождения. С другой стороны, анализ усунских памятников и находящихся с ними по соседству к западу от Таласа памятников кочевников того же времени (Берккаринский могильник) показывает, что эти памятники являются логическим завершением и развитием культуры предшествующего периода VII—III вв. до н. э.

Характер инвентаря погребений, само устройство погребения не только увязываются с предшествующей культурой, но вместе с тем находят себе аналогии и в южносибирском круге памятников. Таковы прежде всего тематика и стиль звериных изображений, тип спиралевидной серьги из тонкой золотой проволоки, некоторые формы керамики и мн. др. Все это позволяет указать, что археологические памятники кочевников III в. до н. э. — I в. н. э. с территории Тянь-шаня, т. е. времени господства здесь усуней, теснейшим образом связаны: 1) хронологически — с памятниками местной сакской культуры VII—IV вв. до н. э., 2) пространственно — с южносибирским кругом памятников. Археологический материал как бы опровергает китайскую версию о приходе усуней на Тянь-шань из Восточного Туркестана и заставляет критически рассмотреть письменные свидетельства по этому вопросу.

Сакские племена, занимавшие Тянь-шань в предшествующую усуням эпоху, были увлечены потоком юечжийских племен, обрушившихся в 140 г. до н. э. на греко-бактрийское царство. Китайцы сообщают, что среди усуней остались многие поколения юечжей и саков, находившихся под главенством усунского союза. В отличие от китайцев, античные авторы, в первую очередь Страбон и Трог Помпей, сообщают о большом количестве племен, вышедших с Тянь-шаня и разгромивших Греко-Бактрию. Оба упоминают юечжей, под именем тохаров, сакарауков, племена асии, а Страбон пасианов, которых опускает Трог Помпей. Оба автора явно восходят к более ранним источникам, но не раньше эпохи

---

[1] ЖС, вып. III—IV, 1894.

Александра Македонского, когда все племена Тянь-шаня назывались просто саками.

Существенные дополнения к свидетельствам названных авторов сообщает Птолемей, который среди других племен помещает скифских исседонов, в отличие от исседонов «серских», живших в Восточном Туркестане. Известно, что Птолемей заимствует свои данные от Марина Тирского, в свою очередь получавшего сведения от Маэса, македонского купца, участвовавшего в торговых операциях с Китаем. Скифские исседоны новейшим исследователем Птолемея, А. Бертело, помещаются на восточном Тянь-шане.

В то время как асии, пасианы и прочие племена Страбона — Трога становятся известны лишь со II в. до н. э., имя исседонов восходит к VI в. до н. э. У Аристея Проконисского, автора поэмы Аримаспея, исседоны — последнее из «реальных», по выражению А. Херманна, северо-восточных племен. Сведения Аристея повторяет Геродот, также не давая исседонам точной локализации. Единственно, что мы можем узнать у Аристея — Геродота, это то, что исседоны имели своими соседями богатые золотом племена (вероятно, племена Алтая). Птолемей не просто заимствует сведения у своих предшественников, но дает исседонам точную локализацию, причем различает две их группы. Совершенно ясно, что, по сравнению с Аристеем, он обладал новыми данными. Исходя из данных Птолемея, нельзя согласиться с мнением А. Херманна о том, что исседоны — приуральские племена и что р. Исет — топонимический след бывших здесь исседонов. Несомненно вернее мнение Р. Хеннинга и Ю. Юнге, рассматривающих исседонов как группу южносибирских и приалтайских племен, а не восточноевропейских. Укажем на обычай исседонов употреблять череп для изготовления чаш для питья (обычай этот, видимо, от них перешел к гуннам, которые сделали чашу из черепа юечжийского вождя для церемониального питья во время произнесения клятвы). Заметные пережитки материнского рода у исседонов также отвечают состоянию племен сако-массагетского комплекса.

Из изложенного следует, что исседоны являются племенами восточной части Средней Азии, соседящими с южносибирскими племенами и известными античной науке с VI в. до н. э. по II в. н. э., причем ко времени Птолемея были известны две ветви исседонов. Эти исседоны и являлись носителями культуры Семиречья, составляя с другими племенами в предусунскую эпоху сакский племенной союз. Во II в. до н. э., когда саки ушли с Тянь-шаня в Среднюю Азию и Припамирье, с ними ушла и часть исседонских племен, асии и пасианы. В названии *асии* мы видим усеченную форму имени *исседон*, давно уже сопоставленную в литературе с именем *усунь*. В аналогичном положении находится и имя *пасии*. Имя *арси* уже было сопоставлено с *асии*. Очевидно, что речь идет о разных вариантах одного и того же названия, в разных вариантах имевшего основу *ас, ис, ус*.

Племена сакарауки были еще О. Франкэ сопоставлены с китайскими известиями о сакском князе, занявшем после разгрома юечжами область Гибинь (Кашимир). С этой поры, т. е. с 170—160 гг. до н. э., китайцы уже сообщают, что «сакские племена живут рассеянно друг от друга под зависимостью других племен». Этими «другими» племенами стали на Тянь-шане усуни-исседоны.[1]

[1] Все эти вопросы, тесно связанные с тохарской проблемой, отражены в многочисленной литературе, сводку которой см.: И. Умняков. Тохарская проблема. ВДИ, 3/4. 1940; он же. Тохары и тохарский вопрос. Труды Узбекского Гос. университета. нов. сер., Ист.-фил., в. I. Самарканд, 1946. Ср. также: А. Бернштам. Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, 2, 1947.

Совершенно очевидно, что Птолемей в ряде случаев восходил к Геродоту, что доказывается, в частности, помещением им массагетов на западном Тянь-шане, где они в его время явно уже не жили. Это попытка примирить данные предшественников с его собственными сведениями. В таком же положении и термин *исседон* у Птолемея. Пользуясь аристеевско-геродотовским термином, Птолемей его соединяет с современными ему данными о расселении исседонов. Судя по сообщениям Страбона и Трога, вероятнее полагать, что во время Птолемея бытовал уже усеченный термин и его наиболее верной передачей была китайская транскрипция — *усунь*.

Разделение усуней-исседонов на две ветви — тяньшанскую и восточнотуркестанскую — несомненно. Когда ослабло влияние саков на Тянь-шане, их восточные соседи, исседоны, выступили на политическую арену и забрали в свои руки власть среди кочевников Тянь-шаня. Воссоединение с ними восточнотуркестанской ветви исседонов послужило, вероятно, поводом для создания китайской версии о миграции усуней из южной части Восточного Туркестана. На самом деле, на Тянь-шане произошло лишь выдвижение одного из местных сакских племен, исседонов-усунь. Естественно, что этот процесс исключал возможность возникновения принципиально новых явлений в культуре кочевников Тяньшаня. Культура оставалась в основе та же, т. е. сакская, претерпевшая закономерное развитие. Проникновение в нее китайских элементов объясняется связью усуней с Китаем.

Наша трактовка происхождения усуней объясняет и сделанные выше выводы о характере археологических памятников III в. до н. э. — I в. н. э. Связь усунской (исседонской) культуры с сакской культурой VII—IV вв. до н. э. объясняется тем, что исседоны-усуни являлись частью сакского союза; тесная связанность этой культуры с южносибирской объясняется местоположением исседонов-усуней на рубеже Южной Сибири и Семиречья. Вот почему выдвижение исседонов (а это и есть происхождение усуней) не внесло ничего принципиально нового в культуру Семиречья. Гегемония гуннов в первых веках новой эры в Семиречье (когда временно даже исчезает имя *усунь*) и скрещение гуннов с усунскими племенами определило тюркский этногенез усуней, вошедших в состав тюркоязычных племен Семиречья. Впрочем, изучение этого вопроса составляет особую проблему, рассмотрению которой посвящен последующий текст.

IV. ГУННСКИЙ ЭТАП (КЕНКОЛ) И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Выразительные находки в Кенкольском могильнике на Таласе[1] свидетельствуют о неоднократных вторжениях в Семиречье гуннов и скрещении их с местным населением. Почти двухвековое господство гуннов на Тянь-шане (50 г. до н. э. — 130 г. н. э.) с постепенным распространением их власти и культуры на Запад (в Фергану и Ташкентский оазис) — эпоха формирования культуры тюркского облика и внесения монголоидных черт в европеоидный субстрат местного населения. Это была эпоха совпадения процессов антропо- и этногенеза, положившая начало кристаллизации типических черт современного тюркоязычного населения Средней Азии, прежде всего кочевого. Кроме Таласа могильники этого типа открыты нами в Центральном Тянь-шане (рис. 10), в Арпе (Бурмачап II и III); несомненно с ними связано формирование культуры катакомбного типа в Фергане (Исфара, Ширин-сай) и в Ташкентском оазисе (Каунчи).

[1] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940.

Типические черты культуры кенкольского типа: лепная керамика, порой совершенной выделки со скупым волнистым орнаментом, конические прясла из глины, деревянная посуда (тарелки, кубки), сложносоставной лук с костяными накладками, стрелы со скифоидными железными наконечниками, плоские костяные наконечники стрел с равным длине стрелы черенком, деревянные, подражающие китайским, столики на ножках, обилие китайского шелка. Орнамент в вышивках — криволинейный и растительный, простого сюжета. Появляется инкрустация в гнездах (карнеоль) и зернь по ободку гнезда или по краю овального медальона.

Звериные мотивы приобретают геометризированные формы. Характерны серьги (Беркара II) с подвесками, иногда ажурными, на которых появляется зернь. На украшениях (бронзовые шпильки) широко распространено изображение птиц (явно двух типов — хищники и куриные, типа голубя).

Типично для могильников этой эпохи появление иноземных вещей: западного, греко-бактрийского происхождения с античными сюжетами (Буранинская группа, Чуйская долина), но чаще китайского происхождения — китайский лак (Чуйская долина), нефрит (Беркара II).

Распространение усунской культуры весьма широкое, она имеет много вариантов, хотя весьма незначительных. Помимо того, что она зарегистрирована нами по всему Семиречью (северная точка, которую мы сами наблюдали, — бассейн Коксу и Каратала), по всему Центральному Тянь-шаню, она выходит в Ташкентский оазис (Буруглюкская культура) и Фергану. В последнем случае усунская культура встречается и в комплексах оседлых поселений.

Расовый тип усуней — памиро-ферганский, европеоидный тип. Ориентация покойника, как и в сакских погребениях, — головой на запад.

Насыпи мягкие, земляные, иногда обведены небольшим рвом вдоль полы насыпи (Тянь-шань); могильное помещение состоит из узкого длинного дромоса (айвон) и овального в плане помещения для покойника (ляхат). В Фергане и в Ташкентском оазисе айвон имеет несколько иную конструкцию: он более открытый, иногда в ширину всей могилы. Входы в катакомбы ориентированы по-разному и сообразуются с удобствами технического порядка (катакомбы вырубались теслом-чотом обычно по мягким склонам гор).

Наверху, в насыпи, часто встречаются группы камней, а также остатки костей собаки, лисы. В некоторых насыпях или дромосах погребения рабов европеоидов усуней.

В отдельных погребениях прекрасной сохранности были открыты: типично кочевническая одежда (шаровары, чарыки — мягкие бескаблучные сапоги, широкие женские платья на высокой кокетке, ниспадающие множеством складок), кочевнические колыбели типа современных «бешикбала». Погребения парные (мужчина и женщина, иногда и дети грудного возраста) или только женские. Все черепа деформированы (кольцевая деформация). Следы деформации отмечены на черепах 6- и 20-месячных детей.

Синхронны гуннским погребениям Тянь-шаня усунские погребения Илийской долины (Карачоко II, Каргалы II), где наличествует усунская керамика совершенных форм, появляется желтый ангоб. К этому времени мы относим часть погребений Беркара II. В керамике попадаются чаши со сплошным поддоном, по краю идет паз, вероятно для крышки. Новым для этого времени является находка костяных и бронзовых костыликов от ремня, а также бронзовых пряжек без язычка с ажурным прямоугольным основанием и овальной рамкой для продергивания ремня.

Форма чаш идентична широко распространенным в это время кушанским чашам Ферганы, где они более тонкой выделки и покрыты красным лаком. Этот тип чаш, иногда с ребристым верхним краем, покрытых красным лаком, вернее — толстым слоем красного ангоба (отваливающегося от стенок чаш чешуйками), встречен в Джувантепинском могильнике Илийской долины в малых (по диаметру и глубине могильной ямы) курганах (диаметр — 3—4 м, высота — 0.10—0.25, глубина — 1 м). В Джувантепинском могильнике исчезает традиционная усунская цепочка курганов. Наряду с керамикой этого типа найдены бусы (бочковидные пастовые, иногда глазчатые). Могилы часто перекрыты жердевым нака-

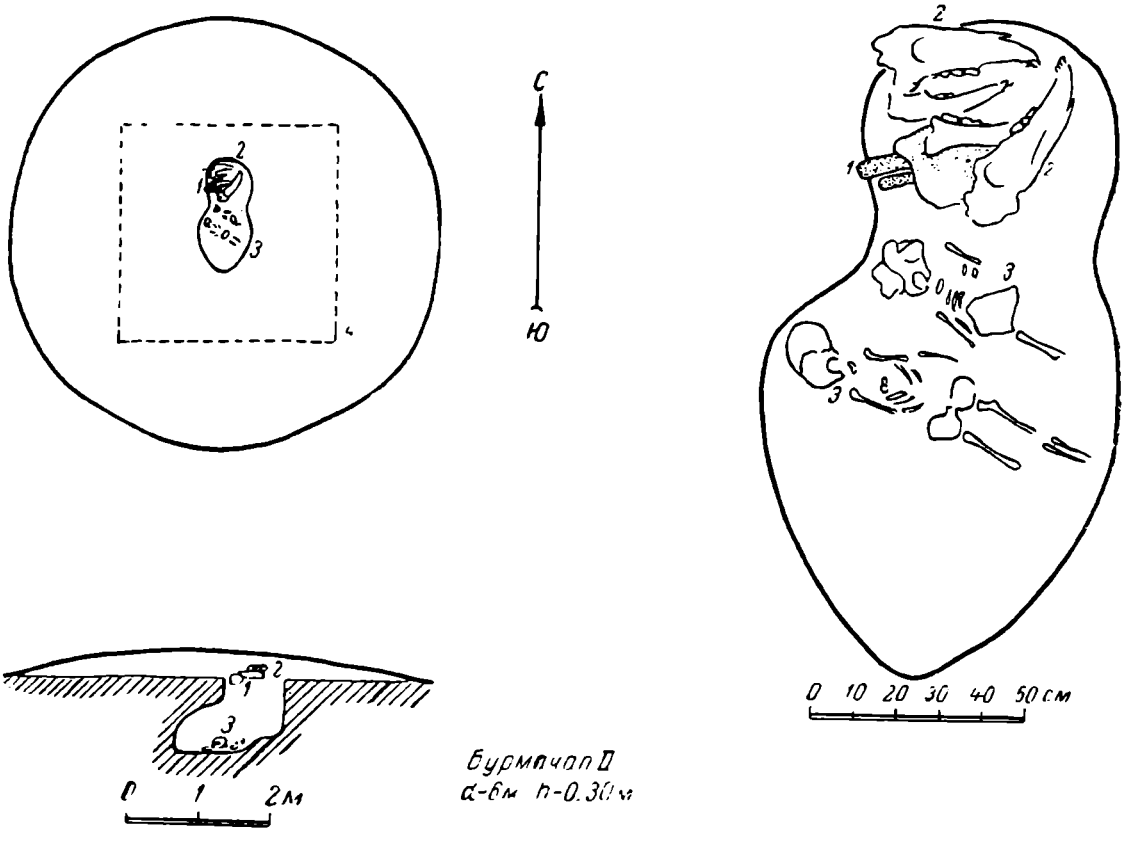


Рис. 10. Арпа. Бурмачап II. Тип катакомбы гуннского времени. Рубеж н. э. *1* — камни, *2* — черепа лошадей, *3* — детские скелеты, *4* — граница раскопа.

том. Продолжающий традицию усунской культуры Джувантепинский могильник по керамике, исполненной на гончарном кругу, должен быть отнесен к V—VII вв. н. э.

Полагаем, что эта культура выросла на основе культуры тех усуней, которые вначале были отброшены гуннами с коренных мест (Северное Притяньшанье), а позднее, смешавшись с ними, образовали известный еще в V в. н. э. племенной союз «юебань», в VI в. известный в конфедерации племен дулу западнотюркского каганата под именем «чубань». Быть может, вторжение гуннов — причина северного (а не только западного) расселения усуней, и это вторжение, несомненно, важнейший компонент в сложении тюркоязычного характера местного кочевого населения сако-усунского периода, окончательно в гуннский период перешедшего в русло тюркского этногенеза.

Другими словами, для первых этапов гуннского периода характерно совместное существование усунской культуры и культуры кенкольского

типа; впоследствии происходит их скрещение и проникновение на северо-восток (Илийская долина) культурных явлений юго-запада (красный лак и некоторые формы сосудов кушанской Ферганы), вызванное распространением над этими районами власти северогуннского племенного союза.

В то же время это был этап активной тюркизации местных племен, в VI—VIII вв. усиливающейся в результате связей с приалтайским кругом племен, нашедших свое выражение как в материальной культуре, так и в ряде других явлений (например, в языке).

В предшествующей главе мы пытались показать происхождение усуней как процесс развития сакской культуры и выдвижения на политическую сцену в Семиречье новых сакских племен — исседонов. Население в Семиречье ко времени гуннов слагается из ряда племен, среди которых усуни занимают господствующее положение.

Соседями усуней с востока были северные чешы, этнический тип которых и культура, равно как и точная их локализация, нам не известны. Долина Уту, в которой располагались чешы, может быть очень предположительно отождествлена с долиной Иртыша, а каменный город владетеля чешы мы вообще лишены возможности локализовать, в силу плохой изученности района Иртыша в археологическом отношении.[1] Укажем на тот факт, что поздние города долины Иртыша, в отличие от современных им городов восточного Туркестана и Семиречья, тем более Средней Азии, строились из камня (например Аблайкит). Быть может и в древности эта особенность являлась характерной чертой для культуры населения в районе Иртыша. Если это так, то курганы по Иртышу, датируемые рубежом новой эры, могут быть отнесены к племенам чешы.[2]

В непосредственной близости от Иртыша, тяготея к северо-западной Монголии, находились племена, название которых обычно транскрибируют *цзюе шэ*. Однако, если следовать В. Карлгренну, то древнее произношение первого иероглифа будет звучать *k'iuət*, второго — *d'ź'iāk*, что дает ясное представление об этом племенном названии: всего вероятнее видеть в нем «*кыпчак*». Племена кыпчаков на этой территории упоминаются и в рунических текстах VIII в. в Селенгинском памятнике, что подтверждает возможность локализации кыпчаков III в. до н. э. в районах Алтая. Если этническая принадлежность чешы неясна, то кыпчаки были тюркоязычными племенами.[3] Вблизи этих племен, вероятно на Алтае, могут быть локализованы племена синли. К северо-западу от усуней, занимавших все южное и среднее Семиречье, были расположены племена «худэ». Опять же древнее чтение этого названия дает несколько иную картину — *χuo tək*, которое мы предлагаем отождествлять с формой *остяк*.[4]

Усуни на юге граничили с владениями гумо, т. е. фактически с Восточным Туркестаном, на юго-западе — с Ферганой, на западе — с кангюй.[5] Границы кангюй подходили к р. Талас, восточная область их расселения, по имени «Лоюени», занимала территорию начиная от северных пределов Ферганы вплоть до нижнего Чу — с юга на север и от Таласа до Сырдарьи — с востока на запад.[6]

[1] См.: Цянь Хан-шу (в дальнейшем: ЦХШ), гл. 96б, л. 17а. — И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. III. СПб., 1851, стр. 88—89.

[2] Материал не опубликован. Раскопки С. С. Черникова.

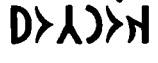
[3] Об этом см. у нас: СЭ, VI—VII.

[4] См. у нас: СЭ, 2, 1947.

[5] ЦХШ, гл. 96б, л. 1б. — И. Бичурин, ук. соч., стр. 63—64.

[6] Этому вопросу и обсуждению мнения С. П. Толстова о племенах кангюй (ПАН, ОИФ, 4, 1945) мы посвятим особую статью.

В культуре восточных кангюйцев наблюдается много сходства с культурой усуней. Объясняется это общностью происхождения их от сакской культуры, близостью восточных кангюй к усуням и естественным наличием культурных связей, а также возможностью скрещения культуры усуней и кангюй, о чем мы имеем прямые свидетельства. В последнем десятилетии I в. до н. э. один из представителей усунской знати по имени Бихуаньчжи, младший брат убитого (при его же содействии) гуньмо Мочженьгяня, продолжающий борьбу с оставшейся знатью, взял 80 000 человек ему подвластных кочевников и ушел к племенам кангюй.[1] Этими фактами связи усуней с кангюй и объясняется культурная близость инвентаря берккаринских и чуйских погребений этого времени.

Этнонимы *усунь, кыпчак* и *кангюй* (= *канглы*) сохранились в племенных названиях казахов, что показывает связанность современных тюркоязычных племен Средней Азии, в частности казахов, с древним кочевым населением Семиречья. В силу этой же связи можно предполагать. что племена усунь, кыпчак и кангюй были тюркоязычны. Для доказательства этого положения существуют еще некоторые небезинтересные факты. Так, например, у усуней были некие дагян (大將)[2] — чиновники. Китайцы так и транскрибируют этот титул, придавая ему смысловое содержание. Однако *дагян* — то же, что и позднейшее китайское *дагань*,[3] являющееся не чем иным, как транскрипцией тюркского термина *тархан*. Когда китайцы лучше познакомились с кочевниками, они стали употреблять транскрипцию этого титула без попыток дать ему китаизированное смысловое содержание. Не меньший интерес представляет и другой титул: 翎侯 — хи-хэу.[4] Известно, что титул хи-хэу, который обычно отмечается только у юечжи[5] (а на самом деле был и у усуней), является не чем иным, как древней формой титула *ябгу*, хорошо известного в рунических, тюркских текстах. Отметим, наконец, что китайские царевны, многие из которых находились в ставках усуней, носили титул 公主 — гунчжу, сопоставленный П. Пелльо с руническим  кыргызских и орхонских текстов.[6]

Отмеченные нами факты связи усунской терминологии с тюркской, быть может, позволяют более решительно предполагать тюркоязычность усуней, предложенную еще К. Ширатори и с сомнением принятую В. В. Бартольдом. В. В. Бартольд прав, когда он критикует попытку К. Ширатори в последней части титула гуньмо видеть транскрипцию тюркского *бей*, известного лишь с XVII в.[7]

Чтобы исчерпать сведения об этническом составе Семиречья в этот период, следует еще отметить племена уге, жившие к северу от усуней, видимо на Тарбагатае, и западную ветвь цзянь-кунь поблизости от них.[8] Севернее Балхаша китайцы называют племена дин-лин, как известно, термин собирательного характера, особенно для этой эпохи.

Решающую роль в развитии культуры и сложении тюркоязычных народностей Семиречья сыграли гунны — не только непосредственно, но и через посредство таких племен как, например, чешы.

---

[1] ЦХШ, гл. 96б, л. 8а. — Н. Бичурин, ук. соч., стр. 75—76.

[2] Там же, л. 1а и сл.

[3] Синь-Тан-шу (в дальнейшем: СТШ), гл. 140б, л. 20а.

[4] ЦХШ, гл. 96б, л. 7а.

[5] О проникновении этого титула от усуней к юечжам-кушанам см. мою статью: К вопросу об усунь || кушан и тохары. СЭ, 3, 1947

[6] См. об этом у нас: Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. Л., 1946, стр. 161, прим. 4.

[7] K. Shiratori. Ueber die Wu sun Stammen in Centralasien. Revue Orientale, III, вып. 2—3, 1902.

[8] О них см. АОСК, стр. 49—51.

Древнейшие сведения о проникновении гуннов в страну усуней относятся к походам Модэ (начало II в. до н. э.), когда Ши-цзи сообщает, что Модэ покорил 26 владений Восточного Туркестана, племена хусе и усунь. С той поры жители всех этих владений вступили в ряды гуннских войск. Этот эпизод лег в основу дальнейших сообщений китайцев об усунях, когда они констатируют факт зависимости усуней от гуннов и во время Чжан-цяня. Если политическая власть гуннов и недостаточно сильно проявлялась над усунями во II в., то она имела своим прямым результатом приобщение усуней к китайской культуре, получившей особенно широкое распространение среди усуней в I в. до н. э. С этого времени усуни устанавливают самостоятельные связи с Китаем. Падение гуннов в Монголии к середине I в. до н. э. способствует усилению связей усуней с Китаем.

Раскол гуннов на две части имел огромное значение прежде всего для Семиречья. Как мы уже неоднократно отмечали, шаньюй Чжи Чжи откочевал в сторону Семиречья, причем выступал в союзе с племенами кангюй против усуней в 49—48 гг. до н. э.[1]

В начале своей деятельности шаньюй Чжи Чжи направился в сторону Восточного Туркестана. Здесь, успешно разгромив войска самозванца Илиму, он присоединил к своим войскам 50 000 жителей Восточного Туркестана и остался временно в Восточном Туркестане. Лишь отсюда он направился в сторону усуней, отправив к усунскому гуньмо Уцзюту посла, который был убит усунями. Отсюда, т. е. из Восточного Туркестана, он пошел войной против усуней, разбил их на Тянь-шане, пошел на север и разбил племена уге, к западу от них — племена цзянь-кунь, на севере — дин-лин. Отсюда он отправлял войска против усуней, а затем, по предложению кангюй (примерно в 47 г. до н. э.), провел большой поход против усуней, врезавшись в качестве своеобразного буфера по р. Талас между усунями и кангюй. В верховьях Таласа была ставка Чжи Чжи-шаньюя, и здесь он был разбит китайскими полководцами Чэнь-Таном и Гань Янь-шоу.[2]

Уже из этих маршрутов похода Чжи Чжи явствует, что его орды были весьма пестрыми этнически; в процессе войн в Восточном Туркестане с племенами уге, цзянь-кунь и дин-лин северные гунны соприкасались с разнообразными этническими и культурными явлениями, которые и были принесены ими в Семиречье.

Аналогичное значение имели и последующие вторжения гуннов в Семиречье.

Среди них следует отметить движение гуннов в конце I в. н. э., когда северные гунны, разгромленные сяньбийцами в Монголии, перешли Тарбагатай и Тянь-шань и обосновались в Семиречье, положив основу возникновения племенного союза юебань. С этого времени, т. е. с I в. н. э., в китайских источниках и исчезают самостоятельные повествования об усунях, видимо потому, что гунны захватывают власть в свои руки. Во всяком случае в согласии с этим находится первое сообщение китайцев о том, что гунны имели уже западный аймак, причем, судя по тексту, речь может итти лишь о среднеазиатских гуннах. В начале II в. (первая его треть) Семиречье, начиная с северных чешы, входит во владения западных гуннов, именно «князя» Хояня, распространившего свою власть от Баркуля до Каспийского моря. Фактически и Восточный Туркестан, включая Лоб-нор (Тянь-шань), находился под контролем гуннов. Такие оазисы, как Хами (Иву) и Баркуль (Пулэй),

[1] А. Н. Бернштам. Хуханье и Чжи Чжи шаньюй. Советское востоковедение (в дальнейшем: СВ), т. I; АОСК.

[2] См. об этом у нас: АОСК, стр. 49 и сл.

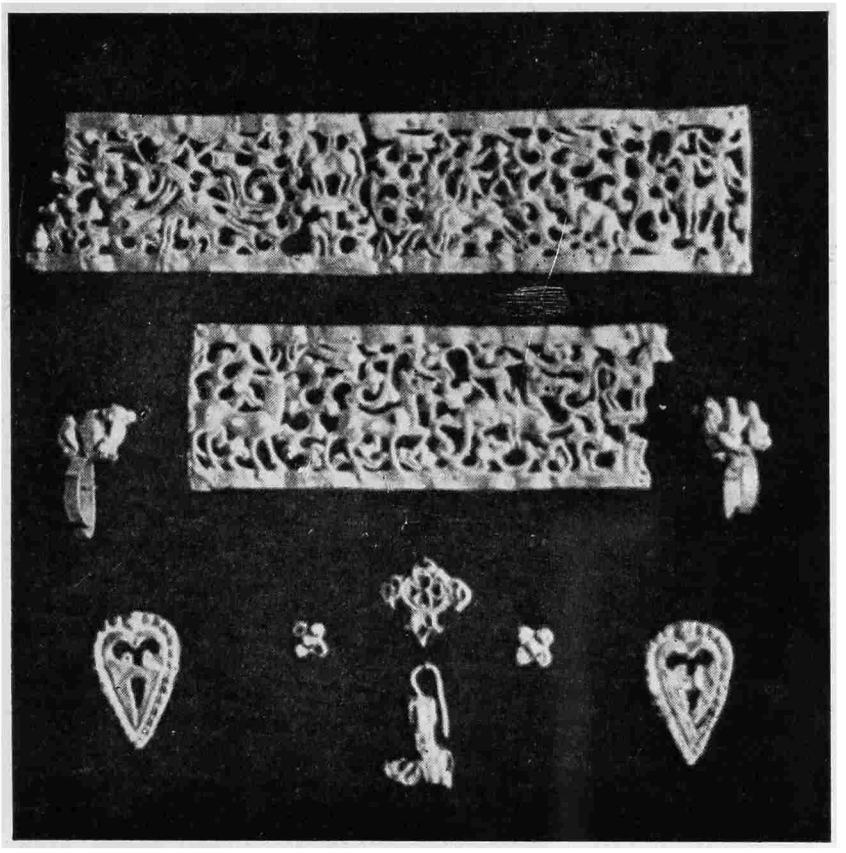


Рис. 11. Каргалинское ущелье. Золотые украшения рубежа н. э.

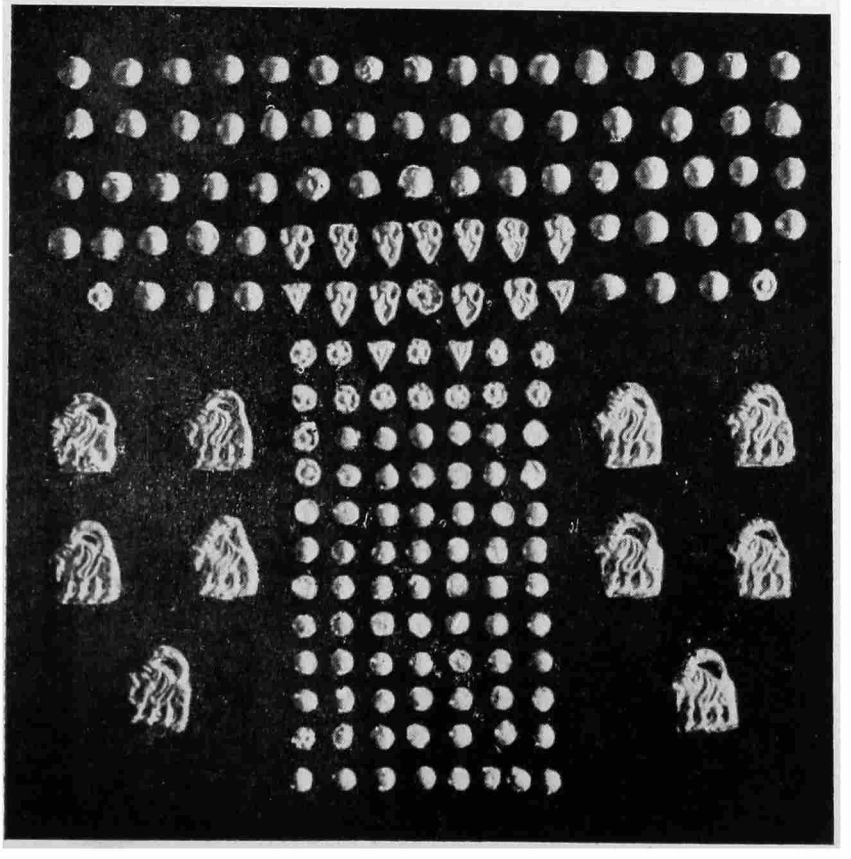


Рис. 12. Каргалинское ущелье. Золотые украшения рубежа н. э.

почти все время удерживаются гуннами, и еще в середине II в. (151—153 гг.) северные гунны успешно ведут борьбу с китайскими войсками, имея в своих руках оазис Хами. Однако эти годы были концом подъема северных гуннов. Уже в 155—156 гг. имеются сообщения о том, что предводитель сяньби Таншихуай «поразил усунь и завладел всеми землями, бывшими под властью гуннов».[1] Несомненно, что здесь имеется некоторое преувеличение; вряд ли сяньби были длительное время хозяевами в Семиречье, но во всяком случае они могли на время ослабить значение северных гуннов или, что вернее, отодвинуть их к западу. Такую же роль сыграли и племена тоба, которые всего вероятней при Тоба-ито в 297г ., а затем в 315—318 гг. при Юйлюй покорили древнеусунские земли и все «лежащее от уге на запад».[2] Походы Таньшихуй, Тоба-ито, Юйлюй не вытеснили все же всех гуннов из Семиречья, и еще в V в. н. э. они существуют здесь под именем «юебань».

Из этого краткого перечня событий, которые претерпело Семиречье, явствуют и возможные культурные связи и влияния на племена Семиречья за период господства здесь гуннов. Если к этому вспомнить оживленные торговые связи между усунями и Китаем во время затиший между многочисленными войнами, то станет ясным, сколько культурных вариантов могли запечатлеть археологические памятники Семиречья.

Прежде всего здесь должно быть отмечено влияние Китая, осуществляемое вначале через посредство гуннов. Затем могут быть отмечены возможные проникновения восточнотуркестанской культуры, особенно со времени шаньюя Чжи Чжи. Северные походы сяньби и тоба продолжали возможную конвергенцию культуры племен Енисея, Алтая и Семиречья. Этим и объясняются такие явления, как каргалинская диадема (рис. 11—12)[3] и китайские вещи в инвентаре могил, сходство Кенкола с памятниками Лоу-Лани, единство в этих районах и процесса расогенеза — постепенное наступление монголоидных элементов. Как мы указали в начале, складываются элементы кочевой тюркской культуры.

V. ТЮРКО-СОГДИЙСКИЙ ЭТАП VI—VIII вв. И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ПЛЕМЕН СЕМИРЕЧЬЯ

Сложность этого этапа объясняется тем, что в местный процесс развития культуры кочевых народов вклинивается мощная струя земледельческой культуры согдийских эмигрантов.[4] До скрещения этих элементов, происшедшего в карлукский (VIII—X вв.), а главным образом в караханидский период (XI—XII вв.), мы наблюдаем раздельное существование культуры тюркоязычных народов и развивавшейся под их властью культуры ираноязычных согдийцев.

Характерно для кочевников этого времени разнообразие типа погребений: 1) прямоугольные почти без насыпи погребения, огражденные поставленными на ребро камнями, иногда с каменными бабами (Сарыджас, Центральный Тянь-шань, перевал Турайгыр в долине Чарыма, Заилийский Алатау); вскрытые могилы этого типа дали погребения с конем, железные пряжки с подвижным язычком, железные крупные черенковые стрелы с ребрами, грубую серую керамику; 2) круглые

[1] В э й ш у, гл. 102.
[2] Там же.
[3] А. Б е р н ш т а м, КСИИМК, V.
[4] См. нашу статью: Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI; АОСК, стр. 55 и сл. Ввиду того, что мы данного вопроса касались неоднократно, позволим себе здесь только напомнить основные черты культуры этой эпохи.

в плане насыпи из камня и земли, с каменными бабами и рядами камней, идущими от могилы на юг (Чон-кемин), которые мы бы назвали (согласно описаниям китайских источников) центрально-азиатским типом, и, наконец, 3) малые каменные курганы 3—4 м в диаметре, распространенные повсеместно от Джуван-тепе в Илийской долине вплоть до северной Ферганы, сходные с одним из типов курганов Кударгэ на Алтае. Учитывая, что в западнотюркском каганате происходила смена различных тюркских народностей, идущих в основном с востока (местные племена дулу и нушеби были сменены тюргешами Илийского бассейна, а затем карлуками западного Алтая), формы могильных насыпей могут зависеть от этнического состава населения (в пределах тюркского круга).

Как и в эпоху бронзы, в этот период сильно выступают явления культуры южносибирских племен, наряду с которыми стойко держатся и местные, локальные традиции (прежде всего в керамике).

Типичны украшения из бронзы — пряжки с овальной рамкой, подвижным язычком и прямоугольной сплошной рамкой; прямоугольные, овальные, сердцевидные и других форм бронзовые накладки на сбрую, иногда обтянутые тонким листовым золотом. Пряжки и накладки покрыты симметричным орнаментом, в котором преобладает сильно геометризированное изображение зооморфного характера. Наряду с бронзой широко распространена кость (пряжки, сбруи).

Ведущий тип в керамике — конические сосуды, сильно сужающиеся книзу на поддон (как бы подражающие позднекушанским бокалам), слабого обжига, серого цвета и прекрасные тонкостенные сосуды, сделанные из хорошо отмученной глины и покрытые красным лаком, явно кушанского (ферганского) происхождения. Встречаются серого цвета цилиндрические котлы со сплошными горизонтальными ручками. Среди могильного инвентаря часто встречаются танские (китайские) зеркала, стремена с узким подножьем и с петлей для привязывания ремня, сменяемые стременем с широким подножьем и прямоугольной рамкой для ремня (тип, сохранившийся до современности у кочевников Средней Азии).

Важнейшим культурным элементом этой эпохи является тюркский чекан на бронзовых кружках китайского типа, с надписью на тюркском языке «уйгурским» курсивом.[1]

Культура согдийских переселенцев, обнаруживаемая в укрепленных домах согдийских колоний (Сарыг, Чуйская долина), или в нижних весьма мощных, но мало насыщенных слоях городищ (Тараз, Таласская долина), или в таких центрах, как Сукулук, типична своей керамикой, прежде всего сосудами и среди них кувшинами с одной ручкой, согдийскими «гидриями». В подавляющем количестве сосуды лепные, с затертой и ангобированной поверхностью (преимущественно красного цвета). Весьма разнообразна орнаментация посуды. Если для глиняной посуды кочевников — саков, усуней, тюрок — характерно отсутствие на ней орнамента, для согдийской керамики весьма характерен крупномасштабный резной, лепной и желобчатый (вдавленный) орнамент различного типа (жгут, треугольник, криволинейный и геометризированный орнамент, «выемчатый», резной зигзагообразный и т. д.). Сосуды плотные, массивные, ручки широкие, иногда с надписями.

Важнейшей особенностью согдийской культуры является ее синкретический характер, что мы неоднократно отмечали в наших работах.

Синкретизм выявляется: в кибиткообразных оссуариях, монументальных статуэтках и светильниках-аташданах, имитирующих сакские жертвенники, в массовом изображении зверей и их схематизациях на ручках

[1] А. Бернштам. Тюргешские монеты. ТОВЭ, II.

и крышках сосудов, в сочетании изображений тау-теке и фазана. Наконец, типичной чертой согдийских слоев этого времени является массовая терракота, изображающая, главным образом, согдийца или персонажей авестийско-зороастрийского (и шаманистского) пантеона. Типичны подражания сасанидской орнаментике (круг из жемчужин; рис. 13—17).[1]

Описанная выше культура ограничена, главным образом, долинами Чу и Таласа, ее нет в Центральном Тянь-шане, слабые ее следы отмечены нами во время экспедиции 1945 г. в Северной Фергане. В целом, Восточная Фергана для этого времени самобытна, и те влияния, которые мы отмечаем, очевидно восходят к VIII в., когда тюрко-согдийское Семиречье особенно активно вмешивалось в судьбы Ферганы.[2]

Согдийские элементы в культуре Семиречья рассматривались нами в ряде работ. Значительно меньше уделялось внимания племенному составу местных, тюркских племен Семиречья, которые, оплодотворенные согдийской культурой, сыграли значительную роль в истории Средней Азии в целом. На описании этого тюркского этнического массива следует поэтому несколько задержаться.

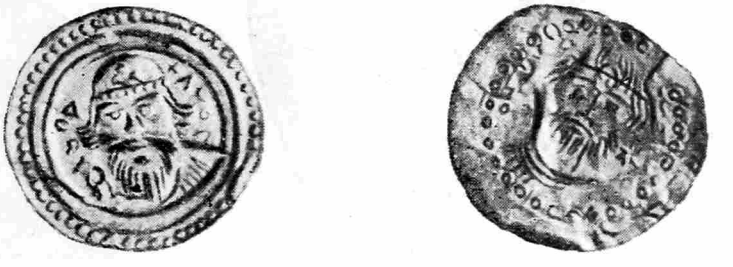


Рис. 13. Чуйская долина. Подражание византийским монетам. Электровые брактеаты VII в.

Китайцы сообщают о двух конфедерациях племен, господствовавших в Семиречье до начала VIII в., — конфедерации племен дулу и нушеби; в середине VIII в. господствовали тюргеши и с конца VIII в. — карлуки. Локализация этих племен достаточно ясна из сообщения Таншу. Согласно Таншу, при кагане Ибн-Дулу племена дулу были расселены по северную сторону Чу, нушеби занимали междуречье Чу — Талас. Каждая конфедерация делилась на пять частей. В состав первой входили: чумигунь, хулуву, нешитидунь, туциши хэлоши, шуниши чубань; в состав второй: асиге цзюе, гэшу, байсагань дунь, асиге нишу и гэшу чубань.[3]

Среди этих племен могут быть выделены племена чубань и чумугунь, в первой части своего названия имеющие название р. Чу. Из конфедерации дулу могут быть выделены туциши или тюргеши, о которых речь будет далее.

В этнониме *чубань* нельзя не видеть более ранний этноним *юебань*. Для разбираемого времени это название имеет характерную западнотюркскую форму — жекающую. Из этого факта следует, что если в V в. для Семиречья зарегистрирована йокающая форма *юебань*, а в VII в. имеем форму *чубань*, то, видимо, на время между V и VII вв., т. е. на VI в., падает переход от одной фонетической формы к другой. Для конца VI в. нам известны уже жекающие формы: очевидно, этот

---

[1] См. наши этюды: Образ согдийца в коропластике Чуйской долины (КСИИМК, XIX); Образ сасанидского царя в Сукулукской терракоте (КСИИМК, XXIII); Буддийская терракота из Сукулука (КСИИМК, XIV).

[2] А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. ВДИ; ср. КСИИМК, XXI, стр. 86—88.

[3] См.: E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux, СПб., 1903.

процесс произошел раньше и может быть увязан с самым началом подъема тюркских племен Алтая, т. е с серединой VI в.[1]

Чубань находились в двух конфедерациях, что говорит о многочисленности племени, а это соответствует историческим сведениям о племени

Рис. 14. Чуйская долина. Терракота тюрко-согдийского периода VI—VIII в.

юебань, которое вошло в состав западных тюрков. Сходство в языке юебань с уйгурами определяет и тюркский характер чубань. В конфеде-

[1] А. Н. Бернштам. О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии. Сб. «Памяти акад. Н. Я. Марра». М.—Л., 1939. Ср.: С. Е. Малов. К истории Казахского языка. ИАН, ОЛЯ, 3, 1941.

рации нушиби чубань были представлены одной «костью», о чем говорит термин г э ш у, сопоставленный Н. Аристовым с именем «кущук».[1]

Весьма любопытно, что среди племен дулу уже находились туцишитюргеши. В VI—VII вв. тюргеши были северными соседями семиречен-

Рис 15. Чуйская долина. Терракота тюрко-согдийского периода VI—VIII в.

ских племен. Видимо, здесь идет речь об одном из племен тюргешей, о роде хэлоши, или, если принять, что иероглиф 邏 — *ло* обычно употреблялся для транскрипции фонемы *р*, — *хэрши*.

---

[1] Н. А р и с т о в. Заметки об этническом составе тюркских племен и народов ЖС, 3—4, 1894.

К тюргешским племенам следует отнести и племена асиге, представляющие не что иное, как племена азы рунических текстов, в свою очередь восходящие к античным асиям и поэтому, с нашей точки зрения, являющиеся одной из разновидностей названия «усунь» (кстати к VI в. уже совершенно исчезнувшего).

Выше мы уже отмечали, что племена тюргеши составляли часть племен дулу. Таншу говорит, что тюргеши вначале жили на северо-запад

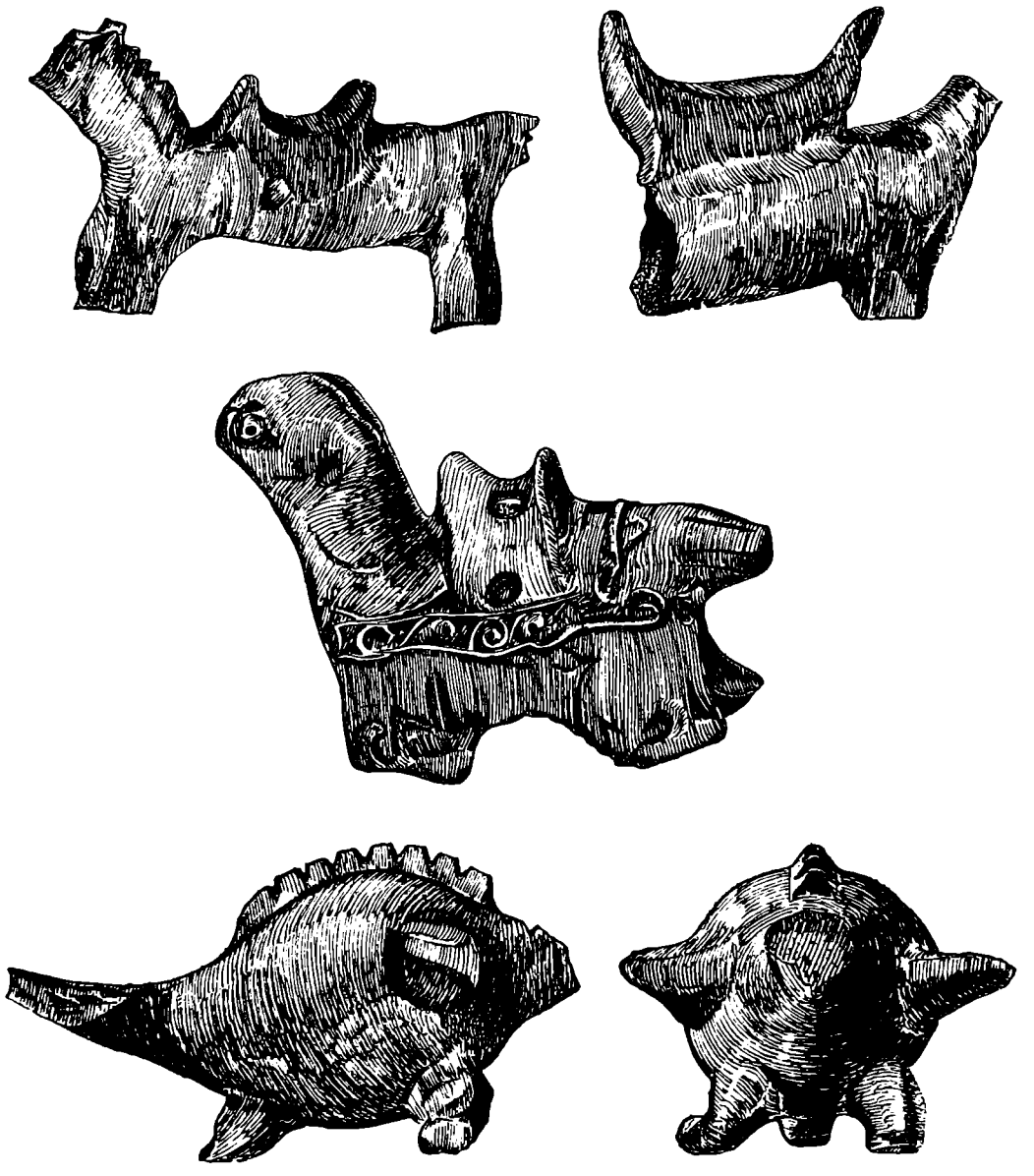


Рис. 16. Чуйская долина. Терракота тюрко-согдийского периода VI—VIII в.

от г. Суяба, т. е., вероятнее всего, в Прибалхашье, в Илийской долине. О принадлежности тюргешей к группе западноалтайских племен говорят этнографические данные, указанные Н. Аристовым. Даже после завоевания тюргешами Суяба малая их орда оставалась на Или. Наличие рода хэрши среди дулу говорит о том, что тюргеши больше, чем, например, карлуки, были связаны с семиреченскими тюрками. Деление тюргешей на две группы, желтых и черных, отмечают и рунические тексты, причем из последних следует, что каратюргеши не были покорены восточными тюрками.

В рунических текстах имеется описание похода тюрок против «десятистрельного народа». Термин *on oq budun* соответствует китайским сообщениям о делении западных тюрок на «стрелы». Так, имеется сообщение, что

Рис. 17. Чуйская долина. Керамика карлукского времени IX—X вв.

Шаболо Хилиши каган «разделил свои владения на десять поколений. В каждом поколении поставил по одному начальнику для управления. Каждому начальнику дал по одной стреле, отчего они наименовались

„десять шэ" и также „десять стрел".[1] Китайское название «ши-шэ» соответствует тюркскому термину *on oq*. Эти десятистрельные тюрки были врагами восточных тюрок, и Тоньюкук описывает поход против них, относящийся видимо к началу VIII в.

Войско десятистрельных тюрок собиралось в «Ярышской степи». В подлиннике стоит , причем эта местность, несомненно, была расположена к западу от Иртыша. Войска восточных тюрок проходят Алтай, переходят Иртыш и достигают местности Болчу, после чего вступают в Ярышскую степь, где и входят в соприкосновение с десятистрельными тюрками. Очевидно, что здесь речь идет о северном Семиречье (быть может, о районе Тарбагатая). Топонимическое название «ярыш» соответствует части названия тюргешей «хэрши», запечатленной китайцами в придыхательной форме, и указывает вместе с тем первоначальное местоположение тюргешей в северной части Семиречья.[2]

Описанный Тоньюкуком разгром десятистрельных тюрок[3] освободил тюргешей от связей с конфедерацией дулу, и они захватывают господство в западнотюркском каганате, став с 704 г. полновластными хозяевами Семиречья до разгрома их карлуками в 766 г.

Из анализа племенного состава «десятистрельного» народа явствует, что в нем еще сохранялись этнонимы предшествующих здесь кочевников времени сакско-усуньского союза (племена азы-асиге) и II—V вв. н. э. (племена юебань — чубань). В этом союзе уже занимали значительное место тюргеши, жившие в северной части Семиречья, а затем распространившие свою власть на все Семиречье.

В отличие от племен тюргешей, карлуки не являлись семиреченскими племенами в собственном смысле слова.

Название «гэлолу» есть точная транскрипция имени «карлук», лишь измененная вследствие чтения иероглифов на основе современного произношения.

Иероглиф 歌 звучал, согласно В. Карлгрену, *kâ*, 邏, как мы показали выше, звучал *là* и в то же время *r*, и, наконец, последний 祿 в древности звучал *luk*. Очевидно, что эти три иероглифа звучали *kâ-r-luk*, что полностью соответствует имени племени, известному и по мусульманским источникам. Важно заметить, что китайцы абсолютно точно транскрибировали тюркские имена, и лишь неизвестность древнего произношения китайских иероглифов не позволяла правильно прочесть китайские транскрипции.

Карлуки первоначально занимали западный Алтай, составляя буфер между восточными и западными тюрками. Они состояли из трех родов, среди которых третий род — ташили — явно имеет тюркское название «каменные» (тюркск. — *ташлык*). Владетель карлуков имел название «ябгу» трех родов. Ф. Хирт указал, что фигурирующие в руническихтекстах племена уч-огуз являются одним из названий карлуков, которые ранее рассматривались как часть огузского союза племен.[4] Только во второй половине VIII в., когда карлуки завоевывают Семиречье, их имя становится известным, ранее они существовали под другим названием

---

[1] Н. Бичурин, ч. 1, стр. 350.

[2] «Ярыш» значит вообще «пастбище с мягкой травой для жеребят». Совершенно очевидно, что древний город Эрши-Урешт, где разводились знаменитые лошади Давани (об этом см. нашу статью: «Араванские наскальные изображения и древняя столица Ферганы — Эрши», СЭ, 4, 1948), есть тот же тюркский термин, обозначающий определенный вид пастбища.

[3] См. текст в издании В. В. Радлова: Alttürkischen Inschriften der Mongolei (в дальнейшем: ATIM), СПб., 2-я сер.

[4] F. Hirth. Nachworte zur Inschrift des Tonjuquq (ATIM, 2-я серия).

(уч-огуз), с которым и выступали в союзе с токуз-огузами против уйгур. То, что китайцы еще с середины VII в. употребляют название «карлуки», объясняется поздним составлением Таншу, когда китайский историк перенес в глубь времени известное ему название «карлук», окончательно вытеснившее название «уч-огуз».

В имени «уч-огуз» наличествует указание на связь карлуков с достаточно древними тюркскими образованиями, осуществлявшими непосредственную связь не только западных тюрок с восточными, но также с алтайскими и енисейскими племенами. Речь идет о древних гао-гюй.

В пределах Восточного Туркестана и Джунгарии в IV—V вв. складывается конфедерация тюркских племен под названием «гао-гюй», ведущих свое происхождение от гуннов. Термин *гао-гюй* является не чем иным, как наиболее древней китайской транскрипцией названия «уйгур». В IV—V вв. на территории племен уйгур — гао-гюй образуется Жужанский каганат. В истории последнего борьба против неподчиняющихся гао-гюйских племен занимает главное место в его внешнеполитической и внутренней истории. Термин *уйгур* состоит из двух частей. Первая — *уй* является формой повелительного наклонения глагола 'собираться', 'соединяться', вторая — *гур* (древнетюркская форма — *гуз* || *огуз*) — племенной тотемный термин, восходящий к тотему «бык», изображения которого запечатлены на фаларах из ноин-улинских курганов. Этноним *уйгур* — древнейшая форма собирательного названия объединения огузских племен.

В конце V в. жужанами, ханом Дэулуном и его дядей Нагайем, к западу от Алтая были разбиты племена гао-гюй. Одна часть гао-гюй отброшена к югу, где они оставались и позднее, а другая была отогнана Нагайем в западном направлении. В результате этого события, происшедшего в 492 г., в пределах восточной Европы появляется большое количество разнообразных племен «гуров», с различными аттрибутивными префиксами в названиях: *он, сары, кут, ут* и т. д. Все эти префиксы тюркского происхождения: 'десять', 'желтый', 'счастливый', 'трава', 'огонь'.

Появившиеся разновидности «гуров» не что иное, как тюркские племена из конфедерации гао-гюй. Из этих племен значительная часть осела в западных пределах Средней Азии в районах нижнего течения Сыр-дарьи и Хорезма. На базе гурских племен впоследствии создается и аварский каганат (жуаньжуани, разгромленные тюрками в 552 г. и ринувшиеся в Западную Европу). Племена гуров были, таким образом, расколоты на две группы — юго-восточную (Восточный Туркестан и Монголия) и северо-западную — Среднеазиатская и Восточноевропейская.

В связи с общим законом развития тюркской фонетики ротацирующая форма «гур» была заменена новой зекающей формой (ср. чувашск. — *хер* || *кыз*, *тахар* || *токуз*), знаменующей более высокую стадию развития языка. Впоследствии название «гур» стало этнонимом *гуз* || *огуз*. Территории, занятые древними племенами «гурами», стали известны арабским и персидским авторам как территории «гузов».

Юго-восточные гузы делятся на девять частей. Числительные префиксы этнонима *огуз* (*уч*, *токуз*) показывают порядок огузов в политическом объединении. Общее название конфедерации сохраняет древнюю форму и является основой народного названия *уйгур*. Политическая терминология, общая — уйгур или частная — токуз-огузы, уч-огузы и т. д., не исключала и частной этнической терминологии, засвидетельствованной китайскими источниками (см. текст Суйшу о конфедерации теле).

Северо-западная группа усвоила и сохранила название «огуз» и потому, что, попав в VI—VIII вв. во владения тюркского каганата, огузы были

подчинены ханскому роду, который происходил от одного из делений юго-восточных огузов.

Разбросанность огузов, обусловленная еще событиями V в., сложное наименование отдельных частей (частный этноним, частно-политический и обще-конфедерационный) послужили основой для всевозможных путаниц в нарративной и географической литературе арабов и персов.

Все формы — токуз-уйгуры, токуз-гуры, токуз-огузы и т. д. — не что иное, как по-разному воспринятые названия юго-восточной группы огузов. Наличие части огузов на крайнем востоке (восточный берег Байкала) — результат раскола конфедерации уйгур тюркским каганатом.

Северо-западная группа огузов, которая до X в. не составляла единого политического целого, утратила окончательно древнее собирательное название «уйгур» и в силу своего пребывания в Тюркском каганате огузского происхождения превратила частный термин *огуз* в собирательное название различных племен тюркского происхождения. О наличии связей Семиречья с Алтаем и даже Енисеем говорит целый ряд археологических фактов и письменных известий, частично нами уже разобранных в другой работе.[1] Здесь мы напомним некоторые из них.

Енисейские кыргызы VIII в. были связаны с карлуками торговыми отношениями. Вследствие этих связей появились смешанные браки, и один из кыргызских каганов, а именно Пицьсе Тунге Гинь, был сыном тюргешки, а его жена была дочерью карлукского ябгу. Так как известия об этом кагане относятся к 800—820 гг., то становится ясным, что кыргызы были связаны с Семиречьем не только в конце VIII в., но и в начале IX в., когда и тюргеши и карлуки были насельниками Семиречья. Эти этнические связи семиреченских племен с Енисеем и объясняют некоторые археологические памятники, обнаруженные в Семиречье, в частности кыргызскую эпиграфику надгробий Таласа.

Алтайские элементы в культуре Семиречья этого периода объясняются древнеуйгурскими связями, среди них движениями племен гао-гюй.[2]

Приведенные замечания о племенах гао-гюй показывают и один из путей алтайско-семиреченских и семиреченско-синьцзянских связей. В свою очередь они определили и появление в Приаралье семиреченских элементов культуры, отмеченных исследованиями С. П. Толстова.[3]

Приведенный анализ этнического состава племен Семиречья показывает также глубокую историческую связь тюркских племен Семиречья с племенами сакской среды и широкие территориальные связи их с тюркоязычным миром, расположенным как к востоку, так и к западу от Семиречья.

Таким образом, если культура Семиречья тюрко-согдийского периода была синкретической, если само Семиречье было в ту пору «Византией Востока», то движения тюркских племен обусловливали и то, что эти явления не оставались локальными, а находили себе широкую почву для распространения. Сейчас нам это ясно в отношении Ферганы и Северного Синьцзяна; начинают выступать эти явления и в Хорезме и в Тохаристане.

VI. КУЛЬТУРА СЕМИРЕЧЬЯ В IX—XII ВВ. (КАРЛУКИ И КАРАХАНИДЫ)

Основным центром культурной жизни Семиречья в эпоху IX—XII вв. становится город. Города Семиречья протянулись от Испиджаба до

[1] АОСК, стр. 60; Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв., стр. 165 и сл.

[2] Частично мы это отмечали в статье: Уйгуры в Семиречье. Сб. «Белек», Фрунзе, 1947; ср.: СЭ, VI—VII, 1947.

[3] См. его: Города гузов, СЭ, 3, 1947; его же: Древний Хорезм, М., 1948.

Иссык-куля, особенно развиваясь там, где прошла караванная дорога. Городскими поселениями оказались охвачены полностью долины рек Таласа и Чу и берега оз. Иссык-куля. Возникнув на рубеже VIII—IX вв., эти поселения развиваются в IX—X вв., причем наибольшее развитие отдельных центров (типа Талас, Сарыг, Баласагун) падает на XI—XII вв. В это же время возникает и ряд городов по Или, характерных подобно тяньшанским городищам отсутствием цитаделей. Собственно Семиречье в культурном отношении распадается в это время на три крупных района — Талас, Чу и Или. Горный Тянь-шань по своим характерным особенностям приближается к культуре Или. В то же время в западной части Центрального Тянь-шаня мы наблюдаем воздействие Ферганы.[1] Все эти районы в культурном отношении имеют максимум сходства в караханидскую эпоху.

В XI—XII вв., как мы уже отмечали,[2] количество городов в таких оазисах, как Таласская долина, сокращается за счет расширения крупных центров типа Тараз. С другой стороны, увеличивается количество оседлых укрепленных поселений в районах, примыкающих к Или.

В Таласе и Чу города возникли на основе старых согдийских поселений. В план шахристана включается цитадель, расположение которой весьма разнообразно (в углу, в центре, у одной из стен шахристана). Стены города, ориентированные по странам света, складывались из сырцового кирпича и имели мощное основание до 10 м в сечении. Высота их полностью не сохранилась, но, очевидно, иногда достигала 8 м. Стены окружались рвом, образующимся из карьеров, откуда брали глину для изготовления кирпича. Любопытно строение ворот таких городов. Они представляли собой вал такой же высоты, как и стены города, образующий перед входом в город излом в виде буквы Г. Углы такого «замка» укреплялись башнями (Тараз, Тюймакент, Атбаш и другие). Таким образом, если враг хотел ворваться в город, он вынужден был подходить к воротам небольшими группами, при этом преодолеть ломаную кривую вала, где его легче всего было поразить, притом с трех сторон. Башни чаще располагались по стенам рибатов, которые окружали большие города типа Тараза (Тюймакент, Оххум), чем на стенах самих городов. В некоторых городах на валах все же имеются башни (таковы Баласагун, Сарыг и мн. др.). Иногда ворота имели несколько иную конструкцию, вдоль ворот воздвигалась стена, иногда укрепленная башнями. Таким образом неприятель для того, чтобы войти в город, попадал сначала как бы в узкий коридор, где с ним легче было расправляться осажденным (Баласагун, Талгарское городище).

Мощные укрепления поселений городского типа достаточно наглядно характеризуют время своего возникновения. Многочисленные феодальные распри и угроза нападения кочевников на жителей города диктовали необходимость этих оборонительных сооружений.

В непосредственной связи с укреплением города стояло и укрепление оазисов: возводились длинные стены, отграничивающие участки земли, обычно имеющие с других сторон естественную преграду. Так, например, город Текабкет (г. Ак-тюбе) имел к востоку длинную стену, один конец которой упирался в южные склоны Киргизского Ала-тоо, другой подходил к р. Талас.

Мощной стеной, сложенной из сырцового кирпича, была ограждена область Верхний Барсхан на Иссык-куле.

---

[1] Наблюдения наших экспедиций 1944—1946 гг. См.: Известия Киргизского ФАН, II—III, Сб. «Акад. К. И. Скрябину», Фрунзе, 1945; «Советская Киргизия», 29 XII 1945.

[2] ПСТД, стр. 50 и сл.

Около таких стен обычны поселения, где, видимо, жил военный гарнизон; в самих стенах имеются укрепления-башни (Таласская стена).

Существенной стороной укрепления поселений являются крепости, также четырехугольные в плане. Наиболее выразительны такие крепости-рибаты в Таласском оазисе, где их удалось проследить в северо-восточном углу оазиса (Тюймакент, Оххум и др.). Они охватывали оазис кольцом, защищая его от нападений неприятеля. Такие рибаты имеют мощные стены, укрепленные угловыми башнями и башнями в центре стен, расставленными на таком расстоянии друг от друга, чтобы было обеспечено поражение врага, подошедшего к стенам, с двух сторон. Расположение башен исключает какие бы то ни было «мертвые пространства». Аналогично укреплен был Харран-джуван, о котором Макдиси сообщал, что он был окружен неверными, город Баласагун и др.

Культурные слои в таких рибатах весьма незначительны, хотя и имеют значительное протяжение. Внутри рибатов находились большие сооружения (Буранинское городище).

К рибатам примыкают и хисны — собственно крепости, со сравнительно небольшим гарнизоном, предназначенным для непосредственной обороны города (Беловодская крепость).

Укрепленными были, хотя и менее значительно, караван-сараи, расположенные между городами и указывающие обычно направление караванной дороги. На наиболее оживленных участках дороги такие караван-сараи отстояли друг от друга на расстоянии не более 2 фарсахов, в более пустынных районах (Илийская долина) они отстояли друг от друга значительно дальше.

Чтобы закончить наш краткий обзор типов поселений, заметим, что для карлукской поры удалось выявить поселения полугородского, полусельского типа (Дохнуджикес и Адахкес), укрепленные стенами, а в караханидскую эпоху появляются неукрепленные сельские поселения (Петропавловское селище, Марждан Тюбе и др.) и укрепленные замки типа Чуль-тепе (Талас).

Если города, которые связаны своим происхождением со старыми согдийскими колониями, имеют цитадель — место собственно государственной власти — и связанные с ней сооружения, то города, возникшие позднее, главным образом в XI—XII вв., цитаделей не имеют (тяньшанские и илийские городища) и ориентированы обычно углами, а не сторонами по странам света.

Если в ранних городах IX—X вв. жизнь в основном сосредоточивалась в шахристанах, то с XI в. в Семиречье можно отметить широкое развитие торгово-промышленных предместий — рабадов, появившихся, главным образом, в таласских и чуйских городищах. Появление рабадов вызывало необходимость постройки дополнительных укреплений. Однако стены шахристана сохраняют свое боевое значение, так, например, рабад всегда отстоит от стен шахристана, т. е. строительство рабада шло с таким расчетом, чтобы не ослаблять военной мощи стен шахристана.

Нам удалось отождествить большую часть развалин в Семиречье с упоминающимися в источниках названиями, но заключения по этому вопросу нашли свое отражение лишь в отчетах, указанных в первом разделе статьи, а сводка всех этих наблюдений специально подготовляется к печати.

В городе воздвигались здания из сырцового формованного кирпича разных размеров; для карлукской поры характерны более крупные «согдийские» кирпичи. До IX—X вв. дома строились исключительно из сырца, иногда употребляли катки-гуваляк и набивной дувал. Гуваляк клался поперечно стене, как кирпич в современном строительстве, самой

Рис. 18. Древний город Сарыг. Роспись al secco VIII в. Бодисатва.

Рис. 19. Древний город Сарыг. Роспись al secco VIII в. Маньчжурские астры. (Акварель М. В. Луппиан).

ис. 20. Древний город Джуль. Фрагмент Ваджрапани IX—X вв.
(Акварель С. С. Сорокина).

Рис. 21. Древний город Джуль. Фрагмент Ваджрапани IX—X вв. (Акварель С. С. Сорокина).

простой кладкой — «торчком» и «ложком». Ширина стен колебалась от 0.5 кирпича до 2.5. На площадке, где возводилась постройка, делался фундамент из булыжника (Тараз), а затем уже воздвигались стены из упомянутого выше строительного материала. К концу карлукской эпохи начали употреблять для застилки полов жженый кирпич (Сарыг). Наряду с ним применялась обмазка пола по камышевой плетенке — буйра (Тараз). На буйре делались и глинобитные крыши. С киданями (народ тунгусо-маньчжурского или монгольского происхождения) появилась черепица. Стены жилища обмазывались плотно отмученной глиной без всякой примеси или подложки.

В богатых домах стены расписывались al secco (Сарыг) по такой штукатуренной стене черной, синей, желтой красками и дополнительно прорезались плавными линиями орнамента, кругами и восьмилепестковыми розетками. Этот тип разделки стен имеет среднеазиатские корни. В других зданиях были обнаружены китайского типа росписи: цветы астр и буддийские изображения (Сарыг). В этих росписях, также техникой темпера, подложка делалась особенно тщательно путем троекратной обмазки стен в разных направлениях, что придавало подложке росписи (в сечении) вид среза фанеры (рис. 18 и 19).

Оба упомянутых типа росписи характерны для зданий не позже X в. С XI в. в частных и общественных зданиях появляется алебастровая штукатурка, украшенная резьбой и иногда окрашенная. В росписи стен появляется фреска. Делается более тщательная грунтовка, плотная, до 3 см толщиной. Гамма красок сравнительно бедная — черная, красная, желтая, рисунок геометрический. Если al secco размещалось на фризах внутренних помещений, то фреска уже доходит до пола, так как она не боится не только прикосновения людей, но и влаги. В резьбе по стуку преобладают растительные мотивы.

Неизменными спутниками жилищ являлись выгребные ямы (бадрашхана), достигающие иногда большой глубины (до 3—4 м), и колодцы. Близость их влияла, видимо, на качество воды, сильно ухудшая ее. Большое количество в городищах колодцев, равно как и фекальных ям, говорит о большой скученности жилья, что подтверждают и остатки самых построек.

В жилищах, естественно, были и очаги для варки пищи, обычно открытые, а также закрытые печи для изготовления лепешек — тонуры. Последние обычно имели перекаленную обмазку внутри, исчерченную глубокими бороздами, чтобы испеченную и прилипшую к стенкам тонура лепешку было легче оторвать от стенки.

При раскопках одного жилого дома в Сарыге в одной комнате явно преобладал женский инвентарь — украшения (бусы и т. д.) и домашняя женская утварь. Очевидно, соблюдалось деление помещения на мужскую и женскую часть; во всяком случае это имело место в богатых домах.

Нельзя то же сказать про жилой дом ремесленника-винодела из рабада, в Сарыге. Здесь центральную часть жилья занимали приспособления для виноделия, а бедный, вернее рядовой, инвентарь не был сколько-нибудь строго локализован в помещении, хотя располагался ближе к очагу.

Ранние дома IX—X вв. отоплялись мало экономным открытым очагом, находящимся в комнате. В постройках XII в. существует уже прекрасно разработанная система отопления в виде полых стен помещения, которые обтекал согретый воздух из центрального отопительного сооружения (каны).

Общественные здания городов, особенно культовые сооружения, часто делались из обожженного кирпича. Так, целиком из обожженного

кирпича была построена баня Тараза.[1] Из обожженного кирпича делались минареты мечетей и сами мечети (Бурана), мавзолеи (Бабаджи-Хатун и Айша-Биби). Фасады зданий для этой поры были в основном гладкие, и лишь в более старых культовых сооружениях была фигурная кладка кирпича и ложные выкладки ниш, а в поздних (XI—XII вв.) широко применялся неполивной изразец. Находки неполивных изразцов в комплексах жилых зданий Тараза говорят о том, что, вероятно, и жилые гражданские сооружения имели хотя бы частичную декоровку фасада (наличники окон и дверей, фронтоны).

Города имели иногда одну прямую улицу, обычно идущую от ворот и перерезающую весь шахристан. Прямые улицы, ведущие к воротам города, были и в рабадах (Сарыг). Все остальные кварталы не имели строгого плана. Гражданские сооружения общественного назначения располагались близ цитадели, но не исключалась возможность возведения рядовой жилой постройки поблизости к такому крупному сооружению.

Часть культовых зданий делалась из сырцового кирпича (буддийский храм Баласагуна, Джуль) и отделывалась фресковой росписью, каменными и глиняными изваяниями (рис. 20—21).

Большие города, как, например, Тараз, были сравнительно благоустроены. Они имели (в XI—XII вв.) мощенные булыжником улицы и тротуары из плоских плит. Вдоль тротуаров шли выложенные из крупных камней подквадратной в сечении формы арыки и устроенные на улицах колодцы, бордюр которых выкладывался также крупным, плохо обработанным камнем. Наряду с колодцами вода сохранялась в ряде городов в хаузах (Харран-джуван, Сусы). В некоторых городах были водопроводы, сделанные с помощью гончарных труб, вода в которые подавалась или по естественному наклону (Текабкет), или, быть может, чигирями (Тараз). В первом случае, для того чтобы выдержать определенный уровень, водопровод делал замысловатые петли, прежде чем подвести воду в цитадель города (Текабкет). Когда нельзя было избежать сильного уклона, употреблялись конические, специально утолщенные в муфте трубы. Водопроводы связаны обычно не с питанием водой шахристанов, где были колодцы, а с цитаделью.

Города жили ремеслом и торговлей. Здесь же пребывала политическая власть над государством в целом (Баласагун, Тараз) или над ближайшей местностью, политически или экономически тяготеющей к городу.

Дошедшими до нас археологическими материалами наиболее полно документировано керамическое производство. Поливная посуда в Семиречье не старше IX в. (для Таласа, на р. Чу она появляется позднее). Ранние образцы поливной посуды имеют медную глазурь зеленого или голубого цвета на светлорозовом плотном черепке. Роспись подглазурная тусклая, сочетается с резным орнаментом. Поливная посуда на гончарном кругу — пиалы, кесы, блюда (рис. 22—23). Последние не совершенны по выделке. Большой диаметр блюда вызывал искривление профиля. В IX—X вв. поливная посуда — самаркандская полива саманидского времени. Она имеется в Таразе и совершенно отсутствует даже в Чуйской долине, не говоря об Или и Тянь-шане. Характерной чертой местной поливной посуды XI—XII вв. является известная ажурность орнамента, распадающегося на ряд деталей, вихревая розетка донышка, бордюр с надписью сильно стилизованным куфи или растительный орнамент. Поливная посуда XI—XII вв. вся местного изготовления, но ухуд-

[1] А. Н. Бернштам. Баня древнего Тараза и ее датировка. ТОВЭ, II.

шается качество поливы.[1] В заполнении украшаемой плоскости две разновидности — вихревая розетка коричневой краской в центре и бордюр точками при белом фоне сосуда или сплошное покрытие сосуда медальонами с росписью. Учащается симметричность рисунка, красные фоны, стилизованные надписи (исключительно куфи) с коранические благо-

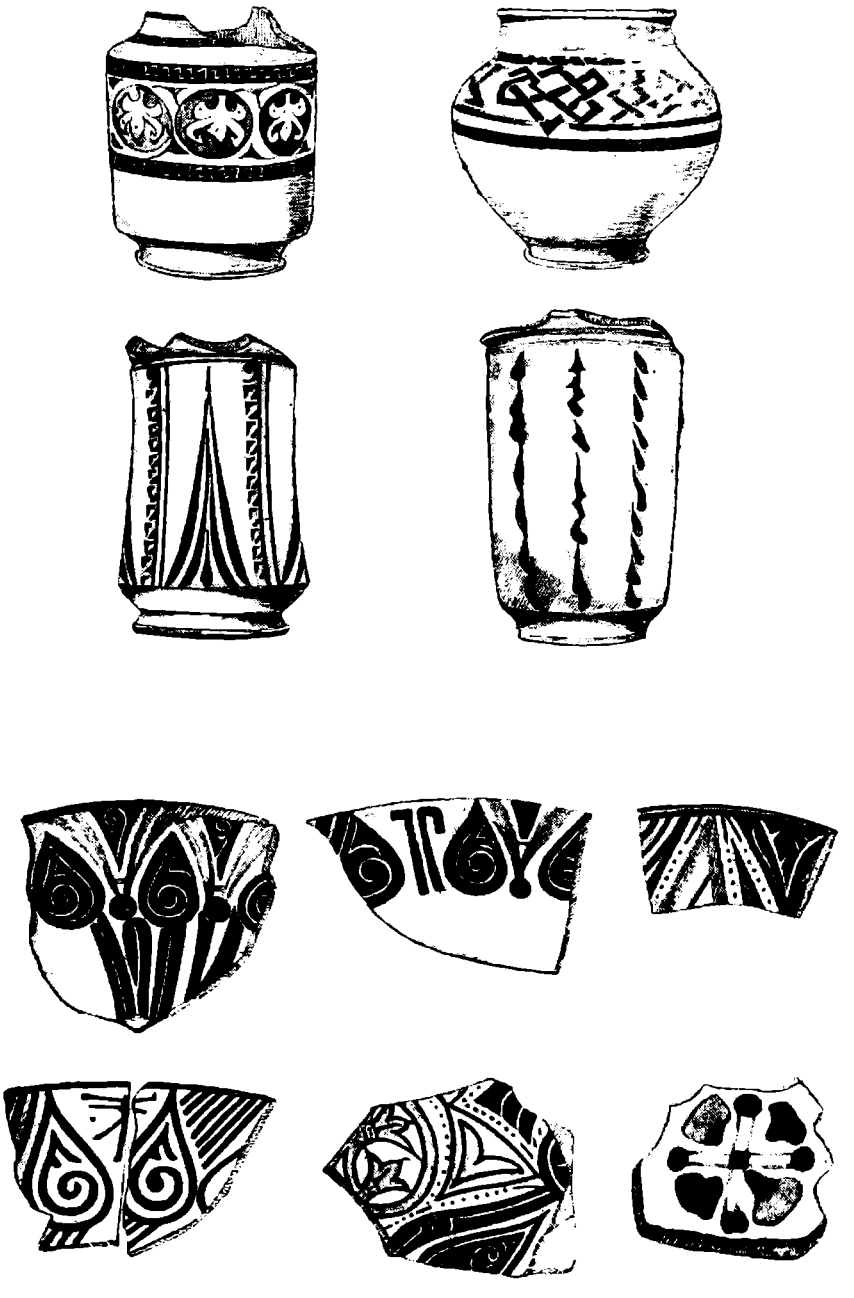


Рис. 22. Чуйская долина. Керамика карахапидского времени XI—XII вв.

пожеланиями. К концу XII в. на окаймляющем бордюре появляется резьба под зеленой или белой глазурью. Темы резьбы — бегущая лоза. Появляются подглазурный штамп и красочные росписи без рисунка всей внутренней плоскости блюд (китайское влияние). Наряду с местной — привозная, иранская, синяя посуда. Материал — глина; в XII—XIII вв.

[1] Начинает появляться селадон. См. нашу заметку: Фрагмент селадонового блюда с китайской надписью. КСИИМК, XVII.

появляется кашин. Обжиг средний и высокий, а при изготовлении сферо-конусов почти достигается плавка глины.

Печь для изготовления керамики имела сферическую форму. В ее стенки вставлялись керамические штыри, на которых вешалась посуда для обжига. Для укладки же поливных блюд и пиал употреблялись треножки также из глины. Отпечатки этих подножек наблюдались на готовых изделиях, и подножки были найдены в большом количестве.

Богатство и разнообразие керамики Тараза исчезает к востоку от него. Прежде всего следует отметить резкое падение количества поливной посуды в чуйских городищах и почти полное исчезновение в илийских. Если на 100 кв. м раскопа на месте жилых зданий в Таразе было около 1000 фрагментов поливы, то при тех же условиях стратиграфического раскопа на Сарыге их оказалось всего около двух десятков.[1] В чуйских городах, а тем более илийских и тяньшанских, преобладает неполивная керамика, а поливная найдена только в слоях XI—XII вв.[2] Очевидно, что возникшее производство местной поливной керамики распространяется дальше на Восток, а до этого господствует, главным образом, неполивная посуда; в Таразе же широко используется в обиходе импорт из Самарканда. В неполивной посуде IX—X вв. преобладает резьба и штамп (Верхний Талас, Чуйская долина).

Типической чертой керамики карлукского периода является продолжение традиций предшествующей эпохи. Целый ряд предметов столь сходен стилистически и технически с тюрко-согдийскими комплексами, что только стратиграфия способна дать хронологию находкам. Однако характерен и для карлукского периода ряд отдельных комплексов, обнаруживаемых в поселениях городского типа. Укажем главное.

Весьма типичны для этого времени достарханы с крупномасштабным криволинейным орнаментом, выполненным желобчатой техникой. Сосуды лепные, гончарный круг еще весьма редко фигурирует в производстве керамики. В орнаментации сосудов часто можно встретить орнамент в виде ожерелья. Широко распространена малообъемная (детская?—культовая?) посуда, грубой работы. Появляется хум с сильно отогнутым венчиком, украшенный по краю жгутом. Вместо оссуариев, зороастрийские погребения встречаются также в хумах. Наряду с мусульманскими городищами, встречаются буддийские храмы с преобладанием уйгурской школы в живописи и в раскраске статуй. Широко распространено уйгурское письмо,[3] продолжает бытовать бронзовая тюргешская монета. В сосудах (керамике и бронзе) появляется пята на ручке. Поливы почти нет, белая полива с подглазурной коричневой росписью представлена, главным образом, в чираках с петлеобразной ручкой. Эти явления типичны для Чуйской долины, в Таразе поливу можно встретить чаще; это, как уже отмечали, в основном саманидская полива Афрасиабского типа, с преобладанием светлой глазури с разреженной, чаще буквенной, подглазурной орнаментацией. Если в карлукской неполивной керамике наблюдается ручная лепка и орнаментальная насыщенность поверхности сосуда, то в караханидскую эпоху уже явно преобладает станковая посуда (с гончарного круга) с жесткими «металлическими» формами, а орнамент изготовляется штампом. Даже в кухонной посуде преобладает

---

[1] АОСК. стр. 91.

[2] См. у нас в статье «Памятники старины Илийской долины» (Известия АН Каз. ССР, сер. археологическая, вып I.).

[3] А. Н. Бернштам. Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I, 1946, ср. там же, вып. II.

этот тип, хотя отмечается и существование некоторых видов сосудов ручной лепки (большие котлы). Меньше разнообразия в формах и орнаментации керамики на городищах Или, еще меньше — на Тянь-шане.

Рис. 23. Чуйская долина. Керамика караханидского времени XI—XII вв.

Для караханидского времени характерны изделия из бронзы (подсвечники, формы которых в виде цилиндра или призматического ствола сохраняются и позднее при монголах).

Стандартизация форм, господство штампа свидетельствуют о победе городского ремесла над домашним трудом. Особенность караханидской поливы и ее росписи в Чуйской долине — реализм в изображении животных, известных в более геральдической трактовке на Западе (Мавераннахр, Фостат, Рей и т. д.).

Материал, помещенный в классификационной таблице, показывает различия в формах карлукских и караханидских типов и для караханидских изделий выявляет максимум черт среднеазиатского масштаба. Это вполне понятно, учитывая политическую роль и территориальную экспансию караханидов.

VII. КАРАКИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА, МОНГОЛЫ И ТИМУРИДЫ

В дополнение к ранее изданным описаниям, мы остановимся в двух словах на типичных чертах культурных остатков XII—XVI вв.

Своеобразие каракитайской культуры в Семиречье столь велико, что ее комплексы с явно выраженным буддийским характером ясно выделяются на общем фоне культурных остатков городищ (рис. 24). К типическим и массовым ее проявлениям относится кровельная черепица с матерчатым отпечатком на тыльной стороне (Баласагун, с. Ворошиловское, с. Александровское), круглые налепы с синкретическими сюжетами, сасанидский круг из жемчужин с лотосом посередине (Баласагун), «коньки» (с. Александровское). Типические черты каракитайской культуры ясно прослеживаются в культовых и архитектурных памятниках.

Рис. 24. Чуйская долина. Статуэтка будды каракитайского времени.

В изделиях бытового назначения наиболее четко выступают особенности каракитайской культуры в предметах из нефрита (Баласагун, Кысмычи), в керамике сунского облика (белая и голубая, иногда с краклэ) и в селадоне. Высокогорлые кувшины из неполивной керамики в основном повторяют развитую керамику караханидского времени; судя по раскопкам в Баласагуне, была широко распространена и обычная поливная керамика караханидов (пиала, кеса и т. д.). Учитывая, что до своего политического могущества каракитаи сосуществовали с местным населением караханидского времени, можно предположить, что в «обмен» на местные «дары» (керамику) каракитаи принесли в Семиречье каны, тип которых восходит к маньчжурской разновидности.

Каракитайские центры, отмеченные в трех пунктах в Чуйской долине, всегда стоят более или менее отдельно от мусульманских городищ. Они однослойны и не нуждаются поэтому в особой стратиграфической характеристике. Известные нам некрополи (Кысмычи и район с. Александровского) дают шатровое перекрытие над могилой из сырцового кирпича с костяком, ориентированным по линии С — Ю, с бедным инвентарем (нефрит). Тип этих могил известен под курганными насыпями в Таласе и в караханидских некрополях. Характерен чрезвычайно разнообразный расовый состав погребенных.

Тонкие слои монгольского времени отмечены нами в Таразе (Талас) и Койлыке (р. Или). Они с трудом отделяются от более поздних тимуридских. В обоих пунктах они документированы обилием костей домашних животных в культурных слоях, голубой керамикой (привозной или местной), схожей с караханидской, и с обильной графической резьбой растительного характера под белой или зеленоватой глазурью.

Наряду с кесой и другими «мусульманскими» формами, достигшими своего совершенства при караханидах, может быть отмечено преобладание блюд с вертикальным бортом. Хорошо датируют слои находки голубой с рельефным орнаментом (на кашине) керамики и рейская роспись керамика. В отличие от времени караханидов, можно отметить усиление импорта в результате разгрома местных ремесленных центров.

Тимуридские слои городищ Шельджи (Талас), Ашлара (Чуйская долина), Атбаш (Тянь-шань), специально почти совершенно не изученные, насыщены монетами. Местами слои сохранились неплохо (Шельджи). В них преобладает неполивная керамика, особенно приземистые кувшины с широким цилиндрическим горлышком, покрытые светлым (белым или желтоватым) ангобом. Такого типа кувшины встречены и на кладбище в Кенбулуни (Кызылсу — Чуйская долина). На хумах и на крупных сосудах встречается орнамент в виде волнистой линии, заключенной между двумя параллельными линиями, прорезанный на вышеуказанной фактуре сосуда (Шельджи, Атбаш). Характерны массивные крупные сфероконусы желтоватого цвета, в отличие от более старых сфероконусов серо-синего цвета. Встречаются экземпляры сфероконусов без орнамента. Вообще этот тип сфероконусов орнаментирован бедно.

В тимуридских слоях встречается также китайская керамика минского времени, обнаруженная нами в виде целых сосудов в городище Шельджи на Таласе. В указанном городище встречена также и местная поливная керамика (светлая глазурь с редкими коричневыми и голубоватыми росписями то в виде бордюра с бегущей лозой, то в виде строенных косых штрихов). Следует учесть, что керамика тимуридского времени в Семиречье особого типа — это бытовой инвентарь военных гарнизонов и поэтому богатство тимуридской эпохи в ней не представлено.

К монголо-тимуридскому времени мы относим и случайные находки стволов подсвечников и бронзовые блюда с богатым геометризированным и растительным орнаментом, среди которого встречаются стилизованные изображения животных (птиц).

Таковы типические черты в археологических комплексах, которые мы охарактеризовали более подробно для ранних (дофеодальных) эпох и кратко для средневековья.

Какие бы ни были внесены уточнения и дополнения к классификации, ставшей возможной только после наших экспедиций в Семиречье, все же, надеюсь, она и в предлагаемом нами виде может послужить отправной точкой для создания археологии Средней Азии, поныне еще не существующей. Подобная же археологическая схема создана для Хорезма С. П. Толстовым. Однако богатый материал Согда — Мавераннахра и областей Средней Азии еще не обработан и не сведен, что, естественно, не может не тормозить темпов создания археологии Средней Азии. Этим мы определяли и характер настоящей статьи, взяв за основу типическое и важнейшее для каждого культурно-исторического этапа Семиречья.

В чисто историческом плане эти комплексы принадлежат трем этапам развития человеческого общества. Бронза — эпоха первобытно-

общинного строя. Начиная с сакской культуры (поскольку она тесно связана с ведущими центрами Средней Азии) — переход к античному, с сохранением до поздних усуней включительно военно-демократического облика. Переломным этапом является гуннское завоевание I в. до н. э., когда и на территорию Семиречья распространяется среднеазиатская античность. Наивысший расцвет ее для Семиречья — VI—VIII вв., после чего начинается формирование феодальных отношений, лишь к XI—XII вв. получающих свое классическое выражение.[1]

---

[1] Ср.: А. Н. Бернштам. Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет. ВДИ, 3, 1947.

И. И. ЛЯПУШКИН

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА.

(По материалам полевых исследований 1938, 1940, 1945 и 1946 гг. в бассейне р. Ворсклы)

В 1946 г. Днепровская левобережная археологическая экспедиция закончила сплошное обследование большей части бассейна р. Ворсклы (от с. Каменка Харьковской обл. до с. Переволочны), начатое в 1938 г. под руководством П. Н. Третьякова и продолженное нами в 1940, 1945 и 1946 гг. Результаты работы 1940 и 1945 гг. частично уже опубликованы, частично выйдут из печати в ближайшее время.[1]

В данной статье мы считаем необходимым не только ознакомить с работой 1946 г., но и поделиться некоторыми общими выводами, основанными на материалах, собранных за эти годы.

Не останавливаясь на раскопочных работах, проведенных на Полтавском поселении, результаты которых освещены в специальной статье, мы сосредоточим наше внимание на результатах разведки по маршруту г. Полтава — с. Переволочна (устье р. Ворсклы). Как и в предыдущие годы, сплошному обследованию были подвергнуты оба берега реки и нижнее течение ее притоков (реки Тагамлык, Кобелячка и др.). Археологические памятники, обнаруженные в обследованном районе, принадлежат к тем же трем хронологическим группам, какие отмечены и в бассейне среднего течения Ворсклы: 1) скифскому времени VII—II вв. до н. э. (памятники зольничной культуры); 2) II—IV вв. н. э. (памятники культуры «полей погребений»); 3) VIII—X вв. (памятники славянской культуры). Для II в. до н. э. — II в. н. э. и V—VII вв. н. э. никаких остатков оседлой жизни в обследуемом районе, как и на территории остальной части бассейна, не обнаружено. Кроме памятников эпохи железа встречен ряд поселений эпохи бронзы. Поскольку последние не являются предметом нашего исследования, мы на них останавливаться не будем.

Материалы, собранные при обследовании всех трех групп памятников, а также полевые наблюдения не содержат ничего нового по сравнению с материалами, собранными на поселениях среднего течения р. Ворсклы. В силу этого мы не считаем нужным еще раз подробно останавливаться на их характеристике и дадим лишь краткое их описание, а всех интересующихся этим вопросом отсылаем к нашим отчетам 1940 и 1945 гг.[2]

---

[1] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, вып. XII; он же, Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, XVII; он же, Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы, КСИИМК, XIX.

[2] КСИИМК, вып. XVII и XIX.

Памятники скифского времени, обнаруженные в районе нижнего течения р. Ворсклы, представлены поселениями-селищами. Наряду с селищами, содержащими в себе зольники обычного типа, округлые, слегка всхолмленные, характерные пятнами особой окраски по сравнению с остальной территорией, в обследуемом районе нами было осмотрено два селища (у хут. Паленая Балка и у Тараниева Яра) с зольниками-курганами, представляющие собою настоящие курганные поля. Первое селище (у хут. Паленая Балка) обследовано впервые, второе хорошо известно по работам М. Я. Рудинского. Высота некоторых насыпей достигает 1,5—2 м при диаметре 20—25 м. Лишь внимательное обследование поверхности насыпей и их окружения дает возможность разобраться в них и не принять за курганы в собственном смысле, как это сделал в свое время В. Е. Данилевич, раскопавший в бассейне верхнего течения р. Ворсклы зольничное поселение под видом курганов неолитической поры.[1] Всего по маршруту Полтава — Переволочна экспедицией было обследовано девять памятников, содержащих следы зольничной культуры, из них восемь ранее не известных. Семь памятников расположены на правом берегу и один на левом.

Правый берег: 1. Селище близ с. Супруновка Полтавского района;
2. Селище севернее с. Н. Млины Полтавского района;
3. Селище близ хут. Паленая Балка;
4. Селище близ хут. Паленая Балка (с зольниками курганного типа);
5. Селище близ хут. Ганджа Н.-Сенжарского района;
6. Селище близ с. Кунцево Н.-Сенжарского района;
7. Селище близ с. Н. Сенжары, у дома отдыха.

Левый берег: 8. Селище у с. Бойковки.

Основную массу материала, собранного при обследовании, составляют черепки глиняной посуды. Большая часть их принадлежит сосудам зольничной культуры: кухонным горшкам со щипковым орнаментом по краю венчика и налепному валику и сквозными отверстиями несколько ниже края венчика, лощеным мискам с венчиком, загнутым внутрь, лощеным сосудам с геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой, и некоторым другим формам. Небольшой процент составляют черепки античных амфор. Из других вещей следует отметить глиняные поделки в виде пряслиц или грузил.

Вторую хронологическую группу обследованных памятников составляют поселения культуры «полей погребений». По своему виду это также открытые поселения-селища, но только размещенные в несколько иных географических условиях. Они находятся в долине р. Ворсклы и ее притоков — на склоне первой надпойменной террасы, чуть-чуть выходя на ее плато и спускаясь к пойме. Экспедиция обследовала четыре неизвестных селища этой группы. Два из них на правом берегу (у с. Н. Сенжары и у с. Кобеляки) и два — на левом (у с. Писаревки и у с. Сухиновки). Кроме того экспедиция обследовала местоположение могильника этой культуры у с. Писаревки, случайно открытого весною 1946 г. при проведении хозяйственных работ. Экспедиция зафиксировала разрезы земляных выработок со следами могильных ям и собрала дополнительный вещевой (керамический) материал. Найдены также кости разрушенных костяков, свидетельствующие о том, что погребение совершалось по обряду трупоположения.

Как и поселения зольничной культуры, поселения «полей погребений» бассейна нижнего течения р. Ворсклы не дали ничего нового ни в отно-

[1] В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около с. Буд и хут. Березовки Ахтырского у. Тр. XII АС, т. I.

шении собранного керамического материала, ни в отношении характера самого поселения. Собранный материал состоит из черепков лепной и гончарной посуды. Первые немногочисленны и невыразительны. Ведущее место принадлежит черепкам гончарной посуды черняховского типа. Среди них есть и фрагменты римских амфор.

Самую позднюю хронологическую группу среди обследованных памятников составляют раннеславянские поселения — городища VIII—X вв., обнаруженные в районе с. Ст. Сенжары. Одно из них, известное по материалам, опубликованным В. Г. Ляскоронским под названием «Городок», расположено в 3—4 км к СВ от с. Ст. Сенжары. Второе, вновь открытое, — на северо-восточной окраине того же села возле колхозного двора. Материал, собранный на «Городке», невелик и маловыразителен, но черепки горшков подобного типа обнаружены и на смежном городище у с. Ст. Сенжары в комплексе с материалами ясно выраженной роменской культуры. Керамика обоих городищ исключительно лепная, раннеславянская. Следов великокняжеской поры, равно как и дославянской, на городищах не обнаружено.

Рассмотренные нами три группы поселений бассейна нижнего течения р. Ворсклы по своему культурному облику не стоят особняком среди памятников бассейна р. Ворсклы в целом. Совершенно аналогичные три группы поселений нами были выявлены в 1940 г. в бассейне среднего течения р. Ворсклы (Бельск — Полтава), в 1945 г. в бассейне р. Коломак (левый приток Ворсклы) и части среднего течения р. Ворсклы (район Полтавы). В 1938 г. в бассейне верхнего течения р. Ворсклы, от с. Каменка до с. Бельск, П. Н. Третьяков обнаружил те же группы поселений, за исключением поселений, относящихся к первым векам новой эры. Никаких других поселений для эпохи железа на территории обследованной части бассейна р. Ворсклы не было обнаружено. Таким образом, по своему археологическому облику Поворсклье в эпоху железа на всех этапах выступает как единое целое. Как к единому целому мы и пытаемся подойти к нему и при подведении некоторых итогов и напрашивающихся выводов.

Прежде всего следует остановиться на выяснении характера развития исторического процесса в эпоху железа в Поворсклье; попытаться проследить, насколько исконно сидело в этом крае обитавшее здесь в VIII—XIII вв. славянское население, хорошо известное нам по археологическим памятникам; выяснить отношение этого населения к предшествующему. Для решения этого вопроса имеются полевые наблюдения и собранный вещевой материал. Уже из изложенного выше вполне очевидно, что жизнь оседлого населения в крае на исследуемом хронологическом отрезке протекала далеко не прямолинейно, что в ней наблюдаются длительные перерывы. Для времени от VII—VI вв. до н. э. до монгольского завоевания в жизни местного оседлого населения прослеживается три следующих периода, не связанных между собой непосредственной преемственностью: первый — от VII до II в. до н. э. (скифское время), второй — от II до IV в. н. э. и третий — от VIII в. до монгольского завоевания (славяно-русский период). Для времени II в. до н. э. — II в. н. э. и V—VII вв. никаких следов поселений оседлого типа в течение всех лет нашей работы не было выявлено. Не известны они и из работ наших предшественников. Конечно, это вовсе не значит, что в указанное время жизнь совсем замирала в этой полосе.

Помимо ясно выраженных памятников оседлого населения (поселений) в Поворсклье есть еще одна категория памятников — курганы. В подавляющей массе они не связаны с памятниками оседлого населения (поселениями). Как правило, они расположены в удалении от поселе-

ний, в степных уголках (нижнее течение рек Коломака, Ворсклы). Мы не располагаем данными для их датировки (курганы не раскапывались), однако не исключена возможность принадлежности их как раз тому времени, когда в крае прекращалась жизнь оседлого населения.

Какова же взаимосвязь населения трех отмеченных периодов? Изложенное выше дает основание утверждать, что ни одна из рассматриваемых нами групп населения не стоит в непосредственной связи с другой.

Не имея, пока что, возможности нарисовать развернутую картину жизни населения Поворсклья, его быта и общественного строя, мы отметим лишь некоторые моменты ее развития в той мере, в какой это позволяет собранный нами материал.

С VII по II в. до н. э. территория Поворсклья была занята оседлым, сравнительно многочисленным населением. На линии протяженностью около 300 км выявлено около 50 поселений. Эта цифра должна быть увеличена не менее чем на 25% за счет невыявленных и разрушенных памятников. Если допустить, что каждое из поселений существовало третью часть времени существования всей культуры зольников (т. е. около 150 лет), то на каждый такой отрезок времени падает около 20—25 поселений (одно поселение на 12—15 км).

В конце I тысячелетия до н. э. (около II в.) жизнь этого населения в Поворсклье обрывается. Следы этой исчезнувшей из бассейна р. Ворсклы культуры, как нам кажется, отыскиваются за пределами Поворсклья, значительно севернее — в полосе собственно лесостепи, по линии Воронеж — Курск — Путивль. В нижних слоях ряда славянских городищ роменско-боршевской культуры (Б. Боршевское Воронежской обл., Гочевское Курской обл., Дроголевское городище у с. Волынцева б. Путивльского уезда) и на некоторых городищах собственно роменской группы в качестве «случайного» материала обнаружена лепная керамика — кухонные горшки со щипковым орнаментом по краю венчика и сквозными отверстиями несколько ниже его и серые, плохо лощеные миски. Изучение ее показало, что перед нами хорошо знакомая позднезольничная керамика. Не делая из этого какого бы то ни было окончательного вывода, можно предположить, что население Поворсклья, в силу каких-то причин в конце I тысячелетия до н. э. покинувшее его, несколько передвинулось к северу. Сложность решения данного вопроса заключается в том, что указанным материалом никто (в том числе и мы, несмотря на то, что провели не одно лето в той полосе) до сего времени не занимался и не интересовался ни датировкой, ни местом его среди других памятников, вследствие чего он не нашел соответствующего отражения в нашей археологической литературе. Б. А. Рыбаков, публикуя горшок такого типа,[1] датирует его III — IV вв. н. э., ничем не мотивируя своего положения.

Трудно сейчас указать, какими причинами могла быть вызвана предполагаемая выше передвижка населения Поворсклья к северу. Лишь в качестве догадки, опираясь на подобные явления последующей поры, имевшие место в той же полосе, можно указать на появление в этот период в южнорусских степях кочевников-сарматов, которые могли нарушить мирный труд оседлого населения и вынудить его отступить из пограничной полосы лесостепи и степи к северу, в собственно лесостепь.

После исчезновения населения, оставившего памятники зольничной культуры, оседлое население в Поворсклье прослеживается вновь лишь в памятниках культуры «полей погребений» II—IV вв. Нам известно в исследуемом районе пока всего шесть поселений и три могильника данной культуры. Все они расположены в пограничной

[1] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, № 1 (6), 1939, стр. 325.

полосе лесостепи и степи. Среди собранных материалов на поселениях этой культуры никаких следов преемственности от зольничной культуры проследить не удалось.

Судя по материалам исследованного могильника близ дер. Кантемировки,[1] есть основания полагать, что население, оставившее памятники культуры «полей погребений» типа Кантемировки, в своем дальнейшем развитии в какой то мере явилось одним из слагаемых в формировании населения VII—X вв. пограничной черты лесостепи и степи, создавшего так называемую салтово-маяцкую культуру. Не говоря уже о том, что памятники этих культур географически расположены в одной полосе (одни восточнее, другие западнее), в них можно подметить некоторые черты преемственности в обряде захоронения (катакомба), в гончарной посуде (форма, техника изготовления, орнаментация) и другом сопровождающем инвентаре.

Наш подход к решению вопроса о месте в историческом процессе населения, оставившего памятники культуры «полей погребений» в Поворсклье, расходится с сторонниками сплошного зачисления памятников этой культуры в славянские. Мы считаем, что сторонники такой точки зрения допускают одну весьма существенную ошибку, которая приводит их к неправильным выводам. За однообразными предметами украшения и керамикой, скрывающей за собой разноплеменное население громадной территории, они не замечают местных особенностей, свойственных населению различных районов, и зачисляют все население в единую этническую группу. Правда, вследствие плохой изученности памятников эти особенности не всегда улавливаются. В Кантемировском могильнике, относимом к той же культуре «полей погребений», благодаря высокой технике исследования местные особенности удается проследить хорошо и на этой основе найти место населения, оставившего могильник, в историческом процессе. Эти местные особенности дают основание выделить Кантемировский могильник из группы памятников культуры «полей погребений» типа Черняхово (Правобережная Украина), связываемых со славянской культурой, несмотря на наличие в нем ряда черт, свойственных этой группе.

Отсутствие непосредственной связи между населением, оставившим памятники «полей погребений» в Поворсклье, и славянским населением Поворсклья подтверждается археологическими памятниками последующей поры.

Оседлое население последнего, славянского периода, судя по таким известным памятникам, как Опошнянское городище, Полтавское, Старо-Сенжарское, Глинское, и некоторым другим, более северным, например Петровское, появилось здесь около VIII в. Это положение, в свое время выдвинутое П. Н. Третьяковым, нашло подтверждение в памятниках, исследованных нами.

Но, отрицая генетическую связь между населением, оставившим памятники типа «полей погребений», и появившимся здесь в VIII в. славянским населением (так называемыми роменцами), П. Н. Третьяков тем самым вовсе не отрицал этнического родства между ними. Он утверждал, что население, оставившее памятники типа «полей погребений», было также славянским, но только южной группой восточного славянства, этнически оформившейся значительно ранее, чем группа северных славян, к которой он относит и пришедших сюда «роменцев».[2]

---

[1] Михайло Рудинський. Кантамирівські могили римської доби. Зап. всеукр. археолог. ком., т. I, Київ, 1931.

[2] См.: П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. МИА СССР, вып. 6.

Основные положения П. Н. Третьякова о культуре «полей погребений» сводятся к следующему:

1) «. . археологический материал как будто бы свидетельствует об автохтонности населения, оставившего „поля погребений" Среднего Поднепровья».[1] В эту территорию Среднего Поднепровья П. Н. Третьяков включает и исследуемый нами район Полтавщины.

2) «. Неизвестно, что следует за культурой „полей погребений", какой материал заполняет трехвековой промежуток между „полями" и памятниками эпохи возникновения Древней Руси». . . . «Единственно, на что можно опереться, пытаясь подойти к решению вопроса о дальнейшей судьбе населения „полей погребений", — это мнение В. В. Хвойка о генетической связи этого населения с населением средневековой Руси, что было установлено им на основании изучения многочисленных городищ».[2]

Свои положения П. Н. Третьяков заключает выводом: «Следовательно, огромный этнический массив, занимавший Среднее Поднепровье в начале и середине I тысячелетия н. э., сложившийся в предыдущие столетия из многочисленных скифских земледельческих племен и их ближайших соседей, проблематично можно рассматривать как массив древнеславянский».[3]

Не знаем, в какой мере изложенные выше мысли П. Н. Третьякова в отношении населения, оставившего памятники «полей погребений», найдут подтверждение в конкретном археологическом материале Правобережья и северной полосы Левобережья. В свете данных, собранных нами в исследуемом районе Левобережья, они не отражают действительности и нуждаются в пересмотре. Как мы показали выше, культура «полей погребений» нашего района не имеет непосредственной связи с культурой населения скифской поры (так называемой зольничной). П. Н. Третьяков заявляет: «По утверждению В. В. Хвойка, которое никем не было опровергнуто, культурные остатки эпохи „полей погребений" имеются на многих среднеднепровских городищах, восходящих к скифской поре».[4] Насколько верны эти доводы в широком плане, мы не беремся судить. Возможно, на Правобережье подобные факты и наблюдаются. Что же касается исследуемого нами района, то здесь ни на одном поселении скифской поры (а нами было обследовано около 40 поселений, в том числе 5 городищ) никаких следов культуры «полей погребений» встречено не было. Никаких признаков преемственности культуры «полей погребений» от зольничной культуры не нашли мы и в материалах поселений культуры «полей погребений». Но даже если на городищах скифской поры наблюдались бы отложения культуры «полей погребений», или какой-либо другой более поздней культуры, значит ли это, что они непременно должны стоять в генетической связи? Поучительны в этом отношении материалы, собранные при раскопках Полтавского поселения летом 1946 г.[5] Полтавское поселение содержит остатки двух культур — зольничной и славянской. Взаимоотношение этих культур до раскопок 1946 г. было не ясно. Раскопки 1946 г. показали, что зольничная и славянская культуры не стоят в непосредственной преемственной связи. Между тем мы знаем, что ряд исследователей, как и В. В. Хвойка, исходя из многослойности поселений, утверждают непосредственную преемственность одной культуры от

---

[1] П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 10.
[2] Там же, стр. 11.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 10.
[5] И. И. Ляпушкин. Раннеславянское поселение VIII—XIII вв. на территории Полтавы. Киев, 1949.

другой. Наиболее ярко эта мысль в отношении исследуемого нами района выражена у В. В. Мавродина.[1]

Итак, материалы Поворсклья ясно свидетельствуют, что население этого района, оставившее памятники «полей погребений», не стоит в непосредственной связи с населением зольничной культуры. Между ними должно стоять еще одно неизвестное нам пока звено.

В свете археологических данных, собранных нами, не может быть принято и заключительное положение П. Н. Третьякова — проблематично рассматривать население, оставившее памятники «полей погребений», «как массив древнеславянский». Здесь мы считаем необходимым подчеркнуть еще раз, что речь идет о населении, оставившем памятники «полей погребений» лишь на территории исследуемого нами района, в силу чего сделанные нами выше выводы ни в какой мере не относятся ни к Правобережью, ни к северным районам лесостепи Левобережья, где культура «полей погребений» имеет свои особенности и исторический процесс протекал, повидимому, несколько иными путями.

В связи с вопросом появления в исследуемом нами районе в VIII в. славянского населения (так называемых роменцев), этой третьей группы оседлого населения изучаемого периода, считаем необходимым остановиться и еще на одном положении П. Н. Третьякова, которое неверно отражает исторический процесс в крае. Речь идет о наличии в Поворсклье местного славянского населения (южной ветви) накануне заселения в VIII в. края славянами пришельцами («роменцами»). П. Н. Третьяков так формулирует свое положение: «В результате заселения пришельцами берегов Сулы, Ворсклы и, возможно, других смежных районов северные области отнюдь не лишались сплошного населения, не пустели, а н а с е л е н и е ю ж н ы х р а й о н о в н е о т с т у п а л о п е р е д п р и ш е л ь ц а м и (разрядка наша, — *И. Л.*). Это была, повидимому, передвижка к югу, своего рода волна, лишь незначительно переместившая восточнославянские племена, мало изменившая этнографическую карту, особенно на севере. Но эта волна глубоко отразилась на процессе этногонии. Подвижка способствовала консолидации не только северных племен, но и всех восточнославянских племен, ранее распадавшихся на две обособленные группы: северную и южную».[2]

Мы не будем касаться здесь вопроса о консолидации восточного славянства в целом, затронутого П. Н. Третьяковым. Это большая и сложная тема (о двух этапах этногенеза восточного славянства). Мы остановимся лишь на одной его стороне, отмеченной нами выше, — о наличии в Поворсклье в VII—VIII вв. южной ветви славян, более высокой по своей культуре, чем северная, накануне прихода славян «роменцев».

Как уже отмечалось, собранные материалы вполне подтверждают тезис П. Н. Третьякова, что в Поворсклье около VIII в. появляется славянское население, оставившее памятники так называемого роменского типа, причем ни на одном славянском («роменском») поселении Поворсклья, как утверждает П. Н. Третьяков и что подтверждают собранные нами материалы, «не было встречено под роменским слоем никаких культурных остатков предшествующих VII—VIII в. н. э.».[3] Другими словами, П. Н. Третьяков утверждает здесь, что «роменцы» заняли в бассейне Ворсклы места, свободные от населения. П. Н. Третьяков не дает прямого ответа, в силу каких причин создалось такое положение: или в Поворсклье в это время не было оседлого населения и «роменцы» оказались

[1] В. В. М а в р о д и н. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 55 и др.

[2] П. Н. Т р е т ь я к о в, ук. соч., стр. 34.

[3] Там же, стр. 32.

хозяевами в полном смысле слова и селились где хотели, или же население здесь было, но «роменцы» не хотели смешиваться с аборигенами? Но если вдуматься в содержание приведенной выше цитаты, то ответ можно найти. Он прямо отмечает, что «. . . население южных районов (т. е. Посулья и Поворсклья. — *И. Л.*) не отступало перед пришельцами»,[1] — значит оно было. На чем основан вывод П. Н. Третьякова? Какие памятники имеет он в виду, когда говорит о населении VI—VII вв. в Поворсклье? В работе П. Н. Третьякова этих обоснований мы не нашли, а имеющиеся соображения, относящиеся к характеристике указанного периода, говорят о картине прямо противоположного порядка. Мы уже приводили выше в другой связи одно место из рассматриваемой работы. Приведем его еще раз. «Неизвестно, что следует за культурой „полей погребений", — пишет П. Н. Третьяков, — какой материал заполняет трехвековой промежуток между „полями" и памятниками эпохи возникновения Древней Руси. Отдельные вещи этой эпохи, происходящие из случайных находок или старых раскопок, не могут послужить основанием для каких-либо серьезных выводов. Единственно на что можно опереться, пытаясь подойти к решению вопроса о дальнейшей судьбе населения „полей погребений", — это мнение В. В. Хвойка о генетической связи этого населения с населением средневековой Руси, что было установлено им на основании изучения многочисленных городищ».[2] Нам кажется, что приведенные выше материалы Поворсклья не подтвердили мнения В. В. Хвойка в отношении исследуемого нами района, и тем самым рушится та «единственная опора», за которую держится П. Н. Третьяков.

Мы должны были задержаться на разборе некоторых положений П. Н. Третьякова в отношении понимания исторического процесса в Среднем Поднепровье I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. в свете изученных нами материалов применительно к Поворсклью. Хотя взгляды П. Н. Третьякова изложены в общей схематической форме, часто без должного обоснования, работа, как известно, посвящена северным восточнославянским племенам и Среднее Поднепровье рассматривается лишь как введение, все же пройти мимо них нельзя, ибо они нашли широкий отзвук в нашей научной среде, в частности в Ленинграде.[3] В нашем разборе, исходя из источников, мы стремились показать, что Среднее Поднепровье нельзя брать как единое целое, что исторический процесс в разных районах Среднего Поднепровья и даже одного Левобережья протекал, повидимому, далеко не однообразно, в силу чего отдельные положения и мысли П. Н. Третьякова, высказываемые по отношению ко всему Среднему Поднепровью, не отражают истинных исторических событий, протекавших в отдельных районах, и, в частности, в исследуемом нами районе.

Но вернемся к рассмотрению последующих событий в жизни Поворсклья, как они вырисовываются в свете изложенных материалов.

К концу IV в. теряются следы жизни населения «полей погребений». В рамках исследуемого района мы не находим ответа на вопрос: что стало с обитателями долины р. Ворсклы и ее притоков. Лишь в памятниках более поздней поры (VII—IX вв.), так называемой салтовской культуры, как будто отыскиваются некоторые отзвуки культуры «полей погребений» Поворсклья: катакомбный обряд захоронения типа Кантемировки, керамика. Вот и все. Требуется много поработать в поле, прежде чем можно будет сказать, насколько верны или неверны наши предположе-

[1] П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 34.
[2] Там же, стр. 11.
[3] В. В. Мавродин, ук. соч.; он же. Образование древнерусского государства. Л., 1946.

ния. Мы подчеркиваем «в поле», — это первое условие. Мы совершенно не знаем, насколько Кантемировский памятник является типичным для левобережных «полей погребений», а других исследованных памятников этой культуры здесь пока нет. Исчезновение культуры «полей погребений» падает на то время, когда в южнорусских степях прокатилась грозная волна гуннского движения, вслед за которой последовали новые, не менее тяжелые по своим последствиям, волны кочевников Азии.

Лишь с наступлением в степях затишья около VIII в., в связи с образованием Хазарского каганата, в Поворсклье вновь появляется оседлое население, на этот раз в лице народа, этнический облик которого имеется возможность определить на основе археологических памятников со всей полнотой. Это восточные славяне, так называемые роменцы. Мы не беремся сейчас отвечать на вопрос, откуда передвинулось славянское население в Поворсклье, ибо ответ на него лежит за пределами края, над которым мы сейчас работаем. Это сложная тема, связанная опять-таки с большими полевыми изысканиями.

Следует отметить, что ответ на этот вопрос, предложенный П. Н. Третьяковым,[1] не обоснован, он требует дополнительной аргументации. Как известно, П. Н. Третьяков считает, что население северо-восточных районов Левобережной Украины VIII—X вв., оставившее археологические памятники в виде городищ роменского типа, передвинулось в эти районы с севера (с Десны). Одно из главных доказательств этого положения он видит в материалах из курганов у с. Буд и хут. Березовки, раскопанных В. Е. Данилевичем, которые он характеризует следующим образом: «Инвентарь курганов у с. Буд и хут. Березовки имеет, повидимому, деснинское происхождение. Здесь встречена грубая лепная посуда в виде плоскодонных горшков и, наконец, тарелок. Сосуды орнаментированы по венчику сквозными отверстиями, ямками и ногтевидными вдавлениями. Обрезу венчика приданы волнообразные очертания. Все эти черты характерны для керамики деснинских городищ VII—VIII ст., лежащей в основании роменского слоя. Не противоречат этой дате и деснинскому происхождению найденные здесь обломки керамики с черной лощеной поверхностью, которая, как мы уже знаем, имела в эту эпоху широчайшее распространение в среде восточнославянских племен. Наиболее ярким материалом, говорящим о деснинском происхождении населения, оставившего эти курганы, являются найденные здесь многочисленные глиняные блоки, загадочные глиняные изделия деснинских городищ, конической, биконической, округлой и других форм».[2]

Мы не будем останавливаться подробно на разборе только что цитированных положений П. Н. Третьякова. Это сделано нами в другом месте.[3] Выводы, к которым мы пришли, сводятся к следующему:

1. Керамика, поделки из глины и весь остальной материал, добытый при раскопках курганов у с. Буд, является типичным материалом позднезольничных поселений и ничего общего с материалами деснинских городищ (исследованных Гатцуком и Левенком), что давало бы основание для установления генетической связи между этими двумя группами памятников, не имеет.

2. Характер материала, добытого у с. Буд, и строение раскопанных «курганов» позволяют утверждать, что В. Е. Данилевич раскопал

---

[1] П. Н. Третьяков, ук. соч.

[2] Там же, стр. 33.

[3] В докладе «Итоги полевых исследований 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них». Краткое содержание доклада см.: Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение истории и философии. Изд. АН СССР, М. — Л., 1947 г., стр. 82—84.

у с. Буд не курганы с трупосожжением неолитической поры, как лично он предполагал, и не славянские курганы VII—VIII вв., как утверждает П. Н. Третьяков, а самое настоящее поселение позднезольничного типа (IV—II вв. до н. э.) с зольниками курганной формы. Поселения-зольники этого типа широко распространены в бассейне р. Ворсклы. Из наблюдений 1946 г. укажем на селища такого типа у хут. Паленая Балка и у Тараниева Яра.

В свете этих данных утверждение П. Н. Третьякова о деснинском происхождении «роменцев» теряет почву и требует новых доказательств. Мы вовсе не хотим отрицать передвижку «роменцев» с Десны. Однако если основываться на материале, только что проанализированном нами, то из этого логически следует: 1) если роменская культура сложилась на базе культуры типа вскрытой в так называемых курганах у с. Буд, то территорией ее сложения должна быть не Десна, где памятники этой культуры не известны, а лесостепная полоса; 2) если же настаивать на деснинском происхождении роменской культуры, то истоки ее (генетические) следует искать не в культуре типа вскрытой в так называемых курганах у с. Буд (позднезольничной), которая не имеет никакой связи с Подесеньем, а в какой-то иной, присущей Подесенью в VI—VII вв. В этом мы окончательно убедились, просмотрев материалы Деснинской экспедиции 1946 г., любезно предоставленные М. В. Воеводским.

Трудно поддается освещению и жизнь славянского населения в Поворсклье от VIII до XIII вв. (т. е. до монгольского нашествия): была ли это одна непрерывная линия развития или в этот период жизнь здесь иногда прерывалась. По некоторым данным есть основания полагать, что славянскому населению приходилось не раз оставлять насиженные места. Повидимому, падение Хазарского каганата вновь усилило активность кочевников (печенегов, половцев), и Поворсклье — как район, прилегающий непосредственно к степям, — было наводнено ими. Попытаемся напомнить некоторые факты из истории славянских поселений как Поворсклья, так и смежных, прилегающих с востока районов. Как известно, в VIII в. пограничная полоса между степью и лесостепью (по линии Воронеж—Харьков—Полтава) была заселена славянскими племенами «роменцами». Археологическое исследование ряда поселений в районе Воронежа (Б.-Боршевского, М.-Боршевского, Шиловского, у Кузнецовой дачи, у Михайловского кордона), а также в бассейне р. Ворсклы (Петровское, Опошнянское, Полтавское) показывает, что жизнь на большинстве из них длилась недолго—одно-два столетия. Основная масса прекратила существование в X в. Повидимому, оседлая жизнь в этом районе была возможна, пока юго-восток находился под контролем Хазарского каганата. В X в. под ударами войск Святослава Хазарский каганат теряет значение на юго-востоке, и пограничная полоса степи и лесостепи оказывается во власти кочевников. Известно, что в этот же период, VII—X вв., в той же полосе, но только со стороны степи, существовали поселения салтово-маяцкой культуры (Маяцкое городище, Саловка, Салтово и некоторые другие). Возникнув в VII—VIII вв., они прекратили свое существование также в X в., т. е. одновременно со славянскими и, вероятнее всего, по одним и тем же причинам.

Однако не на всех славянских поселениях, возникших в этой полосе в VIII в., жизнь прекращается в X в. На некоторых из них (Донецкое, Ницаха, Петровское, Глинское, Полтавское) прослеживаются и более поздние следы обитания — XI—XIII вв. К сожалению, небольшой объем раскопочных работ и не всегда хорошо поставленная полевая документация не позволяют проследить, как протекала жизнь на этих поселениях. Судя по раскопкам Петровского городища (П. Н. Третьякова

Поселения эпохи железа в бассейне р. Ворсклы (схема).

1938 г.) и Полтавского (наши раскопки 1946 г.), культурные отложения XI—XIII вв. как будто не стоят в непосредственной связи с отложениями VIII—X вв. При раскопках Полтавского поселения (1946) выявлено, что на развалинах землянки роменской культуры (VIII—X вв.) была сооружена землянка XI—XII вв., причем строители последней, повидимому, не знали о существовании на этом месте землянки в прошлом. Об отсутствии единой линии в развитии славянской культуры, по данным раскопок 1946 г., говорит и отсутствие преемственности в развитии керамики, а также и некоторых других элементов культуры этих двух периодов в жизни населения. Небольшой объем работ на Полтавском поселении не дает оснований делать какой-либо окончательный вывод, но в свете всего изложенного можно предполагать, что и Полтавское и Петровское поселения, а может быть и некоторые другие, существовавшие в период VIII—XIII вв., не шли в своем развитии непрерывной линией, а неоднократно оставлялись и вновь заселялись в зависимости от состояния жизни в степной полосе. Это предположение, как и ряд других, изложенных выше, требует дальнейшего изучения непосредственно на полевых материалах. Только накопление фактов даст возможность осветить сложную историю края, на протяжении многих веков находившегося под непрерывным воздействием двигавшихся в степях кочевнических народов.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректор *Л. А. Ратнер*

*

РИСО АН СССР № 3205. Подписано к печати 23 V 1949 г. Печ. л. $24^{3}/_{4}$ + 17 вклеек. Уч.-изд. л. 35,04 М-15470. Тираж 2000. Заказ № 1306.

1-я Типография Издательства
Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, 12